

D
5/6.

№ 1663

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОТДЕЛ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО

ТРУДЫ

ГОСУДАРСТВЕННОГО

КОЛОНИЗАЦИОННОГО

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО

ИНСТИТУТА.

02401
11/11/41

т. I.

263

МОСКВА

1924.

110

DN

12/10

~~0120~~

Пути колониционного строительства.

В своей речи на открытии всероссийской конференции по изучению производительных сил страны, председатель Госплана Г. М. Кржижановский высказал, между прочим, следующую мысль: еще, лет десять тому назад, представление о „русском“, особенно имевшем какое-либо отношение к официальной русской власти, представлялось синонимом „самой могучей контр-революционной силы, которая тяготела над всем миром“. Теперь же, всюду за пределами Советской России на русского смотрят как на „яркого носителя революционного движения“.

В тесной связи с переоценкой этого основного понятия и вслед за ним, казалось бы, следовало ожидать перемены взглядов на целый ряд других понятий и представлений уже, так сказать, вторичного, производного порядка. К числу этих последних надлежит отнести и понятие „колонизация“. Тем не менее последний термин и до сего времени представляется до такой степени одиозным, что в некоторых частях страны от употребления его настоятельно рекомендуется воздерживаться.

Такое отношение к „колонизации“ сложилось у населения колонизируемых районов в результате многовекового их опыта.

Наиболее типичными районами нашей российской колонизации является Сибирь. Как шло ее заселение? Оно шло, прежде всего, в интересах только засельщиков, позже—в более определенно выраженных и исключительных интересах „метрополии“, т.е. „России“ (Европейской).

С 20-х годов XVII века бассейн реки Лены прославился, например, своими громадными богатствами, и туда отовсюду начали притекать „служилые люди“. „Пристав под которою землецею, приманивали тех землиц людей торговать и имали у них жен и детей, и животных, и скот, грабили и насильства им чинили многие, и от государства высокие руки тех диких людей отгоняли, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого богатства малое“.

Первоначальные сибирские городки были защищенными, вооруженными артиллерией лагерями—на случай „шалости“ среди туземцев. И много позднее еще сибирские воеводы и губернаторы чувствовали себя господами положения. Это были времена, когда енисейский губернатор раз'езжал по городу в экипаже, запряженном провинившимися чиновниками, когда по приказу губернаторов поролли даже протопересв. Легко представить себе, каково могло быть тогда положение туземцев и русских крестьян. Монастыри отнимали у них земли, а самих их либо прогоняли, либо превращали фактически

в крепостных. Для постройки частных заводов тысячами сгоняли их за сотни верст, а чтобы не сбежали, держали на цепи или в кандалах. Экспедиции таких искателей приключений, как Хабаров, сопровождались жесточайшими избиениями туземцев. Крестьян кнутом заставляли садить коноплю и запрещали сеять табак, а туземцев тем же способом принуждали переходить к земледелию. И те и другие обязаны были удобрять пересыщенную питательными веществами девственную сибирскую почву. Купечество сибирское не только добывалось монополией на промыслы, на пути сообщения, на право взимания внутренних пошлин, но оно добывалось и введения крепостного права. Туземец для купечества представлялся особенно выгодным объектом эксплуатации. Ведь еще накануне проведения Сибирской железной дороги торговцы скотом ухитрялись за ряд безделушек, общей стоимостью в 28 копеек, приобретать от инородцев 81 быка. А оспа, тиф, сифилис, с которыми русские столь близко и столь основательно познакомили сибирских туземцев? Из Охотска оспа завезена была в 1767 г. даже на Камчатку, а оттуда на Амурские и Курильские острова. Вымирали целые племена туземцев.

Вплоть до самой мировой войны и революции, „колонии“ в частности существовали почти в интересах „метрополии“, рассматривались как домены последней. Местные потребности, местные интересы, местные стремления к повышению уровня материальной и духовной культуры совершенно не принимались во внимание метрополией.

Переселение с одного места на другое не выдуманно человеком. Оно всегда играло очень большую роль в жизни земных организмов: спасало их от гибели, наводило на „улучшение“ организации индивида и общества в смысле выработки новых форм приспособления к условиям их жизни и пр. Основным стимулом к перемене местожительства у человека, как и у других животных, всегда являлось и до сего времени является увеличение населения, образование избыточных „ртв“, ведущее либо к необходимости перемещения в новые, менее насыщенные еще населением местности, либо к переходу к более высоким технически, организационно, формам производственного труда. Так как первое не сопровождается необходимостью преодоления привычного бытового и хозяйственного уклада, требует меньших затрат внутренней и внешней форм энергии, меньшего времени, не связано с наличием достаточного капитала и более квалифицированного кадра техников и организаторов, то естественно, что такое переселение представляется простейшим способом удовлетворения нарастающих потребностей, вызываемых увеличением населения.

С ростом государственной власти, с выделением национальных государственных организмов и борьбой их за первенство, национально-политические мотивы получают самостоятельное значение, все больше и больше базируясь на развитии торгового и финансового капитала, ищущего для себя рынка за пределами метрополии. Борьба за колонии становится лозунгом империализма, его жизненным условием и основным рычагом дальнейших завоеваний. Колонии получают характер подсобного и служебного хозяйственно - политического аппарата метрополии.

В соответствии с этим, самое понятие „колония“ получается у европейских теоретиков колонизации как лежащая за океаном территория, служащая „хозяйственным и империалистическим целям“ метрополии (Цепфль). Такое определение, в свою очередь, естественным путем ведет к тому, что под представление о колонии начинают

подходить и такие опорные торговые и военные базы, как Мальта, Гибралтар и др.

Характерно предложенное в свое время Хюббе-Шлейденом различие „колонизации“ от „культивации“, при чем последний термин переводился им на немецкий язык словом „Ausbeutung“, недалеким от русского „грабления“.

В научной литературе по колонизации и до сего времени пользуются правом гражданства классификации колоний, выдвинутые в свое время Джемсом Миллем, Рошером и др., различающие „торговые“, „заселяемые“ и „эксплуатируемые“ (т.-е. эксплуатирующие труд туземцев). Иногда, как особый вид (или подвид торговых) различаются еще „посредническо-торговые“ колонии и др.

Для характеристики господствующих и в научной литературе взглядов на „природу“ колоний весьма показательно то обстоятельство, что попытки внесения в классификационную схему хозяйственно-производственных признаков современными теоретиками колонизации отвергаются. Так исчезло старое различие „горнопромышленных колоний“: так оказалось непринятым недавнее деление Рейнша на „торговые“, „земледельческие“ и „индустриальные“ колонии.

Подход, отправляющийся не от интересов той или другой, объединенной в национально-политическое тело, группы человечества, борющейся за право исключительной или преимущественной эксплуатации не только всей природы, но и всего остального человечества; подход, отправляющийся от интересов человечества как целого, от интересов тех слоев, которые составляют движущий культуру человечества в целом основной механизм его, т.-е. организованные в авангардные армии рабочие массы и кадры квалифицированных и ученых техников и организаторов производства, — такой подход диктует совершенно иное отношение к проблеме колонизации и к установлению возможных типов ее.

Для человечества в целом нет на земной поверхности ни метрополий, ни колоний; вся она представляет для него единое „жилище“ (Рихтер), единую „арену питания“ (Оппенгеймер).

Чем рациональнее и полезнее в интересах человека будет использована эта арена, тем больше — количественно — и тем лучшего — качественно — человека будет на земле, тем выше поднимется уровень человеческой культуры.

Государство — хозяин; поскольку оно солидаризируется не с интересами эксплуатирующих, а с интересами эксплуатируемых, поскольку оно, далее, берет на себя роль хозяина и организатора народно-хозяйственной жизни страны, постольку государство не может исходить из каких-либо иных соображений, кроме диктуемых интересами человечества в целом.

А если так, то всякая территория земной поверхности, по какую бы сторону океана она ни лежала, должна рассматриваться в себе, учитываться как достояние человечества, оцениваться (таксироваться) и поступать возможно скорее в оборот, как производственная ценность.

Колонизация должна преследовать цели оптимально осуществимого использования этой ценности, ее природных богатств и всех хозяйственных особенностей. К этому должна сводиться вся колонизационная политика государства и все ее отдельные моменты и мероприятия принципиального, технического и хозяйственного порядка.

Классификация колоний, в свою очередь, должна также в полной мере отображать указанный подход. Мотивы „ограбления“, „истощения“, эксплуатации человека должны быть совершенно устранены из поля зрения колонизационной политики государства. Соответственно с результатами научно-технической оценки (таксации) всего комплекса производительных сил и ресурсов той или другой территории, последняя должна быть разбита на районы, „районирована“, по числу имеющихся в ней отдельных хозяйственно-производственных областей, с установлением относительной ценности и порядка очередности их заселения, с определением норм земельного наделения отдельных хозяйственных единиц.

В виду чрезвычайной пестроты в понимании „колонизации“, необходимо наметить хотя бы самые общие контуры понятия о ней.

Под колонизацией надлежит понимать взятие необжитых или весьма слабо обжитых территорий под культуру вообще или под новую культуру, приносимую сюда колонистами. Колонизация расширяет площадь используемой человеком в своих интересах поверхности земли, вводит в производственный оборот новые запасы естественных производительных сил. Колонизация связана, далее, с переменою техники и организации производственного труда в пределах колонизируемых пространств и, как правило, с ростом и усложнением технических и организационных приемов и форм его.

От переселения колонизация отличается тем, что первое в основе своей стремится быть и часто бывает лишь перемещением части населения с одного места на другое, из районов более уплотненных или „высокого давления“, в районы менее уплотненные—с „низким давлением“ населенности. Такое перемещение может быть ни в какой мере не связанным с изменением обычных для мест населения (нередко тоже достаточно обжитых и уплотненных) производственных форм и тенденций.

Переселение может происходить как регулированно, так и стихийно и самочинно. Таковым оно было в прошлом, таковым хотя и со все более сильным уклоном в сторону упорядочения его, остается оно и до наших дней.

Что касается колонизации—в современных условиях человеческого общежития она должна мыслиться только как определенно регулируемая государством, только как совокупность мероприятий плановой государственной политики.

Так называемое „переселение“ в Сибирь было частью переселением, частью колонизацией. Большинство переселенцев из метрополии стремились получить „мягкие земли“, т.-е. введенные уже в культуру старожильским населением, на которых они хозяйничали так же, как это последнее. Совершенно естественно, что такое стремление „новоселов“ встречало то большее, то меньшее сопротивление со стороны коренного населения, выливавшееся то в чрезвычайно острые, то в длительные, хронические формы взаимной неприязни.

Туземцы—большую часть кочевники и полукочевники—собственно колонизируемых районов, с своей стороны, могли противопоставить „переселенцам“ много меньшее, мало реальное сопротивление; зато самый процесс колонизации, „обживания“ девственных территорий, предъявлял к колонистам гораздо большие требования.

Когда около четверти века тому назад началась постройка Великого Сибирского пути, население Сибири в массе своей встретило ее очень недружелюбно. Железная дорога нарушала обычный строй хозяйства, привычный бытовой уклад; она лишала значительные

группы населения традиционного промысла—извоза и ямщичества; она угрожала большим наплывом чуждого местному „российского“ переселенческого элемента. Теперь, спустя 25-летие, мы имеем возможность оценить огромное влияние железнодорожного пути на хозяйство самой Сибири, несмотря на то, что при колонизации последней очень мало думали специально об ее, Сибири как таковой, интересах. За последние перед войною годы посевная площадь Сибири увеличивалась ежегодно на 1 миллион десятин (50 милл. пудов хлеба!). Вывоз хлеба из нее с 5 милл. пудов возрос до 150 милл.; вывоз масла к 1914 году достиг 5 милл. пудов на 75 м. рублей, т.-е. на вдвое большую сумму, чем та, на какую Россия добывала у себя золота. Уже в 1913 г. Сибирская железная дорога работала с чистой прибылью в 13 милл. рублей.

Нельзя, однако, того же утверждать, как уже отмечено в начале этой статьи, в отношении колонизации. Последние годы дали нам целый ряд примеров „разрушения машин“, когда на место разрушаемых культурных оазисов, созданных руками „колонистов из метрополии“, заводилось вновь „первобытное“, полукочевое хозяйство туземцев. Приходится еще прокладывать дорогу аксиоме, гласящей, что никакому государственному образованию—ни большому, ни малому—нельзя навсегда застыть в раз достигнутых формах производственного труда, культуры и общежития. Чтобы жить, оно должно развиваться, идти вперед. А это значит—все в больших размерах пользоваться „машинной“, наукой, улучшать технику и организацию производства; это значит заменять труд человека машиной—от железнодорожной и паровой до фабричной и сельскохозяйственной; это значит все более и более улучшать обстановку труда и производства, заменять природную среду их все более и более искусственной.

Заменяя труд человека, замещая человека, машина (фабрика) разрежает от него густонаселенные (сельские в метрополии) местности и как бы уплотняет им малозаселенные, делает возможным и выгодным быстрое их заселение и трудовое освоение их естественных производительных сил.

Наука в целом, и производное ее, машина в частности, дают возможность вести культуру в сторону от избитых стихийных, торных путей китайской, европейской и даже американской культуры, пробивать в последних, в интересах повышения уровня человечества, новые каналы, туннели, проводить виадуки, подвесные дороги, густить воздушную сеть человеческой связи.

Мы должны с корнем вытравить старые империалистические клеимы: „колония“, „колонизация“. Понятие „колонизация“ должно изменить свое содержание, так как ему надлежит вместить в себя представление о том, что не навязывается извне и более или менее насильно иными интересами, а что вытекает из потребностей самих окраин или колонизационных районов вообще, что имеет согласовать эти потребности с общегосударственными интересами в целом, с интересами союза всех федеративных республик, с интересами всего трудящегося человечества, стремящегося жить не по заветам, традициям и инерции прошлого, без знакомства с настоящим и без перспектив будущего, а учитывая и прошлое, и настоящее в интересах строительства лучшего будущего.

Эта огромная, нужная и благодарная задача, в новом, порожденном революцией, мировом масштабе, требует специального, большого, систематического внимания и углубленного научного изучения.

Нужно продумать—не в масштабе только той или другой государственной ячейки, а в международном масштабе—пути новой колонизации и все тесно связанные с нею сложные и деликатные вопросы—земельный, национальный, хозяйственно-бытовой (кочевое, скотоводческое хозяйство и др.) и т. д. Надлежит создать отсутствующий у нас кадр научно-подготовленных специалистов в области экономики, техники и организации хозяйства и политики иностранных колониальных стран и таких же знатоков наших собственных окраинных областей. Требуется наметить хотя бы самые общие основные контуры той новой культуры, на создание которой направлено будет внимание государства-хозяина. Необходимо установить и реальный подход к осуществлению первых этапов нового пути колонизации и новой культуры.

История подняла нас выше, чем может поднять европейца или американца их самый рекордный на высоту аэроплан. Но это высокое положение обязывает нас сказать остальным, что видно с высоты, обязывает перед той же историей, ведущей туда же ввысь все человечество.

Изложенные выше мысли легли в основание возникшего 26 месяцев тому назад Государственного Колонизационного Научно-Исследовательского Института. Как всякий новый организм, лишенный родовой поддержки, он должен был это время употребить, главным образом, на самоутверждение и самоукрепление в жизни.

Колонизационный институт (Госколонит) более всего заинтересован как раз в том, чтобы возможно резче отгородиться от старого, принять все меры к тому, чтобы на него не перешли марка, фирма и вывеска старой „колонизации“. Борьба за это едва не стоила ему жизни. Дальнейшее его существование тесно связано с отношением государства к вопросу о выработке „хозяйственно-организационного плана“ для отдаленных от „усадеб“ земель, с отношением государства к проблеме колонизации и культуростроительству в выше очерченных обеме и значении.

Перед Госколонитом огромное число задач,* выдвигаемых самою жизнью.

Союз Советских Республик располагает обширными массивами свободных территорий, входящих в состав государственных земельных имуществ и предназначенных для того или иного хозяйственного использования. Правильная постановка этого использования возможна, очевидно, лишь после предварительного выяснения хозяйственного назначения каждого массива в отдельности, согласно присущим ему особенностям и требованиям народного хозяйства. Разработка проблемы хозяйственного назначения Государственных Земельных Имуществ и в особенности наиболее целесообразных способов вовлечения их в хозяйственное использование является несомненно одним из важных первоочередных заданий Госколонита.

О постановке колониционных и миграционных проблем в России.

Очень давно сказано, что „история России есть история страны, которая колонизируется“, и довольно давно уже сознано место колонизации в виду процессов, стимулирующих развитие производительных сил страны, но отчетливости в понимании колониционно-миграционных процессов, в определении и оценке методов колонизации, в уяснении задач колониционной специализации в школе нет до сих пор.

Первые пять лет русской революции были целиком поглощены в области земельного дела вопросами землераспределения и землеустройства в районах высокой или нормальной плотности населения, а в автономных республиках и областях—ликвидацией остатков прежней колонизации, и, следовательно, для миграционно-колониционных проблем не наступало еще время. Однако, диалектика хозяйственного развития не могла не заявить о себе уже на третьем году революции, а ныне сила ее действия несомненна, и она диктует постановку игнорировавшихся вопросов. Эта диалектика обнаружила себя в противоречиях плотности населения при константности хозяйственной системы в областях недавней земельной прирезки, с одной стороны, в противоречиях между ослабевшей хозяйственной жизнью в автономных окраинах и государственными и местными потребностями хозяйственной эволюции, с другой стороны. Ворвавшийся в нашу жизнь ряд вопросов экономического сближения с заграничными государствами обострил постановку вопросов, как общей динамики народного хозяйства, так и методов ускорения и рационализации этой динамики, поскольку, например, вся сфера концессионной политики государства может строиться лишь при условиях стройной интерпретации этой динамики, тем более, что районы концессий в значительной своей части совпадают с районами колонизаций.

Поскольку, в конечном счете, колониционная теория и практика имеют задачей производить те или иные операции не ради их самих, а для того, чтобы сделать страну богаче и культурнее, постольку лежащие в их основе процессы представляют не простой академический интерес, и колониционные методы выходят далеко за пределы методов, имеющих лишь технический интерес.

Таким образом, проблемы восстановления и развития народного хозяйства на Севере Европейской России, на Дальнем Востоке, в Поволжье, Юго-Востоке, Туркестане, частично в Сибири, Киргизии и дружественных республиках Азии медленно, но неуклонно завоевы-

вают свое на время утраченное положение в Госплане, Наркоматах, в хозяйственных объединениях, в деловых кругах Европы, в исследовательских учреждениях, в частности в Государственном Колонизационном Научно-Исследовательском Институте.

Тем не менее, ни колонизационная политика, ни ее субстрат — колонизационно-миграционные процессы, достаточно не продуманы и даже терминологически не кристаллизованы, и если частная методика колонизации (для отдельных колонизационных районов) сложна и не выработана в силу, больше всего, пестроты узора экономических тенденций и бытовых особенностей этих районов, то многое должно быть отнесено именно на долю разности теоретического подхода к изучаемым явлениям, спутанного и противоречивого даже в кругу лиц в целом однородной общественной идеологии.

Поэтому своевременно сделать первую и, следовательно, несовершенную попытку выяснить генезис основных идей в русской колонизационно-миграционной литературе и оценить исходные моменты стихийных колонизационно-миграционных процессов и их регулирующих методов общественного воздействия.

I.

Как еще совершенно справедливо указывал в своем труде покойный А. А. Кауфман, русская литература в переселенческом вопросе весьма мало опиралась на материал первоисточников, на отчетные и статистические данные, что относится иногда и к самому уважаемому автору. Это особенно жестоко сказалось на изучении миграционных вопросов. Какое-то безудержное игнорирование таких ценных материалов земских исследований, какими были, например, труды Полтавского, Харьковского и Черниговского земств, о переселенческом движении, в лучшем случае либерально-публицистический стиль оппозиционной буржуазной мысли, критиковавшей лишь политический курс прошлого правительства и прошлый земельный строй и не пытавшейся в большинстве случаев заглянуть в условия динамики крестьянского хозяйства, полное отсутствие сравнительно-экономической характеристики русского и европейского миграционных процессов — отличают русскую литературу до 1905 г.

Заглянем в выводы лучших представителей научной мысли этого периода.

Кн. Васильчиков А. И. („Землевладение и Земледелие“ в 1876 г.) в целом высказывается правильно: „Никакой аграрный и социальный строй не может быть признан совершенным, полным и прочным, если он не дополняется правильной системой колонизации“. В части миграционной автор идет даже слишком далеко, по скольку не учитывает перспектив промышленного развития России, да и не приемлет их за благо и во всемирно-историческом аспекте: „Колонизация есть необходимое дополнение того аграрного положения, которое введено, или, вернее сказать, подтверждено в России указом 19 февраля 1861 г., и без такого дополнения великое начало, узаконенное крестьянским положением, начало земельного надела, будет полу-мера, недоконченное преобразование. Сельский пролетариат уже быстро, неудержимо, зарождается и плодится в наших селениях, и когда пройдет еще несколько десятков лет, будет уже поздно лечить язву, проникнувшую в плоть и кровь народа“. Но очевидно, что автор, полагавший вслед за Кавуром, о котором он иронически рассказывает, что „подушный земельный надел для Европы страшнее всех (восточных. И. Я.) армий“, был так полон мыслью об „уравнивании по возможности социальных

неровностей, не посягая на личные права частных владельцев, сельских обществ и казны“, а следовательно и веры в стационарность крестьянского хозяйства, что не пытался приложить некоторых, имеющихся у него выводов об европейской эмиграции к русским переселениям. Дальше утверждения, что переселения в России — „средство для постепенного уравнивания земельных наделов и правильного размещения населения“, этот весьма выдающийся гуманист не идет.

Н. М. Ядрищев (Сибирь, как колония), как проникновенный патриот Сибири, уделяет большое внимание колонизационной проблеме, достаточное для своего времени, но в области миграционной он лишь бросает мысль о социальном эле перенаселения, когда колонизация становится „кляпаном жизни, предотвращающим бедствия и катастрофы“. Автор лишь очень решительно высказывается в пользу переселений по соображениям ценным до ныне: „Переход к высшему хозяйству совершается не под влиянием только тесноты и малоземелья, но для этого нужны и другие условия — известное накопление средств, орудия и уменье, т. е. капитал и знания, которые не вдруг приобретет бедное и невежественное население. Человек нужды и голода не изобретет машин Уатта, Аркрайта, парового плуга и т. д., а если додумается до новых орудий, до новых приемов хозяйства, то не в состоянии будет применить их, потому что на это нужны будут средства. Обречь же население на голод и разорение в ожидании, когда оно накопит средства — слишком дорогая цена ожидаемого прогресса“. Таким образом автор весьма в общей форме останавливается на кардинальном для теории переселений вопросе — об условиях интенсификации хозяйства, как противовеса переселениям.

А. В. Пешехонова переселение интересует лишь „в тех пределах, в каких оно необходимо для того, чтобы устроить избыточную часть населения и регулировать земельные отношения в местах выселения“. (Нужды деревни). Южаков идет еще дальше, утверждая, что колонизация есть самое могучее средство к расширению народного землевладения, т. е. к распространению теоретически наилучшей формы поземельного строя. (По Кауфману, стр. 7. Приложения к труду „Колонизация и переселение“).

А. А. Исаев (Переселения в русском народном хозяйстве; Мировое хозяйство) приходит к более значительным выводам, поскольку устанавливает закономерность переселений, а затем и ограничивает меру возможной интенсификации хозяйства. Он, во первых, утверждает, что „как для среднего хозяйства естественно, благоразумно и необходимо прежде всего отыскивать в своем имении лучшие кусочки и из них извлекать доход с помощью старых приемов, всем известных и не требующих затрат, так и для целого народа ближайшей и простейшей задачей служат планомерное размещение по всей территории и запашка тех земель, которые обещают обильно вознаграждать труд поселенцев“. Далее автор указывает на ряд иностранных примеров, опровергающих представление о плотности населения, как творце работы агрикультурного прогресса.

Ф. Тернер (Государство и землевладение), отмечая малоземелье, как главнейшую причину переселений, и признавая относительность этого понятия, устанавливает факт медленности изменения системы хозяйства в сторону интенсификации, но не углубляет общеизвестных понятий о причинах переселений. Другая часть соответствующей главы этого сочинения, посвященная колонизации, носит совершенно описательный характер и не дает, как и все перечисленные работы, теоретических выводов.

Весьма бегло охарактеризованные работы свидетельствуют: 1) о чрезвычайно суммарном анализе данных о переселенческом движении, при чем часто игнорируется имеющийся цифровой материал, 2) об априорном построении о возможности заменить перечисления, по устранении некоторой суммы социальных тормозов, непрерывным рядом улучшений крестьянского хозяйства на основах его интенсификации под влиянием, главным образом, смены политического курса и под действием уплотнения населения, хотя А. А. Исаев и Н. М. Ядринцев, скорее, составляют мост к иным взглядам, 3) о весьма „перспективном“ взгляде на русскую колонизацию и об отсутствии интереса к районированию колонизационного процесса и к типизации методов планомерной колонизации.

Излишне говорить, что, исторически рассматривая идеологические явления, нельзя было ожидать иной постановки вопросов. Только позже диалектика жизни создала необходимость пересмотра понятий.

II.

На грани двух столетий и, отчасти, двух периодов в колонизационно-переселенческом деле появляются новые и много более значительные по захвату и методу работы.

Еще большее обострение земельных противоречий в центре России и окончание Сибирской магистрали на всем ее протяжении стимулировали колонизационно-миграционные процессы до очень значительной высоты. Пришлось отвечать на актуальные вопросы, создававшиеся движением огромных человеческих масс и вовлечением в обработку большого количества земель и в грузооборот большого количества грузов, отвечать на темы о будущем всего комплекса народно-хозяйственных явлений, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности в их взаимной связи.

Первым и самым ярким автором на этом пути суждено было явиться покойному А. А. Кауфману. Весьма подготовленный теоретически и практически для разрешения всей связи колонизационно-миграционных процессов, А. А. Кауфман после ряда более мелких работ выступил с основным трудом в 1905 г. „Переселение и колонизация“. Названный труд дал возможность проявиться всем сторонам, как яркого дарования автора, так и свойства его мировоззрения. Основная идея автора в сфере переселений: главная причина переселений — кризис существующей системы крестьянского хозяйства. Переселение растет там, где крестьяне переживают критический момент относительного при данной системе хозяйства и полеводства перенаселения и вытекающего отсюда малоземелья. Необходимость перейти к новой системе хозяйства переходит в действительность лишь при известном уровне знаний и капитала. Автор утверждает, что основная беда не в малоземельи, а в жажде крестьян к расширению площади своего землепользования, расширению запашек. „Крестьяне не считают даже нужным усиленно обрабатывать землю“, пока перед ними открыта возможность увеличения посевной площади. Крестьяне „не могут затратить на обработку единицы площади более значительного количества труда, так как им приходится распределять свой труд между слишком большим количеством занятых их посевами единиц. И только потеряв возможность искать спасения в расширении землепользования, крестьянское хозяйство начинает искать себе выход — и находит его в качественном улучшении земледелия“ (курсив наш)... „Говорят, что крестьянское хозяйство не может доста-

точно быстро эволюционировать, что ему недостает необходимых для этого знаний и материальных средств. Но материальные средства должны найтись "... Даже нужно, чтобы население убедилось в необходимости реформировать свое хозяйство в известном направлении. А оно убедится в этом тем скорее, чем раньше оно потеряет веру в спасительную силу переселений". Автор, конечно, оговаривается, что он говорит о случаях относительного, но не абсолютного малоземелья. Отсюда вывод, что „переселение должно быть вычеркнуто из числа средств разумного воздействия на крестьянское землепользование и хозяйство“.

В этих взглядах с особо вышуклостью выражены вера в творческую силу крестьянского мелкого хозяйства, как такового, и главнейший фактор сельскохозяйственного развития—плотность населения. Уплотнение создает стимулы к переходу к новым формам хозяйства, знания же и капиталы можно дать крестьянину. На всем протяжении своего большого труда талантливый автор не дает себе труда ответить на вопросы о иных хозяйственных стимулах, как вопросы рынка, не дает труда вникнуть в социальную природу „плотности населения“, качественно различную, например, в Бельгии и Китае, при количественном, быть может, и равенстве. Автор, конечно, знает весь цикл вопросов, созданных еще Тюненом, но его хозяйственные районы шагают через уезды и объединяют губернии, автор оперирует типовыми понятиями, прилагая их к громадным географическим районам. Для А. А. Кауфмана дело не в этом: в нем слишком велика вера в самоисцеляющие силы крестьянского хозяйства, чтобы сделать хотя бы один пример расчета организационно-производственного плана крестьянского хозяйства, идущего по пути интенсификации его, и плотность населения „слишком универсальна, лишена динамики, не она определяется экономической конъюнктурой, но сама определяет последнюю“.

Значительно бесспорнее выводы автора относительно судеб колонизации. Считаясь с типом колониста, с отсутствием серьезных средств на планомерную государственную колонизацию при свойствах оставшегося свободным трудного для заселения земельного фонда, автор не делает определенных порайонных учетов, но предостерегает по отношению к каждому из колонизационных районов.

Однако, во всяком случае, труд жизни и мысли А. А. Кауфмана раскрыл новые страницы в истории мысли о русском переселении и колонизации, и от него обязательно отправляться во многих случаях.

Дальнейший шаг в развитии колонизационно-миграционной науки представляет труд Н. П. Огановского (Закономерность аграрной эволюции, т. III, 1914).

Автор тоже уделяет центральное место вопросу: колонизация или интенсификация? По отношению к интенсификации он старается быть осторожным. Малоземелье не компенсируется подъемом сельскохозяйственной продукции; в русских условиях оно чрезвычайно тормозит развитие производительных сил, мешая рациональному использованию труда и времени. „Рабочие руки—этот главный народно-хозяйственный капитал, творящий народное счастье—у нас никому ненужная рухлядь“. Земледельческий капитал столь же убыточно концентрирован на небольшой площади. Автор предостерегает от увлечения интенсификацией сельского хозяйства на основах увлечения тем, что я назвал бы органическими факторами эволюции (размножение и уплотнение населения), указывает на то, на что указывали даже Н. А. Каблуков и А. А. Мунайлов, на необходимость для организации

многопольного севооборота определенного минимума земельной площади, что было обойдено молчанием А. А. Кауфманом, как я уже указал выше. „Плотность населения (в большей части Европейской России) опередила систему хозяйства“, и естественный прирост земледельческого населения становится избыточным. Россия должна стремиться к достижению сложного общественного разделения труда, где прирост земледельческого населения поглощался бы городами и эмиграцией, а зерновое трехполье превращалось бы в улучшенные системы земледелия. После анализа большого количества статистических данных автор пришел к выводу, что интенсификация сельского хозяйства связана с ростом городского населения, но поскольку город, конечно, не поглощает всего избыточного земледельческого населения, чтобы последнее не парализовало развития производительных сил в сельском хозяйстве, необходимо не только „рассеяние“ земледельческого населения по Европейской России, но и переселение его на впусе лежащие земли. В противоположность А. А. Кауфману, автор выдвинул положение, что „нужда в переселении и вообще в удалении прироста земледельческого населения не сокращается, а усиливается с интенсификацией сельского хозяйства, потому что несоответствие между плотностью населения и системой хозяйства становится более ощутительным“. Отсюда вывод, что „рациональное применение каждой данной системы земледелия и хозяйства возможно только при определенной плотности земледельческого населения; как только эта норма плотности превзойдена, система хозяйства оказывается отсталой, и эта отсталость пробуждает ощущение земельной тесноты“... При росте плотности населения эмиграция охватывает районы, уже давно покончившие с экстенсивными системами хозяйства. Автор, подобно мне (в моей работе „Переселенческое движение в России“, 1912) анализирует районы и „гнезда“ выселения.

В дальнейшей части работы автор весьма подробно анализирует колонизационные процессы по районам водворения.

Основной вывод автора: в жизни нужно осуществление двустороннего процесса — и переселение и колонизация, ибо лозунг (Кауфмана) „не переселение, а колонизация“ односторонен и ведет к задержке развития производительных сил всей страны.

Поскольку между Н. П. Огановским и мною нет существенных расхождений в данном цикле вопросов, оценку его работы я дам самым фактом изложения своей точки зрения дальше.

За исключением характеризованных работ, русская специальная литература не имеет монографий, посвященных изучению экономической природы колонизационно-миграционных процессов в России. Даже многие видные практические работники, стоящие близко к преподаванию землеустроительных дисциплин, проявляют весьма мало интереса к указанной теме и понимают задачу изучения лишь в усвоении техники колонизационно-переселенческого „дела“, позлащенной лишь некоторыми справками из научной литературы. Несмотря на близость весьма „действенных“ моментов в сфере колонизации, „большинство“ лиц, с ней сталкивающихся, так же „девственно“ в понимании явлений, как и четверть века тому назад.

Нисколько не претендуя ни на полноту изложения, ни на яркость освещения волнующих нас вопросов, мы все-таки должны попытаться определить направление „вех“, по которым должна строиться теория, долженствующая породить рациональную и значительную по достижениям практику.

Для удобства освещения вопроса расчленим его на две темы: миграционную и колонизационную.

III.

Социальные миграции не являются только плодом русской жизни, но имеют всеобщую значимость, будучи свойственны в той или иной степени любому национально-историческому процессу и приобрета в XIX веке существенное интернациональное значение.

Для наглядности позволим себе указать по неполным источникам некоторые цифры, свидетельствующие о развитии эмиграции из различных государств Европы за океан:

Государства.	1876—1885 г.г.	1886—1895 г.г.	1896—1905 г.г.	1913—1920 г.г. только в Север. Америк. Соед. Штатах.
Беликобритания	2.001.691	2.244.800	1.995.069	} 302.066
В том числе Ирландия	ок. 800.000	595.638	436.450	
Германия	1.088.441	887.343	273.848	} 84.096
Италия: { пост. эм.	448.985	1.304.843	2.279.638	
{ период. эм.	865.704	1.087.619	2.043.827	} 769.508
Австрия	150.867	318.154	675.317	
Венгрия	81.764	210.756	680.227	} 558.430
Скандинав. госуд.	407.772	525.037	414.012	
Проч. гос. Европы.	ок. 506.000	ок. 1.048.000	ок. 1.450.000	} 1.178.859

Из приведенной таблицы легко усмотреть и особые очаги движения и кривые его.

В числе стран эмиграции мы находим и страны преимущественно сельскохозяйственные (Италия, Австро-Венгрия, Ирландия) и страны преимущественно промышленные (Англия, Германия). В то время, как первые обнаруживают тенденцию роста эмиграции, вторые выявляют обратную тенденцию. Особенно это явно в отношении Германии, индустриализация которой быстрым темпом пошла с 80 годов XIX века, а с тем вместе стала убывать и эмиграция.

В пределах отдельных стран и, прежде всего, России, также явно выражено различное эмиграционное значение промышленных и сельскохозяйственных округов. Так, переселенческое движение в Сибирь из различных географических районов России отмечено такими линиями развития:

Прямое движение в Сибирь семейных переселенцев обоого пола.								
Районы выхода.	Общее число с 1885 по 1914 г. включ.		1895—1894 г.г.		1895—1904 г.г.		1905—1914 г.г.	
			Абсол. числа	В ‰	Абсол. числа	В ‰	Абсол. числа	В ‰
Сев. Чернозем. р.	1.179.946	26,9	174.411	47,0	366.025	33,0	639.510	21,9
Средне-Чернозем р.	879.333	20,5	93.270	25,4	235.454	21,3	550.609	18,9
Юго-Западн. р.	324.679	7,4	46	—	43.670	3,9	280.963	9,6
Южн. Стенной р.	590.788	13,5	148	—	91.557	8,3	499.083	17,1
Вост. и Юго-Вост. р.	445.040	10,1	40.262	10,9	108.445	9,8	296.333	10,2
Западный р.	512.712	11,7	3.124	0,9	167.599	15,1	341.989	11,8
Северо-Восточный Завол. р.	207.647	4,7	55.531	15,0	44.340	4,0	107.776	3,7
Пр. районы (в том числе Центр. Промышл., Польский и Сев.-Западн.)	245.466	5,2	488	0,8	49.002	4,6	195.976	6,8
Всего	4.385.611	100	367.280	100	1.106.092	100	2 912.239	100

Для отдельных районов этой рубрики цифры тех же категорий и периодов располагаются так (в том числе Смоленск. и Калужск. губ.):

Р а й о н ы .	1885—1914 г.г.		1885—1894 г.г.		1895—1904 г.г.		1905—1914 г.г.	
	Общее число.	‰ ‰	Общее число.	‰ ‰	Общее число.	‰ ‰	Общее число.	‰ ‰
Центр. Промышл.	88 641	2,0	474	0,1	20.086	1,8	68.081	2,3
Сев.-Западн. (Псков., Новгород., Ленинград. губери.)	31.200	0,8	—	—	8.251	0,8	22.949	0,9
Польский	11.511	0,3	—	—	1.970	0,2	9.541	0,3

Чем ярче выражен индустриальный характер района, (Центр. Промышленный, Польский, Северо-Западный), тем меньше размеры его эмиграционных потоков. Во всех районах, где выявлен сельскохозяйственный их характер, происходит усиление эмиграционных потоков в их абсолютных размерах и ускоренный темп развития этого переселенческого движения из районов, позднее вовлеченных в русло движения.

Сами собой напрашиваются выводы о разной силе устойчивости населения в промышленных и сельскохозяйственных странах и округах вообще и о большей подвижности сельского населения стран с мало развитой индустрией. Уже при беглом взгляде выявляются какие-то свои „законы народонаселения“, варьирующие вслед за развитием уклонов народного хозяйства в сторону промышленности или сельского хозяйства, говорящие о разной емкости территории при различных направлениях экономического развития.

Каковы же общие условия расширения емкости территории?

Можно априорно утверждать и статистически доказать, что емкость территорий зависит: 1) от степени интенсификации земледелия, 2) от уровня потребностей, 3) от степени общественного разделения труда, т.е. от развития, в конечном счете, промышленности и менового хозяйства. Поскольку любой хозяйственный строй имеет свой уровень интенсификации сельского хозяйства, свой уровень потребностей населения и свою степень разделения общественного труда и рыночных отношений, постольку ему свойственны те или иные размеры емкости территории, а следовательно, и тот или иной „закон народонаселения“, свои пределы плотности населения.

Эта плотность населения не представляет собой самодовлеющей категории, обусловлена размерами действия трех вышеуказанных факторов прежде всего, и выражена, конечно, в разных величинах при тех или иных хозяйственных системах, давая возрастающий ряд в высших предельных нормах от 0,05 чел. на 1 кв. клм. в северных охотничьих областях, — через 1,80 ч. при кочевом пастушеском хозяйстве, через 35,0 чел. для земледельческого хозяйства при трехпольном севообороте—до 106 чел. для интенсивного земледелия промышленных стран. Повышение плотности сверх этих нормальных пределов создается или дальнейшей интенсификацией хозяйства или понижением уровня потребностей, как то можно установить для дореволюционного периода в отношении всего не только средне-черноземного района, Р. С. Ф. С. Р. и Украины, но также Среднего Поволжья, многих

районов Юго-Запада и Северо-Запада. Весьма ярко сходный процесс выражен был в Италии, где в государстве, до последнего времени еще „аграрном“, пшеничная продукция отставала от роста населения, что превратило Италию в страну зернового импорта из страны экспортировавшей хлеб, так как при медленно повышавшейся урожайности уменьшались размеры пшеничной площади, приходившейся на душу населения. Так создавалось избыточное население, отливавшее, как мы выше видели, за океан. Одновременно процесс развития эмиграции был значительно замедлен из Северной Италии по сравнению с южными ее провинциями, как то ясно из приведенных ниже цифр. Нетрудно установить здесь связь между замедленным процессом образования избыточного населения и развитием на Севере Италии промышленности, отразившейся на характере сельского хозяйства повышением его интенсивности, так как рост урожайности в гекталитрах с гектара совершенно иной для промышленных сельскохозяйственных областей Италии. Так, можно привести следующие цифры этой урожайности.

	1870—77 г.	1909—1911 г.	Рост в процентах к периоду 70—77 г.
Ломбардия	13,8	18,8	37%
Пьемонт	10,0	15,6	56%
Лациум	6,85	10,3	46%
Сицилия	11,68	12,2	45%

Данные германской эмиграции, понижавшейся с начала XX в., говорят тоже о влиянии на нее развития индустрии и менового хозяйства. Это выше отмеченное понижение во времени тесным образом связано с ростом городской жизни, так как, если в городах Германии в 1874 г. жило 36%, то в 1900 г. 54%, а в крупных городах ее (с населением свыше 100 тыс. душ) в 1895 г.—29%, а в 1912 г. уже 48%. Такое перерождение германской экономики отразилось и на характере потребления Германии, выросшем следующим образом:

На душу населения в килограммах:

	1836—1840 г.	1909 г.
Хлопок	0,34	6,98
Кофе и какао	1,02	3,91
Рис	0,18	2,54
Южные плоды	0,06	3,05

Поскольку мы имеем цифры для страны в целом, мы можем говорить не только об индустриализации страны, но и о, так сказать, „урбанизации“ потребления немецкой деревни вслед за развитием общественного разделения труда.

Этих примеров можно не умножать: они отличаются лишь количественно. Не будем возвращаться также к цифрам из русской действительности, характеризующим связь роста избыточного аграрного населения и переселенческого движения с уровнем интенсификации сельского хозяйства, с уровнем потребностей населения и со степенью общественного разделения труда, данным еще в 1911 г. в моей работе о переселенческом движении в России.

В научной литературе не замолкли еще отзвуки веры в творческую роль плотности населения, как таковой, в исключительную роль органических факторов эволюции (размножение и уплотнение населения), что дает себя еще чувствовать в том перегибе в сторону этих факторов, какой дает у нас в России т. н. „организационно-производственное“ направление. Между тем роль плотности населения весьма относительна, и большая разница—происходит ли увеличение населения при повышении доли потребляемых продуктов или при понижении потребностей, а именно, этот последний случай и имел место и в большинстве наших земледельческих районов и в ряде европейских и азиатских государств (Ирландия, Италия, юго-славянские земли, Индия и пр.). И К. Маркс, утверждавший (Капитал, т. III, ч. I, стр. 34), что „если сельское население значительно преобладает над городским, то, следовательно, капиталистический способ производства относительно мало развит, а потому и в других отраслях производства концентрация капиталов вращается в узких границах“, был прав, конечно, говоря о гипертрофии мелкого крестьянского населения в общем составе народонаселения, как о показателе экономического недоразвития общества вообще и не только в условиях чисто буржуазного общества. И наоборот, можно предположить значительный экономический подъем страны при стационарном населении на фоне возросшей продукции и повышенных потребностей. И эти высокий уровень производительности труда и повышенный уровень потребностей при данной системе хозяйства, весьма рентабельной, могут стать настолько постоянными, настолько „нормализоваться“, что всякое повышение плотности населения может влечь за собой отлив такого „избыточного“ населения на фоне относительного благополучия. Относительность „закона народонаселения“, провозглашенная Марксом, имманентна любому хозяйственному строю, и норма населенности полна диалектики, слагаясь на базе неустойчивого равновесия уровня потребностей, степени интенсивности земледелия и степени развития меновых отношений и промышленности.

В этом триединстве главнейшую роль играет, очевидно, товарный обмен, определяющий требования к производству, создающий рыночные для него конъюнктуры, преимущественно влияющий на технический прогресс в хозяйстве, на характер сельскохозяйственной культуры, а следовательно и на емкость территории. И большая при этом разница, происходит повышение интенсификации земледелия на базе ли действия хозяйственных факторов эволюции (повышения производительности единицы труда), как то имеет место в индустриальных районах, (Германия, Сев. Италия, Англия, Соед. Штаты), прежде всего, или на основе простого органического уплотнения населения (Китай, Индия),—словом, органична или рациональна эта интенсификация. Такая рациональная интенсификация может сопровождаться даже уменьшением доли земледельческого населения в общем составе народонаселения, как то ярко выражено в Англии, Германии и даже Франции.

А в то же время вполне возможен случай увеличения производительности труда и сокращения издержек производства на единицу площади, т. е. увеличения площади на единицу затраченного капитала—рационально-экстенсивные формы (или иначе „капитало-интенсивные“) хозяйства (Дальний запад Соед. Штатов и Канады, многие районы Южной Америки и Австралии, и вообще колонизационные пустующие районы, организованные на базе парового транспорта). Этим формам принадлежит, быть может, будущее не в одном только

случае в Соед. Штатах Сев. Америки, где за последние 50 лет, благодаря механизации сельского хозяйства, американское сельско-хозяйственное производство удесятирилось при только лишь утроенном сельско-хозяйственном населении (И. Иванов. Соед. Штаты и Европа в мир. хозяйстве, стр. 33). Конечно, эта стадия общественного развития преходяща, но равномерное распределение производства по всей стране становится общим законом производства лишь в условиях того тесного объединения промышленности и сельского хозяйства, которые осуществляются лишь по завершении социалистической организации производства (К. Каутский, Аграрный вопрос, 405). Несмотря на то, что улучшение и удешевление транспорта, крайне облегчая, конечно, рассеяние земледелия, не подрывает значения многих центральных районов, обладающих преимуществами высокой поземельной ренты и высоких рыночных цен, тем не менее транспорт расширяет русло товарной реки, текущей из районов экстенсивного земледелия, а по временам уровень этой реки поднимается до грозной высоты, отмеченной в свое время явлением „заокеанской хлебной конкуренции“, а позднее конкуренции Западных штатов С. Америки с восточными.

IV.

Несмотря на обязательный учет этих явлений и на необходимость ответа на поставленные вопросы, многие в настоящее время не придают особого значения рыночным конъюнктурам, не видят особых экономических преимуществ рационально-экстенсивных („капиталоинтенсивных“) форм сельского хозяйства в колонизационных районах, верят в преимущественную силу агрономического знания и агрономической пропаганды, в иррациональную силу органических факторов размножения и уплотнения населения, в творческие силы мелкого крестьянского хозяйства, как такового, в его развитие „из себя“ и, конечно, не видят отмеченных эмиграционных закономерностей так, как рассматриваем их мы, и на колонизационные проблемы смотрят как на дело далекое, на цель подчиненную, на досадное отвлечение внимания от „организационно-производственных“ задач внутри крестьянского хозяйства.

Вместе с тем иногда представляется, что все причины, колебавшие русское крестьянское хозяйство, изжиты, что изжито его малоземелье, а с ним и образование „избыточного“ земледельческого населения.

Никто, конечно, не станет отрицать, что при урожайности ржи в $2\frac{1}{4}$ раза ниже и пшеницы в $3\frac{1}{4}$ раза ниже, чем в Германии, мы переживали кризис столько-же агрикультурный, сколько и земельный. Нельзя отрицать и того, что Россия с 1861 года медленно, но неуклонно, изживала эту сторону кризиса, повышая свою земледельческую технику и что совершившееся овладение помещичьей землей крестьянами в 1917 г. еще более облегчило для них агрикультурный прогресс. Но надо, все таки, не преувеличивать значения земельной прирезки, как таковой. Весь условный смысл ее понимал, как никто иной, великий вождь рабоче-крестьянского движения и глубокий теоретик аграрного вопроса, Владимир Ильич Ленин. Прислушаемся же к его аргументации. Учитывая перспективы наступившей революции, он утверждал, что прежде всего национализация земли устраняет средневековое земледелие, „делает землю свободной для хозяина“, гарантирует подьем урожайности крестьянских земель, но и „эта перемена не уничтожит и не может уничтожить процесса уменьшения доли земледельческого населения“ (Н. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века). Как утверждает автор: „Всякое

серьезное улучшение в положении массы, всякий серьезный удар крепостническим пережиткам, неминуемо подорвали бы перенаселение деревни, усилили бы в громадных размерах процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности, уменьшили бы число хозяйств с 13 миллионов до гораздо более низкой цифры, повели бы Россию вперед по-американски, а не по-китайски, как теперь". Еще далее: „Американское развитие промышленности неминуемо отвлекло бы большинство безнадежных в капиталистическом обществе хозяев от земледелия, и никакое „право на землю“ не в силах будет помешать этому отвлечению“ (там же стр. 80). Величайший тактик в области аграрной политики, таким образом, настойчиво не придавал самодовлеющего значения земельной реформе вне общего русла революции и в своих научных построениях и в социально-политической программе устанавливал теснейшую зависимость состояния крестьянского хозяйства от состояния промышленности.

Конечно, стало азбучной истиной, что развитие промышленности не только отвлекает избыточные рабочие руки из сельского хозяйства, но и организует рынок для крестьянского хозяйства. Всем известно, что индустриальное развитие создает своими рыночными конфигурациями и условиями агрикультурного прогресса, сложив достаточно прочный базис для развития интенсивных сельскохозяйственных культур по степени их близости к городским и промышленным центрам. Оно же создает то разделение общественного труда, которое приводит к созданию хозяйственных областей все более „монокультурного“ типа (финиковые, кофейные и проч. районы), охватывающих иногда целые государства. Оно же позволило сельскохозяйственным районам, близким к промышленным центрам, „окопаться“ на культурах, выдерживающих конкуренцию заокеанских стран с их массовым производством на основе высокой производительности труда (количество сельскохозяйственных продуктов на одну рабочую единицу), и дальше их углубить и развить, что стало совершенно мировым явлением от любой европейской страны до восточных штатов Америки в их борьбе за жизнь с сельскохозяйственным производством Дальнего Запада Нового Света.

В новейшей книге об американском сельском хозяйстве проф. Леви еще раз выпукло в цифрах напоминает нам о той страховке восточных штатов от конкуренции западных, которая создалась специализацией востока в производстве малотранспортабельных и скоропортящихся продуктов, а любая работа о мировом хозяйстве свидетельствует еще раз о совершающемся под действием тех же причин процессе роста разделения общественного труда между странами и даже комплексами стран. В пределах же одной страны на наших глазах можем установить дифференциацию сельскохозяйственных районов в Англии, где имеем земледельческие графства востока, луговые хозяйства графств запада. Земледельческие графства тоже „разделили труд“. Так, Кент известен плодоводством, Суссекс—животноводством, Девоншир—молочным хозяйством и проч.*). Очевидно, при этом, что уровень интенсивности продукции сельского хозяйства определяется соотношением цен сельскохозяйственных продуктов и средств производства.

Данные статистики любой страны, а в том числе и переселенческой статистики в России, всегда настойчиво указывали на повышение предельного уровня плотности населения в зависимости от возрастания связи с городскими или промышленными рынками

* Не нужно при этом впадать в иллюзию, как указывал В. Ильин (Капитал и земледелие в Соединенных Штатах Америки, стр. 31—35), что в результате мы всегда имеем рост „трудоемкости“ и победу мелких индивидуальных хозяйств.

сбыта и в связи с повышением дешевизны применяемых средств производства, когда сельское хозяйство сочеталось с развитием горного дела, обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственного машиностроения. На этом построен секрет слабого крестьянского переселенческого движения в прошлом из губерний Польши, более или менее слабого движения из районов свеклосахарных, при очень высокой плотности там населения, почти полного отсутствия переселений из промышленного Подмосковного района и обратно,—огромные цифры ухода из местностей, где сельское хозяйство лишено органической связи с промышленностью, каковы наши центральные земледельческие губернии. Никакой прогресс техники в густонаселенных странах с большим процентом земледельческого населения не задержал радикально отлива населения из сельского хозяйства, что особенно ярко выражено в Японии. В то же время редко населенные районы Нового Света и, отчасти Сибири, дали явную картину повышающейся производительности труда в условиях одновременно повышающейся производительности труда в промышленности. Создавшийся прогресс транспорта обеспечивал сбыт удешевленных продуктов питания и сырья в слабо заселенных районах (по образному выражению проф. П. И. Лященко, железно-дорожные грузы с востока России двигались „хлебной рекой“) и гарантировали им в обмен доставку удешевленных продуктов промышленности. Расстройство обмена и транспорта прошлых лет и действие всем известных „ножниц“, конечно, весьма ослабляли продукцию этих „колониационных“ районов, но самые размеры хозяйства, даже при снижении такого хозяйства, товарного по своей природе, в чисто продовольственные, позволяли ему дольше выдерживать кризис и позволяют ему опять развернуться в товарно-экспортное хозяйство.

Сибирское зерно, производимое без удобрения, мясо и шерсть из Киргизии от скота, выращиваемого на естественных пастбищах, конечно, и впредь останутся крупным народнохозяйственным фактом, так же как реформированные земельные отношения в Европейской России, с восстановлением менового хозяйства и ростом промышленности, помогут поднять трудоемкость сельского хозяйства густонаселенных районов, меняя его направление, а потому и характер (севооборот, удобрение, механизация и пр.). Поскольку процесс развития товарного хозяйства в сельском хозяйстве облегчен земельной реформой, но замедляется относительно скромным темпом индустриального развития страны, постольку крестьянское хозяйство в коренных русских губерниях при высокой плотности населения вынуждено быть в значительнейшей степени продовольственным, т.-е. менорентабельным, что не гарантирует его, с одной стороны, от массовых переселений в близком времени, а с другой стороны, эти обстоятельства ослабляют и экспортные силы СССР. Словом, на данной стадии нашего хозяйственного развития еще в большинстве случаев преобладают органические факторы эволюции (размножение и уплотнение населения) над хозяйственными (повышение производительности единицы труда), и радоваться здесь вслед за Челинцевым и Кауфманом и др. отечественной „домоводственной“ интенсификации, которая не есть еще рационализация хозяйства, как правильно говорит проф. Литовченко в новой брошюре, совершенно нет причин. В таких условиях вопросы колонизации в России в районах редкого населения приобретают снова временно утраченное значение.

Как уже указано выше, мы имеем яркий пример механизации сельского хозяйства в Северо-Американских Соединенных Штатах,

необыкновенно повысивших продукцию по сравнению с ростом сельскохозяйственного населения (рост производства относится к населению как 10:3). Но те же Штаты могут использовать свою механизацию сельскохозяйственного производства не только в рамках рационально-экономического сельского хозяйства, но могут на той же базе механизации производства повысить и его интенсивность, но это будет уже рациональная интенсификация, слагающаяся совсем не на базе роста плотности населения под действием потребительских нужд крестьянского хозяйства. Поскольку мировое хозяйство становится организмом, охватывающим все более и энергичнее отдельные государства, поскольку мир выходит из полосы бездорожья, поскольку каменный уголь и железная руда становятся все более хозяевами земли, поскольку нет физических и логических пределов расширению сферы механизированного сельского хозяйства и за пределами Штатов с их удивительным сочетанием запасов недр и богатств земной поверхности. И кто знает, не окажутся ли на пиру жизни наиболее бедными именно страны с большим количеством мелких индивидуальных хозяйств и с наибольшей плотностью населения, задерживающей механизацию сельскохозяйственного производства, и не окажется ли европейское интенсивное хозяйство только лишь значительно меньшей степенью бедности по сравнению с индо-китайскими обедняющими страну формами хозяйства при необыкновенном богатстве людьми с их стремительной тягой к эмиграции? Однако, это одно из многих противоречий капиталистического общества признается несуществующим не—марксистской наукой.

V.

Поскольку мы исследуем вопрос о постановке колонизационно-эмиграционной проблемы в России в целом, а потому подготовляем пути для обоснования перспективного плана колонизации, мы не можем не всмотреться в контуры будущего плана восстановления главнейшей еще отрасли народного хозяйства России—ее сельского хозяйства.

Два видных авторитета в области познания новейшей земледельческой России, Н. Д. Кондратьев и Н. П. Огановский в своих „Перспективах развития сельского хозяйства СССР“ устанавливают несколько основных тенденций развития нашего довоенного сельского хозяйства.

Так, они устанавливают: 1) повышение производительности труда, 2) более высокий рост доходности от животноводства и технических культур, 3) дифференциацию сельскохозяйственных районов, 4) повышение уровня товарности сельского хозяйства, в целом и по отдельным культурам, 5) относительное повышение в нашем экспорте доли животноводственных продуктов. Последнее особенно любопытно. Авторы констатируют уменьшение в % ко всему экспорту доли зерновых продуктов с 65,4% до 59,1% и увеличение доли молочных продуктов с 0,7% до 5,8%. Далее авторы устанавливают после оценки изменений, внесенных в народное хозяйство войной и революцией, восстанавливающуюся дифференциацию районов, расширение площади производства и повышение производительности труда и, наконец, восстановление рынка. Вслед за тем авторы констатируют развитие отдельных факторов сельского хозяйства.

Прежде всего из приводимых ими данных выясняется повышение плотности населения с 1897—1916 г.г. по 1923 г. в значительных размерах: на северо-востоке—19%, северо-западе—27%, в Центрально-Промышленном районе—14%, в Западном—27%, на Украине—17%

и отчасти в Центральном-Земледельческом—4%, в Новороссии—10%. Это повышение сопровождается особенно сильным уменьшением количества рабочего скота (на 100 дес. удобной земли), не говоря уже о Поволжье, в Центральном-Земледельческом и в Западном районах при значительном уменьшении количества мертвого инвентаря в тех же районах.

Эти данные могут быть связаны следующим образом:

РАЙОНЫ.	Количество рабочих-мужчин на 100 дес. по сева в 0/0 с 1913 по 1923 г., принимая за 100/0 данные 1913 г	Колич. рабоч. скота на 100 д. удобной земли в 1923 г. в 0/0, отнош. к данным 1916 г., принимая последние за 100/0.
Северо-Восточный	192,7	100
Северо-Западный	170,8	98,6
Западный	156,3	94,7
Центр.-Промышленный	119,2	85,3
Вятско-Ветлужский	177,9	73,2
Урал	193,9	48,3
Центр.-Земледельческий	155,6	56,7
Средне-Волжский	211,2	42,2
Нижне-Волжский	212,0	40,8
Северо-Кавказский	194	—
Сибирь	188	78,6
Киргизия	138	42,5

Сопоставляя эти сведения с приведенными выше данными о плотности населения в разных районах, мы усматриваем наиболее острое положение именно в Центральном-Земледельческом и Западном районах и на Украине.

Таким образом, восстанавливающийся рынок создает известные конъюнктуры для интенсификации хозяйства в районах, наиболее охваченных влиянием рынка, но рост плотности населения и медленный темп „инвентаризации“ сельского хозяйства, если еще и не дают поводов умозаключать о близком переселенческом движении из районов, питавших его ранее, то все-таки обязывают к осторожности и, быть может, к большей энергии в работе над восстановлением крестьянского хозяйства в Центральном-Земледельческом и Северо-Западном районах и на Украине. Поскольку же сельское хозяйство обнаружило тенденцию развития животноводства и специальных культур, постольку этим облегчается интенсификация хозяйства в западных губерниях. За этими пределами возможно образование избытков земледельческого населения и потому развитие миграций. Было бы вредно и положительно страшно, если бы мы закрывали глаза на возможность в недалеком будущем некоторого усиления переселенческого движения, и если мы бы жили в полосе заклиниваний и только запретов. Это означало бы непростительное легкомыслие и легко могло бы повести к напору переселенческих волн, внезапному и потому не имеющему

ни правильного русла, ни организованных задержек. Конечно, хорошо, если бы этого не случилось.

Что касается собственно колонизационных проблем, то они давно вышли из пеленок и не носят уже служебного значения по отношению к переселенческому движению. Развитие производительных сил колонизационных районов является достаточно самодовлеющей и народно-хозяйственно важной задачей. Хозяйственный прогресс этих районов должен обеспечить сырьевую базу для промышленности и сыграет видную роль в нашем экспорте, усилит дифференциацию экономических районов.

В качестве общего колонизационного вопроса выдвигается часто альтернатива: промышленная или сельскохозяйственная колонизация? Однако термин промышленной колонизации не имеет еще определенного содержания и этим термином часто охватывается процесс организации не очагов промышленности, а лишь хозяйств, занятых массовым производством промышленного сырья, каковы хлопок, продукты животноводства (не лишне вспомнить, что еще в 1913 году Россия давала на мировой рынок одних только яиц вдвое больше, чем Австро-Венгрия, Дания, Италия и С. Штаты вместе взятые), древесина и проч. Не говоря уже о лесных материалах, вывоз которых из России в довоенное время имел совершенно исключительное значение при наличности крупного экспорта лишь из Финляндии и Швеции (в 1913 г. отношение лесного экспорта, если принять за 100 экспорт из Швеции, то из Финляндии он составлял 125, а из России 195). Наиболее ценное промышленное сырье имеет шансы на усиление его продукции в Туркестане и на Кавказе, на юго-востоке и в Киргизии. Но даже при самом широком развитии производства промышленного сырья в колонизационных районах потребности экспорта и усиливающаяся хозяйственная специализация этих районов позволяет усиление, как зерновой продукции, так и экстенсивного крупного животноводства. Если вопрос о развитии последнего на юго-востоке России и в Киргизии прост, то значительно сложнее проблема зернового производства на востоке.

Учитывая состояние международного хлебного рынка*), весьма активную роль на нем рядом с Сев.-Американскими Соед. Штатами также Австралии и Канады и особенно Аргентины**), полагают, что нет оснований для муссирования зерновой продукции в целях экспорта в колонизационных районах.

Выявляющаяся тенденция относительно медленного развития в целом зерновых культур по сравнению с животноводством и культурами специальными и цены на мировом рынке тоже не в пользу русского зерна напоминают нам, по совершенно верному указанию Н. П. Огановского, об экономическом факторе огромного значения, но

*) Мировой урожай пшеницы возрос в 1921—22 г. по сравнению с средним урожаем 1916—1921 г. на 12,2% а в 1922—23 г. по сравнению с 1921—1922 г. еще на 12,7%.

**) Вывоз пшеницы в тыс. квинталов: (Дове „Экономическая География Мира“, изд. „Новая Москва“, 1924 г.).

	1918—19 г.	1919—20 г.	В среднем в 1909—13 г.
Соед. Штаты	77.968	69.615	23.794
Канада	27.840	24.920	23.491
Аргентина	22.581	72.880 (? авт.)	25.468
Австралия	19.990	26.987	12.946
Россия	0	0	98.576

находящемся у нас в минимуме, о сельскохозяйственном рынке. Проблема последнего разрешается удовлетворительно лишь в меру параллельного развития города и деревни, промышленности и сельского хозяйства. Иначе складывается конъюнктура для исконных районов русского хлебного экспорта: когда мы знаем, что южно-черноземные губернии в довоенное время имели хлебных избытков в $3\frac{1}{2}$ раза более, чем северо-черноземные, что по размерам посевов они имели резко выраженную товарность, то мы не можем не признавать значения в этих, по существу колонизационных, районах, именно за экстенсивным в них земледелием зернового товарного характера.

Если говорить только об экспортных возможностях, то из числа колонизационных районов они все-таки существуют для нашего Юго-Востока (берем его в современном административном понимании — Донской край и Северный Кавказ) и, быть может, отчасти, для Нижнего Поволжья. Поскольку земледелие последнего находится в крайне неустойчивом состоянии, оно нуждается, конечно, в полной организационной перестройке, которая уже достаточно учтена в литературе. Что же касается его рыночных конъюнктур, то прошлое нашей хлебной торговли свидетельствует о немаловажном его экспортном значении.

Но не следует делать поспешные выводы об отсутствии перспектив для расширения зерновой продукции в других частях Поволжья, в Сибири и в Средней Азии только потому, что нет в настоящее время экспортных возможностей для сибирского, напр., зерна. Сибирская зерновая продукция никогда и не питалась заграничным экспортом, но она имела для себя достаточно места на внутренних рынках России. По естественно-историческим предпосылкам и по условиям транспорта она находится в немного более худших условиях, чем, например, Дальний Запад Канады и Северо-Америк. Соедин. Штатов. Признавать же безнадежным будущее русских внутренних рынков зерна, означало бы признать наше полное экономическое банкротство, к чему нет никаких оснований, так как установление гармонического развития промышленности и сельского хозяйства не за такими уже далекими горами. Поскольку, рано или поздно, предполагаемая к постройке Южно-Сибирская магистраль будет закончена, предпосылки для развития товарного зернового хозяйства за Уралом усилятся в тем большей степени и, можно думать, сделают выгодным применение мелиорации даже в интересах зерновой продукции, что имеет место в широкой степени в Америке, так как последние данные, опубликованные проф. Скорняковым в его докладе об американской колонизации, говоря об особой рентабельности мелиорации для культуры технических растений, указывают на допустимость и выгодность мелиорации в интересах зерновой продукции даже в областях весьма экстенсивного земледелия Дальнего Запада. Столь же исторический неизбежный Великий Северный путь, создавая дорогу сибирской древесине, открост путь как для сибирского масла, так, частично, и для сибирской и киргизской пшеницы. Само собой очевидно, что развитие зауральского сельского и лесного хозяйства должно быть сопряжено с разумной их индустриализацией в форме маслоделия и переработки других сельскохозяйственных, а также и лесных продуктов. Нет решительно никаких противопоказаний для, быть может, медленного развития эксплуатации недр колонизационных районов и их рыбных богатств, что одинаково приложимо к Северу Европейской России, как и к Дальнему Востоку. При этом, если горная промышленность не требует никаких особых

сопутствующих колонизационных мероприятий, то наша рыбопромышленность, особенно в зонах северных и восточных наших морей, несомненно требует не только мероприятий общей и специальной экономической политики, но также и мер по организации поселений ловецкого населения на началах планомерности, т.-е. тоже своеобразной комбинации сельскохозяйственных и рыбохозяйственных элементов.

Поскольку Союз Советских Республик обладает громадным земельным фондом для развития специальных сельскохозяйственных культур, в особенности хлопка, поскольку, далее, для этого существуют весьма благоприятные рыночные конъюнктуры (мировой сбор за десятилетие с 1913—1914 по 1922—1923 г. в тысячах баллонов (по 500 англ. фунтов) упал с 25.733 до 19.851, а в Соединенных Штатах с 14.677 до 10.329), в Средней Азии и в Закавказье складывается обстановка для привлечения к мелиорациям значительных впоследствии капиталов, хотя бы на концессионных началах. Для Туркестана положение имеет тенденцию складываться длительно благоприятно, особенно по окончании Семиреченской железной дороги, имеющей снабжать пшеницей Туркестан. Рынки для сбыта хлопка настолько обширны в настоящее время, что грядущее сельскохозяйственное возрождение Турции, Персии и Афганистана, помимо значения его для русской промышленности, даже с повышением сельскохозяйственного экспорта из названных стран с проведением, раньше или позже, Константинополь - Гератской магистрали, нисколько не угрожает развитию сельскохозяйственного производства Советских Закавказья и Туркестана и Бухары.

Во всех этих случаях мы вплотную подходим к проблемам той „планомерной колонизации“, которая, будучи единственно достойной переживаемой фазы общественного развития, заключается в радиальной, плановой комбинации мер экономической политики, землеустройства, мелиорации и дорожного строительства. Для каждого из колонизационных районов имеют перевес те или иные элементы этой комбинации, но для некоторых совершенно решающее значение имеют именно условия парового транспорта. Если по условиям заселения прежних колонизационных районов железные пути приходили в жизнь вслед за сложившейся уже, в основах своих, колонизацией и лишь укрепляли и дополняли ее, обеспечивая лучший экспорт создающейся продукции, то ныне с отходом колонизационных перспектив на „зеленый ковер“ северных лесов, в дальне-восточные дебри, в медленно орошаемую средне-азиатскую пустыню, паровой транспорт предшествует возникновению хозяйственной жизни, и без него нет никаких оснований думать об эксплуатации сельскохозяйственных площадей, недр, вод и лесов и о заселении края в большинстве далеких районов. В этих случаях не из рабского подражания иностранным образцам, а по соображениям совершенно реальной выгоды становится необходимым рецептировать в некоторых отношениях американскую систему железнодорожной колонизации, являющейся такой экономической системой, когда железная дорога не только идет в необжитую глушь, но и ведет с собой колонизацию, сама мелиорируя землю, отводя ее колонистам и устраивая их быт на новых землях. Что ранее казалось здесь совершенно академическим для русской жизни, уже стало реальностью, после того, как наша экономическая эволюция стала в противоречие с границами, так сказать, „самотеком“ освоенной площади, перешагнула через них и вступила на путь „канадизации“ сначала Мурманской и отчасти Мга-Рыбинской железных дорог, а ныне ставит уже колонизационные задачи Семи-

реченской, Южно-Уссурийской, Амурской железных дорог и, несомненно, поставит их перед будущими Южно-Сибирской магистралью и Великим Северным путем, как поставит их и перед всякой будущей магистралью и меридианальными железными путями на Севере и на Урале.

Если вспомнить, что колонизационные проблемы, лишь сжатые экономикой изживаемых лет, не ограничиваются границами РСФСР и что соседняя Белоруссия переживет тоже свою хозяйственную „оттепель“ и через несколько лет сможет стать тоже на путь широкой мелиорации с расселением на мелиорированных пространствах своего населения и что те же процессы будут развиваться на пространствах Калмыцкой области и Киргизской республики, то можно представить себе, как важно выработать твердые принципы для эластичной колонизационной методики в СССР, различной по темпу и приложениям в разные периоды времени, но последовательно развиваемой в направлении все большего использования земельных и водных пространств и развития их производительных сил.

Предела завоеваниям человеческого гения природой не положено, и арабская поговорка, приводимая проф. Ризенкампом, „каждая пустыня имеет свое будущее“, остается навсегда в силе, и существует вместе с тем, очередность мер, превращающих те или иные группы „пустыни“ в пашни и сады...

VI.

Если, таким образом, установлена всеобщая значимость колонизационно-миграционных процессов и закономерность их зарождения, развития и государственного регулирования в жизни С.С.С.Р., если отсюда ясна необходимость теоретического изучения этих процессов, то неизбежно определить задачи научного исследования в кругу намеченной темы.

Естественно, прежде всего, дать отчет в экономической природе переселений и в исследовании случаев перенаселения тех или иных типов. Несомненно эти вопросы тесно соприкасаются, как с общей теорией хозяйственной эволюции, так и с исследованиями в области сельскохозяйственной экономики и крестьянского хозяйства. Необходимые в процессе такого анализа выводы могут быть подняты на высоту научных законов лишь на основе сравнительно-исторического материала, и хозяйственная жизнь мировых народов различных эпох дает богатый материал для проверки указанных выводов, а социальное значение миграций для многих стран имеет совершенно исключительное значение.

Эти замечания в такой же степени относятся и к другой основной проблеме из данного цикла вопросов — экономической природе колонизации с возможно полным учетом экономических конъюнктур. Практическая мысль колонизаторов-практиков часто бродит в этой области „без руля и без ветрил“. Уяснение колонизационных зон для иммиграционных колоний на твердых географо-экономических признаках—дело уже сильно продвинутое наукой, но недостаточно использованное практикой, и перекидка между ними моста — дело научно-прикладного Института. Выяснение всех особенностей колонизационных районов в качестве сырьевых областей, конечно, далеко не закончено, и перемещение производственных районов происходит на наших глазах. В качестве примера достаточно указать явное сorenнование на мировом рынке за последние 10 лет Западной Африкой

в производстве какао Зондских островов, или передвижки на русском масляном рынке.

По разрешении основных теоретических колонизационно-миграционных проблем возникают совершенно справедливые искания, с одной стороны, в области изучения отдельных районов колонизации и отраслей народного хозяйства, составляющих содержание колонизационного творчества, а с другой стороны, в сфере методов колонизации, призванных поднять производительные силы страны по этим районам и отраслям. В этой области нужно смело признать, что, если в сфере основных проблем колонизации существуют, если не школы, то группы авторитетных мнений, то в области колонизационной методики нет никакой наукообразной системы, а существует лишь ряд полезных сведений, из которых строится рецептура „колонизационно-переселенческого дела“. Имеется большое количество наблюдений и опытов в деле насаждения новых хозяйств на новых местах, опытов насаждения земледелия, животноводства, лесообрабатывающей промышленности и проч., но эти опыты с вытекающей из них методикой не систематизированы и не анализированы в должной мере.

Область отдельных мероприятий в сфере колонизации, каковы проведение пионерных железных дорог и водных путей мелиорации, специальные формы землеустройства и кооперирования и концессионирования и разных видов кредита и проч., с соответствующей государственной регламентацией, привлекает уже достаточно внимания, но и эти выводы не введены в общую систему прикладной науки.

Колонизационные районы РСФСР естественно-исторически, а отчасти и экономически, описаны уже удовлетворительно, но не настолько, чтобы из сообщаемых данных можно было сделать значительные практически выводы. Сведения о земельных фондах и природных ресурсах не продуманы с достаточной полнотой и ясностью под колонизационным углом зрения, т.-е. не намечены достаточно определительно те пути, какими с сохранением принципов экономии энергии государство может достигнуть достаточного уровня в использовании этих фондов и ресурсов.

Здесь вполне уместно указать еще на две важные стороны изучения.

Прежде всего бесспорно, что при том обширном материале, который дают колонизационно-миграционные процессы человечества на всех материках, и при той почти неуловимой пестроте жизненных отношений и правовых норм их регулирующих, какие сплетаются с этими процессами и направляются многими десятками существующих правительств в разных уголках мира, появляется острая потребность в систематизации и анализе этого материала. При его изучении раскрываются любопытнейшие закономерности экономического и географического порядков и дают огромный материал для построения правильных практических выводов. В тем большей степени эти соображения относятся к жизни нашей родной страны, ее колонизационных районов. Уловить здесь те же закономерности, учесть экономическую обстановку колонизации, глубже истолковать ее естественно-историческую обстановку,—задача совершенно обязательная, и установление связи, как с заграничными научными центрами, исследующими колонизационные и миграционные процессы, так и с нашими областями, ставши одной из основных задач Института, должно вырости в широко поставленную информацию об условиях и последствиях

заселения мира и, в частности, России трудящимися массами. Только такая информация позволит ни на шаг не отставать от жизни и не только словесно ее регулировать. Уже и сейчас в Институте имеются, пока отрывочные, но высокой цены новейшие сведения по заселению Канады и Австралии, по развитию хлопководства в Судане и Месопотамии, по народному хозяйству Южной Америки, попытки подсчетов переучета запасов минеральных богатств и гидравлической энергии разных стран, материалы о состоянии туркестанского и сибирского хозяйств — с мест и проч.

Та же информация, взятая в историческом разрезе и научно обработанная, даст нам не только зеркало прошедших лет, но и выводы бесконечного значения для практики, и хотя ссылки на жизнетворящее значение серьезной осведомленности в истории звучали бы уже несколько наивно в XX веке, но можно подчеркнуть целый ряд случаев, где историческое изучение колонизации, воспроизведя картину прошлых путей сообщения, системы орошения и проч., приводило к правильной и, конечно, более углубленной постановке многих забытых вопросов высокого народно-хозяйственного значения.

По этим мотивам информация о настоящем колонизации, как и о ее прошлом и по экономике колониальных стран и колонизационных районов, оснащенная достаточно научными методами, может дать материал исключительного смысла, быть может, превосходящего значение кабинетно задуманных планов изучения жизни. Встречная волна жизни в переживаниях современников и в памятниках колонизационно-миграционной истории будет фактором глубочайшего значения для рационализации колонизационных и миграционных исследований.

Важно также, хотя бы бегло, указать, что как ни исследованы наши окраины в естественно-историческом отношении, требуется не мало усилий для выяснения колонизационного удельного веса земледельческих, лесных, водных, минеральных и проч. богатств, а ведь именно такое выяснение только и может дать ключ, например, к серьезным организационным мероприятиям в сфере промышленной колонизации. „Колонизационные“ геология, гидрогеология и проч., оставаясь естественно-историческим построением, приобретают здесь своеобразное экономическое освещение, поскольку каждому отдельному явлению природы методологически отвечает множественность понятий, позволяющая, хотя бы, воду одновременно рассматривать под углом зрения и физики и химии, и электротехники, и медицины и эстетики и проч. Поэтому географические, биологические и др. сведения могут быть при определенном угле зрения сведены в совершенно особые определения, столь же научные, как то свойственно и другим углам зрения.

То же нужно признать приложимым и к вопросам научного обоснования колонизационной техники. Если землеустройство „применяет“ геодезию и мелиорацию и позволяет строить теорию „приложения геодезии (или мелиорации) к земельному делу“, то тоже возможно и должно и в сфере колонизации, и несомненно, технические приемы геодезии и мелиоративного искусства будут при ней часто своеобразными, а потому дающими материал для научной проверки новых, не находимых в кабинете, теоретических выводов, которые станут основанием новой лучшей колонизационной практики. В такой же степени экономические потребности колонизации ставят новые задачи в целом ряде других областей техники, как например: 1) в области технологии, ибо жажда повышения рентабельности колонизации

лесного, животноводственного и проч. видов хозяйства, конечно, приведет к поискам новых организационных форм и к новым изучениям, 2) в области социальной гигиены и профилактики, ибо „деколонизация“ во многих случаях имела место именно потому, что меры социальной гигиены не вошли звеном в цепь колониционных мероприятий, 3) в технике железнодорожного хозяйства, ибо особенности „пионерных“ дорог обязывают к особым уклонам в этом хозяйстве и т. д.

Словом, кто желает управлять хозяйством, должен владеть его техникой, и был бы, по истине, наивен Институт, который почил бы на идеологических высотах колониционной экономической политики, не заботясь продумать под своим углом зрения те природные и технические процессы, в условиях которых слагаются и развиваются расселение и колонизация.

Более чем ясно, что сумма перечисленных и соприкасающихся с ними вопросов может найти освещение лишь в порядке планового изучения, как в государственных административных органах, так и в исследовательских учреждениях. Сумма вопросов и их содержание так значительны и так взаимно связаны, что мысль о создании специального исследовательского учреждения, каким явился Государственный Колониционный Институт, не была академической. Сходный с Институтом в Брюсселе, Лондоне, Риме в Гамбурге, частично с Институтом в Киле, Колониционный Институт России, конечно, не мог и не хотел быть „Колониальным“, а понимая колониционную проблему, как связанную плановую сеть мероприятий и комплекс процессов, имеющих конечною целью гармоничное развитие производительных сил всего Союза в целом, от его хозяйственно-политических центров до далеких „сырьевых баз“, считал, что научно разработать колониционные вопросы, значит, рассматривать их не через призму империалистических построений, а продумать их, как органическую связь природы и местного, в том числе и „туземного“ человека, Отсюда упорное стремление Института в течение двух лет, не смотря на холодные души „бюджетных соображений“ и ведомственных самодавлений, установить прочную связь с „местами“ от Мурмана до Туркестана и Тихого Океана и заинтересовать в проблеме столичные круги. Нижепомещенный отчет достаточно говорит об этом.

Здесь важно указать, что мало изучать, мало шлифовать методы, но надо создать и свежие кадры людей, несущих в жизнь новые методы и твердой рукой разрезающих запутанные узлы, надо создать в них настроение, аналитическую мысль и дать в руки резец. Эта задача лишь формально разрешалась в русских немногих Землеустроительных факультетах и лишь ныне с утверждением новых программ Колониционной секции Землеустроительного факультета Московского Межевого Института, страна может получать таких работников, а уже налаженные занятия в семинариях секции дают в этом полную уверенность и достаточное удовлетворение их работникам. Конечно, это мероприятие имеет аналогов в Европе и оно созвучно опытам в Париже или Лейдене, но только формально, как условно созвучны бывают музыкальные произведения композиторов разных направлений, как даже и материально однородны происходящие на Востоке и Западе органические процессы и сопутствующие им технические приемы, но дух построения, характер исканий и наши частные темы имеют свой неповторяемый, оригинальный колорит и свой особый практический смысл, отвечающий нуждам Союза. Идеология интернационализма и дух рационализма, отвечающие

природе социализирующегося государства, естественно проникают характеризующую учебную систему.

Вероятно, еще далеко то время, когда научный гений озарит вопросы колонизации и миграций светом, подобным тому, который поставил на новые ноги обществоведение благодаря Марксу, или биологию благодаря Дарвину, но из ручейков слагается мощный поток, и потому необходима предварительная сеть скромных обобщений среди стихии информации, ценных самих по себе, но не увязанных в общее русло теоретической мысли и практических выводов. Только эту ограниченную задачу и ставил себе автор, имея в виду, что общие его замечания могут и должны быть развиты в систему коллективной научной работы.

Сводя воедино, нужно признать:

1) В жизни миграционные процессы органически связаны с данной стадией экономического развития и закономерно вытекают из сложившихся соотношений уровня производства и степени плотности населения.

2) Они усиливаются при диспропорции и развитии индустрии и сельского хозяйства и ослабевают с ростом общественного разделения труда.

3) В русской жизни имеется достаточно стимулов для роста миграционных процессов.

4) Колонизационный процесс в нормальном своем развитии ведет к подъему производительных сил и к повышению „товарности“ народного хозяйства.

5) Происшедшая коллективизация народного хозяйства в России, происходящая концентрация производства и намечающееся его огосударствление в Северной Америке, возрастающие мировые связи между народно-хозяйственными организациями с закономерными переливами населения и с вовлечением в мировое производство недавно пустынных глубин Нового Света и Черного Континента и раскрытие все новых и новых источников топлива и энергии, все более точное уяснение биологических факторов развития сельского хозяйства и заселения мира, как никогда ранее, зажигают мысль новыми исканиями на основах научного плана колонизации, плана, устраняющего капиталистическую антитезу: „развитие производительных сил — подъем благосостояния туземного человека“, ибо только ныне этот „субстрат“ экономической эволюции, ходом экономического развития так же равноправно, как его более счастливые „белые братья“, впрягается в колесницу цивилизации.

6) В России условия ближайших лет обеспечивают успех сельскохозяйственной колонизации на Юго-Востоке, в Туркестане и в Поволжье, а при наличности мер к развитию железнодорожного транспорта и в Сибири.

7) Нормальное развитие хозяйственной жизни поведет к механизации и индустриализации сельского хозяйства в этих районах и создаст условия в одних районах для роста механизированного экстенсивного сельского хозяйства (капитало-интенсивного) и в других — для рациональной интенсификации его на базе или развивающейся промышленности или запросов рынка (внутреннего и мирового).

8) Мировая экономическая конъюнктура и, хотя и медленно, возрождающаяся промышленность СССР обеспечивают продукцию сырья в колонизационных районах для промышленности.

9) Жизнь требует поставить на большую высоту систему колонизационных мероприятий, для чего требуется напряженная исследовательская работа.

10) Содержанием последней, на ряду с изучением самого колонизационно-миграционного процесса, должны явиться географические и экономические условия этого процесса и методика колонизации с построением оптимальных систем хозяйства и типов отдельных хозяйств и путей вовлечения в народно-хозяйственный оборот „даров природы“ колонизационных районов при большем, чем когда-либо, учете правил применения принципа экономии энергии.

11) Инициативную роль в освещении этих проблем и в создании кадров исследователей и деятелей колонизации жизнь выдвигает именно для исследовательских учреждений типа Колонизационного Института, которые должны осветить весь объем проблемы в различных ее разрезах.

Основные типы миграционно-колонизационных процессов, их происхождение и характер.

Понятия „колонизация“, „колония“, „колониальная политика“ и т. д., имеют в настоящее время настолько неотчетливый характер, что представляется настоятельно необходимым в них разобраться и установить их точное содержание с точки зрения разнообразного их значения, как в разные исторические эпохи, так, в частности, в настоящее время.

Понятие „колония“, которому обычно противопоставляется понятие „метрополия“ (от греческих *мётёр*—мать и *полис*—город—государство, в силу чего слово „метрополия“ может быть передано по-русски, примерно, словами „мать—родина“) — римского происхождения. Глагол *colere* означает обрабатывать. Однако римские „колонии“, начало создания которых относится еще ко времени римской республики и ее борьбы за господство над средней Италией, никогда, сколько нам известно, не имели характера поселений, создаваемых вне собственно-римской территории в качестве чистых сельскохозяйственных центров: римские колонии, сознательно и систематически создававшиеся „сенатом и народом римским“, т.-е. римским государством, были прежде всего опорными пунктами военного и политического владычества римлян в важных для них по стратегическим и иным соображениям местах, при чем экономической базой их существования по условиям времени, естественно должно было служить землевладение и сельское хозяйство. Римские „колонии“ имели таким образом военно-земледельческий характер, а в основе их возникновения лежала сознательная и систематическая деятельность государства. Этим последним обстоятельством определяется и тот факт, что производное от слова „*colonia*“, слово и понятие „колонизация“ приобрело и обычно сохраняет поныне неприменный оттенок организованного и систематического действия, исходящего от сознательной воли государства, т.-е. той или иной государственной власти.

Ограничиваясь пока таким пониманием колонизационных движений, следует прежде всего заметить, что колонизационная деятельность государств не исчерпывается только указанным типом „колонизации“, т.-е. созданием поселений вне привычного или преобладающего в данное время центра расселения „колонизирующей“ метрополии.

Колонизация известной, более или менее значительной по размерам области, представляя с этой точки зрения сознательно-систематически-целовое явление, может преследовать, и действительно преследовала, весьма разнообразные цели.

На ряду с созданием опорных пунктов военно-государственного значения, источником питания которых могли служить как предоставленные создающим их государством земельные участки и сельское хозяйство, так и иные средства обеспечения существования поселенцев вплоть до жалования, (как напр. в таких колониях—владениях Англии, как Гибралтар, Мальта и т. п.), отнюдь не меньшую роль в области сознательно-целевой колонизации играет ряд других задач. Одно из видных мест среди них занимает стремление использовать пустующие или мало населенные, а стало быть плохо обрабатываемые или эксплуатируемые области внутри данной государственной территории или вне ее — явление, столь обычное в жизни любого крупного государственного организма всех времен. Впрочем и тут надо различать по крайней мере две основные разновидности колонизаций этого типа. Один из них характеризуется простым стремлением к заселению и трудовому использованию подлежащей территории без примеси дальнейших целей, как например, заселение Новороссии в XVIII и XIX веках. Другой отличается тем, что непосредственной и осознанной в самом простом виде экономической целью такого рода заселения, и, даже, преимущественно перед этой целью, государство задается целью достигнуть путем заселения (колониации) не какие-либо вообще, а совершенно определенные, важные, с народно-хозяйственной точки зрения, полезные, с точки зрения государства, результаты, как-то например: развитие хлопководства, крупного скотоводства (овцеводства, табунного коневодства и т. п.), горнозаводства, рыбного или лесного дела и т. д.

При этом следует, в свою очередь, различать две возможности: либо государственная власть, как бы высоко она не ценила ожидаемые ею полезные в народнохозяйственном смысле результаты такой колонизации, все же стремится достигнуть их физическими силами (если не капиталом и знаниями) господствующей народности,—таков был в общем характер русской и (*mutatis mutandis*) новой империалистической колонизационно-колониальной политики; либо чисто производственные интересы выступают настолько на первый план, что вопрос об этническом составе переселенцев, как трудовой силы, утрачивает существенное или даже всякое значение. Такова политика, приводящая к поселению (ближайшим образом) в южной части Соединенных Штатов на так называемых Вестиндских островах негров, а также новейшая колонизационная политика многочисленных государств южной Америки, типически облегчающая иммиграцию каких угодно трудовых русских единиц, фактически приводящая иммигрантов сплошь и рядом к появлению „белых (или желтых—наряду с черными) рабов“¹⁾.

Этим двум видам колонизации, обусловленным так или иначе различными экономическими соображениями, близко примыкает колонизация в целях укрепления национально-государственного владычества иностранных государств на вновь приобретенных территориях, которая и признается с государственной точки зрения особенно важным и в то же время достижимым или могущим быть закрепленным средством изменения прежнего состава их населения переселением господствующего народа, с целью замены или принудительной ассимиляции инонационального населения. Так, например, колонизация Западной Пруссии при помощи „гакатистская“ политика прусско-немецкого правительства в польской Польше в течение последних десятилетий

1) См. об этом стран-

и
ко.
юрн.
куль.
в сост
К
хозяйств.
с целью
националь
данье коим.
важным и в
лишь при ус.
селенцами из
более или менее п.
ления. Сюда относ.
Фридрихе Велико.
правления в прусс.

до империалистической войны, а также японская колонизация в Корею и Маньчжурии. И тут, впрочем, следует различать две основные разновидности этого типа колонизации, обусловленные, как территориальным расположением колонизируемых областей по отношению к колонизирующему их государству (в частности, большую или меньшую их близость к последнему и значение их для национально-территориального „округления“ и, если можно так выразиться, масштабирования государства—метрополии), так и состав (количество) природного населения „колонизируемых“ областей, их естественные богатства, производственные отношения „колоний“ и „метрополий“, рыночные условия (спрос и предложение), перевозочные средства и т. д. соответствующей эпохи. В зависимости от всех этих, или некоторых из этих факторов, мы наблюдаем либо колонизации исключительно или преимущественно сельскохозяйственного типа (сравни в частности вышеприведенные примеры из жизни Пруссии), либо колонизацию исключительно или преимущественно коммерческого типа, т. е. создание колоний коммерческих — иногда, как в Индии, сначала коммерческо-административных, затем (с разделением труда)—как административных, так и коммерческих, наконец не только административных и коммерческих — торговых и банковских, — но и индустриальных с новым разделением последних на индустриально-промышленные и индустриально-сельскохозяйственные. Помимо части английских, к колониям последнего типа относятся также и колонии голландские и (отчасти) французские и т. д. В отличие от первых (*Sidelingskolonien, Colonies ordinaires ou de peuplement*) последние (*colonies ou comptoirs de commerce, фактории и т. п.*) имеют целью не массовое, по возможности, сплошное заселение известной области земледельческим населением, с вытеснением (не только политическим, но и экономическим подчинением) местного (редкого) населения, но и захват особенно важных в географическом, демографическом, коммерческом и политическом отношении пунктов в пределах часто густо населенной страны, о вытеснении населения которой и замене его новым не может быть речи по причинам климатического или демографического, в широком смысле слова, характера.

В тесной связи со всеми ранее перечисленными видами колонизации стоит, наконец, еще один ее вид — колонизация, преследующая, в первую голову, не какие-либо ранее указанные цели, а совершенно иную задачу, именно: расселение слишком сгустившегося (по условиям привычной техники производства, в частности, сельскохозяйственного, по условиям юридического и бытового строя и т. д.,—т. е. не абсолютно, а относительно слишком сгустившегося) населения в пределах менее густонаселенного, но так или иначе подвластного данному государству комплекса владений, — явление, хорошо нам известное из русской жизни последних десятилетий ¹⁾.

Особое место на ряду со всеми вышеуказанными формами планомерного правительственного воздействия на перемещения частей населения занимают, наконец, те виды принудительного перемещения населения, которые являются так же, как и ранее упомянутые явления, результатом сознательно-систематически-

---

¹⁾ Интересно отметить, что острый кризис хозяйственной жизни, постигший Англию после войны и выразившийся, между прочим, в громадном количестве безработных, а также в обострении социальных противоречий вообще, побудил послевоенные английские правительства обратить особое внимание на поощрение переселения „избытков“ населения в колонии, в частности Канаду, Австралию и Новую Зеландию.

целевой деятельности государственной власти. Колонизационными эти действия нельзя назвать потому, что здесь речь идет не о заселении густоюющих или малонаселенных областей или о создании в чужих данному народу и государству областях колоний военного, административного или коммерческого (в самом широком смысле слова) характера, а лишь о замене одного населения данной области другим. Обобщающим эти разнообразные виды перемещения населения является тот факт, что все они преследуют прежде всего и главным образом цели политического характера и не связаны непосредственно с заданиями экономического характера, что не мешает им иметь и разнообразные, неподвиденные властью, политические и в особенности культурные и экономические последствия.

Именно это последнее явление — комбинация преднамеренных (целевых) действий государственной власти с непреднамеренными (объективно результирующими) последствиями ее действий — приводит нас к совершенно иному типу колонизационных процессов, чем те, о которых до сих пор была речь. Ассирийские и вавилонские цари не предвидели, что выселение ими, напр., евреев из Самарии, а позднее и из Иерусалима в область „рек вавилонских“, создаст почву для своеобразного национально-религиозного возрождения (и отчасти зарождения) иудаизма с его двумя последующими формами в виде наиболее раннего и впоследствии отрекшегося от своей основы христианства, с одной стороны, и наиболее позднего хронологически современного нам сионизма, типа д-ра Герцля с его упорным национальным мессианизмом и т. д., с другой стороны. И так же точно при выселении евреев не предусматривалось, что своеобразные условия, в которых очутилась их диаспора, сделают евреев с течением времени одним из главных носителей посреднически-коммерческой деятельности в пределах Передней Азии, Северной Африки и Европы. Византийские императоры, принудительно перемещивая все расы подвластной им империи, не предполагали, что переселенные ими в Европу сирийские павликиане (отпрыск манихейского движения IV века) найдут себе отклик среди болгар (богумильство), а через них дадут толчок развитию манихейской по своей теоретической основе „альбигийской ереси“ в Италии и Ю. Франции — ереси, в борьбе с которой папство было вынуждено напречь в XII—XIII веках все свои силы, чтобы отстоять свое положение и положение католической церкви. И так же точно испанский монах эпохи конквистадоров Лас Казас, возмущавшийся непосильным трудом, возложенным на краснокожих Америки, и проповедовавший необходимость заменить их более выносливыми в этих широтах, как он знал, неграми, а также и белые поселенцы Америки вообще и южной части С. Шт. Америки в частности, не подозревали, что они вызовут своими действиями — в частности, поощрением ввоза черных невольников — ряд весьма важных в жизни Америки последствий, в частности, напр., чрезвычайно серьезный в современной жизни Соединенных Штатов „негритянский вопрос“ или, что то же, негритянскую колонию в Северной Америке, составляющую ныне около 9 миллионов человек (несколько менее 10% населения Соед. Штатов) и чрезвычайно быстро размножающуюся. Не подозревали об этом и те несчастные негры, которые отправлялись на судах работорговцев в Северную Америку и тем менее их родичи и неродичи, которые продавали их в рабство. А тем не менее объективный результат — создание в С. Штатах Америки огромной негритянской колонии — был именно таков.

Однако, это лишь один (хотя и чрезвычайно важный) из видов непреднамеренной с точки зрения государственной власти (в смысле ее последствий) колонизации. В связи с ним мы можем говорить сейчас о наличии, напр., в Соединенных Штатах, кроме негритянской, еще ряда других колоний разных европейских народов, как-то о колониях: „ирландской“, „немецкой“, „еврейской“, „итальянской“, „русской“, „польской“, „болгарской“ и т. д. и т. д., т.-е. об известных совокупностях национально-связанных личностей, ищущих в чужой им стране, в наиболее близких им по расово-национальному, лингвистическим, культурным и т. д. признакам элементам необходимую каждому поддержку в обычной борьбе за существование. Совершенно аналогичное явление представляла до недавнего времени весьма значительная польская колония в западно-немецком рурском угольном бассейне, достигавшая до последней войны весьма значительной цифры—около 250.000 человек. Сюда же относится и большое количество немецких колоний сельскохозяйственного и иного характера в России, как северной и центральной, так в особенности южной; устойчивое сохранение значительной частью колонистов их национально-культурного облика, а тем более усиление в их среде чувства связанности и более или менее значительной солидарности с немецкой метрополией, несомненно, не были учтены при привлечении немцев-колонистов в Россию и составили впоследствии один из предметов забот для дореволюционной власти.

Сопоставление данных о „колониях“ этого типа свидетельствует о том, что мы здесь имеем дело не столько с колонизационной, сколько с иммиграционной политикой соответственных стран, иначе говоря, речь идет не о том, чтобы государственная власть вербовала или организовала переселенцев в заранее предусмотренном ею районе и с заранее предусмотренною целью, а о том, что она привлекала лиц, желающих покинуть свою родину и переселиться в другое место, т.-е. трудовую массу,—возможно более привлекательными для них условиями существования. Ясно, насколько при этом направляющая состав, характер и поток переселенцев воля государственной власти отстывает на задний план перед более стихийными, но в конечном итоге отнюдь не менее важными процессами. В умелом по ближайшим результатам применении такого типа иммиграционной политики заключается весь секрет ошеломляющего успеха „колонизационной“ (вернее же иммиграционной и миграционной) политики Соед. Штатов, о конечных результатах которой, впрочем, сейчас еще слишком рано судить. По тому же пути поныне продолжают идти все (вследствие той же причины, т.-е. малонаселенности обширных их владений и признания главенствующего значения для них не вопроса о качестве или этнографическом составе переселенцев, а вопроса о количественном росте трудовых единиц, могущих применить свою энергию к разработке природных богатств страны) государства Южной, а отчасти и Центральной Америки, тогда как в Соединенных Штатах за последнее время (с 1903 г.)¹⁾ уже наблюдается тенденция к возрастающему ограничению „нежелательных“ (по характеру состава иммигрантов) элементов при продолжающемся в общем благосклонном отношении к элементам „желательным“ (сравнительно материально обеспеченным

¹⁾ Законы, гл. обр., Тихоокеанских Штатов против иммиграции желтых, т.-е. китайцев и особенно японцев, относятся к еще более раннему времени и представляют поныне один из явских раздора между С. Штатами и Японией.

и вдобавок принадлежащим преимущественно к числу тевтонской — англо-германской „расы“) 1).

Таковы основные типы государственной колонизационной деятельности, соприкасающейся с иммиграционной политикой подлежащих государств, причем, как показывает, напр., все тот же опыт С. Штатов, колонизационная деятельность государства, опирающаяся преимущественно на человеческие запасы собственного населения, может переплетаться с поощрением иммиграции. Таким именно путем совершилось заселение Средних и Западных Штатов С. Америки, чрезвычайно облегченное, как известно, концессионной политикой в области жел.-дор. строительства, связавшего Антлантическое побережье рядом магистралей с побережьем Тихого Океана и образовавшего густую сеть второразрядных и под'ездных путей в недавно еще девственных территориях Северной Америки. Результаты были достигнуты параллельным действием двух факторов—переселенческого движения среди осевшего уже в восточных штатах населения по направлению на Запад, иммиграционного движения, шедшего преимущественно из Европы—при поощряющем в обоих случаях содействии государственной власти.

На ряду с колонизацией государственного типа, однако, существует и другой тип колонизации, а именно—тип целиком или по преимуществу частного или народно стихийного характера.

Сюда относится обширный ряд явлений из области так называемой внутренней колонизации, а именно все явления самопроизвольного постепенного, обычно многовекового, продвижения избытков населения из ранее заселенных и уже ставших предметом хозяйственного овладения областей в первоначально мало или вовсе не заселенные и не являвшиеся объектом хозяйственной эксплуатации области той же страны, — явления, совершающиеся без всякого или при минимальном содействии государственной власти. Таким путем совершилась внутренняя колонизация всей Германии между Рейном, Альпами, чешскими горами и Эльбой: страна „отвратительная бесконечностью своих лесов и болот“, каковой изображает Германию Тацит в конце I в. после хр. эры, постепенно заселяется в силу последовательных займов, возникающих в девственных дотоле местах с расчисткой лесов, осушкой болот и т. д. Этот процесс, последовательные стадии которого могут быть прослежены, как показали исследования Арнольда и других, путем систематического изучения преобладающих в определенных эпохи типов наименований возникших в течение веков сельских поселений, продолжался до XII века. Совершенно аналогичный характер имела внутренняя колонизация Франции, население которой в течение времени от III до X века значительно уменьшилось в результате длинного ряда „варварских“ нашествий и не менее варварских по своему типу войн между франкскими и иными конунгами, конунгами и феодалами, самими феодалами и т. д., а также в связи с сопутствовавшим всем этим явлениям процессом разложения достигнутых в римское время форм сравнительно более интенсивного (а стало быть, обеспечивавшего возможность существования большего количества населения) хозяйства и возвращения населения к более экстенсивным формам хозяйства. Источники не оставляют сомнения в том, что этот процесс охватил отнюдь не только одни города, на которых он лишь скорее и решительнее отразился, но и сельские округа и привел во многих местах к длительному

1) Мероприятия, преследующие цель устранения экономически, культурно или „нравственно“ нежелательных элементов, осложнились с 1917 г. мероприятиями против притока элементов, подозрительных по „большевизму“.

сокращению посевов и площади сельскохозяйственной эксплуатации вообще, к увеличению лесов, заболачиванию ранее обрабатывавшихся земель и т. д. Лишь с X века, когда наступает некоторое успокоение общефранцузской жизни (прекращение норманских, сарацинских и венгерских нашествий и т. п.) наблюдается обратный процесс вторичного продвижения избытков населения в ранее уже обрабатывавшиеся области, совершающийся так же точно, как вышеупомянутый процесс внутренней колонизации Германии в результате займок, создаваемых, как исключительно по инициативе самого крестьянского населения, так и при поощрении и содействии многочисленных крупных землевладельцев, заинтересованных, как экономически, так и политически, в поднятии доходности своих земель, в хозяйственном использовании заброшенных в предыдущую эпоху земель, в возрождении совершенно захиревшей городской жизни и т. д. Начавшись в X в.— процесс продолжается до XIII в., а местами и дольше, но естественно длится не так долго, как параллельный процесс овладения девственными пространствами Германии.

Такой же точно характер имеет, наконец, процесс продвижения слиявшихся в русский народ восточно-славянских племен в бассейне Днепра и Днестра, с одной стороны, в бассейне Волхова, Верхней Волги и Оки, а позднее в северной России и Сибири, с другой стороны. Поощряющая, а порой и организующая деятельность государственной власти следует за негосударственным, стихийным процессом продвижения русских племен, а далее и русского народа, рано переставшего помнить о прежнем племенном делении, вглубь страны. В то же время, однако, в процессе продвижения русского народа мы встречаемся на ряду с внутренней колонизацией в тесном смысле слова, т.-е. наряду с продвижением в неиспользованные дотоле области внутри захваченной страны, с другим весьма важным процессом, а именно с таким продвижением населения вглубь восточно-европейской равнины, а далее и в Сибирь, которое, не имея государственно-организованного характера, направляется в территории, дотоле не входившие в состав политически подвластных русскому народу, его социальным и политическим вождям.

Возможность такого процесса, возникающего из хозяйственных потребностей населения и приводящего уже вслед за тем, как он приобрел известную мощность и постоянство, к важным политическим последствиям, т.-е. к включению всех новых территорий в область, подвластную крепнущему Московскому государству, обуславливалась в Средней и Северной России, как географическими причинами, так и малой населенностью значительных осваемых пространств и слабой организованностью и культурностью туземного населения¹⁾. Это не мешает, однако, тому факту, что мы имеем в данном случае перед собой крайне важную по своим последствиям форму негосударственного по своему происхождению переселенческого движения, приводящего объективно к первоклассным колонизационным результатам.

Это приводит нас вместе с тем непосредственно к чрезвычайно важному для теории и практики колонизационных (в узком смысле)

---

¹⁾ Стоит в связи с этим вспомнить о продвижении европейских поселенцев атлантического побережья Америки и в особенности Северной Америки на запад, — продвижению, которому редкое и плохо вооруженное краснокожее население не могло оказать серьезного и длительного сопротивления даже в XVIII веке, когда сами белые переселенцы еще были сравнительно весьма малочисленны, а движение их на запад имело в общем и целом столь же мало организованный государственной властью характер, как и продвижение русского народа из центра на окраины.

процессов или мероприятий вопросу о связи и соотношении их с процессами собственно-миграционного характера.

Под миграционными процессами, в самом широком смысле этого слова, мы подразумеваем всякого рода массовые по своим размерам и по своей более или менее значительной устойчивости (как в смысле длительной их повторности, так и в смысле их результатов) передвижения целых народов или частей населения, не только выходящие за пределы данной страны, и в частности государства, но и совершающиеся в пределах одной и той же страны или государства. При этом необходимо иметь в виду, что понятие „массового характера“ движения имеет условное значение, ибо должно быть расцениваемо различно в зависимости от состояния данной народной жизни (от „массивности“ разных этнических групп), как в разные эпохи исторического развития человечества, так и при сопоставлении многомиллионных масс современных европейских народов, напр., с малочисленными арктическими народами (хотя бы эскимосами). Стоит вспомнить, что с точки зрения скандинавской жизни IX—X в., постоянное войско (т.-е. дружина) иного конунга, превышавшая шесть дюжин людей, уже представлялось грозной силой, что еще до великой французской революции постоянная армия в 200 т. человек была доступна лишь немногим великим державам Европы, что даже „великая армия“, с которой Наполеон предпринял свой поход на Москву, не превышала 600 т. человек, обнимавших собою цвет воинства всей 3. Европы (кроме Англии), и сопоставить с этими цифрами колоссальные массы, выдвинутые во время войны 1914—18 г., чтобы отдать себе ясный отчет в условности понятия „массы“ в области хотя бы военного дела разных времен и народов. То, что будет иметь „массовый характер в передвижениях эскимосов, самоедов или дробных племен Африки, то далеко не доходит по своим „массовым“ размерам до размеров ежегодного передвижения квартирантов в пределах не только Нью-Йорка (с пригородами ок. 8 мил. чел.), Лондона (с пригородами свыше 6 мил. человек)¹⁾ но и других крупных городов, не говоря уже о тех повседневных „переселениях народов“, которые совершаются в них или около них в трамвайных и железнодорожных вагонах по соображениям профессионально-служебного характера. Из этого вместе с тем следует, что, говоря о „миграционных процессах“, мы не имеем в виду такие передвижения в пространстве, которые обусловлены повседневной профессиональной деятельностью человека, не меняющего в связи с ними окончательно или на длительный срок свою постоянную оседлость и ближайшую привычную по бытовым условиям территории применения своей энергии: передвижение крестьянина из его избы или хаты, как на обрабатываемый им участок земли или на соседнюю ярмарку, рынок и т. д., так же мало относится к „миграционным“ процессам, как передвижение живущего в пригороде рабочего или служащего в расположенную внутри или около города фабрику, в подлежащее учреждение или предприятие и т. д.

Миграционные процессы в указанном смысле этого слова в свою очередь могут иметь характер либо привычный и периодический и совершаться в пределах одной более или менее резко отграниченной области, либо, наоборот, иметь, так сказать, чрезвычайный характер. К первой категории относятся обусловленные

¹⁾ Для оценки значения этих цифр стоит отметить, что население всего современного Царства Болгарского не превышает $4\frac{1}{2}$ —5 мил. человек...

хозяйственными соображениями периодические передвижения рыболовов, охотников и скотоводов, вследствие переселения центров рыбной ловли или охоты или необходимости использовать для пропитания скота разнородные, смотря по времени года, в климатическом отношении (Апулия-Абруццы, Восточная Фракия-Родопы и т. д.) пастбища или последовательно эксплуатировать все рыбные, охотничьи и кормовые богатства данной области, а так же точно и периодические передвижения частей оседлого, земледельческого населения ради отхожих промыслов, как сельскохозяйственного характера (ежегодные передвижения сельскохозяйственных рабочих в России из средне-и севернорусских губерний в южные, аналогичные передвижения таких же русских, литовских и польских рабочих из Э. России в В. Германию и т. п.), так и типа отхожих промыслов в узком смысле, игравших столь крупную роль в фабричной и городской жизни России ¹⁾. Все эти процессы, проистекая часто формально из индивидуальных решений, имеют в то же время объективно вынужденный или обусловленный (напр., в области избрания определенного направления) характер и суммируются в нередко весьма внушительные, социально и культурно важные, величины, чем на ряду с их повторяемостью и определяется их миграционный характер, поскольку мы выделяем миграции из совокупности фактов, относящихся к простому перемещению отдельных особей в пространстве.

Переходную форму от этих привычно-периодических к „чрезвычайным“ передвижениям представляют явления типа антично-итальянского, *ver sacrum* („священная весна“), о которых нам рассказывают римские писатели. Согласно их повествованиям, у самнитов существовал обычай в известные (приблизительно 20-летние) сроки направлять накопившийся избыток своего мужского (если не исключительно, то по преимуществу) населения в соседние страны, дабы уходящие нашли себе путем завоевания в не слишком тесной для них родине новые места поселения. Весьма вероятно, что скептическое отношение большинства современных историков к этому своеобразному институту самнитского обычного права, которым наши античные источники объясняют, между прочим, широко распространение самнитского и тесно с ним родственных, но значительно менее многочисленных, племен по Средней и Южной Италии, основано на недоразумении, вытекающем из непривычности подобного разре-

¹⁾ Не всегда при этом легко провести грань между чисто хозяйств. техническими и профессиональными передвижениями (вроде, напр., ежегодных экспедиций бретонских рыболовов к берегам Нью-Фаундленда и Исландии и т. п.), и передвижениями более постоянного характера. Можно с большой вероятностью предполагать, что заселение Исландии датчанами и уроженцами западной части Скандинавского полуострова, как и в более ранние времена основание первых греческих поселений на Праморном и в особенности на Черном море были вызваны стремлением использовать прежде всего рыбные богатства подлежащих водных пространств, так сказать, на месте без дальних каждый год плаваний. Весьма вероятно, что подобного рода соображения были первоначально не чужды западному и заиталийскому продвижению древних эллинов. С другой стороны, охотничьи инстинкты первичного типа (продовольственного) легко могут осложниться с течением времени и при благоприятствующих условиях спроса в дальние—и порой соединенные с длительным, не только политическим, но и хозяйственным овладением областей, богатых, напр., пушным зверем или слоновой костью,—экспедиции с последующей колонизацией. В связи с этим стоит отметить значение, которое в народной (и даже международной) жизни может приобрести изменение миграций животных, напр., отмеченное историками стран, расположенных по Балтийскому и Немецкому морю, изменение в направлении потока сельдей, некогда направлявшегося в область Балтийского моря и впоследствии переместившегося на западное побережье Скандинавии. Здесь вопросы антропогеографии и зоогеографии очевиднейшим образом тесно переплетаются. Передвижения человеческих масс часто напоминают ежегодные перелеты птиц и т. д.

шения „аграрного вопроса“ в жизни современных культурных народов. Слабость этого аргумента ясна для всякого, кто знаком с многообразием частичных форм одних и тех же социальных явлений на разных стадиях развития и в разных широтах.

Исторически и отчасти актуально более важный характер имеют „чрезвычайные“, т. е. не привычно-периодические, а относящиеся к определенному (хотя бы и длительному) и в этом смысле „единичному“ моменту миграции, порой, но не всегда, принимающие характер „переселения народов“. На ряду с так называемыми переселениями народов, т. е. с более или менее организованными и планомерными передвижениями целых этнических групп из одной территории в другую, — передвижениями, принимающими в доступные нашему вниманию исторические времена обычно формы воинственные — сюда, строго говоря относятся также уже упомянутые процессы более или менее организованной внутренней и, по крайней мере, отчасти (чтобы не сказать в большей мере) процессы внешней колонизации. Основная черта, объединяющая все эти три основных вида чрезвычайной миграции, заключается в том, что они неизменно соединены с овладением новой (хотя бы и в пределах данной страны находящейся, но ранее мало или неиспользованной) территории и нетолько не сопряжены с периодическим возвращением в прежние места пребывания и хозяйствования, а, наоборот, приводят к перемене места жительства и хозяйничания, а иногда и к перемене типа последнего, о чем еще будет сказано ниже.

Обращаясь в первую голову к рассмотрению „переселений народов“, нужно прежде всего заметить, что этот термин не следует понимать в слишком буквальном смысле, будто он подразумевает непременно абсолютно полное переселение целых народов во всем их составе с одного места на другое. Против такого понимания в частности так называемого „великого переселения народов“ IV—VI века после христианской эры (так определяет его хронологические рамки обычная историческая терминология) возражал, поскольку речь шла в частности о германских народностях, еще в 80-х годах прошлого века Platner, взгляды которого разделял и наш известный византист и историк В. Г. Васильевский, полагавший так же, как и Платнер, что реально тут не может быть и речи о поголовном снятии с места целого народа или племени, а лишь об уходе более или менее значительной его части — в особенности тогда и там, где мы имеем дело с полуоседлыми этническими группами. И также мало можно говорить о полном истреблении предшествующего населения новыми поселенцами, завладевающими силою меча новой, ранее уже заселенной, областью. Области к востоку от Эльбы, ранее заселенные „покинувшими“ их германскими племенами, не обратились в безлюдную пустыню, в которую затем уже пришли ляхи, поморские и полабские славяне и т. д.; последние застали в ней остатки, порой быть может значительные, прежних вандалов, семнонов, лангобардов и др. и с течением времени ассимилировали их себе, тогда как переселившиеся в пределы римской империи визиготы, остроготы, бургунды и вандалы, наоборот, были ассимилированы не только численно, но и культурно преобладавшими над ними римскими провинциалами. „Великое переселение“ народов в этом смысле ничем не отличается от целого ряда совершенно аналогичных миграционных процессов, от греческих, италийских, кельтских и других, почти недоступных нашему изучению, до относительно лучше нам известных германских, славянских, турецко-татарских и монгольских включительно.

Второе обстоятельство, которое следует подчеркнуть, говоря о „переселениях народов“ в только что указанном условном смысле этого слова, это то, что переселения более или менее компактных народных масс (не об'емлющих собой, однако, по крайней мере, обычно всего данного народа в полном его составе) представляют при всей своей „чрезвычайности“ явления, играющие именно потому огромную роль в истории человечества, что они сопутствуют долгим периодам общечеловеческого процесса развития и являются на ряду с ростом массы человечества и в зависимости от этого роста одним из важнейших элементов его истории, вплоть до настоящего времени, недостаточно оцененных исторической наукой. Раскрывающаяся постепенно перед нашими глазами древнейшая, доступная нашему изучению, история Передней Азии, Европы и Северной Африки,—по понятным причинам прошлое именно этих территорий нам лучше известно, чем история Средней и Восточной Азии, Центральной и тем более Южной Африки,—исполнена разнообразных прямых данных и косвенных указаний на громадное количество передвижений весьма, повидимому, разных по своему расовому составу народов, передвижений, о ближайших причинах, а часто и о дальнейшем направлении и конечном исходе коих мы имеем часто лишь весьма смутное или совсем никакого представления, этнографическая и культурная важность которых однако не допускает сомнений. На них выстроился в частности базис античной и современной европейской цивилизации, вобравшей в состав народов нынешней Европы громадное количество обломков некогда самостоятельных и более или менее обособленных народов и племен. Непосредственным продолжением этих ранних, продолжавшихся, вероятно, в течение тысячелетий, передвижений являются более близкие к историческим временам движения фракийцев, скифов, кельтов и позднее лучше нам известные передвижения германцев, славян, турецко-татарских и монгольских народов.

О продолжительности, многообразии и значении этих „переселений“ позволяют судить хотя бы передвижения германских племен. Соприкоснувшись с пределами античного мира в конце II века до христианской эры (движения кимвров и тевтонов с примкнувшими к ним группами), германцы, отброшенные Цезарем и Августом (период от 58 г. до христианской эры до 14 г. после нее) от Рейна и Дуная, беспорядочно толкнутся к северу и востоку от империи, разбивают себе не раз голову об ее укрепленную границу, даже когда направляются на нее весьма значительными массами (эпоха так называемой войны с маркоманнами и квадами в 60-х и 70-х г.г. II века после христианской эры), кидаются на восток, завладевая всеми областями до низовьев Дона, пока, наконец, с конца III века не пробивают брешь в ослабевшую империю, через которую вливаются в конце IV века все расширяющимся потоком не только в ближайшие пограничные области империи, но и в глубь ее до Константинополя и Афин с одной стороны, до Испании, Италии, итальянских островов и даже северозападной Африки, с другой стороны, и утихают лишь после страшного для З. Европы шквала германских набегов IX и начала X века: переселение германских племен охватывает период не в какие нибудь 175 лет, а приблизительно около тысячи лет, то усиливаясь, то ослабевая, и принимая за это время разнообразные по внешности формы, на которых здесь нет надобности останавливаться.

Несколько позднее чем германские передвижения, а именно с IV века, нам становятся известны первые толчки турецко-татарского потока в лице гуннов, за которыми длинной цепью следуют

(мы говорим лишь о важнейших) авары, мадьяры, печенеги, половцы и татары, нажим которых на В. Европу ослабевает лишь к XV веку. Опять перед нами период выше чем в тысячу лет.

О передвижениях славян мы получаем первые отчетливые сведения позднее, что объясняется не их малой значительностью, а тем, что они происходили первое время вне пределов мира, близко соприкасавшегося с римской империей. Однако, уже к VII веку славяне густой массой продвинулись за Эльбу (по нижнему и среднему ее течению), до средненемецких гор и дальше на юг до Австрии и вглубь Балканского полуострова: по свидетельству византийских писателей „вся Эллада“ к VIII — IX векам „стала славянской“. Параллельно с этим совершался захват восточно-европейской равнины, доведший славянские племена до Тмутаракани на юге, до В. Новгородского и приладожских земель на севере и еще раньше Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, т.-е. до XII века, почти до слияния Оки с Волгой на востоке. И здесь перед нами миграционный процесс продолжительностью около тысячелетия, начавшийся в скрытом для нас виде, вероятно, не позднее II века по хр. эре.

Миграции германских и славянских народов, как бы велико не было их историческое значение, не стоят особняком в истории передне-азиатского, европейского и северо-африканского мира (помимо турецко-татарских движений, следует упомянуть о грандиозном распространении арабского племени, начавшемся не позднее III — IV века, охватившем в эпоху халифата всю территорию от средней Франции через Испанию и всю северную Африку до восточной части Анатолии, до Индии и до Сыр-Дарьи, процессе, миграционной основы которого не могут скрыть религиозные лозунги и военно-государственная организация движения) ¹⁾.

Германские и славянские миграции не заканчиваются вместе с тем с прекращением периода „переселения народов“, а продолжают, принимая лишь иные формы. Так только наличие склонного к миграциям человеческого материала сообщает стремлению немецких князей и иных феодалов к захвату расположенных по восточной границе средневековой Германии славянских земель твердый фундамент и обеспечивает возможность германизации полабских и поморских славян, а далее создание сильных немецких колоний в Пруссии и в областях нынешней Латвии и Эстонии на севере, а также аналогичный процесс в области Австрии, Штирии, Хорутании (Каринтии) Крайны и Истрии, и далее опять-таки заметных немецких островов в Чехии (и Польше), а также в Семиградии на юге. В последующее время, когда Германия начала оправляться от страшных опустошений эпохи тридцатилетней войны (1618 — 1648 г.), на что ей потребовалось более ста лет, миграция тотчас возобновляется, направляясь частью по-прежнему на Восток (усиление германского элемента в Силезии, германизация З. Пруссии, немецкие колонии в России, усиление немецкого элемента в негерманских владениях Австро-Венгрии), частью (и несколько позднее) с особенной силой на далекий заатлантический запад, т.-е. в Соединенные Штаты, в заселении которых немцы сыграли, как известно, очень видную роль. И также точно миграции русских не ограничились областью Днепровской, Новгородской и волжско-окской России, а продолжались — и чем больше заживали тяжелые

¹⁾ О более ранних миграциях населения арабского полуострова см. интересную статью проф. К. П. Добролюбова: „Возникновение ислама в новом освещении“, Новый Восток, т. IV, стр. 328 — 348, посвященную результатам изысканий итальянцев в этой области.

раны, нанесенные русскому народному организму татарским нашествием, тем скорее по направлению главных водных систем — невологодской, северодвинской, мезенской и печерской на север, по Волге, Дону и Днепру на юг, по Каме и за пределами Урала — по системе Оби, а благодаря близости верховьев верхнеобских притоков, Енисея и Лены, и далее близости Байкала и Селенги — к верховьям Амура на восток, проникая и в смежные с этими основными артериями территории вроде Северного Кавказа, Северного Каспия с Уралом и т. д. и проникая на нашей памяти, без инициативы и содействия центральной власти, за политические границы России в Урянхайский край на китайских верховьях Енисея и в Монголию.

Такое же точно могучее миграционное движение, какое мы таким образом можем проследить в жизни германских народов и немецкого народа в частности, — в жизни славянского народа и русского народа в особенности, — такое же точно движение мы встречаем и в жизни древних эллинов. Переселение их отдаленных предков в область древней Эллады и прилегающих к ней островов, приведшее к более или менее полной ассимиляции или истреблению предшествовавшего им населения, не прекратило их миграций. Вслед затем начинается заселение ими Западного побережья Малой Азии, далее Южной Италии до Неаполя и Сицилии, создание громадного количества не только „торговых“, но и земледельческих пунктов от восточной Испании до Итальянской Ривьеры на западе, по побережью Адриатического и северной части Эгейского моря, на Пропонтиде (Мраморном море) и по побережьям всего Черного моря — процесс, охватывающий время примерно от XI/X до конца V века дохристианской эры. Этим, однако, роль не ограничивается. С IV века процесс направляется, сохраняя более слабое ответвление на запад, главным образом на восток, подготавливает будущий поход Александра В. на персидскую монархию и получает от этого похода громадный толчок в том же направлении, вплоть до Туркестана (греко-бактрийское царство III и II в.) и Индии: никакие принудительные меры власти Александра, его диадохов и эпигонов, династий Птолемеев, Селевкидов и т. д. не могли бы вызвать частичной эллинизации значительных центров и даже областей персидской монархии, не могли бы сообщить эллинского или точнее полуэллинского („эллинистического“) характера таким городам, как Александрия (Лондон тех времен, распространявший свое влияние не только на бассейн Средиземного моря, но связанный через Красное море с „счастливой Аравией“, с Индией, а в эпоху Антонинов — VI в. после христианской эры — и с Китаем, как Антиохия в Сирии, Селевкия и Ктезифонт в области древней Вавилонии и т. д., „Экспансия“ греческой культуры, которая сыграла такую огромную роль в жизни связанного ближайшим образом с современной Европой мира, была бы, повторяем, фактически невозможна без наличия весьма значительного, склонного к миграционным движениям эллинского по происхождению или (позднее) вполне эллинизированного человеческого материала.

Менее ясны аналогичные явления в среде так называемого римского мира. Но и тут отдельные факты свидетельствуют о том, что и в процессе не насильственного, военного захвата, а глубокой (хотя, быть может, и несколько преувеличиваемой) романизации не только Испании и Галлии, но и Британии, двух прирейнских Германий, придунайских областей от истоков Дуная до Сирмиума, около Белграда, северной части Балканского полуострова и даже Дакии (область нынешней Румынии и части Венгрии) мы встречаемся на ряду с поли-

тическим, культурным и экономическим первенством „римского“ элемента, также и с значительным движением римско-италийских элементов в завоеванные римскими легионами области.

Способность к крупным, в иных случаях гигантским (в особенности, если принять во внимание продолжительность ряда подобных процессов) миграционным движениям, представляющая в свою очередь производное исключительно быстрого размножения (рождаемости) соответственных народных единиц, представляет одно из главных условий мирового масштаба, приобретаемого соответственными культурами. Народы, по тем или иным, не всегда ясно уловимым причинам, отстающие в этом отношении от своих соседей или конкурентов теряют, так сказать, темп в области международной конкуренции за овладение поверхностью земного шара и тем самым осуждаются в дальнейшем на положение народов, если можно так выразиться, провинциального, а не мирового типа, а то и совершенно поглощаются своими конкурентами и входят в их состав лишь в качестве дополнительного, ассимилируемого, но не руководящего и, что самое важное, творчески-созидательного элемента. Таких народов этнология и история знают не малое количество ¹⁾.

В связи с этим надлежит упомянуть вкратце еще о значении тех же процессов в жизни первенствующих народов Западной Европы—французов, англичан, испанцев и итальянцев. Было бы в самом деле большой ошибкой недооценивать значения миграционных процессов в их истории. Отчетливее всего они бросаются в глаза в истории испанского и английского народа. Вся история испанского народа до конца XV века есть история овладения им территориями, занятыми арабско-мусульманскими завоевателями VIII века с постепенным оттеснением последних на юг, а потом и за пределы полуострова и заменой их победителями, соединяющимися с обломками домусульманского населения.

Вслед за овладением Испанией наступает далее период, характеризующийся одинаково отвлечением значительной части избыточной человеческой энергии в область обширной военной политики Фердинанда Католика, Карла V и Филиппа II за господство над Италией, а далее и над западной Европой вообще, приводящей к возрастающему оскудению испанских национальных сил, с одной стороны, и заокеанскими предприятими (в особенности американскими), с другой стороны. В результате последних преобладающий тип средние и южно-американской культуры наших дней оказался, несмотря на совершающийся в особенности за последние десятилетия и искусственно поощряемый наплыв посторонних испанскому народу элементов, именно испанским, а не каким либо иным.

Еще более убедительный пример значения миграционных процессов для Э. Европы представляет пример Англии. Несмотря на все значение для современной Англии ее господства над Индией и рядом других согласно более позднему словоупотреблению „по преимуще-

---

¹⁾ Надо ли оговариваться, что дело не исчерпывается одной рождаемостью того или иного народа, и что судьба народов определяется наряду с этим и в этой области явлений рядом других условий и факторов? Здесь представлялось желательным особенно выдвинуть один из моментов развития, на который поныне не обращается достаточного внимания. При этом предполагается само собою ясным, что самый процент рождаемости обусловлен причинами как общехозяйственного характера (почва, климат и т. д.), так и условиями влияющего на быт—в частности хозяйственный—государственного и в особенности хозяйственного строя, тяготеющими над данным народом (в последнем смысле весьма характерна в особенности современная Франция).

ству“, „колониальных“ стран, т. е. стран тропических и субтропических ¹⁾, гораздо большее значение, с точки зрения широких исторических перспектив — имеет не (временное по необходимости) овладение климатически чуждыми метрополиями и более или менее густо населенными странами с отчасти высокой по своему характеру культурой, а прочное заселение обширных областей, принимающих если не во всех, то во многих отношениях культурно-бытовой характер метрополии (в данном случае: С. Штаты, Канада, Австралия, Новая Зеландия, отчасти и Капская колония). — Также точно, как и в Испании, процесс начинается в Англии с овладения „англичанами“ территорией островов самой Великобритании, в частности с того из них, в состав которого входят наряду с „Англией“, в собственном смысле слова, Уэльс, Шотландия и соседний Уэльсу — Корнуэльс. Процесс этот можно почитать (условно) законченным к моменту формального соединения Англии и Шотландии в одну державу (1603 г.). Он имеет по существу своему характер вполне аналогичный процессу испанского развития до конца XV века. Еще раньше этого момента начинается, однако, продвижение „купцов-авантюристов“ (merchant adventurers) английского происхождения далеко за пределы Великобритании, — вероятнее всего по стопам рыболовов — до Архангельска, а может быть и дальше — на востоке, до Северной Америки — на западе. Минувя время увлечения золотом и „колониальными“, с точки зрения того времени, товарами (всякого рода пряности, тростниковый сахар и т. п.), английское миграционное движение возвращается в XVII веке к северной части будущих Северных Штатов и упирается на долгое время в него, по сколькою речь идет о создании земледельческих и отчасти, „плантационных“ колоний с более или менее значительным применением в последних не только английского, или иного белого, но также „краснокожего“ (в весьма ограниченных размерах) и, в особенности, негритянского труда. По стопам конкурирующего и политически побежденного в XVII же в. нидерландского предпринимательства, англичане проникают с другой стороны также в Индию, где они создают торговые фактории „Восточно-индийской“ компании, постепенно овладевающей обширными пространствами Индостана. Малая сравнительно мощность населения Англии в XV веке, усугубленная сложными внутренними переживаниями страны в XVI и XVII веках, направила часть избытка населения в сторону завоевания Ирландии, все же показательно дополненного совершившимся при Кромвеле, завершителе великой английской революции, захватом „вестиндского“ острова Ямайки. Сильная не только по себе, сколько в связи с борьбой прочих европейских держав, сама Англия лишь с XVIII века, и то не без связи с Нидерландами, становится завоевательницей мира. Ряд „пунческих“ войн ее с Францией, завладевшей до того обширнейшими пространствами не только в Индостане, но и в Северной Америке, кончился полной гибелью громадной некогда колониальной империи Франции и переходом ее в руки Англии. Англия приобрела за это время сверх первоначальных штатов Северной Америки весь их Хинтерланд, т. е. Луизиану, в широком смысле этого слова, Канаду, почти весь Индостан, а также от Голландии, временно тесно связанной с Францией — во времена первой французской республики и наполеоновской империи — Капштадт, т. е. гла-

¹⁾ Термин „торговля колониальными товарами“ указывает на то, что в связи с открытием пути в Индию и с открытием Америки, представление о „колониях“ получило иное, ранее не существовавшее, содержание.

венство над Южной Африкой, которое оказалось ей столь важным в конце XIX и в начале нашего XX века.

Базой, созданной тогда и колониально расширившейся вслед за тем, главным образом, в Африке, в прилегающих к Индостану и за последнее время в открытом или скрытом виде в переднеазиатских областях, „колониальной империи“ Англии является, наряду с физической силой властвования и с экономической мощью английского капитала, и тот человеческий материал, который охотно оседал на более или менее продолжительное время в заокееанских колониях чисто эксплуатационного характера.

Существенно важно, однако, иметь в виду то обстоятельство, что в „колониальных“ в смысле XVI—XVIII веков (до отчасти по обычному словупотреблению и более позднего времени) владениях миграционный по преимуществу коммерческий, военно-административный, промышленный и технически-организационный (инженеры, техники, высоко-квалифицированные рабочие) элемент оказывался с самого начала и остается поныне вкрапленным в значительно более густую, отчасти, как уже было замечено, по своему высоко культурную массу туземного населения, что с течением времени неизбежно (и в особенности на наших глазах) ставит прочность его руководства местной жизнью и властвования под основательнейшее сомнение и тем самым серьезно грозя прочности „англосаксонского“ владычества над миром. — Совсем иной характер имеет совокупность тех миграционных процессов, которые проявились в жизни С. Штатов и так наз. британских „доминионов“, т. е. Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки и положил более прочную основу, если не империалистически-британской, то мощной — „англосаксонской“ культурно-политической струе, в потоке общего культурного развития человечества. Здесь английские (а также примкнувшие к ним и подчинившиеся в большей или меньшей степени им) мигранты или переселенцы имели дело с громадными и в тоже время крайне слабо населенными областями, осилить которые им до сих пор отчасти (в особенности в Австралии) не удалось. В качестве первичных поселенцев мы встречаемся здесь еще с двумя любопытными разновидностями миграционных движений — с полудобровольными движениями, обусловленными соображениями принципиальной, религиозной или политической, „эмиграции“ в узком смысле этого слова (пуританские колонии, а позднее штаты С. Америки ¹⁾ и с чисто-подневольным (стало быть, „условным“, но вовсе не колонизационным в настоящем смысле слова) передвижением „преступных“ с точки зрения родного государства элементов (немецкие: *Verbrecherkolonien*), каковые, как известно, играли немалую роль в первоначальном освоении англичанами Австралии (аналогия с Сибирью в дореволюционное время) ²⁾. В том и другом случае за первыми поселенцами следует, а также, хотя в количественно меньшем составе, предшествует и сопутствует, постепенно возрастая, численно более важный элемент обыкновенных мигрантов-переселенцев, окрашивающих отдельные области настолько определенно своей англо-саксонской культурой, что именно ею определяется характер подлежащих стран.

В значении миграционных, в отличие от сознательно-колонизационных, процессов в настоящее время в общем не отдают себе

¹⁾ О значении такого рода процессов в жизни Московской и Петровской (в широком смысле) России едва ли надо распространяться.

²⁾ Такие же *Verbrecherkolonien* имели также Франция (Кайенна, Новая Каледония), Испания и Португалия.

достаточного отчета. А между тем основа успеха всякой колонизационной в узком и техническом смысле деятельности заключается в наличии потребности в миграции, т.-е. в постоянном переселенческом движении. Миграционные процессы иногда рассматриваются как явления, свидетельствующие о низком культурном уровне народов, из среды которой они исходят. Такой взгляд следует признать неверным. Миграционные процессы сопутствуют, хотя и в разных формах и с неодинаковой в разные времена интенсивностью, развитию всех наций, среди которых наблюдается значительная рождаемость и благоприятствуют дальнейшему количественному, а далее и хозяйственному росту тех народов, которые благодаря им приобретают расширенный базис существования, хотя эти процессы и могут при известных условиях временно задерживать процесс перехода населения в пределах самой метрополии к интенсификации ее хозяйственной, а через это и культурной жизни.

Колонизационная деятельность государственной власти должна находиться в тесном контакте с наличностью, напряженностью и сложившимся направлением миграционных потребностей населения. Наряду с необходимым сопротивлением экономически нецелесообразному направлению миграционных потоков, с отведением их в соответствующее длительным народным потребностям русло, — необходимо рациональное руководство и организации переселенческого движения с целью достижения максимальных народно-хозяйственных результатов.

Колонизация и переселение.

До войны у нас не проводилось строгого различия между терминами „переселение“ и „колонизация“: они рассматривались как более или менее однозначные.

Свою диссертацию, посвященную подведению итогов русского переселенческого дела и переселенческой политики, А. А. Кауфман озаглавил: „Переселение и колонизация“. „Русское переселение,— говорится в ней,—последний акт того процесса колонизации русской государственной территории, который составляет такую существенную черту всей внутренней истории нашего отечества“.

И в речи на диспуте, перепечатанной еще в 1915 г. в „Сборнике“ его статей, термины „переселение“ и „колонизация“ употребляются как друг друга покрывающие.

Правда, уже в одной из более ранних работ А. А. Кауфмана находим попытку подойти к более точному разграничению обоих понятий. „Слово «переселение»,—говорится там,—приблизительно однозначущее с немецким выражением «внутренняя колонизация», обозначает передвижение земледельческого населения внутри границ государства с целью поселения в новых необитаемых или малообитаемых странах“ (слова подчеркнуты разрядкой нами).

Другими словами, переселение есть земледельческая колонизация необжитых или малообжитых территорий своего государства.

Посмотрим теперь, как определялось понятие „колонизация“ там, где речь шла о других государствах. „Под колонизацией обыкновенно разумеется массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства“.

„Колонизация—основание колоний“, т. е. „оседание в чужой стране, преимущественно же поселение в отдаленной, особенно заокеанской стране выходцев из стран старой культуры“. Колонизация вызывается в одних случаях избытком капитала, народных сил и предприимчивости, в других—хозяйственной нуждой и накоплением пролетариата в результате перенаселенности стран выселения. „Колонизовать значит вводить в культуру (новые земли) путем устройства колоний“.

Что касается так называемой „внутренней колонизации“, то те, кто о ней говорят, имеют в виду преимущественно заселение восточно-пруссских окраин, согласно закону о заселении 1886 г. „Некоторую аналогию русским переселениям,—говорит тот же проф. Кауфман,—представляет в Европе только прусская «внутренняя колонизация»—правительственное переселение, организованное в видах усиления немецкого элемента в польских провинциях прусского королевства:

но эта колонизация по своим размерам не может идти ни в какое сравнение с русским переселением“.

Прусская внутренняя колонизация представляла как бы последний этап борьбы германцев со славянами за право заселения территорий восточной части бывшей Германской империи вплоть до Эльбы и Заале, включая и большую часть Шлезвиг-Гольштейнии.

Следует отметить, что и в Мекленбурге правительство пыталось насадить мелкое крестьянское хозяйство, но встретило частью пассивное, частью даже активное противодействие со стороны крупных помещиков, которым в большей части Мекленбурга (58% общей площади) принадлежат 7% всех введенных в культуру земель.

Стимулом к принятию мер для заселения Восточной Пруссии и Познани явилось установившееся там с 70-х годов прошлого века невыгодное для германцев соотношение польского и немецкого населения. Наряду с этим были, однако, и другие мотивы, побуждавшие к проведению „внутренней колонизации“. Крестьянство всегда считалось наилучшим поставщиком здорового и послушного солдата. Крестьяне нужны были не только в качестве производителей сельскохозяйственных продуктов, но и в качестве рабочей силы для крупных и средних помещичьих хозяйств. Надо было удержать их от выселения из Германии в Америку и в колонии, нужно было задерживать их от ухода на фабрики в города.

Таким образом, прусская внутренняя колонизация шла за счет дробления и перехода в крестьянские руки крупных помещичьих владений, при чем такое дробление совершалось на почве добровольного согласия на то со стороны самих владельцев, так как оно всегда было выгодным для последних, давая возможность им по хорошей цене сбыть сильно задолженную землю, не окупавшую уже более лежащих на ней платежей.

В большей мере этим объясняется чрезвычайно высокая стоимость прусской внутренней колонизации: к 1911 г. расходы на нее выражались, примерно, 330 миллионов рублей, при чем общее количество устроенных семей равнялось 19.000 (13.000 в Познани и 6.000—в Вост. Пруссии семей). Другими словами, устройство каждой семьи обходилось государству около 17.000 рублей.

Русское переселение в 1890—93 г. стоило казне (считая пособия и расходы на лечение переселенцев) 1 р. на семью, а позднее—во всяком случае не дороже 40—50 руб. За 10 лет с 1895 по 1904 г. правительство затратило на переселение менее 8¼ миллионов рублей.

Другою причиной дороговизны немецкого переселения было направленное против него движение со стороны поляков. Вначале польские крупные помещики, всего более страдавшие от задолженности своих владений, охотно продавали последние. В дальнейшем, однако, они не только стали повышать цены, но и совершенно прекратили продажу земли в руки немцев. Пришлось довольствоваться скупкой владений немецких помещиков, в свою очередь поднявших цены на них. В 1908 г. был издан даже закон о принудительном отчуждении польских земельных владений, практически использовать который власть однако не решалась.

Из сказанного очевидно, что внутреннее переселение в Восточную Пруссию основывалось на использовании введенных уже в культуру бывших помещичьих земель.

Приведенного достаточно для того, чтобы получить представление о „внутренней колонизации“, которую и русские, и немецкие авторы сближают с русским переселением.

Следует оттенить и еще одно различие между ними. Как русское переселение, так и настоящая заокеанская колонизация, встречаются на местах вселения не культурных помещиков, готовых за хорошую цену продать свои земли, а обычно, тех или других коренных обитателей территории, у которых эти земли отнимаются по праву сильного и более культурного.

Приведенное выше определение понятия о „колонизации“ включает в себе уже представление об этих туземцах, как о „некультурных или малокультурных“ обитателях таковых же земель. Даже такие ученые люди, как Парацельс, учили, что американские дикари, как и „дикие“ народы вообще, стоят ближе к животным, чем к людям; они представляют как бы пробную неудачную еще попытку сотворения человека, проделанную до создания первого „удачного“ человека, Адама. Ясно, что с ними не было нужды особенно церемониться там, где они становились поперек дороги завоевавшему колонии капиталу, в стадии его первоначального накопления, где они могли быть так или иначе им использованы. В первом случае за скальпы дикарей, как за истребление волков и других вредных животных, уплачивали премии от 500 до 1500 рублей (за взрослых мужчин 1500 рублей, за мальчиков 1000 рублей, за женщин 500 рублей). С той же целью португальцы искусственно распространяли между индейцами оспу и скарлатину, отравляли пруды и источники, европейские женщины раздавали голодавшим австралийцам муку с мышьяком и т. д.

Поскольку представлялось выгодным использовать труд дикарей, их превращали в товар, в рабов. Англия сбывала ежегодно до 5000 негров испанцам. Главным поставщиком рабов был г. Ливерпуль, создавший на почве этой торговли свое благополучие; в 1792 году у него было для этой цели 132 специальных корабля.

В последних главах первого тома „Капитала“ Маркса дается яркая картина „успехов“ высшей европейской культуры над „дикими“ туземцами заокеанских колоний.

„О христианской колониальной системе,—читаем у Маркса,— W. Howitt, человек, сделавший христианство своею специальностью, говорит следующее: «Варварство и злодейство так называемых христианских рас во всех странах света и против всех народов, которых они только могут поработить, не имеют ничего подобного ни в какой эре всемирной истории, ни в какой расе, как бы она ни была дика, мало цивилизована, бесстыдна». История голландского колониального хозяйства—а Голландия была образцовой капиталистической нацией XVII века— „представляет беспримерную картину измен, подкупов убийств, подлостей“ (Th. St. Raffles). Например, „чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 году он впустил их в город. Они тотчас бросились в его дом и умертвили его, чтобы «воздержаться» от уплаты подкупной суммы в 21.875 ф. ст.“. Если такова была колониальная политика в отношении европейских конкурентов, можно себе представить, до чего она доходила в приложениях к туземцам. Всюду, куда голландцы вступали как колонизаторы,—„за ними,—говорит Маркс,—следовало опустошение и уничтожение жителей“. В одной из провинций Явы, Банбюванге, в 1750 году числилось 80.000 жителей, а в 1911 году уже только 8000. Вот что можно назвать *doos commerce!*

Не лучше обстояло дело и в английских колониях. „Обращение с туземцами было всего безобразнее в колониях, продукты которых предназначались для вывоза, например, в В.-Индии и в таких густо населенных странах, обреченных на грабеж, как Мексика и О.-Индия.

Но и в настоящих колониях сказался христианский характер первоначального накопления“. Британский парламент объявил вышеуказанное скальпирование „средством, данным ему богом и природой“.

Из одного списка, представленного парламенту видно, что английская Ост-Индская компания с 1757 по 1766 год получила с индейцев 6 мил. ф. стерлин. в виде подарков, взяток и пр. „Между 1769 и 1770 г.г. англичане создали голод, скупив весь рис и продавая его только по баснословным ценам. В 1866 г. в одной только провинции Орисса умерло от голода более миллиона индусов“. (Маркс).

Обратимся к более близким к нам временам.

В свое время в рейхстаге Бебель демонстрировал плети и шпигруты из кожи носорогов, служившие орудиями воздействия „высшей культуры“ на дикарей. Но это было лишь слабою иллюстрацией к подвигам доктора философии Петерса, которые в первую очередь имел в виду Бебель. О большей части их с полною откровенностью рассказал в специальной работе сам Петерс. Тут и истребление огнем целых групп деревень, расстреливание в спину мирных туземцев, устройство гарема из африканок и пр. Благодаря Бебелю, Петерс предан был суду, но, хотя последний и признал его виновным в убийствах, приговор суда сводился лишь к отрешению Петерса от должности. Основанием для такого более чем мягкого приговора послужило то соображение, что убийство диких не подлежит наказанию, так как сами дикие не считают убийство наказуемым и не имеют соответствующих писаных законов. „После такой великолепной мотивировки,—говорил Август Бебель,—следует ожидать, что и в дальнейшем Петерсы будут вести себя таким же образом в восточно-африканских территориях, не рискуя ничем, кроме морального осуждения. Если что-либо может вызвать краску стыда, то это, конечно, подобного рода воззрения“.

Тот же неутомимый „адвокат человечности“ Бебель приводил в рейхстаге серию так называемых „гуннских писем“ немецких солдат из Китая. Отправляя их туда, Вильгельм Последний советовал им вести себя там, как вели себя „тысячу лет тому назад гунны“, внушить на тысячу лет вперед такой страх перед Германией, чтобы „ни один китаец не посмел косо взглянуть на немца“. И немецкие солдаты постарались выполнить волю своего господина...

Можно было бы заполнить целые томы подобного же рода документами, характеризующими методы и приемы „колонизации“ заокеанских стран, но достаточно и приведенного. „В Индии европейцы,—писал в 1865 представитель английского политического либерализма Дж. Ст. Милль,—рассматривают туземцев как пыль под своими ногами; им представляется чудовищным, чтобы их интересам могли быть противопоставлены какие-либо права этих туземцев, и самые малейшие меры защиты последних против актов произвола, способствующих коммерческой наживе европейцев, вызывают со стороны европейцев громкие жалобы и рассматриваются как нарушение их прав“...

А вот как характеризует английскую колониальную политику наших дней биограф Гладстона Джон Морлей: „I. Сначала вы вторгаетесь в земли, где вам нечего делать и куда вы обещали не ходить. II. Ваше вторжение вызывает ропот, а в этих диких странах ропот означает сопротивление. III. Тогда вы поднимаете крик, что народ бунтует... IV. Для подавления мятежа вы посылаете войско. V. Посеявши кровопролитие, беспорядок и анархию, вы заявляете, с глазами, под-

нятыми к небу, что моральные основания принуждают вас остаться в стране, так как в противном случае она очутилась бы в таком состоянии, что ни одна цивилизованная держава не могла бы равнодушно и спокойно смотреть на это. Вот каковы пять стадий стремительного прогресса“. То же самое, примерно, в 1908 г. говорил в английском парламенте и Чарльз Дилк. „Перспектива, что чрез несколько столетий негритянская раса будет ассимилирована с европейской, отняла бы у многих людей радость проведения всякой колониальной политики“ — писал когда-то Цепфль. А вот только что на всесоюзном съезде научных работников академик С. Ф. Ольденбург сообщил пережитую им месяц-другой тому назад сцену в Париже: когда в ресторан вошли два негра, то кутившая там компания американцев потребовала у администрации их немедленного удаления..

Если русская колонизация не носила сознательно истребительного по отношению к туземцам характера, то отнюдь не в силу каких-то особенных черт характера, присущих только русскому народу, а потому, что она была почти исключительно земледельческой, не преследовавшей цели быстрого обогащения, бурного накопления капиталов.

Но, в конце концов, и русская колонизация оставила по себе не добрую память у тех, за чей счет она производилась...

Только Октябрьская революция начала ставить перед нами в совершенно новом освещении вопросы колонизации и переселения, изменила взаимоотношение между Великороссией - метрополией и Россией-колонией, сгладила существовавшее между ними правовое различие, начала уничтожать — как и всюду в других областях — эксплуататора, с одной стороны, и эксплуатируемого, — с другой.

Колонизация, как мы ее теперь понимаем в пределах СССР, не есть ограбление частей Союза, бывших колоний, со стороны РСФСР, бывшей метрополии; колонизация не есть и самовольное или упорядоченное бегство великорусского крестьянина под давлением земельного утеснения на сибирский или иной простор.

Современная советская колонизация есть согласованная с общим планом государственного строительства всего СССР организация земельной площади и хозяйства, как Союза в целом, так и отдельных республик, представляющих собой необжитые еще или малообжитые районы социализируемой страны. При таком понимании колонизации, вместо устройства во что бы то ни стало, в ограждение интересов метрополии, пришлого из „России“ переселенца, центр здания переносится прежде всего на устройство местного туземного населения, как наиболее ценного колониста, наилучше приспособленного к непосредственной (а не через труд другого человека) эксплуатации природных богатств своего района. Как справедливо говорит В. Г. Богораз-Тан, „туземные люди (Севера) сами представляют лучшую часть богатств далеких пустынь“. За многие „тысячелетия своего обитания в пустыне они накопили огромный и разнообразный опыт, естественно-технический и даже естественно-научный. Они изучили условия питания и размножения различных звериных пород и время прихода рыбных стай, входящих из океана в сибирские реки для метания икры. Они знают наперечет всю флору и фауну края, даже выходы угля и металла. Все драгоценные находки в лесу и на тундре, от золотых приисков до мамонтовых туш, дважды вывезенных Российской Академией Наук, указаны бродячими охотниками.“

Только теперь, когда мы начали с указанной новой точки зрения подходить к колонизации, мы мало-по-малу научаемся понимать огромную культурную ценность упомянутого выше туземца Севера—самоеда, остяка и пр., и кочевника, и полукочевника степей Киргизии и др.

Главной задачей старого „колонизатора“—он же „переселенческий чиновник“—было изыскание и выделение возможно большей площади „земельного фонда“ в Сибири для переселения на него возможно большего количества земледельцев из „России“.

Современный колонизатор к каждому из экономических районов Сибири, как и других малообжитых пространств, вынужден подходить с особыми заданиями. Эти задания вытекают из тех форм хозяйственного развития того или другого района, которые, в связи с его природными и другими особенностями, намечаются планирующими центральными и местными органами СССР.

Можно ли было прежде говорить о колонизации тундры и лесотундры?

Нет, потому что великороссу-земледельцу там делать нечего. Теперь мы не только можем, но должны поставить вопрос об организации территории и хозяйства на этих огромных пространствах нашей страны. Организация оленеводческого хозяйства, рыбной ловли, охоты и пушного промысла—столь же важная для этих районов задача, как для других организация земледельческой, лесной, горной, индустриальной и др. промышленности.

Первыми колонизационными задачами для всех наших малообжитых районов являются изучение их производительных сил, включая и туземного человека и его хозяйство, и выяснение путей и мер, содействующих в дальнейшем улучшению условий и продуктивности производственного труда и жизни населения.

Только в дальнейшем мы подойдем к вопросу о привлечении—в интересах хозяйственного и культурного развития района—сторонних колонистов, пригодных для организации иных ступеней, более культурного, трудового хозяйства в условиях данного района.

Совершенно очевидно, что конкретизация проблемы колонизации необжитых и малообжитых районов страны в ее новой постановке невозможна до тех пор, пока мы, хотя предварительным ориентировочным образом, не обследуем их, каждый в отдельности, не установим их территориально-хозяйственную индивидуальность и связь и взаимоотношения с другими экономическими районами.

„О нормах населенности“.

I.

„Норма“ есть нечто противоположное стихийному процессу стихийной „эволюции“. Норма есть нечто рациональное, рассудочное. Она представляет результат сознательного человеческого творчества, результат стремлений человеческого разума взять верх над стихийными силами, найти разумный исход для тяжелого процесса борьбы страстей и интересов и направить человеческую волю по пути, ведущему к победе знания и мысли над природой. Отношение „нормы“ к природе весьма своеобразно. С одной стороны, ее создает человек — порождение и часть природы, подчиненный сам ее законам. С другой стороны, созданные людьми „нормы“, регулирующие их действия и взаимоотношения, лишь в том случае могут оказаться целесообразными и жизненными, если будут согласованы с законами природы. Именно поэтому, находясь в тесной зависимости от стихийных законов, движущих миром, социальные „нормы“, являясь делом рук человеческих, вечно меняются, находятся всегда под давлением сознания их несовершенства, неполного отражения в них всех явлений природы. Новые, более согласованные с достигнутым уровнем знания и тесно связанной с ним общественной идеологией, идут на смену отжившим, отвергнутым ею. Диалектические изменения эти в общем и целом идут в сторону прогресса, в направлении большей целесообразности норм, большей их согласованности с законами природы, которые все в большей степени, все совершеннее познаются людьми по мере развития знаний и социального опыта. Путем тысячи ошибок, путем бесчисленных страданий, проистекающих отсюда, человечество медленно, но верно идет к познанию наилучше согласованных с законами природы форм социальной жизни. „Нормы“, регулирующие жизнь общества, становятся все более совершенными.

Лучшие представители современного диалектического материализма, правильно подходят к разрешению проблемы прогресса.

„Подобно тому, как окружающая человека природа,—пишет Плеханов,—сама дала ему первую возможность развития его производительных сил, а следовательно, и его постепенного освобождения из под ее власти, отношения производства, общественные отношения, собственной логикой своего развития, приводят человека к сознанию причин его порабощения экономической необходимостью. Этим дается возможность нового и окончательного торжества сознания над необходимостью, разума над слепым законом. Сознав, что причина его порабощения его собственным продуктом лежит

в анархии производства, производитель (общественный человек) организует это производство, и тем самым подчиняет его своей воле. Тогда оканчивается царство необходимости, и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью. Пролог человеческой истории сыгран, начинается история ¹⁾).

Итак для того, чтобы создать себе красивую, свободную, достойную человека жизнь, мы должны стремиться познать законы природы, как внешней, так и внутренней своей природы, чтобы построить жизнь общества в согласии с ними.

Торжество вооруженного знанием человеческого разума, определяющего нормы социальной жизни, над слепыми, стихийными процессами, до сих пор господствующими в истории, есть существенный залог истинного прогресса и составляет благороднейшую задачу научной и общественной мысли.

В согласии с этим общим определением понятия „нормы“, мы понимаем под „нормой населенности“ ту населенность, которая согласна с законами природы, которая не нарушает естественного равновесия природных веществ и сил, которая поэтому должна привести к наиболее гармоничным, „оптимальным“ отношениям между численностью населения и внешней природой.

Рост населения имеет вечную тенденцию нарушать это равновесие. История дает нам множество примеров такого нарушения, а вместе с тем рисует яркие картины тяжелого, обильного страданиями процесса восстановления более нормальных отношений.

В примитивных системах хозяйства население уже в незапамятные, доисторические времена должно было перерастать пределы, определяемые запасом средств существования, и восстанавливать „нормы“ или взаимоистреблением, или расселением. Согласно подсчетам Фридриха Ратцеля 1000 квадратных километров земли могут прокормить у охотничьих народов степных областей всего лишь от 2 до 9 человек, а у народов, занимающихся охотой и рыбной ловлей в бедных областях севера, от 2 до 5 человек; и лишь переход охотничьих народов к первобытным формам земледелия (индийцы, даяки) позволяет населению стесниться до 170—700 жителей на 1000 квадратных километрах, следовательно, значительно менее одного человека на квадратный километр ²⁾).

Плотность населения более значительная должна была вызывать при этом тенденцию к естественному или сознательному сокращению числа жителей. Все исследователи первобытной культуры отмечают чрезвычайную воинственность примитивных народов. Война является у них столь же обычным делом, как и охота; она и по приемам своим мало чем отличается от последней, являясь частным делом, предприятием кучки охотников. Для этих первобытных войн характерна их цель — истребить противника, стереть его с лица земли и тем самым восстановить для себя необходимый простор и безопасность от покушений соперников ³⁾).

Воинственность кочевых пастушеских народов общеизвестна. Земельное приволье степей и полупустынь, населенных ими, является

¹⁾ См. Бельтов (Плеханов): „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. М. 1920 г. стр. 211—112. Курсив мой.

²⁾ См. К. Каутский: „Размножение и развитие в природе и обществе“. Русский перевод. Киев. 1910, стр. 79.

³⁾ См., напр., Ш. Летурно: „Социология по данным этнографии“. Петербург, 1896 г., стр. 113; см. также и Деникер: „Человеческие расы“. Петербург, 1902 г., стр. 326 и др.

необходимым условием их кочевого скотоводства. Когда киргизы в степях Средней Азии не были еще стеснены давлением переселенческой волны и собственным размножением, кочевья их охватывали огромные пространства. С двух-четырёхдневными большими привалами двигались они массами весной с юга на север, проходя до 500 и даже до 1000 верст в одну сторону и проделывая такой же путь к зиме обратно на юг¹⁾. Их стада достигали при этом огромной численности, соответствовавшей ресурсам территории, на которую распространялось их скотоводческое хозяйство.

Образование постоянных зимних аулов является уже признаком земельного утеснения, несоответствия плотности населения системе кочевого скотоводства. А между тем киргизы приступали к постройке зимних аулов при землепользовании, доходившем до 140 десятин на душу населения²⁾.

Отсюда мы видим, какой простор нужен кочевникам для осуществления их примитивной системы хозяйства. При невероятно слабой населенности, им уже становится тесно; это вызывает их беспокойную подвижность и воинственность. Система их хозяйства не приковывает их к месту и не дает времени привыкнуть и привязаться к нему. Как известно, кочевые народы дали множество образцов победоносных и разрушительных нашествий на мирные оседлые народы. В истории Востока кочевники-завоеватели играли выдающуюся роль³⁾.

В ином отношении находились народы, связанные оседлыми формами хозяйства. Однако, возрастание их численности, вечно нарушая естественное равновесие, вызывало и в них, с одной стороны, стремление к техническим усовершенствованиям, а с другой—потребность в расширении области своего господства; роковым образом необходимость войны и здесь висела над народными массами, нарушая их спокойное бытие.

Однако на ряду с войной, этим наиболее ярким явлением истории, равновесие между внешней природой и человеческим обществом восстанавливалось иными способами: голодовки, эпидемии и „мирная“ борьба за существование, приводящая к неравенству, эксплуатации и уничтожению человеком человека всеми, как допускаемыми „законами“, так и противозаконными способами, служили в истории средством для восстановления естественного баланса между запасами природных благ и численностью населения. Обо всем этом так много писано, история дает нам такое множество примеров социальных явлений, связанных с давлением прироста населения на средства существования, что я не считаю нужным здесь дольше на этом останавливаться.

Одним из способов восстановления естественного равновесия являлась в истории эмиграция, выселение жителей из ранее уже более или менее густо заселенных стран в более просторные и обильные природными благами земли.

Рошер, классифицируя причины эмиграций, выдвигает на первое место перенаселенность материнских стран. Он признает, правда, что, как правило, перенаселенность есть состояние относительное, что емкость страны для населения может быть увеличена. Однако, это увеличение никогда не дается очень легко: приходится вводить иную

¹⁾ Н. Макаров. Крестьянское хозяйство и его эволюция Т. I. М., 1920. стр. 162.

²⁾ Н. Макаров. I. См. стр. 165.

³⁾ См., напр., Г. Сафаров: „Проблемы Востока“. Петроград, 1922 г., стр. 62. А. Геддон: „Переселение народов“. Петроград, 1923 г., стр. 67. Также П. А. Розенталя: „Борьба за колонии и мировые пути“. Москва. 1923 г., стр. 76.

систему земледелия и индустрии. „В удушливой (erstickend) тесноте (жизни) животная природа человека начинает брать верх над сознательной. Как раз наиболее простые, общие всем и необходимейшие отношения между людьми извращаются особенно сильно вследствие затрудненности или невозможности браков и нормальной заботы о будущем детей¹⁾. Разрежение населения в таких случаях диктуется социальной необходимостью; эмиграция здесь становится естественным и здоровым процессом.

Нетрудно показать, что и остальные причины эмиграции, перечисляемые Рошером в его классификации, в конечном итоге сводятся к перенаселенности стран, эмиграции.

В самом деле: второй причиной выселений он признает „переполнение старожилых стран капиталом“. Однако, что значит „переполнение капиталом“?

В своем рассуждении Рошер исходит из общеизвестной капиталистической схемы: с ростом населения возрастает земельная рента, а процент на капитал обнаруживает тенденцию к падению; при использованности лучших земель страна может увеличить абсолютную продукцию сельского хозяйства, либо приступив к культуре менее пригодных земель, либо за счет интенсификации имевшейся площади, что связано с возрастанием издержек производства.

Последнее приводит к естественному перераспределению доходов и относительному падению доли земельной ренты в общей прибыли с капитала.

Спрашивается, что же лежит в основе всех этих процессов, как не рост населения? И почему в колониях земли и сырье дешевле, а производство требует меньших издержек, как не вследствие более благоприятных норм населенности?

Третьей причиной эмиграции Рошер признает политическую неудовлетворенность. Причины политической неудовлетворенности могут быть разнообразны. Однако, поскольку мы исходим из материалистического понимания истории, глубочайшую причину политических явлений нам следует искать в материальных отношениях. Но может ли существовать материальное отношение более глубокое, чем отношение численности населения к запасам природных благ?! Поскольку возрастание тесноты приводит к социальной жизни, к обострению всех форм борьбы за существование, оно должно умножить поводы для всякого рода политических осложнений, а вместе с тем и „политического недовольства“.

Наконец, Рошер усматривает причину эмиграции в „религиозном вдохновении“. Но его пример крестовых походов бьет мимо его цели и, обращаясь против самого автора, подтверждает нашу основную мысль. „Что является глубочайшей причиной крестовых походов?“ — пишет Рошер. — „Религиозное вдохновение арабов, прекратившее на время их усобицы за обладание природными благами их скудной страны и направлявшее их на завоевание чужих земель. Ислам предписывал истреблять неверных, что представляло, конечно, большую выгоду. Распространение ислама и арабского владычества угрожало существованию европейских народностей. Поход против мусульман для освобождения святой земли являлся поэтому для Византии удобным предлогом направить воинственные силы Западной Европы к благой цели. И вот Клермонский собор объявляет крестовый поход“. Пропно-

¹⁾ Wilch. Roscher, „Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung“. Leipzig, 1856. S. 36:

ведь крестового похода имела огромный успех; ему содействовал „беспокойный дух приключений, который так сильно выразился уже в переселении народов“. Историк добавляет: „Все было тесно и тяжело жить среди неурядицы и междуусобий феодальной эпохи“. А что же было глубочайшей причиной этих неурядиц? Не те ли самые явления, которые приводили к войне-охоте первобытных народов?..

Итак, я думаю, что не ошибаюсь, утверждая, что относительная перенаселенность стран более старой культуры есть основная и глубочайшая причина эмиграции¹⁾. Импульсы к выселению должны быть достаточно сильны, чтобы переселить любовь к насиженным „родным“ местам и близким „родным“ людям, чтобы заставить человека выйти из сферы обычного образа жизни и установившихся привычек. „Нищета переселенцев вошла в пословицу. Поток бедных и беднейших все еще стремится без определенного плана в далекие страны, но лишь немногим удается добиться там сносных условий существования“²⁾. В статистике переселений Италия стоит впереди с громадными цифрами эмигрантов; причина — неслыханная нужда Нижней Италии и Сицилии; бедствующее сельское и фабричное население остальных провинций королевства также составляет значительный эмигрирующий контингент³⁾.

Таковы результаты стихийных процессов „естественного“ роста населения. Он вечно стремится нарушить равновесие между количеством населения страны и запасами ее природных благ, приводя население постоянно к такому состоянию, когда тревога за будущее и сознание грозящих отовсюду опасностей, сознание, что нет ничего устойчивого, прочного, нет друзей, которые на завтра не могли бы стать врагами, отравляет существование, когда напряженная социальная борьба сокращает человеческую жизнь и приводит к сознательному или бессознательному убийству человека человеком.

Должны ли мы стремиться противопоставить всем этим социальным явлениям что-либо разумное, основанное на точном знании и научном мышлении? Должны ли мы пытаться заменить эти стихийные процессы сознательным стремлением к установлению норм населенности, согласованных с законами природы, не нарушающих естественного равновесия природных веществ и сил? В организационно-хозяйственной науке не может быть об этом двух мнений...

II.

Однако, что следует считать „нормой“ населенности при разных уровнях человеческой техники? Где искать тех методологических принципов, которые помогут нам разобраться в этом вопросе?

Их не приходится искать в области так называемых „точных“ наук, так как всякого рода „нормативное“ мышление упирается в необходимость установления „критериев“, оценок, без которых мы не можем сказать, что хорошо и что плохо, что желательно и что нежелательно; меж тем как „точные“ науки должны удовлетворяться констатированием фактов и зависимостей между ними.

Если в стране происходит падение материального благосостояния, приводящее к жестоким социальным потрясениям, к голодовкам,

¹⁾ Пр. П. А. Розенталь. I с., стр. 30, 99, 138 и др.

²⁾ Gisela von Steritberg. „Die Bevölkerungsfrage in weiblicher Beurteilung“. 1908, 1 Heft, S. 29.

³⁾ G. v. Streitberg, *ibid.*

войнам, можем ли мы признать такое состояние нормальным, согласным с требованием нашего разума?

С точки зрения диалектики развития, мы должны мириться, должны и голод, и убийство считать нормальным историческим явлением, но успокоиться на этом сознании, на мысли, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, мы не можем. Между тем, очень многие авторитетные представители экономической науки, увлеченные исследованиями эволюционных процессов, происходящих в хозяйственной жизни, бывают склонны ассоциировать „естественную“ эволюцию с хозяйственным прогрессом¹⁾.

Не отпадает ли от этих взглядов и утверждений старой, средневековой телеологией, приписывавшей все на свете промыслу божью и непостижимой премудрости создателя? Такое в корне не научное мышление не может удовлетворить требованиям современного научного сознания.

Мы действуем в согласии с принципами научного творчества, поскольку изучаем процессы эволюции и стремимся установить причинную зависимость между явлениями. Но отсюда еще очень далеко до утверждения, что весь происходящий процесс не может иметь иных вариантов, что именно он целесообразен, что данный вид эволюции и есть прогресс.

Чтобы утверждать это, необходимо знать, что такое прогресс, и какие имеются критерии оценки, необходимые для обоснования этого понятия. Мы не в состоянии избежать постановки этих вопросов, поскольку у нас имеется какое-то представление о будущей жизни человечества. На сцену выступает категория долженствования, со всеми ее спорными, смутными и трудно разрешимыми проблемами.

Однако, иного выхода нет, и если жестокая действительность, с одной стороны, и требования рассудка,—с другой, вынуждают нас задуматься над целесообразностью эволюционных общественных процессов, нам придется начать именно с установления критериев.

Поскольку мы вздумали бы возвращаться в области отвергнутых марксизмом философских умозрений—о целях существования, о высшей этике, об истинно прекрасном, нам было бы, конечно, трудно договориться до общеприемлемых критериев, наши искания остались бы бесплодными, рисковали бы попасть в положение новых „Дюрингов“, высмеянных Энгельсом. В ином положении окажемся мы, поскольку ограничим наш умственный кругозор практическими задачами прикладных дисциплин.

Получившая столь блестящее развитие медицина ставит себе вполне конкретную, не возбуждающую споров цель—повысить физическое и психическое здоровье людей и не задается вопросами о том, для чего нужна экономия их здоровья, и соответствует ли это текущим задачам той или иной политики. Технология, стремящаяся создать нужные и полезные человечеству предметы с наибольшей экономией вещества и сил, имеет перед собой такую же ясную и общепризнанную задачу. Экономика находится в аналогичных условиях; ее практическая прикладная цель не менее ясна и вряд ли может кем-либо оспариваться; она заключается в раскрытии условий такой организации народного хозяйства, которая будет соответствовать тому же основному принципу экономизации. Принцип же этот, как известно, гласит, что следует стремиться к достижению тех

¹⁾ См. проф. Л. Н. Литошенко: „Эволюция и прогресс в крестьянском хозяйстве“. 1922 г.

форм хозяйства, при которых потребная людям сумма материальных благ будет доставляться им с наименьшими затратами человеческого труда. Достижение возможно большей производительности труда во всех отраслях народного хозяйства и составляет конечную задачу экономических исканий. Все остальное подчинено этой цели; нас не смутит и тот факт, что при наличии классовой борьбы сплошь и рядом эта общепризнанная цель извращается в прямо противоположную в применении к своему политическому врагу.

С точки зрения классовой борьбы может оказаться желательным, чтобы человечество было переобременено трудом, чтобы у людей не оставалось свободного времени для восприятия общекультурных ценностей, чтобы их труд был малопродуктивен и скудно вознаграждался, чтобы вследствие этого борьба за голое материальное существование дошла до наиболее грубых животных форм. Однако, после ослабления классовой борьбы в С. С. С. Р., мы имеем теперь возможность решать экономические проблемы, руководствуясь устойчивым и не возбуждающим у нас сомнений принципом экономизации.

Попробуем же подойти с этим общепризнанным в экономике критерием к разрешению интересующей нас проблемы о нормах населенности.

Какова должна быть населенность, чтобы ее можно было признать экономически нормальной, т.-е. согласованной с требованиями расчетливого и надежного экономического рассудка?

Мы уже сказали, что нормальной населенностью можем с экономической точки зрения признать лишь такую, которая дает возможность производить потребные человеческому обществу количества хозяйственных благ с наименьшими затратами человеческого труда.

Однако, есть ли здесь какая либо зависимость? Влияет ли, другими словами, плотность населения на производительность труда?

Вопрос этот тем естественнее и понятнее, что экономическая мысль до последнего времени им очень мало интересовалась, вследствие чего оставались в тени явления первостепенного хозяйственного и социального значения.

Как могло произойти это? Здесь не место на этом долго останавливаться; скажу только, что для науки, явившейся порождением и выразительницей строя всеобщей анархической конкуренции, вопросы о всякого рода нормах и в том числе о нормах населенности были по существу чужды. Они, естественно, находились вне поля зрения теоретиков, исследовавших законы свободной конкуренции и встают во весь свой рост лишь теперь, лишь в С. С. С. Р., когда организационно-хозяйственная наука, наука экономической политики в широком смысле слова, подымает голову, когда сама действительность выдвигает ее, и все начинают сознавать, что за ней будущее.

Итак, существует ли какая-либо зависимость между плотностью населения и производительностью человеческого труда? В теоретической экономике уже давно стало общим местом утверждение, что с умножением населения возрастает интенсивность хозяйства; это несомненный факт, против которого мы не возражаем; однако, не рискованно ли делать отсюда логический скачок к утверждению, что интенсификация всегда связана с ростом производительности. Не можем мы также согласиться с распространенным среди теоретиков мнением, что всякое уплотнение населения есть благо, так как является необходимым условием для развития общественного и технического разделения труда, составляющего, как известно, основное условие развития его производительности. При современных путях

и средствах сообщения утверждение это нуждается в столь значительных поправках, что теряет под собою почву. Всем известно, что и разделение труда, и производительность его, в связи с усовершенствованием транспорта, часто получают особенно блестящее развитие именно в редко населенных колониальных странах, и, наоборот, чрезмерно плотное население, приводя к безработице, к повышенному предложению труда, делает для организаторов хозяйственных предприятий невыгодным экономить труд, невыгодным заменять его дорогими аппаратами и машинами, повышающими производительность человеческого труда.

Далее давно следовало бы признать, что более чем рискованно считать экономически целесообразным абсолютный рост продукции при интенсификации, тесно связанной с уплотнением населения и являющейся даже необходимым условием последнего. Давно пора понять, что рост благосостояния населения зависит не от абсолютных размеров производства, а от относительных, от того, сколько предметов потребления приходится на душу населения.

Представим себе, что в какой-либо стране производительность земледельческого труда находится на таком уровне, что 100.000.000 земледельческого населения производят 3.000.000.000 пудов зернового хлеба, на душу земледельческого населения, следовательно, по 30 пуд. Пусть при пониженной норме потребления в 20 пудов зернов. хлеба на душу возможно будет им снабдить еще 50.000.000 неземледельческого населения. Хлеб будет при этом почти целиком потребляться 150.000.000 населением страны непосредственно, и для содержания скота останется его чрезвычайно мало. При чем и уровень питания самого населения будет скудным.

Представим себе теперь ту же страну при иных отношениях населенности; допустим, что численность земледельческого населения в ней всего лишь 30.000.000; производительность же каждого трудящегося стала выше, а именно производит ежегодно в среднем 2.000.000.000 пудов зернового хлеба; следовательно, на душу земледельческого населения больше 65 пудов. При этих условиях, даже при повышенной норме потребления в 30 пудов зернового хлеба на душу населения, можно будет снабдить им свыше 66.000.000 населения, из которого свыше 36.000.000 неземледельческого. Часть зернового хлеба при этом возможно будет скармливать скоту и, следовательно, превращать в продукты животного происхождения. Уровень питания будет гораздо более высоким и обильным, чем в первом случае. Далее, соотношение земледельческого и неземледельческого населения окажется более благоприятным, чем в первом случае, так как численность последнего превысит земледельческое население и, следовательно, даже при прежней производительности остальных отраслей труда душевое снабжение всеми остальными хозяйственными благами будет также более обильное, более разнообразное.

При этом, несомненно, производительность неземледельческого труда повысится сравнительно с первым, рассмотренным нами случаем, т.е. при большей относительной численности неземледельческого населения можно будет лучше организовать труд всего населения страны. Не следует упускать из виду, что сумма потребностей населения при одинаковом их уровне должна, во втором из приведенных мною случаев, сократиться в отношении 65:150, т.е. более, чем в два раза сравнительно с первым. Там, где прежде требовалось сооружение двух жилых строений, теперь потребуется лишь одно, на место двух следов одна; следовательно, возможно будет сократить число произво-

лимых предметов за счет повышения их качества, или иначе, при прежних размерах производства, вдвое повысить душевое снабжение ими. Который же из приведенных мною двух типов народного хозяйства более соответствует основному экономическому принципу, который из них экономически более желателен? Ответ ясен — как производительность труда, так и уровень снабжения во втором случае несравненно выше, чем в первом. Однако, абсолютные размеры зерновой продукции здесь в полтора раза меньше чем в первом.

Я задержал внимание читателя на этом простом примере, чтобы подчеркнуть возможность несовместимости роста абсолютных размеров продукции с возрастанием уровня душевого снабжения, т.е. материального благосостояния населения. К сожалению на это обстоятельство до последнего времени обращали слишком мало внимания.

При обычном до сих пор укладе экономического мышления, направленного на изучение процессов хозяйственной эволюции, обычно не выходят за пределы шаблонных утверждений, что с уплотнением населения возрастает интенсивность народного хозяйства, что более многочисленное население возможно лишь при увеличении абсолютных размеров снабжения. По временам возникают бесплодные споры о том, что происходит раньше, рост ли материальных ресурсов или рост населения. Оценки состояний населенности остаются при этом вне сферы суждения экономистов, выходят за пределы их традиционного научного мышления.

Для того, чтобы фактор населенности приковал к себе наше внимание, мы должны радикально изменить экономическую научную позицию. Мы должны задуматься над тем, каковы должны быть отношения в народном хозяйстве, чтобы оно стало более совершенно экономически, чтобы оно дало оптимум благ для населения страны; мы должны искать направление процесса народного хозяйства, рассматриваемого в целом, как процесса сознательного, направленного к вполне определенной цели — снабдить население необходимым оптимальным количеством природных благ, приходящихся в среднем на каждого хозяйствующего человека.

Мы живем в век колоссального технического прогресса. Количество сырья, которое в состоянии переработать человек в единицу рабочего времени, с каждым днем возрастает; развитие техники в том именно и заключается, чтобы повысить производительность человеческого труда. Но спрашивается, нужно ли возрастание природных благ в таком количестве, потребно ли оно каждому участнику хозяйственного процесса, или дело сводится только к тому, чтобы всецело поглотить его силы? Будет ли, наконец, технический прогресс в полной мере использован и найдет ли он себе реальное и повсеместное применение в хозяйственной жизни?

При этой естественной постановке вопроса нормальной населенностью можно будет признать лишь такую, при которой рабочие силы населения могли бы быть наиболее совершенно использованы, а снабжение населения хозяйственными благами достигло бы оптимальных размеров.

Наше определение состояния нормальной населенности мы на этом, однако, не можем признать законченным. Оно нуждается в целом ряде ограничений и дополнений. Постараемся отметить их, поскольку нам позволяют размеры краткой статьи, посвященной общим принципам.

III.

До сих пор мы исходили из предпосылки, что количество природных благ остается неизменным, и варьирующими величинами являются численность населения и уровень техники. Такая точка зрения как будто согласуется с основными законами естествознания—законами сохранения вещества и энергии. Однако, практически здесь необходимы некоторые, весьма существенные поправки.

Дело в том, что в природе должен соблюдаться и соблюдается фактически известный баланс между миром неорганическим и органическим. Неорганические вещества, находящиеся на поверхности земли, в состоянии поддерживать жизнь лишь ограниченного количества растений. Последние в состоянии дать пищу лишь ограниченному количеству животных. Биологические науки со времени Дарвина дают нам все новые доказательства ожесточенной борьбы за существование, происходящей в мире организмов.

Растения и животные вечно стремятся размножиться в степени, превышающей предоставленные им природные ресурсы. В природе, поэтому, имеется постоянная тенденция к нарушению равновесия между миром органическим и неорганическим. Оно восстанавливается за счет гибели менее приспособленных в процессе ожесточенной борьбы за существование. Борьба происходит как между представителями одного и того же вида, так и между представителями различных видов. Более приспособленные виды при этом переживают и вытесняют менее приспособленные.

В истории земли, человек, являясь существом, особенно богато одаренным от природы, вышел победителем в борьбе за существование и размножился за счет гибели или сильного сокращения численности других видов животных, которых он частично истребил, частью поработил, подчинив своей воле. Он подчинил своему влиянию, в значительной степени, также и растительный мир, устраняя нежелательные ему виды растений и создавая условия, благоприятные для размножения и развития полезных ему представителей растительного царства.

Однако, не следует забывать, что человеку для удовлетворения его потребностей нужен не один лишь мир растений, но и виды животного царства. Предметами его потребления являются не только растительные продукты; ему нужны, полезны и приятны также продукты животного происхождения. Между тем для существования нужных человеку животных необходимы, в свою очередь, растения и другие виды животных.

Таким образом, оказывается, что покоритель мира, человек, конкурирует в борьбе за средства существования с теми видами животных, которые ему самому нужны для удовлетворения его потребностей.

Можно было бы привести множество примеров этой конкуренции. Думается, однако, что на первый случай достаточно указать на ненормальное развитие у нас, в России, продовольственной площади за счет сокращения кормовых.

Возникает вопрос, до какого предела целесообразно вытеснение человеком иных видов живых существ, являющихся его конкурентами за обладание природными ресурсами?

Нельзя ли и здесь установить какие-либо нормальные отношения, сообразные с требованиями современного экономического рассудка?

Далее, всем известно, что современное человечество живет не только за счет восстанавливаемых ресурсов природы, но и за счет потребления ее основного капитала. Мировых запасов горючего ископаемого, при современном темпе роста его использования, хватит, как известно, ненадолго, в лучшем случае на столетия. В Англии уже давно подняли тревогу по поводу истощения угольных залежей.

Чрезвычайно важным обстоятельством является повышение издержек производства, связанное с углублением в недра земли. По мере удаления от земной поверхности на большую глубину техника горного дела становится все более сложной, возрастают издержки, как на заложение самого рудника, так и на его последующую эксплуатацию, связанную с необходимостью удаления рудничных вод и доставкой ископаемого на дневную поверхность¹⁾.

Далее тяжело и даже опасно возрастание давления горных пород и повышение температуры по мере углубления в земную толщу²⁾.

Оптимисты указывают на еще малую разработанность каменно-угольных залежей в Северо-Американских Соединенных Штатах, на Китай, Сибирь, на возможность новых открытий месторождений горючего ископаемого, но они не отрицают, что это лишь отсрачивает приближение конца запаса. То же относится к чрезвычайно быстрому истощению находящегося в разработке нефтяных месторождений, тогда как потребление нефти в мировом хозяйстве все возрастает и необычайно бурно. Количество потребляемой нефти на железных дорогах С.-А. Соединенных Штатов за 10 лет удесятирилось. Бензиновые моторы и двигатели сделали огромные успехи почти во всех странах. Военные флоты уже давно перешли на жидкое топливо и т. д.

В связи с ростом потребления нефти во всех странах и вследствие истощения богатейших нефтяных запасов в Соединенных Штатах С. А., правительства всех значительных государств уделяют нефтяному вопросу особое внимание. Особенно сильную деятельность развила в этом отношении Великобритания, которая в настоящее время располагает 60% всех известных нефтеносных полей, в то время, как до войны в ее руках находилось всего 2% их. В связи с нотой американского правительства английскому, протестующей против раздела между Францией и Англией нефтеносных земель, характерна статья М. Р. Реqua, заведывавшего распределением горючего материала во время войны в Соединенных Штатах. Реqua пишет, что „борьба наций за контроль над сырьем снова может повести к войне, подобно тому, как война 1914—1918 г. г. велась в сущности из-за господства на мировом рынке сырья“³⁾.

Оптимисты, конечно, мечтают и будут мечтать о неограниченных возможностях, которые могут в будущем раскрываться перед человечеством по мере новых открытий и изобретений. Однако, поскольку их соображения основаны на игре воображения, они должны быть признаны не достаточно научными, не реальными, в сравнении с несравненно более реальными угрозами новых проявлений мировой борьбы за сырье, являющееся источником существования человечества.

«Что бы ни говорили о неограниченных возможностях, остается неопровержимым фактом, что современное человечество живет за счет расходования природного капитала и расходует его тем скорей, чем

¹⁾ См. проф. Э. Ден: „Каменноугольная и железодобывающая промышленность“. 1907 г., стр. 12.

²⁾ Ferd. Fischer. „Die Brennstoffe Deutschlands“.

³⁾ „Экономический бюллетень берлинского правительства“. № 13, дек. 1920 г.

больше численность населения или, другими словами, число потребителей.

Переходя к вопросу о нормах населенности в связи с использованием природных благ, следует отметить, что представление о нормальной населенности несовместимо с расходом их, превышающим возмещение природой израсходованных количеств.

Примером может послужить использование лесных богатств. Как известно, население стран, изобилующих лесами, относится к этому дару природы крайне легкомысленно, и энергия его направлена на беззаботную и хищническую их эксплуатацию. Более заботливое отношение к лесам развивается лишь при значительном уплотнении населения, когда их недостаток начинает грозить большими социальными опасностями. В таком положении находится огромное большинство стран Западной Европы, страдающих от недостатка собственного леса и вынужденных импортировать лесные продукты. Сюда относятся Англия, Германия, Франция, Бельгия, Испания, Италия, Голландия, Дания, Швейцария, Болгария. Из внеевропейских же стран Австралийские колонии, Китай, Вест-Индия и британские владения в Африке.

R. Zon, выполнивший в 1910 г. большую статистическую работу о лесах для С.-Американского департамента сельского хозяйства¹⁾, у которого я почерпаю значительное число приводимых здесь данных, относится крайне мрачно к перспективам мирового снабжения лесными продуктами. Потребление леса растет, а сводку его без расширения может увеличить лишь Россия. Даже соответствующего увеличения экспорта России недостаточно: она, пожалуй, на ближайшее время сможет покрыть дефицит Западной Европы, но не в состоянии будет снабжать С.-А. Соединенные Штаты.

Соотношение годовичных прироста и сводки древесины в кубических футах на акр в странах экспорта, по исчислениям R. Zon'a, следующее:

Страны.	Ежегодный прирост.	Ежегодная сводка.
Россия.....	31,0	17,0
Финляндия.....	10,9	13,6
Швеция.....	25,0	19,1
Австрия.....	42,4	60—67
Венгрия.....	44,4	30—33
Кроацция и Славония....	43,4	30—33
Канада.....	20,0	17,0
Соед. Штаты С. А.....	12,0	42,0

} 53,0
} (прибл.).

Из таблицы мы видим, насколько хищнически велась в недавнем прошлом разработка лесных богатств в б. Австро-Венгрии и в особенности в С.-А. Соединенных Штатах. Между тем в б. Австро-Венгрии под лесом находилось, по последним данным, использованным R. Zon'ом, всего лишь 26,5% площади Австрии и 25,7% площади Венгрии.

Леса Соединенных Штатов составляют менее 29% всей площади страны.

Гарвуд рисует яркие картины хищнической сводки леса в Соединенных Штатах С. А.²⁾: „Где когда-то красовался чудный лес, расстилается выжженная пожаром бесплодная равнина—черная, ужасная

¹⁾ Raphael Zon. „The forest resources of the World“. Dep. of Agriculture. Washington. 1910.

²⁾ А. Гарвуд. „Обновленная земля“. В изложении проф. К. А. Тимирязева. Госиздат. М. 1919 г.

долина смерти. Земля была абсолютно потеряна для земледелия, ни климат, ни почва не были здесь пригодны для культуры; это было по преимуществу и исключительно лесная страна. Не было оставлено ни одного дерева; даже самые мелкие деревца истреблены разбойничьей рукой в ее стремлении обобрать землю до гола. Не было сделано ни малейшей попытки облесения“.

На лесоводственном конгрессе в 1905 г., президент Рузвельт говорил в своей речи: „Если мы позволим истребить леса, как они истреблялись до сих пор, не оказывая никакого отпора, то в результате получится лесной голод. Огонь, хищническая и бестолковая эксплуатация, а рядом с ними и законное истребление — все это в совокупности истощает наши лесные запасы гораздо скорее, чем они успевают расти¹⁾“.

Проф. Ткаченко отмечает, что в настоящее время, когда в Саксонии используется каждая упавшая с дерева ветка, в Калифорнии (при меньшем проценте лесистости) при заготовке сейквойт пускают беглый огонь для очистки площади от „сорных“ пород и хлама, мешающего их вытаскивать, при чем этот огонь уничтожает и часть ствольной древесины²⁾.

Канада имеет площадь под лесом приблизительно 1.249.000 квадратных миль, или 38%, всей площади страны. Однако лишь треть этой площади, или 400.000 квадратных миль, можно признать покрытой лесом, имеющим промышленное значение; остальное — мелколесье. Прирост леса в Канаде, как показывает наша таблица, превышает его сводку. Но, если прибавить к этому огромные потери дерева через пожары, потери, которые некоторыми исчисляются равными десятилетней сводке леса, следует признать, что убыль леса в Канаде, вероятно, больше его прироста³⁾.

Что касается России и Финляндии — стран, где по данным нашей таблицы прирост древесины значительно превышает сводку, то и здесь в последнее время наблюдаются признаки начавшегося уничтожения лесных богатств.

М. Квятковский, исследовавший состояние лесной промышленности за последние годы в России приходит к мало утешительным выводам: „Нельзя не высказать опасений“, — пишет он, — что экстенсивное хозяйство таких районов, как Нижне-Волжский, Центрально-Промышленный, Земледельческий, Юго-Западный и Степной, не может сохранить в целости наш древесный капитал“. Центр неиспользованности среднего прироста лесонасаждений приходится перенести в районы крайнего Севера, Приуралья, Приозерный и Верхне-Волжский, но в этих районах продукция лесонасаждений ниже средней по России. По данным отчета Лесного Департамента за 1913 г., средний отпуск с десятины удобной лесной почвы равнялся 54 куб. футам, а по данным анкеты 1916 г., по 50 губерниям Европейской России — 49,6 куб. фут., между тем, согласно подсчетам Квятковского, „считая, что 40—50% общего нормального запаса насаждений приходится на долю строевого леса, продукция лесов при средней доброте на строевой — пилевой материал дает около 30 куб. фут. на десятину, и это в сущности и есть экономическая база для обоснования и развития нашей лесной промышленности“⁴⁾.

¹⁾ Л., с. стр. 96, 97.

²⁾ См. статью проф. Ткаченко: „В сельском и лесном хозяйстве“. 1921 г.

³⁾ Взято у R. Zon'a, 1. с. стр. 17.

⁴⁾ Квятковский: „Лесная промышленность“, „Народное хозяйство“. 1922 г. гд.

Что касается Финляндии, то и здесь нет недостатка в утверждениях, плохо вяжущихся с цифрами, приводимыми Зоппом. В сборнике по сельскому хозяйству Финляндии, изданому еще в 1896 г., читаем: „Громадные лесные пространства (Финляндии), нужно признаться, вообще находятся в состоянии разорения и запущения. Почти повсюду пожары и безрассудная рубка способствовали истреблению лесов. Трудно найти более обширное лесное пространство, где бы не встречались кучи срубленных деревьев и валежника, свидетельствующие о чрезмерном богатстве страны лесом и о крайней беспечности населения в отношении сбережения лесных продуктов“.

Из приведенных свидетельств мы можем заключить, что в оценке перспектив лесной промышленности в странах изобилующих лесом следует соблюдать крайнюю осторожность. Вряд ли можно рассчитывать на значительное возрастание мирового снабжения древесиной без расхищения лесных богатств. А между тем, потребление леса с ростом населения увеличивается, и состояние лесного рынка становится все более напряженным. Возникает вопрос, можно ли признать нормальной населенность, при которой потребление древесины превысит ее естественный прирост? Думается, что, с точки зрения народно-хозяйственной, ответ может быть только отрицательным.

Соображения, высказанные мною относительно горючих ископаемых и лесных богатств, можно распространить на все виды сырья. Различия здесь будут не по существу, но лишь количественные. Одни из них восстановимы во времени. Таковы некоторые виды животного и растительного мира, при чем одни восстанавливаются сравнительно скоро; для воспроизводства иных требуются более значительные периоды. Другие не восстановимы совсем. Общим является, что запасы этих основных благ становятся все более скудными, поскольку потребление их превышает прирост; поэтому во всех рассмотренных случаях мы можем признать нормальной лишь ту численность населения, при которой размеры его желательного снабжения не превышают размеров производства растительных и животных продуктов, предопределенных природными условиями при данном уровне воздействия на нее человеческой культуры и при возможном предвидении грядущих условий.

Здесь нам приходится несколько задержаться, чтобы осветить некоторые не совсем ясные положения экономии сельского хозяйства. Мы можем смело утверждать, что до настоящего времени далеко не вырешено ни влияние на производительность сельскохозяйственного труда его интенсификации, ни даже то, к чему собственно желательно стремиться в этой области, к повышению ли производительности земли, или к повышению производительности сельскохозяйственного труда. Мне приходилось указывать на это поразительное обстоятельство уже в 1915 году, в своем докладе в обществе имени А. И. Чупрова и в „Агрономическом журнале“¹⁾. Если экономическая проблема во всех отраслях народного хозяйства сводится к всемерному повышению производительности человеческого труда, то казалось бы основная отрасль его сельское хозяйство, не может составлять исключения. И, однако, в специальной литературе можно привести многочисленные примеры, подтверждающие противоположное. Здесь всеобщим распространением и признанием пользуется

¹⁾ Сельское хозяйство Финляндии. Его развитие и современное состояние. Гельсингфорс. 1896, стр. 253.

²⁾ См. „О нормальной интенсивности сельского хозяйства“ в „Агрономическом Журнале“ 1915 г., кн. 5 и 6.

мнение, что интенсификация сельского хозяйства является благом именно потому, что увеличивает производительность земли, при чем обычно даже не ставится вопроса о том, сопровождается ли она повышением производительности земледельческого труда, и совместима ли она вообще с последним. Но вместе с тем можно показать, что даже наиболее горячие защитники интенсификации сельского хозяйства не чужды идеи о несовместимости ее с относительным ростом продукции.

П. А. Крапоткин в своей известной книге „Поля, фабрики и мастерские“ задается целью показать, что увеличив интенсивность сельского хозяйства, страны промышленного типа, импортирующие ныне продовольствие, в состоянии будут снабдить себя самой необходимой пищей. Его исследование вызвано справедливыми опасениями, что развитие туземной индустрии в земледельческих странах, в связи с ростом их населения, сильно сократит, если совершенно не уничтожит, рынки для сбыта фабрикатов промышленных стран и лишит их возможности получать со стороны сырье и продовольствие. Опасения эти очень характерны для переживаемого нами времени.

Проследим аргументацию Крапоткина, настроенного бодро и уверенного в том, что интенсификация сельского хозяйства является разрешением проблемы. Казалось бы, что для того, чтобы аргументировать убедительно, Крапоткин должен был бы показать, что интенсификация сельского хозяйства повышает или, по крайней мере, не понижает производительности земледельческого труда. Однако, эта сторона проблемы им обходится.

Его доказательства сводятся к указанию на области интенсивного сельского хозяйства, которые в состоянии прокормить собственными продуктами более плотное население, чем то, которое в Англии снабжается пищей английского происхождения. Он ссылается на пример Бельгии, огородные хозяйства под Парижем, на о. Джерсей и т. п. Крапоткин печалится „об упадке“ сельского хозяйства в Англии под влиянием сельскохозяйственного кризиса, вызванного наплывом в Европу дешевого заокеанского хлеба (а почему он дешев, этого важного вопроса он не касается). Упадок этот выразился, по его мнению, в том, что фермеры стали переходить к более экстенсивной системе хозяйства, запуская пашни под луга и заменяя зерновую систему скотоводческой. Автор с грустью отмечает, что во время написания книги, в Англии лишь 3 акра сельскохозяйственной площади прокармливали человека, между тем как раньше, при более интенсивной системе, было для этого достаточно 2-х акров. Указание это он считает решающим аргументом. Однако, вместе с тем, Крапоткин согласен, что мнение защитников английской экстенсивной системы имеет основание, если говорить о производительности сельскохозяйственного труда.

„Что касается наибольшей продукции с наименьшими затратами труда, пишет он,—то Британия, без сомнения, имела бы первенство, если бы ее не превзошли в этом отношении Соединенные Штаты“¹⁾. Крапоткин, увлеченный своей идеей интенсификации, очевидно забывает, что именно рост производительности единицы труда составляет основной критерий, определяющий совершенство всякого производства и хозяйствования.

Аргументация других защитников интенсификации сельского хозяйства по существу мало чем отличается от соображений

¹⁾ Pr. Kropotkin. „Field, factories and Workshops“. 1907, стр. 49.

Крапоткина. Возьмем хотя бы труд Франца Оппенгеймера ¹⁾, признающего также интенсификацию земледелия разрешением проблемы народного питания. „При абсолютном перенаселении,—(!) пишет он,— будет рентабельна, оранжерейная культура в крупном масштабе, так как пища удовлетворяет первейшие потребности людей, и цены на продукты питания к этому времени возросли бы достаточно высоко, чтобы оплатить оранжерейные продукты“. Мы согласны, что при перенаселении люди готовы жертвовать всем, чтобы лишь утолить свой голод, что при этом цены на продукты питания сильно обгоняют стоимость иных товаров. Однако, желательно ли это? Повысится ли от этого уровень народного благосостояния? Оппенгеймер исходит из общепризнанного положения, что интенсификация сельского хозяйства вообще возможна лишь при росте цен на его продукты. Между тем мы знаем, что если какое-либо производство становится возможным лишь при повышении цен на его продукты, то это указывает лишь на его меньшую производительность сравнительно с формами производства, способными дать более дешевый продукт.

Все это так ясно и очевидно, что приходится лишь удивляться, каким образом виднейшие представители экономической науки позволяют себе обходить вопросы, диктуемые основными принципами экономики, именуемые здравым рассудком.

Возвращаясь к нашей основной теме, мы не можем признать экономически желательным что-либо, приводящее к падению производительности труда. В развитии последней, заключается весь смысл, вся суть хозяйственного прогресса. Итак, нормальной населенностью данной страны мы можем признать лишь ту ее степень населенности, при которой возможно будет в достаточной степени снабдить население продуктами мирового хозяйства, при организации собственного хозяйства данной страны в соответствии с основным экономическим принципом, приводящим к наивысшему развитию производительности труда, при данном уровне техники.

Какова окажется при этом производительность земли? Это сложный и совершенно еще не разработанный вопрос. Я решаюсь утверждать это, так как посвятил изучению его немало времени, при чем пришел к выводу о значительных методологических трудностях, связанных с его решением. Однако, для целей нашего очерка достаточно сказанного. Добавлю лишь, что мировое разделение труда и различия природных условий вносят новые и весьма значительные трудности в интересующую нас проблему. Климат, почва, орошение и иные свойства природы чрезвычайно различны по месту. Человек своею деятельностью может оказать на них некоторое воздействие, но лишь в известных, довольно ограниченных пределах. Все это необходимо учесть при разрешении вопросов сельского хозяйства, так тесно связанных с вопросами народного питания, а следовательно и со специально нас интересующей проблемой о нормах населенности.

Природным благам растительного и животного царства противостоят блага неорганической природы. В отличие от первых они не способны к воспроизводству и размножению. И использованные их количества практически невозстановимы.

В процессе потребления они исчезают, превращаясь в вещества, качественно совершенно отличные от них. Теоретически возможно

¹⁾ Franz Oppenheimer, „Das Bevölkerungsgesetz des T. R. Malthus und der neueren Nationalökonomie“, Berlin 1901, S. 152.

указать и здесь для ряда случаев кругооборот вещества; напр., изношенные металлические изделия могут переплавляться в новые. Однако, практически потери здесь для обозримых периодов времени невосстановимы. Забота о последующих поколениях, казалось бы, составляет также нашу обязанность.

Таковы дополнения, которые необходимо ввести в состав понятия нормальной населенности.

IV.

Посмотрим теперь, какие выводы из нашего определения можем мы сделать по отношению к проблемам колонизации.

С экономической точки зрения колонизация должна преследовать цели, диктуемые народно-хозяйственным интересом. Представляя собою одну из многочисленных форм хозяйственной жизни общества, она, для того чтобы быть хозяйственно-целесообразной, должна подчиняться общим экономическим принципам. Между тем, мы уже знаем, что народно-хозяйственная задача в общем и целом сводится к повышению производительности труда, которое одно лишь в состоянии поднять общий уровень народного благосостояния.

В этом ее отличие от принципов частно-хозяйственных, несравненно более ограниченных и сводящихся обычно к обогащению отдельных лиц или общественных групп; как известно, обогащение это вполне совместимо с хищническим использованием природных богатств, приводящим к их истощению, с эксплуатацией других лиц и общественных групп, ведущей к обеднению последних. Если теоретическая экономия, изучавшая строй свободной конкуренции, могла спокойно наблюдать последствия различных форм эксплуатации и обходить вопрос о конечных целях народного хозяйства, то организационно-хозяйственная наука вне этих целей лишается своих устоев и теряет всякий смысл.

О целях народного хозяйства, не впадая в противоречия, вообще можно говорить лишь в плоскости организационно-хозяйственной науки, которая все свои построения должна подчинять интересам народного хозяйства в его целом.

Если общий под'ем благосостояния, теснейшим образом связанный с развитием производительности труда, признать основной задачей организации народного хозяйства, то тот же принцип несомненно должен лечь в основу колонизации, составляющей часть, одну из форм экономической жизни.

Колонизация представляет процесс передвижения населения из мест более плотной населенности в места менее населенные. Отсюда вытекает двоякая цель колонизации: привести в более нормальное соответствие населенность с запасами природных благ, как в местах выселения, так и вселения. Первое достигается разрежением населения; второе — уплотнением его. Очевидно, что колонизация будет соответствовать общехозяйственным интересам лишь в том случае, если формы территориального размещения населения, к которым она приведет, окажутся экономически более целесообразными, чем прежние, послужившие исходным моментом колонизации. В идеале колонизационный процесс должен привести к установлению нормальных (или, быть может, правильнее сказать — оптимальных) отношений населенности, как в местах выселения, так и вселения. Но идеальные отношения достижимы лишь в отдаленном и неопределенном будущем. Практически приходится говорить об установлении более нормальных, более соответствующих основному экономическому

принципу отношений сравнительно с прежними, о постепенном и последовательном переходе от худших условий хозяйствования к лучшим.

Изложенные соображения осложняют научную постановку проблемы колонизации в чрезвычайной степени. Для элементарного сознания вопрос решается ощупью, без углубленного анализа и подсчетов. В местах выселения становится тесно, вследствие уплотнения населения, или роста его потребностей, или падения производительности труда; соотношение между количествами производимых хозяйственных благ и суммой потребностей общества становится менее благоприятным; борьба за обладание предметами потребления осложняется; теснота жизни все более чувствуется, все более входит в сознание общества¹⁾. Являются импульсы к выселению, к передвижению в места, где жить привольнее. При этом, элементарное сознание решает вопрос просто: должно быть лучше там, где больше простора, где меньше живет народу, где население менее плотно. Однако, для научного сознания такое упрощенное рассуждение, конечно, неприемлемо. Все, что так просто решается обывательским разумом, становится здесь гораздо более сложным и требующим несравненно более глубокого исследования.

С одной стороны, приходится ставить и решать вопросы о том, в какой степени перенаселены районы выселения, и каковы будут экономические результаты удаления из них того или иного количества людей. С другой стороны, возникает не менее сложный и трудный вопрос об экономических результатах вселения в колонизируемые районы. Если в данный момент плотность населения в них меньше и значительно меньше степени населенности мест эмиграции, то отсюда, может быть, вовсе еще не следует, что экономически целесообразно ее увеличивать. Статистические данные, подтверждающие зависимость числа жителей от природных условий, в этом отношении чрезвычайно поучительны и заслуживают особенного внимания. Плотность населения с удивительной правильностью следует за изменениями среднего годовичного количества тепла, высотой над уровнем моря, колебаниями влажности.

В Соединенных Штатах Сев. Америки (1880 г.) наблюдалась следующая зависимость населенности от годовой температуры:

Годовая температура по Р.		Жителей на квадратный километр:
до 3,5°	.	0,8
от 3,5° до 5,7°	.	3,2
„ 5,7° „ 8°	.	7,8
„ 8° „ 10,2°	.	11,6
„ 10,2° „ 12,4°	.	8,8
„ 12,4° „ 14,7°	.	4,8
„ 14,7° „ 16,9°	.	4,7
„ 16,9° „ 19,1°	.	0,5
свыше 19,1°	.	0,4

В Нижней Австрии были произведены подробные исследования изменений плотности населения в зависимости от высоты местности. При этом обнаружилось следующее:

Высота над уровнем моря.	Число жителей на 1 квадратный километр.
До 200 метров	158
От 200 до 300 метров	103
От 300 до 400 метров	61
Свыше 900 метров	18

¹⁾ Об этом см. мою книгу: „Что такое перенаселение“. 1923 г., изд. ВСНХ.

По наблюдениям, сделанным в Соединенных Штатах С. А. при количестве осадков:

	Число жителей на 1 кв. англ. кило.
10 дюймов	0,8
от 20 до 30 дюйм.	1,8
„ 40 „ 50 „	5,9
при 60 дюйм.	2,5 ¹⁾

Мы видим отсюда, что в странах с определенным и однообразным уровнем культуры и однородным хозяйственным укладом жизни населенность покорно следует за изменениями природных условий. Природа, составляющая основной субстрат всякой хозяйственной жизни, налагает резкую печать на численность населения. В одних случаях она создает больше простора хозяйственной деятельности, обильнее вознаграждает труд и способна прокормить больше народа; в других случаях природные условия сильно тормозят развитие хозяйства и производство жизненных ресурсов и соответствующая населенность не может быть велика.

Природные условия нашей родины бесконечно разнообразны, и население распределено чрезвычайно неравномерно по ее территории.

Плотность населения некоторых территорий, входящих в состав СССР (по переписи 1920 г.)²⁾:

Республики, губернии и области.	Наличное население.	Площадь в кв. верстах.	Жителей на 1 кв. версту.
Курская губ.	2.712.615	40.821	66,4
Украинская ССР.	25.605.021	392.645	65,2
Московская (без г. Москвы) губ.	1.698.413	32.514	52,2
Брянская.	982.943	23.775	41,3
Владимирская	1.258.215	33.230	37,9
Северо-Двинская губ. . .	634.102	89.600	7,1
Карельская труд. коммуна.	144.393	65.000	2,2
Архангельская губ.	361.654	502.988	0,7
Мурманская	19.131	130.210	0,1
Алтайская губ.	1.683.992	194.734	8,6
Омская	1.716.123	219.784	7,8
Томская.	1.111.359	361.113	3,1
Киргизская ССР.	5.045.652	1.871.239	2,7
Дальневосточная обл. (1916)	1.811.725	1.468.052	1,2
Иркутская губ.	886.222	803.734	1,1
Тюменская.	1.139.145	1.069.557	1,1
Ново-Николаевская.	1.301.047	1.265.502	1,0
Якутская Республика. . .	266.504	3.311.520	0,08
Камчатка (1916)	41.600	1.143.411	0,03

¹⁾ См. проф. Н. А. Кабуков: „Статистика“. Москва, 1922 г., стр. 260—261.

²⁾ Данные заимствованы из статистического ежегодника ЦСУ за 1921 г. Плотность населения вычислена мною.

Возникает и требует разрешения вопрос, насколько эта неравномерность в распределении населения предопределена свойствами природы, и возможно ли ее устранить или хотя бы до известной степени сгладить с пользой для народного хозяйства советской федерации.

Один из выводов нашей специальной литературы, посвященной переселенческому вопросу, пользующийся притом значительным признанием, заключается в утверждении, что земельный фонд Азиатской России, пригодный для земледельческой колонизации без капитальных затрат на подготовку земельных участков, почти исчерпан.

Проф. А. А. Кауфман уже в 1905 году указывал, что „сравнительно незначительный и в Сибири, и в Киргизских степях, и в Приамурье запас первосортных земель в настоящее время совершенно исчерпан,“ что землеотводным партиям пришлось подвинуться частью в маловодные и засушливые степи с сомнительными почвенными условиями, частью в дремучие леса с их суровым климатом, пресловутым „гнусом“, пришлось встать перед необходимостью расчищать уголья из-под леса ¹⁾.

Близко подходят к мнению нашего маститого исследователя Сибири суждения, высказанные проф. Н. П. Огановским ²⁾, проф. И. Л. Язвиным ³⁾, П. М. Головачевым ⁴⁾.

На первый взгляд трудно согласовать эти утверждения с фактом необычно малой заселенности Сибири. Невольно возникают сомнения, подлинно ли природные условия могут оказывать столь сильное влияние на емкость территории в отношении населенности. Не влияют ли здесь иные факты: недостаток культуры, предприимчивости, знаний, наконец—бедность страны, лишаящая ее возможности затрачивать сколько-нибудь значительные средства для приспособления к заселению менее одаренных природой территорий. Все эти вопросы научно вполне закономерны и нуждаются в освещении.

Вместе с тем становится все более очевидной необычайная сложность интересующей нас проблемы. Чтобы пролить необходимый свет в эту до сих пор еще темную область, требуется следующий ряд исследований:

1) Исследования физико-географического характера, с целью всестороннего изучения, для каких отраслей хозяйства пригодны те или иные районы, как старожилые, составляющие кадры переселенцев, так и предназначенные для заселения.

2) Экономические изыскания, имеющие своей задачей сопоставить экономический эффект колонизации с затратами на переселение и приспособление колонизируемых районов для заселения и возникновения в них соответствующих их природным свойствам видов хозяйственной деятельности. Лишь с цифрами в руках, цифрами, добытыми кропотливыми и тщательными изысканиями, можно будет вырешить вопрос о степени выгодности колонизации. До сих пор вопрос решался стихийно, как и вообще огромное большинство вопросов хозяйственной жизни. Происходил стихийный процесс переселения: люди бежали, спасаясь от невыносимо-тяжких условий существования. Правительству приходилось считаться с фактом нашествия переселенцев и кое-как размещать их по обширной и просторной, но часто скудно наделенной природой территории. Однако, в настоящее время, когда во всю широту поставлены проблемы организации народного хозяйства,

¹⁾ Кауфман. „Переселение и колонизация“. 1905 г., стр. 57.

²⁾ Н. П. Огановский. „Аграрный вопрос после 1905 года“. 1914, стр. 9.

³⁾ И. Язвин. „Переселенческое движение в России“. 1912 г., стр. 14.

⁴⁾ П. М. Головачев. „Сибирь“. Стр. 67, 178.

возникают новые задачи. Государство стремится по возможности регулировать хозяйственные отношения, заменять стихийные процессы формами, экономически целесообразными, соответствующими конечным целям и общему плану народного хозяйства. Если так, то нам предстоит огромная, но, полагаем, крайне необходимая и благодарная работа по раскрытию тех отношений населенности, которые будут в наибольшей степени соответствовать под'ему народного хозяйства и общественного благосостояния.

Надо полагать, что возможно будет показать экономическую выгоду дальнейшего заселения наших колонизационных районов, хотя бы это стоило значительных издержек на их приспособление к тем формам хозяйства, которые будут признаны соответствующими их естественным ресурсам. Колонизация может оказаться экономически выгодной даже в случае, когда хозяйственный эффект ее будет далек от идеала, если только издержки, связанные с ней, в более или менее отдаленном будущем окупятся и приведут к размещению населения, экономически более целесообразному по сравнению с прежним, послужившим исходным моментом колонизации.

Однако, при современном уровне наших знаний мы должны признать, что разрешение всех этих вопросов—задача будущего. Они властно требуют тяжелой и длительной научной работы; они еще ждут своих исследователей. Будем надеяться, что Государственный Колонизационный Институт окажется в состоянии справиться с трудной задачей, предстоящей ему в этой области.

Колонизация пустынь

Соединенных Штатов С. Америки.

Территория республики Соединенных Штатов расположена в средней части Северо-Американского континента, между $24^{\circ} 30'$ и 49° северной широты и $66^{\circ} 30'$ и $124^{\circ} 31'$ западной долготы и занимает площадь в 7.591.189 кв. километров, не считая владений на Аляске, на Панамском перешейке, на Филиппинских, Сандвичевых, Вест-Индских и других островах. (См. карту С.-А. Соединенных Штатов).

По обширности занимаемого пространства, по климату и почвенным особенностям, основная территория Соединенных Штатов чрезвычайно напоминает территорию Союза Советских Социалистических Республик, поэтому нижеприводимое описание условий, при которых происходила и происходит в настоящее время колонизация этой интересной страны и, в особенности, западной засушливой половины ее, может представить много интересного для разрешения стоящих на очереди вопросов колонизации пустынных пространств Юго-Востока, Туркестана, Киргизии и других стран, входящих в состав нашего Союза.

Колонизация Северо-Американского континента началась с восточной стороны, со стороны Атлантического океана, куда и приезжали из Европы переселенцы. В более северные районы прибывали французы и англичане, в более южные — главным образом, испанцы. На севере образовалось 13 английских колоний, которые, соединившись вместе, и дали Союз Соединенных Штатов.

Закон о национализации всех свободных земель.

Границы колоний, образовавших Соединенные Штаты, между собою были вполне отчетливо разграничены на востоке, севере и юге; но что касается запада, то в этом направлении границы были чрезвычайно неопределенны. Земли было очень много, и каждый штат мог смело претендовать на обширнейшие пространства западных земель. Еще до образования Соединенных Штатов было немало недоразумений из-за свободных земель запада. Поэтому составитель первой американской конституции поступил очень благоразумно, издавши закон о „национализации“ всех свободных земель. Все земли, никем не занятые, были признаны собственностью всей американской нации и поступили в распоряжение федерального правительства всех штатов.

Закон 1724 года о национализации свободных земель имел громадное значение для всей жизни Соединенных Штатов; он прочно

спаял отдельные штаты, независимые в других отношениях, и не дал распасться всему союзу.

Сколько свободных земель было в распоряжении федерального правительства штатов, сказать трудно, и даже сами американцы не могут ответить на это. В то время, когда был проведен закон, предполагают, что их было колоссальное количество, около 550 миллионов десятин. Теперь остается вряд ли более 100 миллионов десятин, и то, главным образом, в таких мало пригодных для культуры местах, как Аляска.

Приведение в известность свободных земель.

Уже в 1885 году, на другой год после издания закона, был установлен порядок приведения в известность этих земель. Нельзя было думать о подробной топографической съемке—площадь была слишком колоссальная, а Республика была бедна. Поэтому был принят очень интересный и простой способ приведения в известность этих земель путем разделения их на квадраты. Было проведено несколько меридианов и к ним привязаны квадраты, площадью 36 кв. миль. Каждый такой квадрат (township) был разделен на 36 квадратов, так назыв. „секций“, площадь которых составляет 260 гектаров. Каждая из секций разделяется на 4 части по 65 гектаров; те, в свою очередь, на 4 части по 16 гектаров, и этим деление оканчивается. Такой порядок приведения в известность земель чрезвычайно дешев, обходясь лишь 16 копеек на гектар. Все ряды квадратов перенумеровываются, с одной стороны, литерами, с другой—цифрами, и, таким образом, указавши меридиан, соответствующий номер township'a, а также номера и буквы секции, можно определить любой участок земли, как бы он ни был мал.

Использование свободных земель.

По мере того, как свободные земли приводились в известность, нужно было заботиться о том, чтобы их использовать наиболее производительно.

Раздача земли железным дорогам.

Первое время Соединенные Штаты своих земель не экономили; их раздавали за военные заслуги, предоставляли штатам для продажи на образовательные цели и в широкой степени раздавали железным дорогам. Железные дороги, проходившие с востока на запад Соединенных Штатов, не были гарантированы правительством. Единственной гарантией было поощрение, которое давалось им в виде отвода свободных земель. Таким образом, например, три железных дороги, как Средняя Тихо-Океанская, Северная Тихо-Океанская и Santa Fe получили более 40 миллионов гектаров земли. Им в шахматном порядке отводились известные округа и известные секции в округах.

Значение раздачи земель железным дорогам было очень велико; каждая дорога стремилась колонизировать эти земли для создания себе грузов и пассажиров, но впоследствии оказались и недостатки этой раздачи—крупные железные дороги оказались полными хозяевами на огромной территории земли и могли диктовать населению какие угодно условия. Это обстоятельство заставило Соединенные Штаты совершенно прекратить раздачу земель железным дорогам и уже со второй половины прошлого столетия приступить к раздаче

земель непосредственно в руки земледельцев мелкими участками с таким расчетом, чтобы эти участки обрабатывались их личным трудом.

Закон „о преимущественной покупке“.

Для проведения в жизнь этого принципа в 1841 году федеральным правительством Соединенных Штатов был издан так называемый „закон о преимущественной покупке“ (preemption law), которым установлена была продажа земли переселенцам по 1 дол. 25 цент. за акр (7 руб. 42 к. за гектар), при непременном условии проживания на земле не менее 6 месяцев. Этот закон дал возможность удачно заселить много пустынных государственных земель, но с течением времени, когда земля стала сильно подыматься в цене, вызвал земельную спекуляцию и злоупотребления.

Капиталистическое расхищение земель.

Компании и отдельные лица, которым по каким бы то ни было соображениям было выгодно получить в свое владение большие площади земли, отправляли на участки фиктивных переселенцев, живших на них по 6 месяцев, получавших от правительства „патенты“ (документы на право собственности) и потом передававших их компаниям. Поэтому в 1862 году правительство издало новый закон, так называемый „homestead law“, раздача же земель по закону 1841 года была сильно сокращена и самый закон в 1890 году был отменен.

„Закон о семейных наделах“.

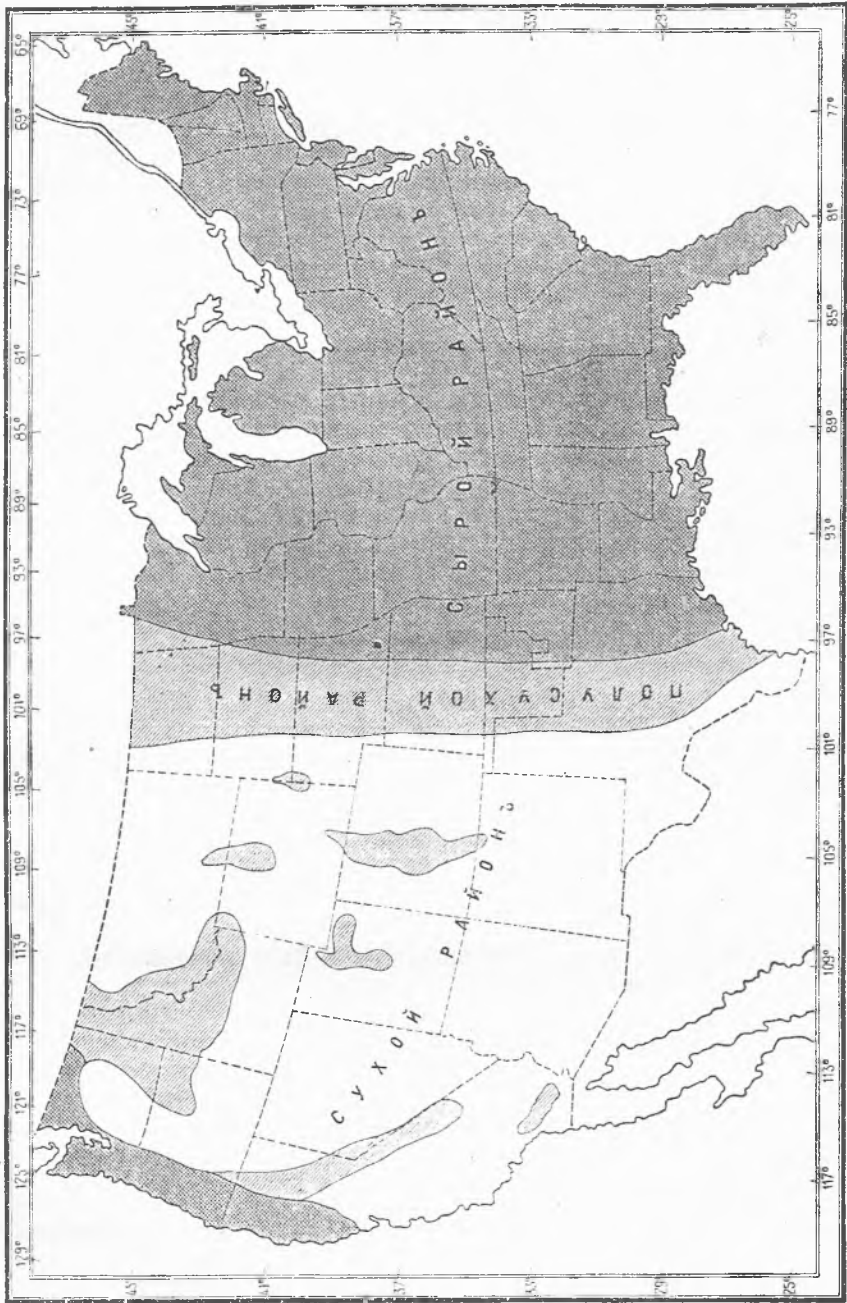
По закону 1862 г., известному под названием „закона о семейных наделах“ (homestead law), каждый совершеннолетний гражданин Соединенных Штатов или же лицо, пожелавшее стать таковым, имеет право занять из числа государственных земель Соединенных Штатов участок, площадью не более 65 гектаров, и получить все права собственности на него, при условии проживания на таком участке и обработки части его в продолжение 5 лет. Плата за землю была установлена в размере 10 рублей за участок в 32¹/₂ гектара и 20 руб. за участок в 65 гектаров.

Этот закон имел громадное значение в деле колонизации государственных земель в Соединенных Штатах. Благодаря ему, на месте диких прерий долины Миссисипи образовался ряд таких богатых штатов, как Айова, Иллинойс, Дакота, Небраска, Канзас и др., населенных земледельцами, собственным трудом обрабатывающими свою землю. Закон о семейных наделах остается до сих пор главным регулятором колонизационного дела Соединенных Штатов.

Колонизация пустынных земель.

Описанные колонизационные законы Соединенных Штатов имели в виду земли, пригодные для земледелия „под дождь“, без искусственного орошения. Таких земель было много в долинах рек Миссисипи, Огайо и др., непосредственно прилегающих к наиболее культурным штатам Атлантического побережья, и пока эти долины не были еще плотно заселены, мало кто в Америке, кроме охотников и скотоводов, интересовался необъятными землями „великих пустынь“ (great american deserts) сухого района, расположенного между 100^о западной долготы и Великим океаном. (Фиг. 1.)

Земли эти признавались безнадежно-пустынными и для земледелия непригодными.

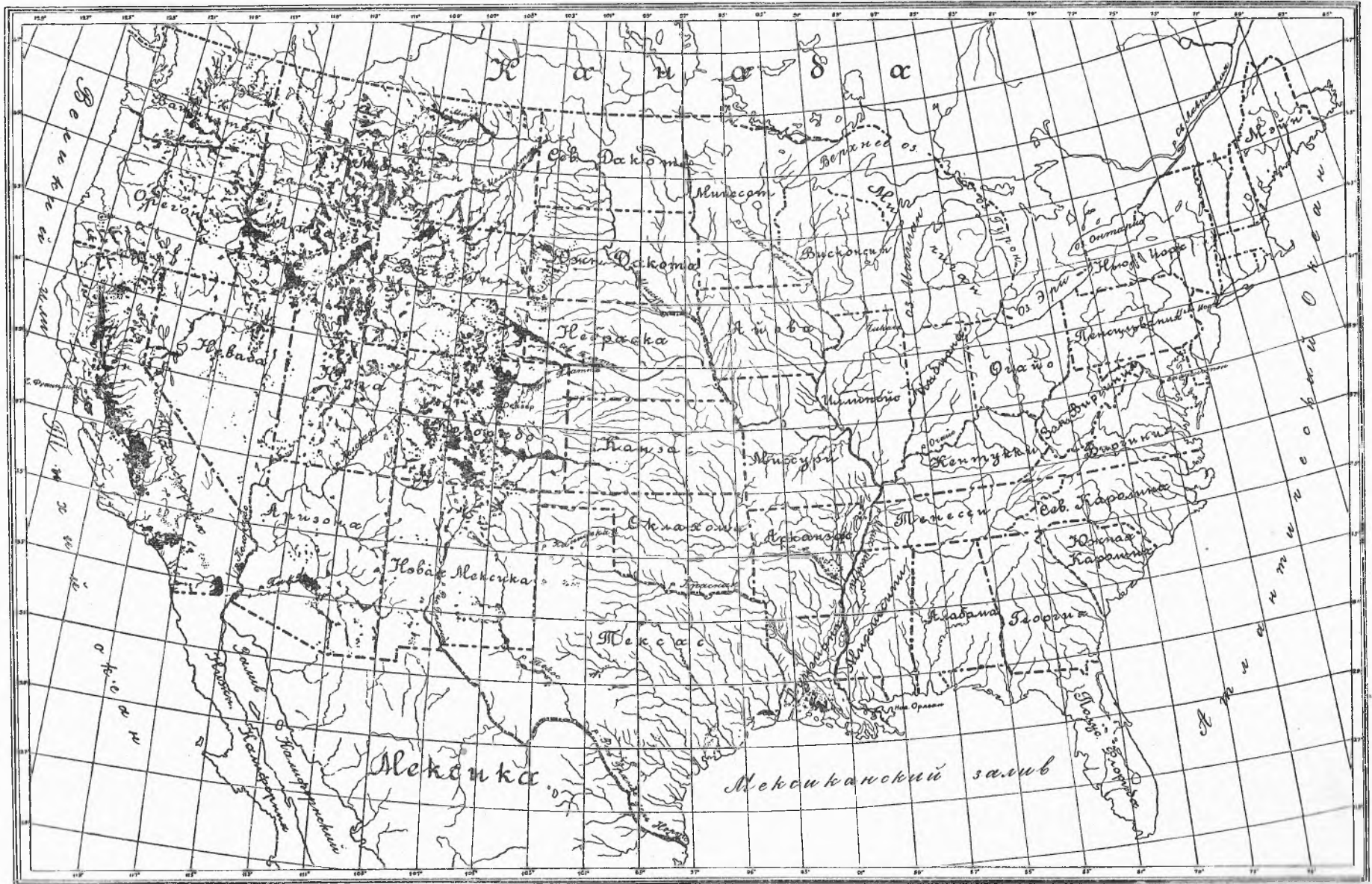
Фиг. 1.

До прихода европейцев в эту западную половину Соединенных Штатов она почти не была заселена. По ее необъятным пустыням кочевали в поисках за кормом и водой стада бизонов, а за ними бродили дикие звери, да несколько постоянно враждовавших между собою индейских племен. Вскоре после прихода европейцев бизоны

КАРТА
 С.-А. Соединенных Штатов
 с показанием орошаемых земель в 1920 г.

Масштаб 1:11 275 000

Фиг. 2

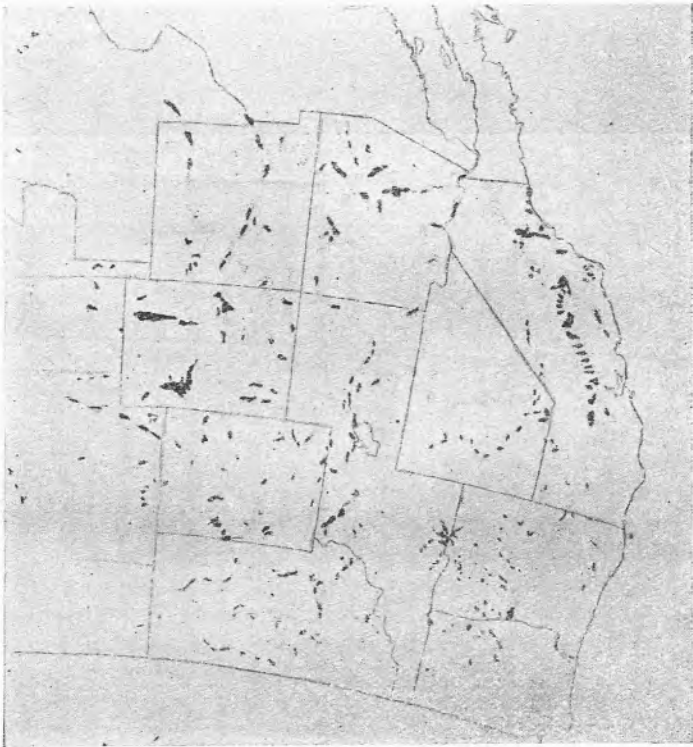

Фиг. 3.

исчезли, исчезли наполовину дикие звери, а от индейцев остались лишь кости (фиг. 2.), да жалкие остатки некогда грозных племен, заперты в особо отведенные им земли (резервации) (фиг. 3).

Долгое время после присоединения к Соединенным Штатам эта страна была открыта для общего пользования и, вследствие сухости, использовалась только для скотоводства и частью для добычи минеральных богатств. И зиму и лето скот был на подножном корму; земледелие не велось вовсе и все продукты привозились с востока. Однако, уже в начале второй половины XIX столетия, вследствие огромного числа пасущегося скота, не стало хватать травы для его прокормления, и владельцы стали думать о прокормлении его во время зимы.

При более близком изучении Западно-Американских пустынь выяснилось, что многие из них далеко не всегда были так безнадежно пустынно. Во многих местах были найдены развалины селений и городов, принадлежавших каким то исчезнувшим людям, по своей культуре стоявшим много выше индейцев. Эти люди знали земледелие и умели бороться с засухой при помощи искусственного орошения: в пустынях были найдены следы ирригационных каналов, тянувшихся на десятки верст.

Фиг. 4.

Это натолкнуло на мысль о возобновлении орошения. На горных речках, в местах выхода их на равнины, стали устраиваться примитивные запруды, и вода стала проводиться на поля. Оказалось, что в тех местах люцерна при искусственном орошении может дать с небольшой площади огромное количество сена. Таким образом явилось земледелие. За люцерной последовали зерновые хлеба, огородные овощи и фрукты, находившие себе прекрасный сбыт в поместьях скотоводов и в селениях рудокопов. Скотоводство, вследствие обременения земли

большим количеством скота, чаще и чаще стало давать убытки, между тем как земледелие, вследствие прекрасного сбыта продуктов, давало огромную прибыль и побуждало к развитию орошения. Особенно сильный толчок делу искусственного орошения дали мормоны, изгнанные с берегов Миссисипи и поселившиеся в теперешнем штате Юта. Много сделали для развития этого дела социалистические коммуны фурьеристов в Колорадо, а также те из калифорнийских искателей золота, которые, не успев в поисках золота, стали применять воду золотопромывательных каналов для орошения посевов.

Закон о пустынных землях.

Успех колонизации „Далекого Запада“ вызвал многочисленные требования со стороны колонистов на отвод пустынных земель. Но отводить пустынные земли на основании закона о семейных наделах, с требованием немедленной обработки и проживания на участке, значило бы заранее лишать возможности переселенцев когда-либо получить право на землю или же потворствовать злоупотреблениям и обходам закона, поэтому правительство Соединенных Штатов 3 марта 1887 г. издало новый колонизационный закон, известный под названием „закона о пустынных землях“ (desert land law). Этот закон предоставлял каждому гражданину Соединенных Штатов право получить в собственность участок земли, размером не более 240 десятин, при условии орошения земли в трехлетний срок, приведения ее в культурный вид и уплаты за каждую отведенную десятину по 5 руб. 50 коп. Требование обязательного проживания на участке и обработки его в этот закон введено не было.

Новая спекуляция.

До применения искусственного орошения на землях Запада, эти земли использовались при помощи скотоводства. Скотоводством занимались крупные капиталисты и компании, для которых было выгодным оставление земель в некультурном виде. Фермеры же, появляясь в степях, препятствовали своими изгородями и посевами свободному передвижению скота, который пасся без всякого присмотра. Заветною мечтою крупных капиталистов и компаний скотоводов, угрожаемых наплывом фермеров, было закрепление за собою всех тех огромных площадей, на которых бродил их скот, но федеральное правительство на это не соглашалось. Тогда многие скотоводы, как только был обнародован закон о пустынных землях, постарались воспользоваться им для захвата через подставных лиц, если не всех площадей, на которых пасся их скот, то хотя бы мест водопоя и берегов степных и горных речек и вообще таких мест, без которых целые районы теряли всякую цену для колонизации. Требования закона о пустынных землях выполнить было нетрудно: обыкновенно на участках фиктивных переселенцев кое-где прорывали каналы и ко дню приезда федерального чиновника, выдававшего „патент“, в каналы из бочек наливалась вода.

Настоящими земледельцами, действительно оросившими землю, было сделано очень мало заявок на занятие пустынных земель, большая же часть занятых участков перешла в руки скотоводов. Эти земли до сих пор остаются неорошенными и лишь препятствуют орошению соседних с ними участков.

Интерес, проявившийся в Соединенных Штатах во второй половине XIX столетия, к ирригационному делу и частые неудачи с

орошением и колонизацией пустынных земель заставили правительство Соединенных Штатов ближе заинтересоваться этим делом. В 1889 г. правительство назначило комиссию из 6 сенаторов для изучения вопросов, связанных с ирригацией и с колонизацией безводных земель. Комиссия эта, пригласив в помощь несколько сведущих людей из среды людей науки и практиков, занимающихся мелиоративными работами, предприняла путешествие по всему Западу Соединенных Штатов. Комиссия закончила свои работы составлением доклада, занимающего 3 тома в 3.000 страниц.

Изменение закона о пустынных землях.

Ближайшим результатом трудов комиссии было дополнение в 1891 г. закона о пустынных землях еще пятью статьями, которые значительно увеличили требования, предъявляемые для получения патентов. Так, от лиц, занимающих земли, стали требовать предъявления карты занимаемой ими местности с указанием на ней плана и способа предполагаемого орошения. Кроме того, право получения патента на землю обусловлено было представлением доказательств в производстве затрат на мелиорацию земли, по крайней мере, в размере 3 долларов на каждый акр. Площадь наделов в 640 акров была уменьшена до 320 акров (120 десятин), и впервые было разрешено нескольким претендентам представлять совместно карту местности с показанием на ней плана и способа совместного орошения земель.

Эти дополнительные требования в значительной мере остановили захват земель скотоводами, компаниями и спекулянтами, но, с другой стороны, они принесли мало пользы и добросовестным земледельцам. К 1891 году осталось уже очень мало земель, непосредственно прилегающих к горным речкам, вывод каналов из которых был несложен и потому доступен земледельцам. Такие участки были почти без остатка заняты по закону 1877 года, все же оставшиеся пустынные земли представляли собою громадные пространства, для орошения которых требовались большие средства и технические знания, которыми не могли располагать обыкновенные переселенцы; кроме того, орошение этих земель затруднилось тем, что все водные источники были окружены уже захваченными землями, и для проведения каналов через них нужно было вести судебные дела о принудительном отчуждении.

Тем не менее, развитие искусственного орошения на Западе Соединенных Штатов шло быстрыми шагами вперед, несмотря на не вполне удачные законодательные распоряжения правительства. К 1891 г. в западных штатах уже имелось около 60.000 орошаемых хозяйств, с площадью около 1½ миллионов десятин орошаемой пустынной земли, призванной к жизни частью единичными землевладельцами, частью товариществами их. Земли эти давали прекрасные доходы и возбуждали интерес к оросительным предприятиям. Общая площадь земель в Соединенных Штатах, которые можно было призвать к жизни посредством орошения, составляла в то время до 50.000.000 акров (около 18.500.000 десятин). Так как орошение этих земель было не под силу самим земледельцам, то за это дело пробовали браться капиталисты и компании.

Работа частных компаний.

Получать государственные земли большими площадями непосредственно в собственность капиталисты не могли, поэтому они предлагали группам фермеров доставлять на их земли воду за определен-

ную плату, или же брали государственные земли через подставных лиц, орошали их и затем продавали их вместе с водными правами переселенцам.

Небольшой процент компаний, доставлявших воду для орошения фермерских земель, успел в своих предприятиях. Фермеры, по окончании работ по устройству орошения, очень часто оставались недовольными слишком высокими ценами, установленными за пользование водою, и, вступая между собою в соглашение, не принимали воды от компаний до тех пор, пока те не сбавляли цен. В других случаях фермеры только потому соглашались на устройство орошения компаниями, что надеялись, пользуясь повышением цен на земли, продать свои участки с барышем и также отказывались от проведенной компаниями воды. При таких условиях многие ирригационные компании в Соединенных Штатах быстро обанкротились. Было много случаев, когда компании устраивали оросительные системы неправильно или непрочно лишь для того, чтобы сбыть их мало понимающим в вопросах техники переселенцам. Такие системы, являясь обузой для земледельцев, поглощали на ремонт сооружений все их доходы от хозяйства и потому довольно часто забрасывались; поэтому, наиболее успешными ирригационными предприятиями в Соединенных Штатах всегда оказывались работы, предпринимаемые самими фермерами, объединенными в товарищества.

Мелиоративные товарищества.

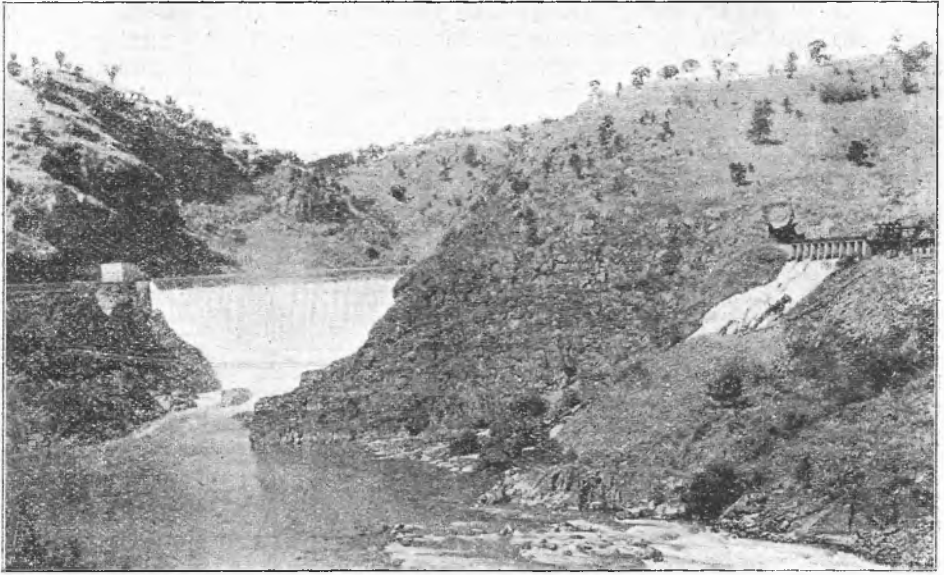
Такие товарищества, также как и частные компании, отпускают воду фермерам за плату, но последним невыгодно действовать в антагонизм их интересам, так как фермеры сами являются участниками предприятий. Однако, вследствие недостатка в капиталах, подобные товарищества не могут устраивать орошения на больших площадях. Кроме того, при организации ирригационных товариществ обыкновенно бывает очень трудно достигнуть соглашения между всеми фермерами, владеющими землями, удобными для орошения. Очень часто из-за инертности или упрямства двух-трех фермеров владения десятков других остаются неорошенными и малопродуктивными.

Принцип принудительного участия.

Вследствие этого впервые в 1887 году правительство штата Калифорнии, на территории которой имеется особенно много крупных хозяйств с сухими землями, решило внести в свои законы об ирригационных товариществах принцип принудительного привлечения к участию несогласного меньшинства земледельцев в тех случаях, когда включение в предприятие их земель является необходимым по техническим соображениям. Этот закон, известный в Калифорнии по имени его инициатора под названием закона Райта (Wright law), установил основания для организации, так называемых, оросительных областей или округов (irrigation districts) в пределах местностей, могущих быть удобно орошенными из какой-либо реки или другого источника воды.

В начале закон Райта не имел большого успеха даже в том штате, где он впервые появился, но в 1897 году он был переиздан со значительными исправлениями в деталях, и с тех пор ирригационные области стали все более и более распространяться не только в Калифорнии, но и в других штатах, позаимствовавших закон Райта.

Среди предприятий, организованных по закону Райта, наибольший интерес представляют два округа или „дистрикта“: Модесто и Терлок, организованных по берегам р. Туолумин в Средней Калифорнии. Здесь на средства обоих дистриктов была устроена плотина водосливная из каменной кладки высотой в 38 метров, длину в 100 метров и стоимостью в 1 миллион рублей (фиг. 5). От плотины этой отходят

Фиг. 5.

два канала: на правую сторону Модесто для орошения 33.000 гектаров и на левую — Терлок для орошения 71.000 гектаров. Дела сельских

Фиг. 6.

хозяев этих двух дистриктов идут блестяще: вместо прежних пшеничных полей и полудикого скотоводства для мяса и шкур, здесь, благодаря искусственному орошению, развились фруктовые сады (фиг. 6)

и мелочное хозяйство, основанное на люцерне, дающие в 10 раз более дохода против прежнего.

Успех этих двух предприятий явился главнейшим импульсом к развитию таких „дистриктов“ и в других штатах Запада. К 1910 г. этими кооперативными организациями орошалось 215 тысяч гектаров, а к 1920 г. уже 742 тысячи гектаров.

Однако, такие предприятия могли организоваться только в местах, где уже имелись фермеры; в пустынных же степях, составляющих главный земельный фонд Соединенных Штатов, их организовать было невозможно, и степи оставались по-прежнему пустынными.

Такое положение вещей и неотложная необходимость иметь земельный фонд для излишка населения восточных штатов, из которых уже к концу XIX столетия началась эмиграция в Канаду и Южную Америку, вызвали в Сединенных Штатах сильное движение в пользу вмешательства правительства в развитие ирригационного дела в стране. Поборники этой идеи разделились на два лагеря: одни требовали только установления контроля со стороны правительства отдельных штатов над работами частных лиц и компаний, а другие—производства оросительных работ самим федеральным правительством. Поэтому результаты этого движения выразились в издании двух законов: акта Кэри (Carey Act) в 1894 году и Мелиоративного акта (Reclamation Act) в 1902 году.

Акт Кэри.

Сущность постановлений акта Кэри заключается в следующем: федеральное правительство предложило 2 штатам западного засушливого района в собственность каждому по одному миллиону акров (407 тысяч гект.) находившихся в их пределах свободных государственных земель, с обязательством в течение 10 лет со времени издания закона эти земли оросить и заселить действительными поселенцами, живущими на земле и ее обрабатывающими. Этим законом не был, однако, предусмотрен вопрос о средствах, на которые должны были быть орошены дарованные штатам земли, а, кроме того, установленное законом срочное обязательство по орошению их оказалось очень стеснительным для штатов, почему закон этот не нашел в первое время должного применения. В виду выяснившихся затруднений в практическом осуществлении предложенной меры, акт Кэри был дополнен законодательными постановлениями: в 1896 г.—о разрешении штатам закладывать предоставляемые им земли в обеспечение выплаты предпринимателям стоимости орошения, и в 1901 г.—об исчислении 10-летнего срока для приведения земель в культурное состояние не со времени издания закона 1894 г., а со дня утверждения федеральным правительством представляемых ему штатами оросительных проектов, при чем министру внутренних дел было предоставлено право, в случае неокончания работ в срок, давать пятилетнюю отсрочку. Эти законодательные акты вместе с весьма целесообразными местными законами, изданными штатами в дополнение к федеральному закону, с 1901 г. начали играть видную роль в деле колонизации засушливых земель запада Соединенных Штатов.

Из всех штатов засушливой половины Соединенных Штатов наиболее интересные и рациональные законы, дополняющие акт Кэри, установлены штатом Айдаго. На основании законоположений этого штата, оросительные работы на землях, отведенных федеральным правительством, производятся концессионным порядком. Лица или компании, желающие производить работы для орошения или колони-

зации земель на основании акта Кэри, должны заявлять об этом „Комитету Земельных Комиссаров Штата“. При заявлениях представляются данные о площадях, предполагаемых к орошению, с описанием будущих сооружений и работ, сведения о водных запасах, на счет которых предполагается устроить орошение, а также о правах предпринимателей на эти водные запасы. Должны представляться также данные о стоимости предполагаемого орошения на единицу площади, и должны быть указаны условия, на основании которых переселенцы будут выплачивать эту стоимость. При заявлениях должны представляться залогов в размере от 250 до 2500 долларов, а также сведения о денежных средствах предпринимателей и о финансовом их положении.

Заявления поступают затем на рассмотрение „Инженера Штата“, обязанного дать заключение относительно целесообразности и выполнимости каждого проекта. По рассмотрении этого заключения комитет или принимает предложение предпринимателей или же отклоняет его. Если предложение принимается, то все проекты отправляются в федеральное министерство внутренних дел. Если проект получает одобрение этого министерства, то для выдела земли штату между ним и федеральным правительством заключается контракт, одной из виднейших статей которого всегда является условие, что окончательная передача земель штату может состояться лишь тогда, когда на земли будет доставляться в прочном канале достаточное количество воды для орошения их.

Заручившись контрактом с федеральным правительством, штат заключает контракт с компанией, берущейся оросить земли и заселить их. Этим контрактом определяются:

- 1) срок, в который земля должна быть орошена (не более 5 лет);
- 2) стоимость орошения по расчету на каждый акр орошаемой земли;
- 3) условия, на основании которых переселенцы должны будут выплатить стоимость орошения, т.-е.: а) число лет выплаты, б) размер ежегодных взносов, в) размер процентов за отсрочку и просрочку платежей и пр.;
- 4) условия, на основании которых переселенцы должны будут вступить во владение всей системы, построенной компанией.

Заключение каждого контракта должно сопровождаться внесением со стороны компании-предпринимателя залога в размере 5% стоимости всех работ. Этот залог, в случае невыполнения условий, обращается в пользу штата.

После заключения контракта штат, а также и компания, объявляют во всеобщее сведение об открытии земель для заселения, о стоимости устройства орошения и о всех других условиях, предусмотренных статьями вышеупомянутого договора.

По закону Кэри каждый переселенец имеет право занять участок земли площадью от 40 до 160 акров (15—60 десятин) при условии выплаты за него штату по 50 центов за каждый акр (2 р. 70 к. за десятину)*), а компании—за устройство орошения столько, сколько предусмотрено контрактом, заключенным со штатом.

По правилам, установленным законами штата Айдаго, переселенец заявляет компании о размерах участка, который он желает занять, выбирает его на местности и уплачивает компании вперед первый

---

*) Эти деньги должны поступить в особый оросительный фонд и могут затрачиваться штатом только на расходы по орошению земель.

годовой взнос за устройство орошения на избранном им участке. Обыкновенно этот взнос составляет от 0,1 до 0,2 всей стоимости орошения участка. Потом переселенец предъявляет „Земельной Конторе Штата“ квитанцию в уплате компании первого взноса и, по внесении штату задатка в размере 25 процентов за каждый акр отведенной земли, получает свидетельство в обеспечение за ним участка.

После этого переселенец совершенно свободен и не обязан жить на своем участке до тех пор, пока он не получит извещения от компании, что в определенное время на его землю будет проведена вода в установленном контрактом между компанией и штатом количестве.

Тогда переселенец должен явиться на свой участок и в продолжение двух лет по получении извещения обязан привести в культурный вид и обработать не менее восьмой части этого участка; не позднее же трех лет после получения извещения он обязан привести доказательство перед должностными лицами штата, что это условие им выполнено. После этого и по выплате остающихся 25 центов за каждый акр, переселенцу выдается „патент“, т.-е. право собственности на участок. Ничто не препятствует переселенцу выполнить все эти требования, хотя бы в несколько дней, и получить „патент“; невыполнение же их грозит переселенцу лишением прав на землю и потерю всех произведенных им платежей.

Как только компания объявит, а должностные лица штата удостоверят, что вода может быть проведена на землю для ее орошения, начинается для переселенцев срок, с которого они должны приступить к выплате контрактной стоимости устройства ирригационной системы и к возмещению компании всех расходов по управлению системой и содержанию ее в порядке.

Так как в засушливой части Соединенных Штатов земля без воды не имеет ценности, то, как самим актом Кэри, так и законами штата Айдахо предусмотрено, чтобы переселенцы, по выплате кампанией стоимости произведенных работ, становились полными хозяевами всех ирригационных сооружений.

Орошение земель производится компаниями обыкновенно при помощи очень дорогих и сложных гидротехнических сооружений, передача которых в руки неопытных переселенцев представляет известную опасность для этих сооружений; поэтому все контракты штата с оросительными компаниями содержат условия, при выполнении которых переселенцы получают возможность подготовиться к управлению системами и принять их от компании постепенно, в продолжение ряда лет.

Для этого каждая компания, уже при объявлении о начале производства ею работ, должна организовать при ирригационной системе товарищества будущих водопользователей. В каждом из этих товариществ должно быть столько паев, сколько акров земли подлежит орошению и продаже. Каждый пай дает право голоса во всех собраниях членов товарищества.

Покупая землю и уплачивая компании первый взнос за водные права, переселенец получает на каждый купленный акр по одному пая товарищества. Когда же система заканчивается постройкой и вода начинает отпускаться на поля, товарищество вступает в управление всей системой, компания же номинально от него отстраняется.

Но компания сохраняет за собою право во всех делах товарищества голосовать по каждому пая вместо переселенца до тех пор, пока за пай не будет ей выплачено 35% его стоимости. После

выплаты 35% переселенцы уже сами голосуют и выбирают должностных лиц в правление товарищества.

Так как земли занимаются переселенцами не в одно и то же время и деньги выплачиваются ими неравномерно, то на деле выходит, что лишь постепенно они начинают принимать участие в управлении системой, постепенно начинают вводить в правление товарищества директоров из своей среды и, таким образом, постепенно вытеснять компанию. Когда же по всем паям уплачено будет более 35%, компания от управления системой совершенно устранится.

Для того же, чтобы обеспечить компании выплату всей суммы, причитающейся за устройство ирригационной системы, признается, как актом Кэри, так и законами штата, что компания имеет все права первой закладной на земли переселенцев, которые она орошает, в сумме стоимости водных прав, т.е. контрактной стоимости устройства орошения.

А так как земли после устройства на них орошения увеличиваются в цене в десятки, а иногда и в сотни раз, то, как показал и опыт, переселенцам невыгодно допускать компанию до осуществления ее прав на землю по закладной. На случай возможных несчастий с переселенцами в смысле подрыва их платежной способности, законы штата дают достаточно отсрочек, прав обратного выкупа и т. д.

Для того, чтобы обеспечить переселенцам прочные и надежные ирригационные сооружения, все работы компаний-предпринимателей находятся под контролем и надзором штата, через посредство „Инженера Штата“ и „Комитета Земельных Комиссаров“. Как компании, так инженер и комитет должны ежегодно публиковать отчеты о произведенных работах и о своей деятельности.

Несоблюдение компаниями-предпринимателями условий договора со штатом, неудовлетворительное выполнение работ или невыполнение технических указаний инженера штата, влекут за собой отстранение компаний от производства работ, при чем все произведенные работы, а также внесенные залогом остаются в пользу штата, и последний получает право поручить окончание работ другим лицам или компаниям.

Наиболее значительное колонизационное предприятие, до сих пор организованное не только в Айдаго, но и во всех Соединенных Штатах на основании акта Кэри, есть предприятие основанное на контракте, заключенном в январе 1903 года между штатом Айдаго и Земельной и Водной компанией „Твин Фолс“ (Twin Falls Land & Water Co), для орошения и колонизации 270.000 акров (110.000 гектаров) пустынных земель в бывших в то время графствах Кассия (Cassia) и Линкольн (Lincoln).

Это предприятие покрывает собою ныне громадную площадь земли, об орошении которой в прежнее время много писали и говорили, но не могли его осуществить, вследствие технических затруднений, громадной стоимости работ, и, главным образом, вследствие недостаточной обеспеченности для предпринимателей возврата затраченных капиталов.

Контракт, заключенный между штатом и компанией, имел в виду постройку на реке „Снек“ (Snake), возле города Тильнер, плотины, приблизительно в 600 метров длиною и до 24 метров высотой, которая должна поднимать уровень воды реки на 15 метров. Вода реки должна была от плотины отводиться на южную сторону в графство Кассия, для орошения 240.000 акров, при помощи канала в 24 метра, шириною

по дну, с глубиной воды в 3 метра и длиной в 128 километров. На северной стороне реки проведен был канал для орошения 75.000 гектаров земель, находившихся в графстве Линкольн.

Строительные работы по сооружению плотины были начаты весной 1903 года. Первого марта 1905 года плотина была закончена совершенно в том виде, как это предполагалось, (стоимость плотины составляла около 1.700.000 рублей) головные затворы южного канала были открыты и вода пропущена в первую часть его для орошения более 200.000 гектаров земель, уже занятых переселенцами. Дальнейшие работы шли быстро вперед и вся система южной стороны долины закончена осенью 1907 года.

Главный канал этой системы имеет около 130 километров в длину, приблизительная же длина всех каналов, устроенных компанией вместе с распределителями и оросителями, составляет более 1.600 километров. Площадь удобной земли, обслуживаемой каналами, составляет 95.000 гектаров.

По закону требуемая от переселенцев, для получения права собственности, площадь обработанной земли составляет на этой системе около 30.000 акров. Таким образом, площадь фактически обработанной земли уже через два года по окончании системы была в 3 раза более требуемой.

Вечные права на воду (водные пай) продавались переселенцам на этой системе по 25 долларов на акр (123 руб. на гектар). Платеж наличными составлял 3 доллара, остальные же 22 доллара должны быть выплачены в 9 годовых сроков при 6% за рассрочку.

Несмотря на большое число переселенцев - водопользователей, а именно 2.500 дворов, водные контракты, которых с компанией заключены на сумму в 4½ миллиона долларов, не было ни одного случая судебного решения об отобрании земель в пользу компании по праву закладной. Наоборот, ранее срока произведенные платежи значительно превышали платежи просроченные.

Так как климат местности, где находится описываемая система, довольно суров (в мае и сентябре бывают заморозки), то высокие культуры здесь невозможны; жителям приходится ограничиваться люцерной, сахарной свеклой, картофелем, пшеницей, овсом, кукурузой и некоторыми фруктами. По данным опытного поля возле города Твин-Фолс, средние урожаи с десятины при орошении таковы: люцерны за 3 укоса — 1.100 пудов, сахарной свеклы — 350 берковцев, картофеля — 800 мер, пшеницы — 30 четвертей, овса — 40 четвертей и т. д.

В начале, при заселении описываемых земель, площадь, занимаемая отдельными хозяйствами, в среднем, была около 120 акров, или 48 гектаров, но уже к 1909 году, вследствие продажи многими излишков своих земель, она упала до 36 гектаров и, вероятно, когда все свободные земли будут заняты, упадет еще более. Ныне полагают, что площадь в 70 акров, или 27½ гектаров, на каждую семью, при искусственном орошении, вполне достаточна не только для безбедного существования, но даже для жизни с известным комфортом.

В дополнение к вышеописанным ирригационным работам, компания разбила на орошаемых землях места для городов и вступила в соглашения с другими компаниями для устройства телефонов, водопроводов, электрического освещения, канализации и пр.

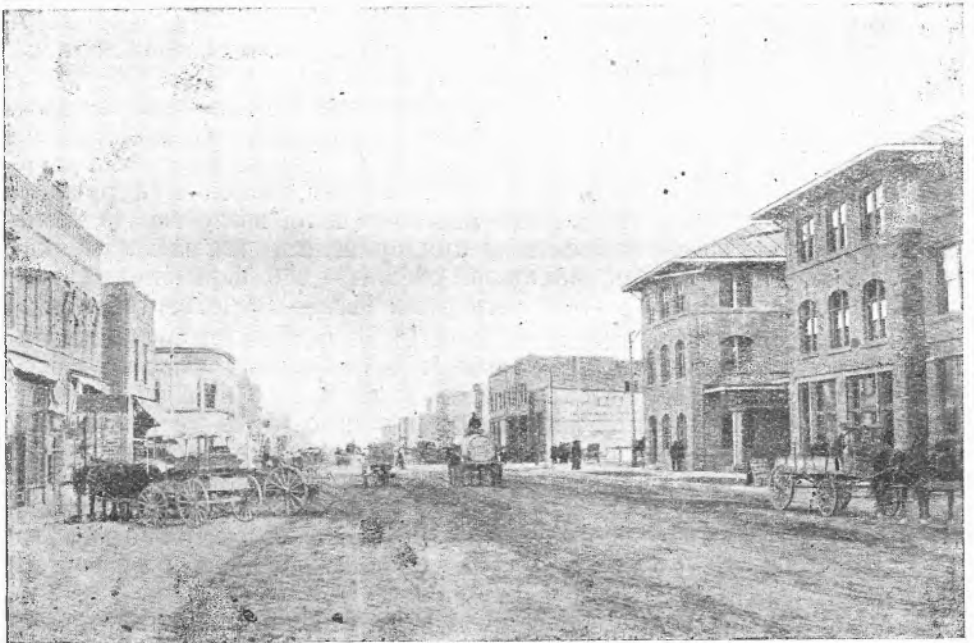
Земли, обслуживаемые описываемой системой, в 1907 году были выделены из графства Кассия в особое графство, называемое „Твин-

Фолс“ (Twin Falls). Новый город того же имени—центр управления графством—в 1904 г. имел только 350 жителей, проживавших, главным образом, в палатках (фиг. 7). В 1908 г. его население достигло 4.000.

Фиг. 7.

Город имел несколько публичных зданий, телефонную сеть, водопровод, канализацию (фиг. 8).

Фиг. 8.

По данным XIV переписи Соединенных Штатов 1920 года, площадь пустынных земель, оживленных и колонизованных на основании

акта Кэри, в одном штате Айдаго составляла 245.830 десятин, общая же площадь, оживленная и колонизованная на основании этого закона во всех штатах союза—439.907 десятин. Таким образом, работы по акту Кэри в Айдаго составляют 56%, что указывает на большую энергию, проявленную этим штатом в деле колонизации пустынных земель.

Мелиоративный акт.

Неприменимость акта Кэри в продолжение 7 лет, от 1894 года по 1901 год, дала сильный перевес сторонникам федерального контроля над оросительно-колонизационными работами, и в 1902 году был проведен так называемый „мелиоративный акт“ (Reclamation act), предоставивший федеральному правительству Соединенных Штатов права устраивать орошение на тех пустынных землях 16 западных штатов, на которых оно находит это нужным, равно как и заселять эти земли переселенцами на основании принципов, положенных в основание описанного выше закона „о семейных наделах“, т.-е. с отводом участков размером не более 60 десятин и с правом получения на них „патентов“ не ранее 5-летнего проживания и ведения хозяйства. Получая самые земли за ничтожную единовременную плату, переселенцы должны выкупить в продолжение 10 лет все устраиваемые правительством оросительные сооружения и принять их в свою собственность и в свое управление. При этом, обеспечением выплаты является сама земля, отведенная колонистам, ценность которой, хорошо устроенное орошение, увеличивает во много раз. Все производимые колонистами выплаты должны поступать в мелиоративный фонд и служить для орошения других земель на тех же условиях.

Работа службы мелиорации.

Короче, сущность Мелиоративного Акта сводится к беспроцентной ссуде переселенцам средств из постоянно обращающегося государственного национального фонда для орошения отводимых им пустынных земель. При этом правительство ссужает колонистов не одними только деньгами, но также техническими силами для организации сложного оросительного дела, с которым переселенцы не могли бы справиться сами.

Результаты работ Мелиоративного Бюро.

Поразительные по своей грандиозности и масштабу оросительные и колонизационные работы государственной „Службы Мелиорации“ (Reclamation Service), теперь называемой „Мелиоративным Бюро“ (Reclamation Bureau), сосредоточены в 29 колонизационных предприятиях, распределенных по 16 западным засушливым штатам Союза (фиг. 9). Предприятия эти должны оросить около 1.250.000 гектаров пустынных земель и устроить на них около 70.000 хозяйств. Для достижения этой цели всего за время с 1903 по 1923 г.г., т.-е. за 20 лет федеральным правительством Соединенных Штатов проведено 20.000 километров каналов, 43,3 к. м. тоннелей, построено плотин общим объемом 11.000.000 куб. метр., выкопано 155.000.000 куб. метр. грунта, истрачено 490 миллионов пудов цемента, построено 48 километров мостов, 1600 километров грунтовых дорог, 130 километров железных дорог, 1600 километров электрической передачи и 1450 зданий.

На эти работы израсходовано было всего по 1 января 1923 года — 27.000.000 рублей золотом. Работа далеко еще не закончена. Они должны оросить, как выше упомянуто, всего 1.200.000 гектаров земли, разделенной на 70 хозяйств, от 4½ до 66 гектаров площадью каждое. Почти все эти наделы уже заняты и из них летом 1922 г. орошалось и обрабатывалось уже 475.783 гектара, с которых в 1922 г. было получено на 50.360.000 долларов (более 100.000.000 руб.) продуктов. Кроме того была отпущена вода для орошения 407.000 гектаров соседней частновладельческой земли, с которой было получено на 66.000.000 рублей. Таким образом, при затрате в 270.000.000 руб., в один год получено продуктов на 166.000.000 руб. Принимая во внимание, что вся работа еще не закончена и что в затрату 27 мил. руб. входят расходы по сооружениям еще не дающих воды для орошения, можно прийти к выводу, что предприятия федерального правительства Соединенных Штатов обещают быть определенно выгодными.

Работы федерального правительства Соединенных Штатов, несмотря на их общий успех, оказались, как выясняется теперь, все же несвободными от некоторых неудач и разочарований. Прежде всего 10-тилетний срок, установленный для выплаты переселенцами стоимости произведенных работ, оказался недостаточным.

По постановлению Конгресса Соединенных Штатов 1914 г., этот срок пришлось продолжить до 20 лет. Такое изменение срока выплаты вызвало сокращение рассчитанных ранее поступлений в Мелиоративный Фонд, а, вследствие этого, задержку в выполнении работ. Это обстоятельство вызвало необходимость выпуска особого займа, обеспеченного поступлениями в Мелиоративный Фонд, в размере 40.000.000 рублей. Кроме того, уже после 1920 г. Конгрессом Соединенных Штатов было предоставлено, помимо Мелиоративного Фонда, для производства оросительных работ тоже некоторая часть средств, полученных от сдачи в аренду в западных засушливых штатах нефтяных месторождений и источников водяной силы.

Денежные затруднения в оросительно-колониационном деле вызваны были не одними задержками в поступлении выплат от переселенцев. Причиной их являлись также некоторые неудачи предприятий, организованных в таких местностях (штатах: Канзаса, С. Дакота и др.), в которых искусственное орошение, вследствие суровости или влажности климата, оплатиться себя не может. Виновином этих неудачных предприятий явился самый текст Мелиоративного Акта, статья 9-ая которого требовала, чтобы деньги, полученные от продажи земель в отдельных штатах, тратились на производство работ в тех же штатах, и только временно допускалось позаимствование средств одного штата для работы в другом. Так как отвод земель в штатах с полусухим климатом шел гораздо скорее, нежели в штатах с климатом совершенно сухим, то первые штаты имели гораздо более средств для оросительных работ, нежели вторые, несмотря на то, что последние в этих работах более нуждались. Это и было причиной образования в полусухих штатах нескольких предприятий, которые себя плохо оправдали и тем вызвали нареkania на все работы правительства. В последнее время это ограничение было отменено и средства, получаемые от продажи земель во всех штатах, идут в „общий котел“ для расходования по усмотрению Конгресса Соединенных Штатов.

Для более ясного представления о сущности оросительно-колониационных работ федерального правительства Соединенных Штатов

ниже приводятся более подробные описания произведенных работ и полученные от них результаты в 4-х предприятиях, расположенных в различных местностях засушливой части территории Соединенных Штатов, начиная с местностей с климатом суровым, похожим на климат Э. Сибири и Среднего Поволжья и кончая климатом, похожим на климат Азербейджана и Туркменской области Туркестана. Предприятия эти: Шошонское в штате Вайоминг, Ункомпагре в штате Колорадо, р. Солт в штате Аризона и Юма в штате Аризона и Калифорния.

Предприятие Шошонь в штате Вайоминг (Shoshone project Wayoming).

Предприятие это организовано было с целью колонизации до 84.000 десятин земли в северной части штата Вайоминг возле Иолустонского парка по реке Шошонь.

Фиг. 10.

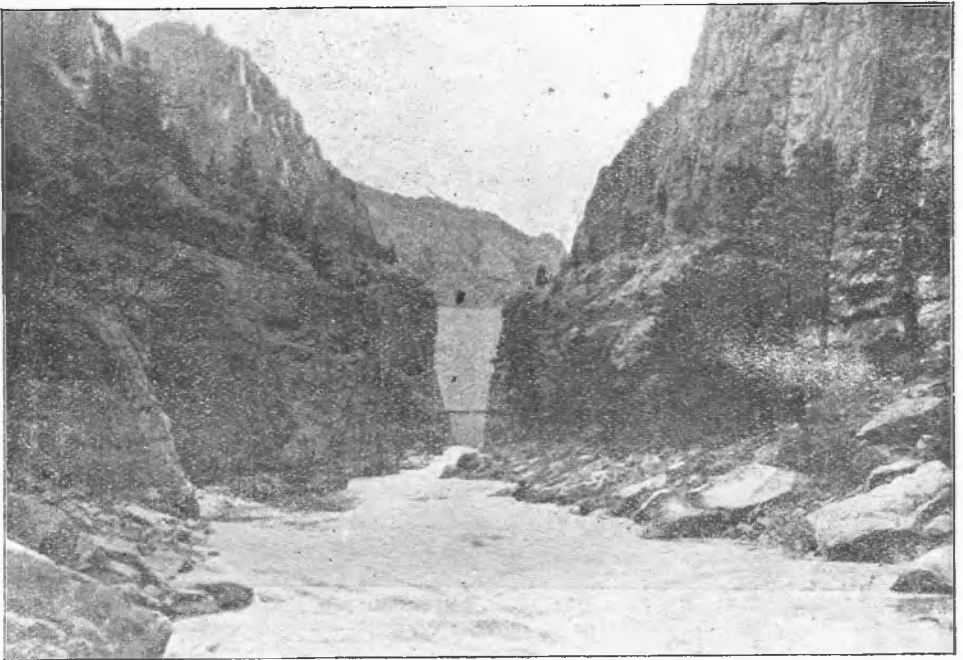
Река Шошонь (фиг. 10) несет большое количество воды весной и зимой, но совершенно почти иссыкает летом, когда особенно нужна вода для орошения. Для того, чтобы использовать весной воду, в ущелье на реке построена Шошонская плотина (фиг. 11), высотой в 100 метров, вторая по высоте плотина Соединенных Штатов (самая высокая плотина Арроурок имеет 106,5 метров высоты), равная, примерно, высоте колокольни Ивана Великого.

Река, перегороженная в ущельи плотинной, образует громадное озеро, площадью 25,6 кв. к. м. и емкостью в 263 миллионов куб. метр. Для наглядности можно отметить, что для того, чтобы наполнить это водохранилище рекой Москвой, нужно, чтобы она текла в него 5 месяцев.

Из этого водохранилища вода по мере надобности выпускается в реку Шошонь, которая ниже по течению вторично перегорожена

железобетонной плотиной водосливного типа, вышиною в 5,4 метра и длиною в 120 метров. От этой плотины отходит канал, длиною в 97 километров для орошения 92.000 гектаров земли, из которых в настоящее время орошено уже и обрабатывается более 28.000 гектаров.

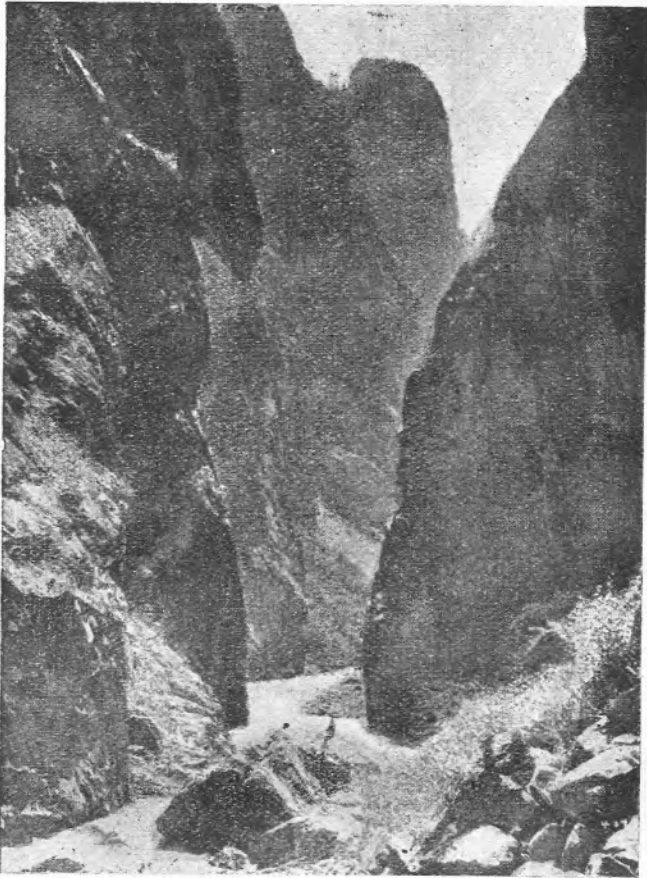
Климат этой местности континентален и суров (летом жара доходит до $+31^{\circ}$ Р., а зимой термометр падает до -28° Р.), напоминая климат Среднего Поволжья, Западной Сибири и Южного Урала. Основная культура при искусственном орошении здесь — пшеница, дающая чрезвычайно высокую урожайность. Кроме пшеницы распространена культура картофеля, для которого искусственное орошение здесь имеет такое громадное значение, как и у нас в Поволжье, увеличивая его урожай до 8 и даже до 10 раз. На ряду с пшеницей и картофелем разводят люцерну, сахарную свеклу и т. д. Кроме того, в этой местности очень распространено и молочное дело. Фермы размера от 16 до 33 гектаров трудового типа. Такая площадь легко используется силами земледельца и его семьи при помощи машин.

Фиг. 11.

Предприятие долины Ункомпагре в штате Колорадо (Uncompahgre project). В юго-западном Колорадо две реки, Ункомпагре и Гоннисон, текут почти параллельно в $15\frac{1}{2}$ километрах расстояния одна от другой, разделенные горным хребтом в 600 метров высотой. Ункомпагре маленькая речка, протекает по плодородной долине с несколькими тысячами десятин прекрасной земли, но воды ее хватает на орошение только ничтожной части этой площади. С другой стороны, Гоннисон — значительная река — протекает по глубокому (до 900 метров глубиною) узкому и неприступному ущелью.

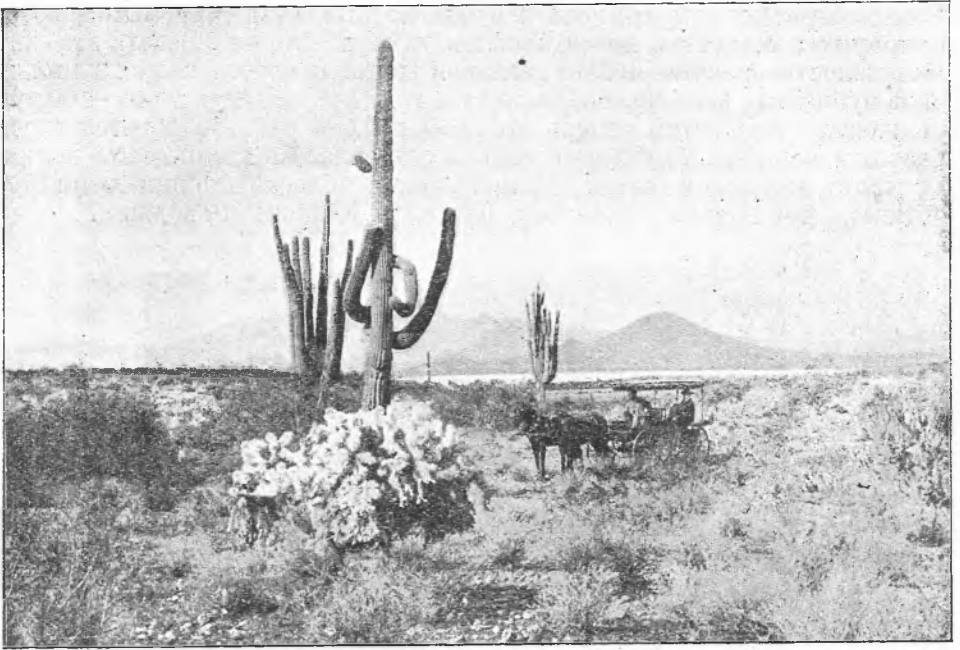
Для того, чтобы перевести часть воды из реки Гоннисон в реку Ункомпагре устроен тоннель в $9\frac{1}{2}$ к. м. длиною под горным хребтом и прорыт в открытом месте канал в 19 к. м. длиною. Работа эта дает возможность орошать 40.700 гектаров земли и стоит около 18 миллионов рублей. Та земля, которая до 1905 года продавалась по 40—100 руб. за гектар, продается теперь по 1.000 и 2.000 руб. Орошаются здесь, главным образом, фруктовые сады и люцерна. По климату эта долина подходит к южной части Семиреченской области (долина реки Чу), а также к Северному Кавказу, Крыму и Южному Поволжью.

Фиг. 12.

Предприятие Солт-Ривер в штате Аризона (Salt river project Arizona). В юго-западном углу Соединенных Штатов, на границе с Мексикой, находится штат Аризона. Эта страна зноя и жажды. Все растения Аризоны приспособлены к борьбе с засухой: они совершенно лишены листьев. При этом растениям приходится жестоко бороться за свою жизнь: все они сверху донизу покрыты острыми шипами и колючками (фиг. 13).

Неприятное получается впечатление при путешествии по этой стране, особенно, летом. Сверху безжалостно печет солнце (температура летом в тени поднимается до 42° P.), растения не дают тени, а притронешься к ним—уколешь руку. Но как только человек проводит туда

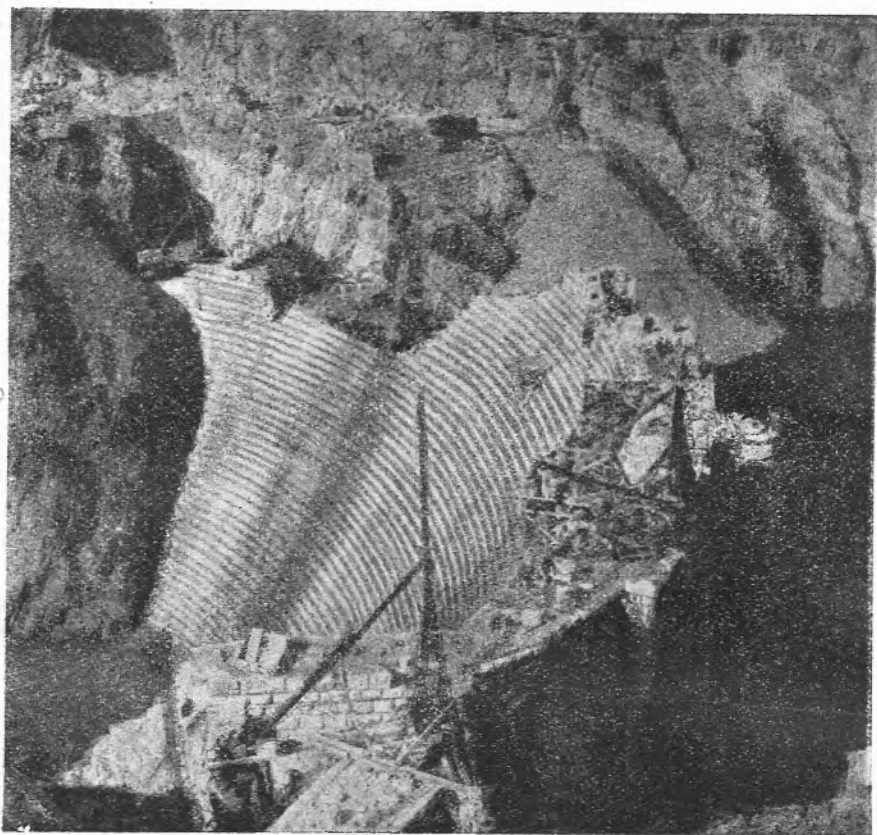
Фиг. 13.

Фиг. 14.

воду, все меняется: вместо колючих кактусов появляются апельсины, лимоны, маслины, виноград, финиковые пальмы (фиг. 14); люцерна дает до 6 укусов; фермы и города вырастают один за другим.

В одной из долин Аризоны, по реке Солт, давно уже было устроено несколько частных каналов, но они были неудовлетворительны: орошали только ничтожную часть земель и постоянно страдали от опустошительных паводков реки Солт, препятствовавших дальнейшему развитию орошения; правительство поэтому решило взять орошение всех земель этой долины в свои руки. Так как большая часть воды с водосборной площади реки стекает в виде огромных и опустошительных паводков, в обыкновенное же время река эта бедна водой, то в верховьях ее была построена плотина, так называемая „плотина Рузвельта“ из циклопической кладки высотой в 85,2 метр., длиною по гребню в 324 метра, давшая резервуар площадью зеркала в 65,5 кв. километров и емкостью в 1.155 миллионов куб. метров. Чтобы наглядно представить колоссальную емкость этого водохранилища, достаточно сказать, что река Москва могла бы его наполнить лишь в продолжение 1 года 2-х месяцев.

Фиг. 15.

В 130 километрах ниже по течению река Солт вторично перегороджена водоливной плотиной (Granite Reef dam), вышиной в 13 метров и длиною в 330 метров. Плотина эта отводит воду реки в 2 канала пропускной способностью в 56 и 28 куб. метров в секунду для орошения 88.000 гектаров.

Громадная высота подпора воды у плотины Рузвельта и несколько перепадов на каналах дают возможность развивать около

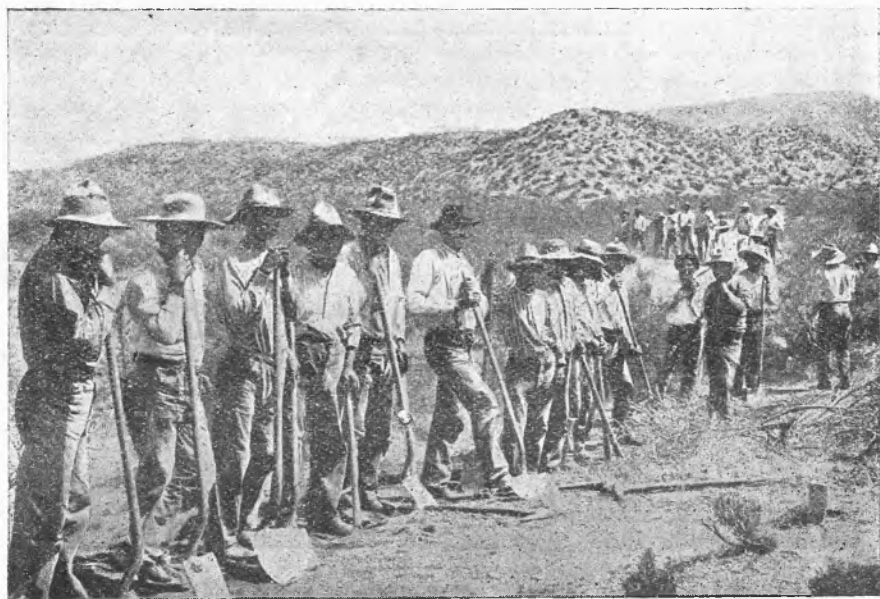
26.000 лошадиных сил, которые, переведенные в электрическую энергию, поднимают воду на земли, не могущие быть орошаемыми из каналов, еще в количестве 22.000 гектаров.

В этом предприятии интересны те трудности, которые пришлось преодолеть американцам, особенно при постройке плотины Рузвельта. (фиг. 15). Место для ее постройки находилось в 96 километрах от ближайшей железной дороги. Пришлось провести колесную дорогу на 32 километра по безводной пустыне и на 64 километра вырубить в скалах.

Работать при постройке плотины при помощи паровых машин было невысказано—слишком дорого стоила доставка топлива. Поэтому в 26 километрах выше плотины построили другую водоотводную плотину, провели канал к плотине Рузвельта и получили возможность добывать энергию в количестве 4.000 лошадиных сил, что дало возможность все работы по постройке произвести при помощи электричества.

Большим затруднением явился вопрос о цементе. Для плотины его нужно было 340.000 бочек, а самая низкая цена подрядчиков была 9 рублей за бочку. Разыскали вблизи известняк и глину, и построили свой цементный завод, на котором бочка цемента обошлась в 5 рублей.

Крупным вопросом был также вопрос о рабочих руках. Бывает время, когда в Аризоне нельзя достать рабочего и за 10 р. в 8-часовой рабочий день. Инженерам удалось склонить к работе соседних апашей (фиг. 16),—последние остатки одного из самых воинственных

Фиг. 16.

индейских племен Америки. Апаша, вопреки мнению всех военных экспедиций их усмирявших, оказались настолько способными и толковыми, что из их числа было назначено даже несколько десятников.

Предприятия долины реки Солт в настоящее время являются вполне законченными и управляются кооперативной организацией фермеров. Климат этой местности чрезвычайно мягкий, напоминающий

по количеству тепла Туркменскую (бывш. Закаспийскую) область Туркестана с той только разницей, что в Туркменской области зимой бывают изрядные морозы, здесь же зимой минимальная температура бывает — 5° Р. Поэтому, помимо растений, свойственных Туркменской области, здесь могут расти: пальмы, маслины, апельсины и лимоны.

Главная культура на орошенных землях долины реки Солт — люцерна. Она занимает 62,3% посевной площади. Люцерна косится здесь от 4 до 6 раз в лето и дает от 1000 до 1600 пудов урожая с десятины. При культуре на семена урожай составляет от 30 до 45 пуд. с десятины. Люцерна утилизируется, главным образом, для целей скотоводства — молочного, мясного и свиноводства. Молочное дело направлено, главным образом, на выработку сгущенного молока и сыров. Из мясных пород разводятся, главным образом, шортгорны и герфорды. Свиной выводится ежегодно более 40.000 голов.

Следующей культурой является хлопок, занимающий 14,5% посевной площади. Хлопок разводится исключительно египетской разновидности с очень длинным и красивым волокном сорта „Пима“. Культура в засушливом климате при искусственном орошении оказалась чрезвычайно благоприятна для хлопчатника: тогда как во влажных юго-восточных штатах (основном хлопковом районе Соединенных Штатов) урожай чистого волокна в среднем составляет около 164 килограмм с гектара, здесь он доходит до 574 килограмм, урожай же сырца доходит до 1800 килограмм. Хлопковые посевы в Соединенных Штатах до самого последнего времени приурочивались к юго-восточным штатам, благодаря наличию в них для уборки хлопка дешевого труда негров, а засушливые западные штаты, несмотря на прекрасные условия для этой культуры, не могут, вследствие дороговизны труда, совершенно с ними конкурировать.

Фермеры долины реки Солт прекрасно справлялись с этим затруднением путем привлечения к сбору хлопка относительно дешевого труда соседних индийских племен Палаго и Пима.

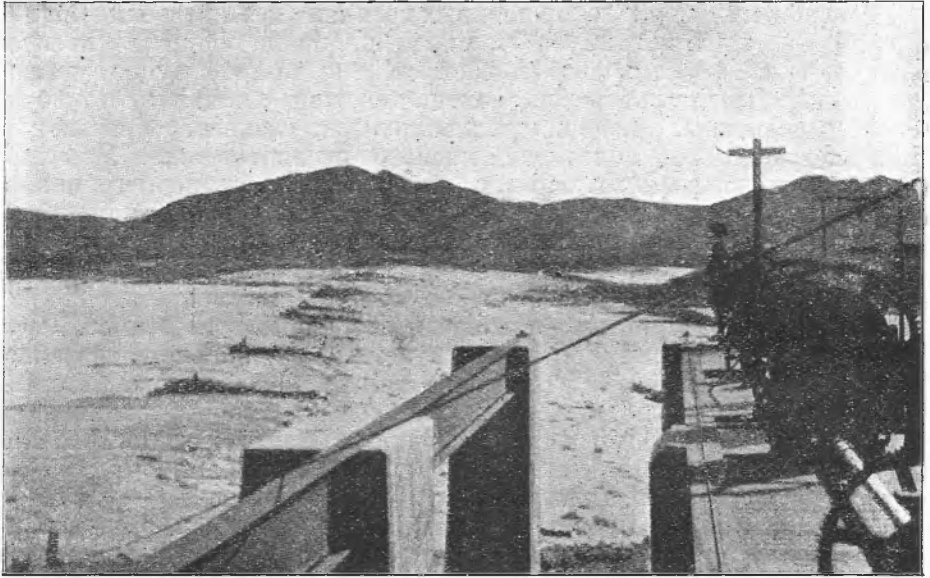
На следующем месте, после хлопка, в долине реки Солт стоит культура зерновых хлебов (пшеницы, ячменя, овса), занимающими 11% посевной площади. Далее идут кукуруза и сорго (7,2%), потом огороды и бахчи (3,3%) и, наконец, сады (1,7%).

Не смотря на последнее место по площади, садоводство в долине реки Солт имеет громадное значение. Разводятся здесь, главным образом, апельсины, лимоны, цитроны, фиги, яблоки, персики, айва, груши, гранаты и пр. Все фрукты получают высшего качества, и хорошо содержимый сад в 11 гектаров вполне обеспечивает земледельца, давая ему возможность содержать автомобиль и жить вполне культурной жизнью, не отказывая себе ни в каких удобствах.

Предприятие Юма (Yuma project Arizona—California).

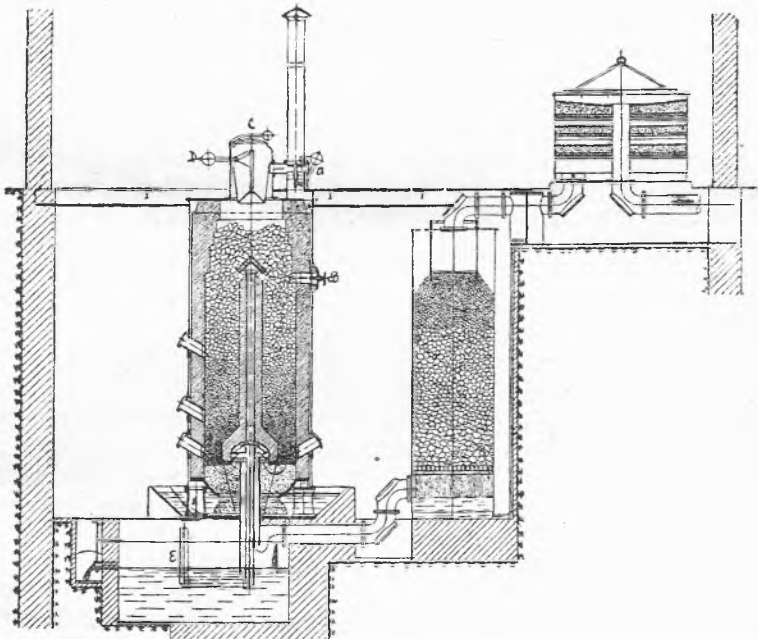
Местность, в которой расположено это предприятие, представляет собой самое жаркое и сухое место Соединенных Штатов. В городе Юма средняя температура всего лета превышает +25° Р., но иногда температура поднимается там до 35° Р. в тени—явление единственное под широтой в 33° на Северо-Американском материке. Среднее количество дождей, выпадающих здесь в продолжение года, составляет только 65 миллим., в иные годы даже облака являются редкостью. В естественном виде земля здесь представляет классическую пустыню, но искусственное орошение дает возможность практичному американцам использовать и такие особенности климата в лучшей степени. Здесь растут еще с большим успехом те же культуры, что и в долине

реки Солт и именно здесь американцами впервые приступлено было к культуре при искусственном орошении египетского хлопка и финиковой пальмы.

Фиг. 17.

Неисчерпаемый источник воды для орошения дает протекающая здесь мощная и частью даже судоходная река Колорадо, но громад-

Фиг. 18.

ным затруднением является вывод из нее воды. Река эта имеет постоянно движущееся и колеблюмое течением песчаное дно, к которому невозможно было прикрепить никакой из принятых в Америке

плотин. Пришлось построить плотину особую, „индийскую“, тяжелого типа (применяемую английскими инженерами в Индии), длиною в 1,4 килом., шириною в 78 метров и с вышиною подпора в 3 метра. Плотина эта направляет воду в большой оросительный канал, на западную сторону реки, между тем как лучшие земли находятся на стороне восточной. Для того, чтобы перебросить воду с одного берега на другой, под рекой Колорадо был устроен сифон (труба) длиною в 283 метра, диаметром 64 метра и с пропускной способностью в 39 куб. метров воды в секунду. Из этого канала непосредственно самотеком в настоящее время орошается около 28.000 гект. и, сверх того, часть воды того же канала поднимается при помощи насосов для орошения около 18.000 гектаров возвышенной земли.

Основой хозяйства на этих землях является культура люцерны (для молочного дела) и хлопка египетской разновидности сортов „Юма“ и „Пима“. Размеры отдельных хозяйств в среднем 16,5 гектаров. Стоимость устройства орошения, которую приходится выплачивать фермерам в продолжение 20 лет, составляет от 264 до 364 рублей на гектар.

Общая сводка американских данных.

Таким образом, из вышеизложенного можно видеть, что в деле оживления пустынных земель западной половины Соединенных Штатов принимают участие: 1) отдельные фермеры или группы их, несвязанные какими либо договорами или уставами, 2) официальные кооперативные организации фермеров, 3) оросительные округа (товарищества с принудительным участием), 4) частные капиталисты и компании на правах коммерческих предприятий, торгующих водой, 5) частные капиталисты и компании, работающие в концессионном порядке на основании акта Кэри, 6) федеральное правительство Соединенных Штатов, работающее на основании Мелиоративного Акта и 7) тоже правительство, ведущее оросительные работы специально для индейцев.

Результаты работ всех этих видов организаций и роль каждого из них в деле оживления и колонизации пустынных земель можно видеть из двух нижеследующих таблиц, из которых таблица I показывает распределение по типам предприятий, фактически орошаемых (а следовательно и обрабатываемых) земель, а таблица II — земли, покрываемые оросительными предприятиями, а следовательно, и колонизованные.

Из рассмотрения этих двух таблиц, в которых приведены данные, полученные при двух статистических обследованиях (1910 и 1920 гг.), можно видеть, что развитие оросительного и колонизационного дела в последние 10 лет шло в Соединенных Штатах, главным образом, за счет кооперативных предприятий, либо самостоятельных (оросительные округа или товарищества с принудительным участием), либо организованные при посредстве государственного капитала (работы Мелиоративного Акта). Первые предприятия, именно оросительные округа, оказались в Соединенных Штатах настолько удачными мелиоративными организациями, что именно, главным образом, им и предаются в последнее время для эксплуатации законченные работы правительства.

Что касается оросительных предприятий, организованных при посредстве частного капитала, то их роль, бывшая весьма заметной в первый период колонизации пустынных земель, быстро, с развитием кооперации и, главным образом, развитием помощи государства, отходит на задний план.

Таблица 1.

Типы оросительных предприятий.	Фактически орошаемые земли.					
	1910 г.		1920 г.		Увеличение орошаемой площади за 10 лет.	
	В гектарах.	В %/о от общей площади.	В гектарах.	В %/о от общей площади.	В гектарах.	В %/о от общей площади.
1) Единоличные и групповые	2.864.008	45,7	2.787.465	35,7	1.034.583	3,8
2) Кооперативные	1.889.810	32,2	2.878.630	34,3	788.710	41,7
3) Оросительные округа (товарищества с принудительным участием)	215.197	3,7	741.915	9,5	526.758	244,8
4) Коммерческие (частн. капитал.)	736.417	12,5	741.554	9,5	5.137	0,7
5) Акта Кэри (частный капитал с передачей кооперативам)	117.442	2,0	213.239	2,7	95.798	81,5
6) Мелиоративн. Акта (правительств. с передачей кооперативам)	161.028	2,7	510.610	6,5	349.581	217,0
7) Правительств. для индейцев	70.296	1,2	115.812	1,5	45.434	64,4
8) Разные и смешанные	—	—	21.803	0,3	21.803	—
Всего	5.874.347	100,0	7.811.027	100	1.936.680	33,0

Таблица 2.

Типы оросительных предприятий.	Земли, покрываемые оросительн. предприят.					
	1910 г.		1920 г.		Увел. за 10 лет.	
	В гектарах.	В %/о от общей площади.	В гектарах.	В %/о от общей площади.	Абсолютное в гектарах.	В %/о от общей площади.
1) Единоличные или групповые	4.322.775	33,9	5.294.424	36,9	971.651	22,5
2) Кооперативные	3.593.890	27,4	4.325.816	29,5	711.577	20,4
3) Оросительн. округа (товарищества с принудит. участием)	643.656	4,9	1.396.868	9,2	753.212	117,0
4) Коммерческие (частн. капитал)	2.355.218	18,0	1.627.830	11,0	727.389	30,9
5) Акта Кэри (частный капитал с передачей кооперативам)	1.047.566	8,0	485.898	3,2	563.670	53,8
6) Мелиорат. Акта (государствен. с передачей кооперативам)	803.018	6,1	1.069.260	7,1	266.243	33,2
7) Правительств. для индейцев	357.780	2,7	379.724	2,3	21.944	6,1
8) Разные и смешанные	—	—	31.172	1,5	25.672	—
Всего	13.123.354	100,0	14.607.564	100,0	1.483.660	11,3

Относительно числа хозяйств, устроенных на орошаемых землях, официальные издания правительства Соединенных Штатов дают следующие цифры: в 1890 году было 54.136 орошаемых хозяйств, в 1900 году—13.829, в 1910 году—162.728 и в 1920 году—231.541 орошаемых хозяйств.

Количество фактически орошаемых земель, приходящееся на каждое хозяйство, составляло: в 1890 году—25,4 десятины, в 1900 году—25,2 дес., в 1910 году—32,8 дес. и в 1920—30,7 десятин.

Как использовать практику С. Штатов для колонизации пустынь в СССР.

Фигура 19 представляет карту распределения годовых осадков по поверхности всего земного шара. Места суши, на которых выпадает общий слой атмосферных осадков менее 250 мм. в год, показаны черным цветом. Эти местности совершенно засушливые, на которых никакое земледелие без искусственного орошения невозможно. Места, показанные белым цветом, получают вполне достаточное количество осадков (более 500 мм. в год), а потому от засухи почти никогда не страдают. Наконец, места, отмеченные серым цветом, получают осадки в количестве от 250 до 500 мм. В иные годы, при благоприятной группировке дождливых дней, земледелие здесь бывает удачным; другие же годы, при неблагоприятном распределении дождей, бывают засухи и голодовки.

При сравнении на этой карте территории Соединенных Штатов с территорией, занимаемой СССР, резко бросается в глаза большое сходство в климатическом отношении между двумя этими странами. Разница заключается только в том, что влажный пояс Соединенных Штатов значительно превосходит по площади таковой СССР, засушливый же и полусушливый пояса СССР в несколько раз больше американских.

Среди наших засушливых земель, показанных на карте черным цветом, огромные площади занимают земли Туркестана, Бухары, Хорезма и Азербейджана, на которых земледелие является возможным только при искусственном орошении. Здесь, с давних времен, населением уже было орошено до 5.000.000 десятин (в настоящее время после гражданских войн и разрухи эта площадь составляет около 3.500.000 десятин). Эти земли в довоенное время давали ежегодно, кроме продуктов для своих граждан, для русской текстильной промышленности от 50 до 75% потребного ей количества хлопкового волокна. Между тем, орошаемые площади этих стран составляли и в довоенное время только 1,8% общей площади их земель. Остальные 98,2% представляли собою либо скалистые горы, либо, главным образом, беспредельные пустыни, пригодные лишь для полудикого скотоводства.

Произведенные перед войною и в начале ее изыскания указали на возможность оросить, помимо уже орошенных земель, еще более 7.000.000 десятин, превосходных по качеству пустынных земель, пригодных, между прочим, и для культуры хлопка.

Орошение этих земель сулит громадные выгоды не только тем странам, в которых эти земли находятся, но и всему СССР. Оно даст землю земледельческому населению этих стран, сжато теперь на орошаемых площадях до того, что местами на хозяйство приходится менее 1/2 десятины орошаемой земли. Оно даст возможность многочисленному кочевому населению, ведущему теперь азартное ското-

Фиг. 19.

водческое хозяйство, осесть и заняться прибыльным земледелием. Наконец, что в настоящее время является самым важным, оно обеспечивает русскую текстильную промышленность собственным волокном, освободив от дани иностранцам, составлявшей перед войной около 120.000.000 миллионов рублей золотом в год за привозный хлопок. Мало того, при орошении этих земель можно рассчитывать даже на вывоз хлопка за границу, стоимость которого на мировом рынке постоянно поднимается. Это тем более, что хлопок американских семян в Туркестане и Азербейджане дает, благодаря особенностям их климата, и большие урожаи, и лучшее по качеству волокно, чем в самой Америке.

Считая, что орошение 1 гектара обходится от 100 до 200 рублей, получим, что орошение таких больших пространств требует очень крупных расходов. Однако, часть этих расходов может легко принять на себя государство, путем учреждения особого обращающегося мелиоративного фонда, образованного из платы за пользование государственными землями и водами; при производстве же других работ большую помощь можно получить от умело использованного концессионного капитала, в связи с кооперированием населения. В особенности подходящим для этого является капитал американский, весьма опытный в деле орошения и колонизаций пустынных земель. Надо думать, что огромные американские капиталы, собранные во время империалистической войны, и ищущие теперь себе применения, охотно пойдут в такие предприятия, если только им будет дана гарантия в возврате затраченных средств и возможность получения определенной практикой Соединенных Штатов прибыли.

Из изложенного можно видеть, что в удачном комбинировании правительственных или частных работ с кооперированием населения заключается главный залог успеха оросительных предприятий и колонизации пустынных земель. При таком комбинировании легко создаются условия, благоприятные и выгодные для всех сторон: государство без особых затрат осуществляет свою колонизационную политику и получает нужные ему продукты, концессионеры обеспечивают себе прибыль, а население получает возможность, благодаря проведенной воде, вести хозяйство, гарантированное от вредного влияния климатических условий.

Необходимо отметить, что в таких жарких засушливых странах как западная часть Северной Америки, Туркестан, Азербейджан, все эти выгоды оплачиваются одним только фактом умелого соединения воды, непродуцирующей протекающей в реках, с землей, непродуцирующей лежащей в пустыне. Стоимость хорошо устроенного искусственного орошения, как-бы она ни была большой, всегда, уже в несколько лет, легко оплачивается урожаем таких ценных растений, как хлопок, люцерна, высшие сорта фруктов и пр., возможных в этих странах при искусственном орошении.

Другим районом применения искусственного орошения являются у нас полузасушливые степи Кирреспублики, Калмыцкой области, всего Среднего и Южного Поволжья, Западной Сибири и Южной Украины.

Вследствие часто повторяющихся засух, хозяйство здесь приходится вести либо кочевое скотоводческое, либо самое экстенсивное зерновое, с постоянным риском неурожаев и голодовок. Однако, методы применения здесь искусственного орошения должны быть совершенно другими, нежели в Туркестане или Азербейджане. Грандиозные гидротехнические сооружения, орошающие тысячи десятин земли, здесь

неприменимы совершенно. Они неосуществимы здесь ни с точки зрения технической, вследствие недостаточности уклонов водных источников и чрезмерной глубины речных долин, ни с точки зрения экономической, вследствие невозможности оплатить их высокими культурами, невозможными в этих степях. Здесь должен процветать особый вид орошения, так сказать, „оазисного“, неразрывно связанного с водоснабжением. Исследования и расчеты агронома Юферова показывают, что для страховки хозяйств Юго-Востока, на случай средних уклонов урожайности, достаточно иметь нижеследующие площади орошаемых земель на каждое хозяйство.

в Саратовской губ	1,00 дес.
„ Самарской „	1,00 „
„ Оренбургской „	0,75 „
„ Астраханской „	1,00 „
„ Донской „	1,00 „
„ Екатериносл. „	0,50 „
„ Таврической „	0,50 „
„ Херсонской „	0,50 „

Вот к этому то и нужно стремиться на таких полужасушливых землях. Нужно дать каждому хозяйству такую небольшую площадь орошаемых земель, занятых наиболее доходными поливными культурами: частью люцерной для скота, частью же корне-и клубнеплодами, бахчевыми и огородными растениями.

В годы, относительно богатые осадками, доходность этих небольших орошаемых участков почти потеряется в общей доходности неполивного хозяйства; в годы же засушливые, когда с неполивных земель получится очень мало, или, даже, почти ничего, эти поливные участки дадут возможность спасти скот хозяйства от гибели, хозяев от голода, а хозяйства от разорения.

Такая мера не является новостью для нашего Юго-Востока и Юга—население прекрасно понимает ее и, где только может, устраивает орошение, главным образом, при посредстве простейших водоподъемных приспособлений, из которых некоторые, как например, „Саратовский Чигирь“ и др., получили даже названия от местностей Юго-Востока, в которых они применяются. Но затруднением для распространения такого орошения является недостаток самостоятельности, средств и технических знаний.

Для развития оазисного орошения лучшим способом является способ кооперативный, путем организации мелиоративных товариществ, подобно тому, как они организовываются в Америке и имеют там первенствующее значение. Однако, для того, чтобы такие товарищества могли существовать и работать, им необходима помощь, в виде легко доступного сельскохозяйственного специального кредита и технических указаний. Мелкие оросительные устройства окупаются весьма быстро, часто—в 3—4 года, поэтому кредит на такие потребности может быть даже с 5-тилетним сроком; что же касается технической помощи, то она может осуществляться при посредстве мелиоративных бюро при губземуправлениях, работающих для населения хотя бы даже и за плату.

Мелиорация и пути сообщения, как средство образования колониационного фонда.

Царское правительство приступает к более или менее планомерной организации переселения с 1885 года и только в 1889 году издает соответствующие законоположения, которые впервые признают государственное значение заселения Сибири.

Первые два периода характеризуются отсутствием достаточной организации и планомерности в области переселения; последний же период, перед самым началом мировой войны, характеризуется весьма значительными явлениями в сфере колонизации, дающими богатый материал для правильной постановки колонизации в современный момент при совершенно новых политических и экономических условиях.

Стихийное движение переселенческой волны не давало возможности поставить колонизацию в надлежащие условия для такого серьезного государственного дела, в результате чего получилось много ошибок и коренных неправильностей в постановке колониационного дела.

Практика Пруссии, Австрии, Дании, Англии, Америки, Австралии по колонизации своих колоний и окраин оказалась неприменимой в условиях русской действительности; и только в последние годы явилась возможность регулировать это сложное дело, введя его в более или менее строгие рамки.

В 1913 году начались работы по колонизации наших северных окраин, где на основании богатого опыта последней эпохи уже удалось наметить необходимую планомерность мероприятий.

Теперь перед нами стоит задача организовать правильную колонизацию и в районах прежнего заселения, и в районах Европейской России.

Мелиоративное и дорожное дело играет в этом вопросе основную роль, и невозможно указать при столь разнообразных естественно-исторических условиях районов предполагаемой колонизации однообразные формы мелиоративных и дорожных работ.

Поэтому мы постараемся выявить всю сложную их эволюцию в прежнюю эпоху и только после этого укажем те главные пути, по которым оно должно следовать в данный момент.

История нас учит, что пути переселения народов всегда проходили через крупные экономические пункты и что вдоль этих путей в первую очередь создавались культурные для того времени районы,

которые уже, в свою очередь, развивались в сторону расширения и углубления этой полосы.

При образовании Московского царства и его составных частей, экономические центры создавались преимущественно по водным путям сообщения и по ним происходило продвижение славянских племен для захвата новых территорий. Однако, царское правительство лишь вслед за начавшейся стихийной волной переселения начало постройку магистральных путей сообщения. Сибирская, Закаспийская и Тапкентская дороги явились авангардом дальнейшей колонизации, и весь использованный колонизационный фонд расположен в пределах их влияния, а несколько десятков миллионов десятин колонизационного фонда, расположенного вдали от магистралей, не могут быть освоены из за отсутствия к нему путей сообщения.

В отношении улучшения водных путей сообщения не было принято никаких мер.

В первое время Переселенческое Управление связывало с созданием колонизационного фонда устройство сети внутренних грунтовых дорог и изстратило в период с 1906 по 1915 год 31.376.000 рублей (14,1% всех расходов на переселение) на устройство 17.075 верст дорог для обеспечения 713.409 душевых долей.

Эти затраты крайне незначительны, если принять во внимание общую площадь заготовленного фонда в 36.378.046 десятин. Невозможность развивать переселение в том масштабе, который устанавливала жизнь, заставило Переселенческое Управление внести проекты постройки новых железных дорог и урегулирования водных путей сообщения (Южно-Сибирская магистраль, Алтайская, Семиреченская, Александров-Гай-Чарджуй и др.). Однако, по финансовым, военным и прочим соображениям, программа эта не была доведена до конца. Тем не менее тенденция устраивать магистральные железные дороги и под'ездные пути сообщения к колонизируемым районам определилась достаточно ясно, хотя и с опозданием.

Переселенческое Управление, на попечении которого была с 1906 года колонизация наших окраин, первоначально не придавало серьезного значения мелиоративным исследованиям и широкой организации мелиоративных работ в колонизируемых районах и полагалось на заключение лиц, совершенно некомпетентных в этих вопросах.

Его попытка включить исследования водопользования в задачу статистических партий, не имевших в своем составе соответствующих специалистов, привела к тому, что данные печатных отчетов этих партий, собранные по неправильно построенной системе, не дали никаких практических выводов для последующей работы гидро-техника.

Попытка возложить гидротехнические заключения на производителя работ по образованию колонизационного фонда привела к тому, что ряд образованных участков оказался непригодным для колонизации, а другие участки потребовали перепроектировки, благодаря или полному отсутствию воды, или неудобному ее использованию.

Действительно, мы видим из таблицы № 1, что из общей площади заготовки переселенческого фонда в 36.378.046 десятин 20% составляют фонд „для других надобностей“. При этом характерно, что чем больше в известном районе требовалось мелиоративных работ, без которых невозможно сельское хозяйство и водоснабжение населенных пунктов (Сыр-Дарьинская, Семиреченская обл.), тем получился больший процент фонда „для других надобностей“ и наоборот.

Таблица 1.

Заготовка колонизационного фонда с 1906—1915 г.г.

№ №	РАЙОНЫ.	Отведено для переселенцев десятин.	Обращено на другие надобности десятин.	Итого десятин.
1	Тургайско-Уральский . . .	3.150.000	1.228.046	4.378.046
2	Акмолинский	3.287.000	800.000	4.087.000
3	Семипалатинский	2.300.000	1.000.000	3.300.000
4	Семиреченский	1.481.558	1.723.141	3.204.696
5	Сырдарьинский	749.855	1.712.410	2.462.285
6	Тобольский	2.194.347	18.299	2.212.576
7	Томский	5.365.870	132.823	5.498.693
8	Енисейский	2.486.804	486.141	2.972.945
9	Иркутский	2.087.660	5.878	2.073.538
10	Забайкальский	1.124.046	18.752	1.142.798
11	Амурский	2.646.066	196.932	2.842.998
12	Приморский	2.066.514	135.904	2.202.418
	В с е г о	28.919.720	7.458.326	36.378.046

Таблица 2.

Распределение кредитов на переселенческое дело с 1906 по 1915 г.г.

№ №	НАИМЕНОВАНИЕ РАБОТ.	Стоимость их в рублях.	%
1	Содержание центральных и местных учреждений.	8.076.000	3,5
2	Землеотводное дело	27.401.000	12,4
3	Дорожное дело	31.376.000	14,1
4	Гидротехническое дело	15.024.000	6,8
5	Агрономические мероприятия	1.052.000	0,4
6	Исследование новых районов	2.263.000	1,0
7	Статистико-экономическое дело	1.706.000	0,8
8	Поземельно-устроительное „	6.591.000	3,0
9	Ссуды	93.590.000	42,0
10	Врачебно-продовольственная помощь	33.420.000	15,0
11	Ветеринарная помощь	424.000	0,2
12	Прочие надобности	1.800.000	0,8
	В с е г о	222.712.000	100

Если мы обратимся к официальным отчетам Переселенческого Управления, то увидим, что общие гидротехнические обследования в течение десятилетнего периода были произведены на площади в 50.035.000 десятин и производились не все время, а с перерывами только в течение 6 лет (таблица 3).

Таблица 3.

Результаты мелиоративных и дорожных работ с 1906 — 1915 г.г.

Г о д.	Мелиоративные работы.				Дорожные работы.			
	Обследо- вано десятин.	П о с т р о е н о .				Расширено десятин.	Построено до- рог в вер.	Чисто душе- вых долей, об- служив. доро- гой.
		Колодцев.	Водохр.	Орос. кан. в верст.	Осуш. кан. в вер.			
1906.	—	71	4	—	—	—	620	22.599
1907.	—	460	11	—	—	—	1.450	43.039
1908.	23.000.000	774	9	—	—	—	1.675	57.999
1909.	—	1.270	7	—	—	—	2.218	70.187
1910.	—	1.466	6	—	—	—	1.629	56.278
1911.	5.000.000	1.373	18	30	—	—	3.719	113.320
1912.	5.000.000	1.787	17	181	22	182	1.691	46.779
1913.	4.800.000	2.116	24	143	13	733	2.172	143.693
1914	6.600.000	1.531	25	367	13	1.511	1.299	58.742
1915.	6.135.000	1.601	32	210	69	1.894	602	100.742
Всего . . .	50.035.000	12.449	153	941	117	4.320	17.075	713.409

Эта площадь в 1,4 раза более площади всего образованного за это время Переселенческим Управлением земельного фонда.

Гидротехнические обследования коснулись ряда площадей, на которых фонд не был заготовлен вовсе, будучи уже на основании предварительных исследований признан непригодным для целей колонизации; кроме того, гидротехнические обследования обычно захватывают район значительно больше, чем площадь предполагаемого к образованию участка, т.-е. помимо земельной площади также целые бассейны водных источников.

В подтверждение вышесказанного мы имеем другую официальную справку, а именно, что с 1906—1910 годов гидротехнические обследования Переселенческого Управления охватили площадь в 23.000.000 десятин, из которых специальные обследования коснулись площади в 15.800.000 десятин на 4.600 отдельных участках; из этого числа поступило под заселение только около 13.100.000 десятин, при чем по многим образованным участкам не было вовсе гидро-технического заключения.

Если к этому добавить, что по фактическим местным данным в одной только Семиреченской области с 1906—1914 годов было произведено гидротехнических обследований на площади в 19.849.683 десятины, т.-е. 38% всех исследований, при чем наибольшее число этих работ приходится на 1907 год площадью в 7.109.626 десятин, в течение которого, по официальным данным Переселенческого Управления, гидротехнических исследований не было вовсе, то станет ясно, что постановка гидротехнических обследований стояла совершенно ненормально и что на одной и той же площади производились обследования по несколько раз.

Отчетные данные (таблица 3) показывают, что Переселенческое Управление в первые годы производило мелиоративные работы в виде сельского водоснабжения и обводнения. Только с 1911 года начинаются мелиоративные работы по орошению переселенческих участков и с 1912 года по осушению и раскорчевке земельных площадей.

Между тем, с 1912 года волна переселенческого движения начинает замедляться, при чем это падение особенно резко происходит в районах, требующих орошения, как напр., Семиреченском и Сыр-Дарьинском.

Это объясняется недостатком подготовленного для заселения фонда из-за отсутствия в свое время мелиоративных исследований и работ.

При этом необходимо указать, что в составе временных комиссий по образованию переселенческих участков существовавшим законодательством предусмотрен не был как гидротехник, так и агроном, и почвовед. Если же иногда они и принимали участие в этих комиссиях, то без права голоса.

Попытки Переселенческого Управления выдавать ссуды переселенцам на устройство колодцев и арыков серьезно учитывать не приходится, так как за 10 лет им было выдано на этот предмет 85.111 рублей, т.-е. 2% от общей суммы выданных ссуд.

Да и вообще суммы, затраченные на гидротехнические работы (табл. 2) в течение 10 лет составляют 15.024.000 рублей или 6,8% от общих расходов на переселение за этот период, что далеко не соответствует значению мелиорации в области колонизации.

На исследование новых районов Переселенческое Управление затратило всего 1%, а на статистико-экономические—только 0,8% от общей суммы расходов.

Захваченные почвенно-ботаническими исследованиями районы, в сравнении с общим фондом для колонизации, ничтожны и носят совершенно случайный характер.

На самом деле, Переселенческое Управление в первые годы интересовалось при составлении своих официальных отчетов исключительно размерами заготовленного фонда, а не его качествами, и техническая работа в виде мелиорации, дорожного дела, исследовательских экспедиций признавалась им только необходимым злом, почему и в центральном аппарате Переселенческого Управления не было лиц с соответственной технической подготовкой, способных внести в технику живую струю.

Между тем другой из органов Г. У. З. и З. — Отдел Земельных Улучшений, начиная расширять свою практическую деятельность и считая вопросы мелиорации только своей задачей, с 1910 года выступает, в свою очередь, на поле мелиоративной помощи в заселяемых

районах, образовав для этого 6 изыскательно-строительных партий. Начинаются департаментские трения и соперничество.

О. З. У. постепенно забирает в свои руки значительную часть мелиорации на окраинах; так, например, в 1914 году, подобно Сибирским партиям, им была образована Туркестанская строительно-изыскательная партия, которая заменила собой целиком переселенческий мелиоративный аппарат для этих областей.

О. З. У. предполагал постепенно произвести такую же реформу и в других районах России.

Отдел Земельных Улучшений повел свою работу по совершенно особой линии: именно—незначительную часть своих сил он использовал для реальной мелиоративной помощи заселенным районам, а главные силы устремил на исследование новых районов и подготовку больших площадей для колонизации.

В этом деле особой программы у Отдела не было, и работа его носила тот же случайный характер, как и в Переселенческом Управлении.

Отдел Земельных Улучшений как бы учился сам колонизационному делу и давал своим сотрудникам возможность учиться, как надо работать в этом новом для всех деле.

С 1910 — 1917 годы изыскания О. З. У. охватили районы в 14.400.000 десятин, из числа которых 61% приходится на Туркестан, 24,7% на Сибирь, 12,3% на Степной Край и 2% на Кавказ (табл 4).

Таблица 4.

Крупные колонизационные площади, охваченные изысканиями О. З. У. с 1910—1917 г. г.

Р А Й О Н.	Площадь в десят.
Коренной Туркестан	7.322.400
Семиречье	1.550.000
Кавказ	270.000
Сибирь	3.572.000
Степной Край	1.796.000
В с е г о	14.440.000

Начав работу при помощи 6 изыскательных партий, О. З. У. увеличил число таковых до 23, при чем на Туркестан было организовано 14 партий (61%), на Сибирь — 5 партий (21%), на Степной Край — 3 партии (13%) и на Кавказ — 1 партия (6%).

Таким образом, мы видим, что наибольшее внимание О. З. У. было обращено на Туркестан.

При этом организация, структура и методы работ у каждой из этих партий были особые, между собой не согласованные.

Это выражалось настолько резко, что О. З. У. приходилось уже для координации работ создать особые управления, объединяющие работу и регулирующие таковую в отдельных бассейнах рек, как например, Сыр-Дарьинское и Аму-Дарьинское.

Подход к работе во всех партиях был настолько своеобразен и не соответствовал конечной задаче, что в самый разгар работы многих партий неожиданно появлялись то гидрогеологические обследования, то статистические, то экономические, то почвенно-ботанические, которые до того момента вовсе отсутствовали.

В общем партии Отдела Земельных Улучшений выполняли работы по обследованию новых районов, производства экономические, статистические, почвенно-ботанические, гидрогеологические, геологические, гидрометрические, метеорологические и топографические обследования.

При этом работы партий в Туркестане носили более широкий характер, чем на других окраинах. Постепенными дополнениями первоначальных программ эти партии намечали уже выполнение всех необходимых подготовительных работ для колонизации.

В результате О. З. У. в сущности закончил, и то только частично, Чуйский, Тентекский, часть Голодностепеского проекты, а остальные находятся еще до сих пор в первоначальной стадии.

В производстве же работы в данный момент находится один Чуйский район и мелкие работы на заселенных переселенческих участках.

Несмотря на свою, можно сказать, полную безрезультатность в практическом отношении, работы О. З. У. являются крайне поучительными и дающими ряд ценнейших общих и методологических материалов для колонизации Туркестана и других окраин.

Если за время с 1906—1915 г.г. Переселенческое Управление израсходовало на гидротехнические изыскания и строительные работы 15.000.000 рублей, то О. З. У. сумел израсходовать с 1910—1917 г.г. только на начало изысканий и составление ничтожного количества проектов примерно такую же сумму.

Таким образом, кустарничество Переселенческого Управления не соответствовало жизненной потребности колонизации, не уделяя достаточного внимания мелиоративной подготовке колонизационного фонда, а слишком широкой размах О. З. У., недостаточно уяснившего себе правильную линию поведения в этом вопросе и отдавшего себя в распоряжение инициативы 23 начальников изыскательных партий, без достаточной регуляции и увязки их работы, не дал необходимых практических результатов в вопросах колонизации.

Заграничная практика в отношении дорожного и мелиоративного строительства при созидании колонизационного фонда устанавливает несколько иные методы подхода.

Прежде всего те и другие мероприятия устанавливаются до заселения района.

Густота дорожной сети значительно больше русской; так, например, среднее расстояние от фермы до железной дороги в Канаде установлено в 15—20 верст.

В пределах каждого фермерского участка имеется хорошо развитая и технически оборудованная сеть внутренних путей сообщения.

Развитие железнодорожной сети в Канаде, связанное исключительно с образованием колонизационного фонда, видно из следующей таблицы:

Таблица 5.

Г о д ы.	Длина сети в верстах.	Число жителей.	Сумма ввоза и вывоза в доллар.
1840	4.000	3.700.000	—
1871	4.042	3.635.000	170.266.589
1881	10.996	4.325.000	203.621.663
1891	20.757	4.833.000	218.384.934
1901	27.210	5.371.000	386.803.157
1910	38.100	7.205.000	769.443.905
1920	54.000	8.500.000	—

Быстрое развитие оросительных работ в Америке видно из нижеприведенной таблицы:

Таблица 6.

Ш т а т ы.	Население.		Площадь орошаемых земель в акрах.	
	1900 г.	1910 г.	1900 г.	1910 г.
Айдаго	161.772	325.594	608.718	1.428.542
Вашингтон	518.103	1.141.990	135.470	334.373
„	42.335	81.875	504.168	709.018
„	413.536	672.765	388.310	686.129
„	276.749	373.351	629.293	999.410
Итого	1.412.495	595.575	2.265.959	4.157.477

В России было проведено магистральных дорог, связанных с переселением, менее 20.000 верст, т.-е. около 36% сети Канадских ж. д.

При этом Сибирская жел. дор., в противоположность частным американским, была всецело казенной жел. дор. и непосредственно колонизации не вела. Особый комитет Сибирской жел. дор. имел особый фонд на вспомогательные мероприятия для содействия заселению и развитию промышленности в ее районе и израсходовал с 1893—1904 г. до 30.000.000 рублей на эти мероприятия, отвел до 12.000.000 дес. земли, достаточных для переселения 2.500.000 душ обоего пола.

Восточно-Китайская жел. дор. имела задачей, кроме связи Сибири с Владивостоком, распространение русского влияния в Манджурии и Монголии.

В этих целях предполагалось отчудить около 200.000 дес. земли, преимущественно около крупных пунктов, в действительности же, благодаря политическим осложнениям, колонизационное значение этой дороги, разработанное с большою тщательностью, не получило своего осуществления.

Проект дороги Канск-Амур-Берингов пролив с веткой на Хабаровск, Николаевск, Читу предполагал осуществить колонизацию на 7.000.000 десятин.

Проект Великого Северного Пути предполагал колонизовать до 8.000.000 дес. Последний проект колонизаций в полосе Мурманской жел. дор. предполагает отчуждение 20 верст полосы вдоль всей этой дороги с целью эксплуатации лесных богатств этого района и организации связанной с этим промышленной колонизации Корельско-Мурманского края.

Площадь орошения в СССР, для сравнения с американскими данными, подсчитана быть не может за отсутствием правильных учетных данных, но она во всяком случае не очень велика.

В дальнейшем изложении отметим желательные формы поставки колонизационного дела в СССР и роль, которую при проведении правильной колонизации в жизнь играют пути сообщения и мелиорация, для того, чтобы в предстоящей большой работе сразу могли бы быть направлены все силы и средства по определенному пути, прекращающему какой либо параллелизм в работах и освещающему все вопросы, без которых не может быть правильно закончена колонизация.

Для образования колонизационного фонда требуются предварительные исследования, окончательные изыскания и, наконец, самое производство работ.

В отношении путей сообщения исследованию подлежит вопрос о внешней связи колонизационного района с экономическими центрами и о внутренних путях сообщения.

При этом пути сообщения могут быть в виде водных, железных, электрических и грунтовых дорог.

Мелиоративные вопросы охватывают не только водоснабжение, орошение и осушение, но также целый комплекс задач прикладного характера—метеорологии, гидрометрии, гидромодуля, геологии, гидрогеологии, почвенно-ботанических исследований, необходимых для правильного решения по основным задачам—осушению, орошению, обводнению, водоснабжению, улучшению сплавных рек, использованию гидравлической силы, торфодобытанию, культуретехнике.

Как пути сообщения, так и мелиорация связаны со статистико-экономическими обследованиями.

Таким образом, необходимо увязать большое число подготовительных работ для точного ответа на все пред'явленные вопросы.

При предварительном исследовании в новых колонизационных районах надлежит в первую очередь определить пригодность района для колонизации, установить возможный характер колонизации и определить рентабельность всего предприятия.

Район должен быть признан пригодным для колонизации с точки зрения климата, почвы, наличия питьевой воды хорошего качества, возможности дать растению добавочное питание влагой или уменьшить таковое, в зависимости от того, в каком поясе он находится, от путей сообщения и т. п.

На основании метеорологических наблюдений, если таковые имеются в самом районе или по соседству с ним, устанавливаются основные факторы климата.

Затем требуется немедленно организовать метеорологическую службу для изучения общей климатологии страны и для установления правильной системы хозяйства в будущем.

Изучение почвы, подпочвы, необходимо для определения в данном районе желательного характера хозяйства (земледельческий, скотоводческий, промышленный, смешанный) и, наконец, типа необходимых мелиораций.

Параллельно с этой работой должны вестись геологические и ботанические исследования; так как для этих маршрутного характера работ требуется картографический материал, то в этом случае необходимо увязать всю работу со съемочными рекогносцировочными работами, если таковые должны производиться.

На основании маршрутных работ составляется эскизная карта почв и подпочв данного района с указанием размера различного рода площадей.

Для определения количества и качества питьевой воды требуется изучение поверхностных и подземных вод. В этом случае работа производится гидрометром и гидрогеологом, наносится на карту, и результаты ее служат основанием для размеров и мест будущих поселений, причем гидрометрические наблюдения, как имеющие ценность только после непрерывной работы в течение ряда лет, организуются немедленно в необходимом размере.

Для районов избыточного увлажнения, полузасушливых и засушливых, работы в области гидрометрии, гидрогеологии и метеорологии имеют особое значение, так как без орошения или осушения невозможно ведение того или иного вида хозяйства.

Совокупность всех этих исследований намечает примерную картину будущего хозяйства района, емкость его, размеры хозяйственных и административных единиц.

Для малых колонизационных площадей все эти вопросы остаются в силе и упрощаются в значительной степени в отношении метеорологии, геологии, дорог, но требуют более детального планового материала, так как на таких площадях переход к непосредственной заготовке фонда не может быть произведен в самый ближайший момент.

Производство этих работ желательно одновременно в массовом масштабе, и тогда характер их определяется так же, как и для больших площадей.

Для площадей, частично уже заселенных, кроме всего вышеизложенного, требуется изучение существующего хозяйства, как-то: культуры, урожайности, доходности, системы полеводства, размера посевов, размера удобной и неудобной земли, скотоводства, садоводства, пчеловодства и т. п.

При поливном хозяйстве необходимо еще изучить систему водопользования и фактический гидромодуль.

Так что в районах, частично уже заселенных, задача предварительных исследований усложняется изучением существующего хозяйства во всех его формах.

Если предварительные исследования дают благоприятные результаты, то они должны быть дополнены исследованием вопроса о строительных материалах для мелиоративных, дорожных работ и гражданских сооружений изучением условий снабжения района машинами и орудиями, сбыта или переработки сырья и т. п.

В отношении путей сообщения надлежит в первую очередь выяснить связь нового района с экономическими центрами путем магистральных железных или электрических железных дорог и наметить сеть внутренних путей сообщения, которые вместе с результатами мелиоративных исследований и явятся основой проекта колонизации.

Все предварительные исследования должны быть увязаны с методами и соответственными работами во всероссийском масштабе и должны сопровождаться устройством показательных и опытных участков, опорных пунктов соответственных специальностей.

Колонизационный фонд имеется на Кавказе, Севере и Юго-Востоке Европейской России, в Крыму, Туркестане, Сибири, Киргизском крае, Украине, и размер его определяется десятками миллионов десятин (таблица 7).

Если характеризовать этот фонд с точки зрения мелиоративной, то мы можем разделить СССР на ряд районов с однообразными условиями работ.

В районах избыточного увлажнения, к которым надо отнести Север Европейской России, часть Украины, дельту Днепра, Днестра, Волги, Кубани, Риона, многие земли Черноморского побережья, Барабискую степь Каинского уезда и Нарымский край Томской губ., Рыбинско-Каргалинский район Тобольской губ., отдельные участки Амурской и Приморской областей, преобладают работы: 1) осушка болот и заболоченных земель, в целях создания кормовых угодий для развития скотоводства и для сельско-хозяйственных культур, 2) регулирование рек и канализация лесных массивов для правильной эксплуатации лесов, 3) осушка лесных площадей для улучшения прироста леса, 4) осушка приусадебных земель, 5) создание условий свободного стока вод и его регулирование, 6) упорядочение усадебного водоснабжения, 7) борьба с засолением почв.

В каждом отдельном районе эти задачи комбинируются в зависимости от его естественно-исторических условий и предрешают тип самой колонизации—промышленный, сельскохозяйственный, скотоводческий и смешанный.

В районе недостаточного увлажнения, к которому относится Юго-Восток Европейской России, Крым, Туркестан, Кавказ, часть Украины, Степные области Сибири, преобладают работы: 1) увлажнение и орошение полевых культур и лугов, 2) орошение механическим водоподъемом, 3) обводнение площадей путем устройства водохранилищ и колодцев, 4) урегулирование водопользования, 5) защита культурных земель от силевых вод и разливов рек, 6) снабжение питьевой водой усадебных земель и полевых угодий, 7) осушение заболоченных земель и борьба с солонцами, 8) борьба с песками и оврагами.

Тип колонизации этих районов преимущественно сельскохозяйственный.

Из этого краткого перечисления основных видов мелиораций ясно, что для правильного разрешения всех задач требуется постановка самых тщательных исследований.

В дорожном отношении уже намечен ряд магистральных железных дорог (см. список ниже), но в отношении внутренних путей сообщения не произведено еще даже предварительных изысканий.

При этом все перечисленные железные дороги проектировались в сущности вне всякой связи с образованием колонизационного фонда и только могут удовлетворять общей идее внешней его связи. Наиболее важными из этих направлений являются линия Уральск-Акмолинск, Уральск-Самара-Царицын, как открывающие возможность начать правильную колонизацию в Киркразе, и Семипалатинск-Верный-Арысь для установления возможности использования свободных земель Джетысуйской и Сыр-Дарьинской областей.

Таблица 7.

Площадь колониционного фонда в СССР по отдельным областям.

Название областей.	НАЗВАНИЕ РАЙОНА.	Площадь в десяти- тинах.
1. Кавказская.	Муганский	287.000
	" " Мильский	300.000
	" " Ширвинский	350.000
	" " Сальянский	65.000
	" " Караярский	127.000
	" " Араратский	40.000
	" " Алазанский	70.000
	И т о г о	1.239.000
2. Юго-Восточная.	Самарский	1.536.878
	" " Саратовский	1.017.933
	" " Царицынский	908.600
	" " Уральский	1.313.427
	" " Донской	605.000
	" " Ставропольский	241.107
	" " Кубано-Черноморский	338.000
	" " Терский	774.000
	" " Дельта Волги и Волга-Ахтуб. пойма .	1.000.000
	И т о г о	7.734.945
3. Крымская.	. . . . .	200.000
	И т о г о	200.000
4. Туркестанская.	Ферганский	441.343
	" " Самаркандский	818.817
	" " Чирчикский	238.353
	" " Отрарский	305.000
	" " Нижне-Сыр-Дарьинский	1.230.000
	" " Ауллеатинский	300.000
	" " Горнобухарский	220.000
	" " Прибрежно-Бухарский	70.500
	" " Каршинский	300.000
	" " Зеравшанский	221.000
	" " Закаспийский	1.550.000
	" " Нижне-Аму-Дарьин.	1.179.000
" " Прикаспийский	560.000	
	И т о г о	7.434.013

Название областей.	НАЗВАНИЕ РАЙОНА.	Площадь в десяти- тинах.
5. Семиреченская.	Чуйский	370.000
	Иссык-Кульский	30.000
	Балхашский	280.000
	И т о г о	680.000
6. Сибирская.	Тюменский	5.665.000
	Омский	1.522.000
	Новониколаевский	1.432.000
	Енисейский	1.971.800
	Забайкальский	4.467.225
	Амурский	10.842.000
	Иркутский	1.509.212
	Приморский	1.183.000
	И т о г о	28.592.237
7. Северная.	Архангельский	2.000.000
	Олонекский	1.000.000
	Корельский	1.000.000
	Вологодский	3.000.000
	Вятский	300.000
	Северо-Двинский	2.700.000
	Череповецкий	500.000
	И т о г о	10.500.000
8. Киргизская.	. . . . .	2.000.000
9. Украинская.	. . . . .	2.000.000
	А в с е г о	60.380.195

Примечание. Цифры по п. 2, 6 заимствованы из работы М. А. Большакова.

В отношении внутренних путей сообщения имеются, правда, небольшие материалы б. Переселенческого Управления; однако, они, кроме Нарымского района Джетысуйской области, не систематизированы и поэтому не могут быть использованы. Последние же представляют из себя ценнейший предварительный материал, который должен быть доработан.

С П И С О К

изысканий железных дорог, связанных с образованием колонизационного фонда.

1. Архангельск-Усть Ухта-Няксимволь.
2. Красный Холм-Петрозаводск.
3. Индиго-Ухта.
4. Индиго-Тобольск.
5. Котлас-Шлясская.
6. Обь-Беломорская.
7. Котлас-Соликамск.
8. Пермь-Печорск.
9. Сенарская-Челябинск.
10. Акмолинск-Спасский завод-Пишпек.
11. Орск-Акмолинск-Павлодар-Барнаул.
12. Уральск-Акмолинск.
13. Уральск-Илецк.
14. Уральск-Самара-Царицин.
15. Барнаул-Мартыново.
16. Барнаул-Итат.
17. Барнаул-Юрга.
18. Барнаул-Кустанай.
19. Троицк-Кустанай.
20. Бийск-Минусинск.
21. Чидерты-Семипалатинск.
22. Актюбинск-Семипалатинск.
23. Томск-Чулым.
24. Кузнецко-Алтайская.
25. Семипалатинск-Верный-Арысь.
26. Верный-Кульджа.
27. Чарджуй-Кунград.
28. Александров-Гай-Эмба-Чарджуй.

В дореволюционное время исследования были в следующем положении. Переселенческое Управление производило почвенно-ботанические обследования маршрутного характера уже после образования целого ряда переселенческих участков. Геологические обследования оно не производило вовсе, а гидрогеологические обследования, производившиеся О. З. У., носили слишком общий характер, и выводы этих работ получались случайные. Метеорологические и гидрометрические работы носили также случайный характер; вопросы водоснабжения, осушения, орошения, агрономические заключения, как я уже упомянул выше, при предварительных исследованиях изучались в недостаточном масштабе. Экономические исследования не производились П. У. совершенно, но зато в широкой степени производились общие статистические обследования.

П. У., имея перед собою задачу по заготовке колонизационного фонда и по устройству на этих же землях переселенцев, на пространстве всей Азиатской России, не могло сосредоточиться на планомерном обследовании колонизационного фонда, отчего и получались результаты работ мало соответствовавшие действительной потребности.

Другой орган в виде О. З. У. в сущности производил работы примерно по намеченным мною методам, но, как я указал, в разных районах и в отдельных изыскательных партиях работа производилась

по различным программам, носившим скорее ученый характер и постепенно уже в работе равнявшихся между собою. Поэтому намеченные методы следует считать уже определившимися дореволюционной практикой и увязанными теперь в цельную и стройную систему.

На основании предварительных исследований составляется программа последующих работ, которая состоит уже в уточнении всех предварительных результатов.

Экономические предварительные обследования, вместе с другими материалами, намечают предполагаемую картину колонизации, а именно, места и размеры последней, пути сообщения, план и характер хозяйства, размеры душевого земельного надела, рентабельность предприятия, а отсюда уже вытекает решение вопроса, кому производить дальнейшую работу: государству или частному предпринимателю.

В последнем случае намечается объект работы частного предпринимателя и его взаимоотношения с государством и колонистами.

В первом случае государство приступает к детальным изысканиям, при чем в первую очередь работа ведется с возможной интенсивностью на опытных и опорных пунктах, на метеорологических и гидрометрических станциях и постах.

Детальные же изыскания состоят в общей топографической съемке местности, составлении почвенно-ботанической карты, если требуется по данному району геологической карты, топографической съемке крупного масштаба мест под поселения, промышленные предприятия и искусственные сооружения, в дорожных гидрологических и гидрогеологических работах. В тех районах, где требуется искусственное орошение, обводнение или осушение, съемка производится в горизонталях.

Одновременно заканчиваются и дополняются экономические и статистические исследования.

В результате получается генеральный план района с населением всех предполагаемых к постройке поселений, дорожных и мелиоративных сооружений, для которых соответственные специалисты составляют уже детальные технические проекты, сметы и соображения о порядке, способах и сроках производства работ.

По окончании указанного плана составляется хозяйственный план района, который увязывает окончательно все предположения специалистов, намечает окончательную разбивку земель по поселениям, хуторам, артелям, коммунам и т. п.

Одновременно приступается к составлению подробного плана колонизации, установлению сроков и порядка ее.

При этом методы изысканий и вопросы, подлежащие выяснению, остаются те же, что и для предварительных исследований.

При такой постановке вопроса один рабочий период может быть использован на предварительные исследования, один рабочий период — на окончательные изыскания. При сложности района вместо двух рабочих периодов на эти работы может потребоваться значительно больше времени. Намечаемый мною двухлетний период является минимальным сроком для правильного разрешения всех вопросов, связанных с предварительными исследованиями и детальными изысканиями для подготовки колонизационного фонда.

Расходы на окончательные изыскания и составление проекта, за исключением научно-исследовательских работ, относятся за счет государства с последующим их возвратом государству колонистами в том виде, как это будет установлено финансовыми обоснованиями проекта.

Третий период, предшествующий колонизации—производство всех намеченных работ—в некоторых случаях может совпадать с началом населения района, так как при отсутствии рабочих рук желательно использовать колонистов в качестве рабочей силы и заинтересовать их в меньшей стоимости работ.

Срок выполнения работ определяется основными заданиями проекта и степенью сложности таковых.

Расходы на строительные работы относятся также за счет государства с последующим возвратом их на вышеуказанных основаниях.

По мере заселения района колонистами, по окончании строительных работ, роль мелиоратора сводится к инструктированию населения рациональными методами пользования мелиоративными сооружениями и системами и правильной эксплуатации таковых, а также к их улучшению на основании непрерывно продолжающихся научно-исследовательских работ.

Расходы на мелиоративные и мелкие дорожные работы в этот период производятся за счет населения, при чем в неокрепших районах государство может в первое время производить их за свой счет с последующим их возвратом.

Разрешение финансовой проблемы колонизации крайне сложно. Прежде всего в основу ее должна лечь полная рентабельность всего колонизационного предприятия, в котором, как уже было указано, серьезный расход ложится на мелиоративные и дорожные предприятия.

В дореволюционное время Г. У. З. и З. подходило к этому вопросу крайне просто.

Признавалось, что на мелиоративные мероприятия в хлопковом районе можно тратить до 200 руб. на десятину орошенной земли, в нехлопковом до 150 руб. и т. п.

При этом необходимо установить в первую очередь, что имеются два понятия: орошенная площадь и орошаемая площадь. Под первой надо понимать площадь земли, входящую в состав хозяйства, без включения в ее состав земли, находящейся под паром, а под второй—площадь земли, которая может быть орошена при помощи устроенных для этого мелиоративных сооружений.

При исчислении рентабельности предприятия необходимо определить полную стоимость всех расходов, состоящих из единовременных, которые разделяются на капитальные и многолетние, и эксплуатационных.

К единовременным капитальным расходам относятся: устройство мелиоративных, дорожных, гражданских сооружений, с отнесением сюда расходов на окончательные изыскания и составление проекта, а также расходы на благоустройство района в санитарном и духовно-просветительном отношении (лечебные заведения, школы и т. п.). Полное погашение таких расходов определяется сроком не более двадцати пяти лет.

Единовременные (многолетние) расходы состоят в покупке хозяйственного инвентаря, живого и мертвого, в планировке пашен и других культур—технических, землеустроительных мероприятиях и расходов по перевозке колонистов.

Полное погашение таких расходов определяется особой шкалой и должно быть произведено в срок от 1 до 8 лет.

Эксплуатационные расходы состоят в ремонте и эксплуатации всех устроенных систем и сооружений, а также в удобрении и обработке полей, уборки урожая и т. п.; погашение этих расходов производится ежегодно.

Составленная по такой системе сумма ежегодного расхода должна быть погашена доходами от всего предприятия, которые определяются также по совокупности прямых и косвенных доходов.

К первым относится доход от сельского хозяйства, от эксплуатации устроенных сооружений и доходов промышленных предприятий комбинированного характера.

Ко вторым относятся государственные налоги и т. п.

Только при правильном соотношении расходов с предполагаемыми доходами может быть приступлено к колонизации того или иного района.

При этом необходимо принять во внимание, что в первые годы доходность будет значительно ниже, благодаря только еще возникающему хозяйству, и только по мере его укрепления и перехода к интенсивным формам возможно повышение этой доходности.

В некоторых трудных для хозяйства районах могут быть введены, с одной стороны, более продолжительные сроки погашения единовременных расходов государства, а с другой, учтена особо рабочая сила колонистов, которая в таком случае может быть бесплатной и облегчит им выплату государству произведенных расходов.

Кроме того, общегосударственные мероприятия могут быть выделены также в категорию безвозвратных расходов государства.

После определения рентабельности колонизации данного района или отдельных его частей, необходимо выяснить способ и сроки погашения расходов государства по подготовке колонизационного фонда и по колонизации.

В этом вопросе может быть два решения:

Колонист в течение ряда лет возвращает произведенные государством расходы или государство устанавливает в свою пользу налоги за пользование устроенными для колонизации сооружениями, при чем налог может быть установлен отдельно для дорожных сооружений, для мелиоративных и т. п.

Для облегчения колонисту проведения в жизнь ряда хозяйственных мелиоративных мероприятий в новом районе, которые не должны производиться за счет государства, необходима организация особого мелиоративного кредита.

За счет такого кредита могут быть отнесены работы по мелкому водоснабжению, корчевке, удобрению полей и лугов, торфодобычанию, устройству мелкой оросительной сети, устройству мелких гидравлических установок, мельниц, рыбных прудов, дренажа, борьбы с засорением и устройства путей сообщения и т. п.

В тех случаях, когда государству по состоянию его материальных ресурсов затруднительно производить за свой счет подготовительные работы по колонизации новых районов, возможно привлечение для этого частной инициативы.

Основным принципом привлечения частной инициативы является устройство комбинированного предприятия, производство предварительных исследований самим государством, государственный надзор во всех стадиях работы частного капитала, право досрочного выкупа всего предприятия, переход его в собственность государства по истечении известного срока, предоставление частному капиталу только известной части земельной площади, сохранение за государством права на недра и т. п.

Способ возвращения произведенных частной инициативой затрат определяется путем возвращения колонистам расходов с начислением известного процента на затраченный капитал или обложение в пользу предпринимателя всех видов эксплуатации соответственными видами налогов.

В 1914 году общая площадь территории России исчислялась в 2 миллиарда десятин, из которой под сельско-хозяйственной культурой находилось меньше 10%. Значительная часть этой территории совершенно еще не исследована и точное определение размера колониционного фонда не может быть произведено.

В настоящий момент его можно установить только в некоторых районах, да и то только условно (таблица 7).

Определяемая нами площадь в 60.380.195 дес. очень велика и для ее исследования требуется много средств и времени, не говоря уже о тех затратах, которые надо будет произвести на подготовку самого колониционного фонда.

Если обратиться к данным прежнего времени (табл. 1), то увидим, что с 1906—1915 г. г. образован был колониционный фонд в 36.378.046 дес., т. е. 58% намечаемого нами фонда при общей затрате на колонизацию по 6 р. 12 к. на десятину заготовленного фонда (табл. 2).

Если считать эти затраты достаточными, то в этом случае потребуется сумма в 369.526.793 довоенных рублей.

Общий расход на мелиоративные исследования и работы Переселенческого Управления составляет в среднем около 50 коп. на десятину, а в действительности больше, потому что обследования эти были неполные, а работы не были произведены на всем заготовленном колониционном фонде.

Одни только исследования О. З. У. обошлись около 1 руб. на десятину и вполне закончены не были.

Учитывая то обстоятельство, что обследования и изыскания в некоторых районах были уже начаты, можно считать, что стоимость таковых на намеченном колониционном фонде в среднем составит 1 довоенный рубль на десятину, что и составит около 60.000.000 довоенных рублей.

Строительные работы должны быть произведены не на всех землях, заготавливаемых для колонизации; по опыту только 30% земель требует устройства сооружений разного характера. Стоимость таковых по примеру прежней колонизации колеблется от 1 рубля до 200 руб. на десятину. Поэтому для определения масштабов дела можно считать, что в среднем на одну десятину всей предполагаемой для колонизации площади земель расход составит $\frac{1+200}{2} \times 0,30 = 30,15$ довоенных рублей или всего около 1.800.000.000 довоенных рублей.

Если в довоенное время в среднем образовывалось ежегодно до 4.000.000 десятин, а мы, благодаря правильной постановке колонизационного дела, сумеем увеличить нашу производительность вдвое, т.-е. доведем ее до 8.000.000 десятин в год, то и тогда нам понадобится 7—8 лет на выполнение намеченной программы, при средней ежегодной затрате около 330.000.000 довоенных рублей.

В отношении дорожного строительства трудно указать масштабность этого дела, в силу того, что нами уже упоминалось о производстве означенных изысканий вне связи с образованием колонизационного фонда и что все эти направления имеют еще чисто экономическое значение даже при отсутствии в их районе больших колонизационных возможностей.

Если учесть, что постройка хотя бы одной линии—Аулисата—Верный—Семипалатинск с ветвями длиной свыше 2000 верст составит сумму в 140.000.000 рублей, можно сказать, что едва ли справедливо будет относить этот расход исключительно на те 680.000 десятин, которые нами намечаются в пределах Джетысуйской (Семиреченской) области, да и затрата на внешнюю связь этого фонда в 200 руб. на десятину чрезмерна велика.

В действительности, на колонизационный фонд должно быть отнесено не свыше 10% стоимости этой линии, т.-е. около 20 рублей. Примерно в таком же положении находятся и остальные железнодорожные магистрали.

Проведение внутренних путей сообщения следует исчислять для железнодорожных под'ездных путей сообщения около 1 версты на каждые 3.000 десятин и для грунтовых—около 1 версты на 400 десятин, что составит около 20.000 верст железных и около 150.000 верст грунтовых дорог для всего колонизационного фонда.

Проведение Переселенческим Управлением 17.075 верст грунтовых дорог обошлось на версту около 1.840 рублей. Таким образом, вся намечаемая сеть в 150.000 верст, обойдется в 276.000.000 рублей, а железнодорожные под'ездные пути, считая по 40.000 рублей на версту, около 800.000.000 рублей,

Общая стоимость внутренней сети в сумме 1.076.000.000 рублей ляжет на 1 десятину фонда около 18 рублей.

Таким образом, мы видим, что со включением части расходов магистральных путей сообщения на 1 десятину колонизационного фонда должно лечь в среднем около 38 рублей для удовлетворения нужд в отношении путей сообщения. Колебания, конечно, могут быть значительные в ту или иную сторону.

Приведенные цифры показывают, что затраты для создания колонизационного фонда чрезвычайно велики. Поэтому предварительные исследования должны быть организованы очень серьезно, так как только при таких условиях могут быть созданы условия для вполне рентабельных затрат на образование этого фонда и приданы всему этому делу необходимые планомерность и осторожность.

В виду необходимости ставить мелиоративное и дорожное дело очень широко, надлежит обратить внимание на подготовку специалистов в специальных учебных заведениях, высших, средних и низших.

На этот вопрос у нас еще до сих пор обращено мало внимания и сколько нибудь удовлетворяющей постановки учебного дела нет.

Между тем в Институтах Путей Сообщения и соответственных средних техникумах необходимо организовать специальный курс колонизации, в имеющихся курсах экономических наук добавить соответственные главы и включить особый курс общей мелиорации.

В Тимирязевской Сельско-Хозяйственной Академии, в Омском Сельско-Хозяйственном Институте и в Туркестанском Университете и соответственных техникумах надлежит ввести особый курс общей мелиорации, в составе которого и дать ту необходимую увязку вышеперечисленных дисциплин с экономической базой в деле образования колонизационного фонда.

На основании вышеизложенного необходимо остановиться на следующих положениях:

1. Работы по образованию колонизационного фонда распадаются на:

- а) предварительные исследования;
- б) изыскания и составление проекта;
- в) производство работ;
- г) эксплуатацию.

2. Мелиоративные работы состоят в изучении вопросов метеорологии, гидрометрии, гидромодуля, геологии, гидрогеологии, почвоведения, ботаники, осушения, орошения, обводнения, водоснабжения, улучшения сплавных рек, использования зеленого угля и вопросов, связанных с организацией сельского хозяйства, скотоводства и промышленности.

3. Работы по организации путей сообщения разделяются на устройство магистральных путей сообщения, связующих колонизационный фонд с крупными экономическими центрами, и внутренних путей сообщения, связующих колонизационные участки с магистральными путями сообщения и между собою.

4. Предварительные исследования определяют пригодность данного района для колонизации и дают материалы для составления примерной картины хозяйства в колонизационном районе и общую схему колонизации.

5. Окончательные изыскания устанавливают генеральный план колонизации, с нанесением всех предполагаемых к постройке поселений, дорожных и мелиоративных сооружений, сопровождаемых техническими проектами, сметами и соображениями о порядке, способах и сроках производства работ, а также выявляют хозяйственный план с показанием разбивки земель для эксплуатации, порядка и способа их освоения.

6. Производство работ по существу должно предшествовать колонизации данного района, но практически может происходить одновременно с его заселением.

7. Предварительные исследования в колонизационном деле должны быть увязаны с методами и соответственными работами во всероссийском масштабе и должны сопровождаться научными исследованиями и устройством показательных и опытных участков, станций, опорных пунктов соответствующих специальностей.

8. Детальные изыскания являются продолжением и уточнением предварительных исследований, производятся только при благоприятных результатах последних и поручаются для выполнения мелиоратору совместно с другими специалистами.

9. Расходы на изыскания и составление проекта, за исключением научно-исследовательских работ, относятся за счет государства с последующим возвратом государству колонистами полным или частичным.

10. Расходы на строительные работы относятся за счет государства с последующим их возвратом государству колонистами полным или частичным.

11. Эксплуатационное хозяйство колонизационного района производится государством или при его участии.

12. Расходы на эксплуатацию мелиоративных и мелких дорожных сооружений производятся за счет населения, при чем в неокрепших районах государство может производить их за свой счет с последующим их возвратом населением.

13. Перед приступом к работам составляется финансовый план предприятия с отнесением расходов к капитальным и эксплуатационным, с исчислением его рентабельности и способов и сроков возврата расходов государству.

14. Государство организует мелиоративный кредит для населения на работы мелкого водоснабжения, корчевки, удобрения полей и лугов, торфодобычания, устройства мелкой оросительной сети, мелких гидравлических установок, мельниц, рыбных прудов, дренажа, борьбы с засорением путей сообщения и т. п.

15. Государство привлекает в некоторых случаях частную инициативу, организовывая комбинированные предприятия, при производстве самим государством предварительных исследований, государственном надзоре во всех стадиях работы частного капитала, праве досрочного выкупа всего предприятия, переходе его в собственность государства по истечении известного срока, предоставлении частному капиталу только известной части земельной площади, сохранении за государством права на недра и т. п.

16. Для возможности правильно поставить дорожное и мелиоративное дело в колонизационных районах необходимо в ряде учебных заведений организовать надлежаще поставленные и недостающие в их программах специальные предметы, расширяющие кругозор воспитанников в отношении колонизации.

Роль концессий в сельском хозяйстве и колонизации СССР.

ГЛАВА I.

Народно-хозяйственный тип России.

Значение иностранного капитала и роль концессий, которые, по мере вовлечения России в мировое хозяйство, будут приобретать все больший удельный вес, могут быть выяснены только в связи с общими перспективами народно-хозяйственной эволюции СССР. Если решать концессионный вопрос, не увязывая его с этими перспективами, мы рискуем, что концессионная политика пойдет в разрез с общим направлением экономической эволюции России и вместо пользы, принесет государственным и народным интересам существенный вред. Так бывало не раз в истории разных стран, привлекавших к разработке своих природных богатств иностранный капитал, который вовсе не заинтересован в общем народно-хозяйственном подъеме данной страны, а только в извлечении из нее максимальной выгоды. Поэтому, чтобы избежать опасных ошибок в этом отношении, мы прежде всего должны выявить ту роль, которую иностранный капитал и, в частности, концессионные предприятия, могут и должны сыграть в грядущем развитии народного хозяйства СССР и, в частности, — в развитии нашего сельского хозяйства, а для этого, прежде всего, необходимо представить себе отчетливо — в каком именно направлении может и должно пойти у нас развитие производительных сил.

В XX веке рыночные отношения начинают приобретать доминирующее значение, как в России, так и в других аграрных странах, вовлекающихся постепенно в мировой товарооборот. Вместе с тем, развитие рыночных связей в этих странах приводит к их постепенной индустриализации. До второй половины XIX века, когда мировое хозяйство только еще начинало строиться заново на основе возникающего парового транспорта, все страны мира делились по хозяйственным типам на две, довольно резко очерченные группы: небольшого количества стран, преимущественно промышленного типа, которые господствовали на мировой арене, и большинства стран аграрного типа, игравших весьма подчиненную роль, как продовольственная и сырьевая база для промышленных стран; страны смешенного, двустороннего, типа — аграрно-индустриальные, старой латинской культуры — Франция, Италия, Испания — отходили на второй план, вытесняемые с мировых путей индустриализованными странами,

во главе которых стояла владычица морей — Великобритания. Но с развитием мирового хозяйства, со второй половины XIX столетия, начинается усиленная индустриализация большинства стран западной Европы, перекидывающаяся за океан. С 1870—1890 г.г. начинает индустриализоваться и Россия. В XX веке в процесс индустриализации вовлекаются великие аграрные страны Азиатского Востока — и, благодаря этой всеобщей индустриализации, быстрее развивающиеся экономически аграрные страны, как Германия, превращаются главным образом в промышленные; другие — как Соединенные Штаты на Дальнем Западе и Япония на Дальнем Востоке, а также ряд других более мелких — Дания, Швеция, Голландия, Швейцария и проч., — превращаются в страны двустороннего хозяйственного типа.

Перед войной двусторонние аграрно-индустриальные страны уже опередили по своей территории и количеству населения односторонние промышленные страны: так в 4-х промышленных странах (Германии, Англии, Бельгии и Австрии) на площади в 900 тыс. кв. верст находилось 147 мил. жителей, а в 9-ти смешанных аграрно-индустриальных — на 11.200 тыс. кв. верст — 288 мил. жителей. Из этих последних — великая Республика Соединенных Штатов оказалась выигравшей в мировой войне, затеянной соперничеством двух главных промышленных стран и заняла сейчас первое место в мировом хозяйстве, производя только при 5% всего населения земного шара — 25% мирового сбора с.-х. продуктов, 40% минералов и 34% промышленных изделий. Мировая война показала, что в настоящее время при ожесточенной односторонне-развивающейся конкуренции Западно-Европейских промышленных стран, для которых мировой рынок сбыта и фабрикатов суживается все более и более процессом всеобщей индустриализации, наиболее выигрывают те страны, в которых сельское хозяйство и индустрия находится в более или менее устойчивом равновесии, т.-е. страны двустороннего типа хозяйственного развития.

Такой тип обладает следующими основными преимуществами:

1) на мировом рынке крупная аграрно-индустриальная страна, экспортируя одновременно с.-х. продукты и промышленные товары, ведет торговлю и с промышленными странами, нуждающимися в с.-х. продуктах, и с аграрными, ощущающими потребность в фабрикатах. Так Соединенные Штаты Америки кормят европейские промышленные страны и снабжают своими товарами аграрные страны в южной Америке, Азии и Океанских островов, получая оттуда сырье, а из Европы — нужные орудия и товары. Очевидно, что обладающая большими естественными ресурсами и техникой страна двустороннего типа сможет завоевать себе гораздо большее место на мировом рынке, чем односторонняя промышленная или аграрная, которая связывается с внешним рынком только в одном направлении.

2) Внутреннее хозяйственное развитие такой страны, при прочих разных условиях, происходит значительно быстрее, чем у стран одностороннего типа, ибо между городом и деревней, индустрией и сельским хозяйством, существует тесная взаимная связь. Города и промышленные районы такой страны получают продовольствие и сырье из с.-х. районов, а эти последние — товары и орудия производства — из промышленных районов. Географическое разделение труда внутри большой страны есть основа для ускоренного всестороннего развития ее производительных сил.

3) В случае таких великих потрясений, как мировая война, или при разрыве экономических сношений, страна двустороннего типа

оказывается гораздо более устойчивой, чем одностороннего, ибо она опирается на пропорциональное развитие отраслей промышленности и сельского хозяйства, подобно человеку, стоящему твердо на двух ногах, тогда как страны одностороннего типа оказываются в весьма затруднительном положении, не будучи в состоянии удовлетворить свою потребность в продукции отсутствующих или недостаточно развитых отраслей.

Эти три положения достаточно объясняют, почему Соединенные Штаты так легко и быстро, без кровопролитных войн и ожесточенной экономической борьбы, завоевали себе первенство в мировом хозяйстве.

Но в мировом хозяйстве положение и хозяйственный тип отдельных стран меняются в сравнительно короткие промежутки времени. Уже до войны, когда за 40 последних лет (1870—1910) городское население Соединенных Штатов выросло на 430%, а сельское — всего на 67%, эта республика стала уходить с мирового рынка зерновых хлебов, обращая их на внутреннее потребление. Колоссальное накопление капиталов в результате войны повело к еще более быстрому процессу индустриализации и в последней четверти 1923 года мы наблюдаем в Соединенных Штатах, впервые за все время истории, пассивный торговый баланс. Это показывает, что в настоящий момент начинается превращение Соединенных Штатов в страну одностороннего промышленного типа, хотя, конечно, сельское хозяйство будет играть в республике долгое время крупную роль.

В XX веке до войны, место оставленное Соединенными Штатами, на мировом хлебном рынке заняла Россия; весьма вероятно, что, если не будет каких либо политических потрясений, или стихийных бедствий, Россия снова приобретет это место. Но такое завоевание, однако, не дает ей, как узко односторонней, не только сельско-хозяйственной, а чисто земледельческой стране, со слабо развитым скотоводством, возможности быстрого поступательного развития столь упавших за последние годы производительных сил. Это не даст ей самостоятельного положения в мировом хозяйстве. Россия не сможет диктовать цены на хлеб на этом рынке, как она не диктовала их до войны, когда их устанавливали для нас Берлин и Лондон. Она будет много терять, благодаря недостатку элеваторов, слабости транспорта, и прекрасное по природным свойствам сельско-хозяйственное сырье, так же, как и хлеб, без соответствующей переработки, хранения, сортировки и упаковки, будет по прежнему цениться на европейских рынках ниже, чем в других странах. Орудия и товары придется получать из за-границы. Отсюда вытекает то основное положение, что наиболее желательнейший экономический тип развития для России — есть тип двусторонней народной сельско-хозяйственной эволюции, т.-е. пропорционального роста индустрии и сельского хозяйства, а также торговли и транспорта, как отраслей, являющихся главным средством смычки города и деревни — внутри страны и „смычки“ России в целом с мировым хозяйством.

Но, спрашивается, имеются ли в России возможности превращения ее из преимущественно аграрной страны в страну двустороннего хозяйственного типа? Ибо, если необходимых условий для такого превращения не имеется, или находятся в недостаточных размерах, то все организационные усилия, которые в этом отношении способно сделать государство, будут напрасны.

Необходимые для такого превращения условия заключаются прежде всего в постоянных физико-географических и естественно-исторических факторах: географическом положении береговой линии,

наличии ископаемых, разнообразии климатических зон и обилии естественных богатств. В Соединенных Штатах все эти условия весьма благоприятны.

В России: 1) ее географическое положение на границе Европы и Азии издавна порождало торговые сношения с Востоком. Великие континентальные пути торговли Азии с Европой, некогда проходившие через Россию, теперь частью заглохли; но для нее все же не исключена возможность связаться снова с Востоком железными дорогами, при соответствующих политических условиях, ибо экономические предпосылки для этой связи благоприятны.

2) С Западом Россия сносится, главным образом, через морские пути. Береговая линия наша слаба, большую ее часть занимает мало-доступный Ледовитый океан, но все же наши выходы в море представляют довольно обширные возможности. Южные, западные и северные наши порты дают возможность экспортировать из ближайших районов—хлебных на юге, мясных на севере и северо-западе—зерно, лен и лес, а из отдаленных центральных и восточных—более ценные сельско-хозяйственные продукты. Эта причина—континентальность страны—должна побудить нас к усиленной, хотя бы первичной обработке сырья, дабы сделать рентабельным вывоз его из глубины страны, пример чего мы видим на экспорте Сибирского масла.

И так, хотя географическое наше положение, в связи с громадною нашей территории и слабостью береговой линии, и затрудняет наши внешние торговые сношения, но эти затруднения преодолимы, во-первых,—при помощи развития сети железных дорог, во-вторых,—посредством увеличения ценности вывозимого хлеба и сырья, превращая его в полуфабрикат, что и побуждает нас к скорейшей индустриализации сельского хозяйства.

3) Климатические условия хуже, чем в Западной Европе и в Америке, что вредно отражается на нашем сельском хозяйстве. Наш климат в общем холоднее и суше, чем там. Но зато климатические зоны более разнообразны, чем в любой стране мира, кроме Соединенных Штатов, ибо у нас имеются все климатические, а следовательно и почвенно-ботанические зоны, начиная с полярной и кончая субтропической. Это разнообразие составляет одну из основ для хозяйственной дифференциации России. Благодаря ему нечерноземная полоса изстари тяготела к индустрии, а черноземная—к сельскому хозяйству. Разнообразие естественно-исторической обстановки зон и районов России дает возможность в каждом районе выработать свой особый организационно-производственный тип хозяйства, что, естественно, усиливает товарообмен. К хозяйственной дифференциации районов ведут и огромные, еще очень мало использованные, ископаемые богатства многих районов. Эти районы постепенно становятся горно-промышленными округами (Донбас, Урал, Алтай), другие превращаются в индустриальные центры.

4) Наши ископаемые богатства далеко еще не исследованы, но и то, что мы знаем о них, дает нам право заключить, что по запасам главнейших из них—угля, железа, нефти—Россия занимает одно из первых мест в мире. Так, по залежам каменного угля она стоит на четвертом месте, железа—на втором и т. д.

Выводы. Отсюда видно, что природные факторы в России, при ее пространстве и пестром этнографическом составе населения и наличии ископаемых природных благ, представляют достаточно благоприятную почву для развития индустрии, по крайней мере, в пределах собственных потребностей страны.

Действительно, если взять одни и те же цены для 1900 и 1913 г.г. по Прокоповичу, то рост сельско-хозяйственной продукции за этот период будет равен—33,8% или около 2,6% ежегодно ¹⁾, а промышленной—62,2% или 4,8% ежегодно. Рост промышленности на 84% обгонял рост сельского хозяйства; в торговле же—внешняя торговля росла быстрее внутренней (последняя увеличивалась на 8,2% ежегодно).

При всем этом население увеличивалось всего на 1,5% ежегодно, откуда видно, что решительно все коэффициенты эволюции народного хозяйства обгоняли прирост населения в 2 или 3 раза.

В современный период процесс всеобщего восстановления народного хозяйства России только еще начался. В предыдущее 8-ми летие 1914—1921 г.г. промышленность упала сильнее сельского хозяйства и в прошлом году ее продукция равнялась 35% довоенных, тогда как сельское хозяйство—почти 70%. Однако, темп возрождения индустрии за 2 последних года идет вдвое быстрее, чем сельского хозяйства. Так в 1922—1923 г. г. продукция промышленности увеличилась сравнительно с 1921 - 1922 г.г. на 42%, а в 1923—1924 г.г. по имеющимся данным она возрастет не менее, чем на 20—22%, размеры же посевных площадей расширились в 1923 г. на 19,7%, а в 1924 г. ожидается их увеличение всего на 9,5%.

Если же мы сравним отношения к довоенному периоду, то увидим, что за 2 указанных года рост промышленности определился кругло в 10,7%, а посевов—в 13,7%; но, принимая в соображение, что скотоводство возрождается пока в 2 с лишком раза медленнее земледелия, мы можем сделать тот вывод, что не только относительно, а и абсолютно, темп восстановления индустрии пока идет более быстро, чем сельского хозяйства.

Итак, в России как и в других странах, вовлеченных в мировое хозяйство, происходит процесс индустриализации, который, в конечном счете, должен превратить ее из аграрной в страну двустороннего народно-хозяйственного типа. Чем скорее будет совершаться это превращение, тем полнее и шире развернется эволюция производительных сил страны. Поэтому сознательные организационные усилия государства и народа должны быть направлены именно в эту сторону, а так как потребное для индустриализации накопление капитала создается первоначально рыночным оборотом, то ставка на максимальное развитие рыночности, в особенности сельского хозяйства, есть первоочередная задача ближайшего периода.

Г Л А В А II.

Перспективы с.-х. эволюции СССР на ближайшее пятилетие.

Делая ставку на двусторонний тип народно-хозяйственной эволюции России, мы не должны упускать из вида, что все же в основу этой эволюции не только на ближайшее пятилетие, а и на гораздо более долгий срок у нас должно быть положено всестороннее развитие сельского хозяйства, которое и по природным условиям, и по характеру и привычкам быта населения страны надолго останется у нас первенствующей отраслью народного хозяйства. Но для убыстренного сельско-хозяйственного развития, для извлечения населением максимума доходов от своего главного промысла—сельского хозяйства—

¹⁾ При этом нужно иметь в виду, что урожай 1913 г. был сравнительно очень высоким.

необходимо, чтобы прочие народно-хозяйственные отрасли, промышленность, торговля, транспорт,—были приспособлены к обслуживанию именно сельского хозяйства, которое, как мы увидим сейчас, обнаруживает такие способности к возрождению, что при благоприятных условиях, т.е. при соответствующем расширении рынка и соответствующей индустриализации, могло бы в течение пятилетия не только достигнуть, но даже и превзойти довоенный уровень производства.

Перед нами факт: крестьяне, только что пережившие страшный голод, потерявшие в голодных районах от половины и более рабочего скота, увеличивают за один год в этих районах посевную площадь сразу на 20—30%. Факт почти небывалый в истории конца XIX века и начала XX века. Спрашивается, есть ли этот факт—явление случайное, или он результат громадной потенциальной энергии крестьянской массы, выявившейся наружу, как только климатические и политические условия стали более или менее благоприятны?

Проанализируем тщательно этот вопрос. Какие положительные факторы должны толкать крестьян к эволюции сельского хозяйства в 1923 г. и в последующие годы. Это—во первых—(прирост земледельческого населения и избыток рабочих рук в деревне. В 1923 г. сельское население, приблизительно, равняется довоенному (в 1923 году—102,7 мил., в 1914 г.—около 102 мил). Мы рассчитали по районам Госплана прирост сельского населения на 1928 год, применив средний коэффициент прироста предыдущего 20-ти летия (1897—1916 г. г.) с некоторыми изменениями в колонизируемой Сибири. При таком методе мы получили, что за 5 лет, к 1928 году, сельское население увеличится на 8%—до 111,7 мил. Следовательно, рост населения—первый фактор, который будет толкать крестьян поднимать свои посевы выше довоенных.

Еще более в этом отношении будет действовать избыток рабочих рук, который чрезвычайно возрос во многих районах. В среднем, по СССР приходилось работников мужского пола на 100 дес.

	1913 г.	1923 г.	Рост в %/о
Пашни+сенокос	10,3	13,1	+ 27, 2
Посева	23,0	43,5	+ 83, 1

Отсюда ясно, насколько этот фактор чисто биологического характера будет форсировать в дальнейшем рост земледелия.

2) Следующий фактор—улучшение питания крестьян и сокращение потребления спиртных напитков. По бюджетам профессора А. Е. Лосицкого видно, что даже при резко пониженных посевах 1922 г., крестьяне в 1921—1923 г. г. ели хлеба немногим меньше довоенного, а молочных продуктов, мяса, овощей и проч.—даже больше довоенного. Все мы помним, как сильно улучшили крестьяне свое питание во время мировой войны, отчасти благодаря повышенным денежным доходам, но больше—вследствие уничтожения казенки. Теперь, хотя крестьяне и потребляют самогон, но это потребление составляет ничтожное количество сравнительно с довоенным. По последним данным, за 3 года количество пищи, потребляемой крестьянами, выросло с 1921 г. от 3500 до 4000 калорий и приближается к довоенным размерам.

Эти факты заставляют нас заключить, что при нормальных условиях эволюции крестьяне в 1928 г. будут питаться лучше, чем до войны.

3) Организация территории. К крестьянам перешло свыше 40 миллионов десятин помещичьей сельско-хозяйственной площади; кроме того, они отобрали от верхних групп и разверстали между собой свыше 25 миллионов десятин крестьянских земель; сопоставление данных 1905 и 1922 г.г. рисует такую картину перемещения земельных групп в крестьянской среде:

1905 год.

№№	Г Р У П П Ы.	% дворов с наделом.	У них % всей надельной земли.
1	1—4	15,8	3,6
2	4—8	34,7	19,0
3	8—20	40,0	41,8
4	Свыше 20 десятин	10,5	35,6
В с е г о		100	100

1922 год (данные Наркомпрода).

№№	% хозяйств с пашней+сенокосные хозяйства.	По Европейской России у них % земли.	
1	На душу до 0,5 дес. (на хоз. до 2,7 дес.) от 0,51 до 1 дес.	15,1	5,5
2	На хозяйство (до 5,4 дес.)	35,2	15,6
3	От 18 до 25 дес.; от 5,4—13,1	45,8	66,2
4	Свыше 25 дес.; более 13,1	3,9	12,7
В с е г о		100	100

Группировки, конечно, далеко не вполне соизмеримы. Но, принимая в соображение: во-первых, что пашня—сенокос составляют около $\frac{3}{4}$ крестьянских угодий, во-вторых, что в среднем на одно хозяйство в 1922—1923 г.г. приходилось 5,4 едоков, грубое сопоставление возможно. Оно показывает, что верхняя группа потеряла $\frac{2}{3}$ своего состава и земельных наделов, которые перешли большей частью к малоземельным и среднякам. В силу этого число малоземельных упало, часть их перешла в группу средняков, и эта последняя охватывает сейчас 45,8% всех хозяйств и 66% земли.

Такая нивеллировка землепользования, несомненно, способствует подьему производительности труда у крестьян, так как у средняков и малоземельных до войны избыток рабочих рук и скота использовался крайне слабо на меньшей территории.

Подьему производительности труда способствует также рациональное землеустройство. Наиболее рациональные виды его,

сберегающие крестьянский труд, по крайней мере вдвое, единоличное (выход на отруба и хутора) и групповое внутриселенное (переход на широкие полосы, связанный с многопольем и образованием выселков) в 1922 г. охватили около 3% всей сельско-хозяйственной площади. Если так пойдет и дальше — в 1928 г. около 20% крестьянских земель будет землеустроено вполне рационально. Это даст повышение производительности труда, примерно, на такой же процент.

4) Наконец, агрикультурный прогресс и общее повышение уровня крестьянской культуры в этом отношении также дадут более или менее крупный эффект.

Стремление к улучшенному хозяйству принимает сейчас небывалые до войны массовые размеры. С другой стороны, как ни бедны наша агрономия и ведомство земледелия, но они целиком служат только крестьянам, а до войны много агрикультурных сил и средств отвлекало помещичье хозяйство.

Эти четыре фактора будут форсировать крестьянское земледелие выше довоенного уровня, никак не менее, чем на 20—35%. Другие факторы оказывают задерживающие влияние, находясь в минимуме. Факторов этих два: недостаток рабочего скота и орудий.

Наиболее остро ощущается крестьянами недостаток рабочего скота. Сравнительно с 1916 г., в 1922 г. число рабочих лошадей сократилось на 35,1%, рабочих волов — на 35,8, более чем на $1\frac{1}{2}$. Но на юго-востоке убыль рабочего скота достигает $\frac{2}{3}$, тогда как на севере и юго-западе он почти сохранился (95—97% количества 1916 г.). По последним данным 1923 г. положение с рабочим скотом улучшилось: число лошадей увеличилось на 4,6%, волов — на 2,9%. Впрочем, это улучшение отчасти объясняется просто лучшим учетом количества скота в 1923 г. Если взять за исходные цифры 1923 г., то только одним естественным приростом мы достигнем к 1928 г. цифры 17,6 мил. голов рабочих лошадей и 2,7 мил. волов, против 16,5 мил. голов рабочих лошадей и 2,3 мил. волов в 1923 г. Но дело в том, что уже в 1922—23 г.г. крестьяне сами купили в одной Самарской губ. 50 тыс. лошадей за свой счет. Судя по бюджетным данным, по всей России покупка достигла не менее 300—400 тыс. голов. Закупались лошади преимущественно в Азиатской России, где, конечно, многие сотни тысяч лошадей не попали на учет.¹⁾

Сколько лошадей необходимо прикупить крестьянам за наличные и в кредит — можно определить по нагрузке посевов на 1 голову. До войны на 1 голову рабочего скота приходилось в среднем 3,8 дес. посева, а в 1923 г. уже 4,1 дес. (с надбавкой на недоучет посевов по Госплану). Это объясняется более рациональной утилизацией рабочего скота, с упрягой, наймом и коллективизацией (товариществами). Процесс рационализации использования рабочего скота шел и до войны. Считая его нормальным и прикидывая к нему механизацию, мы считаем возможным предположить к 1928 году повышение нагрузки на 10% — до 4,5 дес. Для этого потребуется вдобавок к естественному приросту крестьянам Европейской России прикупить около 1,4 мил. голов лошадей, что составит ежегодную прикупку в 280 тыс. голов, главным образом, в голодавших районах, где, по крайней мере, половину этого количества необходимо приобретать за счет государственного кредита.

¹⁾ Так в Киргизии по переписи 1916 г. имелось 2,216 тыс. голов, а в 1923 г. только 905 тыс.: явный недоучет, частью вследствие увода скота за границу (в Монголию).

Второй фактор—рынок. Емкость внешнего рынка, согласно расчетам Госплана, в 1928 г. достигнет около 1000 мил. довоенных рублей (3-й вариант); сельско-хозяйственные продукты составят $\frac{3}{4}$ этого количества, т.-е. 650 мил. рублей, что равняется 70% довоенного. Рынок внутренний и межрайонный, судя по планам транспортной секции Госплана, а также по нарастанию емкости потребления городов и окраин, также не превысит 70—75% довоенного. Наконец, рынок внутрикрестьянский, сейчас превышающий довоенный, к концу пятилетия едва ли будет заметно ниже этого последнего. В общем, размеры всего рыночного оборота сельско-хозяйственных продуктов, вероятно, достигнут около 75—80% довоенного. Но необходимо добиваться расширения емкости этих рынков, в особенности внешнего, ибо рынок—главный стимул к интенсификации сельского хозяйства и основное средство увеличений доходов крестьянского хозяйства.

Итак, мы видим, что устойчивые наиболее крупные факторы сельско-хозяйственной эволюции, рассмотренные нами, делятся на две группы: первая группа заставляет крестьян расширять свое сельское хозяйство дальше довоенного уровня на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$; другая группа—задерживает это стихийное стремление на уровне, но во всяком случае, не свыше довоенного. Решающую роль играют факторы, находящиеся в минимуме. Поэтому, произведя тщательный анализ возможной эволюции посевных площадей по районам, мы пришли, в конечном счете, к таким предположительным цифрам посевов в 1928 году.

	Площадь посева в мил. дес.	% посева к пашне.	На 1 гол. рабочего скота дес. посева.	На 100 душ сельского населения дес. посева.
1913 г. (с надбавкой)	97,9	65,8	3,8	93,5
1923 г. (с надбавкой)	71,4	—	4,1	69,0
1928 г.	96,8	64,8	4,5	86,6

В календарном развертывании рост посевных площадей определяется в следующих цифрах:

	Годичный прирост в % ^{1/0}
1923 г.	71,4
1924 г.	77,8
1925 г.	82,9
1926 г.	88,0
1927 г.	92,4
1928 г.	96,8

Т.-е. этот прирост, естественно, должен выразиться в убывающей прогрессии по мере приближения площади посевов к довоенным размерам.

Рост отдельных культур в посевах. Исходя из анализа условий развития каждой отдельной культуры, который желающие могут найти в изданном Земпланом указанном труде, мы получаем в общем итоге такое распределение посевных площадей по культурам в 1928 году.

Размеры посевных площадей к 1928 г. в мил. дес.
с поправкой на недоучет.

КУЛЬТУРЫ.	1913 г.	1923 г.	1928 г.	В %, приним. 1923 г. за 100.		Ежегодный прирост в 0,0/0.	Пропорция культур.	
				1923 г.	1928 г.		1913 г.	1928 г.
Зерновые.								
Рожь озимая	25,3	24,1	25,6	95,3	101,2	+1,2	6,8	26,2
Пшеница	5,5	4,0	6,5	72,7	118,2	+12,5	5,6	6,7
Рожь яровая	0,7	0,3	0,4	42,9	57,1	+6,7	0,7	0,4
Пшеница яр.	23,2	9,1	19,4	39,2	88,7	+22,6	23,7	19,9
Овес	16,6	9,7	14,4	58,4	86,7	+9,7	16,9	14,7
Ячмень	10,4	6,2	8,4	59,6	80,8	+7,1	10,6	8,6
Просо	3,3	5,4	3,9	157,6	118,2	+5,6	3,4	4,0
Гречиха	1,9	2,4	2,0	126,3	105,3	-3,3	1,9	2,0
Кукуруза	0,9	1,6	2,3	177,8	255,6	+8,8	0,9	2,4
Всего зернов.	87,8	62,8	82,9	71,6	94,4	+6,4	89,5	84,9
Техническ. интенсивные культуры.								
Бобовые	1,2	—	1,3	—	108,3	-1,2	1,2	1,3
Картсф. пол.	3,1	2,2	3,6	71,0	116,1	+12,7	3,2	3,7
Лен	1,4	0,9	1,5	64,3	107,1	+13,3	1,4	1,5
Конопля	0,6	0,5	0,7	83,7	116,7	+8,0	0,6	0,7
Подсолнух	0,9	2,0	0,4	22,2	26,7	+4,0	0,9	2,5
Свекловица	0,8	0,3	0,6	37,5	75,0	+26,0	0,8	0,6
Кормов. травы	1,6	0,7	2,7	37,5	68,8	+70,0	1,6	2,8
Табак	0,1	—	0,1	—	100,0	—	—	—
Хлопок	0,6	0,2	0,7	33,3	116,7	+80,0	0,6	0,7
Проч. культуры	—	2,1	1,2	—	—	-7,4	—	1,2
Всего интенсивн.	10,1	8,6	14,1	86,6	145,4	+13,6	10,5	15,1
Всего	98,1	71,4	97,7	73,0	99,5	+7,2	100,0	100,0

Эта таблица показывает нам, что насколько мы в состоянии предвидеть, пропорция культур в посевах может измениться к концу буду-

щего пятилетия в сторону дальнейшей интенсификации земледелия; именно, % зерновых культур может понизиться с 89,5% до 84,9%, т.-е. на 4,6. На такой, примерно, % понизилась пропорция зерновых культур за период 1901—1905 до 1923 г.

При порайонном анализе мы наблюдаем удивительную закономерность, выражающуюся в том, что % зерновых культур повышается, а % интенсивных соответственно падает в нечерноземной и черноземной полосах, по направлению с запада на восток.

РАЙОНЫ.	Процент зерновых культур.		
	1913 г.	1923 г.	1928 г.
Нечерноземная полоса.			
Западный	76,0	80,5	75,0
Сев.-Западный	76,1	79,8	75,0
Центр.-Промышл.	82,4	81,7	77,5
Сев.-Восточный	91,3	92,4	89,5
Вятско-Ветлужский	93,0	92,1	91,1
Урал	93,7	94,1	30,5
Черноземная полоса.			
Украина (лесостепь)	85,1	89,4	80,5
Центр. Земледел.	85,5	88,7	82,3
Средне-Волжский	93,0	91,4	88,5
Нижне-Волжский	93,9	88,3	89,5
Украина Степь	96,2	87,2	88,1
Северн. Кавказ	94,1	84,4	89,2
С и б и р ь	95,0	94,0	92,9
Киргизия	96,5	94,0	94,4
Весь СССР	89,5	88,0	84,9

Этой закономерностью, как видно из таблицы, мы воспользовались, повышая % интенсивных культур в каждом районе на 2—4%, т.-е. приблизительно на $\frac{1}{2}$ —2% в год.

Эволюция скотоводства. Произвести календарный расчет эволюции скотоводства было для нас легче, ибо рост скота в значительной мере зависит от законов естественного его размножения. Опираясь на эти законы, на наличие естественных кормов, на указанные благоприятные условия рыночной конъюнктуры и, наконец, на тенденцию крестьян к формированию продуктивного скотоводства, мы получили такие итоговые цифры эволюции отдельных видов скота к концу пятилетия 1924—1928 г. г.

а) Лошад и. Расчеты возможного и необходимого прироста рабочих лошадей (исходя из цифры 5 десятин на рабочую лошадь), как было указано выше, дают к 1928 году цифру 19,0 миллионов лошадей — на $2\frac{1}{2}$ миллиона больше, чем в настоящее время.

б) Крупный рогатый скот. До войны прирост крупного рогатого скота, так же, как и в Западной Европе, шел быстрее, чем рабочего. Надо ожидать, что и в будущем пятилетии эволюция этого важнейшего вида скота пойдет ускоренным темпом, как это показано на примере 1923 г.

Принимая средний ежегодный прирост коров в 5%, мы будем иметь их к 1928 году 23,9 миллионов голов.

Всего на 0,7 миллионов голов, или на 1 $\frac{1}{2}$ % более 1916 года.

в) Мелкий скот. Овцы и козы во всем мире шли на убыль. В России овцеводство поддерживалось отчасти в крупных частновладельческих поместьях на юго-востоке. С исчезновением поместий, с переходом главных овцеводов-кочевников Сибири и Средней Азии на полусоседное состояние, когда взамен овцеводства у них начинается разведение крупно-рогатого скота, овцеводство у нас хотя и увеличится против нынешнего исключительно упадочного периода, однако не дойдет до уровня 1916 года. Можно предположить дальнейший ежегодный прирост в 6,7%, соответственно естественному приросту, который приведет общую цифру овец и коз до 75,5 миллионов голов против 56,5 миллионов в 1923 году и 84,5 миллионов в 1916 году.

Свиньи. Свиноводство, наоборот, по ряду оснований должно развиваться в ближайшие годы у нас особенно быстрым темпом.

1. Кормовые средства в виде картофеля, кукурузы, жмыхов значительно увеличиваются.

2. Условия рынка внешнего и внутреннего весьма благоприятны для развития свиноводства.

3. Крестьянское хозяйство, в руки которого перешел весь земельный фонд, наиболее приспособлено для развития продуктивного свиноводства, которое и двинулось вперед быстрыми шагами с 1923 г. Прирост свиней с 1922—1923 г.г. равен 18,1%. Принимая для будущего пятилетия этот средний прирост и геометрическую прогрессию (прирост на прирост), получаем для 1928 года цифру свиней—19,9 миллионов голов, против 19,5 миллионов 1916 года.

Общее количество скота в переводе на крупный составит:

В 1916 году	80,0	млн. едн.
„ 1923 „	57,5	„ „
„ 1928 „	73,5	„ „

т.-е. не достигнет до уровня 1916 года на 8,4%.

В ы в о д ы .

1. Принимая в соображение, во первых, улучшенную организацию крестьянской территории и повышенный уровень хозяйственной эксплуатации хотя и убавившегося крестьянского рабочего скота и инвентаря, во вторых, усиленную тягу крестьян к рынку и возможность приближения внешнего рынка на $\frac{3}{4}$, а внутреннего более чем на 70% к до военным размерам, в третьих, расширение местного рынка, в четвертых, вполне достаточную, даже избыточную, наличность рабочих рук в деревне, в пятых, общий нормальный подьем уровня крестьянского хозяйства и его повышенную сравнительно с довоенной культурность и восприимчивость к началам рациональной агрономии, в шестых, улучшение собственного питания крестьянского населения — мы допускаем, что в ближайшее пятилетие развитие сельского хозяйства примет такой темп, что к концу его общий размер посевных площадей может сравняться с довоенным, наличность скота дойти, примерно, до 91,6% количества 1916 года.

2. В частности, что касается посевных площадей, то в их составе возможно ожидать большего развития интенсивных культур, чем зерновых. Принимая в расчет современную пропорцию зерновых и возможные перспективы их эволюции, мы ожидаем в дальнейшем более усиленного прироста рыночных — пшеницы и ячменя, а также кукурузы, но все же пшеничные и ячменные посевы не дойдут до уровня довоенных, вследствие: а) резкого упадка их в настоящее время; б) отсутствия достаточного контингента пришлых наемных рабочих из центра; в) организационно-производственных мотивов, требующих усложнения севооборота на юго-востоке введением пропашных и кормовых трав. Взамен их в редко населенных районах разовьются посевы кукурузы и подсолнуха, и сохранится часть нынешнего прироста проса, посевы которого, впрочем, должны сравнительно сократиться против современных.

3) В группе интенсивных культур наибольшего развития должны достигнуть посевы картофеля, подсолнуха, кормовых трав, бахчей (на поливе). Лен, конопля, свекловица, хлопок смогут лишь приблизиться к довоенному уровню. Развитие огородных посевов, наблюдавшееся за последние годы, надо надеяться, сохранится и в дальнейшем.

4) В составе стада можно ожидать таких перемещений: общее количество лошадей, благодаря механизации земледелия, должно дать меньший прирост, чем другие виды скота и не дойдет до довоенного уровня, примерно, на 15 %; крупный рогатый скот, как и до войны, начнет, наоборот, более усиленно развиваться и, возможно, сравняется по размерам с довоенным количеством; овцеводство, как и коневодство, проявит более слабые тенденции развития. Выше всех видов скота ожидается подъем свиноводства, который уже начался и с расширением кормовых средств (картофеля, кукурузы) будет форсироваться экспортом продуктов свиноводства за-границу.

5) Таким образом, исходя из анализа всех указанных факторов, мы считаем возможным, что посевные площади к 1928 г. дойдут до довоенной цифры, а скотоводство не дорастает до уровня 1916 г. на 8,4%. Отсюда следует, что в этом пятилетии не будет установлено необходимое равновесие между земледелием и скотоводством, каковая задача должна быть разрешена, по крайней мере, во 2-ом пятилетии, ибо неразрешение ее будет грозить новым аграрным кризисом.

6) В общем итоге, рассматривая характер и темп эволюции отдельных отраслей сельского хозяйства по трем группам — зерновые культуры, интенсивные и технические растения и животноводство — мы убеждаемся, что в интересах народного хозяйства, подъема производительности народного труда и агрикультуры, мы должны форсировать вторую и, особенно, третью группы — именно интенсивные культуры и животноводство. К этому побуждает: а) надвигающееся аграрное перенаселение большинства районов России и необходимость рационально утилизировать крестьянский избыточный труд; б) необходимость поднять доходность крестьянского хозяйства; в) обеспечить нашу индустрию сельско-хозяйственным сырьем; г) необходимость развить экспорт более ценного сельско-хозяйственного сырья за-границу, д) факт убыли животноводства более резкой, чем зернового полеводства, в силу чего существовавшая и до войны дисгармония эволюции земледелия и скотоводства еще усилилась; е) перспективы более медленного прироста скотоводства сравнительно с земледелием в ближайшем пятилетии (второе, вероятно, к 1928 году, по крайней мере, сравняется с довоенным, первое — достигает лишь $\frac{9}{10}$ довоенного); ж) как видно из вышеизложенного, продукция животноводства

в наших экспортных сношениях с Англией стоит на первом месте, составляя более половины общей суммы экспорта сельско-хозяйственных продуктов.

7) Для поддержки дальнейшего развития зернового земледелия в России (а также и интенсивных культур), необходимо только поднять факторы эволюции полеводства и находящиеся в минимуме именно средства производства, в частности, рабочий скот, усовершенствованные орудия и улучшить семенной материал.

8) Для поднятия животноводства, кроме количественного расширения и качественного улучшения скота, требуется в наибольшей степени установка и оборудование предприятий по технической переработке животных продуктов, главным образом, пищевых, а в виду их способности быстро портиться—организация хранения (холодильное дело) и соответствующий транспорт.

Наконец, так как они имеют большое рыночное значение, как для экспорта, так и на внутреннем рынке,—необходима планомерная организация закупок и сбыта, т.-е. торговый кредит.

9) Точно также и для интенсификации земледелия прежде всего требуется развитие соответствующих отраслей сельско-хозяйственной индустрии и торговли продукцией сырьевых культур. Большое значение транспорт и индустрия приобретают также в лесном деле и мелиорации.

Г Л А В А III.

Типы и размеры концессионных предприятий, необходимых для развития сельского хозяйства в России в густонаселенных районах.

Сельско-хозяйственная эволюция в России в разных районах России проходит различные стадии и выливается в неодинаковых формах. В общем грубом масштабе, с этой стороны сельско-хозяйственную Россию можно разбить на две основные части: запад, северо-запад и центр, т.-е. районы—Белорусский, Приозерный, Московско-Промышленный, Земледельческий центр и Украина представляют из себя территорию, густо населенную, с относительным развитием городов, индустрии, рынка, в сельском хозяйстве которой, при наличности избыточного количества рабочих рук в деревне намечается определенная тенденция к интенсификации. В этих районах крупные сельско-хозяйственные предприятия на концессионных или иных началах должны иметь, главным образом, культурно-показательное значение (семенные, племенные хозяйства, питомники, рассадники, участки для демонстрации усовершенствованных машин и т. п.). Крупное народно-хозяйственное значение могут иметь не сколько чисто сельско-хозяйственные предприятия, сколько те, которые связаны с промышленной переработкой сельско-хозяйственного сырья, как-то: заведения по первичной обработке льна, свеклосахарные заводы, крахмально-паточные, беконные и вообще мясо-консервные, холодильники, шелко-мотальные фабрики, дренажи и т. п. При них могут находиться большие или меньшие участки земли, в качестве свекловичных или картофельных плантаций, участки для откорма скота и т. п. Плантации должны иметь только подсобное значение, ибо основная масса заводского сырья будет приобретаться непосредственно у крестьянского населения. Что же касается участков для откорма скота, то они отдаются на концессии только в том случае, когда их не может эксплуатировать местное население.

На окраинах-севера, юга и востока Европейской России, на Кавказе, в пределах Сибири и Туркестана, здесь на концессии может быть предложена и непосредственная эксплуатация земель и других природных богатств флоры и фауны. Здесь же концессионные предприятия в виде, например, железнодорожного строительства, ирригационных сооружений, могут сыграть большую роль в разрешении колониальной проблемы на современных началах.

Типы и формы концессий на окраинах мы проанализируем в следующей главе. Здесь же мы остановимся на тех, которые должны форсировать сельско-хозяйственную эволюцию преимущественно в густонаселенных районах Евр. России и лишь отчасти — на окраинах.

Так как нельзя рассчитывать, чтобы иностранный капитал в первые годы мог влиться в предоставленные ему предприятия в очень крупных размерах — необходимо установить их очередность, выдвинув в первую очередь в Европейской России — предприятия, с одной стороны, настоятельно необходимые для развития существенных отраслей сельского хозяйства СССР, а с другой — достаточно рентабельные, при чем предпочтительно такие, которые облуживают виды сырья, являющиеся объектом заграничного экспорта.

На первом месте следует поставить организацию предприятий по развитию животноводства, а именно:

- 1) Некоторые заводы и рассадники по свиноводству;
- 2) оборудование и эксплуатация маслоделен и сыроварен;
- 3) холодильные и консервные предприятия;
- 4) заведения по изготовлению гренж;

По земледелию первоочередными являются:

- 1) предприятия по первичной обработке и сбыту льна и конопли;
- 2) свекло-сахарные заводы и свекловичные плантации при них;
- 3) крахмально-паточные и винокуренные заводы;
- 4) предприятия по изготовлению минеральных удобрений и разработке залежей фосфоритов.

1) Производство бекона.

Районы беконного производства — те, в которых намечается в ближайшем будущем особенно интенсивное развитие промышленного свиноводства, а именно:

(по районам Госплана).

Р а й о н ы.	Количество свиней.			На 100 десятин сел. нас. свиней.		
	1916 г.	1923 г.	Ожид. в 1928 г.	1916 г.	1923 г.	1928 г.
Западный (Белоруссия).	3083	2353	2300	40	30	40
Украина (Лесостепь)....	2850	2029	—	22	13	—
Центр. Землед.....	1330	553	1500	12	5	13
Сев. Кавказ.....	1898	559	2000	25	9	25
Зап. Сибирь.....	2146	682	2150	36	13	40
Весь СССР....	19.486	9124	20.000	18	9	13

Качественное состояние отрасли свиноводства низкое и примитивное, носит большей частью щетинный характер.

Основной задачей в данном отношении является: улучшение мясо-сальной продукции свиньи и ее скороспелости.

Перспективным планом намечаются в области свиноводства следующие задачи:

а) снабжение племенным материалом для улучшения местной свиньи и

б) организация обработки продукции и сбыта.

При чем первая задача намечается к выполнению, главным образом, за счет внутренних ресурсов.

Организация же переработки продукции свиноводства, в виду требуемых для этой цели больших затрат, относится почти исключительно за счет концессионного капитала, используя последний в районе действия завода и для снабжения населения племенными боровыми на особых условиях в количестве, установленном в каждом отдельном случае.

Всего в свиноводственных районах предполагается поставить 40 заводов для переработки свинины на бекон, ветчину, лярд и колбасы; некоторые заводы уже существуют, поставленные большей частью англичанами; такие заводы имеются в Центрально-Земледельческом районе (Козлов, Никифоровка) вполне оборудованные и на концессии их передавать нецелесообразно.

В западной Сибири и Кургане был поставлен большой завод со всеми приспособлениями, но он полуразрушен и ремонт его требует довольно больших капиталов.

Отдельные заводы—в проекте, и оборудование их и эксплуатация могут представить объекты для концессий.

Может быть поставлено:

На Кубани (Кубанск. Областной Кавказ. Отдел).	6 заводов.
Зап. Сибири (Енисейск., Алтайск., Урал., Кург. р.).	12 „
В Землед. центре (Тамб., Воронеж. Козловск. у.).	4 „
На Украине (Полтав., Екатериносл., Подольск. у.).	9 „
В Белоруссии (Могил., Витебск., Смоленск.) . . .	6 „

Итого . . . . . 37 заводов.

Потребный капитал для организации каждого завода—478.500 руб. и оборотного—450.000 рублей.

Всего же на 37 заводов потребуется:

основного капитала	17.705 тыс. руб.,
оборотного	16.650 тыс. руб.,
что вместе составит	34.355 тыс. руб.,

не считая расходов на снабжение племенными боровыми окружающего населения.

Результатом этих затрат явится производство в год каждым заводом около 50 тыс. пуд. бекона и, кроме того, около 25 тыс. пуд. ветчины, лярда и прочих колбас.—Всего эти 37 заводов дадут около 2775 тыс. пуд. консервов свинины.

Обще-государственное и местно-хозяйственное значение концессий выразится в следующем виде:

а) Для пуда консервированной свинины требуется сырого материала $1\frac{1}{4}$ пуда, что стоит 6 рублей. Прибавляя сюда погашение и эксплуатацию основного капитала в размере около 30 коп. на пуд.

и расходы по переработке около 70 коп. — получается, что пуд консервов свинины стоит на месте около 7 рублей. Между тем, в Англии в настоящее время пуд консервированной свинины стоит 12 руб. Остается на пуд около 5 рублей, которые приблизительно могут быть распределены следующим образом: расходы по экспорту — 1 руб. с пуда, в пользу предпринимателя (предпринимательская прибыль и % на капитал)—2 руб. и около 2 руб. с пуда может поступить в пользу государства, что непосредственно даст ежегодно государству свыше 5¹/₂ миллионов рублей (путем взимания попудного обложения, помимо транспортных и экспортных доходов).

б) Означенное производство требует улучшения качества свиней и, таким образом, эти заводы, давая в результате валютный товар, будут в своем районе стимулировать и качественное, и количественное развитие промышленного свиноводства.

2) Молочно-масляная индустрия.

Маслоделие у нас почти целиком сосредоточивается сейчас в руках кооперации. К 1928 г. предполагается довести сеть масло-заводов, равных сейчас 6,5 тыс., до 10 тысяч.

Заводы эти распределяются по районам так: (на 1929 г.)

	1924—25 гг.	1928—29 гг.
Северный	2500	2800
Северо-западный	500	800
Центр.-Промышлен.	200	250
Зап. Сибирь	4060	4500
Урал	100	1250
Пред и Закавказье	85	300
Юго-Восток	—	100
В с е г о	8345	10.000

На оборудование и ремонт этих заводов потребуется 20.600 руб.: на оборудование холодильников — 5.000 рублей, оборотного капитала на экспортную торговлю — 20.000 руб. Эти средства в более или менее значительной части получались до войны и могут получаться в будущем от иностранного капитала в форме кредита. Непосредственно концессионированию здесь, повидимому, нет места.

Однако, иностранный капитал мог бы быть вложен непосредственно:

1) В крупные холодильные установки в узловых пунктах и центрах. Распыленность территориально маслодельных заводов затрудняет сбор с них масла в холодильные склады, которых в маслодельных районах недостаточное количество, а уцелевшие в небольшом количестве станционные и пристаньские маслохранилища крайне несовершенны и потому не производят достаточного охлаждения масла

до его погрузки в вагоны и на пароходы. Это влечет за собой порчу масла, или значительное понижение его ценности при дальнейшем транспорте.

В виду того, что отсутствие государственных средств лишает возможности в ближайшие годы создать необходимую сеть сборных холодильных складов для масла, желательно было бы привлечь для этого дела иностранный капитал.

2) Отсутствие в Сибири специальных холодильных судов (пароходов или буксирных баржей), на реках Оби и Иртыше, а также автомобилей с изолированными кузовами и ледяным охлаждением, вызывает наибольший ущерб в отношении понижения качества масла. Однако, организация, как водного, так и автомобильного холодильного транспорта, требует значительных средств, которые не могут быть предоставлены государством. В виду чего необходимо, в связи с созданием сети стационарных сборных холодильников для масла, организовать речные и автомобильные перевозки масла в Сибири с помощью привлечения для этого иностранного капитала.

3) Свекло-сахарная промышленность.

Концессии по сдаче земель для свеклосахарных заводов могут иметь место в пределах, главным образом, Центрально-Земледельческого района, Алтайского района Сибири, Северного-Кавказа и частично— в Центрально-Промышленном районе. Концессии эти могут быть следующего типа, а именно:

- 1) полуорганизованные имения,
- 2) имения с полуразрушенным хозяйством и сохранившимися заводами,
- 3) полуразрушенные имения со старыми пришедшими в ветхость заводами и
- 4) земельные фонды без как-либо признаков сельского хозяйства, на которых сызнова придется начинать все дело (Сибирь и Северный Кавказ).

Из конкретных хозяйств, могущих быть сданными в концессионном порядке, можно отметить находящиеся в Воронежской губ. Перелешинское, Краснянское имения, Эрмильский завод (разрушенный) и Садовский завод (ветхий), Н.-Покровский завод и Трубетчинский завод— в Тамбовской губ. и Сотницинский— в Рязанской губ. Все эти хозяйства в сумме располагают площадью в 59.200 дес. обрабатываемой земли, что при условии загрузки построенных и восстановленных там заводов с суточной переработкой в 1.700 берковцев обеспечивает, при условии 20% свекловичного клина и урожая 70 берковцев на десятину, 50% загрузки, а остальную свеклу должны будут дать крестьяне-плантаторы.

Таким образом, эти предприятия вовлекут в рационализацию до 40—50 тыс. десятин крестьянской земли.

Как результат этих мероприятий в круглых цифрах можно отметить продукцию в 2.500 тыс. пуд. сахару, 800 тыс. пуд. кормовой патоки, до 8 мил. пуд. кислого жому, до 1.800 тыс. зерн. продуктов и до 4 тыс. откормленных животных. Влияние на мелкое животноводство скажется вполне определенно в отношении свиноводства и птицеводства.

Общий расход капитала, необходимого для проведения указанных предприятий в хозяйственном порядке, определяется в сумме 7.850 тыс. рублей. Оборотных средств потребуется около 5.100 тыс. руб. Период

организации концессий не свыше 2—3 лет. Ввоз из-за границы оборудования и сельскохозяйственного инвентаря выразится в сумме на 2—2,5 мил. рублей.

Что касается Алтая и Северного Кавказа, то, исходя из целого ряда производственных обследований и опытов, нужно думать, что постройка на Алтае 5 заводов и Северном Кавказе — 3, с нагрузкой до 200 тыс. берковцев на каждый, имела бы практическое значение, что потребовало бы на Алтае и Северном Кавказе отвода участков на каждый завод, при урожае в 50 берковцев с десятины, до 20—25 тыс. десятин. Такие площади в натуре есть.

Всего на Алтае нужно было бы выделить 100 тыс. дес., на Северном Кавказе 75 тыс. дес. Расход концессионного капитала на эти предприятия выразился бы в 17.500 тыс. руб.—на организацию сельского хозяйства и 5—6 мил. на оборудование заводов. Возможны также расходы на устройство подездных путей. Продукция в общем итоге могла бы выразиться в 2.400 тыс. пуд. сахара, 800 тыс. пуд. патоки, до 3—4 миллионов пудов зерновой продукции и до 10 тысяч голов откормленного скота.

4) Крахмально-паточное дело и винокурение.

По перспективному плану на 1928 год ожидается 3.597 тыс. дес. картофеля с урожаем около 1.700 мил. пудов.

Предполагаемое их использование: для животноводства — 50%, продовольствия — 38% и технической переработки — 3%, или 50 мил. пудов. Последняя статья крайне важна для всего картофельного дела (специализация сортов и проч.). Расширение рынка сбыта при организации заводов может увеличить количество картофеля, идущего на техническую переработку на 50%, т.-е. до 75 мил. пудов. Эту цифру можно детализировать в такой форме:

1) На крахмало-переработку: патока, глюкоза, саго, декстрин — 40 мил. пудов сырья, с выходом около 6.400 тыс. пуд. крахмало-продуктов. (Желательно привлечение концессионного капитала на 50%). Довоенная продукция сырого крахмала 10.500 тыс. пудов. Вывозилось 500 тыс. пуд. сухого крахмала. В перспективе есть шансы — вывоз поднять до 1 мил. пудов к 1928 году и поднять емкость внутреннего рынка до довоенных размеров.

2) Винокурение при восстановлении довоенного экспорта может выработать 10 мил. ведер сырого спирта (продукция остальных 35 мил. пудов картофеля). Из этого количества за счет концессионного капитала желательна выработка 25%, т.-е. 2½ мил. ведер.

Концессионному капиталу представляется возможность организации 20 паточных заводов с производительностью в 20 тыс. пуд. и 25 винзаводов с указанной выше производительностью.

Винокуренный завод указанной производительности стоит около 80.000 руб., паточный 130.150 руб.

Все паточные заводы и их подсобные предприятия — терочные заводы, по 4 на каждый паточный, и винзаводы должны быть построены заново (цель — о х в а т и т ь н о в ы е р а й о н ы).

Намечаемые районы — южная часть Центр. Промышленного, Центр. Земледельческий и Западный. В первую очередь: южная часть Тамбовской губернии, Орловская, Тульская, Курская и Брянская.

Крахмально-паточный завод, перерабатывающий в год 960 тыс. пуд. картофеля, базируется на сырье окружающих хозяйств, помещаясь

в густо-населенных районах. В задачи завода входит снабжение населения сортовым семенным материалом и вообще форсирование сортового производства картофеля в районе. Для оборудования винокуренных заводов потребуется всего 2.000 тыс. рублей, крахмально-паточных— 2,6 мил. Доход государства от акциза 745 тыс. руб. ежегодно.

5) Льно-обделочные и пенько-обделочные заводы.

Большую часть этих заводов предполагается оборудовать силами и средствами кооперации: 80 льно-и пенько обделочных, 320 льно-дельческих пунктов и 5 чесален. Но для переработки экспортного льна этой сети не хватит, и необходимо дополнительное привлечение концессионеров для устройств приблизительно 70 заводов.

Заводы должны устраиваться в районах с наиболее развитым льноводством и коноплеводством, а именно:

льнообделочные в Северо-Западном районе.	12 зав.
” ” Западном.	32 ”
” ” Центрально-Промышленном	29 ”

Всего . . . . . 73 зав.

Пенькообделочные—в Центрально-Земледельческом 7 зав.

Средняя стоимость завода около 160 тыс. руб.

Производительность—100 тыс. пуд. соломы.

Продукция—14 тыс. пудов волокна.

При среднем урожае льняной соломы с 1 десятины в условиях нашего хозяйства до 150 пуд. и необходимости обеспечения заводов 25% сырья, для каждого завода необходимо будет предоставить около 1.600 дес. земли (считая 10-польный севооборот с 1 льняным клином, или 800 дес. при двух льняных клиньях). Всего на 70 заводов требуется площадь совхозов в 112 тыс. десятин земли.

На оборудование заводов требуется . . . . . 11.200 тыс. руб.

На организацию хозяйств (в совхозах) до 50 т. р.

на десятину, что составит . . . . . 5.600 ” ”

Всего же основного капитала потребуется . . . . . 16.800 тыс. руб.

Оборотного капитала потребуется 8.954.750 руб. Кроме того, на сельское хозяйство потребуется, считая на 112 тыс. дес. по 30 руб. в среднем на десятину, 3.360 тыс. руб., а всего понадобится оборотных средств 12.115 тыс. рублей (округлено).

Считая, что каждый пуд волокна дает до 2-х рублей чистой прибыли и каждая десятина—20 рублей чистой прибыли, общий чистый доход можно определить в 1.960 тыс. плюс 2.240 тыс., т.-е. 4.200 тыс. руб., из коего в пользу государства можно взять 50%, т.-е. 2.100 тыс. рублей.

При наличии этих заводов переработка $\frac{3}{4}$ льняной и конопляной соломы в округе, т.-е. 5.250 тыс. пуд., даст окружающим крестьянам при начислении 25 коп. чистого дохода на пуд—1.312 тыс. рублей прибыли. При чем и в этой части не исключается возможность частичного привлечения иностранного капитала в виде смешанных акционерных обществ.

6) Заводы для производства искусственных минеральных удобрений.

Запасы фосфоритов в России проф. Самойловым исчисляются:

I. С содержанием 12—18%	— 148.495	млн. пуд.	(не интересн. для разраб.).
II. „ „ 18—24%	— 46.000	„ „	(для фосф. муки).
III. „ „ 24%—	8.464	„ „	(для перераб. на суперф.).

С 1925 года может встретиться недостаток для фосфатотуковой промышленности русского фосфорита.

Желательным является привлечение концессионного капитала в размере 40—50% всего необходимого для оборудований Вятских рудников (Омутинский уезд, Вятской губ.), на что требуется основного капитала около 8 млн. рублей. Сдача в концессию рудников явится предметом концессионной комиссии ВСНХ.

7) Разведение искусственной грены.

Размер концессий и соответствующая потребность капитала. Общая потребность в грене всех шелководных районов равнялась для Кавказа—2 млн. золотников, Туркестана—1.800 тыс. золотников, Южно-Европейской России—20 тыс. золотников. Всего 3.820 тыс. золотников. Грена собственного производства удовлетворяет на 10%; следовательно, размер ввоза составляет 2.438 тыс. золотников. Считая среднюю цену по 50 коп., потребный капитал для ввоза грены—1.219 тыс. рублей.

Организация и оборудование 15 гренарно-шелководных заведений, считая по 25 тыс. (условная),—375 тыс. рублей.

Желательна организация смешанного Европейско-Русского Общества с капиталом в 1.500 тыс. руб., из коих 50% составит капитал российского правительства.

Таковы основные предприятия промышленного характера, необходимые для развития и интенсификации сельского хозяйства, по большей части в густонаселенной территории районов Европейской России. Мы коснулись здесь лишь тех отраслей индустрии, которые обслуживают интенсивное земледелие и животноводство, но которые не может обслуживать наша национализованная промышленность, и лишь постольку, поскольку у кооперации, по имеющимся в нашем распоряжении данным, для создания указанных предприятий не хватает средств и сил... Само собой разумеется, что оборудование таких предприятий государством и кооперацией было бы желательнее, но вряд ли можно надеяться, что в пятилетний срок, при намеченных в предыдущей главе перспективах развития сельского хозяйства, государственные и кооперативные органы найдут у себя потребный для оборудования указанных предприятий капитал. Между тем, если названные отрасли индустрии не будут созданы хотя бы в концессионном порядке, вряд ли можно рассчитывать на то, что наше сельское хозяйство пойдет таким темпом и, главное,—в том именно направлении в сторону интенсификации и развития животноводства, в каком это необходимо для планомерного устойчивого развития производительных сил страны и повышения народного дохода.

Г Л А В А IV.

Роль иностранного капитала в колонизации и развитии сельского хозяйства окраин.

На редко населенных окраинах, где природные богатства велики, мало использованы, и их эксплуатация может представить при известных условиях значительные выгоды, мы в праве ожидать, что иностранный капитал, как только уверится в прочности современного положения и получит достаточные гарантии, будет привлечен туда более или менее заманчивыми перспективами. И наши ожидания подтверждаются отчасти существующей практикой: почти все более или менее солидные предложения иностранцев по сельско-хозяйственным концессиям относятся к территории окраин — пока ближнего Юга (Новороссии) и Юго-Востока. Нет никаких оснований думать, что впоследствии они не перекинутся на более отдаленные окраины — в Сибирь, Киргизию и Туркестан, а также на Север Европейской России. Если же капитал не будет привлечен на окраины в более или менее значительных размерах, нельзя ожидать в них мало-мальски значительного развития производительных сил. Поскольку в западных и центральных районах России эволюция сельского хозяйства должна покоиться на принципе трудо-интенсивности, посылка здесь она должна строиться на начале капитало-интенсивном, иначе наше народное хозяйство никогда не получит от окраин тех выгод, на которые оно может рассчитывать по наличию их природных богатств.

До сих пор история нашего переселенческого движения показывает нам пример совершенно нерационального использования этих богатств. 5 миллионов крестьян, коренных землеробов, перешедших в Сибирь из переселенческих зон лесо-степей и северо-степей, влились широким потоком в такие же зоны Азиатской России, сломали существовавшее там туземное хозяйство, распахали лучшие пахотные участки и остановились перед маловодными степями юга и северной тайги. Из всей территории Сибири в 12½ мил. квадратных верст (с Дальним Востоком) они освоили, главным образом, только 1 мил. кв. верст лесо-степной и северо-степной зон, скопившись там в количестве 6,3 мил. душ и сосредоточивши $\frac{3}{4}$ всех посевов. И в этих пределах население расположилось чрезвычайно неравномерно: от 24 душ на кв. версту в Ново-Николаевском уезде, до 2,8 душ в Павлодарском. В результате, тогда как засеяно менее 10% удобной территории, мы наблюдаем уже признаки приближения аграрного кризиса: скотоводство потрясено до основания истреблением основного скотского капитала во время войны на мясо и с 1915 года начинает абсолютно сокращаться в непрерывно возрастающей прогрессии; внешний торговый баланс Сибири всегда был пассивным, а сначала войны дал резко растущий дефицит; даже ввоз из центральной России зачастую превышал по ценности вывоз. Лесные богатства не использовались совершенно, а рыбные очень мало. Словом, шло хищническое уничтожение легко поддающихся эксплуатации естественных благ природы без особой выгоды для народного хозяйства России в его целом. И в настоящее время Сибирь закрывается для переселения вследствие отсутствия подготовленного земельного фонда, скопления неустроенных переселенцев, отсутствия средств у них, неустройства старожилов и туземцев и т. д.

Отсюда очевидны результаты прежней переселенческой политики, основанной на привлечении сюда миллионов рабочих рук, без их снабжения и предварительной организации территории капиталом. Современное понятие о колонизации включает в себя не только переселение рабочих, но и капитала. Потому, наиболее существенное значение должны бы были иметь, как в заокеанских странах, концессионные предприятия по подготовке колонизационного фонда.

І. Железнодорожные и иные концессии по подготовке колонизационного фонда.

До сих пор подготовка колонизационного фонда находилась целиком в руках государства и производилась на его средства. Пока заселялись территории, подготовленные самой природой для колонизации, т. е. более или менее плодородные, сравнительно обводненные и не особенно удаленные от железнодорожных и водных путей, до тех пор затраты государства на колонизационный фонд были не особенно значительными, и государство могло их брать целиком на себя. Теперь, с одной стороны, большая часть удобных по природным качествам земель уже заселена, и дальнейшая колонизация требует все больших и больших затрат на предварительную подготовку участков для заселения; с другой стороны — ресурсы государства уменьшились, финансы его только начинают укрепляться, и в ближайшие, по крайней мере, годы государство не будет в состоянии уделить на организацию колонизационного фонда сколько-нибудь значительных средств.

Привлечение же этих средств со стороны, положим, в виде крупного иностранного капитала, возможно лишь в том случае, если затраты этого капитала будут приносить капиталисту определенный обеспеченный доход. Ясно, что только предоставлением ему известных доходных статей можно привлечь его на предприятия по организации колонизационного фонда.

Таковыми источниками дохода могут служить:

а) постройки железных дорог и других путей в колонизируемых районах, с предоставлением права эксплуатации этих путей и земель, лежащих в районах тяготения к ним;

б) задача подготовленных к колонизации участков за определенное вознаграждение;

в) оплата дорожных, осушительных и оросительных сооружений переселенцами.

Таким способом ведется колонизация американских пустынь по закону Кэри. По этому закону частные оросительные компании заключают с правительством колонизируемых штатов контракты, по которым они имеют право требовать с переселенцев известного вознаграждения за затраченный на подготовку переселенческих участков капитал. В 1860 годах американское правительство передало железнодорожной компании 160 мил. акров земли, по 6 акров за одну милю железной дороги; компания, устроив участки, сама привлекала на них переселенцев. Точно так же и в Канаде колонизация связана с железнодорожным строительством. Трудно сказать, удастся ли в ближайшие годы привлечь иностранных капиталистов-концессионеров на такого рода грандиозные предприятия в России. Несомненно, что постройка железнодорожной магистрали, имеющей колонизационное значение, как, например, в Сибири — Южно-Сибирская и Урало-Сибирская, и хотя бы меридиальные линии Семипалатинск — Верный, или Петропавловско-Спасский

завод, каждая длинной в тысячи верст, могли бы легче и скорее осуществиться при привлечении иностранного капитала. Однако, при настоящем тяжелом экономическом положении России, концессионер если и пойдет на соглашение, то предъявит такие высокие требования, на которые трудно будет согласиться. Для таких больших предприятий лучше дожидаться более благоприятной экономической конъюнктуры.

Подготовка колонизационных участков без проведения железных дорог—операция, по существу, мало доходная и сложная. Достаточно принять в соображение, при наших расстояниях, трудность перевозки переселенцев с их багажем. В первые годы, годы устройства на новых местах, переселенческое хозяйство должно быть освобождено от всех платежей, как это было при царском самодержавии. В последующие годы платежи концессионеру также не могут быть велики, ибо переселенцы, помимо концессионера, должны будут выплачивать налоги государству. И если в Америке правительство выдавало железнодорожным компаниям, бравшимся за колонизацию пустынных местностей, огромные субсидии, то тем более в России концессионер в таком деле без субсидии не обойдется. А на субсидию у государства в первые, по крайней мере, годы не отыщется средств. По этим причинам мы полагаем, что на ближайшие годы на развитие концессий по подготовке колонизационного фонда не приходится особенно рассчитывать. Но при первой возможности, вопрос о таких концессиях должен быть поставлен на первую очередь, ибо при устройстве правильной железнодорожной сети колонизация наших редко населенных окраин станет на верный путь и даст тот подъем производительности сельскохозяйственного труда, который необходим России, чтобы мы могли, так сильно отставши от Европы, догнать ее в ближайшие десятилетия.

II. Крупные скотоводческие и смешанные хозяйства на концессионных началах.

A. Смешанные земледельческо-скотоводческие хозяйства.

Крупно-капиталистическое хозяйство в Сибири имеет свою небезинтересную историю. Еще в 20-х годах XIX века делался ряд попыток насаждения здесь помещиков, путем раздачи имений офицерам и чиновникам. В 1901 году была сделана последняя попытка при министре внутренних дел Сипягине продажи крупных имений частным лицам. В результате 80-ти летних опытов частное землевладение в Сибири достигло 1,2 мил. десятин, в том числе 590 тыс. так называемых офицерских участков, отведенных казачьим офицерам и чиновникам из земель войскового запаса. В XX веке, после проведения железной дороги в Сибири, наряду с переселенцами появились крупные буржуазные предприниматели—кубанские, ставропольские, таврические и донские скотоводы, которых гнало из Европейской России сгущение населения, рост земельных цен и передача земельного фонда казачьих войск в пользование малоземельных казаков. Кроме них, сюда перекочевали немцы-колонисты, давно уже упорно и систематически двигавшиеся с запада на восток. Они скупали землю у прежних владельцев-бюрократов и, благодаря этому, на протяжении нескольких лет цены на землю выросли в 5—6 раз.

Общая сумма сделок у нотариусов Степного края поднялась с 4,9 мил. руб. в 1901 г. до 27 мил. руб. в 1909 г. К 1910 году большая часть имений, доступных продаже, уже переменяла своих прежних владельцев-чиновников на новых более или менее значительно

поднявших хозяйственный уровень этих поместий. Но при этом под'еме прежняя цель, которую преследовали новые хозяева—исключительное развитие скотоводческого хозяйства—начинало сменяться другими—расширение наряду с ним экстенсивного полеводства. Данные, приведенные в книге „Земля для культурного коневодства и скотоводства в Азиатской России“, касаются преимущественно скотоводческих хозяйств. Описанные здесь 45 хозяйств имели в общем площадь в 284.000 дес., из которой распределение угодий известно нам лишь на 169,4 тыс. дес. На этой последней площади оказалось:

Пашни (посева)	28,3 тыс. дес.
Оенокоса	65,8 „ „
Выгонов	49,7 „ „
Лесов	19,2 „ „
Неудобных	5,8 „ „

Как видно из приведенных данных, в описанных имениях преобладали кормовые угодья. Но часть неизвестной площади, в 115 тыс. дес., сдавалась в аренду окрестным крестьянам, которые вели на ней, главным образом, земледельческое хозяйство. Все 45 имений завели довольно большое количество породистого скота, а именно:

Лошадей породистых	1,8 тыс. голов.
„ местных	2,2 „ „
Крупного рогатого скота (пород.)	2,3 „ „
„ местного „	3,2 „ „
Овец породистых	57,2 „ „
„ местных	17,7 „ „

Как видно из этих цифр, главным видом скота, разводимого культурными скотоводами, являлись овцы, которых было заведено до 75 тыс. голов, из них породистых 57 тыс. голов. В 1918 г. правительство отвело для сдачи в аренду коневодам и скотоводам 839,5 тысяч десятин, остались несданными—587,8 тыс. дес.; 63,4 % площади этих участков лежит в степных областях западной Сибири, а остальная часть в Семиречьи. Они удобны не только для скотоводства, но и для хлебопашества, расположены недалеко от пристаней и торговых пунктов—словом, могли бы представить из себя фонд, вполне пригодный не только для овцеводов, но и для переселенцев.

В настоящее время часть прежних частновладельческих хозяйств обращена в совхозы. Часть попала в коллективные хозяйства. К 1921 г. в Сибири оказалось 81 совхоз с площадью в 451,5 тыс. дес., из которых в 1920 г. было засеяно 362 тыс. дес., и в 1921 году предполагалось к посеву 85 т. дес.. Совхозы хорошо оборудованы инвентарем и скотом. На один совхоз при 52-х рабочих и 440 дес. посева приходится:

Плугов и буккеров	158 шт.
Косилок	4 „
Жаток	6 „
Лошадей	36 „
Рогатого скота	56 „

Число колхозов 588. Общая площадь их неизвестна, но в 1920 г. засеивалось 38,4 тыс. дес., предполагалось к посеву в 1921 г. 59,5 тыс. дес. Все население колхозов достигло 25.000 душ, на одну лошадь приходилось 5—6 дес. посева.

В общем, очевидно, что совхозы и колхозы стали преимущественно земледельческими хозяйствами; подобно тому, как и совхозы

Европейской России, они в значительной степени насыщены не рабочей силой, но едоками, что приближает их к крестьянским хозяйствам потребительского типа. Между тем, нам необходимы обладающие большим капиталом, но сравнительно слабо населенные крупные товарные хозяйства, поставленные на пустынных, мало пригодных для непосредственной колонизации площадях и способные выбросить на рынок сразу большое количество сельско-хозяйственных продуктов.

Поэтому, наконец, на ряду с совхозами здесь допустима организация крупных частновладельческих зерновых и скотоводческих рыночных хозяйств, построенных на чисто коммерческих началах. В настоящее время большинство предложений иностранцев относятся к зерновым хозяйствам, которые проектируются преимущественно на Европейском Юге—в Новороссии и на Северном Кавказе, т.е. в районах, поставлявших большую часть своих хлебных избытков для иностранного экспорта. Некоторые попытки касаются и Заволжья. На Юге и Юго-Востоке свободный земельный фонд исчисляется:

В Средне-Волжском районе	164,3 тыс. дес.
В Нижне-Волжском "	2558,6 " "
В Предкавказье	1370,4 " "
В Сибири (Тюменск. и Енисейск. губ.)	1236,1 " "

Однако, во-первых, большая часть этого фонда, наиболее пригодная для немедленной колонизации, должна быть забронирована для переселенцев из центральных районов, которых предполагается направить с 1922 г. на Юго-Восток; во-вторых—другая, большая, часть этого фонда для своей эксплуатации требует производства хотя несложных дорожных мелиоративных сооружений (обводнительных). Расходы по дорожным и обводнительным сооружениям в зерновых хозяйствах (колодцы, котаны для скота), как показывает существовавшая практика, обходятся не более 15—20 руб. на десятину. По более солидным оросительным сооружениям (так называемое лиманное орошение) от 22 до 40 рублей на десятину. Лиманное и прочее орошение нельзя будет вменить в обязанность концессионерам, но обводнительные и дорожные сооружения будут на большинстве участков необходимы для них самих, ибо без них нельзя будет организовать хозяйственной эксплуатации. Вот почему мы полагаем, что чисто зерновые хозяйства на концессионных началах на Юго-Востоке вряд ли получат широкое распространение. Вообще, при выявившейся за последние два года тенденции крестьян Юго-Востока к расширению зерновой продукции рыночных культур (особенно пшеницы и ячменя) дальнейшее предоставление концессионерам крупных участков для организации смешанных земледельческо-скотоводческих хозяйств, с уклоном в сторону зерновой продукции, вряд ли представляется нужным с точки зрения интересов народного хозяйства России.

Б. Скотоводческие хозяйства.

На гораздо большую территорию могли бы распространиться в будущем хозяйства скотоводческого типа, если только иностранные капиталисты будут гарантированы в прочности их доходов. Для таких хозяйств могут быть предоставлены на выбор обширные участки в 3-х естественно-исторических зонах, непригодных или мало пригодных для земледелия. Это—во-первых—зона засушливых южных степей, которая тянется в пределах нынешнего Киркрая и Туркестана от Калмыцкой области и Букеевской орды на восток до предгорий Алтая и подножия Тянь-Шаня. К ним же можно причислить степи

Минусинские, Абаканские, Забайкальские и огромные частью заболоченные равнины Приамурья и Уссурийского края. Колоссальное пространство этих степей и равнин в несколько сот миллионов десятин до сих пор очень мало использовано туземным населением. Вблизи судоходных рек, не далеко от настоящих и будущих железнодорожных путей, в них можно отвести десятки миллионов десятин, вполне пригодных для тонкорунного овцеводства и коневодства, а также для разведения мясного крупно-рогатого скота. Во-вторых—луговые поймы и лесные поляны в таежно-болотистой зоне, охватывающей весь Север Европейской России и Западной Сибири, по Северной Двине, Печоре, Оби и их притокам, в-третьих—горные луговые пространства преимущественно на Алтае, отчасти в Крыму, на Урале и в Закавказьи. Наиболее удобные для эксплуатации, чрезвычайно богатые по своему травяному покрову, алтайские луга представляют массив в 3—4 мил. десятин очень мало использованный туземным киргизским и алтайским населением. Таежно-болотистые и горные луговые зоны наиболее пригодны по своим условиям для молочного скотоводства.

Сверх того и в зоне северных черноземных и каштановых степей, чем далее к востоку, тем больше встречается солонцеватых и песчаных площадей, на которых земледельцы при всяких условиях явятся мало продуктивным занятием, но которые давали бы возможность вполне рентабельного скотоводческого хозяйства.

Представляя себе, с одной стороны, колоссальность территории перечисленных естественно-исторических зон и обилие в них естественных кормовых площадей, не использованных и в десятой доле, с другой—незначительное сравнительно количество затрат, требующих для оборудования в них экстенсивного, преимущественно, лугового скотоводческого хозяйства, мы утверждаем, что в более или менее недалеком будущем скотоводческая продукция в сельском хозяйстве окраин России должна превзойти земледельческую. И главные типы скотоводческих хозяйств, как пришлых, так и туземных, будут по размерам подобны американским с сотнями и тысячами голов скота. Но в ближайшее время на более или менее значительный прилив иностранных капиталов или хотя бы фермеров из северной Европы (Дании, Литвы, Эстонии или Америки), вряд ли можно рассчитывать, пока не появятся в этих пустынных областях более удобные пути сообщения и не укрепится прочный правопорядок. Тем не менее, попытки отдельных пионеров, уже бывшие до революции, необходимо всячески приветствовать и привлекать, ибо даже в небольшом количестве они могут оказать культурное воздействие на туземное скотоводство.

В настоящее время необходимо еще более придерживаться общего принципа—предоставления под овцеводные и коневодные хозяйства лишь непригодных или малопригодных для земледелия земель (песчаных, солончаковых и пр.), ибо аграрное переселение в центральных районах начинает ощущаться снова, и удобные для земледелия земельные запасы окраины должны быть целиком зачислены в колонизационный фонд.

Из всех видов крупных специальных скотоводческих хозяйств в пределах вышеупомянутых территорий сейчас на первое место выдвигаются:

- а) овцеводные хозяйства,
- б) коневодные хозяйства и
- в) мясное скотоводство.

В. Овцеводные хозяйства.

Растущая распашка земель и под'ем земельной ренты вытеснили овцеводство (экстенсивные формы) из Европейской России и Северного Кавказа в Западную Сибирь и Туркестан.

Но и здесь овцеводство, в виду обилия неустроенных переселенцев и роста цен на землю, принуждено было уступать лучшие места более интенсивным формам хозяйства.

Учитывая эту тенденцию, необходимо признать целесообразным выделение для овцеводства земель, непригодных для земледелия (буруны, солончаки, барханы), недостаточно обводненных и удаленных от путей сообщения.

Настоящее состояние и перспективный план отрасли.

Сопоставляя настоящее наличие овец с наличием 1916 г., следует отметить, что тонкорунные овцы сохранились в размере около 5% (до 200 тыс. штук) и грубошерстные до 56% (около 26 миллионов).

Шерстеобрабатывающая промышленность России крайне нуждается в тонкой шерсти—так, при современной депрессии означенной промышленности на 50%, импортируется до 250 тыс. пудов мытой тонкой шерсти (продукция 2½ мил. овец).

При полной нагрузке шерстеобрабатывающая промышленность требует свыше 500 тыс. пудов мытой тонкой шерсти (продукция 3 мил. тонкорунных овец).

Грубой шерсти необходимо до 5 миллионов пудов (продукция 55 миллионов овец).

Таким образом, перспективным планом намечается развитие мериносского овцеводства до 3 мил. голов в течение ближайших 10—12 лет и грубошерстного овцеводства до 56 мил. в течение ближайших 5-ти лет.

Направление мериносского овцеводства — мясошерстное, типа „Рамбуле“.

Концессионным капиталом намечается организация овцеводных хозяйств на территории 645 тыс. десятин с общим количеством тонкорунных овец—455 тыс. штук.

Районы овцеводных концессионных предприятий:

Нижне-Волжский.	{	Астраханская губ.	50 тыс. десятин.
		Царицинская „	200 „ „
		Калмобласть	160 „ „
		Итого . . .	410 тыс. десятин.
Сибирь.	{	Алтайская губ.	50 тыс. десятин.
		Енисейская „	50 „ „
		Итого . . .	100 тыс. десятин.
Северный Кавказ.	{	Донская губ.	50 тыс. десятин.
		Ставропольская губ.	50 „ „
		Куб.-Черноморская область	10 „ „
		Терская „	25 „ „
		Итого . . .	135 тыс. десятин.

Намечаемая площадь в 645 тыс. десятин распределяется следующим образом—75% площади, непригодной для земледелия, и 25%, пригодных для земледелия (подеобные хозяйства).

На этой площади возможна организация 90 овцеводных хозяйств, для чего потребуется 8.100 рублей основного капитала и 2.700 рублей оборотного, а всего 10.800 рублей. Валовый доход на 1 хозяйство 50 тыс. рублей.

Г. Коневодные хозяйства.

Коневодство в России за последние годы сильно пострадало. Установив, что продуктивно может работать только хорошая лошадь и что лишь последняя окупает издержки по воспитанию, можно привести несколько характерных цифр:

1. До войны из покрывавшихся ежегодно около 4 мил. кобыл жеребцами госконюшен в самые лучшие годы покрывалось не более 200 тыс. штук.

2. До 1917 года в государственных и частных конзаводах насчитывалось с молодым конем свыше 700 тыс. голов; в настоящее время в заводах отдела конозаводства НКЗ, губзку, обзку, трестов и т. д.— всего 8500 голов.

Состав государственных заводских конюшен уменьшился с 7500 до 1400 голов. Верховое коневодство также значительно сократилось.

Восстановление коневодства потребует больших затрат и, считаясь с этим последним моментом, необходимо признать желательным привлечение концессионного капитала для восстановления верхового коневодства.

Районы коневодных хозяйств за счет концессионного капитала:

Донская губ. (Сальский округ)	250 тыс. дес.
Кубанская, Уральская (Сломихинская)	50 " "
Киргизия (Кустанайский уезд, Кокчетаевский, Атбассарск)	150 " "
Омская (Исекуль по Иртышу вверх и вниз).	100 " "
Калмыцкая область (Астраханск. Злита).	200 " "

В с е г о . . . . . 750 тыс. дес.

За единицу коневодного хозяйства принимается участок 2400 десятин. Таким образом, под концессии намечается около 310 таких участков. Цель означенных концессий—разведение верховых лошадей. При чем, концессионеру должны предъявляться следующие требования:

1. На каждом участке концессионер должен в Донской и Кубанской областях содержать по 60 маток и 4 племенных производителя, а в остальных районах по 30 маток и 2 производителя.

2. Кроме того, на каждый участок желательно наличие 300 голов рогатого скота и 600 овец, но не более.

3. Из 2400 десятин земли должно распахиваться 800 десятин, с ведением травяного клина, 800 десятин под залежь и остальные 800 десятин—заповедные земли.

Таким образом, на устроенной концессионным капиталом площади должно сосредоточиться:

Маток	13.360.
Племенных производителей	854.
Рогатого скота	93.000.
Овец	186.000.

Потребный капитал на каждый участок—основного 150 тыс. рублей и оборотного—40 тыс., что составит на все участки - основного капитала 46,5 мил. рублей, оборотного — 12,4 мил., а всего около 59 мил. рублей.

Результатом применения означенного капитала явится: ежегодный приплод в виде 6.250 лошадей, 4.6500 штук крупно-рогатого скота и 186 тыс. мелкого скота и около 2.300 пудов зерновых продуктов, считая урожай с $\frac{3}{4}$ обрабатываемой площади в среднем по 50 пудов с десятины.

Обще-государственное и местно-хозяйственное значение коневодных концессий сводится к следующему:

а) за покрытием всех расходов, % на капитал предпринимательской прибыли и погашения затраченного концессионером капитала на приобретение при организации плодовых маток и производителей, каждый участок при правильной постановке даст в среднем (считая и худшие и лучшие участки) ежегодно в пользу государства около 8 тыс. рублей; в общем 310 участков дадут в виде арендной платы около $2\frac{1}{2}$ мил. рублей.

Кроме того, по окончании срока концессий весь конский состав поступит бесплатно государству.

б) Лошади в 4-х летнем возрасте в количестве до 30 и 15 штук с участка, ежегодно пополнят конский запас военного ведомства и вообще государства по средним военно-ремонтным ценам.

в) Обводнение участков, облесение, содержание в порядке дорог и т. д.

г) В означенных хозяйствах могут найти себе место свыше 15 тыс. годовых рабочих и 45 тыс. сезонных рабочих в страдную пору.

д) Местно-хозяйственное значение—использование производителей коневодных хозяйств до 50% для покрытия крестьянских кобыл и, вообще, снабжение местного населения племенными производителями лошадей и скота, продуктивным и рабочим скотом.

Д. Мясное скотоводство.

Преобладающее значение—мясная продукция; имеет место у нас в районах экстенсивного скотоводства.

Независимо от этого, производство мяса для внегубернского товарооборота и даже для экспорта возможно и в районах более интенсивного скотоводства, как, например, в районах средней полосы России.

Концессионный капитал может быть привлечен по преимуществу в районы лишь экстенсивного скотоводства, где целесообразно использовать его в следующих видах:

1) в целях эксплуатации пустующих или малоиспользованных пространств, овладение коими не представляется возможным в ближайшее время своими силами;

2) в целях организации рационального хозяйства в районах, где и попыток к созданию таковых хозяйств не было, между тем общие условия являются очень сходными с условиями соответствующих районов Северо-Американских Соединенных Штатов;

3) в целях использования этих хозяйств, в качестве показательных в организационном и техническом отношении и снабжение населения племенным материалом, соответствующим местным условиям, но в условиях крупного рационального хозяйства.

4) переживаемый в настоящее время мясной голод представляет из себя явление временного характера.

Поэтому представляется совершенно необходимым, даже в настоящий момент, в той или иной форме вести подготовительную работу по организации экспорта нашего мяса за-границу.

С этой целью необходимо разрешить в первую очередь вопрос о получении мяса соответствующего требованиям заграничного рынка, имея в виду, что пережитый нами в прошлом году мясной кризис обуславливался именно невозможностью экспортирования нашего мяса, вследствие низкого качества его. Концессионные хозяйства в этом отношении должны быть использованы в качестве производящих экспортный продукт.

Организационная структура таких хозяйств, принимая во внимание вышеизложенное, мыслится в следующем виде:

Считая нормальный размер крупного капиталистического хозяйства в среднем 15 тыс. дес., предварительные расчеты можно вести исходя из этого размера земельной площади. В среднем, при возделывании кормовых засухоустойчивых растений, как кукуруза, люцерна и др., можно считать, что на 1 голову скота будет достаточно 2-х десятин земли, или всего на хозяйство до 7.500 голов скота.

Земельная площадь используется таким образом, что не менее $\frac{1}{3}$ должны быть под культурами, из которых преобладающими должны быть кормовые растения, примерно, в таком составе: кукуруза (на корм и на зерно), сорго, могар, суданская трава и люцерна. Возделывание зерновых хлебов допускается в размерах потребности хозяйства.

Остальные $\frac{3}{4}$ площади служат в качестве пастбищ. Скот в летний период содержится на пастбищах и в зимний период на заготовленных кормах, при чем проектируется откорм предварительно „нагуленного“ скота на силосе.

Породный состав скота предоставляется установить концессионеру по предварительному соглашению с НКЗ.

Покупка скота местных пород и отродий допустима, но в количестве необходимом для образования основного стада, без права последующих покупок, за исключением случаев стихийного бедствия, эпидемий и т. п.

Ввоз скота мясных пород, соответствующих условиям района и годных для метизации местного скота, желателен.

На отводимой концессионеру территории, 15 тыс. дес., представляется возможность организации отдельных ферм (фольварков), площадью до 1 тыс. дес. каждая, расчет же ведется на 15 тыс.

Валовая продукция такого хозяйства составит до 75 тыс. пудов мяса в год, на общую сумму 375 тыс. рублей. Потребный капитал для этого выражается в следующих размерах:

- 1) На покупку первоначально 2 тыс. голов скота. . . . . 200 т. р.
- 2) Постройки и мертвый инвентарь по 20 р. на
десятину . . . . . 300 т. р.

С доведением стада до нормального размера количество капитала в хозяйстве составит сумму свыше 1 мил. рублей.

Оборотный капитал.

- 1) Обработка 5 тыс. дес. по 30 руб. . . . . 150 тыс. руб.
- 2) Уход за скотом из расчета 110 человек годовых . . . 22 тыс. руб.

Таким образом, считая в расходе весь оборотный капитал и 10% в качестве прибыли на основной и оборотный капиталы, получим: 150 тыс. + 22 тыс. + 10% (из суммы 1172 тыс. руб.) = 289 тысяч рублей.

Чистый доход выразится в сумме 375 тыс. — 289 тыс. = 86 тыс. руб., из них 50%, т. е. 43 тыс., в счет предпринимательской прибыли и 43 тыс., или 10% валовой продукции, в пользу государства в виде арендной платы.

Местно-хозяйственное значение концессий может выразиться в снабжении Землеуправлений избыточным молодняком, улучшающим породы и в показательности самих хозяйств для местного населения.

Хозяйство должно быть оборудовано в течение 5 лет, при сроке концессии от 20 до 24 лет.

Импорт допустим для скота и предметов оборудования хозяйств. Экспорт также допустим, но при условии преимущественного права приобретения продукции хозяйств государством.

Районы для таких концессий следующие: Донская область, Ставропольская губ., Калмыцкая область и Киргизия.

Число таких хозяйств может быть установлено в зависимости от числа заявок и размеров свободного соответствующего земфонда.

В виду отсутствия удовлетворительных путей сообщения в районах намеченных концессий мясного скотоводства, представляется целесообразным получить продукты в консервированном виде. С этой целью концессионерам представляется возможность устройства консервных заводов для переработки своей продукции, но на условиях особо разработанных и согласованных с условиями концессий вообще.

Рыболовные и охотничьи концессии. Следующий вид сельско-хозяйственных концессий, возможный на окраинах, охотничьи и рыболовные концессии, могут иметь не меньшее, если, даже, не большее значение в ближайшие годы, когда количество скота в России упало более чем на 30%, и недостаток в мясе должен быть покрыт усиленной добычей рыбы. Если уловы рыбы в Европейской России, в частности в бассейне Каспийского и Белого моря, представлялось бы целесообразным сдавать на концессии, в виду их высокой доходности, — здесь концессионерам можно было бы предоставить лишь право обработки продуктов, — то в бассейне Ледовитого океана, на Камчатке и в Охотском море, где туземное рыболовное население крайне редко и в эпоху гражданской войны подвергалось сильному вымиранию, где и ранее вылавливалась лишь сравнительно незначительная часть того количества, которое могло бы быть добыто без оскудения природных рыболовных богатств, — там вполне возможно передавать концессионеру право не только устраивать промышленные и консервные предприятия, но и организовать в некоторых случаях самостоятельное рыболовство.

Самым крупным по рыболовству бассейном после Каспийского является Дальневосточный, разделяющийся на два главных района: район Охотско-Камчатского побережья и Амурского лимана; первый с 1907 г., согласно рыбной конвенции, был предоставлен русским и японским ловцам, второй — оставался целиком до гражданской войны в русских руках. К 1918 г. 84% промыслов Тихоокеанского побережья очутились в руках у японцев и только 16% у русских. К сожалению, за последние годы, в то время как охотные промысла начинают давать все большие и большие уловы, в бассейне Амура эти уловы систематически падают.

Улов рыбы в тыс. пудов:

	В Амурском районе.	Охотско-Камчатском.
В 1910 г.	4.300	2.300
„ 1911 г.	3.800	4.500
„ 1912 г.	3.000	3.050
„ 1913 г.	3.100	4.500
„ 1914 г.	2.150	5.400
„ 1917 г.	2.000	6.800

На Амуре, в реках Охотско-Камчатского побережья, ловится преимущественно одна из ценных лососевых пород—кета, входящая весной для нереста огромными стадами с моря в пресные воды. Поворот рыбы с Амура в Охотско-Камчатские реки представляет печальное явление не только потому, что он означает переход ее из русских в японские руки, но еще и потому, что русская обработка кеты стояла значительно выше японской. Амурские рыбопромышленники, особенно крупные, сумели выработать продукт довольно высокого качества, который шел в количестве до миллиона пудов в год в центр России. Японцы приготавливали, с нашей точки зрения, совершенно негодный рыбный товар, (стоповой способ), который целиком отправлялся в Японию, куда за 1907—1916 г. было вывезено 43 миллиона пудов кетовой рыбы. Передача права на рыболовство в Тихоокеанском побережье, если бы таковая оказалась политически возможной, значительно повысила бы качество обработки. Что касается Амурского лимана, то здесь, представляя концессионерам право улова на ряду с устройством рыбных промыслов, следовало бы обязать их к развитию в большем масштабе рыболовных заведений, ибо рыбы, выросшие из мальков, в данной реке, имеют привычку возвращаться для нереста в родные воды, так что при помощи рыболовства, быть может, удалось бы поднять производительность Амурского района. До весны на Амуре существовали 3 казенных рыболовных завода.

Значительно ниже, чем в Тихоокеанском бассейне, улов рыбы в низовьях Оби, Енисея и на Лене, т.-е. в бассейнах Ледовитого океана. Обский район давал до полутора миллионов пудов рыбы, из которых вывозилось максимум 700—800 тыс. пудов (обычно до полумиллиона пудов) Енисей—до 400 тыс. пудов с вывозом до 175 пуд., Ленско-Колымский—до 250—350 тыс. пудов, из которых шло на вывоз всего 125 тыс. пудов. Обработывалась рыба очень скверно, так называемым стоповым способом и сбывалась в ближайших районах Сибири и на Урале, не доходя до центров России, между тем породы рыб весьма высокого качества,—лососевая и красная,—которые могли бы дать прекрасный материал для консервирования и копчения. По отзывам специалистов величина улова бассейна Ледовитого океана легко может быть повышена до 5—6 миллионов пудов. Если принять во внимание, что вывоз мяса из Сибири доходил максимум до 6-ти миллионов пудов, а до войны не превышал 3-х миллионов пудов, станет ясным, что развитие рыболовства в бассейнах Ледовитого океана могло бы иметь большее значение.

Можно надеяться, что усиление торговых сношений Сибири с Европой, через Северный морской путь, привлечет на безлюдное побережье Ледовитого океана европейских концессионеров, способных поставить на культурных началах переработку ценных рыбных богатств этого бассейна.

Внутренние рыболовные районы Азиатской России—Аральский (до 1,5 мил. пуд.), Барыбинско-Чановский (400 тыс. пуд.), Зайсанский

(100 тыс.), Балхинский, Байкальский и другие не особенно богаты, и, главное, рыба здесь не столь высокого качества, как в приморских бассейнах, однако рациональная постановка рыбопромышленного дела могла бы выиграть, если бы оно было организовано на концессионных началах. Что касается рыболовства, то оно в руках местного населения, объединенного в неводные артели.

Охотничий промысел в Сибири, которая до войны была по добыче первой страной в мире, падает систематически с начала XX века. За последние пять лет перед войной средний ежегодный вывоз сибирской пушнины достигал: соболя—10 тыс. шт., белки—11 тыс. шт., песца—25 тыс. штук, горностая—200 тыс. шт., зайчины—1.500.000 шт., лисицы—20 тыс. шт., колонка—200 тыс. шт., хорька—200 тыс. шт., куницы—15 тыс. шт., неплюя—13 тыс. шт. Во время войны это падение усилилось и вывоз пушнины по железной дороге из 4-х губерний Сибири (Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской) упал за период 1913—16 г.г. до 1500 шт. Причины этого падения, помимо вызванного войной недостатка в ружьях и огнестрельных припасах, лежали в хищнических способах охоты, которые приводили к истреблению молодняка. Местный охотник инородец, закабаленный русскими торговцами-кулаками, чтобы вылезти из долгов, стремился набить как можно больше зверя и бил, не разбирая, взрослые экземпляры, беременных самок и звериный молодняк. Недостаток огнестрельных припасов за последние годы заставил прибегать к всевозможным калканам, ловушкам, западням и волчьим ямам, более губительно отзывавшимся на целости звериных стад. Никакими законами хищнических способов охоты приостановить нельзя, ибо контроль на безграничных пространствах тайги и тундры — пустой звук. Возможно и результативно здесь лишь экономическое воздействие, выражающееся в рациональной постановке пушной торговли. Торговля пушшиной, основанная на так называемой „заборной“ системе, согласно которой охотник забирает в долг нужные ему товары, хлеб и охотничьи припасы и затем расплачивается звериными шкурами, привела к тому, что торговцы наживали 600—800%, барыша, превратив инородцев в неоплатных должников, систематически спивавшихся и вымирающих в конце концов. Добытая и попавшая в руки местных торговцев пушнина проходила через огромную цепь посредников на Ирбитскую ярмарку и Нижегородскую ярмарку, откуда поступала за-границу. Но как и рыбные богатства, пушные промысла не приносили русскому народу, в общем, никаких доходов. В Сибири, за последние годы, в торговле пушшиной стала приобретать большое значение кооперация. Наиболее крупными операциями в этом отношении отличался Енисейский Союз, поставивший более 20 факторий, часть из которых находится за пределами полярного круга. Нам представляется, что в пушном деле объектом концессии может стать не самая добыча пушного сырья, а, во-первых, торговля пушшиной, во-вторых, ее переработка внутри России. Пассивность нашего внешнего торгового баланса пушшиной объяснялась тем, что торговцы сбывали туда не стандартизованный сырой продукт, а привозили из за-границы к нам выделанные из наших шкурок меха.

Поэтому целесообразнее всего передача концессионерам права постановки торговых факторий на Севере, с обязательством перерабатывать в меховых заведениях внутри России сырье, представляя более или менее значительный процент в пользу государства. То же самое следует сделать и по рыболовным концессиям.

Концессии по сбору и переработке лекарственных трав, технических растений и ягод.

В 1920 г. в Сибири Центросоюз организовал сбор лекарственных трав и технических растений, растущих в диком виде. Благодаря, главным образом, политическим событиям, а также бюрократической постановке дела, сбор этот не оправдал возложенных надежд. Но, несомненно, при правильной коммерческой постановке дела он может развиться до миллионных размеров. Из этих трав и растений следует отметить: 1) солодковый корень, вывезенный в 1916 г. из Азиатской России в Америку на сумму более 1,5 мил. рубл., 2) бадан, корни которого дают ценный дубильный экстракт, а листья доставляют суррогатный чай, 3) дикая конопля, пригодная больше для выработки масла, чем на волокно, 4) тысячелистник и другие травы, могущие быть собранными в количестве десятков тысяч пудов. Сбор кедровых орехов достигает 100 тыс. пуд., но он может также значительно расширяться, так как кедровники во многих районах с промышленной целью совершенно не используются. Дико растущая клубника, земляника, малина, смородина, брусника, клюква и другие ягоды тоже могут служить объектом концессионных предприятий. Все эти предприятия должны иметь целью не только организацию сбора через местное население, но еще более — переработку, сушку и приготовление варений и пр. из ягод, лекарственных трав, масла из конопли и кедровых орехов, дубильной кислоты из бадана, корней елей и лиственниц, лакрицы из солодкового корня и т. д.

Концессии и ирригационные сооружения в связи с монокультурой хлопка.

Прежде чем создать новые хлопковые плантации, было бы целесообразно подумать о восстановлении старых. До войны, как известно, наша мануфактурная промышленность требовала 24 мил. пудов хлопка, из которых 12 миллионов доставлялось Туркестаном и Закавказьем, а 12 миллионов получалось из Америки. Во время войны собственное производство хлопка поднялось до 18 мил. пудов. И тогда еще были специалисты, доказывавшие, что без новых оросительных сооружений достаточно, чтобы Туркестан увеличил на 300 тыс. десятин посевы хлопка и настолько же сократил посев пшеницы, чтобы потребность русской мануфактурной индустрии покрылась вполне. Дорога Семипалатинск-Верный открыла бы ближний путь в Туркестан сибирской пшенице и дело могло бы обойтись без дорого стоящих мелiorаций. Но случилось иное: в результате гражданской войны хлопководство упало до 2 мил. пудов; несколько лет пройдет, пока оно дойдет до прежних размеров. Для более быстрого восстановления было бы правильнее подумать о регулировании водного режима и капитальном ремонте ныне существующей оросительной сети, которая требует существенных исправлений.

Выработанный Главхлопкомом план возрождения хлопководства СССР рассчитан на 5-ти летний срок — до 1928 года. В части, касающейся ирригации, он состоит в следующем: к началу 1922 года орошаемая площадь Туркесреспублики составляла 1.182 тыс. дес., против приблизительно 3 мил. дес. довоенного времени. Пятилетним планом восстановления ирригации предусматривается реставрация

орошения на площади 783,7 тыс. дес., урегулирование и улучшение орошения на площади 2.090 тыс. дес., а производство орошенных земель на площади 231,9 тыс. дес. При этой программе орошаемая площадь в Туркестане будет доведена к 1928 г. до 3.101,55—тыс. дес. Стоимость всех перечисленных работ определяется в размере 92 мил. рубл., считая здесь и натуральную повинность местного населения.

В календарном развертывании орошаемая площадь и в связи с ней площадь хлопковых плантаций и сбор волокна увеличиваются в такой последовательности:

Годы.	Площадь.	Туркеспублик.		Бухарск.		Хорезм.		Закавказье.		И т о г о .	
		Площадь.	Сбор.	Площадь.	Сбор.	Площадь.	Сбор.	Площадь.	Сбор.	Площадь.	Сбор.
1923	1182	156	2180	20	440	9,5	220	22	300	207,5	3140
1924	1564	300	4956	35	770	15	345	40	565	390	6736
1925	1962	380	7052	50	1110	20	460	60	850	510	9462
1926	2346	450	9613	70	1550	30	700	90	1250	640	13113
1927	2719	530	14000	90	2000	40	920	120	1800	780	18720
1928	3105	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Потребность нашей хлопчато-бумажной промышленности в сырье определяется в мил. пуд. (по Госплану).

Г О Д Ы.	Потреб- ность.	Собствен- ное произ- водство волокна.	Недоста- ток (—) или избыток (+)
1923.24	6	3,1	— 2,9
1924/25	7,5	6,7	— 0,8
1925.26	9	9,5	+ 0,5
1926.27	11	13,1	+ 2,1

Из рассмотрения приведенного плана мы видим, что с 1925—1926 операционного года наше хлопководство покрывает потребность фабрик.

Уже теперь выясняется, что вместо ожидавшегося ранее прироста продукции нашей хлопчатобумажной промышленности в 10—15%, мы будем иметь в 1923 г. прирост не менее, чем в 25%.

Такой же прирост необходим и в 1924—1925 г.г., ибо емкость особенно крестьянского рынка очень быстро расширяется.

Поэтому возможно, что в 1927—1928 г.г. потребность нашей индустрии в хлопке достигнет не 12—13 мил., а 15—16 мил. пудов. Если же и не достигнет, то, во всяком случае, экспорт хлопка из России, в виду сокращения хлопководства в Америке, явится для нас крупным источником дохода.

Приведенный выше план Главхлопка в 1924 г. оправдался даже с излишками, ибо сейчас имеющиеся подсчеты заготовленных посевов хлопка превышают по СССР 400 тыс. дес.

Восстановление ирригационной сети, необходимое для осуществления указанного выше плана реставрации хлопководства, которое обойдется в 92 мил. рублей, может быть произведено силами и средствами государственных органов и населения. Но в виду американского кризиса хлопководства и чрезвычайно благоприятных для хлопка почв и климата Туркестанта возможно допустить сдачу на концессии уже вполне подготовленных к ирригации участков 1-ой очереди, а именно:

В Ферганской области 3 участка с площ. 47.000 дес.			
Сыр-Дарьинской	4	„	10.200 „
Самаркандской	2	„	25.000 „
Голодной степи	5	„	666.600 „
<hr/>			
И т о г о			840.000 „

По своей важности, а также по количеству произведенных подготовительных работ по устройству орошения, работы по орошению новых земель в Голодной степском районе следовало бы поставить выше всех очередей. Там закончены и обработаны подробные почвенные обследования. Имеется топографический план с подробной картой микрорельефа. Произведены и обработаны подворные и бюджетные обследования. Изучено водопользование, гидромодуль, поливные нормы и сроки поливов. Построен цементный завод у ст. Хилково. Составлен проект орошения, колонизации, дорожной сети и пр., подлежащий некоторому изменению.

Комбинированные концессии.

Естественные богатства наших окраин колоссальны, но время для эксплуатации большинства их еще не пришло. Огромность пространств, удаленность от экономических центров, отсутствие путей сообщения, редкость населения и, главное, крайний недостаток потребных для этого капиталов на долгие годы преграждают возможность разработки этих естественных богатств.

Но между многими районами, представляющими те или иные возможности, есть такие, которые дают максимум этих возможностей: это, так сказать, фокусные районы, где сосредоточивается на небольшом сравнительно пространстве наибольшее количество естественных богатств, разработка которых, во первых, наиболее полезна для экономического развития народного хозяйства России, во вторых—экономически целесообразна и максимально выгодна для тех, кто вкладывает в нее свои капиталы. Соответственно разнообразию природных благ и экономических возможностей и разработка их должна идти сразу по всем направлениям — иначе, напр., затраты капитала на дорожные сооружения будут нецелесообразны.

Таким фокусным районом, который может явиться объектом для многосторонней комбинированной концессии, представляется в Сибири Алтайский район вообще и южная его часть в особенности. Южный Алтай был обследован Экспедицией Сибгосплана в 1921 г. Результаты этого обследования изложены в моей брошюре *), из которой привожу здесь главные выводы.

I. Выгодное географическое положение Южного Алтая.

Южный Алтай составляет по площади около 2,5 миллиона десятин всего горного Алтая. Но, именно, небольшая величина территории, в связи с удобным географическим положением и с концентрированностью самых разнообразных естественных богатств, делают Южный Алтай наиболее выгодным объектом для предприятий концессионного характера.

В очерченных нами границах Южный Алтай включает в себя и равнинные степи в Прииртышской полосе, и горы, доходящие до 3.000 и более метров высоты над уровнем моря. Эта смена гор и долин чрезвычайно пестра: долины глубоко врезаются в горные массивы и, благодаря этому, эксплуатация природных богатств, находящихся в горах (ископаемых, лугов, лесов), доступнее здесь, чем в других областях Алтая. С другой стороны, Иртыш, омывающий нашу территорию на пространстве в 400 верст, соединяет ее на время навигации дешевым и удобным водным путем с Омском—средоточием экономической жизни Западной Сибири.

Три долины—Бухтарминско-Нарымская, Курчумская и Кальд-жирская открывают трем главным районам непосредственные выходы к Иртышским пристаням. Два остальных района—Марка-Кульский и Кабинский, лежащие в середине гор, тяготеющие экономически к пристани Буран на Черном Иртыше,—находятся от нее на расстоянии 100—150 верст. Самый дальний пункт от водного пути—Рахмановские ключи—отстоят от пристани на 220 верст. Таким образом, небольшие, сравнительно, расстояния, легкость проведения железных дорог по долинам и наличию водного пути представляют ряд удобств для развития грузооборота и колонизации края, что является важнейшими условиями подъема его производительных сил.

Наконец, близкое соседство с южной и западной Монголией, с которой Южный Алтай соединен сухопутным и водным путями, значительно сокращающими и удешевляющими грузооборот, если только они будут улучшены, ставят нашу область в выгодное положение по отношению к нашей внешней торговле с Монголией, которая здесь и раньше была значительно более развита, чем в остальных областях Алтая.

II. Разнообразие и обилие естественных богатств края.

К числу естественных богатств Южного Алтая относятся:

1) Для развития сельского хозяйства:

а) около 450 тыс. дес. земель, пригодных для пахоты, при чем 150 тыс. дес. могут быть сравнительно легко искусственно орошены. На орошенных пашнях возможно культивирование корнеплодов (свекловичны), масличных—подсолнуха, кукурузы, табака, мака, люцерны и прочих растений нашего земледельческого юга.

*) См. проф. Н. П. Огановский. „Южный Алтай“. Издание Центросоюза 1922 г.

б) 530 тыс. дес. луговых пространств и около миллиона десятин пастбищ позволяют развить скотоводство в гораздо более широком масштабе, чем земледелие в различных его видах: молочное, масляное и шерстное, при чем близость долинных земледельческих и горных скотоводческих районов дают возможность жителям долин и гор специализироваться: первым—преимущественно на земледелии, вторым—на скотоводстве, производя обмен недостающими продуктами друг с другом.

в) кроме обычных видов скотоводства здесь имеются все шансы на быстрое развитие и разведение благородных оленей-маралов, дающих чрезвычайно ценный для обмена с Монголией продукт—панты (сушеные рога).

г) обилие цветов на лугах и опять-таки пестрая смена долин и гор кладут прочный фундамент для развития здесь пчеловодного промысла—излюбленного занятия местного старожилото населения.

2) 285 тыс. дес. лесов—лиственных, еловых, пихтовых и кедровых, меньшая часть которых расположена вблизи долин и сплавных рек, позволяют эксплуатировать лесные богатства, отчасти для рубки и сплава в сыром виде по Иртышу в степные безлесные районы Семипалатинской и Акмолинской областей. Остальная большая часть лесов, лежащая далеко от долин, может быть подвергнута химической и механической переработке при помощи имеющейся повсюду энергии горных рек и ручьев.

3) В крае имеются три богатых рыбных бассейна: оз. Зайсан, р. Черный Иртыш и оз. Марка-Куль, могущие дать около 225 тыс. пуд. рыбы, иногда ценных пород (красной, лососевых, форелевых).

4) Наличие в крае диких зверей и птиц, в особенности—белок, сурков, волков, медведей, рысей, зайцев, горностаев, лисиц, изредка соболей, горных козлов, лосей, а из птиц—глухарей, рябчиков, гусей, лебедей, гагар, уток и проч., позволяет рассчитывать на развитие в крае выгодного охотничьего промысла. Большое количество пушнины можно получить также из Монголии.

5) Ягодные кустарники—смородина, малина, крыжовник, дикий миндаль, рябина, черника, брусника, лекарственные травы—валерьян, аконит, ремень, белена, душица, дягель, тысячелистник и проч. технические растения—бадан, солодковый корень, дикая конопля и ряд других дубильных и красящих, растущих во многих местах в чрезвычайном обилии, представляют основу для ряда сравнительно мелких, но выгодных предприятий.

6) Самое главное естественное богатство края—ископаемые: а) металлы—золото, серебро, медь, цинк, свинец, железо, б) минералы и проч. — каменный уголь, графит, алебастр, мрамор, известняк, шиффер, точильный камень, красящие и фарфоровые глины и проч. Известно около 200 месторождений.

7) Наконец, в крае имеются целебные горячие источники и много красивых и удобных мест для курортов и санаторий.

В общем, естественные богатства края представляют прочную базу для развития сельского хозяйства, особенно—скотоводства, ряда второстепенных, но выгодных для населения промыслов, добывающей и обрабатывающей промышленности, лесного хозяйства и торговли как внутренней, так и внешней.

Население края в 1921 г. состояло из 3-х основных элементов: 1) русские сторожилы и казаки, 2) переселенцы. Численность тех и других—до 63 тыс. Принимая в расчет емкость территории, находящейся в пользовании русского населения, оно может быть увеличено

до 150 тыс. человек, при чем средний размер надела на семью из 6 душ составит 30 дес. всех удобных земель.

Для заселения низовых долин, где именно потребуется искусственное орошение, при котором целесообразно на-ряду со злаками производить свеклу, подсолнух, кукурузу, масляничные и прочие интенсивные культуры,—местное сибирское население будет менее пригодно, чем русские переселенцы, двинувшиеся сюда из юго-западных районов Украины—в частности полтавцы и киевляне, знакомые хорошо с интенсивными севооборотами. Их бы следовало привлекать концессионерам, организовав предварительно в мелiorативные артели. Дело в том, что кроме крупных, сравнительно дорого стоящих мелiorативных сооружений, здесь до их оборудования возможно на всем протяжении долины, благодаря массе стекающих с гор речек, проведение мелких арыков и частичное восстановление старой китайской сети, т.-е. тот род мелiorативных работ, который носит название мелiorаций малого района и который вполне осуществим силами самих крестьян при материальной поддержке со стороны. Организации мелiorативных артелей необходимо распространить и на ныне живущее русское население. В некоторых местах, например, на Буране, в поселке Алексеевском и др., крестьяне давно пришли к необходимости мелiorации, и им лишь нужна материальная помощь и организованность. В низовых районах должны сосредоточиться по преимуществу трудовые крестьяне-середняки. Более же богатые элементы и сейчас, почувствовав „утеснение“ в земле, начинают уходить в горы, где их привлекает не только простор для скотоводства, но и весьма доходный маралий промысел. Эти элементы и могут явиться фермерами-пионерами, селящимися в одиночку займками или мелкими поселениями в сердцевине гор, по узким долинам и ущельям, по линии будущих грунтовых дорог. Такие поселки начинают за последние годы быстро нарастать в верховьях Курчума и Кальджпра, в районе Маркакуля; и, если бы не было гражданской войны, конечно, десятки их появились бы в благодатном „Беловодьи“—в ущельях Кабов, вдоль китайской границы.

3) Третья категория населения—киргизы. В лучшие времена в 1915 г. их было в крае 50,1 тыс., к 1920 г. их число убавилось до 32 тыс. Но эта убыль в значительной мере объясняется уходом в пограничную Монголию на время гражданской войны.

Что представляют собой киргизы, как хозяйственный элемент? Они прирожденные скотоводы: уход за скотом у них во многих отношениях стоит лучше, чем у коренных старожилов. Способ использования земель перекочеванием с зимних стойбищ, находящихся в долинах на летние высокогорные пастбища, довольно рационален при существующем уровне хозяйства. Если бы киргизы окончательно осели на землю, количество скота в крае сразу должно упасть и огромные пространства гор запустеют, что, отчасти, и произошло за последние годы. Очевидно, пока не установятся иные способы использования этих пространств оседлым населением, киргизы являются необходимым звеном в хозяйственной системе области, и они будут весьма полезны для концессионеров, задавших целью развития скотоводческого хозяйства, с одной стороны, как поставщики скота и продуктов скотоводства, с другой—как рабочая сила при заведении самостоятельного скотоводческого хозяйства концессионерами. Луговые территории на своих джайлау они используют сейчас только как пастбища. Но как и русское население, концессионеры могут нанимать их в качестве косцов для будущих молоч-

ных ферм; на этих же фермах они будут прекрасными пастухами, сторожами и просто рабочими, тем более, что многие из них привыкли и зимой пасти табуны в горах (так наз. косы). Наконец, те же киргизы-джатаки (бедняки) будут работать на-ряду с пришлыми русскими на приисках и рудниках, на фабриках и заводах, в горах и долинах. Обеднение киргиз является в последнее время весьма сильным стимулом, который погонит их вместе с русскими поселенцами на заработки, в особенности, если они будут выгодны. В последнем случае сюда повалят из-за границы киргизы и китайцы.

Рабочий вопрос вообще для концессионеров один из важнейших, как и повсюду в Сибири, где население редко. В нашей области, как видно из приведенных цифр, в лучшие времена мы имели 62 тыс. душ русского населения и 50 тыс. киргиз, что дает при 7.520 кв. в. русских наделов и 17,860 кв. в. площади, занятой киргизами, для первых плотность в 8,3 чел. на кв. в., для вторых — в 2,6 чел. Плотность выше средней для Сибири, но, конечно, очень небольшая при более или менее интенсивном земледелии в низовьях и развитии промышленности в горах. Отсюда следует, что как для развития поливного земледелия в долинах, так и для горной промышленности необходимо привлечь, кроме местного, сторонний рабочий элемент. Недостающие на местах рабочие руки для горных и лесных промыслов, несомненно, придется искать в центральной России, преимущественно в ее промышленной полосе, где фабрично-заводское население разбрелось по деревням, потеряв прежние заработки. Возможно также привлечение рабочих из-за границы, пример чего мы имеем в Кузнецком районе и на севере Алтая.

Что же касается скотоводства, то, как видно из предыдущего изложения, скотоводческие хозяйства в горных районах могут вести частью более зажиточные крестьяне — коренные сибиряки, частью киргизы, частью, наконец, сами концессионеры на началах арендования лугов и пастбищ у киргиз и найма их же на работы в молочных фермах. Следует отметить вообще, что горноскотоводческое хозяйство должно принадлежать по типу к более крупным и потому большого количества рук оно не требует. Было бы желательно также привлечение образцовых фермеров из Швеции, Дании и других северных стран, но в большом масштабе пока на это не приходится рассчитывать.

Итак, колонизационная политика должна быть тесно связана с общим планом хозяйственного строительства. Согласно этому плану мы намечаем три основных типа хозяйств:

1) Долинно-земледельческое, сравнительно интенсивное поливное хозяйство, преимущественно средне-трудового типа, хотя возможно на-ряду с ним и крупное плантационное хозяйство, напр., посевов свекловицы для заводов, подсолнуха и проч. Оно должно базироваться не только на местном населении, но еще более на пришлом — на переселенцах из юго-западных украинских губерний, знакомых с интенсивными культурами.

2) Горно-скотоводческое, фермерское и тебеневочное хозяйство — относительно крупных размеров. Кроме местных старожилов и киргиз, в нем принимают участие и концессионеры-кооператоры, культурные фермеры из-за границы и проч.

3) Горно-промышленное, лесное и фабрично-заводское хозяйство крупных размеров, основанное на наемном труде местного и пришлого элемента из промышленных центров России (и из-за границы).

В наших исследованиях мы не касались возможных доходов от эксплуатации полезных ископаемых, лесов, целебных источников и курортов, так как, во-первых, эти естественные богатства еще мало изучены и экономическая рентабельность их сейчас не могла быть определена хотя бы приблизительно, и во-вторых, эксплуатация их потребует больших предварительных затрат капитала.

Остановившись поэтому только на сельском хозяйстве и побочных промыслах, мы установили, что при наличии в крае около 300 тыс. душ населения и использовании всей площади удобных земель, доход от указанных отраслей хозяйства может быть исчислен в следующих цифрах:

А) От земледелия.

Валовой доход.		Остается на вывоз и промышлен. переработку (за вычетом семян и местн. потребления).	
В тыс. пудов.	В тыс. рублей.	В тыс. пудов.	В тыс. рублей.
36.103	24.018	17.203	12.480

Промышленная переработка земледельческих продуктов повысит их стоимость на 6 мил. руб. или на 50%.

Б) От скотоводства.

Валовой доход.		Остаток (за вычетом местного потребления) на вывоз и промышленную переработку.	
В тыс. пудов.	В тыс. рублей.	В тыс. пудов.	В тыс. рублей.
—	22.567	—	17.375

Принимая, что после технической переработки, стоимость мяса, сала, кож и шерсти увеличится вдвое, мы получаем стоимость фабрикатов скотоводческих продуктов в 23.930 тыс. руб., а всего стоимость доступных вывозу продуктов земледелия и скотоводства определится: в сыром виде по довоенной цене в 29.855 тыс. руб., при переработке в фабрикаты — в 42.250 тыс. руб.

В) Второстепенные промыслы могут дать следующий доход:

Мараловодство	1.100 тыс. руб.
Пчеловодство	1.680 " "
Охота	700 " "
Рыболовство	1.220 " "
Сбор и сушка трав и технических растений . .	855 " "
Орехов и ягод	800 " "
<hr/>	
Итого	6.355 тыс. руб.

Таким образом, при развернутой программе все указанные промыслы дадут без переработки в фабрикаты кругло 36 мил. рублей дохода, при переработке — 49 мил. руб. К этим цифрам надо прибавить вывоз из Монголии скотоводческих продуктов на сумму приблизительно в 5 мил. рублей.

Считая процент прибыли, обычно весьма высокой на нашей территории, равным только 15% согласно нашим вычислениям, концессионер может получить без переработки сырья кругло 6 мил. прибыли ежегодно, а при переработке—8 мил. Для получения такой прибыли придется произвести капитальных затрат для осуществления развернутой программы—максимум:

На постройку грунтовых дорог . . .	1.500 т. р.	(500 верст).
„ „ шоссейных „ . . .	5.400 „ „	(300 верст).
„ „ оросительн. сооруж. . .	8.000 „ „	
На электрификацию	2.000 „ „	
На оборудование крупных заводов по переработке с.-х. сырья . . .	1.500 „ „	
На приобретение пароходов и автомобилей	5.000 „ „	
Итого	41.900 т. р.	

Сверх того, несколько миллионов потребуют дноуглубительные работы на Иртыше. Но такие затраты целесообразно производить лишь при развитии горнозаводского дела и эксплуатации лесных массивов, постройке курортов и проч., что вызовет, с одной стороны, новые расходы, с другой,—должно значительно увеличить доходы концессионера. В общем, надо полагать, что при более или менее правильной постановке всех предприятий, прибыль от 10 до 20% на основной капитал можно считать обеспеченной.

Переходим теперь к изложению осуществления концессии. Концессия эта, как видно из предыдущего, должна быть комбинированной, охватывая все возможные стороны развития производительных сил Южного Алтая, ибо целый ряд затрат на дороги, средства передвижения, электрификацию, отчасти на орошение, целесообразно производить не только для эксплуатации флоры, фауны и с целями развития сельского хозяйства, а также и для разработки других естественных богатств, поскольку она представляется выгодной. Поэтому концессионеру правильнее всего будет взять на себя полностью всю работу по всесторонней разработке природных благ Алтая с тем, чтобы получить от государства право привлекать, напр., для сооружения крупных горнозаводских и промышленных предприятий субконцессионеров-капиталистов, преимущественно иностранных.

Как мы не раз указывали в своем изложении—деятельность концессионеров по под'ему производительных сил Южного Алтая, в 25-ти летний срок, разбивается на два периода:

1) Первый период—период восстановления и развития, главным образом, местного хозяйства в его экстенсивных, привычных для населения, формах. Конкретно: деятельность концессионера в этот период заключается в следующем:

Концессионер, каковым я мыслю себе государственные организации и кооперативные центры России и Сибири, которые близко стоят к местному населению, ограничивается в земледелии, так-сказать, подачей первой помощи, заключающейся в организации: а) мелиоративных товариществ из русских и киргиз для расчистки старых арыков; б) снабжения населения семенами скороспелых и устойчивых культур в горных районах; в) снабжения сельско-хозяйственными машинами и проч. Вся работа производится обычным путем, каким идет всегда кооперация—путем организации артелей и това-

риществ и предоставления им в кредит или за наличные необходимых орудий и средств производства.

2) В сфере скотоводства деятельность концессионера могла бы быть гораздо более широкой с первых же лет. Прежде всего, здесь необходима организация передвижных маслоделен, которые бы могли кочевать с киргизскими стадами в летний период. Затем следует обратить внимание на устройство горно-скотоводческих товариществ, на манер альпийских, проект устава которых выработан одним из местных общественных работников. Согласно этому проекту, некоторые члены товарищества остаются на зиму на отведенных им участках, в горах пасут скот, кормят его заготовленным сеном, изготавливают масло и т. д.

Еще важнее — самостоятельный нагул скота на горах летом концессионерами. В прежнее время таким нагулом занимались ското-промышленники. В наше же время, когда огромное пространство киргизских джайлау в горах совершенно запустели, такой нагул можно было бы производить в широких размерах.

Наконец, на основе дорожной сети, врезывавшейся глубоко в горно-луговые районы, необходимо организовать колонизацию этих районов местным сторожилым и туземным киргизским населением путем раздачи желающим поселиться здесь определенных участков под фермы (заимки). Было бы желательно, чтобы в такой колонизации приняли участие и иностранные кооператоры и фермеры.

3) Однако, самый главный и самый выгодный для концессионера способ подъема сельского хозяйства в этот экстенсивный период его эволюции, это наивозможно более широкая подготовка торговых операций. Внешний и внутренний товарооборот края в довоенный период достигал, вероятно, солидной цифры в 10—12 миллионов рублей. При умелом ведении дела концессионер мог бы не только восстановить его в прежних размерах, но даже значительно расширить, ибо хотя некоторые старые торговцы в крае и сохранились, но у них нет ни прежних капиталов, ни связей, и концессионер мог бы сразу стать фактически почти монополистом в торговых отношениях. Все дело в знакомстве со вкусами местного населения и в личной связи с ним. Для этого кооперация должна искать хороших агентов среди местных жителей. Необходимо также лучше изучить ассортименты излюбленных населением товаров.

4) В обрабатывающей промышленности в этот период не следует увлекаться постановкой больших предприятий. Достаточно развить постановку сети маслоделен и сыроварен небольшого масштаба, восстановить более крупные местные кожевенные заводы, поставить маслобойни, пимокатные овчинно-шубные и прочие заведения небольших размеров; из новых производств важна установка лакричного завода. Эти заведения следует располагать так, чтобы они, с одной стороны, обслуживали население, с другой, — давали концессионеру ознакомление с существующим сырьевым рынком, условиями снабжения, топливом, положением рабочего вопроса и т. д., чтобы, нащупавши узловые пункты наиболее благоприятных условий, впоследствии возвести в этих пунктах крупные предприятия.

5) Зато по отношению к второстепенным промыслам можно и в ближайший период сделать очень многое. В 5—6 лет возможна, например, широкая постановка маралых садов; им необходимо лишь предоставление в кредит товаров для расплаты с киргизами, рабочими и пастухами. Киргизы, косившие сено для маралов, с 1919—1920 г.г.

перестали брать деньги: они требуют с хозяев заработную плату натурой — чаем и далембой — китайской материей. Выдача мараловодам товара в кредит для расплаты с рабочими сразу бы поставила на ноги этот промысел. Мараловоды могут расплачиваться с концессионерами пантами, представляющими контр-валюту для торговых сношений с Монголией более ценную, чем, даже серебро.

Точно также и пчеловодство: достаточно лишь предоставление пчеловодам недорогих материалов для постройки рамочных ульев, воицны и машин для выделения воска, чтобы этот промысел дал удвоенные доходы.

Организация рыболовных артелей на оз. Зайсане, Иртыше и Марка-Куле и предоставление ловцам необходимых снастей и постройка небольших рыбокоптилен и сушилен также сразу усилила бы местное рыболовство.

Наконец, сбор лекарственных трав, сушеных ягод, бадана и солодкового корня уже перешел фактически в руки органов Центросоюза. Здесь у местных его представителей накопился достаточный опыт, — необходимо им только воспользоваться.

Итак, в этот первый период экстенсивное развитие производительных сил края создается больше всего усилением рыночных отношений, побуждающих местное население в целях выгодного сбыта и приобретения нужного кредита муссировать производство продуктов, на которые имеется повышенный спрос. Так как эти продукты преимущественно скотоводческие, то отсюда можно ожидать под'ема скотоводства в первую очередь, что вполне совпадает, как мы указывали, и с естественными условиями края, и с современной рыночной кон'юктурой.

6) Часть доходов, получаемых от торговых операций, сбыта опиума, лекарственных растений, солодкового корня и т. п., концессионер должен будет в этот период затрачивать на производство ряда опытов и исследований, от результатов которых будут зависеть размеры предприятий, необходимых для перехода во второй более интенсивный фазис хозяйственной эволюции.

В сфере земледелия должны быть произведены опыты с посевом новых культур на поливе и богаре, с поднятием земледелия в горных районах на большую высоту *), должно быть dokonчено изучение проблемы крупных оросительных сооружений и т. п. В области скотоводства необходимо изучить проблему метизации местного скота или развития его „в себе“ путем отбора и улучшения содержания и кормления. Ряд опытов с колонизацией горных районов проводится, как уже было сказано, через насаждение фермеров — пионеров в горах и горно-скотоводческих товариществ. Одновременно с сельским хозяйством обследуется и горное дело, лесное хозяйство и курортный вопрос. Наконец, изучается вопрос об улучшении водных путей.

7) Капитальных затрат в этот период потребуется от концессионера немного: всего лишь 1½ миллиона на сооружение указанных ранее 500 верст грунтовых дорог, ибо дорожное дело — самое важное для товарооборота, и на товарообороте в первые годы должны базироваться доходы концессионеров. С другой стороны, развитие горно-скотоводческого хозяйства немыслимо без проведения горных дорог, ибо доставка хлеба и других тяжелых грузов вьюками обходится слишком дорого.

*) Примечание. Так как не только переселенцы, но и старожилы, поселясь в городах, все же чувствуют себя плохо, если у них нет собственного хлеба.

Таким образом, в первый период восстановления и развития местного хозяйства в его интенсивных формах главные задания концессионера сводятся к следующему:

- 1) Проведение в горах колесных дорог.
- 2) Широкое распространение торговых операций.
- 3) Всеяческое поощрение горно-скотоводческого хозяйства.
- 4) Организация мелиоративных товариществ для мелких оросительных сооружений (восстановление старых арыков).
- 5) Всестороннее использование второстепенных промыслов (мараловодство, пчеловодство, рыболовство, охота, сбор лекарственных растений, ягод, орехов и т. д.).
- 6) Постановка промышленных предприятий по переработке с.-х. сырья малых размеров.

Одновременно с выполнением этих заданий производится систематическое, основанное на тщательном научном изучении, обследование условий перехода к более интенсивным формам сельского хозяйства и к планомерной постановке крупного горнозаводского дела, обрабатывающей промышленности, лесного хозяйства и курортного дела. По мере выяснения этих условий, производится постепенная затрата основных капиталов:

- 1) на крупные оросительные сооружения для орошения Кальд-жирской, Курчумской и, быть может, Нарымской степей;
- 2) на устройство крупного плантационного земледельческого хозяйства (в частности свекловичного);
- 3) на проведение дорог шоссеиного типа и на дноуглубительные работы на Иртыше;
- 4) на приобретение парового и автомобильного транспорта;
- 5) на постройку больших заводов и фабрик, рудников и прочих предприятий крупно-капиталистического характера;
- 6) на использование водной энергии посредством электрификации;
- 7) на постройку курортов.

Сверх перечисленных задач, при переходе в интенсивный фазис экономической эволюции края, концессионер должен будет совместно с правительством: 1) организовать планомерную колонизацию орошаемых долин и степей пришлым земледельческим населением из юго-западных районов Европ. России и 2) переселить из России и заграницы и устраивать на месте необходимые кадры рабочих для организуемых крупных предприятий.

Первый период деятельности концессионера в различных отраслях народного хозяйства будет продолжаться от 5—10 лет, второй—10—15 лет, с тем, чтобы к концу 20—25 летнего срока концессий все необходимые капиталы для выполнения полной развернутой программы были вложены в дело. Для того, чтобы они окупились, концессионеру следует предоставить, приблизительно, такой же срок, и, таким образом, общий срок для такой комбинационной концессии должен достигать 40—50 лет.

В случае проведения в течение этого срока южно-сибирской магистрали или меридианальной линии Семипалатинск—Верный, следовало бы предоставить концессионеру, преимущественное перед другими, право постройки под'ездных путей для соединения Южного Алтая с этими линиями.

Таков в общих чертах план деятельности концессионеров по под'ему производительных сил Южного Алтая. Мы считаем, что Южный Алтай с государственной точки зрения—наиболее удобный объект для всестороннего изучения планомерной постановки концессионного дела

в сфере колонизационной политики, ибо здесь мы имеем, как уже говорили вначале, соединение самых разнообразных благ и самых различных типов хозяйства. Для концессионера же такая комбинационная концессия имеет, прежде всего, ту выгоду, что она не требует сразу больших затрат капитала, а позволяет ему вкладывать их постепенно, по мере выяснения степени доходности тех или иных предприятий.

З а к л ю ч е н и е.

Таковы возможные, наиболее реальные объекты концессионирования в области сельского хозяйства и колонизации СССР. Проблема концессионирования за все время революции то всплывает наверх, то снова исчезает с поля зрения тех, кто занят осуществлением задач подъема производительных сил страны. До сих пор отношения к ней далеко еще не установились: одни нацело отрицают не только возможность, но и желательность привлечения иностранного капитала в форме концессий; другие, наоборот, склоны возлагать на них слишком преувеличенные надежды.

Мы не принадлежим ни к тому, ни к другому лагерю. Мы считаем, что если другие страны, а также и Россия, до войны пользовались иностранным капиталом для развития производительных сил их народного хозяйства, то при наличии нужных нашему и мировому хозяйству, доступных и выгодных для эксплуатации объектов концессионирования, они рано или поздно, но неизбежно привлекут внимание иностранного капитала. Но эти капиталы естественно притекут тогда, когда мы сами по себе выявим нашу способность к устойчивому и быстрому развитию народного хозяйства. И действительно, число предложений концессий со стороны иностранцев особенно усилилось за последний год, когда выяснился рост нашего народного хозяйства. Иностранный капитал будет поддерживать растущее, но не падающее народное хозяйство. Вот почему, хотя сейчас гораздо меньше говорится о концессиях в печати и в различных сборниках, но гораздо больше делается.

В настоящей статье мы также пробуем поставить этот вопрос на строго деловую почву, устанавливая не только формы, но и размеры концессионных предприятий в каждой отрасли сельского хозяйства—там, где не приходится рассчитывать на собственные силы и средства.

Как видно из приведенных данных, объем концессионных предприятий в этих отраслях и требуемые для их оборудования капиталы, далеко не так велики, как могло казаться при первоначальном подходе. Но их рентабельность и народно-хозяйственный эффект весьма значительны. Мы выдвинули сейчас преимущественно только ударные задачи в сфере концессионирования сельского хозяйства. И мы думаем, что при благоприятной политической обстановке эти задачи могут быть осуществлены в срок 5—10 лет.

При неблагоприятных условиях, придется выждать еще. Торопиться с этим делом, во всяком случае, не следует, ибо от этой торопливости могут пострадать кровные интересы государства и нации. Чем осторожнее будет наш подход к проблеме концессионирования, тем больше выгод может извлечь Россия из привлекаемого иностранного капитала.

„Лучше меньше, да лучше“.

Привлечение иностранных капиталов в С.С.С.Р.

(американского в частности) через железнодорожное строительство и через колониционный банк.

Нам трудно восстановить наше народное хозяйство, а между тем предложение иностранного капитала после войны на международном рынке уменьшилось вдвое, как свидетельствуют об этом нижеприводимые данные: так, по данным 1911—1912 г.г., за границей Англия помещала 200 милл. фун., а после войны (1920—1922 г.)—только 80 милл. фун.; Франция—3 миллиарда золотых франков, а теперь она занята восстановлением своих разрушенных провинций и разрушенной в них промышленности и мало может предложить для заграницы; Германия ранее помещала 1,5 миллиардов золотых марок, а после войны очень немного. Другие страны—Норвегия, Швеция, Швейцария, взятые вместе—предлагали до войны миллиард золотых немецких марок, и, можно думать, в настоящее время они располагают такою же суммой. Одни только Соединенные Штаты увеличили помещение капитала за границей, так как сильно разбогатели, и могут предложить теперь 600 миллионов долларов вместо 250 миллионов довоенных.

Таким образом, предложение иностранных капиталов на международном рынке в настоящее время, сравнительно с довоенным, уменьшилось вдвое—с 10 миллиардов золотых немецких марок до 5 миллиардов золотых же марок.

Иностранный капитал в настоящее время является той редкой птицей, за которой гоняются и вновь образованные государства, и государства, истощенные великой войной.

Этим, быть может, и объясняется несговорчивость иностранного капитала при переговорах с нами о концессиях.

Правда, есть области в С.С.С.Р., в которые можно ожидать притока иностранного капитала—это постройка ж. д., производство сырья, особенно некоторых видов его—хлопка, льна и некоторых других, и нам нужно это учитывать, и создать такие организации, при посредстве которых было бы облегчено иностранному капиталу вхождение его к нам для изготовления нужного для Европы сырья.

Но направление иностранного капитала стоит не только в зависимости от того, каким количеством капитала страна, экспортирующая его, располагает, а и от привычной работы этого капитала у себя на родине (так, можно думать, что американцы, создавшие у себя ж. д. сеть, превышающую по своим размерам всю сеть ж. д. европейских стран, взятых вместе, и специализировавшиеся на этом, охотнее пойдут

в железнодорожное строительство, конечно, по американским методам, о чем ниже; или тот же капитал, имеющий громадный опыт в приращивании и лесном деле, также скорее пойдет в эти отрасли).

Направление иностранного капитала, которое он изберет в той или другой отрасли, зависит, далее, и от сырьевых потребностей стран, экспортирующих капитал: так, можно думать, что Соединенные Штаты, гегемоны в хлопководстве, которые в настоящее время видят, что энергичные усилия, направленные со стороны Англии к развитию хлопководства в Индии и в Африке, начинают угрожать им в этой области опять, чтобы поддержать свою супрематию в удовлетворении мирового рынка хлопком, в хлопковом деле, будут более склонны пойти в него, если в С.С.С.Р. окажутся для этого благоприятные условия.

То же самое можно сказать об американском капитале и в отношении нефти.

Если нужно колонизовать местность, создать пароходство, или нужно строить железные дороги в пустынных местностях или населенных, но где есть или лесные богатства, или минеральные ископаемые, нужно думать об американском капитале.

Вообще создание крупных дел, требующих больших средств, особенно после войны, и в местностях мало населенных, где нет путей сообщения, по силам, главным образом, Америке. Посмотрите, что Соединенные Штаты сделали хотя бы с бывшей русской Аляской, которую царская Россия продала американцам буквально за гроши (см. книгу Барбот де Марни: „Аляска“). Как известно, в 1867 г. Аляска была уступлена Соединенным Штатам за 7.200 тысяч долларов, а между тем до 1912 г. только золота было добыто в Аляске за 212,8 милл. доллар., тогда как в 1888 г. его было добыто всего на сумму в 20.000 доллар.

На Аляску по 1913 г. правительство Соединенных Штатов израсходовало 41,6 милл. долларов (в том числе упомянутая уже сумма в 7,2 милл. доллар., уплаченная России), а получено от Аляски разного рода продуктов на 525,7 милл. долл.; о золоте уже было говорено. Сверх того, рыбный промысел дал продуктов на 192,6 милл. долл., полученные тюленьи шкуры оцениваются в 52 милл. долл., меди извлечено на 16 милл. долларов.

А если бы оставалась Аляска в наших руках, она так и была бы пустынной страной, не дающей дохода, так как эта бывшая колония России весьма похожа на лежащую близ нее Камчатку, на всю северо-восточную часть нашей Сибири.

В чем же лежат причины?

Американское правительство, в противоположность русскому царскому, понимало, что нужно создать в Аляске сельское хозяйство, скотоводство, и прежде всего почту и целую сеть опытных станций; не создавая по нашему типу почтовых отделений, не требуя дорого стоящих помещений для конторы и квартир почтовых чиновников, американское правительство поручает это дело вначале частным лавочникам, прибывающим жестянки из-под газаolina в качестве почтовых ящиков к деревьям около дороги; а раз'ездные почтари, забирая содержание жестянок, в свою очередь опускают в них письма и газеты для местных жителей; целые кадры раз'ездных же агрономов, базируясь на опыте станций, ведут пропаганду, как вести сельское хозяйство; и население в некоторых округах уже имеет свое собственное свежее мясо, свои овощи, почти у каждого дома можно видеть огороды, в которых растут картофель, репа, морковь, свекла, редис; и это на крайнем Севере!

Было обращено самое серьезное внимание на развитие свиноводства, на оленеводство; в 1891 г. из нашей Сибири было вывезено туда 1.280 голов оленей, а к концу 1911 г. оленей в Аляске уже числилось 33.000 голов.

Правительство Соединенных Штатов много тратит денег на геологические исследования Аляски; но эти исследования носят практический характер и быстро выходят в свет, таким путем распространяясь по стране. У нас, как известно, эти исследования имеют чаще академический характер и не скоро делаются достоянием публики.

Конечно, и сами американские золотопромышленники сильно заботятся о развитии техники, и средняя производительность рабочего значительно выше, чем у нас. По определению Барбот-де-Марни производительность угледобытчиков в 5 раз больше производительности рабочих в Донбассе. Правда, за то и заработная плата рабочего также выше раза в четыре, и описания условий быта рабочего в Аляске представляют большой интерес.

Плата рабочим на рудниках колеблется от 3 до 4 долларов в день. Рабочий уплачивает 2 доллара в месяц за квартиру, 1 доллар — в пользу клуба, и 25 долларов — за стол. „А стол там не только обилен, но пожалуй изыскан, — пишет Барбот-де-Марни, — рабочий на прииске получает за указанные 25 долларов: утром за завтраком — овсяную кашу с молоком, бифштекс с луком, солянку с овощами, вареный картофель, яйца, блинчики, хлеб с маслом, мед, сироп, кофе, молоко; за вторым завтраком он получает — устричный суп, вареную баранину с пиккулями, франкфуртские сосиски, вареную треску, печеный картофель, кислую капусту, зеленый горошек, сладкий пирог; за обедом — вареную лососицу, ростбиф, печеный картофель, кукурузу, вареные бобы, пудинг, свежую землянику, чай, печенье“.

В помещении рабочих за свои 2 доллара в месяц рабочий имеет — паровое отопление, электрическое освещение, пружинные кровати, ванные комнаты, бассейн для купанья с ежедневно сменяемой водой; за 1 доллар прекрасное клубное помещение с театральным залом. Управление приисков устраивает культурные развлечения для отвлечения людей от пьянства.

Одним словом, все делается, чтобы привлечь хороший рабочий элемент на прииски и привязать его к ним, создать оседлое население в самых суровых природных условиях.

Итак, Аляска, во многом напоминающая нашу Сибирь, благодаря тому, что она очутилась в руках американского правительства, дала огромное количество ценностей, просто потому, что американское правительство там стало проводить другую политику, приняв энергичные меры к колонизации края, проведению дорог, оборудованию края почтой, телеграфом, созданию школ; правительству помогал американский предприниматель, стремящийся к развитию техники, и по условиям богатства капиталом Северо-Американских Соединенных Штатов могущий значительно дешевле, чем у нас, покупать нужные ему машины; а совокупность этих условий и повела к быстрому развитию Аляски.

Возвратимся к основной теме; мы остановились на том, что иностранный капитал может идти в С.С.С.Р. преимущественно в такие отрасли, продукты коих этой стране, экспортирующей капитал, самой нужны: так, Соединенные Штаты брали от нас пшеницу, свекловичное семя; надо ждать возможность прилива его и сюда; стоит упомянуть еще о рекордной работе американского капитала в области страхового дела, консервного и т. д.

Благодаря страховому делу американцы собирают премии со всего мира и это обеспечивает приток к ним золота на большие суммы; это, в свою очередь, удешевляет капитал в стране и окрыляет экономическую деятельность; и здесь, в страховом деле, американский капитал опять внес очень много нового и оригинального, внес много кропотливого труда.

Американский капитал, беря концессии, строя железные дороги в пустынных и населенных местностях (по американскому плану с наделением концессионера земель по ту и другую сторону жел. дор. в шахматном порядке), знает, как подступиться к этим пустующим землям и в своих собственных интересах колонизирует эти местности и принимает меры к развитию всех естественных богатств, находящихся в районе данной дороги; не ограничиваясь постройкой только магистрали, он создает густую сеть питательных веток, и железных, и шоссежных, и для автомобильного движения, и улучшенных грунтовых дорог.

Одним словом, американский капитал, входя через жел. дор. в какую-либо страну, не остается пассивным, не делается лежебокой, а проявляет свою энергию, чтобы пробудить край от спячки: так по крайней мере он делал у себя, изрезывая свою громадную территорию железнодорожными путями во всех направлениях; и с этой стороны привлечение американского капитала в С.С.С.Р. имело бы громадное значение для нашего экономического подъема, ибо нам нужен именно такой творчески-инициативный капитал-художник, открывающий большие творческие перспективы в крупном деле.

Американский капитал, возможно, пойдет и в комбинированные концессии в большом масштабе и, пменно, в С.С.С.Р., так как на пути к его вхождению к нам гораздо меньше препятствия, чем на пути иностранного капитала, идущего из Англии, Франции, Германии и потерпевшего при национализации нашей промышленности больший ущерб, чем американский капитал.

В настоящее время следовало бы обсудить, а может быть и испробовать, шаги по сдаче американцам определенных комбинированных концессий на постройку железных дорог в определенных районах, в одном месте комбинируя эту постройку с эксплуатацией лесных и минеральных богатств, в других—с разведением хлопководства, в третьих—быть может, с нефтяным делом и т. д. Это легче всего мог бы сделать Колонизационный Банк, о котором будет речь далее.

В свою очередь жел. дор. строительство в американских руках несомненно поведет к арендованию или созданию вагоностроительных или паровозных заводов и, вообще, целого цикла предприятий, связанных с жел. дор. строительством и эксплуатацией жел. дор., например, с каменноугольным делом, и на условии твердой банковской гарантии предоставления американскому капиталу эксплуатации богатств в районе, обслуживающей линии в течение известного срока: американский капитал будет тогда прежде всего заинтересован в колонизации края, если эти дороги будут проводиться, например, на Севере Европейской России или Сибири (см. об этом подробнее в моих книгах „На новый путь“ или „На темы дня“).

Жел. дор. концессия в хлопковом районе могла бы также связаться с колонизационным делом, с обязательством производства приращенных работ в определенном размере, с развитием там хлопководства; при чем концессионеры могли бы эксплуатировать предоставленные им жел. дор. и земли и в течение известного времени создали бы колонизационный аппарат и могли бы затем налаженное хлопковое

дело передать в руки новых поселенцев (см. по этому вопросу работы по орошению в Соединенных Штатах инженера Скорнякова).

Можно, наконец, в Сибири предоставить, при условии постройки определенных ж.-д. линий, известное пространство земли на определенный срок для развития животноводства, коневодства, овцеводства, и, вместе с этим, для постройки и для эксплуатации консервных фабрик и заводов. Такая концессия могла бы быть обусловлена разведением тех или других животных в определенном количестве на десятину переданной концессионерам земли; об этом уже поднимался вопрос во время войны и при царском режиме.

Овцеводство, пожалуй, очень выигрывает, так как количество овец в настоящее время, если подсчет взять по всему миру, сократилось, и мировые запасы шерсти, сравнительно с довоенным временем, упали на 15%, а шерстяная промышленность ушла вперед, сравнительно с довоенным уровнем, и это создает высокие цены на шерсть на мировом рынке; вот почему выгодно обратить внимание иностранного капитала на овцеводство; если цены на шерсть стоят высокие, то нельзя того же сказать о ценах на хлеб, на лен; и эту ситуацию следует использовать.

И если бы всю полученную сырьевую продукцию оказалось невозможным поместить на нашем рынке, то иностранный капитал-концессионер стал бы стремиться вывозить ее за границу (хлопок, шерсть, щетину, кишки, свинину и т. д.) и, следовательно, он будет заинтересован поставить производство возможно дешевле, оборудовать его по последнему слову техники; внутри нашей страны он принужден будет торговать продуктами своей концессии по рыночным ценам, этим самым стимулируя к удешевлению и наше производство, ибо он постоянно будет стоять перед угрозой товарной интервенции со стороны государства, сохраняющего в своих руках власть понизить таможенные пошлины и допустить привоз соответствующего продукта; отсюда ясно, что иностранный концессионер должен будет так поставить свое производство, чтобы оно никоим образом не было дороже иностранного продукта, так как он всегда находится внутри чужой страны под угрозой понижения или снятия таможенных пошлин.

Здесь не место входить в детали, надо лишь установить принципы.

Но СССР мог бы поступить и иначе; он мог бы сразу в законодательном порядке принять всю предыдущую колонизационную систему, построив ее на банковском принципе и, войдя, как пайщик, в образуемый для этой цели Колонизационный Банк, внести в него некоторые земельные и материальные ценности (в виде основного фонда будущих концессий).

Затем, в колонизационном деле заинтересован ряд трестов и других производственных объединений, коим нужно сырье — хлопок, шерсть, лес и т. д.: они могли бы вступить также в проектируемый Банк своей продукцией, реализация коей дала бы должные средства Банку.

Далее, окраинные республики или области, особенно заинтересованные в своей собственной колонизации, в привлечении к себе капиталов, также могли бы принять участие, внося некоторые концессии в Колонизационный Банк.

И так, пайщиками Колонизационного Банка у нас, согласно своим интересам, могут быть: 1) государство, 2) окраинные области, которые без притока капитала и широко поставленной колонизации не могут расцвести, 3) тресты и другие производственные государственные объединения.

Колонизационный Банк должен совершать все банковские операции, чтобы привлечь вклады, как внутреннего, так и внешнего капитала, и, прежде всего, мелкого внутреннего и единоличного, и кооперативного.

Банк должен иметь несколько отделов: 1) чисто банковский — со всеми операциями, 2) концессионный, который будет брать „опцион“ на концессии и, затем, их продавать или передавать капиталистам.

Банк мог бы сам на известных условиях брать от правительства, на концессионных началах, право колонизовать, допустим, такой то район на Севере Европ. России с обязательством развить там лесное дело (экспорт леса) и, следовательно, стал бы по вышеуказанному американскому образцу создавать пути сообщения, расчищать речки, а затем он уже от себя искал бы предприимчивых деловых людей, дробя эту концессию, иногда, быть может, включая между концессиями и мелких арендаторов (концессионеров).

Банк мог бы взять на себя, например, на известных условиях создание так называемых крупных „зерновых фабрик“, т.е. обработку больших пространств в Европ. России или в Сибири под пашню тракторами; он брал бы эти концессии на известный срок и затем представлял бы от себя субконцессионерам. Нам надо развивать животноводство — и ту же роль мог бы взять на себя этот же Банк.

Он мог бы брать на себя и постройку железных дорог, опять, на первых порах, не обладая, быть может, очень крупным капиталом, но что гораздо важнее, он имел бы крупные связи в денежном мире, так как он имел бы солидное обеспечение в форме вверенного ему Правительством земельного, лесного и проч. фондов, имел бы право субконцессий и муссировал бы это. Такому банковскому учреждению, как более гибкому, чисто капиталистическому институту, легко все это сделать — искать концессионеров, муссировать концессии.

Банку, если бы он обставил себя людьми финансового склада, имевшими в прошлом большой опыт, легче сговориться о приемлемых условиях концессий, при основном, конечно, условии, что Колонизационный Банк будет находиться в постоянной живой связи с границей и будет чувствовать биение пульса иностранного капитала.

Одним словом, такой посредник, особенно у нас, когда в основе нашего государственного устройства лежат совершенно другие принципы, нам крайне необходим.

За передачу концессий Банк мог бы получать свое комиссионное вознаграждение — или одновременно, или известный % ежегодно, или то и другое вместе; и Банк, когда он окрепнет, будет в состоянии принимать на себя значительные гарантии перед капиталистами; в этом отношении особенно поучительна практика Дальбанка. Банк мог бы за известное вознаграждение (при желании концессионеров) принимать на себя хлопоты по улажению разного рода недоразумений, что опять очень важно, особенно теперь, когда у нас учреждения то и дело меняются, соединяются, распадаются и т. д.

Банк, взяв „опцион“, будет всюду публиковать об этом в печати, делать подсчеты, издавать необходимые брошюры и вообще принимать все нужные меры по организации пропаганды, быть может, даже, вызвать „ходоков“ от некоторых групп для осмотра местности, субсидируя их — ведь и эти американско-рекламные расходы в конце концов покроются из прибылей банка.

В основе финансовой колонизации стран бедных капиталом лежит соблазнительная для мирового капитализма дешевизна рабо-

чей силы, а отсюда и дешевизна сырья. Проблемы рынка, труда и безработицы на Западе и в Америке носят иной характер, чем в СССР. В противоположность ставшему неподвижным, хотя и безработному пролетариату капиталистических стран, пролетариат СССР, благодаря своей бедности, чрезвычайно подвижен, и при правильной постановке колонизационной политики Колонизационному Банку удастся решить проблему трудовых армий, не вполне удавшуюся в эпоху военного коммунизма. Между тем, это было бы значительным приближением к решению вопроса о безработице в СССР, при наличии миллиона безработных, при прежней филантропической постановке вопроса об общественных работах для них. Здесь же мог бы быть использован и труд двухмиллионной армии инвалидов цветущего возраста, являющихся пока непосильным бременем не только для СССР, но даже и для стран богатых капиталом. Есть отрасли сырьевого производства,—птицеводство, свиноводство, шелководство и т. д.,—где и труд инвалидов мог бы быть использован Колонизационным Банком и сопровождался бы пользой для государства. О вопросе недостатка рабочей силы при безработице нередко разбиваются у нас поиски концессионных объектов; и этот вопрос должен быть выдвинут во всей его сложности и многогранности, но, конечно, не здесь, поутю, при обсуждении вопроса о Колонизационном Банке. Исследованию проблем рабочего вопроса и рассасыванию безработицы путем колонизации—место и во всех отделах работы Научно-Исследовательского Колонизационного Института, и в правительственных колонизационных административных органах, и в Колонизационном Банке.

И если Банк обставит себя хорошим составом членов правления, дирекции, известными своей серьезностью и деловым подходом ко всякому делу, то постановка такого штемпеля на деле будет иметь огромное значение; а то теперь приходится частенько слышать чуть ли не о привлечении иностранцев к делу эксплуатации рогов, будто бы находящихся почему то в большом количестве в России (около Енисея); или, иногда, рекламируются концессии выгодные лишь по своему будущему объекту, при чем, однако, они находятся в местности, где нет не только рабочего, но и абсолютно никакого населения, куда трудно подвести продовольствие; такие ляпсусы возможны только потому, что самые концессии не делались предметом внимания людей финансовой практики.

Колонизационный Банк сможет, а быть может, и должен будет иметь собственно колонизационное отделение, т. е. организацию на подобие Прусской переселенческой комиссии, при чем Банк мог бы брать на себя обязательство заселять ту или иную местность.

Для этого Банк должен был бы окружить себя целой серией так называемых „дочерних обществ“ (Töchter Gesellschaften) 1) по устройству переселенцев, 2) по проведению дорог, 3) по производству орошения или осушения почвы и так далее.

В Соединенных Штатах, когда, например, акционерная оросительная компания оросит известный участок и привлечет на него переселенцев, и уже убедится в устойчивости существования на данном участке этих переселенцев, она стремится передать акции свои по орошению данного участка этим переселенцам.

И у нас Колонизационный Банк, создав несколько акционерных обществ при том или ином своем участии в эксплуатации взятых ими концессий (которые сам ли банк будет исключительно эксплуатировать или для эксплуатации их образует специальные общества с преимущественным участием иностранного капитала), в буду-

щем будет в состоянии распространять эти акции в публике, образуя так называемые „финансовые общества“ по американскому образцу, при чем, соединяя акции разных предприятий, он этим самым будет достигать большей устойчивости в дивидендности этих акций и в тоже время будет иметь более высокую доходность сравнительно с другими государственными бумагами.

Государственная власть должна принять участие в создании Колонизационного Банка, так как без притока капитала едва ли скоро мы в состоянии будем повысить наш народный доход; а он у нас в сравнении с довоенным упал значительно; если прежде мы исчисляли его в среднем 100 рублей на душу населения, то теперь он не превышает 35 и максимум 40 рублей на душу населения, в то время как налоги повысились за это время: по расчету Вайнштейна налоги довоенного времени, до издержек по таможенному покровительству включительно, были в 2 раза ниже, чем только продовольственная разверстка и трудовая повинность. (См. „Сельское и Лесное хозяйство“. Литошенко: „Сельскохозяйственные кризисы“, стр. 7). До войны тяжесть обложения крестьянского хозяйства к довоенному доходу составляла 6,2%, а по Московской губ. даже — 3,8%, теперь в 1920 — 21 г. г. тяжесть обложения Вологодской губ. — 10,2%, а по Московской — 17% (см. „Сельское и Лесное Хозяйство“ ст. Вайнштейна: „Тяжесть обложения крестьянского населения в довоенное и революционное время“).

Вот почему, во чтобы то ни стало, необходима колонизация наряду с поднятием нашего основного сельского хозяйства и, в частности, наряду с распространением в нем сельскохозяйственных машин.

В Соединенных Штатах сельское хозяйство растет ивширь, и вглубь в сторону его интенсификации; там количество лошадей растет медленно, но зато количество тракторов, грузовых и легковых автомобилей растет весьма сильно; если в 1910 г. грузовых и легковых автомобилей там было только 4 тыс., то в 1921 г. их стало свыше 11,5 милл. (см. „Сельское и Лесное хозяйство“: „Автомобиль в сельском хозяйстве“, № 9 — 10, стр. 152).

В Южной Дакоте 16,3% пользуются тракторами, в Северной Дакоте — 15,2%, в Калифорнии — 10,3%. Это данные на 1 января 1920 г. (см. „Сельское и Лесное хозяйство“, №№ 7 и 8, стр. 231. „Тракторы в Мировом Хозяйстве“). 1 января 1922 г. там тракторов работало 395.000.

Мы же хотя и поднимаем сельское хозяйство, но оно плохо связано с рынком, так как у нас еще не организованы ни под'ездные пути, ни обще-потребительные формы банковской техники мировой торговли.

Если мы вывозим часть нашей сельскохозяйственной продукции за границу за последнее время, то мы вывозим ее в убыток себе, так как ценой, вырученной от вывоза сельскохозяйственной продукции, мы не покрывали целиком всех расходов даже при нашей крестьянской все еще самопотогонной системе, истощающей рабочую силу нашего крестьянина, и это чревато большими последствиями в будущем, даже недалеко (см. работы Клингера, книгу Рыкачева); мы должны, чтобы иметь возможность конкурировать на международном рынке с другими странами без кровного ущерба для себя, понизить себе — стоимость сельскохозяйственной продукции у нас.

Нам слабо помогает даже тот большой плюс в этой мировой борьбе, что у нас земля не считается капиталом и в себестоимости сельскохозяйственной продукции мы не включаем процентов на ренту от государственной земельной собственности, тогда как за границей

указывают на вздутие земельных цен, как на один из существенных элементов, открывавших двери Европы для заокеанской сельскохозяйственной продукции, равно как и указывают на исход из этого положения — на необходимость продать всю земельную собственность в Европе с молотка по пониженной цене, чтобы понизить ее капитальную ценность и уменьшить роль земельного капитала в себестоимости сельскохозяйственной продукции. Нам следовало бы установить хотя бы ничтожную ренту при первой к тому возможности, и это дало бы громадное укрепление и финансам, и правовому положению С. С. С. Р. в глазах даже крестьянства, неправильно толкующего земельное право по земельному кодексу, как прежнее право собственности.

Во время войны, при поднятии цен на сельскохозяйственные продукты в Соединенных Штатах, цена на землю поднялась, и земля переходила из рук в руки по все более и более высокой расценке, но теперь при сельскохозяйственном кризисе вновь начнется продажа земли, понижение ее расценки, и Соединенные Штаты станут еще более сильным конкурентом СССР на сельскохозяйственном рынке (с этой точки зрения), ибо Соединенные Штаты побивают нас на международном сельскохозяйственном рынке, главным образом, применением у себя сельскохозяйственных машин: в некоторых штатах Северной Америки уже от одной трети до одной четверти хозяйств пользуются тракторами. От одного только удара косой о стебель при уборке зерна полной зрелости осыпается самого спелого, тяжелого и крупного зерна от 6-10 пудов ржи на десятину (данные Фролова), тогда как при уборке сноповязалками этой осыпки почти нет, ибо машина не ударяет колос, а режет его, стрижет.

Концессионное отделение Колонизационного Банка могло бы поставить одной из своих задач снабжение не только населения колонизируемых, но и некоторых других районов, хотя бы на первых порах, в виде опыта, сельскохозяйственными машинами; а ведь у нас дефицит в сельскохозяйственном инвентаре только за 7 лет, считая с 1914 г. по 1921 г. исчисляется, ни много-ни мало, в сумме 550 миллионов золотых рублей (см. „На новой дороге“ под ред. Шейфлера сборник статей по хозяйственному строительству Наркомзема. Москва, 1923 г., стр. 37).

Далее, у нас есть большой опыт с концессионными заводами на Урале, но, при господстве капитала в нашем государственном механизме, условия концессий (хотя бы непрерывность действия: если завод бездействовал в течение 3-х лет, то он подлежал возврату в казну) не соблюдались или обходились; в настоящее время условия концессионных концессий могли бы быть вновь обдуманно разработаны и точно соблюдаемы.

Арендные условия Главконцесскома, повидимому, очень отпугивают иностранный капитал; в передаче концессий на концессионном праве государственная власть могла бы много выиграть: концессионер мог бы исследовать продукцию, наметить определенный сбыт, изучить потребителя, его вкусы, создать штат коммивояжеров. Посмотрите, что сделал стальной трест в Соединенных Штатах:—он покрыл всю территорию Соединенных Штатов целой сетью контор, где всякому даются планы и указания, как можно построить дом из железа и бетона, и этим трест распропагандировал по всей территории страны этот способ постройки.

В настоящее время совершается в известной степени реэмиграция русских из Соединенных Штатов: там могли бы быть открыты отделения Колонизационного Банка или найден какой-либо солидный банк-корреспондент.

Так как нам неизбежно нужно сделать себе американскую прививку, а русские люди, пожив в Америке, зачастую американизировались, научились по американски работать и имеют кое-какие недостатки, то банк по соглашению с правительством, получив от последнего в качестве фонда известную площадь земли для культуры, стал бы пропагандировать об этом чрез эмигрантов в Америке; в свою очередь, такие эмигранты из Америки—это бродильные дрожжи для нас: от них наши крестьяне и рабочие будут учиться земледелию, колонизации; это в социально-деловой атмосфере почти что скрещивание разных пород, в результате чего бывает хорошее потомство. Этот приток другого человеческого материала, притом с более творческой головой, мог бы значительно увеличиться, и это для нас было бы огромным плюсом. Это стало-бы выращивать у нас творчество и заражать наше население. Но опять это под-силу только такому гибкому учреждению, как банк.

Тезисы к проекту Колонизационного Банка.

I. Вследствие недостатка средств у государства, это последнее не может взять исключительно на себя задачу по колонизации. Нельзя передать ее и частному обществу.

II. Лучшее всего колонизацию организовать по банковскому принципу в форме Колонизационного Банка, при участии в нем заинтересованных.

III. В создании Колонизационного Банка заинтересованы государства, окраинные области и тресты, или государственные промышленные объединения, нуждающиеся в сырье.

IV. Капитал Колонизационного Банка может быть образован при участии этих заинтересованных сторон: 1) государства, которое свою долю могло бы покрыть сравнительно легко реализуемыми концессиями; 2) окраинных областей (то же покрытие) и в 3) трестов, которые свою долю капитала могли бы внести продукцией, легко реализуемой.

V. Банк ведет троякого рода операции: 1) чисто банковские, 2) берет концессии от государства, окраинных областей, самоуправлений и их реализует, при том или ином своем участии и в 3) чисто колонизационное отделение.

VI. Банк непременно должен иметь при себе так называемое бюро изучений для ознакомления с концессиями, привлекая в это бюро вполне компетентных лиц, так как только вполне и всесторонне изученные концессии могут быть легче всего помещены за границей.

VII. При наших богатствах, притом мало эксплуатируемых, взятие банком опционов на концессии и реализация их может представить весьма крупное дело.

VIII. В целях лучшего осуществления колонизаторских задач, Колонизационный Банк обзаводится разного рода так называемыми „дочерними обществами“ (Töchter-Gesellschaften), как то: для устройства под'ездных путей, кирпичных заводов, снабжения населения усовершенствованными сельско-хозяйственными машинами, тракторами и т. д.

IX. На первых порах надежда на привлечение иностранного капитала к участию в Колонизационном Банке довольно слаба; иностранный капитал позже можно привлечь к участию в разного рода концессиях.

X. Должен быть поставлен на обсуждение вопрос об использовании при колонизации труда безработных и инвалидов.

XI. Позднее, когда образуется целый ряд акционерных обществ при участии банка для эксплуатации тех или других концессий и выяснятся уже финансовые результаты некоторых из этих обществ, можно будет банку образовывать из пакетов акций от этих обществ так называемые финансовые общества по образцу американских, с выпуском новых бумаг под эти пакеты, при чем можно думать, что дивидендность этих акций будет, во 1) выше чисто-государственных бумаг, во 2) эта дивидендность, вследствие соединения акций, находящихся под воздействием разных конъюнктур, будет устойчивее и потому такие бумаги, выпущенные под эти акции, можно думать, найдут довольно легкий сбыт среди населения.

Роль кооперации в колонизационно-переселенческом деле.

1.

Одним из актуальнейших вопросов ближайшего будущего явится, несомненно, вопрос переселенческий. И не потому, что в общем плане государственных мероприятий до него просто дойдет очередь, а в силу той неизбежности, которая издавна являлась характернейшей чертой нашего колонизационного процесса.

В русской истории еще не было случая, чтобы переселение начиналось, продолжалось и кончалось именно тогда, когда это было удобно или нужно государственной власти. Более того, не раз случалось, что правительство открывало переселение из такой-то губернии в такую-то и в таком-то количестве, а переселенцы шли совсем из других местностей, в другие районы и в совершенно непредусмотренном числе и качестве. Такого рода неожиданности не раз путали все расчеты, и неоднократно царское правительство ставилось переселенческой волной в весьма затруднительное положение. Нечего и говорить, что все вытекавшие отсюда тяжелые последствия ложились бременем прежде всего на плечи самих же переселенцев, и множество разоренных и погибших семей являли тому печальное доказательство.

Так называемая „стихийность“ переселенческого процесса обуславливалась в дореволюционную эпоху рядом причин самого разнообразного свойства. Здесь, в разные времена, играли роль и социально-политические, и экономические факторы, но основным поводом для переселения новейшего времени оказывалось не что иное, как „малоземелье“. Малоземелье не столько в буквальном смысле этого слова, т.-е. не абсолютно малое количество земли, на котором немислимо вообще вести какое бы то ни было хозяйство (хотя значительное количество крестьян после „освобождения“ было поставлено именно в такую невозможность), сколько такое, при котором, при данной системе хозяйства, данных рыночных отношениях и экономических условиях местности, хозяйство давало прямой убыток, силы растрчивались непроизводительно и эффект получался ничтожный. Такое „относительное“ малоземелье, причины которого крылись во всей обстановке нашей прошлой народно-хозяйственной жизни, и побуждало миллионы переселенцев, брести, зачастую, куда глаза глядят и устраиваться на неведомых землях как попало.

Государство, с его хорошо налаженным в свое время административным аппаратом, пыталось неоднократно взять в свои руки инициа-

тиву в переселенческом движении. Но, как указывалось выше, эти попытки большею частью кончались неудачно, и если все же правильным по существу оказывается утверждение, что исключительно быстрому подъему производительных сил Зауралья, в конце XIX и начале XX веков, последнее всецело обязано переселенческому процессу, то не менее правильной явится и оговорка: заслуги собственно правительства тут было немного.

Да оно и понятно. „Лечить“ переселением основные язвы государственного организма вообще нелепо, как нелепо было предполагать, что переселением, т.-е. перемещением на окраины государства наиболее „беспокойного“ земледельческого элемента, можно разрешить аграрный вопрос и тем предупредить аграрную революцию. Достаточно в этом отношении знать, что из двух миллионов ежегодного человеческого прироста в России до войны только одну четверть с чрезвычайными трудностями удавалось пребросить за Урал, не беря на себя полной ответственности за последствия, — три же четверти должны были рассасываться, так или иначе, в города, в промышленность и путем дальнейшего самоуилотнения. Между тем развитие капиталистических отношений в деревне и классовая, в результате столыпинских мероприятий, дифференциация крестьянства являлись факторами дальнейшей отслойки бедноты, приложение рук которой в густо населенных районах, при их медленном, сравнительно, темпе сельско-хозяйственной и обще-экономической эволюции, оказывалось невозможным. Отсюда — новые и новые кадры переселенцев, определенно бедняцкого типа, шедших уже не на лучшие, к тому же ранее разобранные земли окраин, а на худшие, требовавшие колоссального труда для освоения.

К началу империалистической войны царское правительство осознало, наконец, свое основное заблуждение в этом вопросе, и, под влиянием очевидности, выдвигает уже новый лозунг — колонизация. Открестившись от прежних попыток видеть в переселении универсальное средство от всяких бедствий, оно предполагает теперь пользоваться этим явлением лишь как способом оживления окраин, — способом развития их производительных сил. Конечно, лозунг этот не мог быть проведен на деле последовательно, так как наряду с чисто экономическими предпосылками колонизации царское правительство осуществляло и резко выраженную политическую тенденцию — особенно в отношении инородцев. С другой стороны, столь же открытым продолжал оставаться вопрос о перенаселенности центра, т.-е. о том самом относительном малоземелье, которое толкало и должно было толкать крестьян к поискам новых земель в количестве, не соответствовавшем интересам только колонизации, и, в итоге, переселенческий вопрос, как производный от аграрного, оказывался как бы неразрешимым. „Только решительная ликвидация крепостничества в исконных русских губерниях способна обеспечить быстрое, широкое развитие колонизации наших окраин“, — писал еще в 1908 году Ленин, и иных, повидимому, способов разрешения переселенческого вопроса во всем его целом не было.

С провозглашением в Октябре 1917 года лозунга — „вся земля — трудовому народу“, — сила последовавшего вслед затем революционного действия в области аграрных отношений сосредоточилась, естественно, в руках того огромного большинства деревни, которое было лишено до сих пор элементарных средств своего производства и которое потребовало теперь себе прежде всего земли. Начавшись по линии наименьшего сопротивления — помещичьих владений, — это дей-

ствие весьма скоро вылилось во внутреннюю классовую борьбу, в результате которых отмерли оба крайних фланга и самой деревни: часть деревенского пролетариата и бедноты окрестянилась, сельская же буржуазия обеднела. Но, как и следовало ожидать, всеобщее поравнение земли повлекло за собою чрезвычайно тяжелые экономические последствия, так как в процессе этого поравнения потерпели значительный урон и остатки тех сельскохозяйственных ценностей, главный удар по которым был нанесен империалистической, а затем и гражданской войной. Вовлечение в поравнительский оборот, велел за ликвидацией нетрудового землевладения не только крупного, но зачастую также и середняцкого крестьянского хозяйства, непополнение деревни сельскохозяйственными орудиями, семенами и вообще всем тем, чем снабжала до тех пор крестьянское хозяйство городская промышленность, прекращение отхожих заработков и разрушение вообще вземземеделческих промыслов крестьянского населения, — продрозверстка, и иные „жесткие“ мероприятия первого периода революции, в связи с полной неопределенностью земельных отношений крестьянства и неуверенностью последнего в завтрашнем дне, — имели прямым своим последствием, к 1921 году, катастрофическое сокращение посевной площади, урожаев и валового сбора хлебов, потерю крупного рогатого скота и лошадей, и общую, обусловленную этим, паузернизацию деревни, с превращением крестьянского хозяйства из состоящего приближения к товарности (до войны) в резко выраженное натурально-потребительское.

При всех данных условиях завоевание крестьянством, в общем и целом, около 20 миллионов десятин бывшей помещичьей земли не произошло, да и не могло произойти сразу, достаточного экономического эффекта, как по незначительности увеличения таким путем общей площади крестьянского землепользования в наиболее малоземельных районах, так и потому, что освоить хозяйственно даже и прежнюю свою землю, крестьянство, не будучи обеспечено в должной мере ни живым, ни прочим инвентарем и пополненное к тому же вернувшимся из городов по демобилизации элементом, оказывалось не в состоянии. В иных местах не получалось к тому же и столь долгожданной прирезки: там, где по непосредственному соседству с крестьянами не находилось помещичьих и, вообще, нетрудовых земель, а крестьянской буржуазии налицо не оказывалось, — малоземельные и безземельные вынуждены были остаться ни с чем.

В результате борьбы за землю, всякое помещичье, а также крупное крестьянское хозяйство исчезло повсеместно, и земледельческая Россия, со всеми ее классовыми и прочими перегородками, обратилась в огромную и однородную, в общем, деревню, с миллионами мелких и экстенсивных хозяйств.

Собственно переселенческий вопрос успел пережить за это время несколько стадий. В самом начале революции огромное количество плохо устроившихся на новых землях в Сибири крестьян направилось обратно „в Россию“, в чаянии получения своей доли при дележе помещичьей земли. Наряду с этим, за одну только весну 1918 года свыше 200.000 крестьян и рабочих наиболее малоземельных губерний двинулось встречным потоком за Урал. Далее, лишившиеся посторонних заработков группы сельского населения промышленных губерний начали стремиться на юг и на юго-восток, и туда же потянулись толпы вытесненных из Туркестана и Киргизии переселенцев прежнего времени. Затем, неурожай 1920 и 21 года в семи центральных губерниях вынудил правительство открыть из них переселение в Сибирь —

в порядке уплотнения старожилов, — а засуха на юго-востоке погнала сотни тысяч местных жителей в самые различные районы Республики, преимущественно на пропитание. Если к этому добавить, что в самой Сибири тем временем происходил процесс „сползания“ переселенцев с северных таежных участков на южные, а в степном крае имело место обратное движение, с юга на север, то общая картина чрезвычайно беспорядочного и перекрещивавшегося перемещения населения за последнее пятилетие с одних мест на другие — перемещения не столько в поисках обусловленного крайней экономической нуждой нового места хозяйствования, сколько вызванного преходящими причинами, — окажется достаточно полной.

К настоящему времени многие острые и ненормальные стороны народно-хозяйственной жизни, укладывающейся в новые формы, сгладились. Жизнь эта постепенно входит в свою колею, — уже намечаются более или менее реально перспективы ее эволюционного развития, а с тем вместе представляется возможным определить в ближайшей перспективе и место переселенческого вопроса в ряду других вопросов нашей общей и с.-х. политики.

Схематически, основные предпосылки в области современной постановки переселенческого вопроса могут быть выражены следующими положениями.

1. Если не в прежних размерах, то во всяком случае в достаточно большом, исчисляемом миллионами людей, количестве у нас имеется налицо перенаселение деревни, т.-е. такое ненормальное (в сторону чрезмерности) соотношение рабочей силы к единице полезной земельной площади, которое при данной экономической конъюнктуре и данном состоянии сельско-хозяйственной техники, обуславливает экономическую необходимость либо приложения излишней рабочей силы к другим промыслам или занятиям, либо использования ее путем увеличения емкости данной территории, либо, наконец, предоставления этому излишку новых мест для хозяйствования.

2. Индустриальная промышленность и города не могут по темпу своего развития в ближайшем же будущем производительно впитать в себя все излишнее население деревни. Считая ежегодный прирост нашего, теперь, населения в 1.500.000 человек — в лучшем случае только 50% найдут себе заработок в городской промышленности, вне сельского хозяйства.

3. Увеличение емкости территории, находящейся в руках у самих крестьян, путем, с одной стороны, землеустройства, т.-е. приближения крестьян к земле (введение в обработку всякого рода дальних земель и уничтожения неудобств землепользования), а с другой — мелиорации „бросовых“ угодий (кустарников, болот и т. п.) — способно серьезно разрядить перенаселенность, но на это дело требуется и довольно много времени, и, главное, много средств, тогда как именно капитал находится сейчас и у государства и у крестьян в минимуме, а сила перенаселения дает себя знать ощутительно именно теперь. Поэтому едва ли более 10—15% прироста населения деревни ежегодно будет поглощаться увеличением емкости территории.

4. Увеличение трудоемкости самих крестьянских хозяйств может также существенно отразиться на разрядении человеческого накопления в деревне. Однако, степень трудоемкости хозяйства в значительной мере зависит от развитости рынка, каковая развитость обуславливается множеством привходящих и медленно образующихся причин. В виду этого было бы неосторожно рассчитывать, что таким путем перенаселенность будет поглощаться, ежегодно, более чем в 10%

прироста. При этом следует еще иметь в виду, что чрезмерное развитие трудоемкости крестьянских хозяйств способно привести к результатам так называемой китайской с.-х. культуры, наиболее трудоемкой, но и наиболее непроизводительной по труду.

5. Ставка на интенсификацию хозяйства вообще оказывается обоюдоострой в отношении переселенческого процесса. Дело в том, что чем интенсивнее хозяйство, тем болезненнее отзываются на нем излишние силы, и опыт прежних лет показал, что наибольший % выселений стал в последнее время упадать именно на губернии (напр., западные), где интенсификация пошла вперед быстрым темпом. Таким образом, повлиять на разрежение перенаселенности интенсифицирование с.-х. производства в районах сравнительно густонаселенных не может; отнюдь, конечно, не сможет повлиять в ту же сторону механизация производства: последняя, напротив, обострит перенаселенность до крайности, если в предупреждение этого не будут, параллельно, предприняты иные меры.

6. Итак,—допуская, что до 75% ежегодного прироста будет так или иначе находить приложение своего труда на месте, в отношении остальных 25%, т.-е. около 400.000 душ, было бы экономически целесообразно допустить хозяйственную эмиграцию. Это — минимум, так как здесь не приняты во внимание те миллионы основного населения, которые, в известной, во времени, доле, также должны будут как-то устроиться, во избежание усугубления переживаемой теперь нами беды — перепроизводства труда на освоенной части Республики. Известную помощь здесь могут оказать колхозы.

7. Наряду с перепроизводством труда мы имеем дело с другой бедой нашей народно-хозяйственной жизни — исключительно малой насыщенностью крестьянских хозяйств капиталом. Это обстоятельство, наряду с отсутствием оборотных ресурсов и у государства, до чрезвычайности затрудняет, в частности, разрешение переселенческого вопроса, поскольку последний неизбежно связывается с использованием излишка нашей рабочей силы в целях экономического развития мало освоенных территорий Республики. И самый процесс выселения, и эта последняя задача упираются при данных условиях как бы в тупик, вследствие необходимости одновременно затратить на организацию этого дела крупные средства.

8. Идеологически, переселенческий вопрос не мыслится ныне самостоятельно, как самодовлеющая задача. Считается аксиомой, что мы будем только пользоваться человеческими кадрами для целей колонизации. Однако, самая неизбежность этого использования заставляет рассматривать колонизационную проблему, как проблему двустороннюю, и в построении жизненных колонизационных мероприятий весьма серьезно учитывать переселенческий момент. Поэтому, любые колонизационные планы ближайшего будущего должны рассчитываться прежде всего на ежегодное устройство хотя бы минимума семей из вышеуказанного 25% прироста и лишь в том случае базироваться на более утонченных приемах и способах колонизации (подбор колонистов и т. п.), когда первая и насущнейшая необходимость в области переселения будет удовлетворена, хотя бы частично.

9. Пространственные ресурсы для колонизационных мероприятий у нас почти беспредельны, исчисляясь в десятки миллионов десятин на Севере, в Сибири, на Юго-Востоке и т. д. Но во всем этом составе едва ли наберется несколько тысяч десятин земли, вполне пригодной для немедленного заселения без подготовительных работ и без организации экономических условий для развития хозяйства. Весь остальной

массив требует той или иной мелиорации, предварительного устройства местного населения, проведения дорог и т. п. Следует, далее, отчетливо помнить, что самое хозяйственное устройство одной семьи на вполне подготовленном участке обойдется для этой семьи (постройка зданий, стоимость инвентаря и проч.) не менее чем в 2.000 руб. зол.

10. Таким образом, принимая во внимание: а) что уже сейчас в распоряжении НКЗ имеются отдельные категорические требования на переселение более чем от 100.000 душ—преимущественно из западных губерний (общего обследования нужды в выселении до сих пор еще, к сожалению, не произведено), б) что от 50 до 90% этого состава оказываются крестьянами малоимущими, в) что интересы колонизации (увеличение продукции высоко ценных твердых сортов пшеницы, технических растений и продуктов животноводства) властно указывают на Нижнее Поволжье, как на первоочередной район восстановления производительных сил нашего Юго-Востока, г) что те же интересы находятся, однако, в противоречии с наличными материальными, у государства и у крестьян, как у отдельных производителей, ресурсами, ибо организация заселения Поволжья, требующего обводнения и применения особых систем полеводства, обойдется достаточно дорого (не менее 25-30 рублей на десятину, помимо вышеуказанных расходов на обзаведение хозяйством*), и д)—что в других районах положение, в общем, оказывается аналогичным,—перед русской общественностью во всей своей остроте встает вопрос о том, как примирить указанные противоречия и тем вывести государство и крестьянскую массу из крайне затруднительного, могущего повлечь за собою чрезвычайно тяжелые экономические последствия, положения в колонизационно-переселенческом деле.

И здесь, как, впрочем, и по множеству других, не менее серьезных, вопросов в области аграрного строительства, наша мысль невольно обращается к крестьянской самодеятельности в организованной форме: т.-е. к кооперации, которая, по нашему глубокому убеждению, могла бы многому помочь в этом деле.

II.

В деле даже колонизации прошлого кооперативные объединения крестьянства уже заявили себя как организации еще, быть может, более жизненные и необходимые, чем возникающие в связи с общими условиями крестьянского быта.

Оторванные от обжитых мест, очутившиеся на непривычном земельном просторе, вдали от путей сообщения и рынков сбыта, вынужденные строить свое хозяйство как-то по новому, наши переселенцы, к тому же, по преимуществу, бедняки, силою вещей оказывались в необходимости собственной самодеятельностью восполнить то, чего не обеспечивало им государство и, хотя бы по инстинкту самосохранения, объединять свои разрозненные хозяйственные силы в кооперации.

Действительно, если обыкновенный русский пахарь—рабочий, становясь хозяином торговцем единолично, терял, в пределах своего торгового оборота сельско-хозяйственного года, за счет всякого рода

* Без предварительной всесторонней подготовки участков к заселению в Нижнем Поволжье и на Ю. В. (прежде всего обводнение),—мы лично считаем невозможным говорить о какой бы то ни было колонизации этого плодороднейшего, но и опаснейшего в отношении засухи края.

посредничества, от 30 до 40%, то неизмеримо больше еще убытков должен был терпеть предоставленный своим единоличным силам переселенец в деле превращения привезенных с собою скудных средств в реальный капитал по хозяйству и дому, и еще больше — по реализации продуктов своего нового хозяйства, рассчитываемого по сравнительно значительной площади земли на товарность.

Поэтому, во всех районах прежнего оседания переселенцев получила широкое распространение прежде всего кредитная кооперация, затем, соответственно специфическим экономическим условиям некоторых местностей Зауралья, маслодельная и хлопковая (по оборудованию хлопкоочистительных заводов), далее — потребительская, и, наконец, — по сбыту хлеба и пушнины.

Переселенческая кооперация шла, так сказать, по линии наименьшего сопротивления: она не задавалась особо широкими, либо сложными достижениями, но направлялась на то, без чего само бытие переселенцев оказывалось просто невозможным. При этом преодолевались все затруднения, которые в обычных условиях надолго задержали бы кооперативное движение. Низкий уровень развития переселенческой массы, неурядицы на почве разницы в бытовом укладе содиняющихся в новосельческой деревне выходцев из разных местностей России, разобщенность переселенцев значительными расстояниями, более чем неустойчивое экономическое положение их в первые годы водворения, естественное подпадание в зависимость от местных торговцев-аборигенов, отсутствие руководителей и добросовестных советчиков, — все эти обстоятельства, если и затрудняли кооперирование переселенцев, то только лишь в темпе и во времени, отнюдь не будучи в состоянии заглушить этот жизненно необходимый особенно в районах колонизации процесс.

И чем беднее и беззащитнее, экономически, оказывались переселенцы в новых условиях хозяйствования, тем более практичными и глубокими представлялись формы их кооперативного строительства: так, наиболее бедные переселенцы Забайкалья восприняли, как общее правило, объединение в трудовые артели для совместной обработки земли, при чем кооперативное начало проникало здесь вглубь, настолько, что скот и мертвый инвентарь обобществлялись; далее, затерянные в Мариинской и Зачулымской тайгах переселенцы организовывали особые товарищества по переработке древесины; новоселы степных областей кооперировались по закупке скота и т. д. и т. д.

В итоге, и независимо от той трудно учитываемой, но колоссальной роли, которую сыграли переселенческие кооперативные объединения в общем деле экономического подъема Зауралья (напр. в маслоделии) и, в частности, в деле спасения переселенческих семей от полного, по немыслимости единоличного приспособления, разорения, следует отметить тот непреложный исторический факт, что сибирский неурожай 1911 года был пзжит сравнительно безболезненно только благодаря кооперативным ячейкам, своевременно поддержавшим голодавшее население и тем сохранившим его производственную потенцию.

Словом, должно быть признано аксиомой, что кооперация в колониационном деле, при всяких направлениях и методах осуществления последнего (пример, в частности, Канадской и Американской колонизации, где все фермеры колонисты объединены в хозяйственные товарищества) является совершенно необходимым звеном в цепи соответствующих мероприятий.

При этом, естественно, объем и формы самодеятельности населения находятся в прямой зависимости от меры средств и усилий,

которые уделаются государством на правительственную организацию колонизации. Сторублевые ссуды и пособия прежнего времени переселенцам не могут здесь учитываться, конечно, как серьезная мера содействия, и гораздо большее значение в этом деле имели организованные Переселенческим Управлением сельско-хозяйственные, лесные и торгово-продовольственные операции по обслуживанию переселенцев.

Не обладая, как мы знаем, сколько-нибудь достаточными для восстановления и развития сельского хозяйства, сравнительно с неисчислимыми его потребностями, ресурсами, наше государство не может теперь собственными средствами организовать должным образом и колонизационное дело, несмотря на всю его необходимость. Оно более чем когда-либо не может от начала до конца обслужить колонизационно-переселенческий процесс, и сколько-нибудь положительные результаты от правительственных начинаний в этом деле смогут получиться—особенно при данных условиях—только тогда, когда через посредство начинаний этих будут в данной области извлечены и приведены в движение собственные крестьянские средства и вызвано проявление организованной крестьянской самодеятельности. Крестьянская специально колонизационно-переселенческая кооперация, в интересах самого крестьянства и государства, должна быть привлечена здесь к выполнению плановых мероприятий правительства и,—широко, по возможности, кредитуемая, а значит, и контролируемая последним,—поставлена в положение наибольшей активности.

В каких же направлениях и в каком объеме мыслится, при всем вышеизложенном, массовое организованное участие крестьянства в колонизационно-переселенческом деле?

Вышеприведенною (I) обрисовкою современного положения этого дела в значительной степени предопределяется и ответ на последний поставленный вопрос.

А именно. Прежде всего, широкое и всеобъемлющее кооперирование крестьянства в обжитой полосе России сможет, в отношении парализования беды перенаселенности, сделать больше, чем любые собственно правительственные, непосредственные, мероприятия. Мелиоративные товарищества введут в хозяйственный оборот миллионы десятин бросовой земли; товарищества, созданные для совместной организации землеустройства, приблизят землю к ее хозяевам и тем во много раз увеличат емкость используемой территории; товарищества по совместной обработке земли дадут возможность производительного приложения труда наименее имущим сельским хозяйствам,—трудовые земледельческие артели и коммуны послужат той же цели, предупредив распыление единоличных хозяйственных сил. Общая, при всем том, кооперация крестьянства, направленная на массовую рациональную организацию сельско-хозяйственного производства и, в частности, на его интенсификацию, увеличит, естественно, трудоемкость хозяйства, и тем поднимет общее благосостояние самых бедных групп сельского населения настолько, что районы колонизации освободятся, несомненно, от обязанности принимать к себе засельщиков—на 90% маломощных.

Таким образом, развитие кооперации во всех ее направлениях и формах во всей стране не только косвенно, но и прямо отражается на переселенческом вопросе, и чем это развитие интенсивнее, тем меньшую остроту приобретают „выселенческие“ опасности.

Поэтому, в качестве общей меры по ослаблению аграрного перенаселения мы рекомендовали бы максимальное стимулирование кре-

стьянства к организованному объединению там, в первую очередь, где признаки перенаселенности обнаруживаются особенно ярко. Результаты скажутся немедленно.

Это — первое. Дальнейшим же действием государственной власти уже может явиться организация, при посредстве крестьянской кооперации, выселения из данного района абсолютно избыточного (не нашедшего приложения своего труда ни в промышленности, ни при посредстве сельско-хозяйственной кооперации) населения в те или иные районы колонизации.

И здесь уже может быть поставлен вопрос о специальных целевых формах хозяйственного объединения переселенцев.

Переселенческое или колонизационное крестьянское товарищество, объединив в своей инициативной группе желающих переселиться хозяев, прежде всего изыскивает, при помощи правительственных учреждений, определенный район и участок колонизации, выясняет все условия хозяйственной на нем деятельности, характер и стоимость работ по приведению земли в пригодное для немедленного заселения состояние, разрабатывает план производства этих работ и план заселения, учитывает все необходимые для переселения средства и в соответствии с этим формирует полностью состав товарищества, с присоединением к нему лиц вспомогательных профессий.

Далее, получив должную регистрацию, и, в случае надобности некоторый кредит, оно направляет своих же сочленов на подготовительные к заселению работы, строит на месте колонизации необходимые временные или постоянные помещения и оборудования, обеспечивает ко времени прибытия первых групп засельщиков наличие семян, удобрений и основных видов как мертвого, так и живого инвентаря; вместе, с тем товарищество производит все необходимые действия по ликвидации земельных и имущественных отношений своих сочленов на родине, пополняет этим свои средства, приобретает за счет их все необходимое на месте колонизации (включая сюда весь инвентарь), и организует, наконец, самое переселение.

На месте колонизации товарищество, по окончательном водворении, может преобразоваться уже просто в обычный вид кооперативного объединения, на первых порах, однако, сосредоточив свою работу на общественной обработке земли по определенной системе. Дальнейшая судьба кооператива — вопрос местных условий, при чем, однако, совершенно ясно, что если еще до переселения крестьяне надлежаще объединятся, то при осуществлении колонизации это объединение само собою и неизбежно разовьется в настолько мощную и крупную организацию, что ее существованием будут полностью обеспечены как кредитные, продовольственные и производительные нужды новоселов, так и плановые интересы государства, наряду с обслуживанием культурных надобностей переселенцев. Именно кооперативами в районах колонизации будут созданы местные рынки, и только при наличии густой сети организованных объединений будет гарантирован действительный экономический прогресс колонизируемой местности. Широкие перспективы откроются, таким путем, и для естественной, на базе колонизации, коллективизации хозяйства.

Об успешном, вообще, действии колонизационных объединений свидетельствует, в частности, опыт Запада. В Германии, в Дании, Ирландии и Голландии „кооперативная“ колонизация имеет свои прецеденты, и, нужно сказать, результаты такой колонизации превзошли все ожидания. Там приспособление земель к колонизационным целям лишь частично составляет обязанность правительства: центр тяжести работ лежит

либо на специально образуемых для того обществах (получающих, кстати, с переселенцев крупный % на затраченный капитал), либо на колонизационных рабочих кооперативах, при чем некоторые из последних настолько специализировались в этом деле, что, осуществив сами колонизацию, принимают затем соответственные „подряды“ от других групп в районе своего оседания. Широко проектируется тот же кооперативный способ колонизации и евреями в Палестине, несмотря на высокую ценность приобретаемых колонистами земельных участков (45% затрачиваемого на колонизацию капитала).

В наших современных условиях эти 45% полностью отсутствуют¹⁾, заменяясь незначительным расходом на образование и приспособление участка. Остальные же расходы на организацию колонистского хозяйства (примерно: 35% на постройки, 20% на основную и дополнительную мелиорацию участка и 45% на постоянный оборотный капитал, считая в последнем живой и мертвый инвентарь, семена, а также до 9% от общего капитала на содержание семьи до первого урожая), в сумме, примерно, 2.000 рублей на семью, могли бы, примерно же, покрыться в 10 своих % государством путем прямых ассигнований на это дело, в 40% — кредитом и в 50% — средствами самих колонистов.

Выгодность такого рода кооперативной колонизации совершенно очевидна, так как только при данных условиях будет обеспечено в полной мере согласование принципа экономии скудных государственных средств с неотложною нуждою в осуществлении колонизационного переселенческого дела, столь необходимого прежде всего самим крестьянам. И только при образовании специальных кооперативов, т.-е. при наличии гарантии в хозяйственной целесообразности предприятия, может быть получен достаточный кредит, взамен тех ничтожных индивидуальных „способий“, которыми обычно думают помочь переселенцу в его хозяйственном устройстве.

Учреждение кооперативного колонизационного банка — логическое следствие всего вышеизложенного.

Само собою разумеется, что независимо от общего стимулирования кооперации в местах наметившегося выхода и объединения действительно нуждающихся в переселении хозяев в примерно выше-назначенные колонизационные артели (формы их могут варьировать до бесконечности), необходимо еще особо стимулировать кооперацию и местного, всегда сравнительно многоземельного, населения колонизируемых районов, чтобы вновь притекающие кооперативы органически сливались с уже существующими.

Такова, в самых общих, элементарных, чертах схема предлагаемых мероприятий. Она, конечно, требует серьезного уточнения и развития, но это не составляет уже задачу настоящего очерка, рассчитанного лишь на постановку вопроса, честь практического разрешения которого должна принадлежать непосредственным работникам русской кооперации в деревне.

---

¹⁾ Как, впрочем, отсутствуют теперь у переселенцев и средства, выручавшиеся ими от ликвидации их земельных наделов на родине и шедшие на организацию хозяйства на новых местах, где земля, по общему правилу, давалась даром. Теперь эти средства до известной степени могут быть заменены вознаграждением за вложенный труд и неиспользованные улучшения.

К плану колонизационно-переселенческих мероприятий Наркомзема на 1923—24 год *).

Общие обоснования плановых мероприятий.

Минувший 1923 год характеризуется быстрым нарастанием переселенческой волны. Произведенный Переселенческим Отделом Наркомзема учет заявок на переселение за время с 1-го января 1922 г. по 1-ое января 1924 г. дал цифру в 107.592 души или 21.510 хозяйств. Если принять во внимание, что Наркомземом было широко опубликовано о закрытии переселения и о безрезультатности ходатайств, вследствие чего население обращалось с ними лишь в исключительных случаях, то действительное число желающих переселиться следует считать во много раз выше. Один Витебский Губисполком считает число возможных переселенцев из губернии на ближайший период в 50.000 хозяйств, или в 300.000 душ. Смоленская губ. определяет количество избыточного в губернии сельскохозяйственного населения, подлежащего переселению, в 347.882 души; Гомельская губерния уведомляет, что ей с большим трудом удастся сдерживать стремление к переселению; из других губерний поступают аналогичные сведения. Во многих случаях население, не дожидаясь открытия переселения, осуществляет его самовольным порядком: так, Самарское Губземуправление сообщает, что в пределы губернии движутся поездами и гужом огромные массы переселенцев преимущественно из Сибири и Киркрая, и высказывает уверенность, что с весны это движение сильно возрастет. Наблюдениями проф. Рыбникова минувшим летом установлено огромное количество крестьянского населения, снимающегося из Алтайской губернии идвигающегося на запад, в пределы Европейской России; размер этого движения он определяет, примерно, в 100.000 душ. Самовольное переселение имело место в течение минувшего года и из западных, северо-западных и северных губерний, при чем, по сообщениям местных органов, рост самовольного движения сдерживается исключительно надеждами на то, что весной 1924 г. последует открытие переселения. В отличие от периода 1920—1921 г. г., когда кадры переселенцев рекрутировались преимущественно из лиц, бежавших временно от тяжелых продовольственных затруднений и не помышлявших о прочном земельном устройстве на новых местах, теперь главной задачей переселенцев является желание совсем порвать

*) Доклад Управляющего Переселенческим Отделом Наркомзема, М. А. Большакова, сделанный в заседании Гос. Колонизационного Научно-Исследов. Института.

со своим прежним местом жительства и обосноваться на новом. В этом отношении современный тип переселенца ничем не отличается от переселенца дореволюционного времени. Под влиянием нажима со стороны крестьянского населения ряд земельных органов преимущественно западных губерний самым решительным образом настаивает на открытии переселения в 1924 г., указывая, что в противном случае население будет сниматься с места самовольным порядком.

Указанная цифра заявок в 107.592 души распределяется между отдельными районами выхода следующим образом:

из западных губерний	58.344 д.
„ северо-западных и северных	19.487 д.
„ центрально-черноземных	11.202 д.
„ Закавказья	10.652 д.
„ центрально-промышл. района	1.103 д.
„ Сибири и Дальнего Востока	3.912 д.
„ Украины	767 д.
„ Поволжья и Юго-Востока	2.125 д.

Главным районом выхода являются, таким образом, западные и северо-западные, отчасти—северные губернии; основными причинами, толкающими на переселение, указываются малоземелье и отсутствие заработков. Закавказье дает почти исключительно сектантов, духоборов и молокан, в свое время принудительно переселенных туда царским правительством. Что касается переселенцев из Сибири и Киркрая, действительное число коих во много раз превышает заявку, то причины этого движения весьма разнообразны и во всей полноте не установлены. Представляется крайне необходимым поставить специальное обследование, чтобы выяснить эти причины и в соответствии с ними принять те или иные меры. Но некоторые из причин не вызывают сомнения: они указаны в дальнейшем изложении. Украина, дававшая ранее наибольшее количество переселенцев, в настоящее время стоит по заявкам на самом последнем месте.

Из общей суммы поступивших заявок указано о желании переселиться:

в Поволжье	62,3%
на С. Кавказ	15,6 „
на Украину	10,9 „
в Крым	7,8 „
в Сибирь	1,0 „
в прочие места	2,4 „

Центром, куда направляются со всех сторон волны переселенческого движения, является, следовательно, Поволжье и Юго-Восток, дающие в общем свыше $\frac{3}{4}$ всех заявок; одно Поволжье дает почти $\frac{2}{3}$ заявок. Причина, заставляющая стремиться в Поволжье, заключается в наличии там свободного неиспользуемого фонда, образовавшегося из бывших частновладельческих и казенных земель, а также трудовых земель, освободившихся после голода 1921 года. Легкость освоения этих земель, их доступность и близость к населенным районам, значительное количество построек, освободившихся после выбывших хозяйств, возможность доприселиться к существующим земельным обществам и, таким образом, сразу попасть в благоприятные бытовые

условия — все это чрезвычайно обостряет интерес крестьянства к Поволжью и вызывает тягу сюда даже из районов с совершенно иными естественными условиями, как, например, из Петроградской, Вологодской, Северо-Двинской и других губерний. Перед Поволжьем ступевались все другие колонизационные районы. Заявки на переселение в Сибирь сделались редким исключением.

Изложенные обстоятельства создают необходимость определить отношение к нарастающему переселенческому движению и наметить те или иные практические мероприятия. Бывшее Переселенческое Управление до революции находило в аналогичных условиях выход в усилении переброски переселенцев за Урал, лихорадочно развертывая работы по отводу переселенческих участков. В данное время такой способ не может быть применен. Запасы свободного земельного фонда, пригодного для заселения, резко сократились. Легкие и благоприятные земельные фонды Сибири в степной и лесостепной зонах следует считать исчерпанными. Проводить дальше ту систему уплотнения старожилого населения, которая была широко применена в 1920-1921 г. г. при переселении из 7 центральных губерний, в настоящий момент невозможно, так как в результате предшествующего уплотнения землепользование старожилов в степных и лесостепных районах испытало и без того резкое сокращение, понизившись местами до 2¹/₂ десятин на едока. Это обстоятельство является, без сомнения, одной из причин того, что как раз эти районы и дают в настоящий момент наибольшее количество переселенцев в Европейскую Россию. На учете Наркомзема в Сибири имеется в данный момент 3.141.212 десятин свободных переселенческих участков, образованных до революции, но они на 90% представляют собой тяжелый фонд, требующий крупных затрат на подготовку его к сельскохозяйственному использованию: раскорчевку, проведение дорог, осушку, обводнение и проч., и по справедливости считаются местными земельными органами „мертвым фондом“. Незаготовленный свободный фонд Сибири, пригодный для сельского хозяйства, представляет довольно крупную цифру в 14.935.800 десятин, но он характеризуется теми же свойствами. Крупный свободный фонд имеется на Севере Европейской России и на Дальнем Востоке, но, как и Сибирский таежный фонд, он в большей своей части труден для освоения и мало пригоден для массового рядового переселенца из земледельческой полосы Европейской России.

При условии, если государство возьмет на себя задачу на свои средства поставить подготовку таежного земельного фонда к заселению, он может дать большое количество переселенческих участков, но в настоящих условиях затрата государственных средств на эту цель представляется совершенно нерентабельной; по подсчетам, производившимся б. Переселенческим Управлением, оборудование одного переселенческого хозяйства обошлось бы со всеми расходами государства, примерно, в 1700 р., при этом, хозяйство будет настолько слабо обеспечено посевной площадью, что оно не в состоянии удовлетворить даже собственные потребности. Эти средства могут быть израсходованы во много раз производительнее, напр., на орошение хлопковых земель Туркестана, где они дадут высокоценную и крайне необходимую для государства продукцию. Помимо того, на таежный фонд Сибири, хотя бы и подготовленный надлежащим образом, пойдут преимущественно выходцы из лесных районов Европейской России;

для переселенцев из Центрально-Черноземного и других районов он окажется неподходящим.

Единственным районом с сравнительно благоприятными естественными условиями можно считать лишь Поволжье и Юго-Восток, но имеющийся там свободный фонд обладает ничтожной емкостью по сравнению с размером тяги к переселению и не превышает 50—60 тыс. душ.

Таким образом, состояние земельного фонда в настоящее время не оставляет никаких надежд на возможность продолжать в массовых размерах выселенческую политику и этим давать исход стремлению крестьянского населения к переселению. Но если бы этот фонд и существовал, он все равно не спас бы положения дела, как он не спасал и до революции, так как даже тогда, когда переселение достигало своего максимума, выражаясь в 700—800 тыс. душ в год, оно далеко не исчерпывало годичного прироста населения.

Причины, толкающие крестьянство к переселению, коренятся в недостаточном развитии производительных сил в сельском хозяйстве и в промышленности, что влечет за собой образование в деревне огромного избыточного труда, не имеющего приложения. В различное время и разными исследователями количество избыточного труда в Европейской России определялось от 18 до 30 мил. душ. Совершенно понятно, что никакой земледельческой колонизацией нельзя ослабить этот избыточный труд настолько, чтобы устранить стремление к переселению; последнее всегда останется. Государство должно быть готово к тому, чтобы найти другие пути и средства к борьбе с этим стремлением.

Эти пути заключаются в увеличении трудоемкости сельского хозяйства и промышленности, как в старых обжитых, так и в новых колонизируемых районах. С этой точки зрения перед Наркомземом стоит прежде всего задача вовлечь в оборот те 22 миллиона десятин удобной земли, которые расположены в пределах Европейской России в виде ежегодно пустующих пар и залежи. Если до сих пор вовлечение их в оборот представлялось невыгодным в виду наличности огромного свободного фонда в степных и лесостепных зонах Сибири, допускавшего применение дешевого экстенсивного земледелия, то теперь, когда этот фонд уже использован, а оставшийся таежный фонд требует крупных затрат, дело меняется, и ликвидация залежно-парового фонда Европейской России становится необходимой и выгодной; преимущество перед ним продолжает сохранять до некоторой степени лишь фонд Заволжья.

Невозможность широкой выселенческой политики далеко не означает, что колонизационно-переселенческие мероприятия должны быть в настоящее время сняты с очереди. Наоборот, именно теперь, очищенные от дореволюционной переселенческой горячки, они приобретают особый интерес и значение, а в некоторых случаях большую неотложность и спешность; но значение этих мероприятий должно быть перенесено в совершенно иную плоскость.

В данных условиях значение колонизации неразрывно связывается с задачей развития производительных сил и прежде всего с острой потребностью народного хозяйства в увеличении сельско-хозяйственной и промышленной продукции для внутреннего потребления

и для экспорта. При решении этой задачи окраины должны сыграть чрезвычайно важное значение, так как они обладают огромными запасами естественных богатств. В настоящий момент не может быть, конечно, и речи о том, чтобы развивать эксплуатацию природных богатств окраин во всех направлениях; она должна быть ограничена рамками самой строгой государственной необходимости и хозяйственной выгоды. Из всех природных богатств, имеющихся на окраинах, необходимо в первую очередь выделить те из них, которые имеют на рынке большой и устойчивый спрос, могут дать в кратчайшее время наибольшее количество продукции и при этом допускают эксплуатацию с широким привлечением частного и концессионного капитала. С другой стороны, из всех колонизационных районов необходимо выделить те, которые или находятся в непосредственной близости от внутренних и внешних рынков, или связаны с ними удобными и дешевыми путями сообщения. Соблюдение указанных условий обещает быстрое и выгодное возмещение добываемой продукции, а следовательно, и быстрое возвращение средств, затрачиваемых на хозяйственную эксплуатацию.

Учитывая вышеизложенное, Наркомзем полагает, что в качестве природных богатств, эксплуатация коих представляет наибольший в данный момент интерес, на первый план выдвигаются продукты сельского и лесного хозяйства, а в качестве первоочередных районов — Поволжье и Юго-Восток, Север Европейской России и Дальний Восток. Колонизация этих районов и должна рассматриваться, как первоочередная в ряду колонизационно-переселенческих мероприятий. Колонизацией этих районов, наряду с разрешением чисто хозяйственных задач, будет достигаться и другая цель — поглощение части избыточного труда Европейской России. Таким путем может быть удовлетворена наиболее острая потребность в переселении, но необходимо сразу же подчеркнуть, что переброска населения на окраины из обжитых районов не может быть целью, а лишь средством к разрешению определенных хозяйственных задач, и потому должна выполняться исключительно в пределах существующей потребности в людской силе, поскольку таковая потребность не удовлетворяется имеющимся на окраинах наличным населением.

Колонизационно-переселенческие мероприятия.

Первоочередным районом, имеющим исключительно важное значение и требующим к себе напряженного внимания и спешных государственных мероприятий, является Поволжье, где имеется свободный земельный фонд около 3.500.000 дес., расположенный в заволжских уездах Самарской, Саратовской, и Царицынской губ. Значение этого района основывается на том, что: 1) имеющийся там свободный фонд, будучи вовлечен в хозяйственный оборот, может дать огромное количество продуктов сельского хозяйства: зерновых хлебов, в частности, высокоценных твердых сортов пшеницы, технических растений, продуктов животноводства и проч.; 2) спрос на хлебные продукты и высокие по сравнению с довоенными цены на них на мировых рынках обеспечивают сбыт продукции; 3) удобные пути сообщения, связывающие Поволжье с внутренними и внешними рынками, допускают удобный

вывоз продуктов. Тот факт, что этот ценнейший земельный фонд остается без использования, приносит государству существенный ущерб. Если допустить самое экстенсивное использование этого фонда, приняв, что ежегодно под обработку идет лишь четвертая часть его, то и тогда ежегодная потеря государства на недобранной продукции, переводя ее на пшеницу, при урожае в среднем в 30 пуд. на десятину и при цене в 60 коп. пуд., выразится в 15.750.000 руб. зол. В действительности потеря будет значительно больше, если учесть доходность от скотоводства. Этот расчет делает мероприятия по использованию фонда Поволжья делом не только выгодным, но и совершенно неотложным. Помимо необходимости для государства в увеличении продукции, неотложность диктуется и другими соображениями.

Как уже указано выше, Поволжье в настоящее время сделалось центром, куда со всех сторон устремляются самовольные переселенцы. Темп этого самовольного переселения с каждым днем возрастает, угрожая принять стихийные формы, против которых местные органы окажутся бессильными. Особенно энергично идет переселение в форме доприселения к существующим обществам на так называемый выморочный фонд, и если не будут приняты немедленно же меры, то весь выморочный фонд, достигающий в одной только Самарской губернии 1.500.000 дес., будет таким доприселением использован. На первый взгляд можно было бы не возражать против такого порядка заселения пустующего земельного фонда, особенно если принять во внимание, что он не требует в данный момент от государства никаких расходов; но имея в виду своеобразные естественные условия Заволжья, этот порядок следует признать чрезвычайно опасным. Характерная особенность всего хозяйства Заволжья в прошлом заключалась в том, что оно не сумело овладеть этими естественными условиями и потому периодически испытывало серьезные потрясения вследствие неурожаев; та же особенность была основной причиной и катастрофы 1921 г., самовольное переселение опасно тем, что оно неизбежно будет стремиться воссоздать прежние формы хозяйства, а вместе с ними и все прежние предпосылки для новых катастроф.

Помимо того, самовольное переселение грозит интересам и местного населения. Ослабленное в последние годы местное население, поощряемое к тому же существующей налоговой системой, охотно допринимает к себе новых членов, равняя свою земельную обеспеченность по наличной хозяйственной силе; но тем самым оно обрекает себя на полную невозможность развить свое хозяйство впоследствии, когда оно восстановит свой инвентарь и свою хозяйственную энергию. Вместе с тем самовольное переселение в порядке доприселения неизбежно поведет к закреплению таких форм местного землепользования, которые в Поволжье всегда были одним из серьезных препятствий к улучшению хозяйства.

Вмешательство в земельно-хозяйственные отношения, которые будут складываться, а отчасти уже складываются в Поволжье, составляет самую неотложную задачу, так как только таким путем можно спасти ценнейший земельный фонд Поволжья для планомерного производительного использования. С этой целью необходимо поставить прежде всего работы по составлению общего плана использования фонда Поволжья. Этот план должен включать в себя все способы и формы использования фонда:

урегулирование землепользования местного населения, образование доходных земельных статей, привлечение концессионеров и иммигрантов, колонизацию пришлым элементом из других губерний и проч., руководствуясь при выборе этих способов и форм необходимостью наиболее выгодного и полного использования фонда; тот же план должен установить очередность работ по годам и отдельным районам и самый характер этих работ.

Однако, в виду неотложности дела, к работам по использованию фонда должно быть приступлено немедленно, не дожидаясь составления указанного плана, каковое ожидается к началу 1924—1925 операционного года. С этой целью Наркомзем принял пока временно схему завершения всех работ в Поволжье в течение 5 летнего срока, из расчета 700.000 десятин в год.

Этот план фактически уже начал осуществляться с 1923 года, но в виду крайнего недостатка отпускаемых на это дело кредитов он не мог быть выполнен в истекшем году в намеченных размерах; в текущем году предполагается закончить работы, начатые в 1923 году, и включить в план работ новую площадь в 700.000 десятин.

В основу колонизационных работ в Поволжье кладется детальное изучение хозяйственных условий и существующих форм и типов хозяйства, и на основе этого материала устанавливаются типы переселенческих хозяйств и нормы земельного обеспечения. Согласно положений, принятых Земпланом, при выработке норм земельного обеспечения принимаются местные существующие, но улучшенные формы полеводства, при полном использовании в сельском хозяйстве всей трудовой силы семьи; при расчетах производительности сельско-хозяйственного труда должен приниматься инвентарь, минимально необходимый при местных естественных условиях для рациональной обработки земли. Выработанная на основании указаний Земплана норма земельного обеспечения для Дергачевского уезда, района работ прошлого года, оказалась равной в среднем 39 десятинам удобной земли на хозяйство.

Помимо общей плановой работы по заселению Поволжья в 1924 г. намечено выполнение работы, совершенно не терпящей отлагательства, а именно земельное устройство калмыков. Хозяйство калмыков находится в настоящее время в состоянии острого хозяйственного кризиса, вызванного гибелью большей части стад в кочевых и полукочевых хозяйствах восточных улусов Калмыцкой Автономной Области; в результате этого у калмыков проявилось сильнейшее стремление к оседанию и переходу к земледелию, а в связи с этим и стремление к переселению из неблагоприятных для земледелия восточных улусов в западные. Это переселение фактически уже совершается, калмыки внедряются в район Большедербетовского улуса, занимают земли и строят землянки; такое неорганизованное переселение грозит создать в местах вселения огромную путаницу земельных отношений и вызвать ряд осложнений, как между прибывающими калмыками, так и с местным населением. Предупредить это возможно только постановкой работ по земельному устройству калмыков. Общее количество калмыков, переселяющихся в ближайший год из западных улусов в восточные, определяется, примерно, в 78.000 душ; сверх того в пределы Калмыцкой Области переселяются 12.690 душ из Терской, Донской, Уральской и Оренбургской губерний. Внутриобластные калмыки устраиваются, главным образом, путем доприселения в существующие земельные общества, для чего в последних производится учет земли и населения. Для

иногубернских калмыков потребуется отвод земельных участков площадью около 190.000 дес. из состава свободного государственного фонда.

На Юго-Востоке (в его административных границах) пока не предполагается постановка широких плановых колониально-переселенческих работ впредь до составления общего плана колонизации, что предполагается сделать одновременно с составлением плана по Поволжью; на Юго-Восток в данный момент нет энергичного напора переселенцев, поэтому представляется целесообразным сосредоточить все силы и средства на Поволжье, над которым уже нависла гроза расхищения фонда. Работы сведутся здесь к земельному устройству двух небольших групп: так называемых алагирских беженцев и терских казаков. Численность алагирских беженцев определяется всего лишь в 1.100 душ. Общее количество терских казаков, высланных военными властями в 1920 г. из Горской Республики и подлежащих устройству, составляет 5.129 семей, или около 27.500 душ; из них 780 семей уже устроено; остальных надлежит устроить.

Север Европейской России, как уже указывалось, при настоящих условиях не может быть объектом широкой сельско-хозяйственной колонизации пришлым элементом. Государство здесь заинтересовано в получении промышленной продукции и прежде всего лесной для сбыта на внутренние и внешние рынки, в каком отношении Север представляет крайне благоприятные условия. Поэтому и колониально-переселенческие мероприятия здесь ставятся в прямую связь с хозяйственным планом эксплуатации Севера государственными и частными объединениями и концессионными группами. Исходя из этого, Наркомзем в свое время горячо поддержал проект колонизации полосы вдоль Мурманской ж. д. при помощи аппарата самой дороги, а в настоящее время устанавливает связь с концессионными группами, начавшими эксплуатацию лесных богатств в районе Мга-Рыбинской ж. д. и в других районах. Колонизационная задача в таких случаях сводится к обеспечению работающих предприятий постоянным составом рабочей силы, к созданию для рабочих благоприятных условий жизни, к постепенному и прочному освоению земельной территории в районе предприятия. Размер всех работ в этом направлении еще не может быть установлен в виду того, что самый план деятельности хозяйственных предприятий еще не получил должного развития. В данном случае нет надобности опережать осуществление этого плана, так как колониационные мероприятия, лишённые хозяйственной основы, будут напрасной тратой средств, но и нельзя отставать от него. Контингент для заселения районов промышленной колонизации в достаточном количестве будет найден на месте, но может быть привлечен и из других районов. В отношении Севера перед Наркомземом стоит и другая задача, а именно—расселение местного населения по свободному государственному фонду. Население северных губерний, сжатое в пределах отведенных ему землепользований, испытывает резкое малоземелье и энергично стремится к расселению на государственный фонд; до настоящего времени это расселение тормозилось целым рядом причин, что вынудило население стремиться к переселению в другие районы, совершенно чуждые им по естественным условиям, главным образом, в Поволжье; насколько велико это стремление, видно из того, что по одной только Ленинградской губ., за время с 1-го января по 1-ое октября т. г., при закрытом переселении,

в Наркомзем поступило заявок на переселение свыше чем от 11.000 душ; отлив с Севера местного населения представляется совершенно недопустимым и вредным с государственной точки зрения, так как это население по своим хозяйственным привычкам и укладу является наиболее подходящим и приспособленным для оживления хозяйственной жизни самого Севера; стремление к уходу явление чисто временное, вызванное, с одной стороны, ослаблением промышленной деятельности и уменьшением вземлемельческих заработков, а с другой—отсутствием возможности расселения; но удержать это население от ухода можно не запрещениями, а предоставлением ему возможности устроиться на месте, в пределах северных же губерний, что и должно быть задачей расселения. Первоочередным районом для работы по расселению намечен район, прилегающий к довольно густой сети железных дорог: Москва—Ленинград, Мга—Рыбинск, Чудово—Званка, Ленинград—Званка, Званка—Петрозаводск и охватывающий части трех губерний: Ленинградской, Новгородской и Череповецкой. Этот район представляет интерес в силу того, что, будучи расположен на ближайших путях к внутренним и внешним рынкам, он в первую очередь привлекает к себе внимание капитала для эксплуатации имеющихся здесь обширных лесных и ископаемых богатств. Здесь, следовательно, задачи расселения совпадают с потребностями промышленности в рабочих руках. Независимо от этого, вовлечение в сельскохозяйственный оборот земель, которые здесь могут быть выделены в земельный фонд без ущерба для лесного хозяйства, является делом большой выгоды в виду близости большого рынка в лице Ленинграда. Размер работ по расселению имеет в виду подготовить фонд для 25.000 душ местного населения, а сверх того намечено подготовить фонд для 5.000 душ переселенцев из губерний Псковской, Витебской, Смоленской и Гомельской, откуда заявки уже имеются. Работы будут состоять в изыскании свободного государственного фонда, пригодного для расселения силами существующей Северной Колонизационной Экспедиции; изысканный ею фонд будет затем передаваться местным земельным органам для образования переселенческих участков за счет расселяющихся. В настоящее время Северная Колонизационная Экспедиция заканчивает обширную работу по составлению общего перспективного плана колонизации, в котором устанавливается удельный вес каждого из отдельных колонизационных районов Севера, а также будет намечена очередность колонизационных мероприятий.

На Дальнем Востоке колонизационно-переселенческие мероприятия приобретают интерес по двум причинам:—вследствие политической необходимости заселения этой отдаленной окраины и вследствие благоприятных естественных и экономических условий, в виде наличия разнообразных природных богатств и близости внешних рынков, где для этих богатств имеется крупный и вполне обеспеченный сбыт. Первоочередное значение имеют при этом лесные богатства Дальнего Востока, спрос на которые со стороны Японского, Китайского и Австралийского рынков уже в настоящее время превышает в несколько раз отпускную способность дальневосточной лесопромышленности. Колонизация Дальнего Востока должна идти по двум направлениям: колонизации промышленной и колонизации сельскохозяйственной; первая должна быть привязана, как и на Севере Европейской России, к деятельности государственных и частных промышленных предприятий, в виду чего и размер ее не должен обгонять роста этих предприятий;

вторая имеет своим первоначальным объектом свободный земельный фонд, находящийся в пределах земельных наделов старожилов и казаков, используемых весьма слабо в виду огромного размера предоставленных им отводов и только после этого может перейти на свободный государственный фонд. Своеобразие естественных и экономических условий Дальнего Востока и недостаточная их освещенность обязывает, однако, к большой осторожности при определении первоочередных колонизационных задач: с этой целью предполагается в 1924 г. прежде всего приступить к составлению общего перспективного плана колонизации Дальнего Востока и на основе его наметить размер и очередность колонизационных мероприятий; в виде же опыта, чтобы осветить вопрос о размерах и качестве земельных излишков, намечено обследование наделов старожилов и казаков на площади 500.000 д., в районах ближе всего расположенных к линии Амурской ж. д.

В отношении Сибири постановка широких колонизационно—переселенческих мероприятий представляется в данный момент невозможной, во-первых, вследствие отсутствия фонда легкого освоения, пригодного для переселенцев из земледельческой полосы Европейской России, а во-вторых, вследствие того, что в Сибири имеется более неотложная задача—устранение ненормальных последствий, созданных эпохой самовольного переселения 1916—1922 г. и еще более ранней эпохой дореволюционной колонизации. Эпоха самовольного переселения оставила в Сибири неустроенными около 300.000 душ переселенцев. Местные земельные органы Сибири непрерывно ведут работу по их земельному устройству, но в силу отсутствия средств эта работа вынуждена идти крайне медленно; в последние месяцы к этой работе привлечены местные средства, но их оказывается недостаточно: скорейшее завершение земельного устройства этих неустроенных переселенцев совершенно необходимо; с этой целью в план работ включается изыскание пригодного для этого земельного фонда, из числа прежде образованных свободных переселенческих участков и бывших казенных оброчных статей всего на площади 750.000 дес.

Результаты прежней переселенческой политики в Сибири сказались в крайней неустойчивости переселенческих хозяйств в целом ряде районов, преимущественно, таежных; эти хозяйства, заброшенные в глушь, лишенные связи с экономическими центрами, получившие в свое рапоряжение трудные лесные участки и не имевшие средств для раскорчевки в достаточном количестве земельных угодий из под леса, оказались с самого начала в тяжелом положении; не имея в достаточном количестве собственного хлеба, они жили в значительной степени доходами от промыслов. Кризис, вызванный империалистической и гражданской войной, и, особенно, падение промыслов сильно ухудшило это положение, что повело к уходу значительной части населения целого ряда таежных волостей в южные земледельческие районы; оставшиеся же впали в крайне тяжелое положение. Обследования трех волостей Томской губ., произведенное Томским Губземуправлением, показало, что некоторые волости опустели больше, чем на 50%.

В не менее тяжелое положение попало крестьянское хозяйство тех из степных и лесостепных земледельческих уездов, куда особенно интенсивно шло самовольное и плановое переселение последних лет; под влиянием этого переселения землепользование местного населения попытало резкое сокращение, понизившись в некоторых волостях до 25 д. на едока. Такое быстрое сокращение привело к кризису залеж-

ного хозяйства и относительно малоземелью, выхода из которого местное население ищет в переселении на другие места и прежде всего в Поволжье. Данные Челябинской регистрации указывают, что за последний год переселение из Сибири в Европейскую Россию в несколько раз превышает переселение в обратном направлении. Обратное переселение из Сибири в Европ. Россию совершенно недопустимо, так как Сибирь, как естественный колонизационный район, нуждается в притоке, а не в оттоке населения; но раз такое стремление существует и притом в значительной степени, необходимо принять меры к устранению его, при помощи улучшения положения местного крестьянского населения с целью удержать его на месте. При той спешке, которая характеризовала работу переселенческого ведомства до революции, правительству некогда было думать об основательной и всесторонней подготовке колонизационных районов; колонизация их в сущности далеко не закончена, и переселенцы брошены в ненормальные условия; задача настоящего времени заключается в том, чтобы эту колонизацию довести до конца и прежде всего дооборудовать переселенческие участки и привести их в удобный для сельскохозяйственного использования вид. Для того, чтобы надлежащим образом осветить настоящее положение колонизационных районов, установить действительные причины бегства переселенцев в Европейскую Россию и наметить практические меры к их удержанию на месте, предполагается в текущем году произвести экспедиционное обследование наиболее типичных из районов Сибири.

Было бы большой ошибкой думать, что Сибирь утратила свое колонизационное значение; наоборот, ей должно быть отведено наиболее крупное место в будущей колонизационной работе, так как Сибирь обладает колоссальной экономической емкостью; но эта работа должна теснейшим образом увязываться с планом промышленного оживления и железнодорожного строительства в Сибири.

Методика колонизационно-переселенческой работы.

Главная цель работы в колонизируемых районах состоит в быстром и прочном хозяйственном овладении ими, путем постановки рационального сельского хозяйства в тех районах, где это представляется возможным и выгодным. В районах промышленной колонизации задача заключается в содействии к разрешению промышленно-хозяйственных задач путем обеспечения рабочей силой и ее земельно-хозяйственного устройства; и в том и в другом случае расходы государства на колонизационно-переселенческие мероприятия должны быть сведены к минимуму за счет максимального использования сил, средств и энергии, как самих колонистов, так и тех хозяйственных организаций, которые непосредственно заинтересованы в колонизации района.

При такой постановке дела приходится с самого начала отказаться от того безразличного отношения к составу переселенцев, какое проявляло в своей деятельности Переселенческое Управление до революции. Раз государство не в состоянии широко финансировать колонизационные мероприятия, то успех их будет зависеть в значительной степени от тех средств, какие будут вложены самими переселенцами. Переброска в колонизационные районы слабосильных элементов не в

состоянии создать благоприятных предпосылок для развития хозяйства. В этом отношении лучшим доказательством служит опыт прошлой колонизации Сибири; сибирские переселенцы чрезвычайно медленно развивали свое хозяйство на новых местах и в среднем лишь через 8 лет достигали некоторой обеспеченности, при чем быстрота, с которой развивалось хозяйство, как показывают результаты статистических обследований, находится в прямой зависимости от размера первоначальных средств, принесенных с собой переселенцами на новое место; приводимые цифры, взятые по данным обследования В. К. Кузнецова в 1912 г., служат очень показательной иллюстрацией.

БЫЛО ВЛОЖЕНО СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕСЕЛЕНИИ.					Посевная площадь в момент обследования на хозяйств.
Собствен. денег.	Ссуды.	Всего.	Скота.	Мертвого инвентаря.	
Руб.	Руб.	Руб.	Голов.	Штук.	
54	95	149	0,8	0,5	Не свыше 1 дес.
55	109	164	1,2	0,8	от 1 до 3 дес.
83	100	183	1,8	1,1	„ 3 „ 3 „
166	103	274	2,3	1,6	свыше 9 дес.

Недостаточная земельная обеспеченность влекла к тому, что хозяйства выходили из строя при первом же неурожае; она же служила причиной образования хронических переселенцев, по 5 по 6 раз менявших места в поисках лучшего и в конце концов нигде не устранившихся и возвращавшихся обратно в Европейскую Россию или превращавшихся в батраков.

Естественно-исторические особенности Поволжья, которое является главным колонизационным районом в предстоящих работах, еще больше обостряют вопрос о первоначальных средствах. Тяжелые почвы Заволжья, подъем пластов и твердых залежей требуют определенного минимума инвентаря; при отсутствии этого минимума хозяйство оказывается беспильным и не в состоянии приступить к надлежащей обработке земли; выходом может быть совместное использование инвентаря, но этот выход неминуемо ведет к понижению размера посевой площади на хозяйство, т.-е. замедляет вовлечение в оборот земельного фонда. Между тем, быстрое увеличение посевой площади является необходимым условием прочности хозяйства, так как только в этом случае хозяйство в состоянии создать запасы, которые помогут пережить периодические неурожаи без помощи государства.

Вопрос о материальном обеспечении переселенцев в чрезвычайно резкой форме выдвигается земельными органами Поволжья; как Самарским, так и Саратовским Губземуправлениями установлен минимум материального обеспечения, который они считают условием для допуска переселенцев. Если принять во внимание весь тяжелый опыт развития хозяйства Заволжья, а также учесть направление современной финансовой политики, стремящейся значительную часть расходов перенести на местные средства, то это стремление местных органов—обеспечить себе приток переселенцев, способных действительно оживить район и тем создать источники для увеличения местных средств,—становится понятным и правильным. Это справедливо и с общегосу-

дарственной точки зрения. Учтя соображения, высказанные Самарским Губземуправлением, Наркомземом установлен следующий примерный минимум материального обеспечения переселенческой семьи: 3 лошади, 1 железный ход, 1 плуг, 1 борона и от 100 до 150 черв. руб., кроме средств, потребных на оплату расходов по переезду; к этому от государства должна быть прибавлена ссуда в размере 100 р. на хозяйство. Возникает вопрос, в какой степени возможно рассчитывать на переселенцев с таким материальным обеспечением. Этот вопрос разрешается опытом, проделанным Витебским Губземуправлением. Наркомзем разрешил Витебскому Губземуправлению произвести учет хозяйства заявивших о желании переселиться и удовлетворяющих указанному выше минимуму; в течение одного месяца учет дал свыше 1000 хозяйств, т.-е. превысив то количество 1000 хозяйств, которое Витебское Губземуправление намерено перебросить в Поволжье. Подобный же учет будет произведен в ближайшее время по некоторым другим губерниям. Гомельское Губземуправление отмечает довольно высокий процент малоимущих среди желающих переселиться — от 50 до 90%, но тем не менее и этот процент дает возможность отобрать необходимое количество обеспеченных переселенцев, тем более, что количество хозяйств, которые могут быть переброшены в Самарскую и Саратовскую губ. на фонд 1-й очереди, невелико и выражается всего лишь в цифре 10.000 хозяйств; из них в данный момент уже имеется заявок не менее чем от 4—5 тысяч хозяйств, вполне удовлетворяющих указанному условию. Для Саратовской губернии, куда переселение предполагается открыть со второй половины лета 1924 года, размер материального обеспечения повышен до 1300 р. на хозяйство, так как опыт переселения в Самарскую губ. показал, что указанный выше минимум материального обеспечения является для Поволжья недостаточным. Необходимо учесть самовольное переселение в Поволжье, о котором сказано выше. Данных о материальном обеспечении этого кадра переселенцев не имеется, но можно безошибочно предположить, что большинство их по своему материальному обеспечению, особенно приняв во внимание длительный переезд гужом, окажется ниже указанного минимума; это обстоятельство несколько смягчается тем, что самовольное переселение идет преимущественно на выморочные земли, путем доприселения к земельным обществам; хозяйственное устройство в этом случае потребует меньше затрат и энергии, чем в районах менее обжитых. Что касается этих последних районов, то в силу большей трудности, они пока не привлекают к себе самовольцев, и здесь Наркомзем имеет возможность провести планомерное заселение их таким контингентом, который окажется в состоянии их освоить. При разверстке контингента переселенцев в Поволжье на 1924 г. между губерниями, откуда может быть открыто переселение, необходимо исключить те губернии, которые или сами являются колонизационными и располагают земельными излишками, или имеют возможность выделить часть населения в соседние районы, более подходящие по естественным и хозяйственным условиям. К числу первых должны быть отнесены губернии Севера Европейской России, Спбири и Кирккрая; типичным примером вторых является Псковская губ., проявляющая сильное стремление к выходу в Поволжье, но для которой на первое время может быть найден более подходящий фонд в соседних Новгородской, Петроградской и Череповецкой губерниях. По существу дела Поволжье требует переселенцев, знакомых с приемами ведения хозяйства в засушливых районах; но таких элементов вне Поволжья почти не имеется, да и население Поволжья

такими приемами далеко еще не овладело в достаточной степени; поэтому представляется необходимым при подборе переселенцев обращать внимание на культурно-хозяйственный уровень их, имея в виду, что это обстоятельство, при условии оказания на новом месте агрономической помощи, поможет им быстрее освоиться с условиями ведения хозяйства в Поволжье; к числу таких элементов можно с большим основанием отнести закавказских сектантов, уже сделавших каявку на Поволжье в количестве 4000 душ, крестьян западных губерний, иммигрантов из заграницы и кроме того коммуны, артели и товарищества.

Точно также государство не может и не должно остаться равнодушным к тому, какие формы хозяйства и полеводства будут с самого начала применяться переселенцами в Поволжье. Необходимо учитывать тот факт, что причина периодических неурожаев в Поволжье в прошлом объяснялась главным образом несоответствием форм хозяйства и полеводства местным естественным условиям. Нет сомнения, что без подлежащего воздействия со стороны государства, вновь организуемое переселенческое хозяйство неизбежно пойдет по старым путям и неминуемо придет к периодическим неурожаем и катастрофам. Государственное воздействие должно выразиться прежде всего в оказании переселенцам агрономической помощи и в ознакомлении их с приемами и техникой ведения хозяйства; но наряду с этим, поскольку на земельных органах лежит наблюдение за правильным использованием земель, возможны и необходимы меры понудительного свойства; практически эти меры должны выразиться в ряде условий, на которых переселенцам должны быть предоставляемы земельные участки.

Хозяйственное устройство переселенцев.

Привлечение в новые районы материально обеспеченных переселенцев будет главнейшим способом к прочному хозяйственному устройству, но наряду с этим необходима и государственная помощь: эта помощь должна носить исключительно судный характер и никоим образом не характер безвозвратных пособий. Ссуда должна предназначаться преимущественно на закупку строительных материалов для постройки жилищ, за исключением леса, предполагая, что лесной материал будет предоставлен переселенцам бесплатно, на обводнение участков — ремонт существующих и постройку новых прудов и колодцев. При этом необходимо совершенно отказаться от системы выдачи ссуд непосредственно переселенцам, так как прошлый опыт показывает, что выданная таким путем ссуда часто идет не по назначению и расходуется непроизводительно. Одним из наилучших способов прочного устройства переселенцев на новых местах, при слабости государственных ресурсов, должна быть самостоятельность самих переселенцев. С этой точки зрения чрезвычайно большую полезную роль может сыграть кооперирование переселенцев. При этом кооперирование должно начинаться в местах выхода, так как это придает больше планомерности в деле первоначальной подготовки к переселению, в смысле подбора наиболее подходящих лиц, обеспечения средствами, а также и в самом процессе переселения на новые места. В еще более благоприятные условия эти переселенческие кооперативы будут поставлены при всякого рода кредитных операциях. На них в полной мере могли бы быть распространены права мелиоративных товариществ,

а следовательно, и право получения ссуд из кредита, отпускаемого этим товариществам. Образование переселенческих кооперативных товариществ может пойти быстро, если им будет предоставлено право преимущественного переселения перед неорганизованными переселенцами и, особенно, если самая возможность получения ссуды от государства на хозяйственное устройство будет обусловлена вхождением в кооперативное товарищество.

Колонизация Дальнего Востока.

ГЛАВА I.

Общая характеристика края и его древнейшая колонизация.

Дальний Восток — первозданная массивно-кристаллическая страна от Байкала до Тихого океана и от границ Кореи до Северного Ледовитого Океана, перерезанная по диагонали Становым хребтом и заполненная его отрогами.

Всюду, кроме Приморья, — континентальный климат и область разреженного давления; снег испаряется даже на морозе, благодаря чрезвычайной сухости воздуха, и земля лежит без снегового покрова во многих местах, благодаря чему при холодах, достигающих —55° Ц., происходит глубочайшее промерзание почвы (напр., в Чите на 70 саж. в глубину).

Близость полюса холода (Верхоянск) и такое глубокое промерзание указывают, что на Дальнем Востоке зона межпланетного мороза не только спустилась на поверхность земли, но и ушла во многих местах в глубину земли. Жаркое, богатое инсоляцией, горное лето коротко и не успевает оттаивать промерзшую землю: создаются громадные площади с устойчивой круглый год „вечной“ мерзлотой, в особенности в заболоченных, замшелых местностях, раскиданных пятнами по карте Дальнего Востока.

Дальний Восток — древнейшая часть Азии. С архейских времен здесь не было большой складчатости: только глубокие трещины разбивают материк в разных направлениях, да по этим трещинам происходили и происходят время от времени вертикальные эффузии и перемещения — сбросы, возникают новые неровности, к каковому относится и котловина Байкала. Осадочные породы занимают незначительную часть поверхности Дальнего Востока и носят долинный диллювиальный характер; залегание их спокойное, почти горизонтальное.

Среди древнейших неровностей выделяются Восточные Саяны, цепи Забайкальских гор, примыкающие к Становому хребту — с одной стороны; с другой — Малый Хинган, Сихетэ-Алинь и Камчатские горы. Дойдя до Чукотского полуострова, Становой хребет Азии перебрасывается под Беринговым проливом в Америку, образуя горы Аляски. Камчатской своей цепью Становой хребет входит в вулканическое действующее кольцо, обнимающее Тихий океан.

В обнажениях изверженных горных пород Дальний Восток чрезвычайно богат химическими соединениями, обусловленными контактом основных и эффузивных пород, драгоценными металлами и редкими минералами. Дальний Восток и по сей час переживает Овидиев

„Золотой век“, век золота, серебра и драгоценных самоцветных камней; он же и современный нам „Каменный век“, как это будет видно из дальнейшего.

Древность материка обуславливает и древность или редкость форм его флоры и фауны: марал, каменный козел, кабарга, косуля — „гуран“, амурский тигр, смешанные алтайско-саянско-монгольские виды млекопитающих и птиц, байкальская „нерпа“ — тюлень, амурская белуга, огромных размеров, до 30—50 пудов веса, корень „Женьшень“, „лимонник“, „бархат“, кедр, лиственница и пр.

Искапаемый человек на Дальнем Востоке прослежен, как современник мамонта, вместе с зубром, носорогом и исполинским оленем, что свидетельствует об ином климате Дальнего Востока в эпоху палеолита; между этим веком палеолита и неолитом на Дальнем Востоке лег ледниковый период, последним этапом которого следует считать современную „вечную мерзлоту“.

О неолите на Дальнем Востоке сохранились значительные памятники. Неолитический человек знал те же самые металлы и минералы, как и мы теперь, о чем свидетельствуют многочисленные находки в курганах эпохи неолита; особое значение имел нефрит, из которого выделывались примитивные каменные орудия; современниками неолитического человека являются: собака, изюбр, кабан, козуля, медведь, волк, лисица и бобр; по черепам установлено, что северную часть Дальнего Востока населяли народы длинноголовой расы — долихоцефалы — палеазиатцы; вокруг же озера Байкала и далее, в глубь Средней Азии, к тому времени подошла короткоголовая раса — брахидцефалы, знакомая с обработкой золота, серебра, меди и бронзы.

В ближайший исторический период Дальний Восток населяли, кроме гипербореев, народы индо-европейские, турецко-кавказские (хакасские), финские и монгольские. Вещественными памятниками этой древности являются могилы-курганы с каменными бабами, стоячими и сидящими фигурами умерших, и писанные скалы или „писанки“ (со сценами из охотничьей жизни дикарей каменного века), находимые по рекам Селенге, Чикюю, Амуру и Аргуни. Выдающуюся роль в качестве исторических летописей сыграли „Орхонские писанки“ (Орхон—приток Селенги); Орхонские надписи, подобно египетским, удалось расшифровать и языком их оказался древне-турецкий; удалось установить, что писанки являются памятниками вождей мировой державы Хунну (гуннов), народа турецко-кавказской расы. Хуннская держава, возникшая у озера Байкала, подчинила себе финно-угорские племена Динлинов, славян-скифов, белокурых Усуней (на западе), тибетцев-Юэчжи (на юге) и тунгусские племена (на востоке), поставив в зависимость от себя все народы от Великого океана до Каспийского моря. Просуществовав лишь столетие, держава Хунну распалась, но волны ее перекатались через всю Европу.

У китайских историков есть указание на „пегий“ светловолосый народ под именем „хаккасов“, обитавший на Дальнем Востоке, обычаи которого совпадали со славянскими: хаккасы занимались охотой, рыболовством и земледелием, жили в бревенчатых срубках, крытых береговой корой, употребляли глиняные и медные сосуды, а изредка и железо. Они были высокого роста, со светлыми волосами, румяными лицами и голубыми глазами. Черные волосы у них были дурным признаком. Они возделывали рожь, просо, ячмень, пшеницу; на второй месяц сеяли, на девятый — жали. Из хлебных зерен приготавливали хлеб и хмельной напиток. Главное их богатство состояло из рослых и сильных коней; на войне употребляли лук, стрелы и знамена.

Для предохранения себя от поражений покрывали руки и ноги деревянными щитками; такие же щитки накладывались и на плечи. Приносили жертвы духам рек и трав, пели хвалебные песни огню, воздуху и воде. Питались хлебом, маслом и молоком. Мужчины носили в ушах серьги. Женщины одевались в платья из тканей, привозимых арабскими и персидскими купцами, с меховыми отделками. Музыкальные инструменты хаккасов состояли из свирели, бубна и еще каких-то двух, неизвестных китайцам, приборов. Глиняные сосуды хаккасов делались из хорошо очищенной и обожженной глины, и дошедшие до нас имеют ровные тонкие стенки, покрытые довольно сложным орнаментом.

Наилучше сохранившаяся одежда, найденная в могиле - кургане, представляет собой меховой плащ, с очень узкими рукавами, подбитый собольим мехом. Вверху плащ составлен из горностаевых мехов, сшитых со вкусом из прямых и круглых полосок зеленого и красного цвета; к зеленому окаймленным ремешкам и полоскам пришиты деревянные пуговицы, обложенные золотом; на полосках—золотые четырехугольные листочки; те же пуговицы на плечах, на подоле плаща и на обшлагах рукавов. В менее знатной могиле найдены полуистлевшие остатки овчинной шубы и войлочный сапог со стеганой, не очень толстой войлочной подошвой.

Далее, у Байкала сохранились заброшенные древние копи, называемые местным населением „чудскими“, ибо их некогда разрабатывал народ, называемый „Чудью“. (На минувшей Всероссийской Сельскохозяйственной Выставке гости ее и москвичи имели возможность наблюдать живые обломки этого древнего хаккаского племени—шамана и драгоценные оригинальные антропологические рисунки в Дальневосточном павильоне).

Следующая попытка создания Монгольского Мирowego Государства Чингиз-Ханом родилась у тех же берегов Байкала (Чингиз-Хан происходит с берегов р. Онона).

Монголы, назвавшие себя татарами, в XII и XIII в. в., покорив всю теперешнюю Монголию и Южную Сибирь, быстро овладели Туркестаном и Ираном и обратились против Китая, Индии и Европы. Племя татар произошло путем смешения сартов, таджиков, киргизов и ногайцев с монголами. От всех этих культур с примесью славянской создавалась татарская культура, находимая сейчас в развалинах татарских „городищ“; там есть и медно-серебряные изделия фарсидов, и плотно-гончарные и кузнечно-слесарные изделия славян: там следы и оседлой и кочевой культур—сошники, серпы, ручные жернова, остатки хлебных запасов; городища из хвойного леса, со слюдяными окнами и деревянными дверями на железных петлях, прибитых железными же коваными гвоздями с широкой шляпкой и коротким шпилем. Остатком этой бывшей мировой монгольской державы у Байкала является современная Монголо-Бурятская, по славянски „братская“, Республика.

Пищей монгол служило мясо животных и птиц, рыба, ягоды, грибы и корни растений, растертые в муку; напитками были—вода и березовый сок. Мясо и рыбу варили в берестяных сосудах, куда бросали раскаленные камни, чтобы кипятить налитую воду. Одежда и юрты делались из звериных шкур; юрты в подражание, но и в отличие полшаровым киргизским, имеют вид конусов, образованных из жердей и покрытых сосновыми ветвями и шкурами, забрасываемыми снаружи зимой снегом; юрты имеют сверху отверстие для выхода дыма от костра, раскладываемого внутри юрты.

Смешение долихоцефалов — древнеазийцев с брахицефалами — монголами создало племенное разнообразие теперешних их потомков. К числу последних исследователи относят енисейских остяков вместе с родственными им, вымершими в XVIII и XIX в.в., аринами, коттами и ассанами, и теперешних туземцев Дальнего Востока юкагиров, чуванцев, камчадалов (или ительменов), коряков, чукчей, гиляков и айнов.

У китайских же летописцев есть упоминание о Тунгусско-Маньчжурской орде, „Китаев“, вышедшей из Маньчжурии в начале X в. на север. Цвет волос у тунгусов — без исключения — черный. Тунгусы встретились с пришельцами Запада — финским племенем — якутами, двигавшимся на Восток сплоченными ордами с кибитками и скотом. Предание о многочисленных и кровавых боях якутов с тунгусами свежо среди туземцев. Разбитые тунгусы уступили якутам, отлично приспособившимся к новым условиям, и в свою очередь оттеснили к Чукотскому полуострову палеазийцев-гипербореев. Якутский скот, приспособившись к новым прекрасным пастбищным условиям, со временем дал своим хозяевам несравненно более прочную основу материального существования, чем северный олень туземцам тунгусам.

Русские, колонизовавшие Дальний Восток, начиная с XVI века, застали туземные племена в стадии каменного века.

В летописной записи 1096 г. имеются первые указания о движении русских на Восток, за Урал в Югру. В XII в. русские поморы плывут на своих небольших судах по Ледовитому океану от Мурмана к Обской губе и далее, пробираясь от устья к устью реки вдоль севера Сибири, к Дальнему Востоку. В то же время параллельно с ним идет движение и по суше, отдельными небольшими группами вооруженных людей, называвшими себя „казаками“ (по киргизски „кайсаками“ — всадникам).

Русским были известны сказания о далеких островах и земле, „на которой были деревья в три-четыре обхвата; из-за этих лесов, за их высотой и густотой, солнце мало было видно, и много было в лесах лиц голубых, чернобурых и черных; а у населения много вещей из красной меди; дальше была земля, где жили маленькие люди-пичуганы“.

Смелые „землепроходцы“, достигавшие Ленского края, Забайкалья, Приамурья и Анадырско-Камчатской окраины, приносили оттуда сказочные богатства — золото, драгоценные меха и „рыбью кость“ (мамонтов и моржовый клык); там, по их словам, водилась вкусная рыба и необычайная птица, там на землю выходили прямо целые горы золота, серебра и свинца.

„Юкагирская земля людна и Индигирская река рыба. И в Индигирь-реку многие реки впали, а по всем тем рекам живут многие люди. А соболя и зверя всякого много. На великой и широкой Колыме водится доброй самой черной соболь“.

Поэтическое местное туземное предание говорит: „Юкагирских огней было так много, как звезд на небосклоне в ясную ночь. Перелетные птицы исчезали в дыму многочисленных юкагирских костров, и северное сияние было отражением их“. (Колымские якуты и теперь называют северное сияние словом: „юкагирото“ — юкагирский огонь).

Индигирские юкагиры враждебно встретили русских пришельцев; в особенности их поразили лошади, никогда не виданные ими. В происшедшей схватке юкагиры стремились больше убивать лошадей, полагая, что они опаснее всадников. Огневой бой, которым владели русские, решил, однако, вопрос не в пользу туземцев. В борьбе

количества с качеством решающую роль сыграли также „остроги“ или зимовки, которые сооружали русские, постепенно продвигавшиеся вперед.

Характерны географические описания того времени:

„Р. Анадыр не лесная, река каменная; лесу на ней нет, oprичь тальника, ни зверя, ни соболей на ней нет“.

..В неделе оленного пути от верховьев Индигирки протекает река Нерога, впадающая в море. Недалеко от моря на самой реке из утеса юкагиры берут серебряную руду“.

Наиболее удобным, дешевым и скорым путем считался северный морской путь от устья Лены до устья Индигирки и Колымы, „буди Божею милостью море без льду и ветры пособные“, но чаще „море (было) ледено и ветры противные, и кочи (долбленные челны) разбивало“.

Показательным является путешествие якутского служилого человека Тимофея Булдакова.

Весною 1650 г. Булдаков пошел к морю и достиг устья Лены 2 июня, но здесь остановился, так как „с моря к земле (дули) ветры прижимные“. В начале июля подул ветер „пособный — отдерный“ и коч Булдакова вышел в море. Но скоро служилые люди попали в плывучие льды, нспвшие их 8 дней по морю. Два дня „с великою нужой“ „просекались“ по льду, пока не достигли какого-го острова. Когда плывучие льды пошли от острова, коч Булдакова снова затерло и носило по морю 4 дня. Случайно удалось вырваться изо льдов и вернуться в устье Лены, где стояло еще 8 кочей, путешествовавших уже целый год. Дождавшись попутного ветра, все кочи вышли вместе в море. Наступила почь, море стало. Только было решили добраться назад к берегу на нартах, как лед начало ломать и погнало в море. На третий день лед опять стал и окреп. С опасностью для жизни путники по 2 — 3 человека уходили искать пути в разные стороны. Наткнувшись еще на один коч служилого человека Горелого, сложили на нарты пожитки и сели поеть, как вдруг с моря прибыла вода и лед стало вновь ломать. Поднялся сильный ветер, и кочи вместе со льдом „понесло быстрее парусного побегу“. Затертые суда переломало, а людей носило по морю 5 суток. Когда „ночмержи“ стали замерзать, отправились наугад к берегу „с морской воды“, заболели цынгой; „перепропали в конец и земли не ведают, в которой стороне выпадут и на какое место и будут ли живы или нет и что над их головами будет“. Побросав за изнеможением и одежду и пищу, на 9-й день попали к устью Индигирки и отсюда добрались „с великою нужою, холодно, голодно, наги и босы“ до Уяндинского зимовья. Таков был этот самый легкий морской путь.

Еще более серьезным оказался путь знаменитого мореплавателя Дежнева, именем которого именуется крайний Дальне-Северо-Восточный мыс Азиатского материка. Потерпев подобно Булдакову крушение и добравшись до земли, Дежнев со спутниками подвергся нападению чукчей на двух кочах. Пришлось плыть дальше, отразив нападение. Во второй половине сентября 1648 г. мореплаватели прошли пролив, отделяющий Азию от Америки, и тем разрешили одну из величайших географических задач, сами не подозревая об этом, и двинулись дальше вдоль Азиатского материка. В конце сентября начались бури, отнесшие один из кочей из Дежневской группы по неизвестному направлению навсегда. Опасное положение в конце октября стало почти безнадежным — коч Дежнева пришел в негодное состояние, а между тем бури носили его всюду „не волно“, пока, наконец, выкинули на берег „в передний конец на Анадыр реку“. Наступила зима

и сильные холода. Кругом расстилалась неведомая гористая, совершенно пустынная местность. Понаделав кое-как лыжи и нарты и сложив на них скудные свои пожитки, „пошли все в гору, сами пути себе на знают“; 2½ месяца длилось это трудное путешествие, пока измученные люди не достигли Анадыря, но и здесь было не легче. Не было снастей для лова рыбы, „а леса и зверей кругом не было“. „Разбрелись с голоду врозь“. Часть из землепроходцев, не дойдя назад до Дежневского стана „трех днищ“, „обночевалась“, „почала в снегу ямы копать“ и там осталась навсегда; лишь трое из них наняли Дежнева; и только летом 1649 г. Дежнев добрался, наконец, до первого жилища анаулов; во время столкновения с ними Дежнев был опасно ранен, но остался жив и, основав Анадырское жилище, обложил анаулов данью „ясаком“. Впоследствии Анадырское зимовье превратилось в видный острог.

Начатая так давно колонизация Дальнего Востока, в сколько-нибудь заметном масштабе протекала на глазах нашего поколения.

Г Л А В А II.

Колонизации царизма.

Закрепленный за Россией Айгунским договором Дальний Восток в самой его плодородной части на Амуре начал колонизоваться в 1857 г. военным порядком и путем ссылки. По 1862 г. было переселено и осело на левом берегу Амура 67 станиц с 11.850 человек, и по Уссури расположилось 23 станицы с 5.000 человек.

Весь левый берег Амура в то время представлял лесную пустыню, в которой изредка попадались бродячие охотники-тунгусы, орочены, мангры и другие; поэтому, при выборе места для казачьих станиц, правительство руководствовалось исключительно стратегическими пограничными соображениями, считаясь с тем, чтобы расстояния между станицами не превышали обыкновенного почтового перегона для правильного сообщения Забайкалья с Приморьем. Климатические и почвенные условия края не могли быть своевременно предварительно обследованы, и за это новоселы-казаки платились неоднократно и жестоко.

В горестном недоумении скитались казаки и поселенцы по окрестностям, отыскивая места, сколько-нибудь удобные для земледелия; жены их приходили в отчаяние, а дети болели и умирали в бедоистой нездоровой местности. Хлеба, посеянные озимью, не давали всходов, а яровые вымокали и гнили. Скот не мог привыкнуть к воднистой жесткой траве болот; тучи мошек, комаров и всякого „гноса“ мучили, как скот, так и людей; много их гибло, и лишь постепенно, через несколько поколений, выработалась раса, более приспособленная к местным условиям.

Мерою душевого довольствия для рядовых казаков было 30 десятин, и, кроме того, земли расчищенные казаками из-под леса и осушенные из-под болот оставлялись за казаками в 40-летнее пользование сверх надела.

Ссылные поселенцы и переселенцы - крестьяне, занимали, по собственному выбору, места под поселения между казачьими станицами. В 1861 г. была сделана первая попытка генерального размежевания, инструментально в масштабе 1 версты в дюйме, применительно

к указанной казачьей норме, с выделом в запас земель на прирост населения и на разные войсковые, офицерские, хозяйственные и прочие надобности.

В результате было размежевано 475.170 десятин, в том числе „удобной“ земли 417.294 десятины. Критерий удобства нам неизвестен, но р. Амур, видимо, не согласившись с официальным критерием „удобства“, уносила во время внезапных летних разливов заготовленный хлеб, сено, скот и даже целые станицы. Особенно жестоки были в этом отношении 1872 и 1876 г.г.

Утратившие, поэтому, всякое свое значение межевые планы вдобавок сгорели при пожаре Иркутска в 1879 г.

В 1884 г. было приступлено к новому межеванию с указаниями: „Все земли, затопляемые наводнениями, показывать как неудобные; запасные земли прирезать отдельно окружную межою, с расчетом прироста населения станицы на $\frac{1}{3}$; избегать всеми мерами черезполосицы; взамен недостающих до 30-десятинной нормы пахотных земель прирезать участки дровяного лесу, считая его по 3 десятины за недостающую пахотную десятицу; не размежевывать в поселковые наделы строевого леса и таких земель, которые могут стать доходной оброчной статьей войска, как-то: минеральных источников, минеральных залежей и т. п.; если крестьянами заняты земли, и им они уже отмежеваны, то считать межевание окончательным; если не отмежеваны, отводить те земли, которыми крестьяне фактически владеют, но не менее 100 десятин на семью, прирезая при недостатке земли, но только не по берегу Амура, а в глубь страны“.

Наконец, необходимость усилить охрану границы послужила основанием объявления в 1894 г. всей пограничной полосы шириною в 25 верст войсковым отводом, так называемым „отводом Духовского“, за исключением земель, выделенных уже крестьянам и приобретенных разными лицами в собственность; после этого отвода пограничная полоса была закрыта для крестьянской колонизации. Направление утвержденных границ „отвода Духовского“ было установлено на карте камерально, по выдающимся горам, рекам и падам, при чем полоса получилась неодинаковой ширины и не в 25 верст; вверх от Благовещенска она определилась в 40—60 верст ширины, а вниз даже до 150 верст. В отведенной, таким образом, территории оказалось свыше 5 миллионов десятин и 13 крестьянских селений, среди которых одно из сел—Благословенное—корейское. За это время отмежевано было наделов 618.322 десятины и произведено с'емок в отводах в количестве 578.910 десятин удобной и неудобной земли. Этим заканчивается первый период систематической колонизации, носившей преимущественно казачий характер.

В следующие 20 лет колонизация стала крестьянской. Она вначале носила особый характер—переселенцами являлись старообрядцы, сектанты—духоборы, молокане и прочие особо энергичные хозяйственники. Их привлекал земельный простор, религиозная свобода и отсутствие рекрутской повинности. Сильные хозяйственники захватывали до 500 десятин в собственность и для безопасности селились кустами—„заимками“, группами рядом.

С постройкой Великого Сибирского пути, крестьянская колонизация Дальнего Востока начинает носить характер самотека, массового переселения из всех губерний России. Заблаговременной заготовки переселенческих участков не производилось; люди садились на землю по письмам родных и знакомых, а потом уже возбуждали ходатайство о наделе, часто через много лет. Некоторые селения, благодаря этому,

получали дополнительную прирезку по несколько раз. Между обрабатываемыми участками оставались „междугранки“, частью прирезавшиеся селениям, частью образовавшие „колониционный фонд“ для дальнейших переселенцев. В настоящее время таких междугранков осталось очень немного, да и то лишь на бумаге—на них, как на оброчных статьях, издавна сидят разные лица на правах срочной аренды.

Общие итоги этой крестьянской колонизации Амурского края за 42 года таковы.

Прибыло переселенцев с 1859 по 1901 г.—36.286 человек обоего пола, или, считая состав семьи 5—6 человек на семью, —6.480 семей. Ими основано 124 селения; на 104 селения сделан земельный отвод 944.925 десятин. Во временное пользование отведено 16 участков—2.064 десятины. В частную собственность 491 участок—46.981 десятина. Переселенцы этого периода расселились по лучшим площадям Зее-Буреинской равнины и Амура и в короткий срок завоевали себе известное благосостояние. Положив не мало труда на проведение примитивных дорог, мостов и переправ через „пади“ (долины) и капризные реки, они крепко привязались к земле, создав базу для дальнейшей колонизации.

С 1901 г. колонизация Дальнего Востока, преимущественно Амурской губернии, принимает более планомерный характер. С проведением Забайкальской железной дороги и с массовым увеличением потока переселенцев исчез земельный простор и введены были: общесибирские нормы наделения землей, предварительная нарезка переселенческих отводов и долгосрочные ссуды, сначала по 200, затем по 400, а в исключительных случаях по 800 и более рублей на домообзаведение новоселов.

Для управления колониционным вопросом в целом было создано Переселенческое Управление.

В задачи Управления вошло: дорожное строительство, сооружения гражданские, переселенческие пункты, больницы, гидротехнические изыскания, прежде всего источников питьевой воды, перевозка переселенцев по железным дорогам и рекам, преимущественно по Сибирской магистрали и рекам Шилке, Амуру, Зее и Селемдже, организация продовольственных лавок и сельско-хозяйственных складов, организация школ, ветеринарная помощь при эпизоотиях. При последовательном углублении переселенчества вглубь тайги потребовалась организация почвенно-ботанических экспедиций и метеорологических станций с опытными полями для выяснения границ возможности земледельческой колонизации. Наконец, в связи с постройкой Амурской железной дороги, было организовано бюро по найму рабочих. Параллельно с работами Переселенческого Управления, как в центре, так и на местах, шла работа казачьей войсковой организации, борющейся с Переселенческим Управлением за свое монопольное право на „отвод Духовского“ и за право его колонизации специально казаками.

Последними шагами казачьей колонизации было основание новых 17 хуторов в „отводе Духовского“ и специальное заселение ими Николаевского округа, с образованием в нем 8 селений и 7 хуторов с общей площадью 114.535 десятин (выделенной из общей территории округа в 119.626 дес.), с населением округа в 8.566 человек обоего пола (19.127 десятин отведенной площади отнесено к разряду неудобных земель).

В поисках более легких для освоения земель и в борьбе с казачеством Переселенческое Управление добилось, наконец, открытия „отвода Духовского“ для крестьянского переселения, для заселения

его в общем порядке, и, начиная с 1911 г., приступило к подготовке в „отводе“ колонизационного фонда. С 1911 по 1913 г. была произведена съёмка в округах: Михайло-Семеновском, Пашковском, Иннокентьевском и Екатерининском на площади в 462 000 десят., и с производством нивелировки в Михайло-Семеновском округе на площади в 100.000 десятин.

Землеотводные работы по образованию колонизационного фонда распались на: а) подготовительно-рекогносцировочные, б) съёмочные и в) межевые. Первые и самые ответственные работы поручались производителям работ с высшим агрономическим или лесным образованием; межевые инженеры и техники считались вспомогательными исполнительными силами, и лишь спустя некоторое время, и на площадях меньшего значения, все работы переходили к одному лицу, производителю работ, могущему решать все задачи. Одновременно с этим, специальные исследовательские работы были поручены почвенно-ботаническим научным экспедициям во главе с проф. Глинкой и ботаником Флеровым, в составе специалистов почвоведов, ботаников и агрономов. Работы продолжались непрерывно из года в год. За 14 лет, по 1915 г., обследовано 14.000.000 десятин.

Последние, по годам, обследования были направлены на прибрежья рек, впадающих в Селемджу, на побережья Нижнего Мына, Лукачка, Семертака, Керы, Керикана, Кермакита, Эльги, Харги, вместе с побережьями самой Селемджи, а также маршрутно исследованы долины реки Уд и впадающих в нее притоков—Галама, Шавли и Угыкана. Обследованы таежные пространства, находящиеся между реками Бирмой и Томью, начиная от притока Бирмы до реки Гош, затем от притока реки Томп—реки Костеры в восточном направлении до реки Бирмы, по правому берегу рек Бим, Кунгулов, в верховьях рек Завитой, Белой и Амаранки. О всех исследованиях материалов не сохранилось.

В конце этих рекогносцировочных работ определилась недостаточность их для решения сложных вопросов колонизации девственных районов Дальнего Востока, и сеть опытных научных учреждений приняла постоянный характер для каждого данного исследуемого района. Объединяясь общей программой работ, в которую входят: постоянные метеорологические и гидрометрические наблюдения, бонитировка почв и составление классификации угодий по твердым научным обоснованиям—рельефа, строения почв и растительного покрова, изучение мелиораций, доступных переселенцу, и учет их стоимости, акклиматизационные опыты и подбор семенного и племенного материала, изучение экономических факторов района.

Вместо прежнего деления на удобные и неудобные земли постепенно выработалась более сложная и точная классификация.

Классификация угодий.

А. Земли, пригодные для распашки.

а) Открытые пространства.

1. Степь. Характерная растительность степей: орешник, красная лилия, саранка, черноголовник, держки-трава, люпиновидный клевер, японская гвоздика и виды горошков, сладкие злаки. На осо-

бенно сухих местах — полынь и шиповник; характерная древесная растительность — черная береза. Эти степи непосредственно пригодны для распашки.

2. Степи сырые. Характерная растительность сырых степей: белоголовник, желтая лилия, купальница, березовый ерник (карликовая береза), иногда ивовый ерник и ольховник. Орешник встречается единичными экземплярами на более сухих местах. Характерная древесная растительность — белая береза. На сырых местах встречаются небольшие травянистые кочки и трещины; почвы с избытком влаги, затрудняющей распашку; такие земли нуждаются в простейших осушительных мелиорациях.

3. Мари. Поверхностно-заболоченные пространства, представляющие переход от сырых степей к болотам, чаще всего располагаются на водоразделах. Перегнойный слой — слабо разложившийся, на поверхности часто моховой покров. Травяной покров преимущественно из кислых злаков; встречается ивовый ерник и белоголовник. Травянистые кочки в значительном количестве. Древесная растительность, — в виде чахлах экземпляров лиственницы и белой березы. Мари для хозяйственного использования обязательно требует значительных осушительных работ.

4, 5 и 6. Степи и мари с лесом и кустарником. Степи и мари могут быть чистые или с редким лесом, или с кустарником. К той же группе должны относиться пространства, на которых лес разбросан „колками“, при чем количество колков не превышает $\frac{1}{2}$ площади, охваченной контуром.

б) Лесные пространства.

Пространства, сплошь покрытые лесом или колками леса, превышающими своею площадью половину площади контура, относятся к лесам. При съемке отмечается полнота насаждений по группам:

1) Редина (лес 3-й добротности) — площади с полнотой насаждения до 0,2.

2) Редкий лес (лес 2-й добротности) — площади с полнотой насаждения от 0,2 до 0,4.

3) Густой лес (лес 1-й добротности) — площади с полнотой насаждения выше 0,4.

Названия лесам даются по господствующей породе; примесь других пород обозначается соответствующей литерой с указанием степени смещения. В отношении влажности указываются — леса по сухому и мокрому грунту. Почвы под лесом разделяются на пригодные и непригодные для распашки. По возрасту и размеру леса делятся на группы:

1) Молодняк — толщина на высоте груди до 1 вершка.

2) Жердняк — от 1 до 2 вершков.

3) Средняк — от 2 до 4 вершков.

4) Крупный — свыше 4 вершков.

Наконец, отмечаются гари и поруб с различением свежих и старых категорий и с указанием всех прочих вышеперечисленных категорий.

Б. Земли, непригодные для распашки.

1. Луга. При съемке выделяются луга — чистые кочковатые плуга — с кустарником кочковатые, не исключаяющие возможности сенокосения.

2. Выгоны. К выгонам относятся земли, непригодные ни под распаху, ни под сенокосение, но пригодные для выпаса скота. К этой категории относятся открытые или лесные пространства, с более или менее значительным травяным покровом. Почвы этих пространств или песчаные с незначительным дерновым покровом, или каменистые, когда почвенный слой глубиною менее 4 вершков и под ним залегает сплошной камень.

В. Неудобные земли.

Пространства с сплошным камнем на поверхности. Чистые пески или пески с корявым дубняком. Крутые безлесные склоны с углом наклона более 15° . Болота или топкие мокрые пространства, с кочками или без них. Покров их или травяной с осокой, или моховой; осоки, ситники, хвощи, пушица, мытник болотный, камыши. „Могильники“ — сухие или сырые пространства, усеянные сплошными буграми и ямами. Прогоны не свыше 12 саж. ширины, улицы, владбища и бичевники. реки и озера.

Начиная с 1906 г., съемка велась исключительно угломерными инструментами по способу предварительного построения полигонометрической сети, основных точек и линий. Построение сети начиналось от пункта, связанного или с пунктом военной триангуляции (если такой был близко), или с предыдущими работами землеустроительных партий, так или иначе, опираясь на истинный меридиан. Инструментальный ход теодолитом располагался так, чтобы им замыкался участок от 100 до 200 кв. верст. Когда полигон сомкнут, то в зависимости от его фигуры прокладывались распорочные ходы, выяснявшие правильность обхода полигона и служившие базой для внутренних съемочных ходов. Допускаемая невязка не превышала угловой точности инструмента, умноженной на квадратный корень из общего числа углов полигона; линейная невязка — $\frac{1}{1250}$ периметра. Замкнутая полигоном площадь покрывалась достаточной, но не чрезмерно густой сетью съемочных визиров. При помощи их техник давал вышепринятой классификации вполне правильное представление о местности, количестве и взаимном расположении удобных, малоудобных и неудобных земель; им составлялся план в масштабе 100 саж. в дюйме для частновладельческих отводов и 200 саж.—для общественных. (В Приморье, где нет пестроты земель, — масштаб 50 верста в дюйме).

В программу описания участков входит: указание положения участка, составление его плана с дачей координат угловых точек, расстояние участка от важнейших культурно-экономических настоящих или будущих пунктов, станций, пристаней, описание рельефа участка и его границ, условий орошения, почвенного и растительного покрова угодий, основания долевого зачета малоудобных земель и определения колонизационной его емкости.

С 1922 г. для всяких колонизационных планов принят масштаб 100 саж. в дюйме.

Переселенческие участки отводились по расчету не выше 15 дес. удобной земли на мужскую единицу, считая в том числе и лесной выдел. Если не хватало цельной площади для поселения селениями, отводились хуторские отруба, размером не более 45 дес.

удобной земли, и 15 дес. выпаса. Эта общая цифра, включая и лесной надел, считается вполне достаточным хутором для ведения нормального по местным условиям, самостоятельного хозяйства. Для Зее-Буреинской низменности душевая норма еще понижена — вместо 15 до 10 дес. на мужскую душу.

В городах и поселках городского типа, при станциях Амурской ж. д., образованных с начала ее постройки (1910 г.) по 1912 г., разбиты усадьбы с отводом выгонных земель, в среднем около 6.000 дес. на поселок.

В 1913 г. Уполномоченный Главного Управления Земледелия и Землеустройства, Шуман, приступил к проведению плана систематической колонизации таежных пространств Амурской губ., на основах опыта колонизации Причулымской тайги Томской губ. Первый опыт произведен был у ж.-д. станции Ульмин—„Ульминский колонизационный район“, при чем запроектирована и разбита на отрубные участки половина района площадью 92.147 дес., другая половина — 120.000 дес. заснята, и на половине этой половины составлены камеральные проекты отрубных участков.

Проект Шумана опирался на спорном убеждении, что южнее 54 параллели на Амуре возможно земледелие, откуда и вытекал шумановский колонизационный фонд, охватывающий почти всю Амурскую губернию, а именно, 27.423.500 дес. На этот фонд Шуман предполагал перебросить в 15 лет 1.259.520 душ обоего пола переселенцев, разбив земельный фонд на 82 района, распределив фонд исключительно мелко-капиталистически, по отрубам. Стоимость всех работ им определялась в 342 миллиона рублей, из которых на один опыт в Ульминском районе потрачено 203 тысячи рублей. Опыты Шумана остались неудачными: нарезанные отруба никого не прельстили, и Ульминский район пустует. Причиной неудачи надо считать 1) колоссальное преувеличение колонизационной емкости, как района в целом, так и отдельных отрубов, 2) недостаточность размера возможных распахов — по 3 дес. на отруб, благодаря чему распахки, разбросанные отдельными пятнами по тайге, подавляются тайгой и заболачиваются, 3) хутора и отруба оказались в значительной их части лишенными питьевой воды на зиму, ибо не принята во внимание „вечная мерзлота“ — колодцы и водоемы промерзают зимой насквозь, 4) хуторское отрубное хозяйство требует хорошо и богато развитой сети дорог, соединяющих отруба друг с другом и с магистралями общего пользования, все это оказалось черезчур бароки размашистым, дорогим и потому дутым предприятием, 5) отрубное хозяйство требует широко развитой сети вспомогательных построек, что непосильно большинству переселенцев.

Еще в 1908 г. сенатор Иваницкий, ревизовавший переселенческое дело Дальнего Востока в целом, писал: „Для прочного заселения Дальневосточной окраины требуются широкие колонизационные мероприятия, далеко выходящие за пределы организации обычного переселения крестьян-хлебопашцев“. Для современного положения колонизации Дальнего Востока характерен не только Ульминский район с допущенными в нем вышеуказанными грубыми ошибками, но характерна и судьба целого ряда поселков городского типа, таких же колонизационных затей, если не умирающих окончательно, то хиреющих: такова прежде всего судьба города Свободного (быв. Алексеевск), поселка Буреи и др. Окрепшим можно считать лишь поселок „Завитая“, ставший крупным хлебопромышленным центром.

Официально зарегистрированный переселенческий земледельческий поток „на Амур“ по годам изменялся так:

	Крестьян.	Казakov.
1901	6.478	824
2	2.485	610
3	4.970	1.155
4	Русско- японская	344
5	война.	146
6	3.112	175
7	10.772	641
8	7.701	1.173
9	16.898	4.851
10	20.793	766
11	4.313	840
12	4.579	1.133
13	6.230	720
14	12.924	1.238
15	2.206	255
16—21	Война и Революция.	
22	805	—
23	1.523	—

Итого крестьян и казаков 120.660 чел. об. пола.

Вместе с ходоками было . 177.057 человек.

Одновременно с прямым движением имело место и обратное; в первые годы оно достигало 3,7% прямого движения, в последующие же годы, прогрессируя, дошло до 50% (в 1911 году). Главной причиной являлась материальная необеспеченность—вернулись назад те, кто привезли с собою на Дальний Восток не свыше 100 рублей; отсюда вытекла их маломощность и их последующее разочарование в виде: невозможности справиться с тайгой, сыростью, кочковатостью участков, с наводнениями, с суровым климатом; отсюда же проистекла малосильность семьи, болезни и смерти членов семьи и, наконец, тоска по родине, как окончательный фактор обратного движения. Общее число обратных переселенцев по 1912 год включительно 10.626 человек.

Наименьший % обратных дают северные губернии; наибольший—промышленный центр, южные губернии, Бессарабия и заграничные переселенцы.

Переселенческие пункты, в составе летних и зимних барачных, больниц с амбулаториями и аптеками и прочими пунктовыми зданиями, уцелели на Амуре и посейчас; в Благовещенске они занимают целый квартал.

Сведения о переселении после революции—недостаточны; надо считать число вновь водворившихся в Амурской области не меньше 22.000 едоков, не считая переводворения, происходившего как внутри края, так и шедшего из Забайкалья и Приморья. Общая цифра водворившихся на Амуре с 1901 г. по 1923 г., таким образом, должна быть принята около 160.000 едоков.

Сильное обратное переселенческое движение, приводившее уцелевших в живых в состояние полной прострации, показало царскому правительству невыгодность для государства его политики, обнаружило, что принимавшихся колонизационных мероприятий недостаточно, что если продолжать колонизацию, то необходимо принять на плечи государства еще более значительную часть помощи переселенцам всяческими ссудами и организационными мероприятиями, сводившимися к скрытым формам не только государственной ссуды, но чаще безвозвратных пособий.

Затраты средней новосельческой семьи на устройство хозяйства в наиболее благоприятном для освоения земельного фонда Зее-Буреинском районе определились из большого количества статистических данных в 745 рублей, распадавшихся на следующие статьи: дом из бесплатного лесного материала, построенный собственными силами новосела—150 р., три лошади—300 р., упряжь к ним—100 р., плуг—60 р., две бороны—10 р., телега и сани—40 р., корова—70 р., мелкий инвентарь—15 р.

Средняя же стоимость обзаведения экономически прочного хозяйства определилась в 1.290 р., при посеве не менее 5 десятин и при наличии, кроме дома, амбара, сарая и бани. Местный вспомогательный заработок, подсобный или кустарный, тем же статистическим обследованьем определен в год на семью всего лишь в 60 рублей, так что вполне понятна невозможность существования новоселов при пособии казны в 200 руб., к тому же часто выдаваемых по частям в виду государственных финансовых затруднений. Такая форма помощи приводила лишь к тому, что ссуда проедалась.

В дальнейшем необходимо будет изжить ошибки царизма при колонизации Д. В. О., если она будет; и прежде всего озаботиться переселением рабочих артелей, не связанных семьями, ибо рабочие руки на Дальнем Востоке дороги, и рабочий один сможет освоить участок земли; затем к рабочим-одиночкам, оседающим в крае, может быть выписана и его семья.

Врачебная помощь переселенцам к 1914 г. вылилась в действующую сеть 9 врачебных и 22 фельдшерских пунктов. Несмотря на высокое вознаграждение врачу—3.000 р. и фельдшеру—1.200 р., часть пунктов бездействовала за отсутствием желающих ехать в глухую тайгу врачей и фельдшеров. Из типичных болезней необходимо отметить на первом месте желудочно-кишечные заболевания на почве скверной питьевой воды; затем куриная слепота и цынга на почве истощения; далее, болезни органов дыхания, вследствие климатических условий; затем, паразитические и венерические болезни на почве бытовой нечистоплотности; наконец, эпидемические болезни—грипп, брюшной тиф, дифтерия, корь, оспа, скарлатина, коклюш, дизентерия, туберкулезные заболевания. Пути следования переселенцев превращались в один сплошной „скорбный путь“. Всего на медицинскую помощь затрачено царизмом в последнее его десятилетие 3.122.000 р. распределяющихся так: на личный персонал—557.000 р., на строительные работы и оборудование пунктов—894.000 р. и на содержание пунктов—1.671.000 р.

Не малую долю расходов составляла и ветеринарная помощь переселенцам. 1896 г. дал 5.168 случаев падежа скота у переселенцев от „сибирки“, в конце разорившей их; в 1911 г. падеж повторился, пало 2.537 голов, и это довело новоселов до состояния близкого к панике. Поэтому с весны 1912 г. было привито комбинационными сибиреязвенными прививками одних лошадей 30.000; помимо этого, сжигались трупы павших, дезинфицировались очаги заболеваний. Кроме эпизоотий сибирской язвы, необходимо отметить сап, воспаление легких, или „чуму скота“. Начиная с 1912 по 1918 г., основано 4 ветеринарных пункта и израсходовано на них 161.360 р., не считая содержания краевого пастеровского сывороточного учреждения, называемого „Противочумной станцией“.

Расходы государства по переселению „на Амур“ за десятилетие выразились в грубо-приближенной сумме 12.000.000 р. на водворение 120.000 человек, т.-е. по 100 руб. на человека или по 560 р. на семью. К этой сумме необходимо прибавить собственные расходы переселенцев не менее 200 р. на семью. Для проведения в жизнь современной колонизации, даже с грубыми ошибками Шумана, эта цифра должна быть утроена, как это видно из предыдущего опасения Ульминского района.

Г Л А В А III.

Современное положение и задачи сельского хозяйства Дальнего Востока.

Из 50.000 географических кв. миль Дальневосточной горной области—равнины, могущие интересовать сельское хозяйство, составляют только 4.000 географических кв. миль, т.-е. лишь 8% поверхности, притом лесистость ее 79%. Экономисты Д. В. спорят о том, где лежит основной стержень экономики Д. В. в сельском хозяйстве или промышленности; спор этот по существу основан на недоразумении, на забвении истории капитализма, истории колонизации всех стран. Основной колонизации Д. В. явился хлебный Зазейский район, достигший такого размера производства хлеба на сравнительно ничтожной площади, что мука Благовещенского мукомольного центра обеспечивала питание и армии, и возникших городов, и золотопромышленных таежных районов, и рыбопромышленности низовьев Амура, и обеспечила колонизацию Уссурийского края вплоть до Имана, пока там не возникли собственные хлебные, сельско-хозяйственные центры. Относительное равновесие вывоза и ввоза каждой страны, каждой области, требует, чтобы накопление капитала в колонизируемой стране не носило характера благотворительности. Поэтому, важнейшей отраслью хозяйства Дальнего Востока и сейчас, как по числу занятых в ней масс населения, так и по общей продукции края, является сельское хозяйство, т.-е. земледелие и скотоводство. Из общего количества населения Д. В., определяемого приблизительно цифрой в 1.860.000 чел. (по данным Ц. С. У. быв. Д. В. Р.), на долю сельского населения падает 1.218.000 чел., т.-е. около 66% всего населения. То же преобладающее значение сельского хозяйства выявляется из сравнения слагающих частей бюджета Дальнего Востока, как довоенного, так и в период самостоятельного существования Д. В. Р.

Отрасли хозяйства.	Областной валовой доход в милл. золотых руб.	
	Довоенный.	Д. В. Р.
1. Земледелие	56,0	42,5
2. Скотоводство	38,0	30,5
3. Пушной промысел	7,5	2,5
4. Лесное дело	8,5	2,5
5. Золотопромышленность	25,0	5,5
6. Прочие отрасли горного дела	2,5	2,5
7. Рыболовство	5,0	3,0
8. Обрабатывающая промышленность	6,0	1,0
Итого	148,5	90,0

Таким образом, земледелие со скотоводством составляли в довоенное время 94 милл. руб., или 63% областного валового дохода; во время же Д. В. Р. этот процент подняли до 81%, так что, едва ли следует глубокомысленно решать задачу, где главный стержень экономики Дальнего Востока. Но совсем другой вопрос, когда мы обсуждаем отдаленные перспективы, имеющие возникнуть на почве уже созданных крестьянством земельных ценностей, на почве мелпорированных им миллионов десятин, с затратой на каждую десятину своего труда не менее, как на 35 рублей золотом, кроме затраты и своего личного и государственного фонда на переселение и водворение в новых местах. Здесь, оценивая большую или меньшую легкость освоения имеющегося колонизационного фонда, мы вправе, может быть, поставить точку на земледельческой колонизации и искать формы промышленной колонизации, как наиболее выгоднейшего метода использования уже вложенного в Дальний Восток национального богатства, национального капитала, с тем, чтобы перенести в будущем основную экономическую стержень в промышленность.

Поток переселенцев, достигавший до 1880 г. в среднем 500 душ ежегодно, до 1900 г.—6.000 и до 1910 г.—22.500 душ, оказался достаточно мощным для того, чтобы заполнить и поднять всю, доступную обычным крестьянским методам, целину Дальнего Востока, и в следующее десятилетие колонизационная война начала падать, спустившись до 16.000 человек в год, а в последние годы и того ниже. Крестьянское хозяйство, носившее исключительно переложный и зерновой характер, стало переходить на другие, более трудосемкие культуры, и в настоящий момент перед Дальним Востоком стоят те же вопросы, вытекающие из земельной тесноты, что и в Центральной России, как это ни кажется странным на первый взгляд. Дазиметрическая карта Д. В. О. на сельско-хозяйственной выставке дала этому полное географическое объяснение. Новый земельный колонизационный фонд, требующийся сейчас, прежде всего ищется путем утеснения старожилов, путем борьбы, часто кровавой, между русским и инородческим населением, путем вытеснения скотоводческого кочевнического хозяйства оседлым крестьянским, путем замены системы нагуливания скота системой его откорма.

Но даже и эта смена экстенсивной и интенсивной культур—еще в зачаточном состоянии, и всю посевную площадь на Дальнем Востоке попрежнему надо считать элементом чисто ярового хозяйства, зерновой системы чрезвычайно однообразного типа—пшеницы, овса и ржи—ярицы. Посев технических культур и кормовых трав почти отсутствует, и лишь под влиянием мировой войны и революции крестьянство начинает вырываться из-под власти рутины, будучи выбито из проложенной веками колеи, начинает прощупывать новые для него (тысячелетней, однако, давности!!) формы корейской и китайской культур, ищет способов претворения их в свою жизнь.

Поскольку выработанные китайско-корейской культурой методы работы и типы растений приспособлены к явлению вечной мерзлоты и всем условиям метеорологии края, постольку необходимо детально и научно обследовать эти методы, внести в них требуемые современной механизацией усовершенствования и затем распространить среди населения результаты исследований опытно-показательных учреждений в целях интенсификации местного крестьянского хозяйства. Работа эта ведется уже около десятилетия и все более начинает привлекать к себе научное внимание Д. В. агрономов, как в высшей степени оригинальная система построения и смены подбора чуждых Велико-россии солнечных культур, с большим коэффициентом полезного действия и с автоматическим механизмом восстановления плодородия земли. Вводимая, кроме того, сейчас на болотах культура риса вовлекает в севооборот сотни тысяч совершенно не пригодных ни для каких иных культур площадей, открывает совершенно новые перспективы в экономике Дальнего Востока.

Перед зерновым хозяйством Д. В. не стоят, однако, ни сейчас, ни в ближайшем будущем, мировые задачи выхода на Тихоокеанский рынок: Д. В. в этом отношении не конкурент Маньчжурии; но точно так же несомненно, что свой внутренний рынок Д. В. не может уступать Маньчжурии, не может выбрасывать ей—за границу—за хлеб, за спирт,—те ценности, которые могут и должны остаться внутри страны. Между тем, пока что, зерновое хозяйство из-за конкуренции Маньчжурии в крае падает; в житнице Дальнего Востока—Амурской области—посевная площадь упала на 350.000 десятин, а по всему Дальнему Востоку запашки сократились за время войны и революции на 40%. Приходится пыскивать средства, как восстановить довоенный фонд пашни, и как, далее, расширить его для полного покрытия внутренней потребности, как увеличить его на 600.000 десятин против 1922 г., т.-е. на 80%.

Общий колонизационный фонд Дальнего Востока, насчитывающий до 3.274.780 десятин, вполне достаточен для решения поставленной здесь задачи расширения пашни и, даже, с большим избытком; но он требует к себе внимательного отношения и больших жертв со стороны государства, ибо, как это будет видно в дальнейшем, он образован с большими дефектами, вызванными снешкой колонизации края во чтобы то ни стало, в империалистических целях царского правительства.

За исключением непригодной для немедленной колонизации части свободного фонда к 1 января 1922 г. числилось 496.650 десятин удобной земли, разделенной на 30.000 муж. душ. долей. По отдельным областям фонд этот распределялся так:

Быв. губернии	Всего свободного фонда.		В том числе пригодного к немедленному заселению:	
	дес. удоб. з.	долей м. п.	дес. удоб. з.	долей м. п.
Прибайкальская . . .	42.000	2.250	16.500	1.100
Забайкальская . . .	847.000	66.350	249.650	17.000
Амурская	1.350.000	68.000	185.000	9.000
Приамурская	780.000	50.000	—	—
Приморская	255.000	19.000	43.500	2.900
Итого . . .	3.274.000	205.600	494.650	30.000

Помимо колонизационного, земельно-оброчный государственный фонд Дальнего Востока достигает 708.345 десятин удобной земли, и по отдельным бывшим губерниям распадается так:

Земельных угодий десятин.

Быв. губернии.	Усадебных.	Сенокос.	Пахотных.	Выгонов.	Других.	Всего.
Прибайкальская	13	14.900	1.740	3.100	60	19.813
Забайкальская	224	63.263	10.495	311.082	868	385.932
Амурская	255	40.400	35.400	95.000	9.000	180.055
Приамурская	394	17.033	2.400	10.100	3.336	33.263
Приморская	1.694	45.095	24.590	11.000	6.903	89.282
Итого . . .	2.580	180.691	74.625	430.282	20.167	708.345

Кроме того, по данным Забайкальского Губземуправления, имеется еще 611.504 десятины преимущественно выгонных земель в степной пограничной полосе Акшинского и Александро-Заводского уездов, оспариваемых бурято-монголами. Следовательно, всего земельно-оброчного фонда Дальнего Востока свыше 1.302.000 десятин. Арендная плата по нему варьирует от 0,05 до 0,1 руб. с десятины за выгоны; от 1 до 1,50 руб. за сенокосы; от 1 до 3 руб. за мягкие пашни; от 4 до 12 руб. за усадьбы и от 24 до 1.200 руб. за земли под промышленными предприятиями. При нормальных условиях оброчный фонд давал бы до 500.000 руб. ежегодного дохода государству; в действительности собрано в 1922 г. всего 74.065 руб. и состоит в долгу 67.514 руб. За эту сумму в 1922 году было сдано 6.780 десятин пахотных угодий, 35.000—сенокосных, 150.000—выгонных, 125—усадебных и 11—под пчеловодство, а всего 191.792 десятины.

Местное крестьянство не справляется собственными силами с обработкой земли и пользуется приписным арендным и наемным трудом, преимущественно китайским и корейским. По сведениям бывшего Министерства Дальне-Восточной Республики по Национальным

делам, китайцев в крае на всевозможных заработках в сельском хозяйстве, в золотопромышленности и в торговле было до 800—900 тыс., корейцев, преимущественно на сельском хозяйстве, до 700 тысяч (цифры эти нигде не видны из данных Губземуправлений). Если сравнить эти цифры, видимо, неучтенного и нигде не приписанного населения Д. В. О., с официальной цифрой населения Дальнего Востока в 1.800.000 человек, то они окажутся по величине близки друг к другу и могут поэтому навести на ряд весьма серьезных размышлений. Недостаточно правильный учет населения прежде всего повлечет невозможность никаких государственных плановых расчетов, делает несравнимыми все цифры государственной областной статистики, неправильными все выводы, базирующиеся на этой якобы статистике, погрешающей на 100%.

В 1917 г. имелось (по данным сельско-хозяйственной переписи):

плугов	122.047
сеялок	7.423
жаток	25.589
косилок	16.307
молотилок	7.202
веялок	20.882

В 1922 г. при хорошем урожае, достигшем до 40—50 пудов пшеницы с десятины, 40—50 пуд. овса и 80—90 пуд. ржи, результат валового сбора хлебов оценивался в 38.580.000 пудов, и сбор кормовых трав—в 170.000 пудов. Меж тем, потребность населения определяется официальной статистикой в 48.750.000 пудов хлеба. Недостаток статистического учета сразу же сказался на ценах хлеба: при официальных статистических воплях о грядущем голоде, о необходимости закупок хлеба в Маньчжурии цена на хлеб, начиная с сентября, катастрофически начала падать, а именно, овес дошел до 30 коп. за пуд, а пшеница до 60 коп. Количество корнеплодов в Приморской губернии выброшено было на рынок такое, что китайцы-арендаторы, державшие раньше огородничество в своих руках, оказались отодвинутыми на задний план. И в результате 1922 г. население Дальнего Востока обошлось собственным хлебом; в действительности же голодала часть инородцев, которым вследствие революционных событий не успели завезти хлеба летом в тайгу, в удаленные от жилья районы; количество таких голодавших, по расчетам Помгола Дальнего Востока, достигало 5—7 тысяч человек.

Вместе с падением общей сельско-хозяйственной продукции во время гражданской войны, естественно пало и животноводство. Общее количество скота, по переписи 1917 г., включая Камчатку, было 5.323.506 голов. В 1922 году количество скота по Приморской губернии увеличилось для лошадей до 50%, для крупного рогатого скота до 16% и для свиней до 25%. В Приамурской губернии количество скота осталось без изменения. В Прибайкальской и Забайкальской губерниях поднялось лишь количество свиней на 63,7%, но зато для всего скота в целом упало на 31,3%. В Амурской губернии, благодаря громадному убою и эпизоотиям, упало на 48—50%. Поскольку три последние губернии играют решающую роль в животноводстве, оно в целом по области упало на 25%.

Номадное скотоводство несомненно переживает и должно переживать период упадка. Забайкалье и Прибайкалье являются главным скотоводческим районом Дальнего Востока благодаря только тому,

что естественные условия беснежных зим позволяют пастись круглый год скот на подножном корму, сначала на зелени, а зимой на ветопи, которую в случае неглубоких снегов скот раскапывает; зато при снежных зимах, как раз характеризующих переживаемый нами период, надеж скота принимает громадные размеры от бескормицы. Условия номадного скотоводства Забайкалья поражают своим первобытным варварством: бурято-монголы, а вслед за ними и местные казаки и крестьяне-старожилы, часто не трудятся делать даже изгороди для загона скота, и скот так и остается в поле, брошенный на произвол дальне-восточных бурянов, лютых морозов и диких зверей. Кое-какие меры предпринимаются лишь в отношении молодняка, который берется под защиту изгороди или загона, при чем в этих условиях молодняк прикармливается сеном.

Надо ли удивляться, что номадный забайкальский скот, необычайно многочисленный (Забайкалье по количеству голов скота на 100 душ населения стоит на первом месте вслед за Аргентиной и Австралией, а именно: в Аргентине—448, в Австралии—202, в Забайкалье—190), в то же время также необычайно легковесен и маломолочен: живой вес коровы 12—15 пудов, убойный 6—7 пуд., удоимость 3—5 фунтов в день. Весной коровы так истощены от голода, что не могут стоять, и их приходится поднимать. Поэтому всяческие разговоры о развитии молочного скотоводства на Дальнем Востоке являются, по крайней мере, преждевременными до тех пор, пока край не перейдет на травосеяние, не выстроит скотных дворов, не перестанет морозить и морить голодом скотины на том основании, что это „вековой обычай“ туземного бурято-монгольского народа, нуждающегося на этом основании в значительных площадях настища. Все сказанное относительно коров необходимо распространить и на лошадей, и на овец, и на прочий скот. Маловесность, карликовый рост, жесткость шерсти овец, чрезвычайно понижающая рыночную ценность шерсти и т. д. При промывке эта шерсть дает до 62% потери, благодаря короткому волокну.

Амурское скотоводство резко отличается от забайкальского своей значительно большей культурностью, но за отсутствием пастбищ и сенокосов носит зерновой характер.

Количество мяса, потребляемого сельско-хозяйственным населением Дальнего Востока = 3,5 миллионов пудов, городским населением потребляется полмиллиона пудов местного мяса и полтора миллиона пудов привозного. Таким образом, Дальний Восток не удовлетворяется и собственным производством мяса.

Из общей посевной площади, по одним источникам определяемой в 1917 г. в 1.218.203 десятины, а по другим—в 1.717.400 десятин, 35,5% засевалось яровой пшеницей, 16,8% яровой рожью и 30,7% овсом; количество прочих культур измерялось или единицами процентов, или даже их долями; к таким культурам относятся: ячмень, гречиха, картофель, лен, посевные травы, огородные культуры, китайские бобы (соя), чумиза, мак, рис, подсолнечник, кукуруза, просо, табак, виноград и пр.

В 1922 г. посевы риса достигли 15.000 десятин, льна—25.000 дес., маку—10.000 десятин, корейских культур—15.000 десятин, табаку—4.000 десятин.

Льноводство Приморья (как и проч. технических культур только там же) преследует пока цели льняного маслоделия; волокно льна-кудряша сжигается за отсутствием спроса, хотя оно квалифицируется в Лондоне как 2-й сорт льна-долгунца. С теми же целями маслоделия,

а затем и мыловарения, разводятся китайские бобы и конопли, и добывается масло из кедровых орехов. Мак разводится в тайных целях опиекурения, подпольно на малодоступных государственному надзору полях; крестьяне, получая от китайцев и корейцев за макосеяние большие деньги, способствуют их укрыванию. Масло бобовых, помимо питания и мыловарения, употребляется на выработку олифы, красок, смазочных масел. Жмыхи всех масляных употребляются на корм скота. Спрос на маковое семя и масло, помимо опиекурения, имеется из Сибири, где маковое масло дает прекрасный кондитерский материал и употребляется для самых тонких лаков и художественных красок, для изготовления марсельского мыла, для изготовления медицинских препаратов.

Развитие конопли и льна-долгунца на волокно будет несомненно иметь место в ближайшем будущем, когда завяжутся связи с Лондоном.

Табакководство и виноградарство Дальнего Востока не выдерживают и самой снисходительной критики, хотя табачное дело в крае развивается, и появляются сорта сигарных табаков.

Из побочных отраслей сельского хозяйства необходимо упомянуть пчеловодство, получившее широкое развитие у старожильского населения Приморья и Амура и дающее до миллиона пудов меда, и кустарные промыслы и ремесла; весь кустарный промысел в целом идет на удовлетворение местных нужд своих же односельчан или ближайших городов и поселков. Заработок от промыслов не спускается ниже 100 руб. в год на хозяйство, поднимаясь до 1.200 руб. в год.

Мукомольное дело особенно широко развито в крае и выявлено во всех стадиях перехода от кустарного к крупнокапиталистическому развитию: мельниц-ветрянок—216 (Приморье), конных—720, водяных—405 и паровых 184, всего—1.525; громадное большинство их стоит в бездействии.

Общее заключение о сельском хозяйстве на Дальнем Востоке должно быть чрезвычайно благоприятное. Трудна участь новосела, которому без капитала, своим горбом приходится поднимать девственную целину тайги; первое пятилетие, а иногда и десятилетие, хозяйство новосела хворает, приспосаблиется к окружающей среде. Но затем обжившийся крестьянин достигает высокой степени зажиточности. В Приморье средний годовой бюджет крестьянской семьи исчисляется в 2.059 руб. 10 коп., с ежегодным превышением дохода над расходом в 279 руб. 83 коп. Тогда как в хозяйстве воронежского крестьянина в довоенное время приходилось хозяйственных ценностей на душу обою пола—81,7 руб., в хозяйстве амурского старожила—395,3 руб., т.е. в 5 раз больше. Распадается это душевое имущество на группы так: скот—122,3 руб., инвентарь хозяйственный—92,8 руб., личное имущество—148,7 руб. В Воронежской губ. те же группы дают: 23,6 руб., 4,4 руб. и 42,7 руб.

В особенности тяжелы условия жизни русских новоселов в Забайкалье, где никакой земельной революции не произошло, где к русским приклеена кличка „колонизаторов“, где местная бурятская буржуазия и духовенство пока руководят массами, а малочисленные коммунисты-буряты еще не осмеливаются выступать против своих лам—священников, количество которых неизмеримо велико—каждый десятый бурят является ламой. В одном Хоринском аймаке (уезде) имеется 18 дацанов-монастырей и в каждом дацане в среднем находится до 150 лам, священников—монахов, целиком паразитирующих на спине бурятской бедноты. Попытки этой бедноты жить по русскому

образцу и скинуть со своей спины и лам, и свою буржуазию, вылились в крупное бурятское революционное движение под названием „балагатского“, но балагатчикам, как изменникам бурятской национальности, приходится выносить жесточайшие преследования.

ГЛАВА IV.

Сельско-хозяйственный колонизационный фонд по естественным районам Дальнего Востока.

А. Забайкалье.

Забайкалье делится Становым хребтом на две почти равные части, из которых западная часть выше восточной приблизительно на 350 метров. Типичной особенностью Забайкалья в целом (включая и Прибайкалье и автономную Бурято-Монгольскую республику является значительная средняя высота над уровнем океана, до одного километра, и незначительное превышение горных вершин над речными долинами. Горные хребты, разделяемые речными долинами, тянутся с юго-запада на северо-восток, образуя во многих местах горные узлы, с узкими прорывами ущельями среди основных горных пород и кристаллических отложений, в обнажениях которых нет недостатка — граниты, гнейсы, студяные сланцы, местами трахиты и базальты. Осадочные породы в приподнятых кристаллических пластах обнаруживают присутствие палеозойских формаций — силлурийской и каменноугольной; имеются и вторичные (юра) и третичные формации. Разнообразие минеральных богатств и их значительность — чрезвычайно: рубины, топазы, аметисты, бериллы, золото, серебро, свинец, висмут, вольфрам, уголь и железо, разнообразнейшие горячие и холодные высоколечебные источники, серные, железистые, углекислые, радиевые (злоупотребление ими, в смысле замены питьевой воды, создает зобатость и различные уродства местного населения, напр. в Нерчинско-Заводском уезде). Использование минеральных богатств крайне ничтожно. Восточная часть области незаметным уклоном переходит к югу в район пологих сухих каштановых почв и солончатых степей, в район скотоводчества.

Общая площадь Забайкалья равна 561.522 кв. километрам или за вычетом внутренних вод 544.103 кв. кил. Обитаемы только узкие долины рек, площадью около 12.200 кв. кил., заселенные оседлыми земледельцами, и степи с их кочевым скотоводческим населением.

Рельеф Забайкалья оказывает решающее влияние и на почвы, и на растительность, и даже на климат каждого данного кусочка Забайкалья, хотя область в целом подвержена основным метеорологическим законам, которые свойственны всему Дальнему Востоку, а именно, зимой ясная, бесснежная, абсолютно безветренная погода под влиянием мощного антициклона, стоящего своим центром над Монголией, благодаря общему охлаждению материка Азии. В январе и феврале центрально-азиатский антициклон начинает сдвигаться к западу, и, начиная с марта, дуют с океана почти ежедневные ветры, превращающиеся часто в пылевые ураганы. К июню ветры утихают, устанавливается атмосферное равновесие и ясная сухая погода, ночью с заморозками, днем знойная, чрезвычайно чистый и прозрачный горный воздух дает высокую проникаемость лучам солнечной энергии, высокую инсоляцию, компенсирующую недостаток времени веге-

тативного периода; но та же высота инсоляции превращает всю траву в сухой порох, вспыхивающий от искры; свирепствуют лесные пожары; атмосфера дотопе пыльная, теперь полна дымом. С середины июля начинается дождливый период; циклоническая деятельность Японского и Охотского морей достигает Забайкалья; Восточно-Азиатский летний муссон устанавливается на три месяца, кончая сентябрем. Осень — вновь сухая, безветренная, с лесными пожарами, вновь надвигается; зимний центрально-азиатский антициклон, сказывающийся зимним восточно-азиатским муссоном на побережьях океана, где в это время устанавливается обратное воздушное течение с материка на океан.

Средняя годовая температура различных пунктов Забайкалья от $-0,8^{\circ}$ до -5° ; средняя месячная минимальная -30° , месячная максимальная $+10^{\circ}$. Флора носит горный характер. Июньская засуха с ночными заморозками является главным препятствием для озимых культур, хотя в некоторых местах население начинает нащупывать культуры ржи и пшеницы, приспособляющиеся и к этой особенности климата, выносящие зимнюю бесснежную стужу до -55° . Июльско-сентябрьские дожди-ливни, совпадая с таянием „вечной мерзлоты“, мешают уборке сена и хлебов, реки внезапно вздуваются, периодически пульсируют и служат причиной наводнений, уносящих часто с собой не только урожай, но и самые селения вместе с их обителями. Ничтожность снежного покрова не дает внешних талых вод, внешнего половодья. Однако, как сказано, в Забайкалье особенности рельефа в каждом данном месте значительно искажают эту общую картину, а именно:

Озеро Байкал служит значительным регулирующим аккумулятором. Поздно вскрываясь от льдов (в июне или даже в июле), Байкал умеряет дневной зной; поздно замерзая, умеряет ночные заморозки и отодвигает зимние холода; вызывает местные осадки в периоды засух весенних и осенних, чем спасает стойкие культуры от неминуемой иначе гибели.

Между горными хребтами и их узлами в Забайкалье имеется достаточное количество горных террас — „еланей“, — укрытых от холодных северных и северо-западных ветров, что при наличии там же богатства горных речек позволяет населению более или менее удачно выбирать пашни и прибегать к недорогим искусственным системам орошения. Такие места оказываются свободными от вечной мерзлоты пятнами на общем мерзлом фоне Забайкалья.

В сфере распространения вечной мерзлоты преобладают болотные, местами торфяные почвы. Таковы почвы всего северного Забайкалья, занятые тайгой, покрывающей десятки миллионов десятин. Преобладающая порода леса — лиственница с неизменным ее спутником — ерником, иногда с примесью березы и осины. Состояние лесов тайги — печальное: благодаря пожарам и гусенице-шелкопряду процент сухостоя чрезвычайно велик, достигая 60—75%.

В южной половине Забайкалья, на переходной полосе от леса к степи, лесостепь покрыта грубыми боровыми песками, являющимися результатом отложения бывших пресноводных бассейнов, из которых при последующих прорывах бассейнов и спада вод, а также благодаря выветриванию, вымыт и выдут тонкий илистый слой; эта пыль, оседающая на юге, в степях Монголии и Манчжурии дает там лесовые плодородные разности почв.

Пески Забайкалья покрыты сосновым лесом различного качества и ценности. Боровые пески, освобождаемые населением из-под лесов,

распахиваются крестьянами даже на крутых склонах гор и дают урожай; но в то же время пески, лишенные одевавшего их дернового и лесного покровов, приходят в движение и дают начало песчаным дюнам со всеми их опасными качествами,—наступлениями на культурные участки и заносами гумуса песком.

На южных склонах — террасах — емянях — часто распространены легкие лесные суглинки наносного происхождения различной мощности и значительной ценности. Распахиваемые много лет подряд, они неизменно дают прекрасные урожаи, при правильном орошении соперничающие с урожаями наиболее культурных хозяйств Западной Европы. Такие почвы перед их распахкой бываюи одеты березовым или мешаным лесом.

Дно речных долин обычно служит сенокосом. Низины и мокрые места заполнены осокой; суходольные дуга изобилуют таким цветочным покровом пионов, лилий и т. под., которому позавидуют украшения городских цветочных клумб.

В степных районах распространены каштановые, черноземвидные и солонцовые почвы. Растительность лишена пышности суходольных лугов лесостепи, но за то в кормовом отношении обладает высокими качествами и солоноватым вкусом; за этот вкус особенно ценится скотом „вострец“.

Север Забайкалья с его суровым климатом и холодными тяжелыми почвами не заселен. Также недоступен заселению дикий хребет Хамар-Дамац и Становой хребет с их отрогами и узлами. Между ними, по долинам среднего и нижнего течений рек, населенные места протянулись в виде полос с многочисленными ответвлениями, внедрившимися в толщу горных хребтов; здесь население использовало почти весь запас пригодного для зерновой культуры фонда земель.

На юге Забайкалья резкая грань населенных и ненаселенных мест стирается, и население расплывается по всей территории.

Колонизация Забайкалья уже прошла достаточно далеко и имеет весьма глубокую историю, как мы видели. Самое старое, а вместе с тем и зажиточное оседлое население из русских — старообрядческое „семейское“, сосланное сюда при Екатерине семьями и называемое так в отличие от последующих переселенцев казаков — одиночек; наравне с „семейскими“ по зажиточности стоит монголобурятское население, меньшее по численности, чем русское, а именно: из всего наличия сельского населения в 664.071 человек на долю крестьян-новоселов приходится 31,5%, на долю казаков 30,9%, на долю инородцев кочевых и оседлых — 29,1%, на долю прочих категорий населения — 8,5%.

По данным Куломзинской экспедиции в 1897 г. мягкой пашни в Забайкалье было свыше полмиллиона десятин, у крестьян — по 1,29 дес. на душу обоого пола, у казаков по 1,02 дес. и у инородцев по 0,38 дес.

По переписи 1917 г. количество мягкой пашни увеличилось на 268.000 дес., но душевая средняя не изменилась, что указывает на известную устойчивость предела трудоемкости с.-х. культуры и трудоспособности достигнутой населением, употребляющим все необходимые машины-орудия и искусственно орошающим 17.862 дес. пашни и 51.972 дес. покосов.

Из местных культур рожь-ярица — продукт работы селекционных станций, по своему качеству почти безукоризненна, являясь наиболее приспособившимся растением. Та же характеристика отно-

сится и к гречихе. Овес—плох, его стремятся заменить Шатилловским. Последнее место по урожайности занимает пшеница, пока еще не приспособившаяся к условиям Забайкалья.

Рост оседлости населения сопровождается падением скотоводства кочевнического типа; при абсолютном увеличении количества скота на 7,3%, по области, комиссией Куломзина уже отмечен относительный его упадок—в 20% в хозяйство.

Теперешнее состояние занятых и свободных земель в Забайкалье характеризуется так: быв. Прибайкальская губ.—площадь 18.481.000 дес., населения вместе с бурят-монголами—406.302 человек; из них оседлого населения:

	Кол. насел.	Кол. удобн. земли.	Среднее обесп. на едока.
Крестьян	149.000	821.913	5,49
Казачков	20.585	329.328	15,99
Бурято-монгол . . .	65.558	1.032.165	15,74
Переселенцев	7.248	48.387	6,67
Горожан	46.341	24.234	—
	289.172	2.256.027	—

Общая площадь колонизационного фонда 180.468 дес.; из него свободной—119.162 дес.; из них—удобной земли—89.517 дес., т.е. фонд как будто достаточен для населения 6.000 мужских душ, если не принимать во внимание его недоступность благодаря бездорожью.

В бывшей Забайкальской губ. площадь 32.740.000 дес. с населением 412.433 чел.; лесов—19.491.534 дес., или 60,1%; земель трудового пользования 19% или 6.169.997 дес.; из них удобных—5.166.681 дес. Запасного госфонда вместе с оброчными статьями 11%, или 3.572.520 дес. То же в бывшей автономной Бурято-Монгольской области 6,5% или 2.128.292 дес.; переселенческих незаселенных участков 3,1% или 1.000.672 дес., из которых 9% болот. Прииски и копи занимают 0,2% или 56.368 дес., городские земли—0,1% или 29.553 дес.

Колонизационный фонд бывшей Забайкальской губ. распадается на заселяемый—281.833 дес. и свободный—769.380 дес.; из него годны для немедленного заселения 330.825 дес. и для скотоводства еще 435.762 дес. После мелиорации будут годны еще 134.161 дес. В 97.893 десятинах заинтересовано местное старожилое население, и 52.572 дес. непригодны для сельско-хозяйственных культур совсем.

По типам указанный колонизационный фонд распадается на 303.616 дес. степи, 158.074 дес. сенокоса, среди которого 32% заболоченного, 9.990 дес. пашни и 579.533 лесопокрытой площади.

Весь фонд бывшей Забайкальской губ. содержит 72 444 доли, из которых 13.174 свободных доли расположены удобно среди старожилых населения и 39.861 доля расположена в тайге, неудобно, в удалении от поселков до 200 верст.

В среднем каждая доля содержит 0,14 дес. пашни, 2,18 дес. сенокоса, 4,19 дес. степи и 8,00 дес. лесопокрытых площадей.

Доли фонда Забайкальской губ. образованы из бывших земель кочевых туземцев—35.388 долей, из бывших земель оседлых туземцев—11.391 доля (все они теперь оспариваются бурято-монголами и должны быть вычеркнуты из колонизационного фонда); из земель кабинетских—18.929 дол., из казенных—4.823 доли и из бывших крестьянских—1.920 долей.

Старожилое население устроено на 2.622.685 дес. в количестве 103.280 душ мужского, или 42,5% в 356 селениях; неустроено на 3.547.312 дес. в количестве 75.622 душ мужского пола в 250 селениях, или 57,5% населения.

Средняя душевая норма устроенного населения на 1 муж. душу:

	Удоб-ной.	Неудоб-ной.	Усадь-ба.	Паш-ня.	Сено-кос.	Вы-гон.	Кустар-ник.	Лес.
КазакИ	39,6	6,5	0,20	5,06	4,35	13,05	0,56	7,72
Крестьяне	15,5	4,0	0,17	3,77	2,76	6,85	0,17	1,80
Оседлые туземцы	16,2	6,4	0,14	2,37	2,57	9,00	0,24	1,89
Переселенцы	14,0	3,6	0,06	0,02	2,17	5,15	0,06	6,51

Итого по Забайкалью (по всем бывшим губерниям, включая и Бурято-Монгольскую автономную область) пригодно для заселения около 28.000 мужских долей; но без специального обследования весь фонд должен быть признан сомнительным, поскольку волна обратного переселения в Центральную Россию и на Амур покрывает прямую волну заселения Забайкалья. Дальнейшая возможность колонизации Забайкалья мыслится как смешанная, промышленно-заводская и скотоводческая.

В) Амурский край.

Границами края служат: с севера Становой хребет, с Якутией за ним; с юга река Амур на протяжении 1.690 километр., с Манчурией за ним: с запада—меридиан, проходящий через начало реки Амуре, считая его от слияния Шилки и Аргуни, с Забайкальем за ним; на востоке сложная линия, проходящая по хребтам Малому Хингану (Бурейнский хребет) и Джугдырь, за которыми начинается Приморье.

Пространство Амурского края исчисляется в 366.958 кв. килом., на которых, по последним официальным данным, явно преуменьшенным, числится 342.000 чел. населения (сравните дальнейшие страницы об Амуре) крайне пестрого этнографического состава—тунгусы, манчжуры, малороссы, великороссы, белоруссы, литовцы, поляки, латыши, эстонцы, румыны, австрийцы, турки, корейцы и т. д.

По строению поверхности Амурский край расчленен на три главных уступа—плато, постепенно понижающихся к Тихому Океану и окаймленных горными хребтами.

Самое высокое плоскогорье расположено на высоте 800—600 метр. над уровнем океана (спускаясь в долинах рек до 300 метр.); оно ограничено Становым хребтом и Большим Хинганом.

Следующее среднее плоскогорье имеет высоту от 300 до 250 метр., включая в себя самую обширную и самую плодородную Зее-Бурейскую равнину.

Последнее плоскогорье уже относится к Тихоокеанским низменностям: поднято оно над океаном всего лишь на 50—60 метр. и лежит между Бурейским хребтом и границей Приморья. Все это плоскогорье заполнено пологими округами Бурейского хребта (Малого Хингана).

По географической широте Амурский край соответствует средней и южной частям Европейской России, но было бы бесполезно искать соответствующего сравнения климата не только в России, но и на всем земном шаре, кроме соседней Маньчжурии. Климатическая характе-

ристика Амурского края очень близка к предыдущей характеристике Забайкалья: та же вечная мерзлота, те же обильные осадки не во-время, во второй половине вегетационного периода, сопровождающиеся бурными пульсирующими разливами и наводнениями, то же отсутствие снежного покрова и та же чрезвычайно низкая средняя температура зимы, немного лишь мягче, минимальная месячная—26,0°; так же знойно и лето, с максимальной месячной температурой +20,8°. Летние муссоны юго-восточные — сырые, зимние северо-западные — сухие (нет теплого Европейского Гольфстрема и, наоборот, имеется холодное Курильское течение). О бурном характере осадков можно судить по их количеству 525 м.м. в год (соответствует средне-российскому), при чем 90% их выпадает в июле и августе.

Сумма указанных неблагоприятных климатических условий не позволяет считать достаточно обширный земельный фонд Амурского края, соответствующий 10 губерниям Европейской России, за готовый колониационный земледельческий фонд.

Гребни, как Станового хребта, так и обоих Хинганов, достигая в своих вершинах 1,8 километра, состоят из гольцов, усеянных по скатам каменными осыпями. Преобладающие породы — кристаллические граниты и роговообманковые слениты. Из осадочных пород — девон и юра — кремнистые сланцы, глинистые сланцы, кварциты и песчаники. Земледелие края приурочено к третичным формациям по долинам рек Амура, Зеи и Буреи. На юге Забуреинского, низменного плоскогорья, ближе к океану, — прекрасные луга, залегает мощный слой чернозема, растут ильм, дуб, даурская береза, черемуха; леса перевиты лианами и диким виноградом и перемешаны с грецким орешником и пробковым деревом — „бархатом“. Вечная мерзлота носит спорадический характер и ограничена пониженными местами болотистых падей; тогда как в северных частях даже и этого плоскогорья постоянная мерзлота почвы явление повсеместное, — в лесах она глубже, в открытых болотах-падах мельче, — но все же в середине лета непосредственно под моховой подстилкой лежит сплошной лед.

Есть данные, говорящие за то, что с расширением осушительных мелиораций области вечной мерзлоты суживаются и даже совсем исчезают; но нельзя забывать, что природа постоянства мерзлоты только что начата изучением, а самое производство мелиораций моховых марей и мерзлых болот, составляющих главную массу земельного фонда Амурского края, представляет собой не легкую и не дешевую работу. Чтобы составить понятие о разрушительном влиянии мерзлоты на всякие искусственные сооружения, на постройки и на дома, достаточно проехать по Амурской жел. дороге и поглядеть на искривления и разрушения мостов, депо и станционных зданий, причиненные выдавливанием их оснований из земли при периодических замерзаниях и оттаиваниях почвы-пльвуна и, наоборот, непрерывным углублением в почву теплых печей, вплоть до того, что устья русских печей спускаются на уровень пола, а пол изгибается к печи со всех сторон воронкой.

Благодаря формированию почв на тяжелых глинах и благодаря высокой конденсирующей способности и водоупорности слоя вечной мерзлоты, почвы характеризуются избыточным увлажнением и делятся на полуболотные, покрытые злаковой растительностью пышного роста, и болотные, покрытые осокою, ирисом и мхами.

Почвы среднего увлажнения — подзолистые, скелетные, грубопесчаные, — покрыты исключительно корявым, кривым дубовым лесом кустарникового типа, с ксерофитной растительностью.

С точки зрения земледелия заслуживают внимания и мелиорации только полуболотистые почвы с мощными гумусовыми горизонтами; все остальные почвы слишком тяжелы для разработки.

Лесистость края очень велика — до 80% общей площади, причем качество лесов низкое. В шутку этот лесной район называют „клюквенно-экстрактным“ и „березово-веничным“.

Основанием колонизации Амура вначале явились золотоносные площади, дававшие до 1.000 пудов золота в год и являющиеся и посейчас притягательным средством для колонизации самых глухих таежных земель в верховьях рек, в горных вершинах. Вслед за старателями-золотничниками, параллельно с ними, шла земледельческая культура, составляющая теперь главный источник дохода населения и дающая свыше 5 миллионов пудов хлебных избытков, питающих остальной Дальний Восток. С 1920 года центр внимания перенесен на передел старожильческих районов, на внутригубернское переводворение, при чем переводворение частично приобрело краевой масштаб — на старожильческие земли Амура создавалась тяга и из Прибайкалья, и из Приморья, и даже из Сибири. Оседание происходит на бывших казачьих землях и на казенно-оброчных статьях. Особенно притягивает к себе переводворенцев золотоносный и хлебный Зее-Буреинский район.

В 1921 году Амурскую губернию делят на 5 колонизационных районов: Благовещенский, Завитинский, Свободненский, Мало-Хинганский и Амурско-Зейский. Для 1 района определяется норма от 6—7 десятин на душу обою пола, с понижением для пригородных местностей до 5 десятин; для второго, худшего, района эта норма — от 6½ до 7½ дес.; для остальных, еще худших районов, от 6—8 дес.; в пригородах — 6 дес. Большим тормозом начатого землеустройства является отсутствие статистики населения, отсутствие с'емки внутренней ситуации, неправильность очертания границ, чересполосица, длинноземелье и проч.

Бывшие казаки земли в пределах Благовещенского уезда, начиная от села Ново-Воскресенского вниз по берегу Амура до Буреи, после приведения наделов к вышеупомянутым пониженным трудовым нормам, несомненно, освободят значительные излишки для колонизационного фонда.

В районе от Забайкалья до Ново-Воскресенского на казачьих землях ожидать излишков даже после землеустройства нет оснований.

В районе до границ Приморья выборочно могут оказаться площади для колонизации.

На землях бывших стодесятинников, вследствие прежнего стремления их обходить неудобные земли, так же, как и на бывших казачьих землях, должны освободиться земли, но для этого приходится вести чуть не сплошное переворочение, ибо, как общее правило, фактическое землепользование не совпадает с границами участков даже там, где они отводились в натуре, не говоря уже о громадных площадях, где не было с'емки внутренней ситуации, как, например, на 100.000 десятинах среди земель стодесятинников. Такое сплошное землеустройство начато с волостей: Амурско-Зейской, Комиссаровской и Полтавской.

Из бывших частновладельческих земель 50% уже вовлечены в оборот землеустройства; остается фондом для землеустройства и колонизации только около 24.000 десятин.

Наконец, сейчас приходится переводворять значительную часть населения речных долин Зеи и Селемджи, пострадавших от наводнения 1922 года. Таким образом, на Амуре предстоит чуть не всеобщая земельная мобилизация. Всюду требуется переводворение; спрос на межевание не поступает в Амурское Губземуправление лишь от бывших казачьих обществ, своевременно закрепивших за собой 30-десятинные наделы на мужскую душу и не успевших еще их использовать.

Вслед за упомянутыми волостями первоочередными явятся землеустроительные работы, могущие дать значительный колонизационный фонд в волостях: Кумарской, Приамурской, Николаевской, Константиновской и Поярковской (Николаевская и Константиновская — уже с 1922 г. вовлечены в сферу землеустройства). Во вторую очередь заслуживают внимания волости Иннокентьевская и Пашковская.

К остальным волостям тяги переселенцев нет вследствие неблагоприятных их естественно-исторических условий, и затрата государственных средств на подготовку в них колонизационного фонда была бы и слишком тяжела для государства, и, по крайней мере, преждевременна.

Поскольку вопрос о пределах колонизационного фонда Амурской губ. спорен, необходимо условиться о понимании смысла этого слова в настоящих условиях.

Не стоит повторяться о никчемности в современных условиях плана Шумана, по крайней мере в ближайшие годы, без притока сотен миллионов рублей каких-то чрезвычайных средств концессионного характера. Пока приходится рассчитывать на того же маломощного переселенца-беженца, заброшенного тем или иным путем на Амур, как это имело место во всей прошлой 40-летней истории колонизации Амура.

Степень активности государственной колонизационной политики, на которую можно рассчитывать теперь, строго определена тезисами, разработанными Госпланом при участии Госколонита — она определяется земельным фондом уже подготовленным, способным сейчас же дать государству земельную ренту, а не поглощать средства государства.

Таких земель в различных районах СССР имеется достаточное количество, измеряемое десятками миллионов десятин, и государству нет никакого смысла вкладывать новые сотни миллионов рублей и гнать сотни тысяч или миллионы людей на Дальний Восток лишь для того, чтобы после громадных мелиоративных затрат получить там, в лучшем случае, земли, напоминающие собой болотные глины или суглинки подмосковные, тверские, новгородские, а вернее — создавать ухудшенные их копии, при затрате на каждую десятину по проекту Шумана 34 р. 40 к. только со стороны государства, не принимая во внимание жертв самого населения, жертв неисчислимых — и материальных, и здоровьем, и жизнями.

В конце 1917 г. Центральное Переселенческое Управление наметило пределы колонизационного фонда значительно скромнее, чем Шуман, а именно:

В свободных пространствах края оно насчитывало — 155.000 душевых долей; в свободных переселенческих участках — 51.000 и в заселяемых — 20.000 долей. Итого 226.000 мужских душевых долей по 15 десятин удобной земли каждая доля. Но и этот расчет страдает тем же недостатком, как и Шумановский, несомненным преувеличением для настоящего времени, тем более, что даже и во

времена царизма само Переселенческое Управление предупреждало переселенцев, идущих на Амур, „о суровых и тяжелых условиях водворения“, отягчающихся теперь во много раз с прекращением золотого потока, щедро лившегося на Дальний Восток во времена царизма за счет разоряемых центральных великорусских губерний. Теперь в качестве колонизационного фонда остались худшие земли, а Д. В. О. переживает финансовый кризис, и едва ли следует итти и за планами Переселенческого Управления, на котором за его ошибки вешали всех собак. Эта политика ни в какой мере и никем теперь не разделяется; основой ее было только одно стремление — голое империалистическое руссификаторство Дальнего Востока без заботы о судьбе даже самих русских, не говоря уже о судьбе туземцев.

Сейчас в крае насчитывается 39.474 земледельческих крестьянских хозяйства, накопившихся за весь 60-летний период колонизации края; по планам же бывшего Переселенческого Управления нужно было бы прибавить сразу 75.000 новых крепких хозяйств на исчисленном им фонде в 226.000 долей, тогда как и среди существующих хозяйств множество новосельских хозяйств очень далеки от прочности положения и, продолжая распадаться, дают источник обратного потока беженцев в центральную Россию. Таким образом, и план Переселенческого Управления также утопичен, как и план Шумана. Сейчас можно рассчитывать на водворение лишь 12.500 новых дворов для ближайшего ряда лет, и даже эта цифра, обосновываемая ниже, должна рассматриваться как предельно-мыслимая рекордная цифра.

К 1923 г. колонизационный фонд выражается на Амуре в следующих общих цифрах:

	Число участков	Десятин удобной	Свободн. душевых долей	ПРИМЕЧАНИЕ
В свободных пересел. участк. общин. пользования	301	817.041	58.839	Из них без перемежевания за счет казны и без мелиорации могут быть использованы не свыше 40% долей.
В заселен. несполна переселенческ. участк.	322	1.268.397	41.666	
В запасных участк.	29	62.993	4.276	
В незанятых хуторских участк.	834	32 943	3.336	
В таких же отрубных участк	4.618	175.484	18.472	
Итого	6.104	2.356.858	126.589	

Из этого фонда, согласно сказанному примечанию, нужно считать годными сейчас самое большое 50.000 долей для 12.500 новых дворов, и эту цифру фактически следует считать предельной в смысле возможности дальнейшей земледельческой колонизации на Амур в ближайший период без чрезвычайных расходов казны. Из цифр участков переселения видно, что душевые доли разбро-

саны по всему прежде бывшему колонизационному фонду Амура, вкраплены в состав заселенных, заболоченных, вообще дефективных участков; можно и должно, наконец, усомниться в целесообразности водворения незначительных групп новых засельщиков принудительным государственным путем расселения их среди старожилов, путем озлобления последних.

Это последнее соображение значительно понижает практическую колонизационную емкость даже окончательно принятого нами фонда в 50.000 душевых долей. Имея в виду возможность земельных осложнений, следовало бы осветить вопрос о возможности применения так называемой „вольной колонизации“ Амура, разработав новые современные методы ее на основаниях приводимых в статье проф. Озерова и инж. Скорнякова, использовав для этой цели „Дальбанк“.

С. Приморье.

Приморье меняет свои границы, захватив постепенно всю бывшую Приамурскую губернию. Площадь Приморья в прежних его границах была около 21 тыс. кв. километров. Длинный, невысокий, чрезвычайно лесистый хребет Сихэте-Алинь, простирающийся более или менее параллельно океанской береговой линии Японского моря, разделяет эту площадь Приморья на два подрайона — бассейн р. Уссури и узкое морское побережье.

Высота Сихэте-Алинь в перевалах до 680 метров, а в высшей из измеренных горных вершин — горе Верблюд (Хунтами) — до 1, 2 километров. Пятиверстная прибрежная полоса представляется крайне пересеченной скалами и горными речками страной, с обрывами к океану до 360 метров; берег доступен лишь в районах бухт Ольги, Владимира, Советской, Ванина, Де-Кастри и около устьев более или менее значительных рек, как, напр., Самарга, Ботчи, Коппи, Нельма, Тумнин. Такой же и противоположный берег Татарского пролива, берег острова Сахалина, представляющий единственный на всем Тихом океане по богатству и качеству топлива нефтеносный и каменноугольный бассейн, имеющий несомненное мировое значение. Соединение теплого Японского и холодного Охотского морей Татарским проливом обуславливает чрезвычайные бури-тайфуны и туманы; судам, захваченным тайфунами, негде отстояться, и они весьма часто гибнут.

Окутанный большую часть года непроницаемыми туманами хребет Сихэте-Алинь является весьма важной климараздельной линией: прибрежная полоса несет на себе все следы угнетающего действия океанских муссонов и заключает необычайное даже для Дальнего Востока обилие болот и сырости, тогда как Уссурийский край, оставаясь все же районом болотных почв, покрытых буйной роскошной травяной растительностью, отличается несравненно более континентальным климатом.

Для культуры зерновых хлебов все Приморье является неудобным по вышеуказанным метеорологическим условиям; собственного хлеба в крае никогда не достает и, помимо того, он страдает от грибных сыростных заболеваний, давая так называемый „пьяный хлеб“. Зато Приморье представляет исключительно благоприятные условия для культур, требующих междурядной обработки, технических культур, как-то: масличного боба, кукурузы, льна, картофеля, гречихи, мака и, особенно, риса, требующего для своего роста как раз заболоченных полей и энергичной второй поливки, совпадающей с июльско-августовским дождливым периодом. „На рисе“ в Приморье массами хлы-

нули корейцы, за спиной которых стоят предприниматели-колонизаторы—японцы; их особенное внимание привлекает плоское заболоченное побережье озера Ханка.

В строении хребтов Сихэтэ-Алиня принимают участие как массивно-кристаллические породы (граниты, сиениты и гнейсы, относящиеся к архейской эре, порфиры, фельзитовые разновидности, диорито-диабазовые группы, диабазовые порфириты и брекчия; имеются выходы малафиров, подчиненных базальтам, с их туфами и брекчиями; базальты встречаются в виде куполов и покровов), так и осадочные (по течению рек распространены кластические породы, глинистые сланцы, кварцево-глинистые песчаники, разнообразные по крупности зерен и цвету); местами сланцы и песчаники прерываются позднейшими изверженными породами. Аллювиальные отложения в зависимости от рельефа перевалов и склонов часто сменяются делювием древнего происхождения, достигающим местами значительной мощности; на нем образуются глубокие и богатые почвы. Направление хребтов соответствует простираию древних массивов, речные же долины размыта согласуются с системами трещин в массиве, почти перпендикулярных к оси массива. По Иванову, к концу девона обширная дислокация подняла материк и вызвала обильное извержение порфиров, фельзитов, гранито-порфиров, прервавших палеозойские осадочные формации. Этими прорывами—извержениями пород, продолжавшимися и в третичный период, и мощными процессами сухой перегонки под землей—объясняется высокий класс углей Сучана близ Владивостока, молодых по своему возрасту, третичных углей, но по своей теплотворной способности и спекаемости подходящих к английскому кардифу.

Под 51 $\frac{1}{2}$ ° с. ш. Амур близко подходит к океану; озеро Кизи, представляющее боковое расширение Амурского русла, отделено от океана только 12 верстами. Это обстоятельство дало основание проекту вывода Амура в океан именно здесь, чем сокращается путь по Амуру на 300 верст и обратный путь для массы грузов по океану еще на 500 верст. Но и этого мало, дальнейший проект предполагает закрытие пути Курильскому холодному течению в Татарский пролив дамбой, проложенной в самой узкой и мелкой 9-верстной части пролива между материком и Сахалином; оба эти проекта вместе взятые позволили бы создать крупнейший первоклассный мировой порт не только в озерах Кизи и Кади, но и в самом Татарском проливе, с великолепными погрузочными условиями для сахалинского угля и нефти и для леса со всего концессионного лесного побережья Японского моря, с вовлечением в мировой оборот всего леса Приморья и Амура в количестве 25.460.000 дес., с развитием в бухте Ольги мощного металлургического района на богатейших запасах местных железных руд (на что имеются концессионные предложения), а в Титюхэ—центр серебряно-свинцового производства; но что всего важнее, этот соединенный проект коренным образом изменил бы весь климат Приморья, приблизив его к благодатному климату Японии и создав невероятно высокую ценность земледелию Приморья, создав новый район разведения хлопка, винограда и южных фруктов, мощный стимул развития субтропических лесных насаждений.

Самая возможность постановки таких проектов показывает, что Приморье — край ближайших возможностей развития в американском масштабе; уже и сейчас Приморье одно вкладывает столько же ценностей в областной баланс Дальнего Востока, сколько все остальные части Дальнего Востока вместе взятые. А отсюда вытекает и большая колонизационная емкость Приморья в будущем, как промышленная, так и земледельческая, но только при вышеуказанном широком размахе. В современной действительности дело обстоит совсем иначе.

Колонизация Приморья началась морским путем одновременно с колонизацией Амура, 60 лет тому назад. Порядок первоначального 100-десятичного пользования и все последующие этапы были теми же самыми, как и на Амуре, вплоть до выделения пограничного „отвода Духовского“. Начиная с 1901 года, принимается система наделения 15 десятинами на мужскую душу, так как земельный простор оказался исчерпанным. Заселение края 15-десятинниками естественно началось от земель старожилов, экономически окрепших, где новоселы первое время могли приобрести продовольствие, найти инвентарь и даже заработок. Чем позже идет заселение, тем глубже приходится уходить новоселам в тайгу от долины реки Уссури и от наилучших земель Приханкойской низменности, откуда началось заселение Приморья.

В связи с невероятным наплывом в 1907 г. переселенцев в Приморье (68.000 душ) пришлось спешно отводить переселенческие участки без всякой их подготовки, лишь на основании поверхностного беглого осмотра, при чем часто в разряд удобных земель и наделов попадали горные склоны с каменистой почвой и заболоченные пространства, а сама норма наделения оказалась пониженной до 12 и, даже, до 10 десятин на мужскую душу. Постепенно и среди новоселов, как когда-то среди старожилов, поэтому возникло право самовольного выборочного захвата — „запма“, с той только разницей, что даже при выборочном захвате новоселу приходилось затрачивать неизмеримо больше усилий, чем старожилу, но с тем же окончательным результатом: каждый „новый“ новосел, приходящий позднее, косится на земли „старого“ новосела, своего предшественника, поскольку его земли успели за время обработки улучшиться, и на них не стало видно кочек, мочажин, сухостоя, валежника, оказались свалены деревья и выкорчеваны пни и т. д. „Новый“ новосел начинал настаивать на уравнительном переделе и таких культивированных „заимок“ своего предшественника.

Таким образом, при кажущемся земельном просторе в Приморье образовались уже деревни, где на двор приходилась 1—2 дес. пашни и столько же сенокоса.

При сравнительной оценке положения различных групп сельского населения в настоящий момент необходимо, как и всюду, различать группы казаков, старожилов, стодесятинников, новоселов, туземцев. В Приморье приходится, однако, разбить и последнюю группу на две подгруппы — туземцы местные, голды, тазы и орочи, получившие земельный надел по 15-десятич. норме, и пришельцы — корейцы, в большинстве тоже 15-десятинники, начавшие населять край одновременно с казаками, 60 лет тому назад. Первоначальные статистические данные показывали у корейцев надел в среднем в 10,2 десятины, из них пашни — 5,3 дес., 0,5 покоса и 4,4 дес. выгона. По данным же переписи 1917 г. оказалось на каждое хозяйство приписного корейского населения лишь $2\frac{1}{3}$ дес. пашни, остальные виды угодий отсутствуют. В Посъетском уезде, граничащем с Кореей, земельная теснота дошла

до того, что переселенческие, запасные государственные и оброчные статьи оказались самовольно занятыми выходцами из Кореи. Правос их захвата санкционировано пока тем, что область с них стала брать аренду по 4—6 руб. с десятины. На крестьянских и казачьих землях аренда поднималась до 10—20 руб. с десятины; под посев же риса— до 40 руб.

Казачи в среднем владеют по 85 десятин удобной земли на наличный приписной двор; у старожилов 68 десятин, у новоселов по 45 дес., тин, на двор; а у туземцев по 15 десятин. Качество земель падает по той же градации, хуже всего истощены земли корейцев. Поскольку теперь нет надежды найти то, чего не могли разыскать предыдущие группы новоселов, приходится создавать колонизационный фонд, если это нужно, путем отнятия земель у всех предыдущих групп населения, в первую очередь у казаков и старожилов, в пользу безземельных и малоземельных.

Статистика сдачи земель в аренду показывает, что старожилы сдавали не приписным китайцам, корейцам и русским 15.713 десятин пашни. Этот частновладельческий арендный фонд можно считать колонизационным фондом, подлежащим изъятию из старожильческих земель, если стать на строго трудовую точку зрения.

Среди казачьих земель по разверстании трудовых наделов можно рассчитывать на излишек в войсковом запасе до 450.000 десятин, в том числе удобных до 130.000 десятин.

Дальше следует переселенческий фонд, который таковым для русского населения никак признан быть не может—это земли Тихоокеанского побережья с его вечными туманами и „пьяным“ хлебом. Земли побережья если и могут кого интересовать в сельско-хозяйственном отношении, то только корейцев, ищущих оседлости в России. Лучшие из этих земель едва подходят к нашим Псковско-Новгородским землям в их заболоченной части, и чем дальше к северу и востоку от Приханкойско-Уссурийской долины, тем труднее земли для их поднятия, тем большей мелиорации требуют они. В эти „переселенческие“ участки не посылали раньше и каторжан, ибо переселенец русский не сможет добраться туда со своей кладью из-за полного бездорожья. Тем более он не отыщет себе продовольствия на первое время и помощи среди чуждой для него тайги.

Поэтому, следует ограничиться двумя вышеуказанными группами и считать возможный переселенческий фонд не более 145.000 десятин, или около 10.000 мужских долей, с тем, однако, сказанным условием, что переселению должно предшествовать расселение для нарезания колонизационного фонда.

Имея же в виду корейскую колонизацию, можно повысить цифру до 17.000 мужских долей на 1 января 1923 г.; из них пригодны к немедленному заселению 5.000 долей. Если же ограничиться колонизацией только русской, то колонизационный фонд сейчас надо считать равным нулю.

Таким образом, не в земледельческой колонизации лежат ближайшие перспективы и Приморья, далеко шагнувшего по пути капиталистического развития.

Богатство Приморья уже давно лежит в промысловой деятельности. Даже в бюджете крестьянина-старожила промыслы занимают 37, 5%; у старожилов Ольгинского уезда—67%, в промысловом районе под Хабаровском—81%, а в Низовьях Амура—96½%. Мало того, разность оплаты труда не в пользу земледелия: старожил чисто земледельческого района, с запашкой в 8,2 дес., выру-

чает в среднем в год 444,7 руб., тогда как старожил с рыбными, лесными и мелкими промыслами, при посевной площади только 0,1 дес., выручает 1.096 руб.

Любопытно также сравнение бюджета семьи старожилы и новосела одного и того же района:

Средняя семья старожилы-стодесятичника имеет: имущества личного и хозяйственного обихода на 3.969 руб. 59 коп., дохода от полеводства, огородничества и луговодства—710 руб. 02 коп., от лесного промысла—197 руб. 54 коп., от животноводства и птицеводства—643 руб. 29 коп., пчеловодства, рыболовства и охоты—55 руб. 36 коп. и от прочих промыслов 93 руб. 64 коп., а весь годовой доход до 1.699 руб. 85 коп.

Средняя семья новосела имеет: имущества на 1.989 руб. 23 коп., дохода от полеводства, огородничества и луговодства—420 руб. 23 коп., от лесного промысла—100 руб. 62 коп., животноводства и птицеводства—317 руб. 87 коп., пчеловодства, рыболовства и охоты—173 руб. 09 коп. и от прочих промыслов—97 руб. 98 коп., а всего—1.109 руб. 79 коп.

Центр внимания новосела-земледелец, как видно, также переносится на промыслы.

Побережье океана, непригодное для земледелия обычного типа, возможно, будет иметь значение для скотоводства, в котором край ощущает острый недостаток. Ольгинский уезд развивается именно в этом направлении; там на одно хозяйство приходится 8,5 головы скота, в частности лошадей 1,7 и крупного рогатого скота 3,1. Скотоводству Приморья мешал „гнус“ и эпизоотии; но как в том, так и в другом отношении, туманный Ольгинский уезд и вообще побережье оказываются в более благоприятных условиях, чем все прочее Приморье; однако, для правильной постановки нужно изучение вопроса специалистами.

Пока же Приморье, не удовлетворяясь ни своим мясом, ни молочными продуктами, ввозит их из Австралии, Китая и Маньчжурии; из 1.200.000 пуд. потребления мяса местный убой покрывает лишь 112.000 пудов. Стоимость ввоза мяса равняется 2 миллион руб.

Статистические данные по Приморью (со включением части Примурья) за 1922 год таковы:

Население Приморья—420.000 чел., из них сельского—253.000 чел.

Общая площадь Приморья—11.172.000 дес.; из них нанесено на карту и отведено во владение населению—3.029.000 дес.; исследовано инструментально—3.573.470 дес.; исследовано маршрутами—3.440.828 дес.; мало обследовано около 1.000.000 дес. (в Ольгинском уезде) и совсем не обследовано около 200.000 дес. казачьей пограничной полосы.

Лесных пространств—4.067.490 дес. (включенных камерально в состав лесных дач).

Лесных дач устроенных—3.573.470 дес. Необмежеванных малолесных горных массивов—373.338 дес. Устроенных сельско-хозяйственных земель—2.548.280 дес., из них старожилых 100-десятичных отводов—1.085.040 дес.

Запасного государственного фонда—409.426 дес. Из него обмежеванных переселенческих участков—231.911 дес.; среди них годных для заселения—68.089 дес.; из последних сдается в аренду—30.450 дес., включенных в состав оброчных статей.

Всего оброчного фонда—113.649 дес.

Запасной государственный фонд составил из статей (кроме вышеуказанных обмеженных переселенческих участков и оброчного фонда):

Бывших отводов военного ведомства—41.136 дес., бывших церковных и монастырских—19.983 дес., бывших частновладельческих—17.355 дес., бывших морского ведомства—5.436 дес., бывших школьных наделов—270 дес. бывших карантинных земель ветеринарного управления—9.592 дес. и, наконец, под городами и поселками городского типа—71.996 дес. В общинном владении находится 2.089.169 дес. В подворном и хуторском 459.111 дес. Удобной земли в той и другой группе сельско-хозяйственного пользования—1.724.000 дес.

Обрабатывается собственным трудом крестьянских семей 946.100 дес., трудом приписных и посторонних 427.300 дес. Не обрабатывается—1.350.700 дес.

Распределение угодий.

Среднее на одно хозяйство.	Усадьба.	Выгон.	Сенокос.	Итого.
Казачи.	12,1	67,9	5,7	85,7
Старожилы.	15,1	43,0	5,9	64,0
Новоселы.	4,9	37,2	2,9	45,0
Корейцы.	4,2	7,9	0,08	12,1

Из 3.028.000 нанесенных на карту и отведенных земель неудобных площадей оказалось 401.500 дес., распадающихся на группы так: под реками и озерами 38.000 дес., под болотами 58.000 дес., под крутыми склонами и каменистыми местами 305.500 дес.

Удобные земли распадаются на усадьбы и пашни—265.100 дес., степь чистая и с лесом—715.000 дес., выгон—128.600 дес., лес 1.157.300 дес., сенокос—360.800 дес. Площадь Приморья в современном масштабе, включая все Приамурье, достигает 637.800 кв. влм. Сущность выше приведенных данных относительно возможных фондов земледельческой колонизации от переименования и прирезки Приамурья не изменяются, ибо Приамурье в еще большей степени, чем прежнее Приморье, было промысловым краем, таким же, как Камчатка.

Д. Заключение о современных перспективах сельско-хозяйственной колонизации.

Беря всюду максимальные при современной экономике пределы, мы насчитали колонизационного сельско-хозяйственного фонда: по Забайкалью—28 000 мужских долей, по Амуру—50.000 долей и по Приморью—16.000 долей; итого 94.000 мужских долей. Если к ним прибавить ничтожные сельско-хозяйственные возможности бывшего Приамурья и Камчатки, то общая сумма сельско-хозяйственного колонизационного фонда по всему Дальнему Востоку не превысит 100.000 мужских долей или 1.500.000 десятин.

ГЛАВА V.

Перспективы промысловой колонизации.

Перспективы промысловой колонизации, в противоположность земледельческой, следует начать обзором с другого конца Станового хребта.

Камчатская область, включая в нее и Чукотский полуостров и Колымский край, обнимает собой 3.682.000 кв. клмт. и делится на 6 уездов: Чукотский, Анадырский, Петропавловский, Командорский, Гижигинский и Охотский.

Чукотский уезд включает в себя Чукотский полуостров и Приколымский край; как по величине своей площади, так и по всем свойствам, он является полным аналогом Аляски, являясь прямым ее продолжением. Расстояние между мысом Дежнева на Чукотском полуострове и мысом Принца Уэльского на Аляске через Берингов пролив равно лишь 60 милям, а город Ном находится в 180 клмт. от русского побережья. Эти условия питают американские вождедения на систематическую эксплуатацию и колонизацию промысловых богатств края, куда из Америки перевозятся даже разборные дома. Подобно Аляске и согласно ожиданиям геологов, на одном из притоков Колымы найдено золото; затруднение для России в колонизации и эксплуатации данного края—его чрезвычайная удаленность. О расстояниях передвижения на оленях и собаках по краю можно судить по следующим цифрам: от краевого центра Петропавловска на Камчатке до Гижиги—2.270 клмт., до Охотска 4.230 клмт., до Анадыря 4.040 клмт.

Главное занятие туземного и русского населения края (включая и Камчатку) пушной промысел, превосходящий своей ценностью промысел всего остального мира.

Население, по последним данным, в Чукотском уезде на 1½ мил. кв. клмт. 6.026 чел.; из них 3.000 чел. оседлых, преимущественно чукчей и эскимосов; русских—единицы; русские поселения начинаются лишь на Колыме, при чем русские смешались с инородцами, а последние между собою, утратив всякие расовые отличия; лишь далеко к югу, на Анадыре можно встретить в самом деле русских золотоискателей. Разговорный язык населения области туземный или английский, товары—американские. Край едва не оторвался от СССР.

Анадырский уезд. Жителей 5.737 чел.; русских 100; оседлого туземного населения 700 чел.—чуванцы, ламуты, юагиры и чукчи; бродячего населения—1.200 чел. (чукчи, ламуты и коряки); кочевого около 3.700 чел. (чуванцы, ламуты, чукчи).

Петропавловский уезд, или собственно „Камчатка“—центральный уезд, с областным городом Петропавловском, самый многочисленный—11.259 чел.; оседлое население—русские и камчадалы; кочевое—коряки и ламуты.

Камчатка—гористый лесной полуостров, площадью 1.182.000 кв. клмт., образованный Камчатскими горами, со снежными высокими вершинами—„сопками“ (Ключевская сопка—действующий вулкан высотой около 5 километров). Горы вырезают на Камчатке три резко разграниченных подрайона:

а) Восточный берег полуострова с типичным морским климатом, напоминающим побережье Приморья, но более суровым. Зима мягкая, пасмурная, сырая; лето сырое с частыми туманами; осадков выпадает много; весна задерживается из-за снега и холодов океана, Берингова моря. Имеется огородничество и садоводство.

б) Западный берег полуострова—с холодным ненастным летом и сильными ветрами зимой, дующими с ледяного Охотского моря.

в) В несравненно лучших условиях находится центральная часть Камчатки, долина реки Камчатки, площадью до 15.000 кв. километров. Защищенная со всех сторон от ветров горами, она обладает достаточно жарким летом, допускающим возможность технических земледельческих культур, например, конопли. На этот предмет имеется соответственное колонизационное предложение Японии. Центральная часть Камчатки наилучше заселена и обследована; вверх по Камчатке ходят катера на протяжении 300 верст, а по реке Анадырю катер поднимается на 800 верст.

Командорский уезд—два обитаемых острова из группы Командорских островов—Беринг и Медный в Беринговом море. Население 462 чел.— „алеуты“ по названию, по существу бывшие рабочие Русско-Американской компании разных национальностей, среди которых были и алеуты.

Гижигинский уезд. 6.940 чел.; русских 558 чел., кочуют—коряки, тунгусы и чукчи.

Охотский уезд. 5.248 чел., главным образом тунгусы—кочевые; оседлого населения 1.840 чел.

Всего населения Камчатской области, таким образом, 35.668 чел.; селений 266 с 1.636 хозяйствами; 2.277 жилых построек, 5.210 нежилых и 2.381 юрта.

Численность по племенам приблизительно такова: коряков—3.943, юкагиров и чукчей—11.189, ватуэнцев, нойонов, чуванцев—569, айвуанцев, тунгусов, якутов, ламутов—4.549, эскимосов—1.415, алеутов—620; камчадалов—2.182 чел.

Край почти не обследован; без туземного населения абсолютно непроходим.

А. Рыбоохота.

Главный промысел населения—оленоводство; одомашненных оленей насчитывается 1.200.000, больше, чем во всем остальном мире (Норвегия, Аляска, Сибирь, Архангельская губ.). Громадная площадь моховой тундры является вечным пастбищем для оленей. Олень вместе с собакой является живой заменой механической движущей силы для человека по глубокому и рыхлым снегам зимой. В остальном отношении олень почти не использован, тогда как на Аляске эксплуатация оленя, вывезенного от чукчей с Чукотского полуострова, приняла промышленный характер,—оленье мясо вывозится в значительном количестве в рефрижераторы в Сеатль, оленьи шкуры идут на выделку одежды и обуви—„кухлянки и торбаса“, на выделку великолепной замши.

Параллельно с олене- и собаководством (собак ездовых и звероловов в крае насчитывается 40.000), перебираясь от стойбища к стойбищу по мере скармливания моха оленям, туземцы занимаются пушиным промыслом, рыболовством, спускаясь к морю и рекам.

Земледелие и сельское хозяйство находится в зачаточном состоянии и только в Петропавловском уезде, где рогатого скота—3.388 голов и лошадей 1.550. По количеству добываемого пушного зверя и торговле пушниной Камчатская область, как выше было сказано, занимает первое место в мире, и грубо-приблизненно пушной промысел ее оценивается в 7.000.000 золотых рублей, создавая стране промышленных ценностей в среднем по 200 р. на душу туземного населения, только за счет пушнины.

Неоленные береговые туземцы — чукчи-эскимосы бьют китов, тюленей, нерпу и моржей, заготавливают кислую рыбу для корма собак; тюленьим, китовым и моржовым мясом и жиром питаются, им же топятя и освещаются; нерпичьей шкурой-кожей обуваются, одеваются, укрываются от холода, прикрывают свои юрты—„яранги“, делают из нее свои лодки—„байдарки“, часть кож и моржевых клыков направляют в Америку для выделки. При неудачных ветрах и неудобном расположении льдов среди неоленных, береговых, туземцев наступает голод; конкурируя своими 15-тонными шхунами с байдарками туземцев, хищники-американцы ускоряют выбивание морского промыслового зверя, главным образом, ценного для туземцев моржа, весящего около тонны, и мясо его выбрасывают за борт. Американцы каждый сезон убивают до 500—600 моржей. По общему мнению всех знающих жизнь Чукотского побережья, без моржа жизнь туземцев на побережье невозможна, и с выбитым моржем будет выбит с побережья и туземец, а побережье океана окончательно обезлюдет.

Официальный отпуск пушнины в 1922 г. был много ниже 7 миллионов рублей, а именно:

от промысла соболя (5.000 шт.)	625.000	зол.	руб.
” ” белки (2.000.000 шт.)	200.000	”	”
” ” лисиц (5.000 шт.)	125.000	”	”
” ” прочих зверей	930.000	”	”

Итого . 1.880.000 зол. руб.

при чем главный % добычи проданной пушнины пал на Петропавловский уезд—46%, что, конечно, не может соответствовать действительности.

Примером опустошений, нанесенных хищничеством, служат Командорские острова. С появлением на них человека в течение нескольких лет был совершенно уничтожен хищниками особый вид громаднейшего животного, называемого „морской коровой“. Хищническая Русско-Американская компания, взявшая концессию на Командоры, в 1803 г. набила 800.000 котиковых шкурок и чтобы не сбить на них цену, сожгла и выбросила в море 700.000. За первые 20 лет аренды Командорская компания выручила 20.000.000 руб. В настоящий момент хозяйство Командор—на краю гибели: алеуты находятся на „соцобесе“—по 75 руб. в год на человека. Суровый гнилой климат, совершенное отсутствие солнечных дней создали из алеут быстро вырождающуюся расу с неудержимой страстью к алкоголю, пораженную туберкулезом и сифилисом, при крайнем половом извращении и кровосмешении.

Вслед за морской коровой, на пути к полному исчезновению находится морской бобр, ценность шкуры которого поднялась до 2.000 и, даже, до 5.000 зол. руб. В настоящее время уцелело всего около 400—500 бобров.

Морских котиков в 1884 г. насчитывалось на Беринге 300.000 шт. и на Медном 1.000.000 шт.; в 1911 г. от них осталось всего 9.000 шт.; приманка легкой добычи пушнины на Командорах была настолько велика, что в 1910 г., когда была установлена охрана островов, было 25 перестрелок с хищниками и убито их 20 человек. Теперь стадо котиков поднялось до 17.000 голов; но как ничтожна и эта цифра, вытекает из сравнения Командор с Прибыловыми островами, отошедшими к Америке. Там стадо котиков насчитывается в 552.718 шт., и добыча котиковых шкурок в 1921 г. была 35.000 шкурок; там дело ведется в масштабе громадного государственного питомника—запо-

ведника, соединенного со всесторонним использованием промысла для улучшения качества зверя искусственным скрещиванием и подбором его, продажей лучших экземпляров „на племя“, использованием всякой мелочи, вплоть до выварки особого сорта клея из котиковых лапок. Нечто подобное предполагается поставить теперь и у нас на Командорах, при благоприятном отношении к данному вопросу со стороны государства, начав в первую очередь с объявления Командорских, Шантарских и др. аналогичных островов заповедниками пушного зверя с искусственной подкормкой его в особых ловушках-кормушках.

Даже японцы (Кейши Ишино) вывезли от нас голубых песцов с Командор и создали у себя на Курильских островах искусственный питомник для песцов, быстро размножившихся там до 1.500 штук: у нас же пока доведен до невероятного истребления и этот последний тип пушного зверя Командорских островов—голубой песец; в 1921 г. добыча песцов спустилась до 800 шкурок, при чем по свидетельству начальника Командор, Колтановского, их осталось теперь лишь 400 пар на Беринге и 100 пар на Медном. В текущем году составлена производственная программа Командор, предусматривающая правильное звероводчески-звероловное хозяйство на 3 года; в доходной части она дает сумму 588.580 р. и в расходной требует 396.000 р. Эта программа является первой попыткой — подходом к хозяйственному-государственному решению пушного вопроса в Камчатском крае; она требует колонизации края высоко квалифицированными специалистами пушного и звероводческого дела, совершенно нового в России. На месте таких специалистов нет, кроме японцев и американцев. Кроме того, в научных целях необходимо шефство над Командорами одного из научно-исследовательских институтов и уничтожение многовластия на Командорах. Вся Камчатская область совершенно незаслуженно заброшена в интеллектуальном отношении и нуждается в соответствующей колонизации энергичными людьми. На всю область имеется лишь одна „Бостонка“ в качестве орудия распространения „газеты“ в писчую четвертушку бумаги, и в качестве орудия распространения печатного слова вообще. Из 57 школ 1 ступени и 1 школы 2 ступени при 1.600 учащихся; половина школ закрыта за отсутствием учителей. О передвижных школах для кочевого населения пока приходится лишь мечтать. На весь край в 3 $\frac{1}{2}$ милл. кв. клмт. имеется лишь один врачебный пункт и 10 фельдшеров, разбросанных по краю без медикаментов. При громадном оленеводстве и собаководстве нет совсем ветеринарной помощи и неизвестны методы лечения оленей—был один врач-ветеринар, но и тот спился. Меж тем, чума рогатого скота, чума оленей косит их стада, иногда поголовно, и борьба, как с этой, так и с прочими эпизоотиями, необходима, ибо они разоряют кочевое хозяйство туземцев. Идут споры относительно вымирания самих туземцев; по нашим данным, этого вымирания не наблюдается; ничтожный прирост населения в 0,4% ежегодно все же есть; но защита угнетенных национальностей является основным достоинством СССР, помимо того, что и экономические нужды требуют интеллектуальной колонизации Камчатской области.

Интерес американцев и японцев к Камчатке и всей Камчатской области необычайно велик: на Чукотском полуострове найдены мощные залежи золота, меди, свинца, железной руды, каменного угля и графита. Карта полезных ископаемых Камчатки, изданная во Владивостоке, показывает громадные промышленные перспективы. Долина реки Камчатки покрыта мачтовым листовым лесом в районах Клю-

чевской, Козыревской и Мильковской волостей, но для эксплуатации этого леса у местного губревкома не хватает средств для постановки хотя бы одного лесопильного завода. Возможность промышленно-земледельческой колонизации характеризуется концессионно-колониационным договором, подписанным было при „белых“ с японской фирмой Масакичи Като в 1922 г., на производство конопли в долине р. Камчатки.

Рыбопромышленность, пока целиком находящаяся в руках японцев, занимает в Камчатской области уже 30.000 рабочих. Предстоящее заключение концессионных договоров предусматривает постепенную замену их русскими. Создалась рыбообрабатывающая консервная промышленность—23 консервных завода принадлежат японскому рыбопромышленному синдикату Ничиро Гио Гио К. К. и Хокуе Гио Гио К. К. под фирму русского рыбопромышленника Демби. Ежегодный улов рыбы лососевой породы по речным и морским участкам Охотско-Камчатского побережья достигает, по официальным японским данным, 135.000.000 штук, из которых для местного населения и его собак идет 10.000.000 штук. В 1922 г. действовало 83 речных и 26 морских рыболовных участка, сданных подставным русским приказчиком японских фирм, и 218 морских участков эксплуатировались непосредственно 90 арендаторами-японцами. В предыдущем году японцами эксплуатировалось при белых 490 участков. Рыбных продуктов японцами вырабатывается ежегодно около 6.600.000 пудов. Сумма промыслового и заводского японского оборудования на Камчатке позволяет им ежегодно добывать и заготавливать рыбных продуктов на сумму до 40.000.000 руб. Консервов вырабатывается 900.000 ящиков (в ящике 48 банок), стоимость ящика консервов колеблется от 6 до 10 американских долларов. Возможно производить до 7.000.000 ящиков в год. Одна арендная плата государству за речные участки Камчатки достигла 302.212 руб. На реках Большой и Камчатке сооружены два рыбопроизводных завода фирмой того же Демби.

Импорт грузов на Камчатку за последние 3 года достиг суммы 3.427.000 руб., экспорт — 1.600.000 руб. через Петропавловскую таможню. Наиболее ценный импортный груз—спирт не регистрируется в большинстве случаев, равно как и экспортная пушнина. Спирта потребляется по несколько ведер на душу. (В России при царизме, как известно, расходовалось по полведра на душу, и это считалось много).

Рыбная ловля и рыбопромышленность являются основным заработком не только туземца и японца, но и местного русского крестьянского населения, как на Камчатке, так и в низовьях Амура и в Приморье. Рыбным промыслом занято 77,4% старожилого крестьянства и 75,2% новоселов. Из среднего годового дохода старожильческой семьи в 1.013 руб. на доход от рыбного промысла падает 529,3 руб., при среднем годичном заработке новосельческой семьи в 415,5 руб., на доход от рыбы приходится 291,5, или 70% заработка. Таким образом, крестьянское хозяйство здесь уже базируется не на земледелии; столетние попытки ввести хлебопашество на Камчатке, в низовьях Амура и на побережье Приморья пока заканчивались неудачей и сводились к огородничеству.

Все сказанное о рыбопромышленности, как основном промысле, справедливо и для казачьих хозяйств по Уссури, Хорю, Кию, Бикину, Иману и другим рекам Приморья, где проходный лосось (осенняя кета) служит существенным подспорьем в их быту, несмотря на развитие земледелия.

Рыбопромышленность русского побережья Дальнего Востока следует считать далеко не достигшей своего развития, несмотря на громадную промышленную деятельность у нас японцев. Воды Тихого океана гораздо богаче рыбой, чем воды Атлантического океана вообще и Европейского его побережья в частности. В Беринговом море насчитывается 165 видов, тогда как наиболее богатой рыбой Норвежское южное побережье имеет лишь 95 видов: то же касается и рек. Воды Амура содержат 72 вида, тогда как воды Волги — 55.

Состав промысловой фауны Дальнего Востока таков:

А. Морские рыбы: сельдевые — сельдь; тресковые — треска, вахня, минтай; камбаловые — палтус, различные камбалы; прочие — кефаль, скумбрия и другие. Б. Проходные рыбы: осетровые — осетр, белуга; лососевые — кета, горбуша, красная, кижуч, чавыча, сиг, корюшка. В. Пресноводные рыбы: сазан, лещ и другие карповые — щука, налим, хариус, форель (мальма), таймень и прочие. Г. Ракообразные: крабы, креветки. Помимо перечисленных, промысловое значение для китайцев, корейцев и японцев имеют: голотурии-трепанги, моллюски-мидии, гребешки, устрицы и прочие; морские водоросли — морская капуста и другие, и общее значение имеют промыслы ластоногих — нерпа, сивуч, морж, кит.

Биология дальне-восточных рыб изучается лишь японцами в рыболовном институте в Токио, систематически обследующем участки Охотского моря в гидробиологическом отношении. Практически пока весь рыбный промысел сводится к наиболее ценному объекту — лососевым и осетровым; последние уже близки к истреблению, и на них объявлен запуск в низовьях Амура Дальневосточном; эксплуатация всех остальных видов пока в полном пренебрежении.

Общий улов наиболее промышленного вида сельди сводится к 75 миллионам штук, или 1.000.000 пудов сырой сельди. Третья часть этого улова потребляется на Корейском и Китайском рынках, но наиболее значительно потребление сельди в качестве земледобрытельного тука для быстро истощающихся рисовых полей в Японии. В 1891 г. в самой Японии было добыто и потреблено 10 мил. пуд. тука из сельдей. Камчатская сельдь отличается высоким качеством при правильном засоле. Японский сухой „айнский“ посол дает красивую „юколу“, сухую рыбу, даже из наиболее ценных пород красной рыбы. По правилам 1901 г. японцы обязывались держать на промыслах русского побережья только русских рабочих, и государство извлекало из развития рыбных промыслов значительные ценности, настолько, что вначале не хватало русских рабочих и знатоков-рыбопромышленников, хотя, конечно, главные барыши доставались японцам. Так дело обстояло до образования рыбопромышленного японского синдиката „Рорио-Суйсан-Кумнай“ с участием правительства, выработавшего устав сильной сплоченной национальной дисциплины, направленной против русских; устав синдиката состоит из 102 статей. С этого момента тихоокеанская рыбопромышленность стала японской монополией на десятки лет, и лишь теперь наш синдикат Главрыба получает возможность вступить с синдикатом японским в конкуренцию, недоступную до того ни отдельным русским ловцам, ни промышленникам, поневоле превращавшимся или в подставных японских лиц по их договорам с русским правительством, или прямо нанимавшихся на службу к японцам.

Японский рыболовный флот вырос до 400 судов к 1914 г.; русских рабочих, занятых в японской рыбопромышленности, было 11.925 человек, из общего количества в 24.905 человек береговых рыболовов

и 6.387 человек команд судов. Русское побережье Дальнего Востока трудами японцев уже к 1914 г. превысило значение Тихоокеанского побережья Соединенных Штатов в рыбной ловле, а именно, было поймано 96,5 мил. шт. против 79 мил., при чем главное значение имеют Охотское и Берингово море, давшие 96 миллионов, тогда как все побережье Амура и Русское побережье Японского моря дали только 0,7 мил. пудов.

Из изложенного с несомненностью следует, что Главрыба должна сыграть значительную роль в промысловой колонизации Дальневосточного побережья русским рыбнопромышленным населением, черпая его, однако, лишь из привычного к северным рыбным промыслам по морского населения. Определить количественно размер этой колонизации трудно сейчас, когда только что завязываются новые мировые связи с рынками; наивысший пока, мыслимый, предел может быть около 10—15 тыс. человек, принимая во внимание, что современный размах промышленного рыболовства держится у японцев на 30.000 человек, создающих до 40 мил. руб. ценностей.

В. Лесопромышленность.

Из 116 мил. десятин лесов Дальнего Востока (без Камчатки) ближайшее промышленное значение будут иметь леса, обследованные и выделенные в качестве объектов для будущих концессий, общим количеством в 16 мил. десятин. По процентам насаждений леса распадаются так: 65% лиственницы, 9% сосны, 5% ели, 59% пихты, 3% кедра и 13% иных, частью обычных, частью редчайших по ценности пород, как: дуб, ясень, клен, ильм, ива, акация, липа, ослна, береза, бархат или пробковое дерево, орех, диморфант.

О дальневосточной лесной промышленности только и можно говорить как о промышленности мирового значения. Русско-японская война 1905 г. велась из-за лесных концессий на Ялу; вопрос не менее серьезен теперь, когда Дальний Восток со своей древесиной становится единственным мировым резервуаром на побережья Тихого океана, после того, как леса Америки и Японии подверглись беспощадному опустошению.

Руководящие цифры таковы:

По скромному расчету, одна десятина леса Дальнего Востока содержит 5.000 кубофут плотной древесной массы; следовательно, запас древесины Дальнего Востока исчисляется астрономической цифрой полтриллиона кубофут. Для сравнения цифр надо помнить, что в довоенное время вся Россия, располагая 2.300 лесопильных заводов с 3.650 лесопильными рамами, предельно могла производить только 800 мил. кубофут в год, т.-е. могла ежегодно обработать лишь 1/2.000 часть дальневосточного запаса, или, иными словами, работала медленнее годовичного прироста Д. В. древесины в десять раз. Вся мировая потребность тогда достигла 1½ миллиарда кубофут, из которых Россия покрывала своим вывозом 463 мил. кубофут, или 30%.

Мировые потребности в древесине, однако, растут с чрезвычайной быстротой, и для удовлетворения их скоро, пожалуй, годен будет только дальневосточный масштаб, а именно:

Ближайший наш потребитель, Япония, по сведениям японского лесопромышленного синдиката, в 1919 г. нуждался в 368.480.000 куб. коку леса (куб. коку = 10 кубофутам); в том числе 299.000.000 к.к. для отопления, 43.000.000 к.к. делового материала и 26.000.000 к.к.

строевого. Свыше 4 мил. к.к., т.-е. 40 мил. кубофут Япония ввозит к себе (главным образом, осиновою чурки для спичечной промышленности) с северного Сахалина и с Русского побережья Японского моря; но это лишь самое скромное начало, по сравнению с неизмеримой потребностью Японии, поглотившей свои собственные леса и вдвое превзошедшей все бывшее мировое потребление леса.

Следующий потребитель — Северная Америка, поглощающая своими деревообделочными заводами Тихоокеанского побережья 750 миллионов кубофут, при общей потребности в 1.940 миллионов кубофут, и не могущая более конкурировать с дешевой русской лесоматериалом (несмотря на всю механизацию своей промышленности); вследствие дальности возки леса и высокой стоимости рабочей силы, — американский лес втрое дороже русского — пиленный лес 83 коп. кубофут франко-завод в Америке и 35 коп. — на Дальнем Востоке. При приросте 40 кубофут в год на десятину, Америка располагает 9 миллиардами кубофут ежегодно и далека еще от истощения, но удаленность лесных массивов от мировых путей и дешевизна леса в России, диктующей мировые цены на лес, выводят Америку из рядов производителей в ряды потребителей — сначала лесов Канады и Японии, затем России.

Далее выступает в качестве потребителя Австралийский рынок. При наличии собственных лесов твердых и редких пород Австралия ввезла в 1907 г. 270 миллионов кубофут. Австралия вступала в переговоры с Дальним Востоком и готова была брать русский мягкий строевой и редкий цветной поделочный материал, но при условии твердой гарантии поставки не менее 10 миллионов кубофут ежегодно, чего по состоянию своей теперешней лесной промышленности Дальний Восток выполнить не мог.

Следующим потребителем леса в количестве 50 миллионов кубофут является Китай, не требовательный рынок, берущий все сорта, покупавший лес в Японии, но теперь бойкотирующий ее и вступивший в прямые сделки с Россией на 3 миллиона кубофут в 1922 г.

Наконец, есть запросы на дальневосточный лес и из Южной Америки, и из Африки для шпал и рудничных стоек.

Вся мощь дальневосточных лесопильных заводов определяется в 10, предельно — в 20 миллионов кубофут; но в 1922 г. действовало лишь 3 завода, с производительностью 3 миллиона кубофут, что не стоит ни в каком соответствии с запросами мировых Тихоокеанских рынков. Таким образом, развитие лесопромышленности Дальнего Востока и притом чрезвычайно мощное, и в самом ближайшем будущем, несомненно; но пойти оно может различными путями.

Первый путь японских береговых концессий уже твердо наметился; он займет около 40.000 человек рабочих, из которых по проектам концессионных договоров 50% должно быть русских, каковых на месте не имеется, и, следовательно, речь пойдет 1) о их переброске из Центральной России рабочими артелями, трудовой армией, во 2) об устройстве первых лесных поселков на Тихоокеанском побережье и в 3) о дальнейших последовательных фазах лесопромышленной и деревообрабатывающей колонизации этого побережья.

Второй путь — сплошное лесосечное хозяйство Дальнего Востока собственными силами для собственных нужд; пока оно ведется в Приморье на площади 276.959 десятин, что составляет только 5% от обследованной лесной площади Приморья в 5.279.905 десятин, где проектировано выборочное хозяйство на кедр, ель и лиственницу;

леса эти эксплуатируются государственным трестом „Дальлес“. Вдобавок к указанным лесам Приморья необходимо отнести леса на Сахалине, где под хвойными насаждениями числится 582.000 десятин и под лиственными около 100.000 десятин.

Всего первоочередных лесов, пригодных для промышленной эксплуатации на Дальнем Востоке и расположенных по сплавленным рекам или по океану, имеется до 22 миллионов десятин (а именно, по побережью океана 6 миллионов; по Амуру ниже Хабаровска — 11,7 миллионов десятин, по Уссури и притокам 4,4 миллиона десятин), с ежегодным неистощимым возможным отпуском 512 миллионов кубофут. Приступившими к временной разработке будущих концессий японскими лесопромышленниками платилось сплащикам по 3 руб. 50 коп. в день, на подтаске леса 2 рубля и 2 рубля 50 коп., лесорубам — по 10 коп. с кубсфута, что дает заработок рабочему до 144 руб. в месяц. На будущих японских концессионеров предусмотрено возложить лесоустройство при помощи русских лесничих, с затратой на лесоустройство по 2 коп. с каждого отпущенного кубофута; устройство домов со службами для рабочих, оборудование к 1927 году фабрик и заводов для механической и химической переработки древесины, после чего отпуск кругляка, за исключением лиственницы, не будет разрешаться.

Для соревнования с японцами, начиная от участка № 14 (река Самарга) на юг до бассейна реки Великая Кема, оставлена площадь в 775.000 десятин и вся прибрежная пятиверстная полоса вдоль японских концессий. В лесохозяйственном отношении вся эта площадь равноценна с японскими концессиями.

Государственный трест „Дальлес“, получивший в свой отвод лучшие лесные дачи в бывшем отводе Духовского, старается поднять все деревообрабатывающие заводы, которых до войны на Дальнем Востоке было 63 частных при 112 рамах и 11 государственных с 25 рамами, всего, следовательно, 74 завода при 137 рамах, с распиловкой на них 2.300.000 бревен и выходом по 10 кубофут из бревна пиленого материала. В действительности пилилось не более 10 миллионов кубофут, из них около 7 миллионов кубофут расходовалось для строительства Дальнего Востока, и около 3 миллионов экспортировалось. Теперь „Дальлес“ предполагает поставить на заводах лучильные станки для изготовления спичечной соломки, оборудовать сушильни для сохранения высококачественного материала (чернеющего и загнивающего при экспорте его в сыром виде через тропики) и расширить производство фанеры из цветного дальневосточного леса: ясеня, бархата, ореха, диморфанта и проч.; наладить отпуск дубовой клепки во Францию, на что уже имелся спрос, и отпуск шпал лиственных пород в Китай и Африку. Весь этот план базируется на работах крестьянских приморских артелей и кооперативов и может при осуществлении дать краю около 12 миллионов дохода в ближайший же год, помимо доходов от японских концессий.

В сравнении с развивающимися работами синдикатов — „Дальлеса“ и Японского, населенность указанных лесных районов скоро будет недостаточна, при условии развития лесопромышленности в ожидаемом масштабе. Сейчас населенность такова:

1 группа — Николаевское лесничество. 24 селения, 1.500 муж. душ и 960 лошадей; лес годен для бумажной массы, рудничных стоек, шпал, бревен для сухой перегонки; в дальнейшем за рубкой леса последует подсечное земледельческое хозяйство. Доставка леса только сплавом при полном бездорожье летом.

II группа — Нижне-Амурское лесничество. В колонизационном отношении та же картина. Населенность 36 селений, 4.109 муж. душ, 2.655 лошадей и 50 рабочих волов. Есть возможность добычи пиленого кедра.

III группа — Японский концессионный район — Тумнин, Советская гавань. Два русских поселка с 30 душами мужского населения. Полная пустыня; колонизация чрезвычайно затруднена; необыкновенная пересеченность местности, отрезанной хребтом Сихэтэ-Алинь от всего Приморья, при полном отсутствии дорог. Доставка леса только по берегам рек в 5 зимних месяцев по 3-аршинному снегу, затем сплавом по рекам. Качество леса — ель-лиственница; полное отсутствие кедра.

IV группа — бассейн реки Улахе. Район относительно густо заселен: 13 селений, 3.155 муж. душ, 255 лошадей, 464 вола. За отсутствием заработков и вследствие наводнений, портящих посевы, население идет на убыль.

V группа — Сучанское и Засучанское лесничества. Леса в малодоступных горных массивах, но ценные. Население густое — по Сучанской долине 34 селения, с 8.619 муж. душами, 3.700 лошадей, 880 волов, и в долине Судзухе 12 селений, с 2.234 муж. душами, 926 лошадей и 320 волов. Эксплоатация леса потребует декавилек и подвесных канатных дорог.

К 1927 году „Дальлес“ предполагает иметь в ходу 20 заводов с 100 рамами, частью ремонтируемых, частью строящихся, с отпуском их продукции за пятилетие в количестве 100 милл. кубофут пиленого материала I и II мировых стандартных сортов, стоимостью 71 милл. рублей и с чистым доходом в 23 миллиона рублей.

Если считать сезонный заработок рабочего лесной промышленности в 500 рублей в среднем в трудных условиях дальневосточной тайги, то план Дальлеса потребует 20.000 человек; на такое же количество русских рабочих будет предъявлен спрос в ближайшие годы японскими концессионерами. Местное население едва покроет половину этого спроса, следовательно, в лесной промышленности надо ожидать спроса на рабочую колонизационную волну в 20.000 человек, хорошо организованную по типу трудовых армий.

С. Золотопромышленность.

С геологической точки зрения коренные месторождения золота относятся к категории месторождений, образованных восходящими термами в области контактов гнейсов или гранитов с метаморфическими сланцами — это или жильные месторождения, линии тока терм, или „штокверки“ — гнезда самородного золота, образовавшиеся от заполнения термами пустот в породах. Коренные месторождения пока почти не разрабатываются за недоступностью их отдельному золотничнику и даже группе их. Все внимание золотоискателей обращено на песчано-кварцевые золотоносные россыпи, на золотоносные пески речных долин, представляющие продукт разрушения и размыва коренных месторождений силами самой природы.

Коренные месторождения прослеживаются в верховьях долин рек, содержащих золотые россыпи, и становятся доступны только крупнопромышленным предприятиям горно-заводского типа. Увеличение процентного содержания золота в песке связано с увеличением сульфидов в окрестности. Вблизи дневной поверхности материнские породы сильно каолинизированы, но т. к. зона окисления не спускается

ниже пояса годичных оттаиваний вечной мерзлоты, следовательно, главная масса золоторудных месторождений не затронута ни человеческими, ни природными усилиями и сохранилась в неприкосновенности; из поверхностных же окисленных руд, вошедших в пояс цементации, золото значительно выщелочено. Так, напр., в Дмитриевском, Каринском месторождении на выходах жилы содержалось золота 1,8 зол. в 100 пудах породы, на 1 саж. глубины—4,27, на 3 саж.—5,8, на 5 саж.—7,72 и на 11 саж.—14,48 золотника, т.е. выщелоченность на выходах—громдная.

Более богатые руды содержат до 1 фунта золота на 100 пудов породы, а в знаменитой „Золотой горе“ жилы золота были „в руку толщины“.

Россыпи золота относятся к речным, русловым, террасовым и намывным косам („друвнии“), образовавшимся вблизи берегов, сложенных золототоносными гнейсово-сланцевыми породами.

Первоначальные „вольные старатели“—золотничники основали в тайге прочный, хотя и зверски-жестокый уклад жизни. Шедший по стопам вольных старателей, в качестве паразита, маркитант-предприниматель, так называемый „золотопромышленник“, последовательно сжимал старателя, делал заявку на открытый старателем золототоносный район, превращал старателя в своего рабочего, в среднем давая ему заработать 1 р. 37 к. в день, скупал далее у старателя за полцены намывое золото, если тот не шел в рабочие, платя или 2 руб. 30 коп. за золотник или продавая ему пуд муки за 2—4 золотника золота. Золотопромышленник и амбаропромышленник это синонимы капиталистического паразитизма и хищничества в тайге.

Близость китайской границы, неохраяемость ее, безработность желтого труда—последовательно привели к тому, что вся почти золотопромышленность оказалась заполненной китайцами и частично корейцами, составляющими 75% промысловых рабочих; тогда возник крик о желтом засилье.

Геологических и горно-технических, как правительственных, так и частных, обследований тайги не производилось—единственными разведчиками являются „старатели“, угадывающие по рельефу местности присутствие золота и принимающиеся за работу лишь „мешков золота“ среди золототоносных площадей, т.е. лизз золототоносного песку значительной мощности, толщины пласта измеряемой саженями. Чтобы кое-как просуществовать в тайге, золотничник должен заработать по ставкам амбаропромышленника, не менее 400 руб. в сезон. В среднем дальне-восточная промышленность создавала ценностей до 55—60 миллионов рублей в год, при 55—60 тыс. людей, занятых на приисках. Каждый золотничник в среднем намывал 2 фунта золота в сезон, при чем те же 2 ф. золота берутся на Дальнем Востоке с десятины золототоносной площади. Общая площадь работавших до войны приисков—около 427 кв. верст.

Однако, государство не получало в свои руки ценностей, произведенных золотопромышленностью; вместо 3.000 пудов намываемого золота, ей сдавалось только 1.000 пудов и, даже, меньше; остальное уплывало вместе с сезонными китайскими рабочими и промышленниками в Китай; но и этого мало, и из оставшейся трети золота значительная часть течет теперь туда же за манчжурский спирт и хлеб. Вся Северная Маньчжурия представляет собой страну, сказочно разбогатевшую за счет основного капитала России: Маньчжурия—это какой-то бывший русский Клондайк. Упадок охраны границ в связи с рево-

люцией привел к тому, что при 30.000 рабочих на золотом промысле правительство получало смешные цифры в 2 п., в 8 пуд. золота в год, и лишь в 1921 г., разогнав половину начавших хитничать рабочих, ему удалось с 15.000 рабочих собрать 96 п. 16 ф. золота, как рекордно высокую цифру. На основании данных 1923 г., состояние золотопромышленности быстро поправляется, и есть надежда получить 150 пуд. золота, хотя и эта цифра далека от истинной добычи.

В колонизационном отношении добыча золота являлась и является главной притягательной силой заселения амурских таежных местностей и крупнейшим стержнем, около которого вращалась и вращается промышленность и областной бюджет края. Карта золотоносных площадей издана Дальгеолкомом и демонстрировалась на Всероссийской выставке. Колонизационная емкость и рост золотопромышленности, таким образом, прямо пропорциональны числу свободных рабочих рук на Дальнем Востоке, но количество этих рук определяется постановкой снабжения золотопромышленной тайги, и единственной причиной упадка золотопромышленности, вопреки крокодилым слезам бывших золотопромышленников и вторящих им некоторых „советских“ горных инженеров, был разгром частновладельческих „амбаропромышленных“ продовольственных складов в золотоносных районах. В настоящий момент, однако, такая опасность миновала; правительственная сеть складов-блокгаузов заменяет частные склады и широко развивается; а вместе с этой сетью развивается и скупка золота Госбанком, Дальбанком, Госторгом и кооперативами; и только этим объясняется повышение притока золота в казну и начавшийся подъем золотопромышленности в целом.

В ближайшем будущем, повидимому, разовьется крупная концессионная американская золотопромышленность (Винт, Смит) на Селемдже, Семертаке и Харге, с оборудованием мощными драгами по последнему слову американской техники. Концессионные договоры действуют, и работы начаты.

Колонизация „на золото“ пойдет без помощи правительства; изданного положения о легализации „вольных старателей“ и о закреплении за ними по 125 кв. сажень золотоносных площадей вполне достаточно. Роль правительства пока должна ограничиться правильной постановкой торговли золотом и продовольствием.

Д. Углепромышленность.

Поскольку каменный уголь является вторичной производной былых лесных и торфяных массивов, поскольку материк Дальнего Востока не испытал со времен палеозоя каких бы то ни было существенных геологических изменений, постольку мы вправе ожидать, что и каменноугольные богатства Дальнего Востока будут выражаться астрономическими цифрами, наравне с его современными лесами, живущими и отмирающими на корню.

И действительно, чуть не во всех речных долинах идут современные нам процессы отложения горючего; окислительные процессы в заболоченной почве действуют слабо; моховые заболоченные пространства переходят в торфяники; последние в бурогольные линзы, в молодые каменные угли послетретичных и третичных формаций юрского периода; под ними обнаруживаются меловые и палеозойские горизонты углей. На побережьях Тихого океана, в Сучанском районе и на Сахалине, там, где угленосные свиты прорваны мощными сбросами

и значительными эффузиями трахитов, базальтов, сиенитов, там, где их туфами часто прикрыты угленосные толщи, их теплом и газовыми термами произведена искусственная сухая перегонка углей под землей, искусственно ускорен процесс формирования каменных углей, молодые угли переведены в высший класс классификации Грюнера—бурые, длиннопламенные—в пламенные, пламенные—в коксующиеся, коксующиеся—в антрациты.

От Байкала до Тихого океана найдены все типы торфов, углей и антрацитов. Перечисление месторождений их бесполезно, так колоссально их число, хотя известна лишь ничтожная часть месторождений, соответственно тому, что лишь 5% площади Дальнего Востока исследовано простой глазомерной съемкой.

Прибайкальско-забайкальские угли относятся к постплиоценовым или третичным; расположены они в озероподобных углублениях линзами на незначительной глубине, позволяющей в случае отсутствия притока воды „открытые работы“, т.е. добычу угля не под землей, а на дневной поверхности, производя вскрышу 5—6 саженой толщи погв, прикрывающих их. Лучшими из углей Забайкалья считаются угли Урейского месторождения (теперь не работают); за ними следуют Халяртинские, Тарбагатайские и Черновские. Теплотворная способность тарбагатайского угля принимается официальными источниками за 5.000 калорий и выше, золы 4%, серы—следы. Черновский уголь—4934 калорий, золы, 4%, серы—следы; в худших пластах, если уголь мокрый, добываемый из „вечной мерзлоты“, теплотворная способность понижается до 4.120 калорий. Самый плохой уголь Забайкалья—Харанорский—все же имеет теплотворную способность выше 3.570 калорий, при необыкновенно мощном сплошном пласте угля в 9 сажень толщины и простирания линзы на десятки квадратных верст.

В наиболее механизированных, наилучше расположенных и не имеющих совершенно притока воды, коях даже при частном хозяйствовании, до войны себестоимость угля, при мелком его залегании и спокойном горизонтальном расположении пласта, обходилась в 3½—4 коп. пуд. Добыча на забойщика достигала 420—510 пудов в день, но общая производительность копей не поднималась выше 24 милл. пуд. в год. В настоящее время после национализации, концентрации и ряда усовершенствований в механизации копей производительность забойщика поднималась до 550—600 пуд. в день, размах производительности достигал 25 милл. пудов в год и производственная себестоимость падала до рекордной цифры—2 коп. пуд в 1922 г.

Пока исключительное место, по своему положению, по своей мощности, разнообразию и высоким качествам, занимают сахалинские и сучанские каменные угли, становящиеся в параллель только с лучшими английскими и донецкими—макеевскими углями и превосходящие наилучшие японские—такасимские угли. По Сахалину ряд месторождений тянется вдоль западного берега на 450 верст при ширине полосы 10—20 верст. Общий запас сахалинских многококсовых углей (по исчислению Полевого) около 120 миллиардов пудов (2 милл. тонн). Теплотворная способность Ньюкестля—8.205 калорий, Рурского угля—7.450 кал., Сахалинского—7.900 кал., Сучанского—7.600—7.900 кал., Такасимского—7.400 кал.

Тихий океан не имеет лучших углей, чем Сахалинские и Сучанские; им принадлежит несомненное будущее исключительно в мировом масштабе так же, как и дальневосточному лесу и золоту; выходу сахалинских углей на мировой рынок препятствует ничтожность

капитала, затраченного на них Россией при царизме в сравнении с их мировым значением, хотя по дальневосточному областному масштабу и этот капитал сравнительно очень велик; например, на Сучан затрачено около 12 миллионов рублей. Главным недостатком является отсутствие под'ездных путей и погрузочных гаваней. Для дооборудования Сучанских копей под'ездной веткой к бухте и устройством гавани нужно не менее 9 милл. руб., после чего производительность Сучана будет поднята до 40 миллионов пудов в год. На Сахалине же все дело в зачаточном состоянии, отпущек угля не превышал 2 миллионов в год, хотя себестоимость сахалинских углей была франко-берег не выше 3,5 коп. и с доставкой во Владивосток обходилась 9 коп.

В настоящий момент фирма Стахеева, захватившая при царизме 200 заявок на уголь и 540 заявок на нефть на Сахалине, перепродала свои заявки японской фирме Кухара; а эта образовала общество Хокушинкай (Полярная звезда) с участием фирм: Мицу-биши, Окура, Нипон-Ойл Ко и Японского морского штаба. С 1919 по 1922 г. произведены обстоятельные разведки огромными экспедициями геологов Усакабе и Кабанши, произведены триангуляционные съемки всего угля и нефтеносного района, ведется пробная добыча нефти, а добыча угля поднята до 60.000 тонн, т.-е. до 3,5 милл. пудов.

Если свести в таблицу вероятный приблизительный запас наших дальневосточных складов тепла, света и механической и электрической энергии, исходя из наших современных скромных знаний месторождений, то они окажутся таковы:

РАЙОНЫ.	З а л е ж и в п у д а х .	
	Бурый уголь.	Каменный уголь.
Забайкалье	около 4 миллиардов	—
Амур	„ 25 „	более 309 миллиардов
Приморье	более 5 „	„ 4 „
Сахалин	„ 100 „	„ 100 „
Камчатская область	„ значительные	„ „ „

При настоящем состоянии дальневосточных путей сообщения — и промышленности, потребность в каменном угле не превышает 40 миллионов пудов, при чем, как потребитель, так и производитель — государство. Между тем, имеется большое число частных владельцев мелких шахт Приморья, так или иначе желающих всучить государству, вместо государственного угля, часть угля своего производства, конечно, по более дорогой цене и худшего качества. В процессе этой борьбы пускаются в ход все, даже и грязные, средства, вроде официальных докладов о непригодности Сучанского угля для паровозных топков Уссурийской дороги, тогда как для тех же самых серий и топков паровозов Китайской жел. дор. Сучанский уголь покупается по цене выше 20 к. пуд и является углем исключительно хорошим. Далее, пытаются делать вид доказательств, что килограмм угля в 8.000 калорий менее выгоден, чем 2 килограмма угля в 4.000 калорий и т. п. К несчастью русской государственности, спецы, сидящие на самых ответственных постах, не привлекаются за подобные доказательства к уголовной ответственности, как за вовлечение в невыгодную сделку, как за растрату народного достояния, как за казнокрадство.

Существеннейшим вопросом топливной политики Дальнего Востока, однако, является не столько этот вопрос хищничества частного капитала и прислужничества ему некоторых советских спецов, сколько общий вопрос, поскольку вообще на Дальнем Востоке допустимо использование каменных углей сейчас с общеэкономической точки зрения. Следует ли зарываться за минеральным топливом в землю при отсутствии на Дальнем Востоке металлургии? Может ли конкурировать низкосортное топливо, не прибегая к мошенничеству, тогда, когда под руками неисчерпаемые лесные богатства, своей дешевизной, своим массивом давящие на топливный рынок; мало того—когда эти леса представляются чем-то вроде сорной травы, мешающей элементарным требованиям колонизации, поддерживающей неблагоприятные климатические условия заболоченности, а отсюда и вечной мерзлоты Дальнего Востока в значительной его части; тогда как метеорологические данные с полной определенностью не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире говорят об осушении почвы после уничтожения части лесов. Дальневосточные же наблюдения показывают, что самый период выпадения дождей, вместо ненужного августа, сдвигается на начало вегетационного периода в тех областях Амура, которые за 40 лет очищены от леса, приведены в культурное состояние. И действительно, весь вопрос о минеральном топливе на Дальнем Востоке, кроме Сучана и Черновских копей, является сплошным грюндерством, ибо кубическая сажень дров заготавливается крестьянами на месте по 1 р. 50 к. — 2 р. 50 к.: даже с подвозкой в городах она стоит 8 руб. Кубическая же сажень сухая, как известно, весит 250 пудов; теплотворная способность дров 3.500 кал., т.-е. 2 пуда дров заменяют приблизительно 1 пуд минерального топлива в 7.000 калорий, а весьма часто 1 пуд дров дает больше тепла, чем пуд северного бурого угля. Совершенно ясно, что пуд дров, стоющий 1 коп. на месте (что для железной дороги и для речного пароходства совпадает и с местом потребления) побьет почти всюду минеральное топливо, в тех же условиях продающееся по 6 коп. пуд 4.000-калорийное и по 16 коп.— 8.000-калорийное. Все это пока неясно в Москве, кажется какой-то сплошной басней, даже в стенах Госплана, наиболее осведомленного государственного учреждения.

Будущая здоровая угольная промышленность начнется лишь тогда на Дальнем Востоке, когда там соорудятся морские экспортные угольные гавани, когда откроется Ольгинский железнорудный бассейн, когда Петровский завод, сведя леса, принужден будет перейти с древесноугольного топлива на коксовое, когда леса вдоль жел. дор. не будут более предоставляться в пищу лесным пожарам, а сгорят в паровозных топках.

Отсюда ясно, что каменноугольная промышленность Дальнего Востока пока будет свертываться и колонизационных перспектив не представляет.

Е. Промыслы на прочих полезных ископаемых.

Исследователей Дальнего Востока, при неимоверно трудных и опасных условиях дальневосточной тайги, можно пересчитать по пальцам, поэтому неудивительно, что степень горной обследованности Дальнего Востока по данным Анерта выражается:

площадной съемкой	3,29%
маршрутами	13,13%
не исследовано совсем	83,58%

Весь наличный состав Дальневосточного Геологического Комитета насчитывает 7 человек. Поэтому, на все дальнейшее надо смотреть лишь как на первое приближение к действительности.

Серебро-свинцовая промышленность. С геологической точки зрения о серебро-свинцовых рудах, как и о медных и прочих рудах, и о самоцветных камнях, надо повторить то же, что сказано уже о коренных рудных месторождениях, искать их надо там же, где и коренное золото, на контактах восходящих терм с осадочными породами, по трещинам и сбросам первозданного массива.

Добыча свинца и серебра производилась в крае почти 300 лет в Нерчинском горном округе каторжным трудом, и вместе с отменной каторги умерла и серебро-свинцовая промышленность. А вместе с мировой депрессией цен на серебро и с войной упала добыча и обогащение серебро-свинцовых руд и на вновь возникших было промыслах Титюхе на берегу Тихого океана, на реке Титюхе, и даже добытые концентраты остаются пока неиспользованными на Дальнем Востоке. Известно 555 серебро-свинцовых месторождений, ни одно из них не выработано до конца, и неглубоко вошел человек по жилам серебро-свинца внутрь земли; максимум углубления 60 саж.; в среднем, все известные жилы выработаны на 36 саж. Не исчезло также и богатство % содержания серебра в жилах (на 100 пудов породы приходится 60 зол. серебра, 5—6 пудов свинца и столько же цинка) наоборот, рудоносность увеличивается с глубиной.

Общие запасы руд на Титюхе, обследованные только до глубины горы 230 саж. над уровнем океана, определяются в 2 миллиона тонн, из которых серебра 500 тонн, свинца 211.000 тонн и цинка 350.000 тонн. Заслуживает особого упоминания по богатству руды верховье одного из левых притоков речки Тадуши в хребте Сихэтэ-Алинь и аргентитовые месторождения типа Мексики на „Белой горе“ в Камчатке.

Медь. Медная промышленность совсем отсутствует на Дальнем Востоке, меж тем, там имеются богатейшие руды. Районы те же, что и для серебро-свинца. Самородная медь с медной зеленью имеется в Забайкалье; в верховьях реки Баргузина медь найдена в виде черной руды, в виде малахита и колчедана; содержание меди необычайное—от 7 до 20 фунтов в пуде руды.

Олово. Единственное известное месторождение в России—около станции Оловянной, вблизи границ Монголии и Манчжурии. Рудник разрабатывался с 1858 г. по 1912 г.

Молибден. В Забайкалье по р. Чикою-Гутайское месторождение. В 1916 г. было добыто 106 пуд. молибденового блеска.

Ртуть. Часто в золотых россыпях встречается киноварь. Залежи киновари найдены на реке Северном Ильдикане, притоке Борзи, в Забайкалье; не разрабатывается.

Сурьма. Сурьмяный блеск—в окрестностях знаменитого на Дальнем Востоке минерального источника „Дарасуна“; не разрабатывается.

Вольфрам и висмут, самоцветные камни—в одном и том же месторождении в Адун-Челонском хребте. Жилы наполнены бериллами, аквамаринами, топазами, турмалинами, аметистами, опалами, яшмой, халцедоном, гранатами; окружает их и связывает основная порода, содержащая вольфрамит и базобисмутит. Одна из жил—„Миллионная жила“—углублена всего на десяток сажен и представляет дальнейшую бесценную сокровищницу государства, к сожалению никем не охраняемую; из одних отвалов ее академик-профессор Ненадкевич во время войны добыл своим личным трудом до 1.500 пуд. висмутовых концентратов и поставил единоличными своими

усилиями лабораторную добычу медицинского препарата—азотно-кислого висмута, снабжая им все больницы края. Но сил Ненадкевича больше не хватало, и эта работа прервалась. Такое же месторождение, хищнически вырабатываемое китайцами, преимущественно для замены стекла аквамаринами в китайских больших круглых очках, продолжается по всему Амур-Челонскому хребту, Боршевскому хребту, Большому и Малому Согтуям.

Марганец и железо—часто в одних и тех же рудниках. Заведомо железнорудным бассейном является район бухты Ольги, где запасы магнитного железняка насчитываются уже сейчас, при первом к нему приближении, в 113 миллионов пудов. Геологические обследования текущего года ведутся в Приморье, главным образом, на железо с применением магнитометров, в Ванчине, около Замбрены, где древние добывали железную руду, в Дистинничном месторождении около бухты Ольги, на Сергиевском железнорудном месторождении, в связи с трассой проектируемого жел. дор. пути к бухте Ольги, по направлению Свягино—Утеднза—Даубихе—Улахе—Аввакумовка—Ольга.

Крупное и оригинальное береговое месторождение—Посьетское представляет береговой вал длиной 19 верст, шириной 50—60 саж., средней высотой 2 аршина. Кварцевый песок этого вала содержит 52% железа. Определенный запас железа—10.000.000 пуд., возможный—70.000.000 пуд. Коренное месторождение, продуктом разрушения которого явился этот морской вал, найдено геологом Криштофовичем в Змейной горе, являющейся полным аналогом горы Благодать.

В черте города Николаевска на Амуре имеется залежь бурого железняка с 40—43% железа и с запасом в 50 миллионов пудов. Месторождение допускает работу экскаваторами.

В Амурской области, около станции Чичатки, имеются колоссальные выходы магнитного железняка.

В Забайкалье крупным, уже свыше 100 лет работающим, месторождением является Балягинское. Несомненные запасы—10 милл. пудов, вероятные—до 50 милл. Руды его перерабатывает столетний старик, Петровский чугуно-литейный завод, необычайно заброшенный до 1922 года на том основании, что запасы Балягинских руд, по мнению бывшего Нерчинского Горного Округа, были недостаточны—всего 21 милл. пудов; меж тем, одна Монголия пред'являет спрос на изделия завода до 4 милл. пудов ежегодно; на этом оригинальном, якобы научном основании забрасывалось чугуно-литейное дело на Дальнем Востоке вообще. По данным дополнительных разведок 1922 года, несомненные запасы Балягинских магнитных железняков определяются уже свыше 100 милл. пудов, с содержанием железа в 70%. Мало того, руда доставляется теперь к Петровскому заводу по узкоколейке длиной в 20 верст, продолжающейся постройкой, и в 20 верстах от нее находятся новые залежи Курбинских руд, совершенно одинаковых с Балягинскими, что дает достояточное основание предполагать, что вся Курбинская горная страна является одним, общим с Балягинским, громадным месторождением с запасами магнитных руд в сотни миллионов пудов. Приписанная к Петровскому заводу лесная дача в 77.000 десятин, конечно, также может быть расширена до необходимых пределов. Местные запасы известняков, доломитов и кварца ставят дальнейшее развитие завода в чрезвычайно благоприятные условия.

Поскольку Ольгинский железнорудный бассейн ждет концессионеров для своего развития, постольку, обратно, Петровско-Балягинско-

Курбинский район явно и искусственно тормозится в своем развитии при громадном спросе на его продукцию. В 1922 году на это было обращено Дальревкомом подлежащее внимание и приступлено к реорганизации завода, вся продукция завода расписана заранее. Стоимость переоборудования покрыта самим заводом.

Невдалеке от Петровского завода на его продукции и в естественном с ним комбинате работает Верхнеудинский механический литейный завод № 1, производящий сельскохозяйственные орудия по качеству и цене, конкурирующие с Америкой, которой одни транспорт стоит дороже, чем заводские цены орудий, а именно: плуги типа „Красуля“—годовое производство 1.000 штук по цене 7 руб. 50 коп. штука, плуги типа „Лингардта“ марки АНК I—2.000 штук по цене 23 руб. 25 коп.; плуги „Сакка-6“—2.000 штук по 27 руб. 50 коп.; молотилки „Эльворти“—100 комплектов по 235 руб., веялки типа „Уфимка“—750 штук по 28 руб. Запасные части ко всем орудиям в среднем по 2 руб.—7.500 штук; годовичная продукция завода—257.000 руб., продажная стоимость изделий 301.400 руб.

Крупнейшим заводом не только на Дальнем Востоке, но и во всей Сибири считается механлит № 3 во Владивостоке—Судостроительный завод.

В техническом отношении завод оборудован великолепно, по-европейски, но нагрузка для завода, после угона белыми почти всей дальневосточной флотилии, недостаточна.

ГЛАВА VI.

З а к л ю ч е н и е.

Общее заключение в конце обзора промышленных колонизационных возможностей Дальнего Востока, опирающихся на ископаемых богатствах, напрашивается еще более печальное, чем в земледельческой колонизации. Край пуст и дик; депрессия по всей линии поразила край в начале его развития, имевшего нездоровую империалистическую почву; общий застой едва начинает проходить. Если включить все и самые мелкие отрасли промышленности, вроде хлебопечения, кузнечного, слесарного, всяческого кустарного производства одиночек и т. п., то все же количество дальневосточного пролетариата, занятого собственно в промышленности, исключая перечисленные выше промыслы, но включая транспорт, не превысит 15.000 чел. Количество безработных в городах достигает 25.000 чел. В порядке рассасывания городской безработицы безработные поглощаются промыслами, в первую очередь колонизуя их.

Переживаемый Дальним Востоком величайший контраст между производственными мировыми возможностями и их жалким местным использованием, несомненно, будет изжит; но самый этот контраст показывает на колоссальную политическую остроту и ненормальность положения Дальнего Востока, создавшуюся в результате авантюры царизма, не щадившего миллиардных затрат на оккупацию и подьем богатств Маньчжурии, но забросившего Дальний Восток и в результате создавшего преждевременно и искусственно империалистическую угрозу не только советскому, теперешнему, но и своему прежнему национальному русскому бытию на всем Дальнем Востоке. Бывшие пустыни Маньчжурии, благодаря имевшей громадное колонизационное

значение Китайско-Восточной жел. дор., оказались теперь, через 25 лет, заселенными на русский счет 13-миллионным китайским населением, стремящимся перелить свои колонизационные волны через Амур и переливающим их, как выше сказано, ежегодно до 700.000 чел. на промысловые и полевые работы в качестве арендаторов и батраков; то же имеет место и в Приморье, главным образом в Посыетском и Приханкойском районах. Но и этого мало.

Многонациональная РСФСР и СССР в целом, объявившие себя социалистическим отечеством, не боялись бы заселения их почти безграничных пространств любым племенным составом; они гордились бы тем, что все эти национальности, включая и японцев, и американцев, стали бы участвовать в подъеме мощи Союза социалистических стран, если бы это было так.

В действительности, намерения мировых империалистических хищников, конечно, иные, а именно—убить всякие зачатки промышленного развития РСФСР на Дальнем Востоке. С этой целью в Маньчжурии предпринимается империалистами ряд шагов для умерщвления деятельности нашего порта—Владивостока. Японией оттягиваются грузы Маньчжурии на Дайрен: ставятся всяческие препятствия движению тех же грузов на Владивосток; Америкой строится новая железная дорога Сахалин-Харбин, вдоль Сунгари, для снятия всех грузов этой самой плодородной долины с амурского направления и передачи их на тот же Дайрен. Все это вместе взятое, в связи с достаточно долгой волокитой переговоров относительно прав собственности на Китайскую Восточную дорогу, куда вложено 800 миллионов золотых рублей Россией, в связи с требованием открыть плавание международным судам по Амуру, в связи с требованием уничтожения самостоятельности Монголии, сочувствующей нам, показывает, что международный капитал через Маньчжурию и Монголию хочет сделать глубокий океан наших передовых позиций на будущем мировом центре—Тихом океане. И поэтому, когда наши агрономы-спецы, увлекаясь мировыми успехами Маньчжурских бобов, приглашают и нас отказаться от основы сельского хозяйства на Амуре, бросить сеять пшеницу и заняться частью той же бобовой культурой, частью богатой солнечной корейской культурой или льном, мы вправе задать основной вопрос, на кого рассчитаны эти культуры, и если они рассчитаны только на мировой рынок, как и все предыдущие планы развития отраслей дальне-восточной промышленной деятельности, то не слишком ли много будет для нас мировых задач на Дальнем Востоке, особенно в случае несомненного неудовольствия таковой нашей деятельностью со стороны буржуазных держав и в случае их желания повторить опыт блокады. Нельзя забывать причины засевов пшеницы на Амуре в былые царские времена; нельзя забывать, что пшеница и в только что минувшем 1922 г. дала возможность отбить все попытки интервенции, дала возможность Дальнему Востоку выждать подхода подкреплений из глубокого для него тыла, из Центральной России.

Подобная потеря всяких политических перспектив во имя узких специальных задач наносит невероятный ущерб всему делу науки, роняет авторитет научного имени. Будем же твердо помнить о современной мощи Маньчжурии, собравшей в 1921 г. 480 миллионов пудов хлеба и выкинувшей на рынок товарный избыток в 114 миллионов пудов. Будем помнить, что ни почвы, ни климат Маньчжурии не могут встать в параллель с нашим Дальним Востоком, значительно превосходя его, и состязаться с Маньчжурией на мировом хлебном рынке Дальнему Востоку по меньшей мере смешно.

Отсюда и общий взгляд на соотношение сельско-хозяйственной и промышленной колонизации Дальнего Востока. Отдаленное будущее Дальнего Востока, конечно, не в сельском хозяйстве, роль которого — служить лишь некоторой подсобной, не покрывающей потребности, недостаточной всегда, но все же базы для медленного развития, собственными силами промышленности, сначала добывающей, затем обрабатывающей, служить конкурентом дешевому маньчжурскому хлебу на собственном внутреннем рынке для умерения хищных appetитов маньчжурских хлебопромышленников. На ближайшее пятилетие перспективы промысловой колонизации еще уже, чем сельско-хозяйственной, пропорция их соответствует в областном бюджете, т.-е. промышленная колонизация будет приблизительно вдвое—втрое меньше сельско-хозяйственной, а обе они вместе поглотят максимум 150.000 мужских душ, что соответствует среднему ежегодному колонизационному потоку в 30.000 мужских душ, т.-е. выше среднего уровня переселенческой волны за период ее наиболее высокого стояния при царизме около 1910 г., что, однако, чрезвычайно мало, несоизмеримо мало, как в сравнении с колонизацией соседней Маньчжурии, так и с промышленными богатствами Дальнего Востока. На Амурскую железную дорогу ложится ответственнойшая колонизационная задача.

Колонизация Севера России и железнодорожное строительство.

За последние годы в русском обществе все яснее и яснее замечается изменение отношения к нашему Северу. Еще недавно им интересовались или местные деятели, или немногочисленные представители науки; при этом те и другие встречали во влиятельных кругах, в лучшем случае, снисходительное внимание. Теперь картина резко изменилась. Еще до войны Север стал привлекать внимание самых разнообразных кругов и по самым разным причинам, начиная от интереса к художественным ценностям и кончая интересом к промышленным заявкам; после же войны в использовании северных естественных богатств (размеры и ценность которых нередко преувеличиваются) стали, даже, по временам усматривать нечто, могущее с лихвой покрыть ущерб от войны и всех ее последствий. В результате наш книжный рынок значительно пополнился литературой по Северу.

Цель настоящей статьи заключается в посильном выяснении роли Севера в жизни всего государства. С точки зрения автора, Север России есть не какая-то досадная „дистанция“, которую надо преодолеть, чтобы вывести за-границу те или иные грузы центра, Сибири или Средней Азии, и не какой-то забытый клад, который надо скорее продать, а весьма важный в политическом, экономическом и географическом отношениях район, оживление которого само по себе имеет значение великой исторической задачи, выпадающей на долю ближайших поколений.

I.

Отношение русского государства к своему Северу.

В жизни государств море играет такую же первостепенную роль, как влага вообще в жизни всего органического мира. Культурное государство скольконибудь значительной величины положительно невозможно представить себе без морского побережья. Из 80, приблизительно, государств мира, всего 5—6 лишены непосредственного выхода к морю.

Все, сколько-нибудь претендующие на экономическую независимость (не говоря уже о политической роли), государства, всегда стремились к обладанию морским побережьем и при том наиболее для них удобным, посвящая этому достижению нередко целые столетия.

Россия не явилась исключением из этого закона. Русское государство, основанное на „великом пути из Варяг в Греки“, в колыбели своей уже считало своим то море, которое оно и не называло иначе, как „Русским“ (Черное); не в гостях считала себя Русь и на „Варяжском“ (Балтийском) море.

В XVIII веке Россия утверждает на Черном море, в XIX — на Тихом океане, в XX — неудачно пытается пробиться к Персидскому заливу, борясь с Англией за „сферы влияния“ в Персии.

Самый беглый обзор достигнутых в этом процессе успехов заставляет призадуматься над соответствием их ценности с затраченными усилиями и жертвами. В самом деле, какой-то роковой закон запирает выходы из всех достигнутых морей узкими проливами, находящимися в чужой власти. Балтийское море замкнуто Бельтами; Черное — Босфором и Дарданеллами; Каспийское вовсе закрыто; на Тихом океане, после потери Порт-Артура, мы остались обладателями одной лишь базы — Владивостока; но из Японского моря, на берегу которого он расположен, есть лишь два выхода в свободный океан: на севере, через Татарский пролив, на другом берегу которого — японский Сахалин, а на юге через роковую Цусиму. Таким образом, в любом из русских морей как военный, так и коммерческий флот, в случае войны, или хотя-бы дипломатических осложнений, может быть в любое время заперт, для чего, даже, не требуется противопоставления русскому флоту больших сил.

Казалось бы, что такое положение вещей должно было еще в давнее время обратить внимание на единственное открытое море, которое принадлежит России уже много веков — на Северный Океан. Никакие проливы не закрывают выхода отсюда во все морские воды мира: никто и никогда не оспаривал русских прав на это побережье; и тем не менее здесь нет ни русского флота, ни русского судостроения, ни русской торговли, ни, даже, крупных русских рыбных или зверобойных промыслов, тогда как норвежские и английские суда ежегодно увозят отсюда громадные уловы рыбы. Для того, чтобы выяснить причины такого пренебрежения к Северному океану, необходимо принять во внимание следующее:

В течение домонгольского периода Россия не имела никакой надобности в побережья Северного океана. Все культурные страны, с которыми Россия находилась тогда в сношениях, были расположены или вдоль сухопутных ее пределов, или за Черным или Балтийским морями. Кроме того, в те времена торговля носила талассический, а не океанский характер, да и по замкнутым морям суда ходили лишь вдоль берегов, так что обладание берегом самого открытого моря еще не давало возможности использовать этого обстоятельства.

В течение Монгольского периода все мысли Москвы сосредоточивались на борьбе с татарским засильем, на страхе перед Востоком, который позднее привел к стихийному „Drang nach Osten“.

Только за 37 лет, начиная от похода Ермака до выхода в 1639 г. атамана Копылова к берегам Охотского моря, на восток пройден был путь около 4.000 верст (по воздушной линии), занята громадная площадь земли, приведено в русское подданство и обложено данью туземное ее население, построено несколько десятков городов, островов и поселений, снабженных необходимыми гарнизонами.

Несмотря на полное почти пренебрежение Севером, несмотря на то, что к концу XVII века вся внешняя северная торговля сосредоточена была в одном только Архангельске — все же эта торговля

давала государству много больше, чем после новых стеснений для нее, проведенных Петром Великим. В интересах скорейшего развития морской торговли Петербурга, Петр запрещает вывоз из Архангельска сначала ряда товаров, а потом всех, кроме производимых в бассейне Северной Двины. Правда, Екатерина II сняла этот запрет, но Павел снова предпринимает ряд мер, направленных против оживления Севера вплоть до запрещения беломорским и мурманским промышленникам посещать норвежские гавани.

К сожалению, и до сего времени далеко еще нет правильного отношения к нашему Северу и к его народно-хозяйственному значению. Тем, кто свою деятельность посвятит пробуждению интереса к этому краю, предстоит еще много горьких и обидных разочарований...

II.

Возможность заселения русского Севера; его пищевые ресурсы.

Для того, чтобы создавать морскую торговлю, надо на данном море завести флот (как военный, так и коммерческий); надо завести судостроение, надо создать промышленность, питающую это судостроение как полуфабрикатами, так и готовыми изделиями; надо, наконец, создать вокруг очагов этой промышленности человеческие поселения, служащие резервуаром местной рабочей силы, а отчасти и продовольствия. Между тем широкие круги общества до сих пор представляют себе Север России страной не только необитаемой, но и неудобобитаемой.

Это представление основано прежде всего на существующем положении. Действительно, цифры плотности населения в тех местностях, о которых широкое общество слышит чаще, чем о Севере, совершенно иные. Не говоря уже о плотности населения в Бельгии, где для отдельных провинций (Брабант) плотность доходит до 385 человек на 1 кв. кил., или более близкой к нашим условиям Пруссии (вся Пруссия в среднем — 107, Вост. Пруссия — 55), но даже в самой северной из финляндских губерний — Улеоборгской — плотность населения равна 2, в то время, как Архангельская губерния дает лишь 0,4.

При поверхностном внимании к Северу — а внимание большей части нашего общества к нему и было всегда поверхностным — легко сделать вывод, что малая плотность населения объясняется тем, что большей плотности и нельзя здесь достичь.

Но более внимательное исследование вопроса приводит к другому выводу. В Европе мы не найдем нигде плотности населения ниже, чем в Архангельской губ.; но обследовав, например, С. Америку, мы наткнемся на безлюдные местности не только в таких краях, где действительно, трудно ожидать пробуждения жизни по данным географической широты, но и в таких, где климатические или, точнее сказать, тепловые условия вполне благоприятны. В западных степных провинциях Канады плотность населения равна: в Манитобе — 0,77 чел. на 1 кв. версту (в 1911 г., а в 1901 г. она была равна 0,4 чел. на 1 кв. вер., т. е. как раз была равна плотности населения нашей Архангельской губернии, и в 10 лет увеличилась на 78%, покрывшись цветущими фермами); в Саскачеване плотность населения в 1911 г. была равна 0,87 (в 1901 г. — 0,14; увеличение за 10 лет на 440%);

в Альберте—в 1911 г.—0,66 (в 1901 г.—0,13; увеличение на 413%)¹⁾. Таким образом, плотность населения в данную минуту ничего не говорит о достижимой плотности, которая, как видим на примере Канады, в одно десятилетие может удесятериться. Даже еще южнее, в Соед. Штатах, мы находим такие низкие цифры плотности населения, как, например, в Нов. Мексике (0,6) и Аризоне (0,4 чел. на 1 кв. мил.), объясняемые безводностью этих двух территорий. Эти последние цифры относятся к 1900 г.; оросительные работы, произведенные с тех пор, создали и здесь многожды более густую населенность.

Вышеприведенные цифры плотности населения крайнего Севера Европейской России дают лишь среднюю величину для большой площади и, как все средние цифры, далеки от отражения действительности²⁾. Здесь есть площади, на коих не живет ни одной души, и есть площади, дающие значительные „сгустки“ населения. Плотность населения в этих сгустках может до известной степени ответить на вопрос, насколько бы могло уплотниться население нашего Севера, если бы всю его территорию поставить в такие экономические условия (главным образом, в смысле транспорта и, вообще, связи с внешним миром), в каких находится население этих сгустков. Если взять сумму площадей Архангельской и Вологодской (в дореволюционных ее границах) губерний, равную 1.095.000 кв. верст, и вычесть из нее площадь тундр (270.000 кв. вер.), водных пространств (35.000 кв. вер.) и необследованных и непроходимых пока лесов (700.000 кв. вер.), то останется площадь в 90.000 кв. верст. На этой площади, по данным 1909 г., жило 2.024.000 человек. Плотность населения, взятая по расчету этой удобообитаемой площади, получится равной $\frac{2.024.000}{90.000} = 22,5$ чел. на 1 кв. вер.

Это опять средняя цифра; но она является средней, взятой не по всей площади карты края, а по площади суммы обжитых островков, разбросанных среди океана земель, пока недоступных для пионеров колонизации. Сравним эту цифру с плотностью населения некоторых других губерний. В Новгородской губ. для того же 1909 г. получается плотность в 11 чел. на 1 кв. вер., для Костромской—16, для Вятской—20, для Псковской—25, для Тверской—24. Таким образом, на обжитых оазисах севера люди живут плотнее, чем в Новгородской, Костромской и Вятской, и почти так же плотно, как в Тверской губернии.

Термические условия Севера Европейской России, благодаря влиянию Гольфштрема, значительно благоприятнее, чем того можно бы было ожидать, судя по одной лишь географической широте. Вегетативный период продолжается до 4 месяцев (с мая по сентябрь). Чего природа не дала здесь в смысле интенсивности нагревания солнечными лучами, то она возместила продолжительностью этого нагревания, так как на Севере летний день значительно длиннее, чем в губерниях умеренного пояса, доходя на крайнем Севере до 24-часового размера в течение нескольких недель.

¹⁾ Н. Н. Епанчин. Орошение и колонизация Канады. Т. I, стр. 10. С. П. Б. 1913 г. Изд. Г. У. З. и З.

²⁾ Только в самое последнее время „дазиметрический“ метод проф. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, выявленный в составляемой Институтом „Поверхность и Недра“ дазиметрической карте России, начинает проливать свет на действительное фактическое распределение густоты населения. См. издание Института „Поверхность и Недра“, проф. В. П. Семенов-Тянь-Шанский: „Дазиметрическая карта Европейской России“. Ленинград, 1923 г.

В недавно отошедшем от России Печенгском монастыре ¹⁾ на Мурманском берегу издавна известно образцовое огородничество. Прекрасное сельское хозяйство создано монахами и другого монастыря—Соловецкого. Во время блокады Мурманского побережья английским флотом в 1854 г. поморы, вынужденные поневоле бросить рыбные промыслы, занялись—было хлебопашеством; этот опыт, по словам оставшихся до нашего времени в живых участников его, надо считать вполне удачным. Уже в наши дни, когда гражданская война на Севере и разруха транспорта сделали затруднительными сбыт рыбы внутрь России, в Онежском уезде усилилось земледелие, и получились настолько хорошие урожаи, что слухи об „Онежской Украине“ привлекли из ближайших к югу губерний немалое количество мешечников, вернувшихся домой не с пустыми руками.

В Печорском уезде вызревают ячмень (давая в среднем урожаи сам—1,5), рожь (сам—5,5), картофель, репа. Пшеницы здесь не сеют, хотя нельзя а priori считать, что культура ее здесь невозможна. Опыт Канадского правительства показал возможность рентабельной пшеничной культуры в Fort of Good Hope на пересечении реки Мекензи полярным кругом ²⁾, т. е. в пункте, вполне соответствующем нашему Пустозерску, расположенному у устья Печоры. Интересно отметить, что для этих опытов и пшеница-то была взята русская ³⁾.

В более южных частях Архангельской губернии (Шенкурский уезд) сеют пшеницу уже и сейчас. Средний сбор хлебов в Архангельской губернии, за вычетом посева, равен 3.250.000 пуд. Если исходить из 15 пудов душевого довольствия, то на 500.000 человек населения губернии требуется 7.500.000 пудов., и местный хлеб обеспечивает, таким образом, 43,3% потребности. Цифра эта—надо оговориться—средняя по всей губернии; по данным Центрального Статистического Комитета (1909 г.), на душу населения не хватает хлеба: в Архангельском и Мезенском уездах—12 пудов, Печорском—13, Пинежском—8 пудов; средняя цифра большей обеспеченности по всей губернии получается под влиянием данных Шенкурского уезда. Но надо сделать и другую оговорку. По единодушному отзыву специалистов, применяемые здесь методы обработки земли совершенно архаичны, и инструктирование населения агрономами, несомненно, резко повысило бы урожайность.

Все это относится к крайнему Северу Европейской России; и если, даже, здесь мы до известной степени приходим к возможности земледелия, хотя бы как подеобной и второстепенной статье народного

¹⁾ В целях колонизации Мурманского района царское правительство привлекало туда колонистов из Финляндии. После революции финляндское правительство настояло перед советским правительством России о признании финского населения в Печенгском округе преобладающим. В результате Печенгская область была уступлена Финляндии в обмен за несколько квадратных километров финляндской территории около Сестрорецка.

²⁾ Н. Н. Епанчин. Цит. соч., ч. I, стр. 37 и Введение, стр. 81.

³⁾ Агент нашего Главного Управления Земледелия и Землеустройства в Соединенных Штатах, Ф. Крыштофович („Известия Архангельского Общества изучения русского Севера“, 1911 г. № 4, стр. 257—258, в статье „Аляска и наш Север“) приводит выдержку из годового отчета: „В то время, как в 1908 г. 57 из 65 разновидностей хлебов вполне вызрели на опытной станции Рампарт, находящейся под 65°30' северной широты, результаты настоящего 1909 г. еще благоприятнее, так как, собственно говоря, все сорта посеянных хлебов созрели вполне “. . . ., можно уверенно утверждать, что овес и ячмень могут быть успешно возделываемы в долинах Юкона и Тананы и не только могут удовлетворять потребностям хозяйства, но и давать избыток для рынка“.

Ф. Крыштофович отмечает при этом, что соответственные широты в западном (американском) полушарии гораздо холоднее, чем в восточном.

хозяйства, то уже более решительно приходится высказаться о более умеренной полосе русского Севера. Профессор А. А. Кауфман, говоря о зоне, захватывающей Верхотурский, Чердынский, Соликамский уезды Пермской губернии, северную часть Вологодской и южную— Архангельской, считает, что в климатических и почвенных условиях этой зоны „нет не только непреодолимых, но и вообще каких-либо препятствий к более или менее значительному дальнейшему развитию земледелия, а следовательно—и земледельческой колонизации“¹⁾.

К такому же выводу начинает склоняться и практическая мысль. Северные колонизационные экспедиции Наркомзема (1919—1921 г.), обследовав Вологодскую, Череповецкую, часть Новгородской и Петроградской губернии, установили в этой, весьма еще небольшой части нашего Севера, наличность 507.500 десятин земли, пригодной к сельскохозяйственному предназначению, а именно:

в Тотемском уезде Вологодской губернии . . .	235.732 дес.
„ Кадниковском уезде Вологодской губернии .	78.712 „
„ Устюженском уезде Череповецкой губернии .	62.500 „
„ Тихвинском уезде Череповецкой губернии .	79.170 „
„ Боровичском уезде Новгородской губернии .	12.642 „
„ Крестецком уезде Новгородской губернии .	20.500 „
„ Новолодожском уезде Петроградской губернии	18.244 „ ²⁾ .

Чрезвычайно важно отметить, что колонизационные экспедиции, устанавливая элементы этого фонда, ограничивали себя требованием ограждения интересов снабжения как внутреннего рынка, так и экспортного фонда древесиной; с другой стороны—исключением из намечаемого колонизационного фонда тех площадей, в которых заинтересовано было землеустройство существующего местного населения. Затем тут же попутно отметим, что экспедиции постоянно наталкивались на интерес этого местного населения к расселению. Руководители экспедиций отмечают, что на всех местных совещаниях указывалось, что само местное население при обнаружении и подготовке новых площадей на Севере „несомненно выделит из себя значительный колонизационный элемент“³⁾.

Это явление чрезвычайно важно, так как оно отвечает на нередкие скептические вопросы о том, откуда взять колонизационный элемент для нашего севера, для чего иные не видят даже другого средства, как разве привлечение иностранных иммигрантов.

Район, обследованный экспедициями, чрезвычайно мал. До зоны, указываемой профессором А. А. Кауфманом, он еще не доходит, находясь в более южной полосе; да и из этой более южной полосы работами экспедиций захвачена лишь западная половина. Работа заселения Севера еще только начинается. Но важно то, что колонизационной волне указывается новое направление и что в этой области от рассуждений уже перешли к делу.

Приведенные выше соображения о возможности хлебопашества на севере отнюдь не имеют целью убеждать в желательности пропа-

¹⁾ „Торгово-промышленная газета“, 8 авг. 1918 г. Цитирую по П. П. Пальчиному („Ближайшие задачи в деле экономического развития Северного края“ Пгр. 1918 г. стр. 4). Интересные данные о возможности земледелия даже на Зауральском Севере (пшеница, ячмень, рожь, лен, конопля, а из овощей—даже огурцы) приводит для Сургутского и Пелымского районов А. А. Дунин-Гаркавич в своей книге „Тобольский Север“. Спб. 1904 г. изд. М. З. и Г. И., стр. 6—10.

²⁾ Н. Я. Овчинников. Работы Северных Колонизационных экспедиций. Изд. Н. К. З. Петроград, 1922 г. Стр. 5.

³⁾ Н. Я. Овчинников в цит. соч., стр. 17.

ганды именно хлебопашеской колонизации Севера вплоть до океанского побережья. Центр тяжести народного хозяйства на Севере лежит не в зерновом хозяйстве.

Природа Севера создала чрезвычайно ценный дар, именно—так называемые „пожни“ (заливные луга). Здесь на необозримых пространствах, вдоль рек растут такие виды трав (костер безостный, клевер, эспарцет), которые в более южных губерниях искусственно разводятся путем посева выписываемых семян. Травостой этих дикорастущих ценных трав приводит в изумление путешественника, попадающего на берега Ижмы, Цильмы, Мезени. Великолепные луга имеются также и южнее, в верховьях Вятки и Камы.

Исследователь Печорского края, доктор С. В. Мартынов, говорит, что единственное сравнение, которое напрашивается при виде картины цильменских пожней—это сравнение с прериями запада Америки.

В одном Печорском уезде уже самые поверхностные обследования установили размеры площади этих пожней в 800.000 десятин, тогда как используется из них местным населением только 40.000 десятин¹⁾. Между тем и в Печорском уезде есть реки и речки, куда никогда еще никакой исследователь не заходил, да и другие уезды, особенно Мезенский, богаты никем не учтенными пожнями. Таким образом, здесь имеется внушительный колонизационный фонд, удобный для заведения сенно-молочного хозяйства. Дело это молодое, но уже не знакомое нашему крестьянству, требует колонизаторского элемента, способного повести на новых местах этот вид хозяйства и примером приучить к нему и местное население, где оно уже есть. Такой элемент есть налицо. В Вологодском и Кадниковском уездах давно уже развивается маслоделие и весьма удачное сыроварение, дающее даже экспорт²⁾; в самые последние годы эти промыслы перекинулись и в Ярославскую губернию, где (например, в Мологском уезде) население, познакомившись на кооперативных предприятиях с сыроварением, сейчас принялось за него и для своей домашней потребности. При весьма большом земельном голоде в последней из названных губерний легко ждать охотного переселения отсюда на Север, лишь бы были созданы для этого удобные условия.

В 1899—1901 г.г. инспектор лесного департамента, О. В. Маркграф, был командирован в Архангельскую губернию для выяснения количества земель, пригодных для заселения, из числа ведаемых лесным департаментом. В одном лишь Архангельском уезде он определил количество таких земель, вполне пригодных и могущих без ущерба для лесного хозяйства отойти под земледелие и скотоводство, 1.304.724 дес.³⁾. Архангельскую губернию О. В. Маркграф считает естественной зоной для молочного хозяйства и предсказывает ему блестящую будущность.

Все это не должно нас удивлять. При гораздо худших почвенных условиях Финляндия вывозила (1907 г.) молочных продуктов на 36,6 миллионов марок, что составляло 15% стоимости ее экспорта; а, между тем, здесь нет ни пожней, ни холмогорского скота, дающего удои до 280 пудов молока в год (при жирности его в 3,62%).

¹⁾ Записка Уральско-Беломорской жел. дор., стр. 15.

²⁾ В Бельгию в 1910 г. было ввезено на 439 тыс. франков русских сыров., (См. „Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера“, 1911 г. № 19, стр. 617).

³⁾ Другой автор, один из участников Виттевского „Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности“ 1902—1903 г., исчисляет это количество для всей Архангельской губернии в 12—15 милл. десятин.

См. А. Норд-Вест (псевдоним). К вопросу о заселении Архангельской губернии, Архангельск, 1907 г.

В Пуустозерской волости, насчитывавшей при обследовании ее доктором С. В. Мартыновым 489 дворов, насчитывалось 1.338 коров и 1.045 овец, т.-е. по 3 коровы и по 2 овцы на двор. Фритиоф Нансен, в 1913 г. проехавший через Карское море в Енисей, уже на 70°⁵¹ северной широты, в селе Караульном, увидел коров и „пастбище хоть куда“, с сочной травой. „Право,—пишет он,—это совсем не похоже на ту ледяную Сибирь, о которой я столько читал“¹⁾.

Автор цитированной выше работы о заселении Архангельской губернии исчисляет, что количество ежегодно гибнущих зря покосов на заливных лугах бассейнов Мезени и Пинеги дало бы до 60.000.000 р. золотом при использовании их для маслоделия. Подобный же расчет, сделанный для средней и нижней Печеры, дает свыше 100.000.000 р. золотом²⁾.

Партия по исследованию р. Печоры нашла на р. Усе (правый приток Печоры, текущий приблизительно по полярному кругу) до 20 маслобых заводчиков, возникших безо всякого вмешательства и поддержки с правительственной или земской стороны. Этот факт достаточно говорит за полную осуществимость рентабельного маслоделия в приполярных окраинах, не говоря уже о Вологодско-Вятском районе. С другой же стороны, чрезвычайная устойчивость цен на масло на мировом рынке, а также возможность получения дохода в виде ежемесячных поступлений и при том в виде денег, представляют весьма ценные стороны сенно-молочного хозяйства для пионеров колонизации Севера. Важно еще и то, что при сенно-молочном хозяйстве земля менее, чем при каком-либо ином виде хозяйства, должна находиться под паром; это чрезвычайно ценно для переселенцев, которые будут селиться среди еще мало разреженных лесных массивов.

Я еще раз оговариваюсь, что все приведенные доводы и соображения отнюдь не имеют в виду убедить в необходимости сельскохозяйственной колонизации края. Зерновое хозяйство Севера не прокормит; нашей целью было лишь указать, что некоторое хлебное подспорье переселенец найдет и на месте.

Иное дело—не зерновое, а сенно-молочное хозяйство. Есть много оснований думать, что оно могло бы быть и основным источником средств существования колонистов. Но хотя до последнего времени и считалось, что лесное дело—наиневыгоднейший вид использования земель, однако, страна не может обойтись без леса, и потому лесостребление, необходимое для скотоводческой колонизации Севера, допущено быть не может. Поэтому и сенно-молочное хозяйство, как бы оно не представлялось здесь осуществимым и выгодным, должно допускаться лишь в виде вспомогательной статьи местного народного хозяйства. И если мы остановимся на его возможности, то опять-таки лишь для того, чтобы указать на наличие местного фонда пропитания того населения, которое должно быть призвано на Север.

Чтобы покончить с пищевыми фондами Севера, упомянем еще о рыбе. Рыбные промыслы издавна существуют на океанском побережье, но если русские власти считали себя обязанными, как умели, помогать русскому землепашцу, то по отношению ловецкого населения

¹⁾ Ф. Нансен. В страну будущего. Стр. 282.

²⁾ Пожни тянутся здесь на протяжении свыше 500 верст, ширина полосы их доходит до 12 верст в каждую сторону (оба берега низменные). Приняв урожай сена в 150 пуд. на десятину (в то время, как в Канаде собирают по 260 пуд. клевера или по 365 пуд. люцерны) и считая, что пуд сена дает 1 ф. масла, получим указанный итог при цене масла на внешнем рынке в 20 р. золотом за пуд.

северных морских вод отношение было такое, как к иностранным подданным. Неудивительно поэтому, что никакой, сколько-нибудь достоверной, правительственной статистики о рыбном промысле на Севере у нас не имеется. Частные же источники дают случайные и нередко противоречащие друг другу данные.

А. А. Жилинский¹⁾, не указывая источника, дает цифры улова за несколько отдельных лет для всей Архангельской губ. (за исключением Мурманского промысла):

	1903 г. (в пудах).	1908 г. (в пудах).	1913 г. (в пудах).	1913 г. (в пудах).
Семги	16.373	49.030	41.229	43.740
Сельдей	153.844	56.083	192.136	98.529
Наваги	62.295	101.410	78.515	72.958
Камбалы	—	—	7.814	—
Речной и озер. рыбы.	62.391	106.096	322.213	117.088

и отдельно для
Мурманск. промысла:

Трески	154.454	275.500	383.689	169.767
Сайды	—	1.600	1.800	314
Пикши	90.169	18.660	136.985	91.505
Палтуса	4.420	819	1.150	861
Зубатки	5.274	2.450	6.374	1.516

В приведенной таблице вовсе не показано улова семги по Мурманскому берегу. Между тем, по сведениям Управления Мурманской жел. дороги в 1913 г. семги на Мурмане было выловлено 14.362 пуда (на сумму 181.600 р.). Не показаны также уловы сельдей, а для прочего побережья показаны в меньшем размере, чем считает Управление жел. дороги (200—300 тысяч пудов?). Таких разногласий или неполнот о рыбном деле на Севере в литературе можно найти сколько угодно.

Цифры, приведенные до сих пор, производят на первый взгляд невыгодное впечатление. Но надо принять во внимание, что местное население чрезвычайно мало. В 1913 г. население Мурманского берега составляло лишь 3.340 человек. Приняв это во внимание, получим от одной семги доход 60 р. на душу. Одной сельди на душу населения получается около 80 пудов в год. При увеличении заселения края число это возрастет во много раз. Если русской рыбы из океана мало ввозится на внутренний рынок, то это объясняется не отсутствием ее в Океане. Иностранцы именно в наших водах собирают громадные уловы. Вот, напр., сведения о посещениях английскими траулерами наших северно-океанских рыболовных районов²⁾.

1906 г.	41 рейс — добыто рыбы	140.524 пуд.
1907 „	76 „ „ „	282.810 „
1908 „	116 „ „ „	439.385 „
1909 „	215 „ „ „	1.045.930 „
1910 „	215 „ „ „	1.007.194 „
1911 „	306 „ „ „	1.157.766 „
1912 „	215 „ „ „	652.981 „

¹⁾ Цит. соч., стр. 206.

²⁾ А. А. Жилинский. Цит. соч., стр. 216.

Не менее того вылавливается русской рыбы и норвежскими рыбопромышленниками; это особенно важно для нас потому, что значительная часть этой рыбы ввозится под наименованием норвежской обратно в Россию же. Размеры ввоза сельди из Норвегии в Архангельск за последние годы перед войной таковы ¹⁾:

1900 г.	93.975 пуд.
1901 „	248.500 „
1902 „	163.000 „
1903 „	590.000 „
1904 „	1.046.536 „
1905 „	1.228.992 „
1906 „	166.500 „
1907 „	196.851 „
1908 „	310.471 „
1911 „	269.139 „
1912 „	173.900 „
1913 „	576.370 „

Как видно из этой таблицы, с 1906 г. ввоз „норвежской“ сельди сильно упал. Это явилось результатом введения высокой ввозной пошлины на нее. Но эта мера не подняла наших северных рыбных промыслов, а лишь создала некоторое вздорожание рыбы на внутреннем рынке. Что касается ввоза сельди из-за границы по всем границам, то он в 1913 году составил около 17 миллионов пудов. Если не все это количество, то значительная его часть может быть выловлена нами в океане, а для этого нужны совсем не таможенные меры, а другие средства. Надо, чтобы были созданы удобные условия прибытия к весеннему лову пришлых (а таких большинство) ловцов, необходимо создание крупных предприятий с траулерами вместо шняков и елов; необходимо устройство консервных заводов, а на первое время хотя бы холодильников на самом месте лова; наконец, снабжение Мурманской и Архангельской жел. дор. достаточным числом вагонов-ледников. Самостоятельного железного пути к центральным рынкам просит и другой район (главным образом богатый навагой)—это ловецкий район Чешской губы.

Рыбные промыслы наших дней есть величина скромная; но рыбные фонды Океана могут прокормить гораздо большее количество населения, чем то, которое сейчас им занято: кроме того, использование этих фондов диктуется сильнейшим истощением пищевых ресурсов страны, за время войны и революции, в особенности—жировым голодом. Вместе с маслоделанием наши северные рыбные промыслы создадут крупный жировой источник, но при этом рыбное дело выгодно отличается от маслоделия тем, что требует меньшего количества людей и меньших первоначальных затрат.

Здесь не место производить подробные подсчеты пищевых ресурсов Севера как наличных (из коих еще не упомянули оленеводство), так и могущих быть развитыми. Нашей задачей было лишь напомнить о наличии этих ресурсов, о которых забывают, когда идет речь о возрождении русского Севера в промышленном отношении ²⁾.

¹⁾ А. А. Жилинский. Цит. соч. стр. 213

²⁾ Солидный пищевой фонд Север имеет в оленеводстве. В одном Печорском уезде до войны насчитывалось около 500.000 голов оленей и ежегодно убивалось около 100.000 голов.

Здесь уместно указать, что пример Америки показывает возможность сильно увеличить эти цифры. Агент нашего Г. У. З и З. в Соед. Штатах, Ф. Крышто-

Мы не можем сомневаться в том, что рабочая сила, привлеченная с какой бы то ни было целью на Север России, найдет достаточное количество пищевых средств для своего прокормления на месте. При развитии-же здесь промышленной жизни, когда потребуются большая дифференциация занятий, из среды переселенцев смогут выделиться и совершенно независимые группы, всецело отдающие свой труд производству пищевых продуктов. И если сейчас можно говорить только о промышленной колонизации Севера, то о будущем гадать еще рано; быть может, настанет время, когда мясные, молочные и рыбные ресурсы Севера привлекут к нему не меньшее внимание, чем сейчас привлекает главнейшее видимое его богатство—лес.

III.

Главное богатство русского Севера—лес и препятствия к его использованию.

По грубому подсчету, леса России занимают площадь около 700 миллионов дес. Эта площадь равна двум третям площади всей Европы и четвертой части площади всех лесов мира.

Что касается получения дохода от своих лесов, то в этом отношении Россия едва-ли не стоит на последнем месте.

Из Европейских стран имеют лесной площади:

Европейская Россия—105 миллионов дес., (по другим данным—148 миллионов дес.).

Австро-Венгрия—(до войны)—21 миллион дес.

Финляндия—20 миллионов дес.

Швеция—20 миллионов дес.

Норвегия—6,7 миллионов дес.

Румыния—2,7 миллионов дес.

При этом от вывоза своего леса Россия имела доходу 110 миллионов руб. в год, т.-е. почти столько-же, сколько и Австрия—(252 миллиона крон=100,8 миллионов руб.).

Проф. М. Е. Ткаченко¹⁾ приводит еще более разительное сопоставление двух цифр. Цифру дохода России в 1913 г. от вывоза леса за границу он определяет в 165 миллионов руб., а доход русского населения от сбора грибов и ягод—в 200 миллионов руб.

Быть может, последняя цифра преувеличена, так как трудно представить, чтобы грибы и ягоды давали доход в 1 руб. 33 коп., на душу населения. Но даже, если эту цифру уменьшить втрое, то окажется что от продажи своих лесов Россия зарабатывала лишь вдвое больше, чем от своих грибов и ягод.

Между тем, количества отпускаемого леса вовсе не малые: в 1901 г. вывезено из России 775 тысяч стандартов, а в 1909 г. уже 1.234 тысячи стандартов. Одновременно с Россией увеличили вывоз леса также

вович, сообщает, что в Аляске в 1902 г. оленей было 4 975. В 1910 г. их число доведено до 26.000, т.-е. увеличение их числа за эти годы равно 500%. При этом олени в Аляску впервые были привезены из России, по инициативе американцев сумевших учесть значение их искусственного разведения. („Изв. Архангельского Общества изучения русского Севера. 1911 г., № 7, стр. 539—540).

¹⁾ „Леса России“, М. Е. Ткаченко, проф. Петроградского Лесного Института. Ленинградского издательства М. и С. Сабашниковых. 1922 г., стр. 32.

(Комиссия по изучению естественного производ. сил России, состоящих при Российской Академии Наук. Цикл изданий „Богатства России“).

и С. Штаты Сев. Америки, прочие-же крупные поставщики леса сократили свой отпуск, как видно из следующей таблицы.

	1901 г.	1909 г.
С.-А. С.-Штаты	577 тысяч стерлингов.	775 тысяч стерлингов.
Швеция.	905 " "	728 " "
Норвегия.	221 " "	193 " "
Канада.	801 " "	706 " "

Сокращение это объясняется значительным истреблением лесов, причем в Швеции и Норвегии давно уже (с 1880-х годов) отпуск леса превышает годовой прирост древесины¹⁾. В 1903 г. Швеция ввела лесоохранительный закон. Кажется, нельзя сказать, что действие его парализовало дефицит древесного бюджета страны; но во всяком случае скандинавские страны за последние годы предпочитают расходовать свою древесину на производство целлюлозы и даже начали ввозить извне (главным образом из России и Финляндии) лес для этого производства. Таким образом леса России становятся единственным в Европе поставщиком древесины на европейский же рынок; а вскоре, когда американские страны прекратят свой отпуск леса в Европу, русские леса станут в Европе монопольным поставщиком.

В свою очередь и русские леса необходимо разделить на группы. Кавказский район, весьма небогатый сравнительно (7 миллионов дес., лесной площади) естественно может снабжать лишь рынки, тяготеющие к Черному и Средиземному морям. То же самое можно сказать о Днепро-Днестровском районе. Приволжские районы удовлетворяют лишь потребности внутреннего рынка. Сибирские леса, лишенные населения и путей сообщения, кроме рек, выводящих к пока еще фактически не проезжей части океана, тем самым исключаются из районов возможного экспорта. Два железнодорожных проекта (Обь-Беломорская железная дорога и Обь-Котлас-Сороцкая), о которых будем говорить ниже, ставили вопрос о железнодорожной доставке сибирского леса к свободно проходимым частям океана, но оба они требуют от страны жертв, ценность которых делает проблематичной выгоды сибирского лесного экспорта.

Единственные леса, возможность экспорта из коих не возбуждает никаких сомнений, это—леса Севера Европейской России.

Абсолютные цифры количества этих лесов расходятся у различных авторов, при чем разница доходит до 50%. Даже цифры казенной статистики дают значительную расходимость. Объясняется это полной неисследованностью лесов Севера, к изучению коих лесное ведомство приступило лишь в 1890-х годах; затем неустойчивостью понятий „удобная лесная площадь“ и в еще большей степени—„товарный“ и „нетоварный“ лес. Во всяком случае, примерно, можно считать площадь лесов Севера Европейской России равной свыше 60.000.000 дес.

Качество этих лесов весьма различно. Самый состав насаждений неодинаков на этой обширной территории. Западная часть района, являющаяся продолжением Фенно-Скандинавии, обладает свойственными последней чистыми сосновыми борами. Бассейн Печоры даст преобладание ели²⁾, в середине между этими областями лежит бассейн Сев. Двины с лесом промежуточного состава.

¹⁾ Проф. Н. А. Филиппов. Лесной рынок Великобритании, стр. 241 и след.

²⁾ Ель преобладает на 48, 76% исследованной площади, сосна—на 22, 33% се. См. Иогансон. Краткий очерк Печорского края. Издание Управления Внутренних Водных Путей СПб., 1913 г., стр. 18 19.

По более поздним сведениям (М. Е. Ткаченко) ель преобладает здесь на 62% площади, сосна на 28%.

Глубокими клиньями врезаются с востока в массивы лесов Европейского Севера России границы распространения примешанных к основным породам леса сибирских хвойных пород. Глубже всех врезаются границы лиственницы, доходящая до водораздела Онеги и Выга; в широтном направлении эта граница доходит почти до океана. Граница пихты доходит до водораздела Сев. Двины и Онеги, а в широтном направлении до верховьев Пинеги и Печоры. Наконец, кедр ограничен с запада водоразделом Ижмы и Выми, а с севера—65-ой параллелью.

Весьма различны качества леса и в пределах распространения одной породы. Более южные части района дают достижение лесом полной товарной зрелости (а следовательно, и оборот рубки) в 100 и даже 80 лет, тогда как на крайнем Севере этот период повышается до 120, 150 и даже 200 лет¹⁾.

Медленный рост леса на Севере приводит к отложению весьма узких годовичных слоев древесины; это придает северному лесу высокие механические свойства, компенсирующие длительный оборот лесного хозяйства.

Наибольшей крепостью обладает сосновый лес, идущий на рынок в качестве строительного и, отчасти, судостроительного материала, а также на шпалы. Ель долгое время отвергалась потребителями лесного товара. Еще в 1880-х годах цена на ель равнялась лишь 50% цены на сосну; но сейчас эти цены почти сравнялись: этому способствовало отчасти меньшее истощение еловых лесов, а отчасти высшие, против ожидаемых, качества ели по последним данным опыта, в частности над шпалами. Если принять во внимание, что шпал русской ж.-д. сети требуется в год около 30 миллионов штук, то, очевидно, каким облегчением явилось открытие пригодности ели для применения на шпалы. При этом надо еще иметь в виду, что удельный вес ели на 2% ниже удельного веса сосны, что при массовой перевозке шпал на дороги обезлесенного юга дает уже существенную экономию.

Кроме строительного применения, ель идет на производство целлюлозы и бумаги. До войны Россия ввозила бумаги из-за границы на сумму до 40 миллионов рублей. Теперь это явление продолжается, и спрос России удовлетворяется, главным образом, финляндской бумагой. Отсюда видны широкие перспективы для развития механической и химической обработки лесов нашего Севера в связи с необходимостью, ради улучшения нашего расчетного баланса, избегать, где только возможно, импорта иностранного товара. Наконец, ель оказывается ценной даже при производстве музыкальных инструментов. Фабрика роялей Дидерихса с блестящим успехом применяла ель для изготовления фортепьянных резонансовых дек.

Лиственница, как в силу своего высокосмолистого состава, так и в силу высокого удельного веса, ценится в судостроении, в подводных сооружениях, идет и на шпалы.

Прочие хвойные породы (пихта, кедр) строительных и промышленных применений пока себе не находят.

¹⁾ В Печорском бассейне сосна, достигнув в 300-летнем возрасте 8-вершкового диаметра на высоте груди, продолжает расти. К возрасту около 300 лет (в среднем 297) она достигает 10-вершкового диаметра. Впрочем, увеличение роста и диаметра свыше определенных размеров, вообще говоря, не увеличивает ценности леса, нередко сопровождаясь различными фаунами.

В Сольвычегодском уезде 200-летние ели достигают 30 арш. высоты и 20 вершков в диаметре. В районе Мурманской ж. д. наиболее старый экземпляр сосны, найденный в последние годы, достиг возраста в 452 года.

Прежде чем говорить о необходимом направлении лесных богатств Севера, посмотрим, куда и как они шли в довоенное время. Вот таблица, характеризующая одну из сторон этого вопроса; она показывает, в % от общей суммы импорта леса в Великобританию, доли главнейших ее поставщиков¹⁾:

Рынки снабжения.	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.
Скандинавский	33	33	34	33	32	29	25	26
Северо-Американский . .	33	31	28	29	28	26	27	25
Русский	29	32	35	35	37	42	46	47

Доля русского импорта увеличилась за эти 8 лет на 62%, тогда как доля скандинавского упала более, чем на 21%, а американского более, чем на 24%. Но едва ли надо радоваться увеличивающейся роли русского леса на европейских рынках. Надо думать, что скандинавские страны, не только прекращающие отпук леса на внешние рынки, но начинающие ввозить к себе все тот же русский лес (для производства целлюлозы и разных химикалий), не прогадывают на этом, а выгадывают. Между тем, для северной нашей лесопромышленности единственным импульсом к деятельности всегда являлся экспорт.

Дело доходило до таких странностей, что лесопромышленники, когда поднимался вопрос о соединении каналом Печоры с С. Двиной, утверждали наличие несметных лесных богатств в бассейне Печоры; когда же поднимался вопрос о соединении той-же Печоры с Камой (что направило бы значительную долю печорского леса на внутренний рынок), те же самые лица заявляли, что печорские леса никакой ценности не представляют²⁾.

Ошибки, вроде указанной, весьма показательны. Они ясно характеризуют беспомощно-пессимистическое отношение нашего лесопромышленного мира к нашему лесу. Дальше плана проложить десятиверстную лесовозную тропу к реке, свалить по ней прибрежный лесок в воду и сплавить (лучше всего — к экспортному порту) мечты этих деятелей и не простирались.

Печальные экономические итоги последних лет русской жизни вызвали небывалый интерес к лесным богатствам России. В них видят фонд для покрытия как нашей задолженности, так и разорения народного хозяйства войной и революцией. Нет сомнения, что теперь придется бороться уж не с прежней беспомощностью, а наоборот — со слишком стремительной энергией в области лесоистребления. Вот почему интересно, хотя бы самым грубейшим образом, подсчитать „древесинный бюджет“ нашего Севера, на который прежде всего и обрушится натиск лесоистребителей.

Приняв, как и выше, площадь лесов Севера в 60.000.000 десятин и, по норвежским данным, совпадающим с данными Лесного Депар-

1) „Лесопромышленный Вестник“, 1911 г, № 3 — статья „Ввозная лесная торговля Великобритании за 1910 г.“

2) Какие ошибки делаются сознательно и бессознательно в определении наличия лесных богатств на Севере, можно усмотреть из примера, которым я пытался иллюстрировать этот вопрос в своей статье „Печорский лес“ („Сельское хозяйство и Пути сообщения“, 1923, № 9--12).

тамента, для лесов Архангельской губернии годичный прирост леса на десятину в 75 куб. фут., получим годичный прирост в сем северном районе в 4.500.000.000 куб. футов, или около 13.000.000 куб. саж.

Население северного района (Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Костромская, Ярославская, Олонецкая, Череповецкая и Ленинградская губ.) равно, примерно, около 13-же миллионов душ.

Таким образом, годовой прирост леса, приходящийся на душу населения, равен одной кубической сажени.

Потребность (в Северном районе) в древесине исчисляется (В. Мальков) в $\frac{1}{2}$ куб. саж. на душу в год. Таким образом, только половина прироста могла бы использоваться для экспорта, и при том при двух условиях;

1) предоставления центра и юга России своим собственным лесным ресурсам

и 2) полной эксплуатации всех лесов Севера.

Если первое из этих двух условий до известной степени выполнимо (юг России обладает душевой потребностью в древесине всего лишь в $\frac{1}{10}$ куб. саж. в год и давно привык заменять древесину другими материалами как для строительных нужд, так и для топлива), то второе условие чрезвычайно далеко от осуществления.

К первоначальным работам по выяснению размера и качества северных лесов Лесное ведомство приступило лишь в 1894 г. Как шла работа по их обследованию и устройству, видно из следующих цифр ¹⁾,

В 1905 г. исследованными считались	6.347.000 дес.	(10% площади района)
„ устроенными	„ 384.000	„ (0,5% пл. р.)
В 1913 г. исследованными	„ 18.154.000	„ (30% пл. р.)
„ устроенными	„ 2.473.000	„ (4% пл. р.)

За 20 лет работы удалось, таким образом, осветить кое-как 30% площади. Кое-как, так как обследование в большинстве случаев шло не сплошное, а полосами, главным образом, вдоль речных берегов. При таком темпе работ одно приведение в известность северных лесов угрожало бы занять лет 70 или, по крайней мере, пол-века, а устройство в них хозяйства — чуть ли не пять веков.

Но и в „устроенных“ лесах Севера ведется далеко не интенсивное хозяйство. Специальный лесной Комитет Лесного Департамента определил средний годичный прирост на Севере в 74 куб. фут. с десятины для насаждений среднего качества. Но возьмем даже не эту цифру, а ту, которая дана им для насаждений худшего качества — 55 куб. фут. с десятины. Посмотрим-же, какая доля этого прироста фактически отпускается из северных лесничеств.

Лесничества Архангельск. района отпускают	12 к. ф.	(22% прироста).
Лесные дачи, тяготеющие к Онеге	„ 8 к. ф.	(14,5% прир.).
„ примыкающие к зап. портам		
Белого моря	5,5 к. ф.	(10% прир.).
„ Кольского района	„ 3 к. ф.	(5,5% прир.).
„ Мезенского района	„ 2 к. ф.	(3,5% прир.).
„ Печорского района	„ 1 к. ф.	(1,5% прир.).

¹⁾ Журнал заседаний особого Межведомственного Совещания по выработке плана железнодорожного строительства на предстоящее пятилетие 1917 — 1922 г. под председательством тов. мин. Путей Сообщения И. Н. Борисова. Заседание 3 мая 1916 г. Доклад председателя Лесного ведомства Н. А. Маркова (стр. 45—52).

Но гниет не только назначенный к отпуску лет; гниет на корню и „неустроенный“, а тем более—необследованный, пока еще преобладающий. И в этом гниении народного достояния трудно винить лесоустроителей: слишком трудно работать, имея перед собой протяжения, измеримые тысячами верст, площади, измеримые миллионами квадратных верст, перерезанные только спящими водами рек. Лесничему, а тем более лесному таксатору, приходится работать в условиях, в которых действовали герои и подчас мученики науки—Ливингстоны, Пржевальские, Свены Гедины, Нансены, а героизма нельзя требовать от рядовых работников. Только тогда, когда магический жезл инженерного гения проложит свои животворящие пути сквозь эту стихию, сможет и лесничий прокладывать свои просеки и лесовозные зимники, опираясь на готовое уже жилье около стальной колеи, по которой из обжитой страны к нему потянутся подкрепления и людские, и материальные.

Одна и та же причина—бездорожье—препятствует развитию на Севере и сельского хозяйства, и рыболовства, и лесного дела, и горного. Нет надобности рассматривать подробнее влияние бездорожья на все виды народного хозяйства; любая инициатива на Севере упирается в это роковое препятствие.

IV.

Обзор дорожного строительства на Севере России до революции.

История путей сообщения на Севере весьма не сложна. Здесь не приходится начинать с предполагаемых доисторических путей; в сущности, в области путей сообщения Север, пожалуй, и сейчас еще переживает доисторический период.

Водные пути сообщения до сего времени и здесь являются почти исключительным средством транспорта. Вмешательство человека в первобытный ландшафт местности выразилось здесь в отношении транспорта, главным образом, в стремлении связать между собой водные бассейны.

За XIX столетие можно насчитать около 15 проектов искусственных водных путей, имевших целью соединить Белое море с Балтийским, Каспийским и с бассейном р. Оби. По трем из этих 15 предложений были произведены изыскания; в одном случае были после изысканий отпущены и кредиты на работы, но осуществления их не последовало ¹⁾.

Исключениями явились два канала: 1) Северо-Екатерининский, соорудившийся с 1785 г. до 1822 г., т. е. со скоростью 218 сажень в год, так как длина его—16 верст; этот канал, соединяющий бассейны Вычегды и Камы через посредство р.р. Северной и Южной Кельтмы, просуществовал без всякого технического надзора 15 лет, и в 1837 г., в ответ на ходатайство местных жителей о его расчистке и поддержании, закрыт царским повелением; 2) канал герцога Александра Виртембергского, соединяющий р. Шексну с озером Кубенским, а через него—с р. Сухоной. Канал построен в 1825—28 г.г. и сейчас находится в довольно жалком состоянии.

Наступившая с появлением железных дорог новая эра отразилась и на судьбах Севера. В 1857 г. инженер Ободовский предложил соеди-

¹⁾ О проектах искусственных водных путей см. инж. Завадский. „Сборн. предположений и проектов по улучшению водных путей Империи“. СПб. 1884 г.

нить железной дорогой (длиной 286 вер.) бассейн Волги и Северной Двины, от г. Великого Устюга через г. Никольск до р. Унжи.

И округ путей сообщения нашел цели проекта достижимыми лишь в отдаленном будущем. Соглашаясь с этим, министр путей сообщения Чевкин приказал оставить проект без последствий, „похвалив Ободовского за благонамеренность труда“.

В 1876 г. некий бельгийский подданный В. Фюсно выступил с предложением ряда каналов, соединяющих реки бассейна Волги с реками бассейна Мезени и С. Двины, главным образом, имея в виду интересы казенной лесной промышленности. На это предложение Мин. Пут. Сообщения ответило, что дело не получит никакого (sic!) движения, пока Фюсно не представит двух дополнительных гербовых марок 40-копеечного достоинства. Фюсно доставил их, но „дальнейшего хода не видно“, как меланхолически сообщает в 1884 г. официальный министерский историк ¹⁾. Доход от гербовых марок, очевидно, более соблазнял тогдашних руководителей государственной экономики, чем проблематический доход от лесов Севера.

В 1871 г. крестьянин Архангельской губ., В. Воробьев, предложил железную дорогу от г. Вытегры до г. Онеги, протяженнем 334 версты. Изыскания были произведены в 1872 г., но дальнейшего движения проект не получил.

Вскоре после этого некий ст. сов. Больман предложил постройку конно-железнодорожной линии от г. Повенца до г. Кемь, а затем — до Мурманского берега. Судьба этого проекта не известна.

В 1894 году мы видим уже существование специальной комиссии по проведению железных дорог на Севере. В ней, между прочим, рассматривался вопрос о проведении жел. дор. на Мурман. Направление дороги определено не намечалось, а лишь обсуждалось. Вследствие намеченной постройки линии Москва — Архангельск решено было вопрос о Мурманской дороге отложить.

В 1899 году построена была железная дорога, которая врезалась в русской Север. Это была первая линия Вятка—Котлас. Необходимо тут же отметить, что мотивы постройки этой дороги были далеки как от колонизации Севера, так и от использования его богатства. Дорога имела исключительно транзитные задачи по доставке сибирского хлеба через Архангельск на заграничный рынок.

В 1894 году Петербургская городская дума и Олонецкое губернское земство возбуждают вопрос о железной дороге Петербург—Мурман.

В 1895 году начались изыскания жел. дор. Петербург—Петрозаводск. Постройка не состоялась, так как, по мнению правительства на очереди стояла постройка более важных жел. дор.

В 1898 году построена железная дорога Москва—Ярославль—Архангельск. Это первая железнодорожная магистраль, пересекавшая весь Север Европейской России. Нельзя не подивиться близорукому непониманию значения этого Севера, выразившегося в том, что дорогу построили узкоколейной. Впрочем, такая же ошибка едва не была сделана по отношению к Сибирской жел. дор., когда известный уральский горнопромышленный деятель С. Д. Белов едва убедил С. Ю. Витте строить дорогу ширококолейной, но не смог убедить его в необходимости строить ее сразу же в два пути. Значение двухколейности для такой магистрали усвоено было лишь после печального опыта русско-японской войны. Точно также поняли, что Архангельская линия

¹⁾ Инж. К. Завадский, цит. соч., стр. 34—36.

должна быть ширококолейной, лишь в разгаре последней германской войны, когда мы оказались отрезанными от балтийского морского пути, а по Архангельской линии плелись поезда узкоколейного паровичка.

В 1903 году состоялось царское повеление соорудить железную дорогу от Петрозаводска до одной из станций строившейся линии Петербург—Вятка. Но и эта постройка не осуществилась вследствие разразившейся японской войны.

В 1906 году закончена была магистраль Петербург—Вятка, являющаяся и до наших дней главнейшей артерией Севера и опорной базой, от которой могут отходить линии будущей северной сети.

Начало XX столетия, характеризующееся значительным оживлением железнодорожного строительства, отмечено и тенденцией внести стройность и планомерность в это строительство. Правда, еще в 1866 году Александр II утвердил некий „план общей железнодорожной сети Империи“, но план этот планом и остался; строительство фактически развивалось независимо от этого, да и вообще какого-либо плана; в 1896 году учреждена была „Комиссия о новых дорогах“, но плановой работы она не создала. Позднее, одно за другим, работали три специальных совещания. Первое из них—межведомственное Совещание по выработке плана железнодорожных изысканий под председательством инж. О. А. Струве (1909—1910)—уделило внимание Северу, предложив линию от станции Званка через Вытегру, Каргополь до станции Няндомы на Архангельской линии Северных жел. дор., с ветвью на Петрозаводск и с дальнейшим продолжением этой ветви на Север.

Второе совещание,—Особая Высшая Комиссия для всестороннего исследования жел. дор. дела в России, под председательством инж.—ген. Петрова,—также занималось программной работой и уделило Северу линию Москва—Петрозаводск и, далее, до Мурмана.

Оба последние предложения не вызвали, впрочем, даже и изысканий.

Независимо от общих планов строительства по инициативе частного общества разрешена и начата была постройка Олонецкой жел. дор. от Званки до Петрозаводска (1913).

Одновременно с этими проектами возникают и другие, относящиеся к восточной части Севера Европейской России: Камо-Печорский и Обь-Беломорский проекты (1911 год).

В апреле 1914 года автором настоящей работы были предложены железные дороги: 1) Котлас—Шенкурск—Онега—Сумской посад—Кемь—Мурманск и 2) Сумской посад—Пудож—Вытегра—Череповец—Москва, с ветвями к гор. Повенцу и Белозерску, общим протяжением 2.165 верст.

17 июня 1914 года разрешены были изыскания, но через месяц вспыхнула германская война, задержавшая приступ к изысканиям, а 20 октября правительство постановило построить Мурманскую дорогу средствами и распоряжением казны, при чем трасса линии была выбрана не на Пудож и Москву, а по западному берегу Онежского озера, через Петрозаводск, с выходом к Петрограду.

Мурманская дорога была последней, построенной при старом режиме. Только к концу своего существования этот режим решил преодолеть свое предубеждение против Севера и, как бы нехотя, почти против воли, собрался подойти к единственному, на всем протяжении империи, незамерзающему порту. Факт, который—совершенно

он двумя-тремя десятилетиями раньше—сделал бы эту империю величайшей в мире морской державой, совершился слишком поздно.

Так или иначе, Мурманская дорога была, наконец, построена. Русская власть и русское общество смогли, наконец, убедиться воочию, в существовании незамерзающего моря на крайнем Севере и в произрастании на его берегах огородных растений и, даже, хлебных злаков. Предразсудок должен был умереть,—он и умер.

В это время (1916 году) начало свою работу последнее из трех упомянутых плановых совещаний. Это было Особое Межведомственное Совещание по выработке плана железнодорожного строительства на предстоящее пятилетие 1917—1922 г.г. под председательством тов. мин. Пут. Сообщения И. Н. Борисова. Оно начало свою работу весной 1916 года, и имело в первой своей сессии 14 заседаний, после чего работы были прерваны для ознакомления с ними общественных и ученых учреждений; в ноябре 1916 года оно вновь имело 4 заседания, уже с участием представителей этих учреждений, при чем вся рассмотренная ранее программа была вновь пересмотрена. 7 ноября работа Совещания была закончена и затем должна была быть внесена на рассмотрение законодательных палат. Через 16 недель после этого произошла революция, и нам потому то особенно и интересно знать соображения, высказанные в этом Совещании, что это последние, предсмертные соображения.

Всех линий, рассмотренных Совещанием, было 67, протяжением около 30.000 верст линий первой очереди, т.е. намеченных к постройке в первое пятилетие 1917—1922 года, затем около 13.000 верст второй очереди (второе пятилетие) и около 6.000 верст линий последующих очередей, а всего около 50.000 верст.

Из этой программы выделим те линии, которые можно считать северными. Условимся относить сюда линии, укладываемые к северу от магистрали Петроград—Вологда—Вятка—Пермь—Тюмень, и сюда же, в виде исключения, прибавим линию, оканчивающуюся в Москве, именно Москва—Мурман. Под это определение подойдут 7 линий протяжением 5.388 верст; из них одобрены 6 линий, а именно:

а) в первую очередь намечены линии:

1. Котлас—Сорока протяжением	800 верст.
2. Котлас—Вытегра—Свирь протяжением	750 "
3. Котлас—Самаровское (на р. Оби) протяжением.	1.200 "
4. Важины—Финляндск. граница	110 "

Итого в первую очередь . . . . . 2.860 верст.

б) во вторую очередь:

5. Обь—Беломорская линия протяжением	1.500 "
6. Котлас—Пермь	700 "

Итого во вторую очередь . . . . . 2.200 верст.

Наконец, 7-ая линия (Москва—Мурман) признана вовсе „нежелательной“ (точное выражение резолюции Совещания).

Итак, из 50.000-верстной программы отпущено на долю Севера 5.060 верст, т.е. 10%, из коих неотложными признаны 2.860 верст, т.е. 5,7% программы.

Такое было последнее слово старого режима о северном строительстве. С точки зрения этого режима Север был и остался территорией—балластом, создававшей лишь статьи расхода. Даже тогда, когда

жизнь (если войну можно назвать элементом жизни) заставила понять, что свободный океан может пригодиться, — даже и тогда николаевское правительство все то, что находилось между столицей и этим выходом, считало лишь за досадное препятствие к скорой доставке английских боевых припасов на фронт; даже и тогда оно считало, что не стоит оживлять края сетью дорог, ибо плотность населения края мала. Правительство, считавшее себя всемогущим, да и действительно обладавшее колоссальными — по нынешней нашей мерке — средствами, так и сошло с исторической сцены, не поняв, что плотность населения можно менять, и что на Севере эту плотность надо изменить, и именно путем планомерного дорожного строительства.

V.

Проекты и исследования путей сообщения на Севере России в наше время.

За годы революции предложено несколько проектов линий Архангельск-Усть-Цильма, Ухта - Чемашовская, Коноша-Усть-Цильма, Тотьма-Сорока, Котлас-Ухта и Обдорск - Печорская губа (с двумя вариантами: Обдорск-Хайпудырская губа и Обдорск-Индига). Однако, за исключением двух последних проектов, все эти линии представляют собою перемены старых мотивов Обь-Беломорской жел. дор. или „Великого Северного Пути“. Сколько автору известно, ни одна из этих линий не подкреплена изысканиями. Линии от Обдорска спроектированы в трех вариантах потому что, в трех указанных пунктах побережья предложены были изыскания глубоких портов; пока этих изысканий не произведено, мы получаем только три мечты обойти железной колеей негостеприимное Карское море.

Надо отметить, что изыскания портов на побережья Океана, далеко еще не законченные, привели уже к положительному результату. В бухте реки Индиги, при впадении ее в Чешскую губу, найдена естественная гавань, указанная, к слову сказать, еще в середине прошлого века адмиралом Крузенштерном. Бухта эта теперь обследована экспедицией инженера Ляхницкого, составившего затем и проект порта в ней. Пребывание в водах Чешской губы, ледокола „Соловей Будимирович“ в течение двух лет (1919 и 1920) установило с несомненностью, что замерзания в собственном смысле этого слова здесь вовсе не наблюдается; но около двух месяцев в году сюда наносит северо-восточным ветром торосный лед из других частей Океана, впрочем, легко проходимый ледоколами. Глубины бухты вполне достаточны для помещения в ней крупнейших океанских судов, и лишь выход из бухты в море имеет бар, впрочем, не обладающий склонностью к ежегодным перемещениям.

Открытие Индигской гавани сразу же вызвало к жизни проект жел. дороги от Петропавловска через Надеждинский завод на Ухту, Усть-Цильму и Индигу. Изыскания этой линии уже произведены инженером Н. П. Масловым в 1921 году. Эта дорога, давая кратчайший из всех возможных выходов к Океану для сибирских грузов, заслуживает самого серьезного сочувствия. Она дает сибирскому грузу бесперегрузочный путь к морю и в то же время путь настолько короткий, что на цену экспортируемого, например, хлеба он ляжет очень незначительным бременем. Транзитное значение дороги очевидно; в то же время Индига, повидимому, может сделаться крупнейшей

военно-морской базой, и тогда линия на Индигу получит и стратегическое значение; наконец, для всего северо-востока, в частности— для Печорского края эта линия, особенно в соединении с Камо-Печорской дорогой, будет играть огромную колонизационную роль.

Из предложенных за эти годы линий следует отметить еще одну, выдвигаемую местными деятелями Севера: линию Нижний Новгород - Тотьма - Архангельск. До Макарьева эта линия уже строится в виде ветви-линии Нижний-Котельнич; может быть, удачнее было бы закончить эту линию не в Архангельске, а в Мезени, слегка удлинив ее ради приобщения к сети еще одного порта, но во всяком случае следует отметить удачную мысль проведения меридианальной линии от такого крупного продовольственно - распределительного пункта, как Нижний.

О линии Ухга-Котлас трудно высказываться безотносительно к вопросу о сооружении „Великого Северного Пути“. При нынешнем соединении Котласа только с Вяткой, эта линия не может дать ни местного, ни транзитного груза и не окажет никакого влияния и на колонизацию, как не оказала его и существующая много лет линия Вятка-Котлас. Для колонизации нужны пути, прямо и непосредственно соединяющие колонизируемый район с обжитыми местностями. По зигзагообразному пути, намеченному неуверенной рукой, колонизация не пойдет. Если мы хотим колонизовать Север, то к пунктам, почему-либо намечаемым для заселения, надо вести пути прямо по меридиану и при том от таких пунктов, которые являлись бы солидной опорой.

Котлас, вся роль которого сейчас сводится к перегрузке убогих количеств груза с рельсового пути на воду, не годится для этой цели. Если верить в будущность Ухтинской нефти (а в нее можно верить) и если верить в леса Печоры (а в них нельзя не верить), то дорогу на Ухту надо вести не от безличного Котласа, а от Вятки и, может быть, даже от Казани. Такая линия сразу приобщает Ухтинскую нефть и Печорский лес к нуждающемуся в них обоим Волжскому бассейну: обратным грузом будет хлеб с Волги, и по этому оживленному пути легко и охотно двинется и волна колонизации.

Существующие линии Петроград-Мурман и Москва-Архангельск с прибавлением к ним линий Москва-Вытегра-Мурман, Нижний-Шенкурск-Мезень, Казань-Вятка-Ухта-Усть-Цильма и Пермь-Печора-Индига создали бы кисть из 5—6 меридианальных линий, совершенно достаточную на долгий срок для направления колонизационного потока на Север. Вопрос о пересечении этой кисти перпендикулярными широтными линиями есть вопрос второй, если не третьей очереди. Лишь осевшее, обжившееся население почувствует тяготение к однородным с ним элементам соседних колонизационных осей. В первой фазе колонизации понадобятся лишь короткие ответвления от меридианальных линий; смычка их—дело, автоматически решаемое временем. Гораздо важнее здесь постройка гужевых дорог от колонизационных осей железных дорог—в глубь колонизируемых полос.

Нередко встречаются мнения, склоняющиеся к компромиссному диагональному проектированию железных дорог на Севере России. Такие проекты выдвигаются друзьями Севера, но друзьями недооценивающими, во-первых, значения кратчайшего выхода к морю для Европейской России, а во-вторых—неверящими в доходность чистоевропейских северных магистралей. Предлагая линии, имеющие основной целью вывоз из Сибири тех или иных грузов к океанским

портам в обход Карского моря, они думают „попутно“ дать что-то и Северу Европейской России самым фактом пересечения его какими бы то ни было дорогами.

Так, например, инженер В. В. Сахаров в докладе, прочитанном в сентябре 1922 г., во Всероссийской Ассоциации Инженеров, предложил целую сеть дорог (общим протяжением в 28.175 верст); сюда вошло несколько линий из числа предложенных Особым Совещанием 1916 г., остальные же предложены впервые. Не все эти линии проведены по территории Севера, иные из них начинаются даже в глубинах Средней Азии; но общая и основная мысль доклада—что наибольшая часть русской территории должна тяготеть к Северному океану и в частности—к Архангельску. От Архангельска, по этому проекту, веером разойдутся линии, подвозящие к нему грузы из разных пунктов как Севера Европейской России, так и Сибири, и Туркестана.

Не останавливаясь на непонятном пренебрежении докладчика во всем предположенным и даже существующим портам Северного океана, кроме Архангельска, нельзя не увидеть в этом проекте полнейшего равнодушия к вопросу колонизации Севера. Можно бы было провести еще более густой веер линий от отдельного пункта морского побережья—и все же ничего не сделать для заселения края. Колонизация не может идти в Европейскую Россию из Сибири; не может она идти и ломаным путем через Сибирь. Повидимому, заботы о заселении Севера были чужды автору этого проекта. Нисколько не утрируя, можно сказать, что логика этого и всех подобных проектов такова: создавать ценности обработкой своего сырья Россия не может, по этому, где бы ни нашлись сырьевые фонды, следует их везти по кратчайшему пути к ближайшему вывозному порту. Вот откуда получился этот пучок прямых линий, сходящихся в одной точке—Архангельске.

Но эта логика есть логика пессимизма, почти что — логика отчаяния. Между тем, на отчаянии и на пессимизме нельзя строить творчества. Инженерному духу свойственным является оптимизм и вера в результат творческих усилий. Может быть, это профессиональное свойство извинит точку зрения автора настоящей статьи, которому только та строительная программа и может показаться стоящей осуществления, которая предполагает рост и расцвет захватываемой ею территории, создание на ней культуры и интенсификацию последней. Север России должен быть оживлен; все данные о нем говорят за возможность этого оживления. Задача эта совершенно независима от вопросов дальнего транзита, и искривление меридианальности северных магистралей ради того, чтобы достичь большей доходности их за счет подхватавания Сибирского транзита, есть искажение основной цели Северного колонизационного строительства.

Возникает вопрос: будут ли доходными линии, идущие по меридиану? Если представить себе северные части пересеченных ими территорий уже заселенными, то ответ должен быть утвердительным. В самом деле, ведь а priori ясно, что из двух линий доходнее будет та, которая соединяет разнородные по характеру продукции районы. Ясно, что эта разность экономических потенциалов будет выше в паре „лес-хлеб“ (т. е. в паре соединенных по меридиану пунктов разных широт), чем в парах „лес-лес“ или „хлеб-хлеб“ (т. е. в парах соединенных по параллели пунктов разных долгот).

Но пока северные окраины наши не заселены, меридианальные дороги могут быть и мало доходны и, даже, бездоходны. Отрицать это—

значило бы обманывать себя. Но заселение есть вопрос времени и техники; значит, вопросом времени и техники является и доходность нужных Северу дорог. Вопрос сводится к тому, какие условия можно предложить будущему концессионеру, чтобы для него получился коммерческий смысл в концессии. Теперь уже даже для неспециалиста ясно, что концессии на железнодорожное строительство на Севере (да и не только на Севере) сами по себе мало привлекательны для капитала. Капитал можно привлечь лишь комбинацией обязанности построить дорогу с правом эксплуатации лесов, недр и прочих ценностей прилегающей полосы земли. Но для наших целей требуется возложить на концессионера не только постройку дороги, но и подготовку вдоль нее хотя бы первых рядов переселенческих участков. Несомненно, что капитал со своей стороны потребует себе взамен этого и больших прав, напр., прав на использование тех или иных богатств вне полосы, непосредственно прилегающей к данной линии.

Сознание необходимости как использования богатств Севера, так и колонизации его, начинает проникать во все круги, не исключая ведомственных. Это сознание становится настолько острым, что, не дожидаясь условий, которые сделают возможным привлечение к делу крупного иностранного капитала, появляются уже попытки использовать немедленно, хотя бы для частичного решения задачи, слабый национальный капитал. В этом отношении чрезвычайно важна и интересна „внутренняя концессия“, осуществляющаяся сейчас в виде промышленно-колонизационной работы, взятой на себя правлением Мурманской жел. дор., для чего отводится 20-верстная полоса вдоль этой линии от Петрозаводска до Мурмана и три лесных дачи в стороне от нее, с правом использования лесов, ископаемых, водной энергии падунов и т. д., а также с правом открывать в отводимой полосе ряд всевозможных предприятий.

Рассмотрение форм комбинированных железнодорожно-промышленно-колонизационных концессий не входит в программу настоящей статьи. Тем не менее нельзя не указать здесь в заключение всего изложенного, что каковы бы ни были требования жизни, являющиеся условием возможности заселения и оживления Севера, надо — а следовательно и можно — найти способы этим требованиям удовлетворить. Свобода и независимость СССР не осуществимы без обладания свободным океанским выходом.

VI.

С этой последней точки зрения особенный интерес представляет недавно начатая колонизационная работа правления Мурманской жел. дороги, ведущей к наилучшему пока из имеющихся у нас океанских выходов.

Мурманская железная дорога задумана, построена и развивается в совершенно необычных обстановке и условиях. Печать подневольности лежит на первой поре ее существования: несмотря на то, что идея необходимости пути на Мурман высказывалась с конца 60-х годов прошлого века, царское правительство отменяло все проекты его осуществления, и крайне неохотно, под давлением лишь острой необходимости, приступило к сооружению дороги; для постройки был использован труд военнопленных, конечно, тоже не влагавших в эту работу рвения; наконец, после открытия на дороге движения и до самого последнего времени (май 1923 г.), за недостатком работников, согласных добровольно приложить свой труд в тяжелых климатических

ческих и особенно-бытовых условиях дороги, широко применялся труд агентов, принудительно командированных с других дорог сети.

И несмотря на все эти, казалось бы, неблагоприятные признаки и предзнаменования, дорога обладает всеми данными для существования и развития. Если сравнивать роль и значение ее с другими дорогами сети, то можно сказать даже больше: на долю Мурманской дороги выпадает роль более ответственная, чем на долю какой-либо другой; если Сибирская магистраль фактически оказалась дорогой громадного пионерно-колониального значения, то на Мурманскую уже сейчас — когда она еще далеко не вышла из состояния достройки — официально возложена миссия колонизации и всестороннего оживления пересекаемого ею края.

Правление дороги, организованное в сентябре 1922 г., так именно и поняло свою задачу. Им было возбуждено ходатайство об отводе Мурманской дороге земельной площади около 3 милл. десятин, состоящей из полосы 20-верстной (по 10 верст в каждую сторону от линии) ширины от Петрозаводска до Мурманска, трех лесных дач в районе озера Имандры (Паданской, Экостровской и Бабинской), а также полосы Беломорского берега (бухта Чупа). На этой площади, по ходатайству Правления, дороге должны были быть предоставлены права: производства обследовательских, землемерно-технических и мелиоративных работ; устройства поселений как для агентов дороги, так и для пришлого населения; эксплуатации лесов, полезных ископаемых, рыбных промыслов и устройства всякого рода промышленных предприятий, а также культурно-просветительных учреждений. Для выполнения всех этих задач при Правлении был организован специальный Колонизационный Отдел.

В ожидании результата ходатайства Правления Колонизационный Отдел его занялся подготовительной работой, начав с собирания и разработки результатов всех имевших место обследований района, пересекаемого дорогой. Самая идея колонизации его была еще настолько нова для многих, даже просвещенных, кругов, что требовалось еще вести литературную пропаганду в пользу этого начинания. Этой цели послужили: сборник „Производительные силы района Мурманской жел. дор.“, брошюры „Вторые Дарданеллы“ и „Пути развития Мурманска“ и, наконец, ряд статей в журнале „Вестник Мурманска“, издаваемом Правлением дороги совместно с Каржосом.

В конце октября 1922 г. ВЦИК, ознакомившись с колониционными предположениями Правления по докладу Сев.-Зап. Экосо, поручил последнему разработать „Положение“ о колонизации Карельско-Мурманского края и представить его на утверждение в СТО.

Правление Мурманской дороги немедленно принялось за составление проекта колонизации, продолжая видеть объект последней в 20-верстной полосе вдоль линии, от Петрозаводска до Мурманска. План работ был рассчитан на 5 лет; колонизация проектировалась на основе развития подсобных лесных промыслов, подобно аналогичному заселению, проведенному в урманских пространствах Тобольской губ. и давшему благоприятные результаты.

Неожиданно выяснилось, что со стороны Карельской Трудовой Коммуны встречаются препятствия к отводу Мурманской дороге сплошной 20-тиверстной полосы. Каркоммуна заявляла, что ее интересы допускают лишь предоставление дороге отдельных, не связанных друг с другом площадей. В результате переговоров, в которых, кроме Правления Мурманской дороги и Каркоммуны, участвовали также представители Сев.-Зап. Экосо, было подписано соглашение, по кото-

рому Мурманской дороге отводилось в пределах Каркоммуны 1.400.000 десятин в виде отдельных массивов. Правлению дороги пришлось составить новый план эксплуатации отведенных районов и в связи с ним — новую схему колонизации.

Пройдя все предварительные инстанции, новый проект „Положения о колонизации Карельско-Мурманского Края“ был 25 мая 1923 г. утвержден СТО.

Прежде чем говорить о практическом выполнении Правлением Мурманской дороги возложенных на нее „Положением“ обязанностей по колонизации края, необходимо отметить, что согласно „Положения“, все платежи, причитающиеся к уплате за право использования предоставленной дор. территории, поступают в кассу дороги лишь с 1 октября 1923 г.

Однако, еще до утверждения „Положения о колонизации“ дорога уже начала некоторую работу в области общей подготовки к будущей колонизации края, при чем она могла расходоваться на колонизационные мероприятия лишь из общего своего бюджета. Поэтому реальные действия ее ограничилися агрономической помощью тем железнодорожным агентам, которые явились первыми колонизаторами района. Так, для них выписан семенной картофель; завезены на северные участки дороги канадские огородные семена и поставлены опыты их культуры; получена зерновая ссуда на посев, в размере 15.000 пуд. зерна. Кроме того, агрослужбой дороги велась общая работа как на опытных станциях и агробазах, так и на линии.

Переходя к подготовке общей колонизации края, надо отметить недавно начавшиеся переговоры Правления с кредитными учреждениями об открытии для будущих поселенцев долгосрочного кредита под обеспечение, предоставляемое Правлением в виде крупных лесных наделов из отведенных дороге лесных массивов.

Как уже было сказано выше, в силу ст. 15, разд. 1 „Положения о колонизации Карельско-Мурманского края“, начальный срок поступления доходов от территории, переданной Мурманской железной дороге, установлен на 1 октября 1923 г. (начало бюджетного года).

Вследствие этого обстоятельства Правление дороги вынуждено было и в течение летнего сезона ограничиться подготовительными работами, да и то в размерах, зависящих от той незначительной суммы (12.000 рублей золотом), которую оно смогло позаимствовать на колонизационное дело из эксплуатационного бюджета дороги.

В таком именно порядке исполнены следующие мероприятия. Прежде всего была произведена приемка отведенной территории с ее лесной администрацией и инвентарем. Затем произведен рекогносцировочный осмотр территории, весьма трудный в условиях бездорожья и отсутствия хороших карт, но давший все-же ценный материал для оценки ближайших возможностей в области лесного и лесотехнического дела, горной промышленности и рыбного дела.

Так, напр., в Повенецком уезде намечены разработки кренежного леса и шпальных сортиментов. В других местах найдены участки, дающие авиостроительный материал. Бассейн Выгозера намечен, как район лесохимических производств: на заводы Сегозера и Выгозера может поступать до 50.000.000 куб. метров древесины. Эта сырьевая масса может дать ежегодно свыше 600.000 тонн смолы, 90.000 тонн древесного спирта, 700.000 тонн уксусно-кислой извести и свыше 30.000.000 куб. метров угля. Для полной переработки этих количеств пришлось бы оборудовать до 700 шт. печей шведской конструкции. Конечно, на первое время правление может наметить производство лишь в более скромных рамках.

Кроме этого плана, еще находящегося в состоянии проектирования, дорога уже вступила участницей в писчебумажное предприятие, организуемое Карельской Республикой (50% капитала внесено иностранными участниками дела, 39% — Карреспубликой и 11% — Мурманской жел. дор.).

В июле 1923 г. Правление начало полевые работы по земельному устройению железнодорожников и местного безземельного населения; работы велась двумя землеотводными партиями.

Этими двумя партиями в течение кампании сделано следующее:

1) изыскан колонизационный фонд, площадью в 7.000 десятин, распределяющийся следующим образом:

при ст. Сегежа	3.000 дес.
„ „ Чупа	2.000 дес.
„ „ Лоухи	1.500 дес.
„ „ Кережь	500 дес.

2) заснято земельного фонда 800 десятин:

при ст. Чупа	600 дес.
„ „ Надвоицы	175 дес.
„ „ Кережь	25 дес.

3) образовано пять переселенческих участков на 114 семейств:

при ст. Медвежья гора на 59 семейств.	
„ „ Лоухи	20 „
„ „ Чупа	12 „
„ „ Кережь	2 „
„ „ Сегежа	1 „

4) образовано три оброчных статьи промышленного характера.

Переселенческие участки образовывались, поскольку позволяли почвенные условия, или у лесопильных заводов, или в областях крупных лесных заготовок, или по берегам рыбоводных озер. На участках заготовлены (т. е. произведена раскорчевка и очистка от камней) огороды (по 100 кв. сажень на усальбу). Раскорчевано улиц и проездов свыше 1½ верст.

Переселенцам у Медвежьей Горы предоставлено 28 срубодомов по 2—3 комнаты каждый (общей площадью — 450 кв. саж.), перенесенных и собранных на их участках в строго распланированном порядке. Как самые срубы и их доставка, так и технический надзор и рабочая сила представляют собой натурную часть ссуды, предоставляемой переселенцам на 10-летний срок. Ссуда эта выдается по мере постройки. Предельный ее размер установлен в 300 рублей золотом.

Кроме поселенцев из железнодорожников и переселенцев из местного безземельного населения были отдельные случаи водворения на заготовленных участках переселенцев из более отдаленных местностей (напр., из Гдовского уезда); переселения эти производились за счет дороги.

Что касается заявлений о желании переселиться на территорию, колонизируемую Мурманской дорогой, то таковые массами поступают в Колонизационный Отдел, несмотря на то, что Правление дороги не прибегало ни к каким мерам агитации или пропаганды с целью привлечения переселенцев. Заявления подавались жителями не только ближайших губерний (Череповецкой, Вятской), но и из отдаленных районов, в особенности из Поволжья, даже из Астраханской губернии.

Расценивая произведенную Мурманской дорогой работу в области колонизации, приходится, конечно, считать все сделанное до сих пор далеким от реально-ощутимых результатов. Но тем не менее эта работа показывает как весьма разумный подход к конкретному решению поставленных дороге задач, так и несомненную энергию и рвение работников, взявшихся за эти задачи. Правление отмечает, что из предоставленного ему земельного (и по преимуществу — лесного) отвода в 3.085.917 десятин удобные лесные пространства, могущие давать доход, составляют лишь 1.328.582 десятин или 44% всей площади, остальные же 56% ее представляют собою балласт, требующий расходов по охране и управлению, но при данных условиях не могущий давать никакого дохода. Но и на удобной площади необходимо повышение интенсивности ее эксплуатации и прежде всего — восстановление сгоревших или разрушенных лесопильных заводов. Для всего этого требуется привлечение капитала; в частности, Правление наметило привлечение его к эксплуатации лесоэкспортных возможностей в Нотозерской даче (площадью 373.111 десятин с годичным приростом древесины около 37.000 куб. саж.) и по р. Туломе (в пределах Мурманской губ.). Равным образом это привлечение капитала желательно в целях эксплуатации ископаемых. В районе ст. Шцерецкой и ст. Сороки уже и сейчас Мурманское Горнопромышленное Товарищество ведет разработку слюды, кварца и полевого шпата; такую-же разработку у ст. Чупа ведет Карельская Республика. Но эти работы могли-бы быть при наличии солидного капитала значительно развернуты, так как качество вырабатываемого продукта высоко, а спрос на него и сейчас уже превышает его добычу.

Требует предварительной затраты капитала и использование обильных количеств „белого угля“; эксплуатация ряда „падунов“ облегчила-бы развитие всех видов промышленности в районе отвода Мурманской дороги.

К сожалению, действующие законоположения чрезвычайно стесняют Правление в принятии должных мер к привлечению капитала. И прежде всего это стеснение сказывается в невозможности непосредственных переговоров с представителями капитала, хотя-бы эти переговоры и носили исключительно информационный характер.

Пока Правление имеет возможность основывать все свои расчеты лишь на доходах от существующих — исключительно лесных-предприятий в районе отвода, его колонизационная деятельность далеко не может достигь тех результатов, которые обеспечиваются двумя наличными факторами: естественными богатствами отвода и опытом и энергией руководителей колонизационной работы.

Вот итоги сметы ожидаемых доходов в 1923-24 операционном году:

1) за отпущенные в 1923 г. организациям лесосеки в размере 50% продажной цены	219.542 руб.
2) отсроченных платежей за лесосеки, отведенные организациям в 1922-23 г.	175.000 руб.
3) дополнительных платежей от продажи 3.000 к. саж. пропсов по 15 руб.	45.000 руб.
4) от продажи 1.150 куб. саж. дров с мурманского склада	34.500 руб.

Итого . . . 474.042 руб.

Необходимо, впрочем, отметить, что хотя с 1 октября 1923 года Мурманская жел. дорога должна была согласно „Положения о колонизации Карельско-Мурманского края“ получать платежи от эксплуатации организациями лесов, входящих в площадь ее отвода, но до 1 декабря фактически эти платежи в кассу дороги еще не поступали.

Работа, произведенная до настоящего времени Мурманской дорогой, не может и не должна расцениваться наравне с работой учреждений, действующих в более нормальных условиях. Ее нельзя сравнивать ни с работой существующих в Америке (в Канаде) частных железных дорог, носящих в своем официальном названии предикат „колонизационная“, ни с работой правительственных колонизационных учреждений в роде нашего дореволюционного Переселенческого Управления.

Мурманская жел. дорога не имеет ни основного капитала в денежной форме, как канадские частные жел. дороги, ни дотации в 100% своей сметы, как Переселенческое Управление. Капитал Мурманской дороги лежит в мертвой форме в виде леса и других естественных богатств, отведенной ей территории, и приведение этой потенциальной возможности в некоторую, если можно так выразиться, кинетическую форму обставлено рядом формальных и иных затруднений. При таких условиях необходимо для определения степени удачности опыта, производимого Мурманской дорогой, принять мерилу, весьма отличающуюся от требований быстрого и ощутимого эффекта. В особенности быстроты эффекта никак не следует требовать в таком новом и трудном деле, и излишние нажимы в этом направлении, внося замечательную уже и сейчас нервность в работу колонизационного аппарата дороги, рискуют привести к результатам, далеким от желаемых.

Между тем, уже одна изыскательская и облесительская работа, произведенная этим аппаратом (о которой здесь по неимению места не пришлось сказать подробнее), представляет собою значительную ценность. В этом отношении „опыт“ с Мурманской дорогой можно считать уже давшим результат, — я положительный.

Опыт колонизации северного края помощью железной дороги, производимый на одной линии, безусловно недостаточен. Роль Севера в общей экономической и даже политической жизни страны настолько уже ясна, что не подлежит сомнению необходимость широкого дорожного строительства именно на Севере, как только возникнет вообще возможность такого строительства. Между тем, для выработки этого плана необходимо будет опираться на опыт колонизации районов и других дорог, а не одной только Мурманской. Вот почему желательно было бы теперь же поручить Северным и Пермским дорогам взять на себя (на линиях Вологда — Архангельск и Вятка — Котлас) такие-же колонизационные работы, какие поручены Мурманской. Тогда можно было бы наблюдать параллельный ход аналогичных работ на этих линиях, дать этим колонизационным форпостам возможность взаимно корректировать свою работу и, может быть, ввести в экономическую их работу начало некоторого здорового соревнования.

Названные линии, во многом отличаясь от Мурманской дороги, находятся в аналогичных с ней условиях в смысле безлюдности пересекаемых ими районов — с одной стороны, а с другой — в смысле важных задач, которые эти дороги могли бы и должны бы разрешать самым фактом своего существования.

Рассмотрим для примера линию Вологда — Архангельск. Несколько цифр охарактеризуют те возможности, которые были бы достижимы при условии привлечения дополнительного населения.

Линия пересекает, по выходе из Вологодского уезда, следующие уезды: Кадниковский, Вельский, Каргопольский и Архангельский с населением соответственно равным 207, 118, 92 и 68 тысячам человек (1906 г.).

Урожайность в том же 1906 г. была такова (на душу).

Уезды.	Кадниковский.	Вельский.	Каргопольский.	Архангельский.
Продукты.				
Хлебов (за вычетом посеваемых семян)	9,17 пуд.	10,43 пуд.	12,2 пуд.	5,02 пуд.
Картофеля (тоже)	2,2 „	3,0 „	2,8 „	3,21 „

Северные колонизационные экспедиции Наркомзема (1919—1921 г.) в одном лишь Кадниковском уезде обнаружили фонд в 787.212 десятин земли, пригодной для сельско-хозяйственного использования, незаселенной и не затрагивающей ни землеустроительных интересов местного населения, ни интересов лесопромышленности.

Если обратиться теперь к денежному (приходному) бюджету населения этих уездов, то получим следующие цифры годового дохода на душу (1906 г.), за вычетом дохода от отхожих промыслов.

Уезды.	Кадниковский.	Вельский.	Каргопольский.	Архангельский.
Заработок.	1 р. 11 к.	2 р. 81 к.	2 р. 74 к.	
Промыслы: с указанием для главнейших из них %-го отношения к общему заработку (без отхожих промыслов).	Вывозка и сплав леса 7,5% кружевной 4% валяльный 3% кожевенный гончарный бондарный роговой	Смолокуренные . . . 48% вывозка и 0% сплав леса 15% лесная охота лесопильный сажекопильный столярный кожевенный	Мясные заготовки . . 75% сплав леса 9% охота . . . 7% рыболовств. 5% судостроение лоцманство тяга судов плотничество	Лесопил. . 45% сеужий промысел . . 12% раздел. дров 9% рыболовство морское и речное рубка и сплав леса лесная охота
Заработок от отхожего промысла в % от общего заработка.	80%	4%	8%	23%

Совершенно ясно из этой таблицы, что население уездов, близких к конечным пунктам дороги (Вологде и Архангельску) вынуждено в значительной своей части искать средств к существованию вне своего района, тогда как в менее населенных средних уездах можно найти достаточный заработок на месте; также видно и то, где именно кроются источники заработка. Смолокуренное, вывозка леса, работа на лесопильных заводах и лесозаготовках, сплав леса, охота, сажекопильный промысел, судостроение (конечно, деревянное)—все это связано с непочатыми массивами лесов. Чрезвычайно сла-

бое использование лесов и, в особенности, отсутствие как химической, так и механической обработки древесины на месте объясняются весьма слабой заселенностью края. В этом отношении аналогия с Олоно-Мурманским краем получается полная.

Если к мысли о колонизации Олоно-Мурмана привела, в конце концов, необходимость дать грузы Мурманской дороге, то по отношению к Вологодско—Архангельской линии эта мысль должна придти уже из заботы о самом крае. Третья северная линия, Вятка—Котлас, по своему грузообороту немногим отличается от Мурманской и давно считалась „не оправдавшей надежд“.

Создание при Правлении Северных и Пермской жел. дор. колонизационных аппаратов, подобных аппарату Мурманской, и возложение на них аналогичных колонизационных задач явилось бы чрезвычайно важным шагом вперед как в отношении повышения грузооборота этих дорог, так и в смысле общих задач заселения и оживления Севера. Взаимное корректирование работы этих дорог, возможность известного соревнования между ними,— все это стоит того, чтобы вывести дело железнодорожной колонизации Севера из стадии единичного робкого опыта. Между тем, усиливающийся в правительственных кругах интерес к Северному морскому пути, создание прямых рейсов госпароходства из Архангельска и Мурманска до заграничных портов, поднятие вопроса о регламентации правового и административного строя окраин, населенных северными инородцами, возбуждение вопроса об урегулировании торговли пушниной, наконец—недавний наш конфликт с Англией по вопросу о рыбных промыслах в территориальных водах Северного океана—все это показывает, что по отношению к Северу пришла пора, вообще, перейти как можно скорее от опытов к широкой и твердой деловой работе.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ Колонизационный Научно-Исследовательский Институт,

его задачи, организация и деятельность.

(Краткий отчетный очерк).

I. Задачи и организация Института.

Государственный Колонизационный Научно-Исследовательский Институт, возникший постановлением Государственного Ученого Совета в апреле 1922 г., состоит в ведении Наркомпроса.

Основными задачами Института, соответственно Положению о нем, являются:

а) установление научно-обоснованных принципов в направлении колонизационной политики и в построении колонизационного дела.

б) организация научных исследований с колонизационной точки зрения подлежащих территорий и

в) подготовка научных исследователей, преподавателей ВУЗ и специального персонала научно квалифицированных работников колонизации.

Для достижения означенных целей ГКИ изучает, во всей возможной широте, все вообще относящиеся к колонизационной проблеме вопросы, учитывает и оценивает, с точки зрения общей экономической и специально-колонизационной политики, состояние отдельных отраслей народного хозяйства, выясняет естественно-исторические, экономические, демографические и национальные особенности и перспективы подлежащих колонизации территорий и содействует государственным органам в установлении плана последовательной колонизации, в соединении с мероприятиями в области развития путей сообщения и промышленности. В частности, Институту предстоит подвергнуть особо тщательной разработке проблему наиболее целесообразного хозяйственного предназначения государственных земельных имуществ, в связи с определением способов скорейшего вовлечения их в хозяйственный оборот не только путем переселения из иных районов, но посредством мелкой и крупной (коллективной и предпринимательской) аренды, расселения и дополнительного наделения трудовых землепользователей, концессий и т. п.

В течение первого года своего существования Институт вынужден был направлять свои исследования преимущественно по линии консультации различных ведомств, в соответствии с поставлявшимися последними многочисленными вопросами прикладного характера.

При таких условиях, и в виду недостаточной еще в то время концентрированности в Институте должного количества научных сил, самостоятельная работа молодого научно-исследовательского учреждения не могла удовлетворять требованиям той планомерности, которая особенно необходима именно здесь — по сложности самой колонизационной проблемы и спутанности отношений ведомств по отдельным вопросам колонизации.

Действительно, поскольку Союз Республик начал выходить из состояния мировой изолированности, поскольку силой вещей, он, чем далее, тем более, оказывается вовлекаемым в международный товарообмен, при чем в этой области ему предоставляется исключительное по удельному весу место, как стране, обладающей колоссальным по емкости внутренним рынком и сырьевыми возможностями, — поскольку, наконец, по глубине постановки плановых задач в народном хозяйстве, Союз являет собою пример небывалый в истории — постольку, конечно, проблема колонизации, т. е. вопрос о развитии производительных сил необъятных пустыющих пространств его, должна была быть осмыслена и рационализована во всей широте.

Совершенно естественно, что это предстояло сделать именно Колонизационному Институту как потому, что даже для самой постановки вопроса о плановом начале в колонизации требовался научный подход, — в виду недостаточной еще установленности отправных точек зрения на степень связи нашего колонизационного процесса с проблемой перенаселенности и с другими явлениями народно-хозяйственной жизни, — так и потому, что только здесь, за отсутствием какого бы то ни было междуведомственного колонизационного органа, могли получить увязку тесно переплетающиеся в деле колонизации запросы и интересы отдельных частей Союза и отдельных Наркоматов последних. Особенно в этом отношении должны были требовать взаимного согласования такие вопросы, как организация транспорта, промышленности и сельского хозяйства. В условиях нового государственного строя разрешение в отдельности каждого из этих вопросов не мыслится, а с тем вместе, без всестороннего учета всех предпосылок, обуславливающих предназначение пустыющих до сего времени земель под то или иное использование, не могло получить выражения и плановое начало в этом деле.

Первый период деятельности Государственного Колонизационного Института дал ему возможность разобраться в основных границах дальнейших исследований сложной колонизационной проблемы, и поэтому, когда Госплан и Главнаука обратились летом 1923 г. к Институту с просьбой наметить перспективно объем его колонизационной работы на предстоящее пятилетие, то задание это в полной мере ответило и потребностям самого Института. С этим, во времени, совпала и необходимость для Института пересмотреть, в соответствии с данными опыта, свою организационную структуру, при чем как та, так и другая работы естественно слились в один общий процесс.

Перспективный план работ Госколонита.

В основу своего перспективного плана Институт положил разделение всех предстоящих ему работ по двум главнейшим направлениям: собственно теоретическому и прикладному, с их органической, конечно, увязкой, при чем каждое из этих направлений должно было выразиться, по мысли Института, в деятельности нескольких отделов. Так, цикл теоретических исследований должен

был обнять собою вопросы истории и экономики колонизации, колониционной политики, методологии и законодательства, а также колонизации иностранной; цикл же исследований преимущественно прикладного характера — вопросы сельско-хозяйственной колонизации, колонизации промышленной, путей сообщения и землеустройства и мелиорации, с порайонною сводкою соответственных данных. Вопросы популяризации осуществленных исследований, а также научной подготовки специалистов по колонизации и обще-организационные выделялись особо, — и в общем итоге в составе Института намечалась, перспективно, организация девяти различных органов, с predeterminedенной каждому из них своей сферой действия.

Фактическое функционирование всех намеченных перспективным планом девяти отделов, как таковых, впоследствии не осуществилось по причинам главным образом, финансовым, но в данном случае это и не представилось особенно важным: главная ценность перспективного плана работ Госколонита заключалась в методологическом значении проделанной работы, как первого опыта синтезирования проблемы переселения и колонизации в качестве научной доктрины. С этой точки зрения нижеприводимые обоснования плана заслуживают особого внимания.

1. История и экономика колонизации и социальных миграций.

Свою научную работу в области истории колонизации Институт считал целесообразным сосредоточить в первую очередь на исследовании причин колонизации и ее влияния как на страны эмиграции, так и на колонизируемые территории. Особенный интерес здесь должно представить изучение социальных и хозяйственных результатов взаимодействия туземных и колонизирующих народностей, в зависимости от характера колонизации, природных условий колонизируемых территорий и качеств сталкивающихся при этом народностей. Соответствующие изыскания должны дать материал для решения вопроса о целесообразных формах колонизации в зависимости от перечисленных выше условий. На историю русской колонизации при этом должно было быть обращено особенное внимание, в числе же основных тем по циклу истории намечались следующие:

1. Зависимость исторического развития колонизации от экономических условий, национальных особенностей, политического и юридического строя колонизирующих народностей; типы: англо-саксонский, французский, испанский, германский, русский и другие.

2. Влияние природных условий колонизируемых территорий на колониационные процессы: колонизация тропических и субтропических стран, колонизация стран с умеренно-континентальным и морским климатом; колонизация стран с холодным и полярным климатом.

3. Исследование социальных и хозяйственных результатов взаимодействия туземных и колонизирующих народностей.

4. Сводка и научная обработка данных о колониационных процессах в русской истории: колонизация юга России, колонизация Севера, переселение в Азиатскую часть СССР.

Исследования в области экономики колонизации признавалось необходимым построить на экономических проблемах, имеющих непосредственное отношение к построению организационно-хозяйственных планов. Сюда в первую очередь относится калькуляция экономической выгоды колонизации, теснейшим образом связанная с выявлением

оптимальных отношений населенности как в местах эмиграции, так и вселения. Предстоящая работа в этой области рисовалась в следующем виде. Прежде всего, должны были быть установлены нормы населенности как для мест эмиграции, так и вселения. Для С.С.С.Р., страны, где земледелие является основным промыслом населения, в первую очередь придется поставить установление норм аграрной населенности, чтобы, опираясь на полученные результаты соответствующих исследований, перейти в дальнейшем к установлению норм населенности общей. Определяющими моментами здесь должны явиться те количества продовольствия и сельскохозяйственного сырья, которые могут быть получены при нормальных отношениях аграрной населенности в связи с желательным уровнем снабжения. Работу по определению норм аграрной населенности предполагалось вести согласно программе, выработанной в 1922 г. Комиссией по учету и оценке аграрной населенности при Н.К.З. Вопрос этот, как будет видно из дальнейшего, привлек особое внимание работников Института, что повело к постановке специальной работы по изучению избыточного труда в районах Р.С.Ф.С.Р. Для выявления же оптимальных форм расселения неземледельческого населения, представлялось нужным исходить из естественных ресурсов экономических районов и потребных для их использования рабочих сил. Наряду с вышесказанным рядом исследований имелось еще в виду подвергнуть специальному изучению вопрос об экономической выгодности колонизации и заселения необжитых пространств. Сюда относится изучение экономических результатов колонизации и сопоставление их с исчислениями стоимости и фактическими издержками заселения необжитых пространств; в частности, изучение бюджетов переселенцев и исследование эволюции их благосостояния во времени.

Конкретными темами работ по данной секции намечались следующие:

1. Установление норм аграрной населенности:
  - а) определение норм трудоемкости сельского хозяйства при различных его системах и разных размерах предприятий;
  - б) определение размеров нормальной сельскохозяйственной продукции при различных системах и формах сельского хозяйства;
  - в) определение норм производительности труда при различных системах сельского хозяйства и в предприятиях разного размера;
  - г) определение рационального соотношения систем и форм сельского хозяйства;
  - д) определение оптимальной сельско-хозяйственной населенности при условии наиболее рационального соотношения систем и форм сельского хозяйства.
2. Установление норм общей населенности:
  - а) сопоставление желательного уровня снабжения с размерами продукции сельского хозяйства при нормальной аграрной населенности и размерах добывающей промышленности, не приводящих к истощению природных благ;
  - б) установление численности и населения различных районов, соответствующей их естественным ресурсам;
  - в) установление нормальных форм населения в зависимости от природных условий и в соответствии с нормальной численностью всего населения.
3. Исследование экономической выгодности колонизации и заселения необжитых пространств путем сопоставления экономических результатов колонизации с издержками, связанными с заселением.

В частности, сюда относится изучение бюджетов переселенцев и исследование эволюции их благосостояния во времени.

4. Исследование степени перенаселенности районов населения. Районирование перенаселения.

Понятие социальных миграций очень широко. Оно охватывает все виды передвижения населения, начиная от туристских прогулок до переселения народов и заокеанской эмиграции. Область исследования здесь, поистине, необъятна. Поэтому, представлялось целесообразным в первую очередь произвести сводку данных об эмиграционном движении в течение нового и новейшего времени с обращением особенного внимания на СССР. Параллельно должна была идти текущая регистрация тех же процессов, что представляется особенно важным в связи с специальными заданиями Госколонита. Не меньше внимания предполагалось уделить внутренним процессам миграции, в особенности обмену населения между городом и деревней. В настоящее время значительным признанием пользуется теория, объясняющая рост городов выселением в них избыточного сельского населения. Проверка этой теории и исследования хозяйственных и социальных последствий выселением сельского населения в города и также обратных процессов — представляются, поэтому, первоочередной задачей в области научной разработки проблем социальной миграции, отдельными темами исследования которой должны явиться:

1. Сводка данных о международных миграциях в истории (переселения народов, эмиграционные движения) и, в особенности, в современности.

2. Сводка данных о русском переселенческом движении и текущее наблюдение за ним.

3. Эмиграция из СССР в другие страны: исследование ее эволюции и современного состояния.

4. Сводка данных об иностранной иммиграции в СССР с обращением особенного внимания на современность.

5. Изучение процессов внутренней миграции и в особенности обмена населения между городскими центрами и сельскими местностями.

2. Колонизационная политика, методология и законодательство.

Имея своим назначением выявление и разработку научно-обоснованных принципов в области колонизационной политики, установление оптимальных методов направления колонизационного дела и исследовательское изучение, а также научное построение правовых норм, регулирующих колонизацию, данная секция осуществляет свою работу по двум подсекциям: 1) политики и методологии и 2) правовых норм. В первой подсекции сосредоточивается все относящееся до научного обоснования принципов колонизационной политики, как в СССР, так и за границей, — далее, осуществляется их анализ и, попутно с означенной работой, изыскивается и определяется методика освоения колонизационных форм колонизационного дела. В соответствии с объемом заданий — подсекция находится в теснейшей и органической связи с исследовательской работой всех прочих научных подразделений Института, черпая из трудов последних все добытые ими специальные научные достижения и надлежаче прорабатывая и обобщая таковые. Подсекция правовых норм применяет в своей работе те же методы обобщения и анализа. Она сосредоточивает у себя сведения о колонизационном законодательстве всех стран, вскрывает социальные, экономические и бытовые предпосылки этого законодательства, анали-

зирует его сущность и создает, таким путем, научную концепцию колониционного права. В соответствии с этим, а также с данными подсекции политики и методик, правовой подсекцией намечаются общие и частные нормы, должныствующие регулировать колониционное дело в СССР, и расцениваются, академически, существующие. В течение ближайшего пятилетия в обоих вышеуказанных направлениях намечались к выполнению следующие конкретные научно-исследовательские работы:

1. Научная характеристика направления колониционной политики в Старом и Новом Свете с сопоставлением полученных выводов с аналогичной работой по СССР.

2. Анализ методов осуществления колониционной политики разных стран и классификация этих методов по определенным признакам.

3. Определение методов практической колонизации в отношении различных районов и объектов. Приведение этих методов в связь с финансово-экономическими предпосылками и конкретизация научных выводов.

4. Установление типов колонизации в соответствии с ее производственными задачами.

5. Исследование колониционного дела, как возможного объекта правительственных и частно-предпринимательских функций. Определенные формы колонизации в обоих вышеуказанных, а также в иных, смешанных случаях. Колониционные концессии.

6. Конкретизирование вопроса о народной самодеятельности в области колонизации и о формах, в которые эта самодеятельность наиболее склонна выливаться. Определение места кооперации в колониционном деле.

7. Исследование вопроса о колониционном кредите и о специальных банках и тезирование соответственных выводов об оптимальных формах кредита. Нормальные уставы соответственных учреждений.

8. Уточнение задач колониционной политики в условиях социалистического строя; сопоставление этих задач с аграрным строительством.

9. Исследование и конкретизирование вопроса о взаимоотношении национальностей в колониционном деле применительно к советскому строю. Значение областных, республиканских, союзных и международных границ.

10. Анализ начала автономности союзных советских республик в свете нормальной колониционной политики.

11. Изучение основ современного иностранного законодательства о колонизации. Тезировка основных принципов в их правовом существе.

12. Оценка русского пред-революционного законодательства о колонизации и намечавшихся в этом деле новых правовых норм; исследование современных начатков колониционного законодательства с точки зрения соответствия их принципам советского строя.

13. Разработка оснований общесоюзного советского колониционного кодекса.

Эти основные работы предполагалось начать почти все, одновременно, так как связь каждой из них с другими представляется чрезвычайно тесной и, нередко, органической. На первый же операционный год имелось в виду обязательно завершить предварительные исследования по следующим вопросам: о современных методах колонизации,

о типах колонизации, о колонизационных концессиях, о роли кооперации в колонизационном деле, о финансировании колонизации, о советской колонизационной политике, о советском законодательстве в области колонизации и о колонизационном аппарате СССР.

3. Иностранная колонизация.

При составлении общего плана своих работ Госколонит не мог не обратить внимания на особую важность всестороннего изучения колонизационного дела в иностранных государствах. В течение многих десятилетий во всем мире наблюдается развитие народных миграций. Главным образом, в Новом Свете, в Австралии и на черном материке, в Африке, происходит оседание значительных масс населения, выходящего из Европы. На путях всемирной истории наметились определенные миграционные потоки, при чем выходцы из стран старой культуры, водворяясь на новых местах в самых разнообразных условиях, способствуют созданию, а иногда и колоссальному росту политического и экономического могущества тех стран вселения. В результате процесса колонизации существенно изменяется соотношение и равновесие человеческих рас, народов и государств,—изменяются, также, и экономические соотношения различных стран. Внимательное изучение этого процесса в мировом масштабе имеет для нас не только научный, теоретический, но и реальный, практический интерес, равно как и изучение методов, с помощью коих осуществляется иностранными государствами колонизация новых стран. Сюда, в частности, относятся такие темы, как формы управления колониями, колонизационное законодательство, финансирование колонизации, оборудование колоний путями сообщения, насаждение в них промышленности, устройство гражданского быта переселенцев, специальные формы колонизации районов хлопкового пояса, северных стран и т. д. Особое значение для нас имеет изучение методов колонизации, применяемых в аналогичных нашим условиям. Колонизация таких стран должна быть изучена и расценена всесторонне, с изданием специальных, по каждой стране, монографий, ибо результаты иностранной колонизации за последние 15—20 лет в нашей литературе не освещены совершенно. Само собою разумеется, что изучение иностранной колонизации должно находиться в теснейшей и органической связи с работой по другим отраслям колонизационной науки, и, главным образом, с исследованиями по политике, методологии и законодательству. Эти последние исследования должны базироваться в своем анализе на научно обработанном материале по собственно иностранной колонизации в наших условиях.

Конкретными темами в данной области признавались:

1. Переселения народов нашего времени.
2. Типы иностранных колоний и отличие их от колонизируемых областей СССР.
3. Форма управления колониями в иностранных государствах.
4. Законодательство об эмиграции в иностранных государствах и ее урегулирование.
5. Законодательство об иммиграции в заокеанских странах.
6. Законодательство иностранных государств по регулированию колонизации.
7. Черты сходства с естественно-исторической точки зрения между странами Северной Америки и СССР и различие в методах колонизации и результатах ее.

8. Перспективы колонизации Канады, Аргентины и других заокеанских стран в ближайшие 25 лет.
  9. Земельный голод в иностранных государствах и применяемые способы борьбы с ним.
  10. Деятельность Международного Колонизационного Института в Брюсселе.
  11. Финансовая политика иностранных государств в их колониях.
  12. Политика иностранных государств в отношении туземного населения колоний.
  13. Земельная политика иностранных государств в колониях и землеустройство местного населения.
  14. Устройство гражданского быта колонистов.
  15. Финансирование колонизации. Государство, частная инициатива, банки, концессии.
  16. Типы договоров с колонистами, заключаемых в колонизируемых странах.
  17. Сметы устройства хозяйства фермера в различных колонизируемых странах.
  18. Бюджеты колонистов в разных странах в различные сроки после водворения на новых местах.
  19. Организация кредита для колонистов.
  20. Основы железно-дорожной колонизации в иностранных государствах.
  21. Водное законодательство иностранных государств в колонизируемых странах и методы развития мелиоративных предприятий.
  22. Насаждение промышленности в колониях.
  23. Методы и приемы внутренней колонизации, применявшиеся и применяемые за границей (прежняя колонизация Пруссией Познани, заселение мелиорированных неудобных земель в Северной Германии, Дании, Северной Финляндии, Швеции, Норвегии и других странах).
  24. Мероприятия Англии по колонизации и развитие хлопководства в принадлежащих ей колониях, расположенных в поясе хлопковых земель.
  25. Очерк колонизации Соед. Штатов Северной Америки.
  26. " " Канады.
  27. " " Аргентины.
  28. " " Австралии.
  29. " " Мексики, Бразилии и др. Южно-Американских стран.
  30. Колонизационная деятельность Франции в Северной Африке.
  31. Внутренняя колонизация в Индии вновь орошаемых территорий.
  32. Китайская колонизация Маньчжурии и других северных и западных провинций государства.
  33. Японская колонизация Кореи, южной Маньчжурии и Сахалина.
  34. Колонизационная деятельность Соединенных Штатов Северной Америки в Аляске.
  35. Багдадская железная дорога. Вспомогательные и колонизационные предприятия в ее районе.
  36. Панамский канал и его роль в деле колонизации.
- Цикл работ по иностранной колонизации мыслился как бы переходным от вопросов собственно теоретических к прикладным. Последние же открывались, по мысли Института, исследованиями в наиболее близкой к нам до сих пор области—колонизации сельскохозяйственной.

4. Сельско-хозяйственная колонизация.

Здесь, по мнению Института, предстояло разработать целый ряд проблем общего характера, как для выяснения пригодного под сельско-хозяйственную колонизацию земельного фонда, так и для выработки вариантов возможного рационального использования его.

Определение районов, пригодных для сельско-хозяйственной колонизации, является первоочередной задачей, по разрешении которой только и возможно построение колонизационно-эксплуатационных планов. Это предварительное выяснение характера территории, подлежащей использованию, откроет колонизационную емкость свободной территории и хозяйственную перспективу использования ее, — путем ли, например, культуры промышленно-технических растений, или путем соответствующей организации хозяйств колонистов (переселенцев и арендаторов) для создания максимума экспортного зернового продукта. Сообразно этим основным заданиям и должен, очевидно, строиться самый план заселения того или иного района, и правительственная власть, не связанная в пределах данной свободной площади никакими сложившимися в прошлом хозяйственными отношениями, способна создать тот именно строй этих отношений, который будет наиболее полно соответствовать основным заданиям хозяйственной политики.

В отношении каждого в отдельности района должна быть, следовательно, произведена работа по исследованию его хозяйственных свойств и определению того характера использования, который будет диктоваться обще-народными интересами. На этом фоне, далее, должны быть намечены типы переселенческих и арендаторских хозяйств — потребительско-трудовых, фермерско-производственных, земледельческих, земледельческо-скотоводческих или скотоводческих и разработаны все вопросы, относящиеся к делу организации этих хозяйств (размеры хозяйств, порядок и способ водворения, кредитование на первичные нужды хозяйств по приобретению инвентаря, оборудование постройками и т. п.).

В соответствии с изложенным программа работ по данной отрасли исследований намечалась по следующим основным направлениям (темам):

1. Определение районов, пригодных для сельско-хозяйственной колонизации (переселение, аренда и т. п.).
2. Хозяйственная характеристика этих районов и их колонизационная емкость.
3. Районы, пригодные для промышленно-технических культур; возможности колонизационного использования их.
4. Земледельческое и скотоводческое использование земельного фонда; интересы кочевого хозяйства.
5. Расчет ожидаемой с.-х. продукции колонизируемых районов; потребность внутреннего и внешнего рынков.
6. План очередности использования земель под с.-х. колонизацию.
7. Типы колонизационных хозяйств (переселенческих и арендаторских).
8. Переселенческие сельские общества и фермерство (аренда и проч.).
9. Организация хозяйств колонистов — разбивка участков, водворение, кредит на первичные нужды, снабжение инвентарем, постройками и т. п.

10. Хозяйственные навыки переселенцев и возможные варианты целесообразного приложения их.
11. Значение машин в хозяйстве колонистов.
12. Объекты колонизационных концессий сельско-хозяйственного типа.

5. Промышленная колонизация.

При установлении перспективного плана работ в этой области, представилось прежде всего необходимым считаться с отсутствием твердо установленных и выверенных на опыте методов работы промышленной колонизации, как особой отрасли цельной в своей структуре экономической политики государства вообще и, в частности, — политики колонизационной. Особенности тех условий, среди которых приходится разворачивать колонизационную политику в Советском СССР, обязывали, к тому же, тем более серьезно.

Наряду с этой работой, преимущественно методологического характера, в первую же очередь имелось в виду обратиться к выяснению тех районов Советской Федерации, в которых имеются наиболее пригодные как по своим естественным условиям, так и по условиям нынешней экономической конъюнктуры, природные богатства или уже наметившиеся крупные отрасли промышленности, могущие явиться в ближайшем будущем приемниками больших масс труда и капитала, влияние коих явится решающим моментом в увеличении экономической емкости данных районов. Среди районов возможной промышленной колонизации должно быть уделено внимание, помимо окраин, также и внутренним районам, так как в связи с проблемами внутренних социальных миграций и промышленной иммиграции извне, вполне реально, стоят вопросы о промышленных возможностях районов, важных с точки зрения индустриализации СССР. Конечно, эти проблемы, тесно связанные с общими задачами экономической политики ближайших лет, должны были быть проанализированы под особым углом зрения — емкости районов, как приемников массового урегулированного вселения в ближайшие годы.

Здесь же возникает и другой ряд задач. Проблема промышленной колонизации требует для своего решения привлечения в достаточном количестве капитала и промышленного труда. Последнее решается исследованием людских резервуаров внутренней части СССР и возможных размеров и условий промышленной иммиграции. Проблема же промышленного капитала в наших условиях может быть решена только путем привлечения иностранного капитала, почему вопросы импорта капитала приобретают исключительную важность.

Характер изложенных выше методов подхода к решению проблемы промышленной колонизации вплотную подводит к необходимости анализа мировой конъюнктуры, так как только при этом условии возможно уяснить перспективы снабжения СССР капиталом и развития отдельных отраслей промышленности, зависящей в конечном счете от мировых рынков и мирового хозяйства. Здесь же уместно взвесить роль иностранного капитала в нашем народном хозяйстве до революции и те возможности, какие могут быть открыты для него в ближайшем будущем.

Нельзя было бы, при этом, обойти также и роли, какую могло бы играть при повышении экономической емкости того или иного района развитие мелкой промышленности края при соответственной организации ее в общих государственных интересах.

Наконец, следует оценить те возможности, какие дает кооперация, как концентрация мелких хозяйственных сил в целях подема общественного хозяйства.

Таким образом, основные работы по промышленной колонизации должны были свестись к установлению: а) задач и методов промышленной колонизации; б) районов промышленной колонизации; в) способов привлечения промышленного труда и капитала; г) условий мировой конъюнктуры и конкуренции и д) задач кооперации и мелкой промышленности в промышленной колонизации.

Основными районами обследования и изучения с точки зрения промышленной колонизации должны были явиться:

1. Север РСФСР . . . Лес, рыбные богатства, нефть.
2. Кавказ . . . . . Текстильная промышленность, нефть, горные богатства.
3. Туркестан . . . Каспийск. Карабугаз. Горные богатства, текстильная промышленность.
4. Киргизия . . . . Недра.
5. Сибирь . . . . . Лес, рыбные богатства, пушнина, недра.
6. Дальний Восток Пушнина, золото, рыба, нефть.
7. Урал . . . . . Горные богатства.
8. Заволжье . . . . . Условия перенесения промышленности на Волгу.
9. Юго-Восток . . . . Соляные залежи, нефть.
10. Украина . . . . . Донбасс.
11. Центр.-Зем. . . . Курские железные руды.

По общим же, связанным с промышленной колонизацией, вопросам должны быть разработаны следующие темы:

1. Проблема индустриализации СССР и специально Азиатских частей ее.
2. Избытки и недостатки рабочей силы по отдельным районам Федерации (в связи с проблемой общей и аграрной населенности).
3. Цены на труд (рабочие руки).
4. Задача снабжения окраин высоко-квалифицированным трудом.
- Создание научно-технических центров.
5. Проблема промышленной иммиграции.
6. Иностранные капиталы в России до революции.
7. Наша потребность в капиталах в современных условиях.
8. Условия импорта капиталов и финансирование промышленности.
9. Рынок капиталов Европы и Америки.
10. Наши конкуренты в основных отраслях промышленной колонизации.
11. Мелкая промышленность, как фактор промышленной колонизации района.
12. Задачи колонизации в промышленности.

6. Землеустройство и мелиорация.

Вопросы землеустройства колонизируемых районов до сих пор остаются мало разработанными, как теоретически, так и практически; прошлый опыт устройства переселенческих и промышленно-арендаторских поселений не дает большого материала для разрешения этих вопросов; между тем, от той или иной земельной организации поселенческих хозяйств зависит значительная часть успеха колонизационного процесса.

Среди таких землеустроительных задач в деле колонизации важнейшее значение имеет вопрос определения наделных норм или, что то-же, размеров земельно-устраиваемых хозяйств. Эти нормы будут сильно варьировать в зависимости от характера колонизируемых районов и типов организуемых хозяйств; само собой разумеется, что для таких районов, как Северный Кавказ и Сибирь, Поволжье и Туркестан, должны существовать различные наделные нормы и весь хозяйственный быт для них будет определяться совершенно несходными условиями; равным образом, иные наделные нормы будут устанавливаться для хозяйств, построенных на высевах зерновых культур, нежели для хозяйств с промышленно-техническими культурами или хозяйств земледельческо-скотоводческого характера. Только правильным определением норм хозяйств можно создать надлежащее благополучие колонистов и установить требуемый уровень хозяйственного использования района.

Размер наделных норм зависит вместе с тем и еще от одного землеустроительного момента, а именно от того, каков общий план землеустройства — имеет ли он ввиду организацию единоличных хозяйств хуторского типа или образование групповых хозяйств поселенческого типа. Состязание этих двух типов будет иметь место непрестанно, но конкретная обстановка данного хозяйственного района будет определять, для каждого случая в отдельности, преимущества одного из них. Работа эта чрезвычайно облегчится, конечно, если все эти вопросы получат предварительно обстоятельное теоретическое освещение. Для вновь колонизируемых районов трактовка этих вопросов будет, очевидно, совершенно иной, нежели для районов давно заселенных.

Разработка вопросов организационно-хозяйственного порядка должна предусматривать также образование поселений промышленного типа — поселков железнодорожных, рыбацких, торгово-промышленных, фабрично-заводских и т. п.; для каждой из упомянутых категорий должна быть установлена своя схема расчетов и свой план распределения отдельных участков на отводимой под расселение площади.

Все эти расчеты по определению размеров хозяйства должны основываться на присущих структуре устраиваемых хозяйств элементах; структура же хозяйства заселяемого района в целом должна определить размещение на колонизируемом массиве поселений городского и сельского типа. Единовременное заселение столь громадных пространств, как например 500 тыс. дес. в Голодной Степи, является в высшей степени сложной задачей, и предварительная выработка принципов планировки такого заселения должна не только облегчить задачу практических деятелей, но и открыть возможность сразу же избежать особенно грубых ошибок в этом деле.

Не менее важным для колонизационного дела представляется установление начал подбора контингента колонистов (переселенцев и арендаторов). Для каждого поселенца существует наиболее подходящая для его хозяйственной деятельности обстановка и отыскание этой наибольшей гармонии между навыками и бытом индивида и окружающей его средой является залогом успеха колонизации данного района.

При наличии в нашем Союзе огромного количества так называемых „бросовых“, „неудобных“ и вообще неподготовленных к хозяйственному освоению земель, вполне понятно то значение, которое приобретает в деле колонизации мелиорация. Не только отдельные

площади, но и целые районы, могут быть вовлечены у нас в народно-хозяйственный оборот только при помощи мелиоративных работ, и на исследование относящихся сюда вопросов Институт счел нужным обратить особое внимание, попутно с проблемой организации территории.

В соответствии с изложенным Институт наметил следующую программу работ Отдела по вопросам землеустройства и мелиорации в колонизационном разрезе.

А. В части землеустройства.

1. Принципы определения надельных норм для различных колонизуемых районов и различных хозяйственных типов.

I. Оптимальные размеры хозяйств.

II. Надельные нормы для хозяйств, основанных:

- а) на зерновых культурах,
- б) „ промышленно-технических,
- в) „ смешанных,
- г) „ земледельческо-скотоводческих.

2. Единоличное и коллективное начало при землеустройстве колонизуемого района.

3. Организация (землеустройство) поселений промышленного типа—железнодорожных, торгово-промышленных, рыбацких, фабрично-заводских и т. п.

4. Распределение земель колонизуемых массивов между поселениями городского и сельского типа.

5. Подбор контингента поселенцев.

6. Хозяйственное предназначение земель под различные формы использования.

7. Землеустройство коренного населения, как мера выяснения свободного государственного фонда (законодательство и техника современного землеустройства).

8. Землеустройство в кочевых районах.

9. Связь колонизации свободных пространств с землеустройством окрестного коренного населения.

10. Участие государства в деле организации колонизационных хозяйств (кредит, дорожное дело, строительство и т. п.).

Б. В части мелиорации.

11. Колонизационное значение водоустройства оседлых районов Туркестана.

12. Соединение Азовского и Каспийского морей через Манычскую впадину, как мероприятие колонизационного характера.

13. Колонизационное значение мелиорации Предкавказья.

14. Финансирование мелиораций:

- а) формы финансирования,
- б) налоговое обложение,
- в) водно-мелиоративный фонд,
- г) мелиоративный кредит.

15. Водное законодательство в применении к колонизации.

16. Оценки результатов осушения и мелиоративных перспектив в Полесьи.

7. Пути сообщения и вспомогательные предприятия.

Вопросы, подлежащие изучению Госколонита в данной области, у нас не только совершенно не разработаны, но и не вошли еще в сознание даже лиц, непосредственно занимающихся транспортным делом. Вопросы эти до настоящего времени у нас не ставились ни теоретически, ни практически, и, в результате, наши железные дороги далеко не оказывают того влияния на развитие экономической жизни в районе экономического тяготения к ним, какое наблюдается в других странах, где давно выработаны и применяются на практике методы оживления и заселения местностей, пересекающихся новыми железнодорожными магистралями. Сказанное в одинаковой мере относится как к старым линиям, работающим едва ли не столетие (Октябрьская), так и к недавно сооруженным, проходящим по слабо населенным, либо совершенно пустынным областям. При проведении железных дорог в давно обжитых районах никогда не обращалось внимания ни на необходимость облегчения земледельческому населению способов перехода к новым формам хозяйствования, ни на развитие промышленности, ни на оборудование района гужевыми, сплавными и судоходными путями, ни на увеличение площади удобных земель за счет неудобных, путем их мелиорации, ни, наконец, на уплотнение населения в придорожной полосе; и в результате оказывается, что и в районе наиболее старых дорог сохранилось до настоящего времени самое отсталое хозяйство, в новых же районах железные дороги проходят либо по лесным просекам, в виде корридора, не имеющего боковых выходов, либо по голым степям, при чем как в том, так и в другом случаях по обоим сторонам от железнодорожного полотна лежат безлюдные пространства. Между тем, страны Нового Света выработали особые приемы колонизации прилегающих к железным дорогам районов и оживления их посредством сложной системы вспомогательных предприятий, что обуславливает разительнейшие экономические эффекты. Приемы такого рода строительства должны быть детально и срочно изучены, в целях выяснения тех методов, которые уместно применять у нас в аналогичных случаях.

Помимо железнодорожных предприятий, как осей колонизации, последней сопутствуют, обычно, и другие вспомогательные предприятия, к числу которых относятся учреждения по облегчению условий передвижения переселенцев и устройства их на новых местах, по оказанию им агрономической и технической помощи, санитарному благоустройству и т. д.

В соответствии с этим, Институт наметил в качестве тем исследований по данной отрасли следующие:

1. Железные дороги как средство образования колонизационного фонда.
2. Водные пути сообщения и значение их для колонизации (Северная часть РСФСР, Сибирь, Дальний Восток и др. районы).
3. Развитие морских сообщений в Ледовитом море и колонизация его берегов.
4. Морские сообщения и колонизация берегов Тихого океана.
5. Вспомогательные железнодорожные предприятия и значение их для развития экономической жизни в районе, тяготеющем к железной дороге.
6. Методы оборудования колонизируемых районов гужевыми путями и финансирование его.

7. Влияние парового транспорта на развитие экономической жизни у нас и в других странах.

8. Железнодорожная колонизация, ее значение и методы в условиях СССР.

9. Методы железнодорожной колонизации Севера Европейской части РСФСР и северных районов Сибири.

10. Железнодорожная колонизация в связи с вспомогательными железнодорожными мероприятиями в районах орошения в Средней Азии.

11. Железнодорожная колонизация на Дальнем Востоке.

12. Колонизация Киргизской степи в связи с проведением Южно-Сибирской магистрали.

13. Колонизация относительно слабо населенных районов Европейской части РСФСР, давно прорезанных железными дорогами.

14. Вспомогательные мероприятия по оживлению слабо работающих железных дорог.

15. Деятельность железных дорог по оказанию населению агрономической помощи.

16. Вспомогательные мероприятия при колонизации:

а) по облегчению условий передвижения переселенцев;

б) по водворению на новых местах;

в) по агрономической помощи в районах водворения;

г) по снабжению строительными материалами, орудиями производства и, вообще, оказанию технической помощи;

д) по продовольствию новоселов и оказанию им медицинской помощи и по водоснабжению переселенцев в маловодных районах;

е) по развитию кредита и банковских операций на станциях железных дорог и в других пунктах.

17. Развитие элеваторной сети в колонизируемых районах и организация сбыта хлеба и других продуктов хозяйства.

Вышеочерченными семью главнейшими подразделениями замыкался круг собственно-исследовательской деятельности Госколонита. Но в состав общего научного ее сектора входят еще две отрасли: редакционно-издательская работа и, как самостоятельное задание, — подготовка научных деятелей и специалистов по колонизации.

8. Редакционно-издательская работа.

Одной из важнейших задач Госколонита, как и всякого исследовательского института, должен был явиться выпуск в свет печатных работ, заключающих в себе как итоги и выводы докладов и обсуждений их, происходящих в общих заседаниях, так и результаты работ отделов, секций и комиссий Института, выполняющих перманентно, либо по особым заданиям, те или иные научные работы и поручения. В течение первого года своей работы Институт, за недостатком средств, не мог развить редакционно-издательской деятельности, несмотря на значительное количество приготовленного к печати материала: только одна небольшая работа могла быть выпущена в качестве издания Института и Плановой Комиссии при ЦАГРУ. Правда, ряд статей, представляющих читательные в Институте доклады или резюме таковых, был напечатан в различных периодических изданиях („Сельское хозяйство и Пути Сообщения“, „Промышленность и Техника“, „Экономическая жизнь“, „Внешняя

торговля“ и др.) — равно как был напечатан и годовой отчет Института (в журнале ЦАГРУ „Сельское хозяйство и Пути Сообщения“), но крайняя надобность в издании более крупных работ, освещающих очередные вопросы и задачи колонизационного дела, ощущалась чем дальше, тем более остро, в связи с накоплением материала. Учитывая вышеуказанную назревшую потребность, форсировавшуюся еще пожеланиями заинтересованных в том ведомств, Институт наметил, наряду с планом своих основных работ, также и план издания тех из своих трудов, которые представляли наибольший интерес в общественном отношении. В этот план на ближайшее пятилетие вошли следующие темы, синтезировавшие соответственные работы:

1. Колонизация и ее роль в народном хозяйстве. Понятие колонизации, ее место в ряду других экономических мероприятий и процессов; основные типы колонизации.
2. Проблема колонизации в условиях социалистического строя.
3. Метрополия и колонии. Колониальная и колонизационная политика, национальный вопрос в колонизационных мероприятиях, колонизация и федеративный строй.
4. Прошлое и настоящее социальных миграций.
5. Населенность и перенаселенность, как факторы колонизации.
6. Этапы развития колонизационной политики в СССР.
7. Современные социально-экономические предпосылки колонизации в Союзе Советских Республик.
8. Колонизация и аграрный строй. Запросы внутреннего и внешнего рынка.
9. Промышленность в колонизации.
10. Колонизационное районирование СССР.
11. Колонизация и землеустройство.
12. Современные методы колонизации за границей.
13. Колонизация в Новом Свете.
14. Методы финансирования колонизации. Государство, частная инициатива, банки, концессии.
15. Роль кооперации в колонизационном деле.
16. Организационные формы колонизации. Аппарат; самостоятельность колонистов.
17. Иностранная колонизация в СССР. История и современное положение.
18. Контингент колонистов. Принципы подбора, ожидаемые очаги выселения.
19. Колонизационный фонд СССР.
20. Экономические предпосылки к обнаружению колонизационного фонда.
21. Техника создания колонизационного фонда.
22. Фонд для сельско-хозяйственной колонизации в СССР.
23. Фонд для промышленной колонизации в СССР.
24. Пути сообщения, как средство организации колонизационного фонда.
25. Мелиорация колонизационного фонда.
26. Организация хозяйств новоселов.
27. Организация быта колонистов.

28. Колонизация в СССР за время 1917—1922 г.

29. Нормы земельного обеспечения колонистов.

30. Железнодорожная колонизация, ее методы и значение.

31—40. Районные сборники по Северу, Юго-Востоку и Поволжью, Сибири, Дальнему Востоку, Туркестану, Киргизии, Кавказу и Крыму—по следующей программе:

а) место данного района в колонизационном отношении;

б) промышленность района, пути сообщения;

в) сельское хозяйство, землеустройство;

г) колонизационный фонд, мелиорация;

д) контингент засельщиков, перспективы и организация колонизации.

Предполагая в общем следовать этой перспективной программе, Институт полагал, что все вышеуказанные темы должны были бы составить содержание ряда выпусков „Трудов“ Института, группирующих отдельные темы в порядке их важности и логической и научной последовательности; осуществление данного плана всецело, впрочем, будет зависеть от финансовых возможностей.

9. Научно-образовательная работа.

Как указывалось выше (стр. 299), одной из основных задач Колонизационного Института является, по Положению о нем, подготовка научных исследователей, преподавателей ВУЗ'ов и специального персонала научно-квалифицированных работников колонизации. План работ в этом направлении был намечен еще в самом начале организации Института, была выработана программа научно-исследовательских курсов, долженствовавших охватить собою общие проблемы колонизации, основные моменты в колонизации Западной Европы и Америки, а также вопросы колонизации, специально в применении к условиям Советской Федерации (наш земельный фонд, горные богатства, растительность и почвы колонизуемых районов, лесные и звериные промыслы, проблема крестьянского и туземного хозяйства, рассмотрение отдельных районов), но, за отсутствием в первый год существования Института даже помещения для последнего, программа эта, рассчитанная на создание 1—2 годичных курсов, осуществиться не могла.

Попутно с составлением общего перспективного плана работ Института, и в связи с выявившимися более благоприятными возможностями, программа эта была пересмотрена, затем центр тяжести предстоящих научно-образовательных работ был сосредоточен на организации семинариев по колонизационным вопросам,—в предположении организации тесной связи Института с высшей землеустроительной либо сельско-хозяйственной школой. Участниками таких семинариев мыслились, с одной стороны, студенты соответственных ВУЗ'ов, а с другой—все вообще лица, рекомендованные Институту заинтересованными ведомствами, как необходимые в будущем работники в деле колонизации.

Обще-организационная работа.

Одновременно с установлением перспективной программы работ по научному сектору, Институтом была составлена особая инструкция к „Положению“ о нем, так как самое Положение, в силу своей

схематичности, не могло надлежащим образом и во всем требуемом объеме регулировать жизнь и деятельность Госколонита. В течение первого периода его деятельности возникло множество требовавших срочного урегулирования вопросов, собственно организационного характера, и, прежде всего, — вопрос о составе руководящего деятельностью Института Президиума.

Этот вопрос в интересах теснейшей увязки собственно академических работ Госколонита с запросами ведомств, ближайшим образом заинтересованных в разработке тех или иных колонизационных проблем, разрешен был в том смысле, что в Президиум Института были введены ответственные представители Наркомзема, Наркомнаца и того ВУЗ'а, с которым ближайшим образом должен был соприкасаться Институт в своей работе. Далее, в Инструкции к Положению были уточнены начала, определяющие квалификацию личного состава Института (действительные члены и научные сотрудники) и обязанности таковых, порядок собраний и вынесения решений, функции обслуживающего Институт технического персонала, штаты Института в целом и, наконец, организацию местных отделений Института, которые, по перспективным предположениям, мыслились к открытию (в виде либо отделений, либо опорных пунктов), помимо уже существующего Ленинградско-Мурманского отделения, также в Архангельске, Вологде, Краснодаре, Саратове, Самаре, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Владивостоке, Ташкенте, Оренбурге, Харькове и Екатеринбурге.

Так предполагал систематизировать и развернуть свою работу на предстоявшее пятилетие Государственный Колонизационный Институт, пользуясь данными четырнадцати-месячного перед тем опыта. Этот опыт, накопившийся в более чем неблагоприятных условиях почти полного отсутствия материальных средств, помещения и оборудования, должного доверия к удельному весу, впервые созданного в России Научно-Исследовательского Учреждения и, наконец, достаточного числа авторитетных сил, показал, с одной стороны, все дефекты пройденной работы — обуславливавшиеся, впрочем, в значительной части объективными причинами, а с другой — совершенно наглядную жизнеспособность и полезность Института, достигшего даже в первый период своей деятельности весьма ощутительных результатов, благодаря бескорыстной в полном смысле этого слова и действенной работе идеологических друзей колонизации, как научной доктрины. Около 50 научных докладов, заслушанных Институтом до осени 1923 г., ряд основательно проработанных и мотивированных заключений по запросам отдельных ведомств и, в итоге перспективный план работ Института, т. е., в сущности, впервые выработанная концепция новой крупной отрасли знания, — таков был актив Института при вступлении его во вторую, планомерную, фазу работы, с избытком, как-будто бы, покрывавший его пассив — недостаточную, в научном разрезе, доработанность обсуждавшихся тем.

Госколониту вообще предстояло: упорядочить и упрочить свое положение, как в отношении средств, помещения, оборудования, так и в отношении связи с ВУЗ'ами и с ведомствами; отшлифовать свою внутренне-организационную структуру, — ввести систему перспективного плана не только предстоящие, но и уже выполненные работы; дать последним необходимое, научное до конца, продвижение; должным образом популяризовать и сделать ведомственно полезными результаты своих трудов, и обязательно создать себе научно-образовательную базу.

Во второй части настоящего очерка будет дана отчетная сводка всех произведенных до сих пор исследовательных работ Института; здесь же представляется уместным охарактеризовать организационные достижения последнего протекшего года.

Несмотря на то, что как во внутреннем, так и во внешнем положении Института за 1923-1924 академические годы произошло много перемен к лучшему (получение Институту вполне достаточного обособленного помещения при Московском Межевом Институте, объединение с последним на почве научного образования, некоторое увеличение средств Института, за счет отчислений специальных средств Наркомзема на производство необходимых последнему исследований, упорядочение Институтской библиотеки с доведением ее численности до 1000 с лишним томов против 154 к началу 1923 г. окончательное сконструирование авторитетного Президиума, упрочение связи с соответственными Главками, приток сотрудников и т. п.), — все же объективная обстановка не позволила еще Институту вести свои основные работы с тем их методологическим подразделением, какое было предусмотрено перспективным планом.

А именно, продолжающее ощущаться еще достаточно остро несоответствие между объемом поставленной Институту задачи и количеством отпускаемых ему средств заставило Институт сразу же отказаться, прежде всего, от немедленной организации намечавшихся перспективным планом (см. выше) отделов. Однако, поскольку этот последний план, являясь по существу программой максимум, допускал в своей организационной основе априорную мыслимость неодинакового развития тех или иных работ, и поскольку на лицо уже имелся систематический стержень, — постольку и данный вопрос представлялось возможным разрешить, на время, более или менее безболезненно, путем сосредоточения всей исследовательской деятельности Института лишь в двух основных отделах: теоретических и прикладных исследований, с соответственным сокращением объема работ, относившихся по перспективному плану к компетенции, составлявших каждое из этих направлений отделов. Иначе говоря, Институт вынужден был временно ограничиться программой минимум, успешность осуществления которой в значительной мере зависела от степени рациональности сочетания академического начала с началом практицизма.

Конечно, едва ли удовлетворительным можно было бы признать в данном отношении то направление работ, когда Исследовательский Институт, активно откликаясь на запросы современной жизни, вовсе оставил бы в тени дело собственно теоретического изучения. Пока, как то имело место до 1923 г., Институту приходилось прежде всего завоевывать колониальным вопросам внимание в жизни и в ведомствах, когда нужно было „пожарно“ отвечать на наболевшие их запросы, тогда отодвижение собственно теоретической работы на задний план еще имело свое оправдание. Ныне же, по выполнении Институту главной массы своей консультативной работы, он должен был в меру даваемого ему материального базиса стать на твердую почву в подведении теоретических основ своей идеологии и лишь попутно служить целям собственно практическим.

В соответствии с этим и озабочиваясь всемерной экономией в отношении объема вопросов, Госколони поставил своему Теоретическому Отделу следующие сводные, впредь до последующей дифференциации, задания:

1) Установление методов выявления аграрной перенаселенности и размеров последней; 2) выяснение причин, форм и классификации

миграционных процессов; 3) установление исторических путей колонизации, поскольку эти пути проливают свет на оценку районов колонизации и методов их заселения; 4) определение методов колонизации и построения оптимальных хозяйств при земледельческой, лесопромышленной, рыбопромышленной, земледельческо-скотоводческой колонизации; 5) установление основ рациональной техники колонизационного землеустройства и вспомогательных сооружений (особенно железнодорожных); 6) учет физико-географических и биологических факторов колонизации и природных богатств, недр, вод, почв и лесов и 7) методологическое обоснование колонизационно-миграционной науки; кроме того, имелось в виду развить информацию о колонизационно-миграционных процессах, о политике и технике колонизационного дела в мировом масштабе и т. д., в виду огромного обилия сравнительного материала из жизни разных народов и районов, поучительности сопоставления методов и факторов по разным зонам и весьма ярких процессов, происходящих в международной жизни и перераспределяющих самые пути развития производительных сил.

Наконец, при Теоретическом Отделе должна была получить осуществление и научно-образовательная работа, в виду еще ранее намеченных семинариев.

Отдел Прикладных Исследований должен был, в свою очередь, принять на себя разработку преимущественно таких колонизационных вопросов, разрешение которых ближайшим образом связывается с практическими мероприятиями. Вследствие выяснившейся невозможности полностью развернуть работы Госколонита в этой области по перспективному плану и, вследствие, с другой стороны, продолжавшего иметь место чрезвычайно интенсивного спроса со стороны различных ведомств на отзывы Госколонита по наиболее жизненным для этих ведомств вопросам, операционным планом работ Отдела Прикладных Исследований имелось в виду выполнить имеющимися в распоряжении Отдела силами, в точном соответствии с наличными и ожидаемыми материальными ресурсами и в соображении увязки прикладных исследований с исследованиями теоретического характера, прежде всего ту большую работу, начало которой было положено Институтом еще до образования Отдела по заданию Госплана. Работа эта заключалась в построении основ колонизационного плана по каждому из подлежащих районов СССР, в связи с разработкой общего плана колонизационных мероприятий на ближайшее пятилетие и в формулировании, на основании изученного материала, основных тезисов в отношении колонизации каждого из районов; таких районов было намечено 5: Север РСФСР, Юго-Восток с Северным Кавказом, Сибирь, Туркестан и Дальний Восток.

Попутно, затем, в том же Отделе должны были подвергнуться разработке и отдельные прикладные вопросы. Распределением наличных сил Института (действительных членов и научных сотрудников) по указанным выше двум основным отделам, при внутренней, еще раз, группировке этих сил в пределах каждого из таковых (в теоретическом по специальности, а в прикладном — порайонно), — завершилась, в сущности, последняя организационная перестройка Госколонита, давшая осязательные, в смысле выдержанности системы в исследовательских занятиях, результаты. Наличие „плана“ в работе ощущалась ныне уже достаточно явно. При этом следует отметить, что, несмотря на постоянную почти реорганизацию, последняя ни в какой мере не влияла на темп работы Института,

шедшей до последнего времени полным ходом. Здесь достаточно указать хотя бы на тот факт, что к концу мая 1924 года число научных сообщений, заслушанных и обсужденных Институтом в его различных подразделениях (Совет, Президиум, Отделы, Секции и Комиссии) было значительно более ста, тогда как за первый период деятельности Госколониата, на 5 мес. превысивший количественно второй период,—их насчитывалось не свыше 50.

II. Работа Госколониата.

Крайне трудным, а, может быть, и бесполезным еще пока, делом представлялось бы детальное, теперь же, подытоживание всех работ Госколониата, лишь сравнительно весьма недавно вступившего на путь планомерного осуществления своих научно-исследовательских и образовательных задач—при совершенной неустановленности, до сего, даже отправных точек зрения на все многосторонние отрасли колониационно-переселенческого процесса. Можно с безошибочностью сказать, что все выводы Госколониата по более чем сотне отдельных, находившихся на его обсуждении, вопросов носили до сих пор характер прелиминарных заключений, требующих еще значительного углубления, научной проверки и обработки; а раз это так и быть не могло иначе, то и итоги работ Института должны расцениваться лишь в разрезе большего или меньшего приближения к действительно научным достижениям, и с точки зрения соответствия, выраженных Институтом суждений, потребностям переживаемого страной времени. Несвоевременной еще являлась бы теперь и попытка строгого сопоставления прошедших через Госколониат работ и вопросов с выработанным Институтом и вышеописанным перспективным планом его работ—его „методологическим стержнем“: последний, представляя сам по себе работу крупнейшего академического и практического значения, был закончен составлением лишь к концу 1923 г., и, таким образом, требовать полной увязки с этим планом,—как во времени, так и по существу, всех работ Института, добрая половина которых была начата еще во вне-плановой период его деятельности,—было бы невозможно. Научно-исследовательская мысль не может быть чрезмерно форсирована даже и при наиболее благоприятных условиях ее течения, истекшие же два года со времени образования Института не блистали, особенно в начале, благоприятностями. Ко всему изложенному следует добавить, что как ни богат, сравнительно, наш прежний колониационно-переселенческий опыт всякого рода наблюдениями, как ни богата тем же практика иностранной колонизации,—тем не менее, при отмеченной выше общей неустановленности научных догматов в этом деле, Госколониату предстояла еще тем более трудная задача в области соответственных анализа и синтезирования, что даже и имевшийся у него под рукою опытный багаж ему приходилось неустанно обрабатывать и процеживать сквозь призму нового понимания жизни и процессуальных форм ее развития, класть его и в основу своих предположений и перерабатывать, таким путем, весь огромный и разрозненный материал. Конечно, такая работа не могла и не может производиться сколько-нибудь на-спех.

С указанными оговорками, всю проделанную до сих пор Госколониатом работу, представляется, все же, возможным подразделить, по ее итоговым результатам, на две основные рубрики—теоретическую прикладную,—подобно тому, как аналогичное подразделение пола-

галось в основу и перспективного плана. Однако, здесь следует иметь в виду, что и это подразделение не оказывается совершенно выдержанным, так как в цикл собственно теоретических вопросов постоянно вклинивались, по условиям момента, вопросы прикладного характера, и, наоборот, при обсуждении последних весьма часто приходилось касаться и намечать разрешение проблем общего значения.

А. Работы теоретические.

В области пройденных Госколонитом исследований преимущественно теоретического характера может быть выделено три основных группы, а именно: по постановке проблемы населенности и выяснению переселенческих перспектив, по общей методике колонизационной политики в СССР и по оценке опыта иностранной колонизации. Особо выделяется, в составе теоретических работ, работа научно-образовательная.

1. Проблемы населенности и выселенческие перспективы

получили свое выражение в шести докладах действительных членов и научных сотрудников Института: проф. Лубны-Герцыка—на темы о перенаселении и об опыте установления норм землепользования по материалам с.-х. переписи 1917 г., проф. Нерсоева—о районах населенности в РСФСР по переписи 1920 г. (опыт демографического районирования), проф. П. П. Маслова—о влиянии на производительность труда в сельском хозяйстве естественно-исторических и социально-экономических условий, А. А. Котова—анализ крестьянских хозяйств в обжитых территориях в свете колонизационной проблемы и Н. В. Турчанинова—очаги выселения.

По этим вопросам Институт вынес общее решение о целесообразности осторожного отношения к приросту населения при замедленном темпе роста производительности народного хозяйства по отдельным районам, признал необходимость установления норм населенности и детального уяснения степени насыщенности населением различных районов России и раскрытия действительных, таким путем, очагов переселения в ближайшем будущем, что должно явиться основой для практической работы.

К той же проблеме населенности Колонизационный Институт подошел конкретно в самое последнее время, в мае 1924 г., в связи с запросом Переселенческого Отдела НКЗ об основаниях, на коих можно и должно было бы поставить обследовательскую, в отношении данной проблемы, работу. Учитывая, с одной стороны, совершенно неотложную ведомственную необходимость в таких обследованиях, а с другой—невозможность организовать теперь эти обследования во всем должном масштабе и углубленности, президиум Института поручил специально выделенной для сего комиссии приступить к разработке этой проблемы по следующей программе:

1. Неотложность разрешения проблемы труда при настоящем состоянии хозяйства Республики для правильной постановки мероприятий по восстановлению сельского хозяйства и, в частности, колонизационного дела.

2. Избыточный труд в сельском хозяйстве до войны, в настоящее время и в ближайшей перспективе по районам Госплана.

3. Намечающиеся пути и средства к ослаблению ликвидации перегруженности деревни избыточным трудом.

4. Перспективы промышленности с точки зрения поглощения избыточного деревенского труда.

5. Возможности поглощения избыточного труда в сельском хозяйстве путем рационализации и интенсификации этого хозяйства (трудоемкие культуры).

2. Общая методика колонизационной политики в СССР.

В данной области сосредоточилось, естественно, наибольшее число работ и докладов, а именно: а) проф. Гримма — основные типы колонизационно-миграционных процессов, их происхождение и характер, б) проф. Борзова — о принципах организации естественно-исторических исследований в колонизационных районах, в) А. В. Успенского — о картографии на службе колонизации, г) В. П. Вошинина — о новейшем земельно-колонизационном законодательстве, д) профес. Батюшкова — об индустриализации сельского хозяйства при колонизации, е) С. В. Ободовского — о принципах лесной колонизации, ж) М. А. Большакова — об очередных (1925 г.) колонизационно-переселенческих мероприятиях НКЗема, з) Т. И. Седельникова — об основах советского землеустройства и колонизации в автономных республиках и областях РСФСР, и) Д. П. Ивановича — „Концессионное право и колонизация“, к) В. М. Воблого — о наступлении концессионного периода и о нашей к нему подготовленности, л) проф. Огановского — о концессионном вопросе в сельском хозяйстве и в деле колонизации СССР, м) проф. Озерова — о колонизационном банке и о привлечении в Союз Советских Республик иностранных капиталов через железнодорожное строительство и н) тов. Рыжика — об основах социалистической колонизации.

Объем настоящего отчетного очерка не позволяет остановиться сколько-нибудь подробно на существовании перечисленных докладов и на постановлениях по ним Госколонита, хотя некоторые из последних, как напр., по докладу Седельникова, представляют собою всесторонне мотивированную систематическую сводку основных методологических построений советской колонизации, другие же (например, по группе концессионных вопросов) определяют отношение Института к наиболее актуальной проблеме сегодняшнего дня.

Здесь представляется уместным отметить лишь один результативный эффект произведенной работы: только благодаря своевременной постановке на очередь и проработке вышеуказанных докладов, Госколонит имел возможность достаточно обосновать и подробно развить, по просьбе Госплана, свое заключение по существу тезисов, составленных НКЗемом о задачах советской колонизации, о переселениях и о плане работ в этой области на 1924 г., — каковое заключение в основе своей было принято Госпланом, а впоследствии и Совнаркомом Союза. В частности, получило осуществление то организационное пожелание Госколонита, в силу коего, в интересах не только междуведомственного согласования, но и в целях высшего руководства делом колонизации на всей территории Союза и для авторитетного и неоспоримого, при этом, толкования и проведения в жизнь резолюций съездов РКП, при СНК Союза намечалось создание Центрального Колонизационного Комитета.

3. Иностранная колонизация.

Работы Института по изучению методов и достижений иностранной колонизации выразились прежде всего в обсуждении ряда докладов инженера Епанчина: а) „Финансирование железнодорожной колонизации“, б) „Канадская Тихоокеанская железная дорога, как образец комбинированного железнодорожно-колонизационного предприятия“, в) „Методы железнодорожной колонизации Канады“ и г) „Главные основания Канадского Федерального закона о колонизации прерий Дальнего Запада Канады“.

Этими докладами была широко охарактеризована колонизационная и земельная политика Канады, из познания которой Институт не замедлит, своевременно, сделать необходимые обобщения и выводы. Ту же цель преследовали и последовавшие, затем, доклады проф. Скорнякова „Колонизация прерий Северной Америки“, агронома Коля о „Гомстадной системе колонизации“, проф. Беркенгейма о политике разных европейских государств по отношению к туземцам колонизируемой страны, проф. Першина о земельной реформе в новых государствах Европы и, наконец, проф. Чилийского Университета Гальвеца—о колонизации Чили.

Указанными выше докладами была в полной мере подтверждена правильность принятого еще ранее Институтом решения о необходимости самого внимательного изучения иностранной колонизации и земельного дела на Западе, в целях извлечения из опыта других стран приемлемых и для нас приемов вовлечения в культуру новых земель. Последний же доклад проф. Гальвеца явился доказательством налаживающейся уже связи Госколонита с научными учреждениями Нового Света и Запада. Эта связь пока в порядке обмена письменными сообщениями, уже установлена с Международным Колонизационным Институтом и другими учеными учреждениями разнообразных стран.

Научно-образовательная работа.

Только с установлением (в сентябре 1923 года) тесной связи с наиболее заинтересованным ВУЗ'ом—Межевым Институтом, введенным еще в 1919 г. в свой учебный план на землеустроительном факультете изучение переселения и колонизации, как обязательного предмета, а с 1923—1924 г. выделившим на том же факультете особую колонизационно-переселенческую специальность, Госколониту удалось наладить свою научно-исследовательскую работу, путем организации (принятия на себя ведения) студенческих семинариев. Таких семинариев было организовано три:

- 1) по экономическому описанию колонизационных районов;
- 2) по экономике и методике колонизации;
- 3) по теории переселений.

Все эти семинарии предусмотрены учебным планом Межевого Института по колонизационной секции землеустроительных факультетов. В соответственных работах приняло участие 48 студентов, из которых каждый представил по несколько докладов. Занятия велись с участием приглашаемых лучших специалистов по тем или иным вопросам, иллюстрировались студентами широко применением графических методов иллюстрации по сырым материалам производственных планов разных губерний. Эта методическая работа, совпавшая с проведением

в жизнь новых методов преподавания, проводимых Главпрофобром, стала возможной лишь благодаря участию Госколонита и вызвала положительный отзыв технической секции Государственного Ученого Совета в заседании по докладу Межевого Института о его методической работе. Руководителями семинариев были В. П. Вошинин, П. Л. Ямзин и А. А. Ярилов. Можно уверенно сказать, что из семинариев выйдут практические работники высокой квалификации и, вероятно, несколько молодых научных работников.

Б. Цикл работ прикладного характера.

По мере разработки основных проблем колонизации вообще и ее очередных задач в СССР, а также и в связи с постоянными текущими запросами ведомств и самой жизни, совершенно подчас конкретного характера (как, например, работа особой секции Института по определению хозяйственного предназначения государственных земельных имуществ), обсуждение Институту тех или иных тем все более стало связываться с определенными районами, так как только в этой форме колонизационная проблема получала свой жизненный смысл и значение.

Таковыми основными районами в процессе работы, а также в соответствии с конкретными начинаниями ведомств, явились: Сибирь, Дальний Восток, Север Европейской части СССР, Юго-Восток и из автономных республик РСФСР—Туркестан и Киргизия. В виду особой актуальности районных проблем, им уделяется ниже несколько более подробное изложение.

С и б и р ь.

Установление важнейших перспектив колонизационного плана в отношении Сибири, этого главного вместилища прежних волн переселенческого движения, началось с лета 1922 года, когда были заслушаны доклады М. А. Большакова: „Современное положение колонизационного и переселенческого дела в Сибири“ и Н. К. Шумана: „О работах экспедиции по определению таежного колонизационного района в Сибири“.

В первом докладе указывалось о внутри-сибирских передвижках к югу от таежных и подтаежных мест, причем в некоторых местах движение это принимало грандиозный характер, как, например, в Мариинском уезде, Томской губернии, где из таежных участков ушло до 40% населения. Наряду с этим отмечалось переселенческое движение из Европейской России и, наконец, значительное число крестьян, продолжавших быть неустроенными.

Доклад Н. К. Шумана касался так называемой „Васьюганья“, т.е. обширной таежной площади по течению реки Васьюгана (левый приток Оби), где до 3¹/₂ миллионов десятин могут почитаться объектом колонизационного воздействия.

Заслушав означенные доклады, Колонизационный Институт нашел недопустимым в дальнейшем пассивное отношение к колонизационным вопросам в Сибири и счел для себя обязательным указать государственным учреждениям на необходимость принятия некоторых основных колонизационных - землеустроительных мероприятий, а именно: а) установления твердых норм регулирования переселений и устройства неприписанных переселенцев, б) учета скопившихся в Сибири

самовольцев, в) учета экономических результатов доприселений 1920—1922 г. и влияния их на уменьшение норм наделения землей, г) учета и изыскания земельного фонда в Сибири, д) разработки хозяйственного плана колонизации Сибири в согласии с общим планом экономического развития РСФСР, е) уяснения условий финансирования колонизации и ж) необходимости в интересах научного обоснования технических приемов колонизации в необжитых и неизученных районах, в случае приступа к планомерной колонизации их, выделения опытных колонизационных полей крупного масштаба для систематического, стационарного, производства на них наблюдений за последовательным обживанием этих районов и отдельными стадиями его.

В следующем году М. А. Большаковым были сделаны еще 2 сообщения о Сибири. Первое—„О методе составления планов колонизации“ с основной ориентировкой на Сибирь и второе—„Колонизационный земельный фонд и перспективы земледельческой колонизации Сибири“. Здесь докладчиком проводилась та идея, что, по существу дела, земельные просторы Сибири должны почитаться исчерпанными, поскольку речь идет о легко-освояемом фонде. Проблема колонизации Сибири оказалась вплотную перед необходимостью выработки такого плана хозяйственного внедрения переселенческих контингентов, какой может быть создан лишь при коренном пересмотре основных принципов и методов нашей прежней колонизационной политики. Этот пересмотр вытекает из признания необходимости пересмотра отправных точек зрения на Сибирь, как на колонизационный фонд, который требует или широких и дорогих мелиоративных работ с огромными расходами, или же перестройки всего хозяйства Сибири в сторону развития ее промышленной продукции. Но это предполагает насыщение Сибири путями сообщения, приближение к ней мировых и крупных внутренних рынков, а также привлечение крупных капиталов, коих на месте, да и вообще внутри страны, не имеется. Техническим дополнением к этому докладу явился доклад Н. В. Рубинского о емкости колонизационного фонда в Сибири.

Институт в общем одобрил указанные доклады, при чем суждения, в частности по этому поводу, получили свое отражение в общих тезисах о колонизации Сибири и в пояснительной к этим тезисам записке (см. ниже).

Достаточно, далее, внимания уделено было проблемам Сибирского Севера и особо вопросу об охране интересов туземцев. По первым из указанных проблем проф. Б. М. Житковым была рассмотрена основная проблема в жизни Сибирского Севера—его связь с внешними рынками (обзор новейших работ по созданию северного морского пути в Сибирь); проф. же Городков сделал сообщение о результатах научного обследования некоторых районов того же Севера (растения, почва и человек). По вопросу о туземцах Сибири и их хозяйства соответствующие сообщения были сделаны: проф. А. А. Яриловым—„Культурная ценность сибирских туземцев и их охрана“, „Эволюция кочевого хозяйства хакасов“; профессором Б. М. Житковым—„Вопрос об охране туземцев в связи с возможностью промышленного использования крайнего Севера“, „Об оленеводстве“; А. Я. Тугариновым—„Туруханский край“ и т. Барашковым—„О тюркском населении южного бассейна Енисея“. Соответственные заключения Госколонита были своевременно направлены в Наркомнац.

В связи с перечисленными докладами выдвинут был вопрос об организации систематического—частью чрез посредство местных

корреспондентов, частью путем ежегодных экспедиций самого Госколонита—наблюдений за эволюцией хозяйственной жизни и намечающимися в ней прогрессивными формами, у охотничьих племен Севера с одной стороны, и с другой—у степняков, кочевых скотоводов. Первая экспедиция Госколонита, направившаяся в этом году в приенисейские и абаканские степи приступает уже и к практическому осуществлению намеченного задания.

Физико-географический очерк Алтая дал в особом докладе проф. Сапожников.

Итого, по Сибири, было заслушано 15 докладов.

Дальний Восток.

Впервые вопросы Дальнего Востока, как особая проблема, были поставлены в Институте летом 1923 г., в связи с приездом тогда в Москву Преддальревкома П. А. Кобозева, сделавшего, по приглашению Института, доклад об общих проблемах колонизации этого края, уточненный и развитый впоследствии конкретными данными позднейшего времени.

Дав общую естественно-историческую характеристику этой далекой окраины, охарактеризовав далее этнографический ее состав и сложность той политической и экономической конъюнктуры, в какой приходится ставить и решать проблемы колонизации на Дальнем Востоке, П. А. Кобозев наметил как общие условия для его колонизации, так и особенности составляющих данный край губерний и отраслей местного хозяйства с оговоркой, что при малой обследованности края (в общем около 11%) все цифровые данные и результаты не могут претендовать на исчерпывающую точность. Небольшой сравнительно запас годных для сельско-хозяйственной культуры земель и наличие рядом, в Маньчжурии, крупного поставщика дешевого экспортного хлеба заставляют смотреть на сельское хозяйство Дальнего Востока только как на продовольственный и отчасти сырьевой базис для имеющейся здесь промышленности. С другой стороны, отдаленность от центра, крайне редкое население, экономическое тяготение всей окраины к тихоокеанскому побережью и, в связи с этим, к иностранным рынкам, массовое, наконец, вселение сюда граждан иностранных капиталистических держав,— все это сообщает проблеме колонизации Дальнего Востока характер первоочередности.

Непосредственно процессу переселения на Дальнем Востоке русских засельщиков, что априорно признается делом целесообразным и желательным, должно предшествовать, по мнению докладчика, внутреннее переводворение старожильческих элементов в связи с тем сдвигом, который имел здесь место в эпоху революции, и крайней неравномерностью в размерах старого земельного наделения. Затем, переселение на Дальний Восток должно обязательно обуславливаться качественным подбором колонистских контингентов, в виду совершенного своеобразия природных условий и хозяйственной конъюнктуры. Китайское и корейское переселение на Дальний Восток равным образом не должно упускаться из виду, как особая проблема.

Развитие местного сельского хозяйства может быть обеспечено только путем введения в севооборот специальных культур и параллельного развития соответственных отраслей животноводства. Что же касается промышленного оживления края, то важнейшими отраслями, в которых местная промышленность обещает наибольшую устойчи-

вость и широкий размах, являются: горная (особенно золото и уголь) лесная (экспортные сорта), а также рыбные и морские промыслы.

На лесные, в частности, материалы наблюдается интенсивный спрос со стороны всего тихоокеанского побережья, даже Австралии. В то же самое время лесные ресурсы Дальнего Востока могут считаться почти безграничными, так как даже лесообрабатывающая промышленность всей России смогла бы перерабатывать только одну пятую часть ежегодного прироста дальневосточных лесов. Рыбные богатства и морские промыслы Дальнего Востока, несмотря на широкие возможности, либо расхищены неумелой эксплуатацией, либо в значительной степени захвачены иностранцами, — отсутствие планомерного хозяйствования сказывается и на пушных богатствах края. Напротив, золотой промысел и, вообще, использование ископаемых богатств Дальнего Востока сулят краю блестящие перспективы, при чем добыча золота и в настоящее время немногим меньше довоенной.

Дополнительной иллюстрацией к докладам П. А. Кобозева явились сообщения: А. Д. Батурина — „Об использовании островов Дальнего Востока для промышленного звероводства“, Д. Добровольского — „Командорские острова в прошлом и желательная организация хозяйства на них в будущем“ и П. И. Колоскова — „О климатических предпосылках колонизации Амурской области“.

Первый из названных докладчиков указал на исключительные удобства всех вообще островов Дальнего Востока для образования на них пушных питомников и культурных зверопромышленных хозяйств, в силу чего из них можно создать опорные пункты государственного пушного хозяйства по образцу Северной Америки, Канады и, за последние годы, Японии, современное же состояние промыслового хозяйства на этих островах граничит с полным уничтожением избиловавших там некогда богатств.

И. Д. Добровольский конкретизировал вышеизложенное на примере Командорских островов — единственного места на земном шаре, где сохранился морской бобер, где сосредоточивается единственный центральный рассадник голубого песка, и где, наконец, исчезает раньше многочисленный котик. В качестве меры практического характера докладчиком рекомендуется выселение с островов на континент излишнего населения, эксплуатация островов силами самой казны и, только как переходная мера, образование смешанного общества по эксплуатации пушных богатств местности.

Доклад П. И. Колоскова — „Климатические предпосылки для колонизации Амурской области“ — устанавливает важнейшие естественно-географические условия, с которыми необходимо считаться при колонизации этого края.

Север Европейской России.

Близость Севера Европейской части СССР к обжитым районам верхней части Волжского бассейна и весьма слабая населенность этой окраины, обладающей большими природными богатствами и прилегающей к открытым побережьям Ледовитого моря, — делают заселение означенной края одною из настоятельных задач настоящего времени. Поэтому Госколонит с самого начала своей деятельности, с сентября 1922 г., приступил к изучению вопросов, связанных с колонизацией Севера. Первою работой в этом направлении был доклад инженера.

Н. Н. Епанчина — „О главных основаниях финансирования Северных комбинированных железнодорожных систем и их колонизационных, мелиоративных и прочих подсобных предприятий“. В этом докладе инженер Епанчин, автор известного труда о железнодорожной колонизации прерий Канады, доказывал необходимость применения и у нас, на Севере, методов железнодорожной колонизации, на основе образования комбинированных железнодорожных предприятий, с предоставлением таковым, сверх производства операций транспортных, также функций торгово-промышленных, колонизационных и мелиоративных.

При подобном объединении вышеуказанных функций в составе железнодорожной комбинированной системы, будет достигнуто, по мнению докладчика, быстрое развитие транспорта и промышленности в районах заселенных и обеспечено всестороннее развитие производительных сил районов пустынных. Поэтому, комбинированным железнодорожным системам надлежит предоставить от казны и местных организаций возможно более широкое материальное содействие, а при невозможности такового — права использования в районе линий государственных земельных и иных имуществ, в целях изыскания средств для погашения известной части первоначальной стоимости железнодорожной сети и для образования особых фондов, служащих источником покрытия платежей по оплате процентов и погашения железнодорожных облигаций и дефицитов по эксплуатации сети. В конечном итоге, для осуществления подобных предприятий необходим концессионный капитал.

Несколько иную точку зрения на колонизацию Севера, — в части, главным образом, методологической, — развил Д. И. Шаховской, высказавший, что широкое практическое осуществление колонизационных возможностей на Севере во всем их объеме в ближайшее время, вследствие недостатка для означенных целей капиталов и вследствие общих тяжелых условий, переживаемых хозяйством страны, вероятным не представляется. Поэтому приходится ограничивать размах ближайших практических предположений в деле колонизации, но тем не менее в некоторых районах колонизационная работа должна быть немедленно поставлена, и прежде всего в Приморских местностях с рыбными промыслами, затем в малонаселенных районах вдоль существующих железных дорог и шлюзованных рек и на некоторых отдельных участках, особенно благоприятных по природным условиям.

Следующий доклад инж. В. А. Эвальда — „Железнодорожная колонизация Севера России“ — был, как и доклад инженера Епанчина, посвящен установлению необходимости признания за делом колонизации Севера Европейской части СССР самостоятельного значения, совершенно независимого от значения и надобности заселения Сибири и эксплуатации богатств последней; поэтому и колонизационные пути сообщения Европейского Севера должны проектироваться на трассе, независимой от сибирских нужд. Сама же по себе колонизация Севера должна быть основана на прямом, непосредственном и простейшем приобщении северных районов к уже обжитым центральным областям, и потому нужные для колонизации Севера железные дороги должны идти от населенного центра к заселяемому Северу, т.-е. в меридиальном, а не широтном и не диагональном направлении. Положительный пример Америки и отрицательный пример нашего собственного опыта показывают, что железные дороги являются единственным верным и мощным средством колонизации, но лишь

при условии предоставления этим дорогам права комбинировать железнодорожное предприятие с промышленными, агрономическими и другими задачами, требующими затраты крупного капитала и предоставления ему достаточной широты инициативы и правовых гарантий. Совокупность результатов, ожидаемых от разрешения этих задач, представила бы собой такой крупный поворот в экономической жизни страны, что необходимо длительное изучение и обсуждение данного вопроса в компетентных кругах, независимо от степени осуществимости этих задач в ближайшее время.

В связи с вышеуказанной постановкой применительно к Северу вопроса о методах железнодорожной колонизации, Институтом был заслушан ряд докладов о практических мероприятиях по колонизации Севера и о необходимости предоставления железным дорогам, существующим в этом крае, и в первую очередь Мурманской, определенных земельных площадей для их колонизации. К числу этих докладов, состоявшихся в ноябре и декабре 1922 г., относятся доклады инженера П. М. Гаевского — „О методах промышленной колонизации Севера“, Ю. П. Иорданского — „О железнодорожной колонизации Мурманско-Олонечного края“.

В первом из этих сообщений докладчик устанавливал, что основное богатство Севера, — леса, имеющие по величине площади мировое значение, могут быть широко использованы в народно-хозяйственных целях СССР только при условии возможно полного развития путей сообщения — водных, железнодорожных и грунтовых, а также заселения Северного края. Ископаемые богатства Севера менее ценны и не могут, поэтому, привлечь сюда капиталы столь мощные, что бы они сами по себе могли преодолеть обуславливаемые суровым климатом, малолюдьем и бездорожьем трудности. Эксплоатация ископаемых несомненно нужна, но осуществима лишь при условии заселения края, обеспечения его дорогами и, в частности, при организации комбинированных горно- и лесопромышленных предприятий и производств. За невозможностью при данном финансовом положении страны получить прямые, на дело колонизации Севера, государственные кредиты, надлежит привлечь к колонизационной деятельности существующие здесь железные дороги, города, всякого рода объединения, кооперативы и частный капитал, при чем за правительством остается организация всей этой работы, руководство ею и плановое согласование деятельности различных предприятий. В частности, для колонизации Севера необходимо: а) произвести отвод существующим железным дорогам Севера в малонаселенных районах соответствующих территорий с их лесами и недрами в бессрочное пользование для заселения и промышленного использования природных богатств, с тем, чтобы все средства, получаемые от этого использования, поступали на мероприятия по развитию экономической жизни в районе дорог; б) отвести в бессрочное пользование городов достаточной величины площади с предоставлением городам права на эксплуатацию, заключающихся в пределах этих площадей лесов, карьеров, рудников, водопадов и пр.; в) разработать на целесообразных основаниях уставы мелиоративных и других товариществ, приняв пожелания бывших съездов относительно изменения уже изданных узаконений и усилить кадр инструкторов кооперации; г) разработать и ввести в проекты концессионных договоров колонизационные мероприятия; д) разработать и ввести положение о порто-франко к северу от полярного круга; е) разработать положения о правовых и налоговых льготах для предприятий и колонистов Севера. С другой стороны, в целях привлечения

к делу колонизации Севера самодеятельности местного населения следует принять меры к облегчению нуждающимся в земле крестьянам выселения с общинных земель на свободные, не занятые под сельскохозяйственное пользование пространства и к выделению таковых из состава лесного фонда для обращения в сельскохозяйственные угодья и для увеличения культурной производительной площади.

Доклад Ю. П. Иорданского был посвящен обоснованию необходимости предоставления Мурманской железной дороге земельного отвода, и выяснению значения этого мероприятия для оживления Карельско-Мурманского края. Эта же тема была дополнительно развита и в докладах: Г. Ф. Чиркина — „О Мурманской колонизации“, проф. Н. И. Прохорова — „О методах работы Мурманской Агротслужбы“, Г. Н. Логанова — „Об условиях предоставления Мурманской железной дороге территориальной полосы“ и Д. М. Зайцева „О практических задачах колонизации Мурманского края“. Только этот последний докладчик оспаривал целесообразность предоставления Мурманской железной дороге возможности заниматься колонизационными мероприятиями, Институт же в целом присоединился к точке зрения так называемых „канадизаторов“. Все перечисленные выше доклады оказались тесно связанными с чисто практическими и актуальными мероприятиями, возникнув в порядке выполнения Институтом научно-консультативного содействия государственным учреждениям по их запросам в области колонизации. Северному району в этой части работ Института оказалось уделенным наиболее крупное, по объему, место.

Проект постановления об отводе Мурманской железной дороге земель для их колонизации, разработанный Правлением дороги, был представлен последним на рассмотрение Колонизационного Института еще в ноябре 1922 г. и тогда же, в заседании, посвященном этому вопросу, в коем участвовали представители как Правления дороги, так и заинтересованных ведомств и учреждений, Институт высказал свои общие замечания по проекту.

Позже, в ряде докладов, сделанных представителями Ленинградского отделения Института, при участии представителей Северолеса и других учреждений и ведомств (см. выше), вопрос о предоставлении Мурманской железной дороге определенной земельной полосы разросся в общий вопрос о колонизации Карельско-Мурманского края.

Сделав сводку этих докладов и обсудив их в особых своих заседаниях, Институт пришел к определенным, точно им сформулированным заключениям, относительно необходимости колонизации пересекаемого железной дорогой края. В связи с этим, около половины ноября прошлого года, Плановая Комиссия при Цагру, существовавшая в то время, обратилась к Институту с просьбой разработать вопрос об основаниях, на коих могли бы быть предоставлены Мурманской железной дороге определенные площади земель в целях ее эксплуатации, и вместе с тем детально рассмотреть проект декрета, разработанный Северо-Западным Экономическим Советом по сему вопросу. С этой целью Институтом была избрана, из числа его членов, особая комиссия, которая наряду с исследованием разработанного к тому времени проекта постановления об отводе земли Мурманской дороге приняла к своему рассмотрению и особое мнение по данному вопросу представителя Цагру НКПС, Б. Н. Демчинского.

Постановления Института, явившиеся результатом обсуждения как перечисленных выше докладов, так и заключения Комиссии, были сообщены всем заинтересованным учреждениям и ведомствам, но этим

работа Института по вопросу о колонизации Карельско-Мурманского края не закончилась. А именно, в феврале 1923 года, по просьбе Госплана, Госколонит вновь принял на себя рассмотрение переработанного в Ленинграде в Севзапэкосо проекта положения о колонизации названного края. Новый проект положения, составленный после всестороннего рассмотрения Колонизационным Институтом первого варианта, представлял собой и по объему, и по детальности регламентирования постановлений, значительно более подробно разработанный законопроект, по которому и на этот раз Колонизационным Институтом было высказано и сообщено в Госплан подробное заключение.

Особый цикл работ Института по изучению Севера и его нужд составили доклады проф. Б. М. Житкова: „О Восточно-Архангельском побережьи“ и „О новейших работах по изучению условий плавания в Северных морях“.

Эти доклады выяснили серьезность создавшегося на побережьи Ледовитого моря положения и наметили мероприятия, необходимые для укрепления за нами столь нужного нам края и развития его хозяйственного использования.

Равным образом, обособленное положение занимают и доклады С. В. Томилина—„Экономическое значение Ленинград-Рыбинской железной дороги, как объекта колонизации ее района“, Н. П. Синельникова—„Вопросы колонизации земель в связи с электрификацией сельского хозяйства в районе Волховской гидроэлектрической станции“, два доклада агронома К. Т. Зиминова—„О районах переселения в Вологодской губернии“ и два доклада проф. Битриха:—„О Вычегодском крае“ и „О лесах крайнего Северо-Запада“.

Все эти доклады, заслушанные Институтом в конце 1923 г. выясняют задачи либо так называемой „внутренней“, либо „лесной“ колонизации.

В частности, по докладу С. В. Томилина, Госколонит, для обеспечения возможности правильной колонизации района Ленинград-Рыбинской железной дороги, признал необходимым прежде всего произвести обследование прилегающей к данной магистрали земельной полосы, и в то же время выяснить обстоятельства, принятые на себя концессионерами „Мга-Рыбинск“, в отношении осуществления ими колонизационных мероприятий. В этих целях Институт уполномочил докладчика обратиться в Правление дороги с просьбой сообщить ему, для доклада Институту, ряд сведений, касающихся выяснения вопросов заселения линии и, вообще, оживления прилегающих к ней районов.

Доклад Н. П. Синельникова был посвящен весьма важному вопросу об использовании для сельско-хозяйственных работ той части энергии Волховской станции, которая не сможет найти себе применения в ближайшем будущем.

Госколонит, обсудив означенный доклад и приняв во внимание, что часть энергии Волховской гидроэлектрической станции не может быть использована ни путем электрификации железной дороги, ни промышленностью,—признал неотложным выяснение вопросов: о возможности предоставления этой энергии для целей электрификации сельского хозяйства и о том, на каких площадях, при каких условиях и какие учреждения могли бы осуществить это дело, с учетом с одной стороны, существующих хозяйств, а с другой—возможности колонизации неиспользованных земель путем последующей их электрификации. Вместе с тем Госколонит поручил своему Отделению в Ленинграде обсудить подробно этот вопрос с привлечением представителей Волховстроя, Мурманской железной дороги, Электросельстроя и других

заинтересованных учреждений и наметить ближайшие перспективы работы.

Доклады проф. Битриха дали много интересного научно-исследовательского материала по вопросу и перспективах лесной колонизации изученных им районов.

Вместе с тем, в качестве специальной работы, производилось обсуждение тезисов по колонизации Севера, и целым рядом действительных членов и научных сотрудников Госколонита были предложены свои проекты тезисов. По многократном и детальном обсуждении различных вариантов, тезисы по колонизации Севера были окончательно приняты в помещаемой ниже редакции.

Из ряда всех вариантов необходимо выделить нижеследующие тезисы, составленные П. А. Кобозевым, открывающие и углубляющие ряд новых вопросов по колонизации Севера.

1. Нужда Англии в русском лесе была своевременно учтена рабоче-крестьянской властью; вследствие этой нужды государствен-ный трест „Северолес“ оказался пионером, прорвавшим кольцо экономической блокады; экспорт леса предварил экспорт хлеба и сыграл крупную роль в улучшении финансов, в переломе экономики РСФСР. Но весь современный размах лесоэкспорта является лишь первой робкой ступенью ближайших промысловых достижений Севера Европейской части СССР, невозможных, одна, без увеличения наличного населения Севера, без промыслово-земледельческо-промышленной колонизации его, в первую очередь за счет притока привычного к Северу населения из ближайших к Северу губерний, и за счет рационального расселения наличного контингента жителей Севера по районам будущих лесных и прочих промыслов Севера.

2. Промышленно-земледельческая колонизация Севера, только опираясь друг на друга, сможет продвинуться от речных пойм вглубь территории, порознь для каждой из них недоступную. Применительно к преобладанию лесного промысла колонизация несомненно будет связана как с первоочередными иностранными концессиями, так и с лесными государственными и кооперативными предприятиями, а также путями лесоэкспорта, т.-е. судоходными и сплавными реками, и прочими путями сообщения. Земледелие пойдет рядом и вслед за лесным промыслом и промышленностью всех видов, по площадям снятых лесосек, облегчая питание рабочей силы, создавая подсобное местное продовольствие и фураж, развивая, наконец, технические культуры, животноводство, молочно-масляную культуру.

3. Размах колонизации Севера определяется слишком сложным рядом причин, между которыми главнейшую роль будут играть международные мирные или военные отношения, могущие поставить ежеминутно под знак катастрофы, как сами лесные промысла Севера, так и все колонизирующее его население, долженствующее, поэтому, быть расселяемым, по принципу территориальных формирований будущих трудовых армий, постоянно готовых к случайностям войны и потому не слишком обремененных семьями.

4. В этих целях, параллельно с попытками привлечения иностранного капитала, надлежит провести меры для защиты концессий от попыток интервенции, путем образования Земельного Колонизационного фонда, частично за счет лесных площадей, не имеющих значительной ценности и прежде всего в местах, имеющих стратегическую ценность.

5. Необходимый Колонизационно-Финансовый фонд, исходя из практики Соединенных Штатов и Дальнего Востока, рассчитывается минимально по 100 руб., нормально по 200 руб. на колонизируемую десятину; землеустроительно-домообзаводческий фонд этот частично должен иметь характер оборотного капитала, возвращающегося казне спустя 10—20 лет после его затраты; при том, чтобы не быть мертвым, фонд рассчитывается по отводу на каждый двор засельщика, не превышая 25 дес., при оптимуме его в 15 дес. В основу Колонизационно-Финансового фонда следовало бы положить прибыли от лесозэкспорта.

6. Размер и рост необходимого на ближайшее пятилетие колониационного земельного, а вместе с ним и финансового, фонда следовало бы определить, исходя из современного ежегодного процентного прироста всей промышленности РСФСР, определившегося в 66% ежегодно.

7. В виду крайней трудности акклиматизации новоселов на суровом Севере, среди полярной ночи и при условиях особых государственных обязанностей, падающих на них там, необходимо к гражданам, зачисляемым рабочими и бойцами тердивизий, колонизирующих Север, применять те-же льготные условия, которые применялись царизмом при поселении казаков-новоселов на Амуре, приступая к взиманию налогов с них не ранее, чем через 5—10 лет после их переселения, снабжая их долгосрочным легким кредитом, устраивая их сразу на месте прочно, помощью государственных инженерно-землеустроительных дружин, образующих первоначальное основное ядро развертываемых затем Северных тердивизий.

8. Для установления основ техники сельского хозяйства Севера и для освоения широкими массами новоселов экономически выгодных форм хозяйства, акклиматизации растений и животных и т. п. следовало бы к сети инженерно-землеустроительных дружин примкнуть сеть существующих уже научных опытных станций и учесть, как неудачную практику колонизации Амура царизмом (Ульминский район), так и удачную практику Соединенных Штатов Америки, проведя законодательным путем подходящие для СССР пункты закона Кэри, закона мелиораций, применив государственные крупно-капиталистические методы колонизации, аналогичные практике Форда.

9. В пунктах возможных колониационно-концессионных договоров с иностранным, в частности американским, капиталом, следовало бы подробно оговорить весь порядок колонизации концессий (буде таковой не оговорен в имеющихся уже концессионных лесных договорах), исходя не только из необходимости эксплуатации леса, но и из возможности полного комбинированного использования колонизируемых площадей, с проведением на них путей сообщения, оборудованием фабрик, возведением колониационных сооружений, поселков и т. п.

10. Как условия для разрешения концессий на Севере, так и самую выдачу таковых концессий необходимо соподчинить общему государственному плану и планам лесозэкспорта и колонизации Севера, особенно имея в виду трассы будущих мировых сверхмагистралей: а) Мурманск-Сорока-Ютлас-Вятка-Оренбург-Ташкент-Семиречье-Китай, б) Мурманск-Сорока-Вологда-Нижний-Новгород-Александров Гай, Хива, Бухара, Афганистан, Индия и Персия; в) Архангельск-Ухта-Троицкопечерское-Обь и, далее, Великий Северный Сибирский Путь, вплоть до Берингова пролива.

11. Самостоятельную и чрезвычайно важную задачу составляет оборудование и заселение Северо-Океанского побережья, Мурманского

берега, Чешско-Канинской губы, а равно и некоторых местностей Кольского полуострова, в первую очередь, вблизи Мурманской железной дороги. Важность этой колонизационной задачи диктуется исключительным промысловым значением побережья и хищными захватническими аппетитами империалистических держав, направленными на лежащие втуне земли и их недра.

12. С той же целью необходимо проведение мер содействия: а) к переводу лопарей Кольского полуострова к оседлому хозяйству и к созданию форм государственного промыслового оленеводства и рыболовства, б) к переходу на механизированный флот и лов рыбы государственными и кооперативными организациями, в) к развитию товаро-пассажирского каботажного судоходства вдоль северных промысловых побережий, д) к продолжению работ по устройству и использованию как Великого Северного Морского Пути в Сибирь и на Дальний Восток, так и железнодорожного и внутреннего Великого речного пути в том же направлении, через верховья Печоры.

13. Для самых отдаленных глухих, лесных и побережных районов, где население почти отсутствует, или строит свой быт исключительно на добыче дичи, рыбы и морского зверя (кроме оленьих пастбищ), следует разработать условия трудовой заимки земли, намеченные Земельным Кодексом.

14. Наконец, необходимо выделить из колонизационных фондов и лесных концессий в особые единицы известные уже, заведомо-благонадежные, районы полезных ископаемых, в частности Ухтинский нефтяной район, будущие слюдяные, золоторудные, жемчужные и т. п. промысловые районы.

Всем, вообще, своим работам по Северу Европейской части СССР в значительной степени облегченным вследствие интенсивной работы его Ленинградского Отделения, Госколонит подвел итог в виде специальных тезисов по колонизации Севера.

Юго-Восток (и Поволжье) Европейской России.

Работы Института по изучению вопросов колонизации Юго-Востока начались в конце 1922 г., когда, по запросу НКЗ, Институтом была представлена программа исследования, необходимого для выработки норм наделения переселенцев в названном крае. При выполнении этой работы Институт исходил из того соображения, что задачей настоящего времени должно быть восстановление товарного сельского хозяйства на Юго-Востоке, в особенности в районах, пострадавших от событий последних лет. При этом колонизация опустевших и пустовавших дотеле площадей должна быть необходимой составной частью в системе мероприятий, направленных к возрождению оскудевшего края, с тем, чтобы и восстанавливаемые, и вновь организуемые хозяйства, были достаточно прочны, чтобы противостоять неблагоприятным условиям засушливого климата..

Первым докладом из серии посвященных Юго-Востоку, явился доклад проф. А. А. Рыбника, развивавшего следующие положения:

1. Под влиянием природных и экономических условий на Юго-Востоке сложились: в Приволжье — зерновое хозяйство, за Волгой — зерновое-скотоводческое, а в Прикаспийской полупустыне — пастбищное, скотоводческое. Среди хозяйств указанных типов по речным долинам, и, особенно, по правому берегу Волги и в ее дельте, организовались в форме лентоазисов хозяйства садово-огородного типа, пользова-

вшиеся нередко орошением. По правому берегу Волги, особенно среди немцев колонистов, сложились, в дополнение к доходу от сельского хозяйства, заработки от кустарных промыслов.

2. Земледельческое зерновое хозяйство края и, особенно, Заволжья отличалось очень низкими урожаями и очень малой устойчивостью доходности. Реорганизация и упрочение такого хозяйства могут быть осуществлены только в связи с расселением скученных поселений и приближением полей к усадьбам, что может быть сделано только в связи с соответствующими мелиоративными работами. Доходность хозяйства может быть сильно повышена и упрочена организацией скотоводческого хозяйства, при широком развитии которого явятся стимулы и для расширения посевов кормовых пропашных (кукуруза) и трав. Улучшение путей сообщений (мост через Волгу, путь к Черному морю) ускорит и облегчит, при одновременном создании сети элеваторов, боен и холодильников и при кооперативной организованности населения, путь прогресса местного сельского хозяйства.

3. Местное сельское хозяйство интенсивного типа крайне нуждается в технической мелиоративной помощи и в организации кооперативной переработки и сбора получающихся в избытке продуктов, которые в пределах края размещены быть не могут. Особенно большие перспективы намечаются для садоводства и огородничества дельты Волги.

4. Скотоводческое хозяйство края в пастбищной его форме сильно страдает в засушливые годы от безкормицы; в крае, помимо соломы и сена, сосредоточивалось огромное количество отрубей и жмыхов, которые почти не использовались. Из прогрессивных явлений в скотоводстве края следует отметить рост молочного хозяйства под Саратовом, масляно-молочного—по жел. дор. линии Заволжья и развитие свиноводства в немецких колониях и в сев.-зап. уездах Саратовской губернии. Необходимо организованнее и шире использовать кормовые ресурсы края и особенно укрепить базис мясного рогатого скотоводства.

5. Вследствие гражданской войны и голода население в Заволжье сильно сократилось, а в некоторых местностях и не может быть восстановлено путем естественного прироста. Вполне целесообразно было бы выяснить путем исследования реальные возможности вселения в Заволжье из пределов центральной части России, не принося, конечно, при таком вселении в жертву интересов местного малоземельного населения.

6. Колонизация края должна учитывать задачи организации сельского хозяйства края. Для подавляющего большинства хозяйств Заволжья размеры землепользования должны быть значительные (20—30—40 десятин на двор). Параллельно вселению должны идти работы по землеустройству и мелиорации, организации скотоводства, рыночных и транспортных условий.

Доклад А. А. Рыбникова и последовавшие по существу этого доклада суждения были углублены, затем, сообщениями В. И. Колесникова об агрикультурных формах хозяйства Юго-Востока и о влиянии этих форм на тяжелое состояние края в настоящее время.

В порядке обсуждения этих последних докладов было выяснено, что Юго-Восток вообще переживает резкий упадок хозяйства не впервые: так, под влиянием роста песчаной пустыни, жизнь его замирала с конца XIV до XVII столетия; вторично упадок хозяйства начинается с момента выпашки и распыления пахотных земель и нового роста песчаной пустыни с начала настоящего века. Восстановление утрачен-

ного Юго-Востоком хозяйственного значения может быть достигнуто при помощи мероприятий двоякого характера: а) насаждением улучшенных агрикультурных форм хозяйствования, заменяя ими старые изжитые формы и б) содействием государства восстановлению хозяйства путем воздействия на климат области и устройства территории края. При этом, под насаждением улучшенных агрикультурных форм следует разуметь установление рациональных систем хозяйства, введение улучшенных паро-травопольных севооборотов с основным хлебом — пшеницей и введение улучшенной техники в обработке земли, наряду с введением пропашных и засухо-устойчивых культур. В составе же государственного воздействия следует иметь в виду: обводнение, укрепление песков с целью уничтожения песчаной пустыни и хозяйственное использование песчаной площади, а также колонизацию и землеустройство.

Вообще; при обсуждении докладов Г. И. Колесникова, в коих принял участие и проф. Д. Н. Прянишников, было установлено, что опытные учреждения Юго-Востока и более культурные хозяйства выработали правильные методы хозяйствования в местных условиях, и вопрос состоит лишь в том, чтобы реорганизовать уже существующие в крае хозяйства на рациональных основах и на таких же основах устраивать хозяйства новых засельщиков.

Доклад инженера Банатова о колонизационном фонде Юго-Востока, проф. Борзова о мелиорационных нуждах Кашинско-Калязинского Поволжья и проф. Н. И. Беляева о районировании этого края в сельскохозяйственном отношении дали возможность Институту точно установить методы определения свободного земельного фонда в крае и наметить основные методы колонизации пустующих земель в различных районах, равно как и нужды землеустройства населения, оставшегося в крае после голода.

Доклад А. П. Протопопова — „Кубано-Черноморский край в колонизационном отношении“, дополненный сообщением проф. Н. А. Ленского, осветил трудное положение в настоящее время названного края. Было выяснено, что на Черноморском побережье происходит деколонизация русского населения. Оно, под давлением, уходит с насиженных мест, покидая свои земли на произвол судьбы. При этом имеются указания, что русскому населению предстоит выдержать конкуренцию с армянским, с греками, айсорами и другими народностями, самовольно заселяющими край. Деколонизации побережья способствует также сильное развитие малярии.

Наконец, детально освещены были Юго-Восточные проблемы в Организованном Госколониате семинарии студентов колонизационно-переселенческой специальности Земфака Межевого Института. Здесь, под руководством В. П. Воцинина, подробной разработке и оценке под колонизационным углом зрения были подвергнуты перспективные планы восстановления и развития сельского хозяйства Поволжья и Юго-Восточных областей, составленные местными Губземуправлениями, при чем результатом означенных семинариев явились альбомы экономических характеристик подлежащих губерний в цифрах, картах и программах, наряду со сводными описательными данными. Студенческие работы в данной области послужили, затем, показательным материалом при обсуждении местных предположений в плановой комиссии НКЗ, заслужив полное одобрение последней, и, таким образом, в данном методе научно-образовательной работы Госколониата был достигнут, как будто бы достаточно удачно, принцип сочетания собственно академической работы с работою производственной.

В общем обсуждение всех указанных выше докладов и семинарская работа Госколонита настолько выяснили наиболее важные стороны вопроса, что Институт получил уже достаточно обоснованную возможность вынести по своему Отделу прикладных исследований определенные, ниже приводимые тезисы по колонизации Поволжья.

Автономные Республики РСФСР.

Дореволюционная земледельческая колонизация ныне автономных окраин РСФСР, явившаяся в конце XIX века на смену предшествующей военно-стратегической и торгово-промышленной колонизации их, находилась в грубом и резком противоречии с задачами планомерного землеустройства местного коренного населения, обостряя до крайности борьбу за землю между отдельными классовыми группами последнего на почве искусственного усиления местного хронического сельско-хозяйственного кризиса, но не давая местному пролетариату и полупролетариату соответственно расширенных возможностей приложения своих сил вне земледелия и сельского хозяйства.

Озабоченная всецело только усилением землеотводных работ в районах, пригодных для чисто земледельческого хозяйства, землевладельческая власть старого режима совсем не склонна была к производству массовых исследовательских работ на окраинах в целях выяснения форм, нужд и потребностей всего местного хозяйства в целом и наилучших способов ближайшего и всестороннего развития местных производительных сил. Она ограничивалась только тем, что необходимо было непосредственно для выяснения так называемых „излишков“ землепользования у коренного туземного населения в целях возможно более полного и быстрого изъятия последних под переселенческие участки, почему результаты дореволюционных исследований форм и условий хозяйства автономных окраин и оказывались, в виде общего правила, неполными, односторонними и колонизаторски тенденциозными.

Земельные и хозяйственные органы автономных республик и областей, находившиеся еще до середины 1921 г. в периоде организации, и до сих пор не располагающие нужными научными и техническими силами и средствами, в свою очередь не имели до сих пор никакой возможности исправить и пополнить результаты дореволюционных исследований местных хозяйственных условий, а тем более заменить их новыми, на основании новых массовых и сплошных работ, в основу которых был бы положен принцип организации местного хозяйства в рамках общегосударственного плана развития производительных сил; поэтому, местное землеустройство до сих пор не имеет под собой достаточно обоснованного и объективного базиса, особенно в виду того, что соответственный опыт коренной России для автономных окраин, в виду своеобразия их земельного уклада, является совершенно неприменимым и неприемлемым. Твердо установленный Союзным законодательством Советской Власти принцип выявления в автономных республиках и областях свободных земельных фондов для всевозможных государственных надобностей лишь при условии предварительного обеспечения земель туземного коренного и, вообще, старожильческого населения, при отказе же от начала полной и прямой централизации земельного управления в отношении автономных республик, является наиболее, конечно, надежной гарантией против возрождения прежнего колонизаторства и наиболее верным способом согласовать

земельные права и интересы коренного населения с задачами общегосударственного планомерного развития производительных сил.

Считая основной задачей колонизации быстрее и всестороннее развитие местных производительных сил в рамках общегосударственного плана путем организации местного хозяйства и восполнения местных ресурсов только недостающими элементами, и констатируя открывающийся отныне на автономных окраинах широчайший простор для серьезных научно-исследовательских работ, связанных с таким пониманием колонизации, Государственный Колонизационный Институт имел случай, по специальному докладу о землеустройстве и колонизации в автономных республиках (смотри выше, доклады по общей методике), подчеркнуть громадную практическую важность таких работ и, в частности, привлечения к ним научных и технических сил туземного происхождения. Этим имелось, между прочим, в виду способствовать скорейшему рассеянию в глазах туземного населения окраин естественно создавшегося там предубеждения против всяких форм колонизации¹⁾. Изложенным предопределялся подход Госколонита к проблемам колонизации в отношении автономных окраин. Поскольку Юго-Восток и Север Европейской части СССР, Сибирь и Дальний Восток трактовались как колонизационные районы, если не сегодняшнего, то завтрашнего дня, при чем здесь не исключалась и их служебная, в отношении населения центральных областей, наряду с самодовлеющей, роль, как районов „колонизационного вселения“, — постольку к автономным Республикам колонизационный вопрос ставился лишь в разрезе исследований и всемерно бережного, при этом, отношения к неулегшимся еще контр-колонизационным настроениям автономных окраин.

А. Туркестан.

Своеобразным районам, подлежащим безотлагательному, по возможности, воздействию в отношении восстановления разрушенного событиями последних лет хозяйства и дальнейшего оживления тех отраслей местного производства, которые имеют первостепенное для всего государства значение, — является прежде всего Туркестан. Имея в своей среде специалистов по разным отраслям туркестановедения, Институт, начиная с октября 1922 г. до марта 1924 г. заслушал несколько докладов, с достаточной полнотой осветивших наиболее важные вопросы экономики этого края, имеющие непосредственное отношение к выяснению проблем колонизации.

К числу таких докладов относится прежде всего доклад К. В. Космачевского, подробно охарактеризовавшего земельно-правовые особенности Туркестана во всех типичных его районах — оседлых, полукочевых и кочевых. Сущность основных положений докладчика сводилась к тому, что в результате законодательной деятельности дореволюционного времени и поземельно-податных работ была установлена известная определенность земельно-правовых отношений, но неустранимое путем землеустроительных мероприятий малоземелье туземного оседлого населения, втянутого во все прератности сложного товарного хозяйства, ставило иногда это население в тяжелое материальное положение. Расширение земельных наделов населения оседлых районов возможно только с помощью

¹⁾ Вышеприведенное представляет почти буквальное изложение постановления Госколонита по докладу т. Седельникова

орошения новых земель и, таким образом, как развитие хлопководства, так и устранение малоземелья туземного оседлого населения, обуславливаются одинаковыми предпосылками, сохранившими свою силу и поныне, так как революция не только не устранила малоземелья в оседлых районах, но даже обострила таковое, вследствие приведения в негодность значительной части оросительных сооружений. В первый период революции отношение законодательства к оседлому землепользованию было, в общем, неопределенное, впоследствии же закон о трудовом землепользовании сравнительно удовлетворительно разрешил местную земельную проблему, поскольку оседлое население получило право по-прежнему пользоваться своими землями. Восстановление хозяйства при данных условиях более или менее обеспечено. Колонизация вновь орошаемых земель, когда это сложное дело получит, наконец, развитие, должна быть тесно связана с устройством в земельном отношении местного населения. Как общее правило, надлежит признать, что в районах оседлого населения колонизационные мероприятия невозможны без орошения новых площадей.

Значительно сложнее обстоит дело в районах полукочевых и кочевых, обнимающих в общей сложности главную массу земельной территории края. В этих районах, отличающихся самыми разнообразными естественно-историческими и экономическими условиями, в прежнее время осуществлялось широкое изъятие „излишков“ киргизского землепользования, главным образом, для образования переселенческих участков. В виду неизбежной спорности понятия означенных излишков, образование из них участков для посторонних пришельцев нередко весьма серьезно затрагивало интересы местного кочевого и полукочевоего населения, что вызвало после революции целый ряд весьма тяжелых проявлений ликвидации ранее устроенных и прочно осевших крестьянских хозяйств, что привело, в свою очередь, и к возвращению отдельных значительных районов края к первобытным формам хозяйства и ударило другим концом по интересам туземного оседлого населения, занимающегося хлопководством и нуждающегося в хлебе, производителем которого на месте являлось почти исключительно хозяйство переселенцев. Означенные нежелательные явления, в связи с недостаточностью законодательного регулирования вопросов землепользования в кочевых и полукочевых районах, с особой настойчивостью указывают на необходимость скорейшего установления определенных основ земельной политики в упомянутых районах, и, в частности, повсеместного установления норм земельного наделения.

Позднее (1924 г.) тем же докладчиком было сделано дополнительное сообщение на тему— „Экономические и колонизационные проблемы Туркестана“. Основные соображения докладчика изложены в следующих тезисах:

1. Колонизация Туркестана производилась до сего времени или на участках, оставшихся почему-либо не занятыми коренным оседлым населением, или на землях, предоставленных кочевому населению.

2. Колонизация земель первой категории не могла иметь большого значения за малым числом и размером пригодных для сего участков, а колонизация земель второй группы, по мере ее расширения за пределы действительного свободного земельного фонда, представляла собой насильственное вытеснение одной формы землепользования другою без создания необходимых для сего и смягчающих этот процесс мер.

3. Предшествующий опыт колонизации туркестанских земель показал, что эта колонизация в широком масштабе невозможна без предварительного устройства коренного населения, как оседлого, так и кочевого.

4. Малоземелье оседлого населения дошло до крайнего предела, требующего исключительного напряжения трудовой энергии оседлых земледельцев для собственного пропитания, между тем этот запас энергии, будучи более равномерно распределен на большую территорию, дал бы громадный производственный результат.

5. Устранение этого малоземелья в пределах ныне орошаемого фонда представляется, однако, невозможным за отсутствием каких бы то ни было пригодных для сего свободных земельных площадей или крупных владений, раздел коих мог бы, хотя бы отчасти, удовлетворить земельную нужду.

6. Удовлетворение этой земельной нужды коренного населения, как хлопковых, так и всех иных районов, а следовательно, и открытие обширных колонизационных земельных фондов возможны лишь путем орошения новых земельных пространств.

7. Выселение малоземельного оседлого и оседающего кочевого населения на вновь орошаемые земли, с наделением их по нормам рационально поставленного товарно-трудового хозяйства, откроет вместе с тем возможность производства, за счет освободившихся участков, переустройства земельно-водных отношений оставшегося на старых местах населения.

8. Только построение на указанных началах хозяйства коренного населения хлопковых районов может обеспечить Центру надежную поставку хлопкового сырья до нормы полного удовлетворения потребности в нем промышленных районов. Землеустроительные запросы земледельческого населения Туркестана оказываются, таким образом, тесно связанными с экономическими интересами всей страны.

9. Орошение земель, лежащих за пределами хлопковой зоны необходимо, как для создания районов, снабжающих продовольствием хлопководческие области, так и для массовой культуры целого ряда высоко-ценных продуктов, находящихся в этих зонах благоприятные условия для своего развития (сады, виноградники, огородные и лекарственные растения, сахарная свекла и т. п.). Этот же земельный фонд, по удовлетворении земельных запросов оседающего на нем кочевого населения, мог бы также служить приемником выселяющегося земледельческого населения из других районов, а также из Центральной России.

10. Планомерное осуществление этих землеустроительно-колонизационных планов невозможно без предварительного разрешения проблемы туркестанского скотоводства. Должно быть возможно полнее определено место, отводимое скотоводческому хозяйству, в общей экономике Туркестана, с определением тех территорий, наиболее правильное использование которых возможно лишь путем организации скотоводческих хозяйств.

Ближайшие мероприятия.

К разработке проблемы туркестанского скотоводства должно приступить немедленно, и это исследование нужд скотоводческого хозяйства необходимо поставить по обширной программе, охватывающей подробное выяснение контингента кочевых хозяйств, территории-

альное распространение их с обозначением границ кочевого, предельные нормы потребных земельных отводов по расчету на разные естественно-исторические и хозяйственные условия, цикла мероприятий, обеспечивающих укрепление и дальнейшее развитие скотоводства и т. д.

Экономическому назначению Туркестана в водном отношении были посвящены, затем, два доклада проф. Шлегеля—„Водный вопрос в Туркестане“ и „Водное хозяйство Туркестана в связи с концессиями (1924)“. В первом из этих докладов был обрисован упадок, до которого дошли оросительные системы края, являющиеся, как известно, его жизненными артериями, а также намечен план мероприятий по восстановлению водного хозяйства края; второй же доклад характеризовал современное состояние ирригационного дела и потребность края в притоке к этому делу крупных капиталов. Другим знатоком края—проф. Скорняковым—Госколониту было доложено о перспективах проведения Туркестан-Сибирской железной дороги и о колонизации района последней.

Дополнением к означенным выше докладам явился доклад Г. Н. Логанова—„Современное состояние Ферганы“, на примере которой было показано, в каком тяжелом положении находится эта область, и как существенно важны и неотложны те мероприятия, которые были намечены в предшествующих докладах.

Б. Киркрай.

Положение Кирреспублики в отношении колонизационной политики аналогично положению Туркестана. Но в виду преобладания в этом крае кочевого населения и меньшей, по сравнению с Туркестаном, определенности в основном направлении местного хозяйства, соответственные землеустроительные и колонизационные вопросы оказываются здесь более сложными и отдаленными во времени. Во всяком случае, без крупного притока сюда капиталов (прежде всего на жел.-дор. строительство) колонизация в Киркрае осуществиться не может; общая же проблема экономического оживления Республики является, как сказано, делом весьма сложным.

Собственно по Киркраю Госколонит успел заслушать и обсудить лишь один доклад проф. Дубянского—„О землепользовании кочевого населения Усть-Урта“, констатировав в своем заключении по этому докладу, что затронутый в нем вопрос является как бы введением к освещению общей проблемы землеустройства и колонизации края.

Тезисов по последней Госколонит не выработал. Через своих представителей (В. П. Воцинина, Г. Н. Логанова и А. А. Ярилова) он лишь участвовал в ряде заседаний киргизской секции Госплана по постановке колонизационных вопросов.

Изложенным исчерпывается, схематически, изложение основных работ Колонизационного Института, поскольку последние были выносимы на коллегиальное, с участием представителей различных ведомств и организаций *), заинтересованных и сведущих лиц и студентов, слушателей ВУЗ'ов, — обсуждение.

*) Главпрофобра, Главнауки, Наркомзема (ЦУЛ, Управмелиозем, Цузем), Наркомнаца, Национальных представителей Автономных Республик, Наркомата Путей Сообщения (Цагру, Трансплан, Правление Сев. ж. д.), Наркомпрода, Высшего Совета Народного Хозяйства (Высшее Геодезическое Управление, Концессионный

Но и помимо такого проявления своей деятельности Госколони́т изыскивал все доступные ему способы, чтобы, во исполнение хотя бы минимума своей научно-издательской программы, поставить в известность широкие слои населения о выполняемой им работе. В этих целях члены Института, за отсутствием у последнего средств на издание, сами использовали всякие возможности для напечатания в различных изданиях либо экстрактов из своих, по-Институту, работ, либо информационных очерков. Сюда относится ряд статей проф. Житкова, Ямзина и Логанова (журнал „Сельское хозяйство и Пути сообщения“), Воццинина в „Сельско-хозяйственной жизни“, Логанова в „Сельском и Лесном хозяйстве“ и некоторые другие. Летом 1923 г. Институту удалось выпустить, в качестве отдельного, впрочем, оттиска из журнала „Сельское хозяйство и Пути сообщения“, первый свой бюллетень, содержащий: 1) очерк деятельности Государственно-Колонизационного Института с момента его возникновения до 15-го июня 1923 г. (проф. И. Л. Ямзина) и 2) описание работ Института по обсуждению колони́зационных мероприятий Мурманской железной дороги (Г. Н. Логанова). Поскольку, однако, этот бюллетень не мог отразить всей происходящей в Госколони́те работы, и поскольку в распоряжении Института имелся богатый, сравнительно, материал, в виде работ его членов, могущий при напечатании явиться хотя бы обменным книжным фондом, постольку Госколони́т настойчиво стремился все время к изданию хотя бы первого тома своих „Трудов“. И только ныне, при содействии НКЗема, является материальная возможность осуществить хотя в самых скромных размерах это законное притязание Института. Помимо печатаемых в настоящем первом выпуске трудов Института статей и очерков, — по необходимости крайне сокращенных в объеме, — в портфеле Института имеется еще около 15 более или менее подготовленных для печати работ.

Кроме того, богатый печатный материал могли бы представить многочисленные мотивированные заключения и отзывы Госколони́та по проработанным им вопросам.

Комитет), Наркомтруда, Северолеса, Института сельско-хозяйственной экономики, Солонцово-Мелиоративного Института. Опытной-мелиоративной части Тимирязевской Сельско-Хозяйственной Академии, Межевого Института, Лесотехнического Института, Горной Академии, Института путей сообщения, Военной Академии, Университета, Больно-Экономического общества, Общества имени Чупрова, Института экономических исследований при НКФине, Зоотехнического Института и др.

Т Е З И С Ы

по колонизации Поволжья.

1. Естественные условия Поволжья, в общем благоприятствующие, несмотря на засушливость климата, развитию разнообразных отраслей сельского хозяйства, а также географическое положение Поволжья в отношении рынков сбыта, выдвигают его, как район развития товарного сельского хозяйства для экспорта. Отсюда вытекает необходимость для государства, прежде всего, восстановить и укрепить местное сельское хозяйство, а в дальнейшем развивать и оживлять край путем вовлечения в оборот неиспользуемых ныне земель.

2. Весь прошлый опыт организации в Поволжье сельского хозяйства свидетельствует о том, что направление и принятые системы последнего не вполне соответствовали природным условиям, а сложившиеся формы земельных отношений и порядки землепользования обуславливали хищническое и бессистемное использование земельного фонда, что вместе взятое приводило к периодическим неурожаям и неустойчивости местного сельского хозяйства и было причиной значительного обезлюдения края.

3. Организация в Поволжье устойчивого сельского хозяйства и дальнейшее оживление края может быть достигнуто в настоящее время лишь при условии: во-первых, всемерной рационализации всего местного сельского хозяйства с сохранением его; во-вторых, правильного устройства земельной территории в соответствии с требованиями рационализированного хозяйства.

4. В течение ближайшего более или менее длительного периода хозяйственная обстановка Союза и мировые рынки будут требовать от Поволжья развития полеводства и животноводства, с дифференцированием этих отраслей по отдельным районам в зависимости от естественных условий их; районы с благоприятными почвенными и климатическими условиями должны служить местом широкого земледелия с подсобным скотоводческим промыслом, базирующимся на использовании продуктов земледелия; районы с мало благоприятными естественными условиями и недостаточным увлажнением должны развивать широкое товарное скотоводство нагульно-пастбищного типа с одновременным земледелием на подходящих к тому участках; азональные районы поймы р.р. Волги и Ахтубы остаются, как и ныне, районами промышленного садоводства и развития огородных культур.

5. Широкому товарному развитию названных отраслей хозяйства должно содействовать создание в крае промышленности по перера-

ботке продуктов сельского хозяйства; этим будет достигнуто и увеличение емкости Поволжья в смысле размещения здесь большего количества добавочного населения.

7. В ряду мероприятий по достижению намеченных выше задач особое значение приобретает колонизация Поволжья пришлым населением, как средство к вовлечению в хозяйственный оборот земельного фонда, остающегося избыточным по удовлетворении потребностей местного населения.

7. Колонизационно-переселенческим мероприятиям должно предшествовать составление плана колонизации Поволжья, увязанного в свою очередь с общим планом укрепления и развития местного сельского хозяйства; размер и направление этих мероприятий должны подчиняться необходимости наиболее полного, рационального и выгодного для государства использования земельного фонда.

8. Колонизация Поволжья не может ограничиваться переброской одной лишь живой силы, наряду с этим она должна сопровождаться переброской материальных средств в форме государственных кредитов, концессионного и кооперативного капитала и средств самих переселенцев.

9. Поскольку средства государства в настоящий момент представляются ограниченными, задача же колонизации Поволжья не может быть отложена, центр тяжести финансирования колонизационных мероприятий должен быть перенесен на другие, указанные в предыдущем пункте источники.

10. Для концессионного использования должны предоставляться площади, требующие вложения крупного капитала, непосильные для трудовых переселенцев, а также не могущие быть использованными в ближайшее время государством; таковыми являются в первую очередь площади, требующие искусственного орошения и крупных мелиораций. В отношении мелиорационно-колонизационных концессий государство должно будет взять на себя функции надзора и регулирования отношений между концессионером и трудовым населением.

11. Кооперативный капитал может быть привлекаем для колонизационных целей Поволжья в первую очередь в форме кредитного, имеющего целью кредитование переселенческих трудовых хозяйств в момент их организации, а затем и в форме производственного—для организации кустарных и промышленных предприятий по переработке и сбыту продуктов сельского хозяйства.

12. Привлечение средств самих переселенцев должно достигаться путем подбора переселенцев в местах их выхода по признаку материальной обеспеченности и в тех размерах последней, какие в состоянии обеспечить переселенцам создание хозяйства на новом месте собственными силами без помощи государства.

13. Помимо материальной обеспеченности, переселенцы должны подбираться для Поволжья по признаку их хозяйственной культуры и способности к усвоению приемов засушливого земледелия, а также по признаку их сплоченности и организованности. С этой целью представляется (между прочим) целесообразным привлечение сюда иммигрантов, снабженных орудиями и средствами производства, сектантов-духоборов и молокан из Закавказья и Америки, а из остальных переселенцев надлежит отдавать предпочтение тем, которые организованы в коммуны, артели и товарищества. Необходимым условием должна быть также и обеспеченность семьи переселенца достаточным количеством механической рабочей силы.

14. Организация в Поволжье переселенческого хозяйства в смысле типов и систем хозяйства и полеводства должна соответствовать наличным естественным особенностям открытых для колонизации районов, как то предугазано научно-проверенными опытыми данными; с этой целью при передаче переселенцам земельных участков с них должны братья обязательства—точно выполнять требования местных земельных органов о правильном и рациональном использовании и обработке предоставляемых им земель; в этих требованиях необходимо, однако, проявлять гибкость и осторожность, учитывая, по возможности, всю экономическую целесообразность их в данных хозяйственных условиях. Вместе с тем надлежит иметь в виду, что выполнение этих требований переселенцами может быть достигнуто лишь при условии надлежащей постановки широкой агрономической помощи населению через местный агрономический персонал и путем создания сети показательных хозяйств крестьянского типа.

15. Для достижения целей, указанных в предыдущем пункте, представляется целесообразным передавать переселенцам земли вначале лишь на правах бесплатной аренды, и только после выполнения ими предъявленных к ним требований, земли могут поступать в их постоянное трудовое пользование. В качестве мер, способствующих переходу переселенцев к желательным формам хозяйства, при колонизации должна быть использована система премирования, а также оказание льгот по уплатам единого сельско-хозяйственного налога.

16. Для придания крестьянскому хозяйству Поволжья наибольшей устойчивости и в целях создания „страховых“ площадей—надлежит принять меры содействия к возможно широкому проведению водных мелиораций путем орошения, правильного и лиманного, небольших площадей. Эти работы могут быть надлежаще поставлены только при условии расширения кредитования населения выдачей мелиоративных ссуд и возможно более полным привлечением к этому делу кредитов сельско-хозяйственного банка и кооперации; вместе с тем необходимо широко инструктировать население по части техники собирания и надлежащего использования зимних и летних атмосферных осадков.

17. Поскольку условия водоснабжения в Поволжье являются решающими, необходимо тщательное предварительное гидротехническое обследование колонизационного фонда; наряду с этим заселению переселенческих участков обязательно должны предшествовать, или, в крайнем случае, сопутствовать, необходимые работы по обводнению этих участков.

18. Нормы земельного обеспечения переселенцев в обжитых районах Поволжья с преобладающим местным населением должны устанавливаться в соответствии с земельным обеспечением этого населения: в районах малообжитых земельные нормы, как переселенцев, так и имеющих на месте старожилов, должны строиться из расчета полного использования трудовой силы семьи нормального рабочего состава; при этом в земледельческих районах при расчете трудоемкости должен приниматься инвентарь, необходимый для рациональной обработки земли при данных естественных и экономических условиях.

19. В тех случаях, когда колонизационный фонд расположен в районах с неурегулированными земельными отношениями местного населения, одновременно с образованием переселенческих участков должно идти землеустройство местного населения. В основу землеотводных и землеустроительных работ должно быть положено создание

наиболее рациональных земельных участков в смысле их размера, конфигурации, расположения в отношении водных источников и т. п.

20. При производстве землеотводных работ в Поволжье необходимо, по возможности, предварительно или одновременно с населе-нием переселенческих участков, производить и внутринадельное землеустройство их в смысле подготовки к хозяйственному использо-ванию, сообразно хозяйственным намерениям самих переселяющихся и местным условиям.

21. Учитывая неблагоприятные формы местного землепользования, затрудняющие рациональное использование земли (дальноземелье, многодворность селений и пр.), представляется крайне необходимым, в целях общей рационализации местного хозяйства, приступить к землеустроительным работам и независимо от подготовки колони-зационного фонда в тех из старожильческих районах, где дефекты землепользования сказываются особенно резко.

22. В районе Калмыцкой автономной области колонизационно-переселенческие мероприятия должны находиться в прямой связи с обострившимся здесь кризисом кочевого скотоводческого хозяйства и с наблюдающимся на этой почве стремлением кочевого калмыцкого населения к переселению из восточных и центральных улусов области в западные с одновременным оседанием и переходом к земледелию; однако, при этом в полной мере должно быть предусмотрено рацио-нальное использование освобождающегося земельного фонда восточных улусов.

23. Выдвигая колонизацию Поволжья, как одну из неотложных и спешных хозяйственных задач, необходимо оговорить, что она должна быть осуществляема в самой тесной связи с мероприятиями, направ-ленными к переустройству хозяйства сельского населения, оставше-гося на месте после событий последних лет, так как ни политически, ни экономически невозможно предоставить крестьянское хозяйство оскудевшего района медленному процессу восстановления собствен-ными силами, насаждая в то же время, в районах колонизации, рационально организуемые хозяйства при содействии государства; только при этом условии может быть достигнута общая реорга-низация местного хозяйства и избегнута повторение катастрофы 1921 года.

Т Е З И С Ы

по колонизации Юго-Востока.

(По районированию Госплана — губернии Донская, Кубано-Черноморская, Ставропольская и Терская и автономные области—Адыгейская, Карачаево-Черкесская и Кабардино-Балкарская).

I. Общие положения.

1) Губернии Юго-Востока отличаются особо благоприятными климатическими и почвенными условиями, что в прежнее время давало этим губерниям возможность занимать одно из первых мест по вывозу хлеба, и, кроме того, снабжать внутренние рынки разнообразными продуктами земледельческого промысла и сильно развитого в указанном крае животноводства. Поэтому колонизация Юго-Востока, обладающего всеми данными для скорейшего восстановления нашего хлебного вывоза и процветания самых разнообразных видов сельского хозяйства, а также для развития многих отраслей промышленности, как добывающей, так и обрабатывающей, и привлекавшего за последнее полувековье большое количество переселенцев из внутренних губерний,—должна составить одну из первоочередных задач в системе мероприятий по восстановлению экономической мощи страны.

II. Определение колонизационного фонда.

2) В губерниях Юго-Востока расположена весьма значительная, по предварительным подсчетам, превышающая 2 миллиона десятин, площадь свободного земельного фонда, представляющего громадную ценность и до сих пор не устроенного, мало обследованного и не получившего соответствующего назначения. Поэтому выяснение этого ценного земельного запаса, в целях скорейшего вовлечения в хозяйственный оборот страны весьма значительной и при том бесспорно рентабельной части его, должно быть произведено в кратчайший срок.

3) Той же цели скорейшего образования свободного земельного фонда должно содействовать и землеустройство тех групп населения, кои обладают значительными земельными излишками, подлежащими отчуждению при земельном устройстве края.

4) Принимая во внимание, что и на Дону, и на Кубани, и на Тереке, проживают весьма значительные количества так называемых „иногородних“, т.-е. земледельцев, не получивших в крае наделов и живших арендой казачьих угодий, при чем и в настоящее время, после наделения землей некоторой части этой группы населения, все же имеются районы, в коих остались безземельные „иногородние“,—надлежит в первую очередь устроить указанную категорию местного земледельческого населения.

5) Равным образом, при определении свободного колониационного фонда, должны быть учтены потребности в земле групп населения, скученных в некоторых районах, испытывающих относительное перенаселение.

III. Особый характер колониационных мероприятий.

6) Губернии Юго-Востока, при их разнообразии в климатическом, орографическом, гидрографическом и иных отношениях, предопределяющих применение к ним различных видов колонизации, отличаются тем общим признаком, что значительно большая часть расположенного в них свободного земельного фонда требует, для ее оживления и превращения в состояние, годное для земледелия, сложных и дорогих гидротехнических сооружений. Это обстоятельство, в связи с рентабельностью сельского хозяйства в крае при рациональной его постановке и с выгодами географического положения некоторых весьма ценных его районов, вынуждает обратить особое внимание на скорейшую разработку всех вопросов, необходимых для развития концессионных предприятий в крае, а также выяснение других способов финансирования крупных мелиоративных работ, путем организации мелиоративных объединений.

7) В силу тех же обстоятельств, для районов, входящих в состав территорий, подлежащих мелиорации при помощи крупных гидротехнических устройств, надлежит признать в качестве руководящего правила, что освоение для целей колонизации или расселения старожильческого населения, новых площадей при помощи мелких мелиорационных сооружений должно быть допускаемо лишь постольку, поскольку это не может повредить осуществлению общего плана мелиорации данного района.

8) В виду исключительно важного значения водных запасов и рационального использования их для экономического развития края вообще, и, в частности, для образования нового пригодного для эксплуатации земельного фонда, и далеко незаконченного изучения водного хозяйства Юго-Востока,—представляется необходимым приступить к систематизации уже имеющихся материалов по изучению гидрологии края и скорейшему выполнению плана первоочередных изысканий и строительных работ, и достигнуть этим путем постепенного упорядочения его водного хозяйства.

IV. Особенности колонизации отдельных районов.

9) Громадное разнообразие естественно-исторических и экономических условий различных районов края делает обязательным применение к каждому из них особых приемов колонизации и составление, вследствие этого, особых колониационных планов для всех районов.

V. Донская губерния.

10) При колонизации свободных пространств Донской губернии, в виду общности условий их заселения с прилегающими к ним районами Царицынской и смежных с нею губерний, должны быть применяемы в общем те-же методы колонизации, что и в губерниях нижнего Поволжья.

11) Сальские степи, поскольку государство нуждается в восстановлении конозаводства, коневодства и животноводства вообще, надлежит использовать для указанных целей, не обращая полностью под

земледельческую колонизацию. Для этой же последней цели могло бы быть использовано до 300 тысяч десятин земли западной части Сальского округа.

VI. Бассейн реки Кубани.

12) Колонизация в бассейне Кубани может получить развитие в сравнительно крупном размере либо в равнинно-степных местностях (например, Куго-Ейская степь) площадью до 70 тысяч десятин, либо в районах заболоченных, так называемых плавневых земель (около 200 тысяч десятин), либо, наконец, на бывших казенных землях, на северных склонах Кавказского хребта и его отрогов (по приблизительным подсчетам до 50 тысяч десятин).

13) Так как в степных районах тип хозяйства должен быть зерновой, с большим уклоном в сторону скотоводства, то принятые в Кубано-Черноморской области нормы наделения от 0,6 до 2 $\frac{1}{2}$ десятины на едока, т.-е. от 3—4 до 12—13 десятин на хозяйство, являются недостаточными, и для указанных районов должны быть, в целях создания мощных хозяйств, несколько увеличены.

14) Отдельные участки плавневых земель, насколько осушение их может быть произведено без осуществления общего плана регулирования Кубани и мелиорации неудобных земель ее бассейна, могут быть мелиорируемы и заселяемы отдельными объединениями и группами земледельческого населения (мелиоративные товарищества).

15) Нагорная полоса пригодна лишь для образования скотоводческих хозяйств, поэтому для ее заселения должны быть выработаны особые правила, с установлением рациональной скотоводческой нормы наделения и с отводом хотя бы незначительных количеств удобной земли в долинах для устройства усадеб.

VII. Ставропольская губерния.

16) На обширных пространствах Туркменской и Ачикулакской территорий, в большей своей части используемых для скотоводческого хозяйства, в особенности для овцеводства, но обладающих также и площадями, пригодными для земледелия, устройство новых засельщиков на землях, остающихся свободными после отвода наделов местному населению, должно иметь в виду организацию земледельческо-скотоводческих, а в некоторых районах даже только скотоводческих хозяйств. Поэтому, принятые в этих районах нормы наделения в размере от 3,6 до 4,2 десятины на едока, т.-е. от 18 до 22,5 десятин на семью, являются столь же недостаточными, как и приведенные выше нормы Кубано-Черноморской губернии, и должны быть увеличены для земледельческо-скотоводческих хозяйств не менее чем, до 40—60 десятин, а для чисто скотоводческих до 100—200 и, даже, более десятин, в зависимости от безводности района.

17) Нормы земельного обеспечения хозяйств в районах оазисного орошения, допускающих развитие трудоемких культур, как и в засушливых степях Юго-Востока, так и в других его частях, должны быть значительно ниже норм земледельческих, и могут ограничиваться, в зависимости от местных условий, даже немногими единицами десятин.

18) Так как Туркменские, Ногайские, Ачикулакские и другие смежные с ними пустынные и полупустынные районы, до осуществления грандиозного проекта соединения Азовского и Каспийского морей

судоходным и оросительным каналом, могут снабжаться водой, главным образом, из артезианских колодцев, то, в целях сбережения и рациональной эксплуатации имеющихся запасов этой воды, использование артезианских вод должно производиться на основании особых правил, установленных в законодательном порядке.

VIII. Бассейн реки Терека.

19) Колонизация свободных земель в бассейне реки Терека, имеющих как в низовьях, в Кизлярском отделе, и пригодных для ценнейших культур, так и в Моздокском отделе, используемых пока для зернового хозяйства и скотоводства, и подлежащих, по составившемуся ранее проекту, правильному орошению паводковыми водами Терека,—должна быть поставлена в зависимость от осуществления плана урегулирования названной реки и целесообразного использования ее вод для орошения и получения дешевой энергии.

20) До развития техники возделывания засушливых земель и осуществления крупных гидротехнических работ в целях мелиорации пустыющих пока площадей, последние должны служить для восстановления животноводства вообще, в особенности для овцеводства, к чему имеются все данные в засушливых районах Северного Кавказа, где население особенно хорошо знакомо с этой отраслью животноводства, скорейшее развитие которой, в виду недостатка в шерсти, особенно высших сортов, составляет одну из важнейших задач.

Такие земли должны сдаваться во временное арендное пользование как отдельных скотоводов и овцеводов, так и объединений их.

IX. Черноморская губерния.

21) Совершенно обособленную задачу составляет колонизация Черноморского побережья, обладающего исключительным по ценности и весьма значительным колонизационным фондом. В виду того, что по климатическим условиям и рельефу местности, основным занятием местного населения должно быть не полеводство, а виноградарство, садоводство, табаководство, скотоводство и различные промыслы и, прежде всего, лесной, при чем должны быть учтены и надобности курортного дела, будущее коего на побережье неоспоримо, а также и особое значение береговой железной дороги, и принимая во внимание, что для освоения края требуются громадные средства, необходимо приступить к разработке особого плана колонизации этого района, имеющего в виду интегральное развитие всех сторон хозяйственной жизни края.

В качестве меры, не терпящей отлагательства, следует указать лишь на необходимость скорейшего отвода земель уже осевшему на месте населению и выяснению свободного фонда.

X. Автономные области.

22) Также особому обсуждению подлежит вопрос об использовании свободных земель автономных областей Юго-Востока. Здесь в первую очередь надлежит поставить обследование свободного фонда Карачая и Кабарды и плавневых земель в Адыгее.

Обследованный и мелиорированный фонд этих областей должен быть, в соответствии с общими началами политики, осуществляемой в отношении отдельных национальностей, использован в целях земельного устройства местного населения.

Т Е З И С Ы

по колонизации Севера Европейской России.

1. Необходимость усиления экономического оборота и укрепления финансового положения страны побуждает в скорейшем времени приступить к наиболее полному и рациональному использованию лесных богатств Севера Европейской России. Эксплоатация этих лесов, при обеспеченном спросе на них на мировом рынке, представляется наиболее легкой и доступной по сравнению с эксплуатацией других естественных ресурсов страны. Леса Севера вместе с тем имеют то преимущество, что они находятся наиболее близко к местам вывоза за границу и вблизи единственного свободного входа России на океанские пути; при разработке этих лесов возможно также использовать выгодное направление богатой сети судоходных и сплавных рек, текущих по направлению к местам вывоза.

2. Скорейшее расширение эксплуатации этих лесных богатств невозможно без увеличения контингента наличного населения Севера, особенно в его лесных районах, путем привлечения сюда переселенцев из других (по преимуществу лесных) местностей России, особенно же из ближайших к Северу лесных губерний; — но в первую очередь необходимо расселение уже имеющегося на Севере населения, скученного в долинах рек.

3. Привлечение к заселению Севера переселенцев должно иметь своей целью не только использование их, как рабочей силы для промышленной колонизации лесных массивов края, но также и для сельско-хозяйственной и промысловой колонизации его; без развития сельского хозяйства и животноводства невозможно или, во всяком случае, затруднительно развитие лесной промышленности, требующей значительного количества рабочего скота, фуража для него, а равным образом, продовольствия для рабочих. Наряду с этим, в виду наличности в северных губерниях значительных площадей свободного земельного фонда сравнительно легкого освоения, необходимо выделение площадей для сельско-хозяйственной колонизации, как самодающей отрасли, с развитием технических культур — культуры льна, например, и молочного животноводства.

4. Для планомерного проведения указанных выше видов колонизации необходимо: а) чтобы лесная промышленность, с ее древообрабатывающими, механическим и химическим путем древесины, предприятиями проникла вглубь лесорайонов для непосредственного использования сырья (лесных запасов) в местах его образования; б) чтобы рыбные, охотничьи и другие промыслы получили бы такие организационно-хозяйственные формы (государственных, кооперативных, артельных и т. п. предприятий), при которых эти промыслы могли бы давать возможность значительного притока переселенцев

и их оседания на постоянное жительство в определенных с этой целью районах и в) чтобы, с увеличением населения по мере развития лесной промышленности и рыбных, охотничьих и других промыслов, сельско-хозяйственная колонизация создала бы такие организационные формы хозяйств животноводческих, молочно-масляных, с техническими растениеводными культурами и т. п., которые давали бы возможность использовать эти хозяйства и в качестве подсобных источников для снабжения прод-фуражем и проч., и для приложения избыточного и свободного от основных промыслов труда населения, в особенности в целях наибольшего его прикрепления к известному району, и, наконец, для возможного самостоятельного и независимого от основных промыслов постоянного его оседания в районе означенных хозяйств.

5. Но эксплуатация лесов или других естественных богатств Севера — рыбных, горных и других, а также заселение его необходимыми для этой цели переселенцами и развитие сельского хозяйства и животноводства немыслимы без предварительного обеспечения этого края железнодорожными, водными и грунтовыми путями сообщения, которые дали бы возможность, как доставлять сырье, фураж и продовольствие к заводам, промыслам и другим промышленным центрам, так и вывозить продукты лесной и всякой другой промышленности и сельского хозяйства на внешний и внутренний рынок.

6. Для постройки таких путей сообщения, для организации лесной промышленности, рыбных и других промыслов, а также для промышленной, промысловой и сельско-хозяйственной колонизации края необходимо привлечение капитала, а при существующих экономических условиях, — по преимуществу, иностранного.

7. Привлечение капитала должно производиться на началах взаимной заинтересованности с предоставлением предпринимателю некоторых льгот, но с неременным возложением на предпринимателя обязательства по оборудованию данного района путями сообщения, промышленными предприятиями и проведения (при общем надзоре правительственной власти) его рациональной колонизации, путем мелиорации годных к заселению площадей, предоставления переселенцам разумных кредитов, сельско-хозяйственной помощи и руководства и т. п.

8. Прежде предоставления предпринимателям отдельных площадей, необходимо в каждом соответствующем районе закончить землеустройство имеющегося там населения, испытывающего местами резкое малоземелье при наличности обширного свободного земельного фонда; равным образом, необходимо заблаговременно установить те льготы, кои должны быть предоставляемы переселенцам, как например, льготы по воинской повинности, по оплате податей и налогов и им подобные.

9. Для осуществления той же цели развития эксплуатации ресурсов Севера должны быть всемерно привлекаемы и всякого рода государственные и кооперативные организации, поскольку они по своим задачам и по состоянию своих капиталов и по другим своим возможностям могут быть привлекаемы к этому делу; во всяком случае, должно быть оказано всемерное содействие самодеятельности населения.

10. Самостоятельную и чрезвычайно важную задачу в колонизации Севера должно составлять оборудование и заселение морского побережья и, в первую очередь, Мурманского берега и Канинско-Чешской береговой линии. Важность этой задачи диктуется исключительно крупным промысловым значением морского побережья и возможностью

фактического и политического захвата промысловых районов другими государствами, каковая опасность подтверждается усилением промысловой деятельности в указанных районах со стороны промышленников западно-европейских.

11. В целях военнoстратегических или охранных необходимо в некоторых местностях выделение колонизационных участков для освоения их, в порядке переселения или расселения соответственным контингентом переселенцев и устройства их, по принципу территориальных формирований будущих трудовых кадров с применением к ним хотя бы тех же льгот, кои имели место, например, при устройстве бывших казачьих поселений.

12. В связи с установлением общего плана железнодорожного строительства и колонизации следует признать необходимым в первую очередь, проведение некоторых подготовительных работ, а именно: 1) подготовку колонизационных мероприятий в районах уже существующих на Севере жел. дор. путей в смысле выяснения площадей, пригодных для заселения, и выбора участков для новых станционных поселков, равным образом мероприятий по отбору еще свободных и годных для заселения площадей, вдоль притоков главных рек Севера; 2) производство работ по образованию новых участков на побережьях Мурманском и Канинско-Чешском и по землеустройству имеющегося тут ловецкого населения; 3) проведение подготовительных мероприятий по развитию средствами государства, кооперативных организаций или частных лиц каботажного судоходства, развитию морского рыбного и звериного промыслов и введению более совершенных способов морского лова; 4) продолжение работ по устройству и использованию морского пути в Сибирь.

Т Е З И С Ы

по колонизации Сибири.

1. В доступных районах Сибири с благоприятными естественными условиями свободный земельный фонд легкого освоения должен считаться исчерпанным; использование же для сельского хозяйства массивов свободного земельного фонда, расположенного в низменной и горной тайге, возможно лишь после затраты крупных средств на их предварительную подготовку и приведение в культурный вид, что при существующем финансовом положении представляется затруднительным, а при данной обстановке сельско-хозяйственного производства—и нерентабельным.

2. Вышеуказанное обстоятельство в корне меняет прежний взгляд на колонизационное значение Сибири. Земледельческая колонизация ее, в виде массовой переброски в Сибирь избыточного сельского населения из Европейской части СССР, должна считаться в ее прежней форме в общем и целом законченной. Перспективы же дальнейшей широкой сельскохозяйственной колонизации Сибири должны быть поставлены в прямую зависимость от увеличения спроса на продукты сельского хозяйства, от развития промышленности и путей сообщения, от наличия необходимых капиталов и от улучшения техники приведения трудно-освояемых земель в культурный вид. Поскольку не все из указанных предпосылок имеются в данное время налично—широкая сельскохозяйственная колонизация Сибири должна быть снята, как очередная задача ближайшего времени.

3. Колонизация предшествовавшего периода, происходившая под напором крестьянского выселения из Европейской части СССР, не имела за собой достаточной хозяйственной и технической подготовки Сибири к заселению и оставила колонизационные районы в состоянии незаконченности. Есть основание полагать, что это обстоятельство повело к слабой устойчивости переселенческих хозяйств, а в связи с кризисом последних лет, и к сильнейшей дезорганизации их. В зависимости от этого наблюдается значительный рост как обратного переселения из Сибири в Европейскую часть СССР, так и внутрисибирского расселения.

4. Первая и неотложная задача по отношению к Сибири заключается в устранении недостатков прошлой колонизации и в укреплении возникшего в колонизационных районах хозяйства, чему должно предшествовать обстоятельное обследование этих районов.

5. Отсюда возникает необходимость, с одной стороны, в наилучшем техническом устройстве колонизируемых территорий (проведение и ремонт дорог, раскорчевка лесных площадей, осушка и обводнение участков и пр.), а с другой—в создании благоприятных хозяйствен-

ных условий (организация торговли продуктами сельского хозяйства и предметами личного и хозяйственного потребления, снабжение населения инвентарем, организация кустарных промыслов, а также иных форм промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства и проч.).

6. Поскольку одной из причин массового выселения из степных и лесостепных сельскохозяйственных районов Сибири следует считать кризис залежной системы хозяйства, вызванный уплотнением сельского населения и сокращением землепользования крестьянских хозяйств, представляется неотложно необходимым принятие ряда мер экономического и культурно-показательного характера, которые содействовали бы переходу к иным формам полеводства.

7. Самое осуществление этих мероприятий требует затраты значительных государственных средств, но, главным образом, оно должно иметь в своей основе наилучшее использование сил и средств самого населения путем кооперирования его, а также привлечение к работе существующих производственных и потребительских кооперативных организаций.

8. В дальнейшем колонизационная работа в Сибири должна быть теснейшим образом связана с промышленной эксплуатацией естественных богатств, добычей и переработкой сырья, как для внутрисибирского потребления, так и для вывоза за пределы Сибири.

9. Необходимо отметить особое значение для колонизации создания внутренних сибирских рынков, слабое развитие которых препятствовало оживлению местной хозяйственной жизни и чрезвычайно понижало колонизационную емкость Сибири, а в конечном счете служило одной из главнейших причин к наблюдающемуся в настоящее время процессу деколонизации Сибири.

10. Широкое развитие местной промышленности может иметь место лишь при условии обеспечения Сибири железнодорожными сооружениями, водными и грунтовыми путями сообщения. Наибольшую роль при этом должны сыграть новые железнодорожные линии в виде Северно-Сибирской и Южно-Сибирской магистралей, которые вовлекут в хозяйственный оборот и откроют для заселения значительные районы.

11. Первоочередной же задачей, особенно в деле развития внутреннего сибирского рынка, являются сооружения под'ездных путей к существующей Сибирской магистрали как с Севера, так и с Юга, чем достигается, с одной стороны, вовлечение в товарно-хозяйственный оборот, а, следовательно, и в колонизацию отдаленных от жел. дор. магистралей районов, а с другой—взаимный обмен продуктами хозяйства этих районов, служащих по своим условиям естественным взаимным дополнением. На первом плане в этом отношении должны быть те под'ездные пути, которые создадут обмен между северными таежными, но безлюдными районами и южными сельскохозяйственными, но безлесными.

12. В виду прямой заинтересованности различных государственных и частных учреждений в колонизации различных районов, как необходимым условием их хозяйственного использования, надлежит привлекать их к колонизационной работе, путем использования их сил и средств, в виду чего и колонизационно-переселенческие мероприятия в этих районах, объем их работы, характер и размер переселенческих контингентов, направление переселенческого хозяйства и проч., должны быть теснейшим образом согласованы с хозяйственными планами указанных учреждений.

13. Считая, что массовая переброска избыточного земледельческого населения из Европейской части СССР в Сибирь при настоящих условиях невозможна, представляется, однако, целесообразным и необходимым допустить колонизацию отдельных районов Сибири в порядке трудовой заимки или в порядке предварительной подготовки земельного фонда теми элементами из Европейской части СССР или из каких либо иных районов, которые по своим хозяйственным привычкам и материальным средствам представляются достаточно надежными и способными к созданию прочных и крепких колонистских хозяйств.

14. Особую, но совершенно необходимую задачу в общем плане колонизации Сибири, должна составлять забота об отдельных местных национальных группах, поскольку они являются вместе с тем и наилучшим колонизационным элементом для освоения отдельных районов, что имеет наиболее важное значение по отношению к северным окраинам Сибири. Эта забота должна найти свое выражение в мерах, направленных к поднятию их культурного уровня и укреплению и развитию их хозяйства.

О хозяйственном предназначении свободных государственных земельных имуществ.

Из протоколов Совещания Особой Секции Государственного Колонизационного Научно-Исследовательского Института.

Совещание было организовано для выяснения наиболее рационального предназначения и использования свободных государственных земельных имуществ (ст. ст. 154 — 164 Земельного Кодекса).

Эта работа, начатая Институтом с февраля сего года, была разбита, методологически, на ряд этапов, первым из которых должна была явиться всесторонняя экономическая расценка отдельных районов. Эти расценки, по принятой Институтом программе, предполагалось обосновать прежде всего перспективными планами восстановления и развития сельского хозяйства в отдельных губерниях — как наиболее систематизированным и связанным с производственными задачами материалом, а затем — экономическими и специальными описаниями всякого рода как прежнего, так и настоящего времени. Институт находил, что лишь после совершенно детального уяснения основного перспективного направления и форм хозяйства губернии, можно с должной обоснованностью подойти к разрешению проблемы рационального предназначения госземфонда, при чем, и в соответствии с пожеланием Управмелиозема, было решено начать вышеуказанную работу с районов наиболее, априорно, многоземельных, где может найти себе место самое разнообразное (колонизационное, концессионное и т. п.) использование госземимуществ, т. е. с Поволжья и Юго-Востока. К настоящему времени отработаны ¹⁾ шесть губерний: Самарская, Саратовская, Донская, Царицынская, Ставропольская и Кубано-Черноморская, — т. е. как раз те, которые представляют теперь наибольший интерес как в колонизационном, так и в концессионном отношениях. Для удобства дальнейшей трактовки вопроса, результаты сделанного сведены по преимуществу к наглядно-показательным данным — по-губернским картограммам и диаграммам (общим числом до 150), при чем весь полученный, таким образом, и распределенный по шести альбомам материал, вместе с сводным к нему текстом, является, одновременно, основой и для других, нужных Управмелиозему работ, а именно, для освещения вопросов о колонизации земель на Юго-Востоке, о колонизационных концессиях, об организации арендаторского и фермерского хозяйств и о мелиоративных задачах в колонизационном деле. Все эти вопросы упираются в общую про-

¹⁾ Обработка производилась студентами Землеустроительного Факультета Московского Межевого Института под руководством действительного члена Колонизационного Института, В. П. Бо щ и н и н а.

блему рационального предназначения и использования госземимуществ, и не могут быть разрешены иначе, как через экономическое познание прошлого, современного и перспективного состояния исследуемого района в сельско-хозяйственном и иных отношениях.

Этим могла бы почитаться завершенной первая часть названной работы в отношении данных районов; второй же этап должен состоять в более подробном, описательном, на основе предыдущего, анализе подлежащих губерний.

В порядке очередности первой была рассмотрена Самарская губерния.

Докладчиком по Самарской губернии было сообщено, что названная губерния по основным своим естественно-историческим условиям может быть разделена на три ярко-выраженных района: а) Северный—лесо-степной, б) Центральный—черноземно-степной, и в) Южный степной, переходящий на Юге и Юго-Востоке в сухую степь. При более детальном ознакомлении с климатическими и геологическими признаками губернии, последняя разделяется уже на 6 естественно-исторических районов, частью совпадающих с первыми. В общем, губерния представляет из себя, за исключением холмистых и горных мест на Севере и Северо-Востоке, равнинную степь. Преобладающими почвами губернии являются черноземы—б. ч. суглинистые, в значительной степени супесчаные, содержащие от 7% до 10% гумуса. Климат губернии континентальный, сухой, с суровыми малоснежными зимами и жаркими летними периодами. Количество осадков в год в среднем 300 м/м—явно незначительное. Вследствие малолесности губернии, годичного запаса древесины не хватает для удовлетворения потребности в лесе местного населения. В общем и целом, громадная часть всей территории губернии, кроме только самого крайнего юга (в области сухой степи), характеризуется наличием таких естественных данных, которые могли бы обусловить наибольшее развитие земледелия и сельско-хозяйственной промышленности. Однако, при отсутствии искусственного водоснабжения и правильной организации сельского хозяйства, эта основная отрасль занятий населения губернии оказывается пока не надежной (колебание погодных урожаев чрезвычайно резко). Тем не менее, будущее губернии, достаточно, вообще, изученной и обследованной проф. Неустроевым, Прасоловым и Безсоновым, Г. И. Баскиным и агрономами Бажановым, Ожерко, Сафоновым и другими—несомненно в земледелии.

Самарская губерния в прошлом по справедливости считалась житницей России. За последнее, перед войной, десятилетие, общий сбор зерновых хлебов достигал в ней 126,7 мил. пудов в год; рост посевной площади за двадцатилетие определился в 184%; из среднего годового вывоза в 104 мил. пуд. 67,6% упало на хлебные грузы: среди последних—80% на зерновые хлеба. Качество всех вообще хлебных продуктов губернии оказывалось значительно выше, нежели в других губерниях, не говоря уже о Западной Европе, и самарская пшеница завоевала себе почетное место на мировом рынке, играя видную роль в нашем торговом балансе. Сбор хлеба на 1 душу населения достигал 60 слишком пудов, при среднем, по России, в 44,2 п. Крестьянское хозяйство губернии характеризовалось товарностью, крепостью и экстенсивным уклоном, при значительном, сравнительно, развитии животноводства. Повторявшиеся здесь периодически засухи лишь ослабляли, временно, местное хозяйство, но население губернии приспособлялось, постепенно, к неблагоприятным условиям климата и, делая необходимые запасы, переживало более или менее безбо-

лезненно тяжелые годы. Потенциальная энергия местного сельского хозяйства оказывалась настолько значительной, что уже достаточно потрясенная событиями разразившейся на ее территории гражданской войны, Самарская губерния все же дала Республике в 1919—1920 г.г.—22 мил. пудов налогового обложения, т.-е. одну треть поставки всего Поволжья.

Засуха 1921—1922 г.г. в корне подорвала сельское хозяйство губернии. Общая посевная площадь ее к 1922 году составила лишь 30,8% от посевной площади 1913 года, при чем наибольшее, в этом отношении, колебание испытала пшеница, посев которой определился в 1922 году лишь в 10% от 1913 года. В соответствии с этим сбор хлеба на 1 душу населения упал с 62,1 пуда до 1,7 (в 1921 г.); посев на хозяйство—с 7,16 дес. до 2,5 (1922 г.). Полеводство, вообще, расстроилось полностью как в отношении севооборотов, так и приемов земледелия; связанное же с последним животноводство потерпело не меньший урон, составив, в общем, количественно в 1922 году лишь 20% от среднего за пятилетие 1914—1918 г.г. Овцы, наполнившие губернию в 1918 году в количестве полутора миллиона голов, остались к 1922 году в числе лишь 170 тысяч, лошади—в 23%, крупный рогатый скот—в 33%, свиньи почти сошли на нет полностью (осталось 0,7%) и т. д.

При всех данных условиях неудивительно, что несмотря на увеличение к 1923 году по Самарской губернии и посевной площади (с 900 тыс. дес. в 1922 году до 1.100 тысяч), и общего количества скота (на 400.000, при чем количество лошадей прибавилось на 17, а рогатого скота на 44%), общий продовольственный бюджет губернии сводится теперь с дефицитом в 20 мил. ржаных единиц (10 мил. руб. золотом); современный же бюджет среднего крестьянского хозяйства таков, что никакой возможности улучшить это хозяйство не имеется, и за весь год крестьянин смог купить только около 3 аршин мануфактуры, чаю на 2 ф. ржи и сахару на 11 фун. Почти все продукты потребляются на месте, а если что и продается, то в ущерб питанию. Мертвый инвентарь изношен чрезвычайно. Вместе с тем баланс рабочего времени показывает, что в семье среднего крестьянина - самарца—больше половины рабочих рук свободно, за неприменением. Приведенные бюджетные данные относятся, как указано, к среднему хозяйству, но нужно еще иметь в виду, что 85% всех хозяйств относится к маломощным.

Наряду с катастрофическим разрушением сельского хозяйства неблагополучно в Самарской губернии и во многих других отношениях. Землепользование, вследствие выморочности, оказывается крайне запутанным; лесное хозяйство подорвано, мелиоративные и обводнительные сооружения в значительном % разрушены, ветеринарное дело в упадке. А с тем вместе, из западных и северо-западных губерний в Самарскую губернию движутся самовольные переселенцы, при чем центр, во избежание дезорганизованности в этом деле, и учитывая наличие в губернии заведомо свободного земельного фонда, открыл уже и в этом году планомерное сюда переселение.

Вышеприведенное свидетельствует о том огромном комплексе вопросов, который должен лечь в основу, с одной стороны, разрешения общей проблемы восстановления и развития сельского хозяйства в Самарской губернии, а с другой—правильного подхода к установлению наиболее целесообразного предназначения, в связи с общими перспективами, государственных земельных имуществ.

Основной, задачей ближайшего будущего в области собственно сельского хозяйства губернии является, несомненно, всемерная его рационализация путем введения улучшенных севооборотов и включения в их состав засухоустойчивых культур, при общем зерново-пшеничном направлении и организационно товарной структуре хозяйств. Должно быть соответственно развито, конечно, опытное, семенное и семсудное дело, кооперация, агрономическая сеть, борьба с вредителями и др. культур-технические мероприятия, в расчете, что к 1934 году посевная площадь достигнет размеров 1913 года, животноводство же—нормы 1916 года. А если еще через десяток лет, при должной организации хозяйства, под посев будут обращены все 6 мил. дес. пахотной земли губернии, то продукция ее выразится, даже при пониженном урожае, в 250 мил. пуд. зерна, в 130 мил. пуд. картофеля и свеклы и в 162 мил. пуд. трав,—при $5\frac{1}{2}$ миллионном стаде всякого рода скота. Эти перспективы, по сравнению даже с лучшими годами прошлого, колоссальны, и свидетельствуют об огромной потенциальной мощи Самарской губернии. Однако, производительные силы последней могут развернуться во всю ширь только при всестороннем и планомерном согласовании целого ряда мероприятий, весьма значительную роль в составе которых играют мероприятия по организации территории.

Пути местного землеустройства и использования госземимуществ предопределяются основным направлением сельско-хозяйственного производства губернии, при чем в отношении каждого из вышеуказанных видов организации территории в данном случае могут быть предпосланы следующие директивные положения.

А. В части землеустройства. Современное трудовое землепользование Самарской губернии характеризуется рядом дефектов. С одной стороны,—крайне отличающие все вообще Поволжье, —дальнотемелье, черезполосица, многодворность и т. п. собственно технические беспорядки, отягченные недостаточностью мелиоративных (водообеспечивающих) сооружений; с другой,—чрезвычайная неопределенность фактических границ землепользования, возникшая на почве выморочности населения 1921—1922 г. и чрезмерности землеобеспечения, по сравнению с наличными ресурсами хозяйствующего населения. В процессе революции почти все земли Самарской губернии были распределены, или, вернее, расписаны между трудовым земледельческим населением, получившим, таким образом, к своим, и без того не малым, наделам, еще около 3 мил. десятин; ныне же население губернии уменьшилось, по сравнению с 1920 годом, на 500 с лишним тысяч человек (на 18,33%), и, действительно, освоить все номинально числящиеся за ним земли буквально не в состоянии еще на долгие годы. Отсюда возникает необходимость: а) установление таких, отвечающих целесообразной организации хозяйства данного района норм землеобеспечения, которые соответствовали бы, вместе с тем, и фактической возможности освоения земли; б) проведения, параллельно с этим рационального землеустройства, сводящегося здесь, в наиболее общих чертах, к внутриселенному разверстанию, с дроблением общины и образованием выселков по возможности оптимального размера и в) выявления, попутно, излишнего земельного фонда,—госземзапаса, имеющего быть обращенным на другие государственные надобности. Первая из указанных задач является наиболее трудной в ее практическом осуществлении и должна, несомненно, быть приурочена к дифференцированным, в соответствии с естественными и экономическими особенностями губернии, районам. Так, например, районы с благо-

приятными почвенными условиями и осадками свыше 300 м/м в год должны служить базами, а вместе с тем и пределом широкого товарного рационального земледелия с подсобным скотоводческим промыслом, основывающимся, главным образом, на продуктах земледелия; здесь, естественно, нормы землеобеспечения не должны быть особо высокими. Напротив, землеобеспечение в районах с мало благоприятными почвенными условиями и осадками менее 300 м/м. в год должно быть рассчитано на широкое развитие экстенсивного товарного животноводства нагульно-пастбищного типа, с одновременным земледелием на подходящих к тому участках, т.-е. быть более крупным по размеру. Хотя работа по установлению такого рода норм по губернии уже проделана, при чем, в зависимости от совокупности признаков (расстояние от рынков и т. п.), величина их (норм) оказывается колеблющейся по отдельным уездам от 2,37 до 5,32 десятин на едока,— тем не менее осуществить на деле намеченную операцию в крупном масштабе почти невозможно, в силу того, прежде всего, обстоятельство, что применение норм требует массового внутригубернского расселения, непосильного ни для населения, ни для государства, и потому, еще, что даже и при условии расселения,—средств на обработку нормальных наделов у значительного большинства населения (64%) не хватает. Это—несмотря на то, что нормы эти в 5 из 6 уездов губернии ниже норм временного распределения. Таким образом, в этой части вопроса следует, повидимому остановиться на частичном, только в некоторых местах, фактическом осуществлении вполне рационального землеустройства населения, с попутным, быть может, и внутригубернским расселением,—по общему же правилу—лишь и считать потребное для наличного населения количество земли по нормам, в целях последующей передачи этих земель развившим свои производительные силы хозяевам, а впредь до того—зачислить все не могущие быть обработанными сейчас земли в состав доходных статей, на предмет сдачи их в аренду наиболее крепким элементам, и наряду с этим определить действительные, сверх норм, излишки. Такова грубая, не детализируемая здесь схема, приводящая к следующим, столь же грубо выраженным численно, результатам: за трудовым землепользованием имеет быть закреплено, в общем итоге, из всех 8 мил. десятин удобной земли сельско-хозяйственного назначения губернии $6\frac{1}{2}$ миллионов, а $1\frac{1}{2}$ мил. десятин подлежат зачислению в состав госземимуществ.

Б. Предназначение и использование госземимуществ. На 1-ое января 1924 года в списке государственных земельных имуществ Самарской губернии значится 547.454 десятины, из коих 193.210 десятин составляют совхозы (числом 151),—17.208 дес. заливные покосы (64 участка) и остальная площадь—пахотные земли. Около 1 мил. десятин госземимуществ еще не выявлено, после же такого выявления общая площадь госземимуществ (1,5 мил. десятин) распределится, по основному назначению, следующим образом: совхозов—12,8%, госслужфонда—1,2%, пахотные угодия (доходные статьи и земзапас—86%).

Наличные совхозы предназначаются: а) десять, на общей площади в 11.251 десятине для выполнения агрикультурных специальных научных заданий, подлежащие и впредь безвозмездному использованию их современными держателями; б) двадцать четыре на площади в 51.715 десятин—для производственных целей в составе местного Губсельтреста, при чем в отношении этих совхозов, составляющих ценные сельско-хозяйственные единицы, необходим ряд

организационных мероприятий по их устройству и кредитованию, с установлением, однако, арендной платы за их держание; в) в восемь совхозов, площадь в 68.612 десятин—для агрикультурно-показательных и, одновременно, производственных целей, осуществляемых ныне Военведом на основе специального договора, подлежащего изменению, в смысле установления ныне твердой, за эти совхозы, арендной платы; г) в восемь совхозов промышленных, с винокуренными бездействующими заводами, при общей площади в 1.132 десятины,—остающиеся пока, неиспользованными; д) пять совхозов курортных, с общей площадью до 10.000 десятин, подлежащие передаче Наркомздраву в порядке ст. 155 Зем. Код.; е) семь совхозов, площадь в 1.412 дес. состоящих в пользовании разных учреждений Наркомпроса, ж) четыре, так называемых приписных, совхоза на площади в 2.700 десятин, наконец, з) восемьдесят пять совхозов на площади около 50.000 десятин, приближающихся по своему характеру к доходным статьям. В перспективе, собственно под совхозами имеет остаться не более 150 тыс. десятин, прочие же земли подлежат прямому зачислению в состав доходных статей; из состава же остающихся совхозов только поименованные под литерами „а“, „б“ и „е“, на общей площади до 23 тысяч десятин подлежат безвозмездному использованию; от использования прочих ожидается доход, в виде арендной платы, в общей сумме до 230.000 рублей ежегодно. Ныне наибольшая площадь совхозов (86.204 десятины) расположена в Пугачевском уезде, и, затем, в нисходящем порядке—в Бузулукском (46.681), Самарском (26.315), Мелекесском (15.337), Бугурусланском (13.634) и Балаковском (4.744). Государственный луговой фонд расположен, главным образом, в уездах Мелекесском, Самарском, Пугачевском и Балаковском, по реке Волге, и может эксплуатироваться лишь в порядке аренды. Ныне использование его далеко еще не полно, но по мере восстановления животноводства в губернии потребность в заливных покосах лишь едва сможет быть удовлетворена наличностью данных угодий. Ожидаемая доходность—1 р. 50 к. с десятины, т.-е. до 25.000 р. каковая сумма уятерится при проведении землеустройства.

В связи с вышеизложенным о современном состоянии трудового землепользования в Самарской губернии, стоит вопрос о количестве и качестве здесь собственно пахотного земзаласа, имеющего получить то или иное предназначение. Вопрос этот разбивается на два: а) о свободном земельном фонде теперь и б) о том земельном свободном фонде, который должен получиться в результате полного освоения земли местным населением по рациональным нормам. В настоящее время, сообразно учету действительных сил населения, неиспользуемые последним земли составляют, в общем, по губернии, площадь до 1.250.000 дес., располагающихся по уездам следующим образом: в Пугачевском—700.000, Бузулукском—260.000, в Бугурусланском—105.000, в Самарском—115.000, в Балаковском—60.000 и в Мелекесском—10.000 дес. Из этой общей (1.250 тыс. дес.) земельной площади в состав доходных статей частью уже образовано, частью намечается к отмежеванию, примерно 350.000 дес. в уездах: Мелекесском (10 т.), Бугурусланском (95 тыс.), Бузулукском (120 тыс.), Самарском (95 т.) и Балаковском (30 т.):—остальные же 900 тыс. дес. составляют заведомо пока свободный фонд. Однако, не все 350.000 дес., ныне считающихся доходными статьями, будут находиться и впредь в составе госземимущества. 70.000 дес. из них в северных уездах губернии (Мелекесском, Самарском, в части Бугурусланского и Бузулукского) в течение ближайших же 5 лет придется, несомненно, передать в трудовое

пользование сравнительно малоземельному населению этих уездов, и, таким образом, собственно арендный фонд определится на ближайшие пятилетия (2—3)—в 280 десятин. Равным образом не все 900.000 дес. свободного, пока, земельного фонда будут состоять в этом виде госземимуществ неопределенно-длительное время. Дело в том, что совершенно излишними для населения Самарской губ. землями, в расчете на рациональное землеустройство, могут почитаться лишь 500 тыс. дес., которые, тем самым, и должны быть предназначены под инокубернское переселение (колонизацию). Все прочие, до общей современной площади госземзапаса (1.250.000 дес.) земли, в том числе и доходные статьи, имеют быть, в конце концов, переданы местному трудовому населению, и, таким образом, расчеты на их пользование могут приурочиваться лишь к 2—3 десятилетиям. На основании изложенного, вся совокупность госземимуществ Самарской губернии и в их современном, хотя далеко полностью и невыявленном составе, может быть выражена следующей, в круглых цифрах, таблицей:

А. Постоянного назначения.

1. Совхозы	230.000 дес.
2. Гослугфонд	20.000 дес.
3. Колонизационный фонд	500.000 дес.
И т о г о	750.000 дес.

Б. Временного назначения.

4. Доходные зем. статьи	350.000 дес.
5. Свободный фонд	400.000 дес.
И т о г о	750.000 дес.

Всего госземимуществ . 1.500.000 дес.

Обращаясь к вопросу о намечаемом местными органами порядке использования всего вышеуказанного массива госземимуществ, следует отметить, что общее предназначение и подразделение таковых, при данном экономическом положении губернии и ее перспективах, соответствует целесообразности. При этом, однако, основным дефектом всех местных предположений оказывается чрезмерная их академичность, обуславливаемая, правда, тем, что лишь 15,7% всего состава госземимуществ выявлено сколько нибудь реально: остальные 83,3%, т. е. более 1.250.000 дес. учитываются камерально. При данных условиях весьма трудно, если не невозможно, определить и расценить истинную целесообразность намечаемого предназначения данного, хотя бы и крупного, массива, и отсюда вытекает совершенная необходимость скорейшего приведения в известность госземимуществ губернии на местности. Только тогда можно вполне обоснованно подойти к разрешению означенного вопроса.

Оставляя в стороне совхозы, гослугфонд и земельно-доходные статьи, в отношении использования которых и расположения на местности возникают наименьшие сомнения, особое внимание Колонизационного Института должно быть обращено на использование

900.000 дес. земельного запаса. Последний, по данным Лесного Зем. Управления, располагается по уездам следующим образом:

У е з д ы.	В тыс. десятин.	
	Под колониза- цию.	Своб. фонд (крупные аренды).
Бузулукский	75	50
Балаковский	15	—
Пугачевский	350	350
Самарский	60	—
	500	400

Означенная таблица показывает, что огромная часть свободного теперь госземзапаса расположена в Пугачевском уезде, т.-е. как раз в той части губернии, которая наиболее трудна для освоения в смысле ее водообеспеченности. И если совершенно правильно относить Пугачевский район к району крупной капиталистической, на 20—30 лет, аренды (концессии), то весьма сомнительной представляется возможность успешной колонизации этого района выходцами из центральных губерний. Колонизационному Институту надлежит высказать, в этом отношении, особое пожелание, чтобы Наркомзем наиболее осторожно подошел к практическому здесь осуществлению своих колонизационных предположений и не форсировал бы массового, вообще, в Самарскую губернию вселения впредь до того, пока, с одной стороны, гидротехническими обследованиями не будет доказана освоенность этого фонда и последний не будет обслужен соответствующими сооружениями хотя бы в минимуме, а с другой—пока район этот не будет экономически связан с прилегающими. Далее, в отношении использования здесь колонизационного фонда, вообще, необходимо остановиться на следующих основных моментах:

1. К заселению Самарской губ. должны допускаться по возможности только экономически крепкие элементы.

2. Помимо материальной обеспеченности, колонисты должны удовлетворять требованиям элементарной, хотя бы хозяйственной культурности и способности к усвоению приемов засушливого земледелия. В частности предоставляется целесообразным привлечение сюда некоторого количества иммигрантов, снабженных орудиями и средствами производства, сектантов, духоборов и молокан из Закавказья и Америки, а также следует отдавать преимущества тем из русских переселенцев, которые организованы в коммуны, артели и товарищества.

3. Организация переселенческого хозяйства должна сразу же ставиться рационально; в этих целях передача переселенцам земельных участков должна сопровождаться обязательством со стороны переселенцев выполнять требования земельных органов в смысле правильного и рационального использования и обработки земли.

4. Для придания крестьянскому хозяйству наибольшей устойчивости и создания страховых площадей — надлежит принять всяческие меры к широкому проведению водных мелиораций путем орошения, правильного и лиманного, небольших площадей.

5. Нормы земельного обеспечения переселенческих хозяйств должны строиться в расчете на полное использование трудовой силы семьи и применительно к нормам наделения местного населения.

6. В тех случаях, когда колонизационный фонд расположен в районах с неурегулированными земельными отношениями местного населения, одновременно с образованием переселенческих участков должно идти землеустройство местного населения; при этом в основу как землеотводных, так и землеустроительных работ должно быть положено создание наиболее рациональных земельных участков в смысле их размера, конфигурации, расположения в отношении водных источников и т. д.

7. Помимо отвода окружных границ переселенческих участков должны быть приняты меры к внутринадельному землеустройству, в смысле подготовки участков к хозяйственному использованию в виде разбивки на поля, полосы и проч.

Осуществление вышесказанного составляет необходимое условие рационально осуществляемой колонизации. Вне этого, последняя не должна получать в Самарской губернии сколько-нибудь широкого распространения, и в этом случае предпочтительнее, временно, также и колонизационный фонд почитать объектом крупной капиталистической аренды.

Что касается последней, то под концессионное, вообще, использование следует предоставлять площади, непосильные для трудового переселенца, и требующие вложения крупного капитала. Таковыми являются, в первую очередь, площади, допускающие орошение, что и принято, очевидно, во внимание при отнесении 350.000 дес. Пугачевского уезда под крупно-арендный фонд. Вследствие допустимости у нас скотоводческих концессий в достаточно крупном масштабе, все неиспользуемые в ближайшее время свободные земли Самарской губернии могут быть предназначены к этому виду использования в расчете на то, что предприниматели, получив значительные площади на срок в 20—30 лет, ограничат соответственные участки, соорудят здесь плотины и приспособления для орошения, пути сообщения и, вообще, окультурят местность, непосильную для наших собственных средств и ресурсов. Главный вид концессионного использования в Самарской губернии—нагульное скотоводство и овцеводство в соединении с крупным, основанном на применении машин, зерновым хозяйством. По истечении сроков концессий (а при необходимости и ранее, путем выкупа), концессионные участки имеют поступать частью (в мере до нормы ингоубернского вселения) под колонизацию; прочие земли—местному населению. Иным путем ввести в с.-х. оборот большую часть земфонда Самарской губернии нельзя.

Заслушав означенный доклад, иллюстрировавшийся соответственными картографическими и диаграммными материалами, Особая Секция Государственного Колонизационного Института, после обмена мнениями присутствовавших, постановляет:

1. Признать изложенные в докладе предположения по вопросу о предназначении и использовании госземимуществ Самарской губ. в общем и целом соответствующими наметившейся эволюции сельского хозяйства и общим народно-хозяйственным интересам.

2. Разработку того же вопроса по другим губерниям Поволжья и Юго-Востока вести тем же методом, с постоянным уточнением данных и по уже пройденным районам.

Немецкая колониальная литература за 1918—1923 г.г.

Обзор немецкой литературы по колониальным вопросам за указанное пятилетие представляет недюжинный, можно сказать, редкий интерес. Пред нами, прежде всего, любопытный социологический феномен: приостановка на полном ходу громадного и хорошо слаженного аппарата, не находящего себе прежнего применения в виду полного отсутствия, после империалистической войны и Версаля, колониальных владений и фактических колонизационных интересов. Простым прекращением официальных изданий, очень высокого, как известно, качества, или таким же пресечением ряда периодических по колониальным вопросам изданий, в общем, как тоже известно, качества уже худшего,—вопрос не решался. Закон инерции сказался в полной мере; зарядка была слишком значительна, накопленных материалов оказалось слишком достаточно, специалистов, несмотря на убийственное разрежение от империалистической войны, сохранилось преизбыточно, и вот—пред нами редкий феномен весьма богатой литературы по колониальным вопросам в стране, не имеющей сейчас возможности практического ее применения. Как это обстоятельство, так и вообще послевоенные условия не могли не наложить очень существенной печати, при чем много пошло, нужно заранее сказать, не в ущерб, а в улучшение. В значительной степени, например, исчезло прежнее победно-беззаботное, ура-патриотическое отношение, которое заметно прорывалось даже в наиболее серьезных работах, не исключая самого Дитриха Шефера. Не то что бы за перо взялись новые люди; наоборот, большое богатство, особенно количественное, колониальной литературы объясняется прежде всего освобождением от прежних дел великого множества колониальных чиновников и бывших администраторов, которые, теперь, в часы невольного досуга, принялись за доработку прежних своих материалов. Такому досугу обязано, например, поразительно быстрое осуществление, в течение каких-нибудь двух лет, прекрасного трехтомного Deutsches Kolonial—Lexikon, снабженного массой оригинальных и ценных иллюстраций, карт, схем, статистических подсчетов и пр. Авторы, значит, в общем не новые, но встряска последнего десятилетия совершенно изменила подход, а тем самым и самые темы. Многим пришлось насчет своего дела и самих себя говорить в „прошлом“ времени, подводить „итоги“, посмотреть на себя как бы со стороны, пользуясь неотразимую мудростью от сильного ушиба, и это не мало отрезвляло и углубляло. С другой стороны, послевоенная действительность в „старой“ Европе,

да и во всей обычной империалистической кухне, не могла не повлиять решительным образом: национальное возрождение „малых“ или „отсталых“ народов, прежних „туземцев“ по-просту, должно было, как и в других местах, обострить и расширить взгляд, объективировать самый подход. Вот один из примеров. Вместо бесполезных lamentаций по поводу утраты былого величия или нудной на эту же тему резиньяции, в современной немецкой литературе неожиданно появляется своеобразный, весьма свежий культ Африки, несколько романтический, идущий порой, быть может, слишком далеко, но все же прокладывающий, и не для одной Африки, новые и полезные пути. Крупнейшим его выразителем является, как известно, Leo Frobenius, усвоивший, даже, по этому случаю особый, красиво вычурный, но не утомляющий язык (даже в заглавиях: одна из основных его больших работ по африканской... археологии названа им — „Und Afrika sprach“), сложивший вокруг себя фалангу учеников и последователей, не только в германских странах, организовавший в Мюнхене свой главный исследовательский штаб в виде Institut für Kulturmorphologie, без устали издающий работу за работой, то в виде монументального Atlas Africanus, то в виде более популярной (с 1923 г.; уже 10 т.т.) серии „Afrikanisches Heldentum“, посвященный отнюдь не „героям“ в обычном смысле, а народам и культурам Черного континента. Заразительность юношески увлекающегося Фробениуса оказалась весьма значительной; возникает ряд „африканских вопросов“ в областях совершенно неожиданных: достаточно указать, что, например, в области искусства африканская архаика готова наметить и вскрыть ряд новых путей и скрещений (кроме самого Фробениуса еще работают Hausenstein, Einstein, Luschan и пр.), далеко не безразличных для изучения основ европейского искусства вплоть до ряда решительных, почти головокружительных пересмотров.

Заразительный энтузиазм нео-африкандеров школы Фробениуса тем не менее не характерен. Это — интересная, но крайняя точка. Гораздо значительнее широкое русло специальных работ по быту и языкам все той же „потерянной“ Африки, в которых сказывается помимо интереса еще несомненное уважение к „малым“ и „отсталым“, в чем, повидимому, нельзя не видеть также и первых явственных признаков возрождения местных племенных групп и усиления их самосознания. Количество подобных работ довольно велико, а за качество их говорит не только безупречная техника (вплоть до фонографических закреплений), но, что гораздо показательнее, одобрительные отзывы французских критиков, хотя исследователи нередко „вторгались“ в сферу чисто-французского влияния. Первое место здесь занимают публикации бывшего Гамбургского Колониального Института, (теперь часть Гамбургского университета), давшего уже около 50 увесистых томов по колониальной Африке — как по туземным языкам, так и по быту, флоре, фауне, тропической акклиматизации и пр.

Дальнейшим примером укоренения новых воззрений может служить только что начавшаяся (с 1923 г.) новая серия, в том же Мюнхене, под общей редакцией Карла Гаусгофера. „Zur Geopolitik der Selbstbestimmung Südasiens“, — ряд солидных работ, сочетающих немецкую Gründlichkeit, с точно очерченным заданием и новизной подхода. Те же цели преследует более популярная серия Der Neue Orient и несколько более старомодные, но все же подновившиеся идеологически (с 1917 г.) „Schriften des Deutsch-Chinesischen Verbandes“.

Немецкий консерватизм, несомненно, уступает напору времени, и в этом смысле небезынтересно отметить, что целый ряд универси-

тетов в лице своих старых или новых специальных институтов ото-звались на актуальные вопросы и не брезгают популяризацией и „прикладными“ темами. Так университет Halle-Wittenberg издает (с 1919 г.; уже около 30 выпусков) особые „Auslandsstudien“, маленькие, до 50 стр., компактные, очень удачные справочники по отдельным странам в связи с возможной или уже состоявшейся немецкой эмиграцией. При университетском институте по океанографии в Берлине еще с 1914 г. возникает популярная серия „Meereskunde“, которая продолжается и по сию пору в виде небольших, в высшей степени актуальных докладов. Университетскими же силами снабдит себя и вновь возникший, но работающий самостоятельно, Deutsches Auslands-Institut в Штутгарте (особенно его энергичные Hefte zur Auslandsarbeit), причем выбор континентального Штутгарта, возможно, определился отчасти и тем, что туда перенесен теперь — и это заметно отразилось на продукции книг по колониальным вопросам и экспансии — филиал всемирно известного картографического института Юстуса Пертеса в Гота.

Наконец, в результате потребности в новых связях, взамен порванных или ослабленных, стоит открытие целого ряда новых вспомогательных учреждений в немецких высших школах. Лейпцигский университет создал особый Baltisches und slavisches Institut, довольно бодро печатающий свои „Veröffentlichungen“; Грейфсвальд — Institut für Finnlandkunde (публикации гораздо шире названия); Кенигсберг обновил свой Geographisches Institut; Вена создала, несмотря на крайнюю бедность, — Forschungsinstitut für Osten und Orient. В том же направлении пошли и ведомства. Морское министерство переиздает, в новом и дополненном виде, ряд известных своих справочников (Ostküste Afrikas—1922; Jangtsefahrt—1922; Westindien, В. II—1923, громадный том в 788 стр. с более чем 300 рисунков), а министерство иностранных дел предпринимает, все расширяя, весьма ценную серию „Die Auslandwirtschaft in Einzeldarstellungen“.

Нельзя, кстати, обойти молчанием и некоторых напрашивающихся технических наблюдений. За обозреваемое пятилетие внешность немецкой книги приобрела прежнюю солидную устойчивость. Серьезного всеобщего бумажного кризиса Германия ни разу не испытывала, но кризисы типографский и литографский еще недавно сказывались очень заметно: плохая корректура, сбитый шрифт, прогибание и развал строк, спешный и нерегулированный оттиск многоцветных чертежей и карт, чего не избежали даже известные атласы Andree или Debes'a. Эти недочеты все и без остатка исчезли; ряд экзотических государств, вроде Гватемалы, Боливии и пр. по-прежнему печатают свои карты в Гамбурге, Готе или у Реймера в Берлине, где, например, только что закончена и большая Carta do Brasil в 36 листах.

Зато некоторая заметная передвижка произошла относительно издательских центров, и не только для колониальной литературы. О причинах выдвигания Штутгарта уже приходилось говорить. Следует прибавить, что в общем, конечно, руководящая роль Берлина, Гамбурга (по колониальным вопросам), Лейпцига не пошатнулась; но помимо этих центров получилась любопытная, до войны мало заметная, диффузия по провинции, по разным Plzenau, Neudamm, Langensalza, Weinböhl и пр. Объясняется это не только усилением Selbstverlag'a в виду длительного кризиса книгоиздательского дела и непомерного вздорожания сортифта, но и рождением в провинции чуткого и очень емкого потребителя нового типа в связи

с повсеместным появлением небывалых раньше в Германии Volkshochschulen и даже Volksuniversitäten...

Другой ряд наблюдений над немецкой колониальной литературой вытекает все из тех же ненормальных последствий империалистической войны и выражается в целом ряде важных приспособлений, продиктованных современной действительностью. Германия потеряла свои колонии, но остался, в чужих краях, немецкий колонист в виде своеобразной диаспоры, положение которой усложняется как неудачным исходом войны и ослаблением германского престижа, так и пережитками той германофобии, которая культивировалась во время войны. Этими обстоятельствами новая германская диаспора ощутительно отличается от прежней, избалованной политической гипертрофией, почти римским *civis Germanus sum*. Сильно перестроились и задания. Теперь уже нельзя удовлетвориться частным почином, вроде известной газеты-журнала „Das Echo“, патриотического и националистического будителя всех *Ausserdeutsche*. Задачи теперь куда сложнее: нужно не только спланировать, объединять на местах, сближать с общим массивом, но и укреплять морально и экономически; необходимо считаться с крупной волной новой, подчас почти стихийной эмиграции; нужно, с другой стороны, взвесить своевременность совета о реэмиграции, вольной или рекомендованной; необходимо полностью учесть „заграничность“ очень крупного немецкого элемента, очутившегося по ту сторону границы после Версальского диктата и его последствий—разных плебисцитов; нужно, наконец, все эти зачастую недюжинные силы (уходят ведь, обыкновенно, не слабые), располагающие, однако, далеко не прежними возможностями, постараться поставить в максимально выгодное положение, снабжая их соответственными техническими, обще-экономическими и специально конъюнктурными советами. Прежний частный почин, естественно, должен уступить место напряженной организованности, а это, в свою очередь, немедленно должно отразиться на всей эмиграционной и дальнопоселенческой литературе, а также на всех публикациях, предназначенных для любого зарубежного германского элемента.

Вместо прежних доморощенных и кустарных брошюр, в аляповатом преувеличении рисовавших прелести новопоселения и молниеносных успехов, теперь народилась вдумчивая и последовательная специальная литература, своего рода университет через океан (мечтали и о подлинных университетах, см. мемуар А. Palme „Die deutsche Auslandshochschule“, Berl., 1920) темперированный в разных степенях трудности, начиная с общедоступных книжек и кончая увесистыми трактатами. Журналы (*Illustrierte Auswanderer-Zeitung*, Штутгарт; *Die Heimkehr*—специально для реэмиграции) уступили место, что очень характерно, более действенной форме — сериям, состоящим из ряда деловых, законченных тем. Наиболее крупным центром, естественно, является Гамбург, где в коллективных „*Auslandswegweiser*“ объединились Гамбургский Архив Мирного Хозяйства (орган гамбургского колониального ведомства, *Hamb. Kolonialamt*) и так называемый Иберо-Американский Институт. Это же крупное и авторитетное объединение поддерживает целый ряд более мелких заморских группировок, типа землячеств, в Бразилии, Боливии, Мексике и т. п., тоже выпускающих ряд очень полезных и практических публикаций. Чрезвычайно видное место занимает также Штутгарт, не только вследствие веской и энергичной издательской деятельности тамошнего *Institut für Auslandskunde*, но и вследствие оживленной колониальной продукции вообще (серия „*Schriften zur Auswan-*

derung“). Мюнхен, резиденция союза „Heimatschutz“ издает периодически, особенно с 1920 г., серию „Siedlungswerk“, популярную по форме, но вполне надежную по содержанию. Несколько слабее, чем можно было ожидать от великой книжной метрополии, представлен Лейпциг, но и тут с 1918 г. издаются очень актуальные (размером ок. 200 стр.) „Tagesfragen der Auslandswirtschaft“. Официальные берлинские сферы, особенно центральное Auswanderungsamt, тоже перешло на почву систематических серий, между прочим „Auskunftshefte für deutsche Auswanderer“. Наконец, что очень характерно отметить, злоба дня заставила перенести те же заботы информации и защиты с заморской германской диаспоры на такую же европейскую, вызвав в 1919 году весьма любопытную периодическую публикацию „Schriften zum Selbstbestimmungsrecht der Deutschen ausserhalb des Reiches“.

Очень ценны, кроме того, издания под несколько неудачным общим заголовком „Bibliothek der Cultura Latino-Americana“, начавших выходить с 1919 г. под общей редакцией руководителя Иbero-Американского Института, В. Schädel'я (№ 1: R. van der Borghт „Das Wirtschaftsleben Süd-Amerikas, insbes. in seinen Beziehungen zu Deutschland“; № 2: W. Meissner. Das wirtschaftliche Vordringen der Nordamerikaner in Süd-Amerika; № 3: W. Meissner. Argentinien's Handelsbeziehungen zu den Verein. Staaten von Amerika); что же касается более широковещательного квартальника „Deutsche Kultur in der Welt“ (Leipz., 1923—1924 уже IX год), то и по темам, и по выполнению он в значительной степени еще не сумел совлечь с себя прежнего империалистического Адама и не может идти в ногу с вышеуказанными аналогичными предприятиями...

Колонизационной технике как таковой, реформированию ее и всяческой мелиорации, за обозреваемое пятилетие уделено заметно меньшее внимание—очевидно, в виду сужения прикладных горизонтов и общего ослабления базиса. Впрочем, это замечание касается, главным образом, германской колонизационной техники (не исключая и „внутренней“ колонизации, литературное освещение которой тоже отстало); к чужим начинаниям в этой области, особенно к крупным голландским успехам, немецкая литература прислушивается достаточно четко, хотя ей нельзя не поставить в минус почти полное молчание о крупных достижениях бельгийцев и особенно итальянцев.

В общем, таким образом, остается впечатление: идет подсчет сил, выжидание и примеривание, без решающих и определенных наклонов. Этой позицией, быть может, и объясняется то исключительно оживленное внимание, какое уделяется всякой литературе по заморским или „новым“ странам, вплоть до богатейшей литературы путешествий, зачастую громоздкой, многотомной, выходящей, однако, несколькими повторными изданиями. В особом контрасте с этим находится необычно резкое ослабление историзма, которым германская литература еще очень недавно щеголяла, можно сказать, неумеренно. История и даже политика уступает пока место простейшим колониальным реализму и фактизму. Популярность многих публикаций, нужно еще раз отметить, не вредит солидности и обоснованности; наоборот, в этом отношении наступило серьезное улучшение по всему фронту...

Данных наблюдений, думается, достаточно, чтоб перейти к постоянной группировке всего материала за пятилетие. Памфлетные эфемериды эпохи войны и переселенческая макулатура прежнего пошиба сознательно отброшены без особого, нужно полагать, ущерба для дела. Зато даны публикации по войне в ее отражении в германских коло-

ниях; появление их уже послевоенное, в более отстоявшейся атмосфере, но самое главное—именно в данных книгах нередко можно встретить исключительно ценные указания, как люди технически изворачивались в безусловно изолированной территории, находя такие приемы и применяя такие экстренно-суррогатные меры, которые небезинтересны для повторения в условиях нормальных. Тот же богатый по опыту материал заставил внести в обзор и группу публикаций по изучению и эксплуатации военно-колониальных, так сказать, территорий, оккупированных на более или менее продолжительный срок. Достаточно пересмотреть серию официальных изданий по Беловежской пуще, чтоб проникнуться значительным интересом; далеко не излишни и некоторые аналогичные работы по польским землям. Совершенно естественно, наконец, было включить группы по современной германской оценке колониальной политики и ее перспектив, а также „большой“ политики вообще. Радикальное изменение прежних точек зрения сказывается здесь с особой яркостью.

Общие работы и справочники.

H. Friedjung. Das Zeitalter des Imperialismus. I—III. Berlin. 1919—1922.

Deutsches Kolonial-Lexikon. I—III. Leipz. 1922.

V. Valentin. Kolonial-Gesch. der Neuzeit. Tübing. 1918.

M. Haberlandt. Die Völker Europas und des Orients. Leipz. 1920.

T. Sommerlad. Der deutsche Kolonialgedanke und sein Werden. Halle 1918.

O. Schack. Deutsches Kolonialrecht (Hamb. Univ. Abhandl. aus d. Gebiet der Auslandskunde. Reihe A. Band XII) Hamb. 1923.

Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Четвертое издание. Jena 1923 (до „L“ Liefer. 29/30).

Enzyklopädie d. Erdkunde, herausgeg. von O. Kende (продолжение издания М. Клар'а „Die Erdkunde“); Leipz. 1923. (пока вышло 7 т.т.)

Lexikon der Geographie, herausg. von Ew. Banse. I—II. (Закончено!). Hamb. 1923.

A. Philippson. Das Mittelmeergebiet. 4 Aufl. (Значительно изменено!). 1922.

Deutscher Geschichtskalender für 1921. I (Inland) Leipz. 1922; II 1, 2 (Ausland). Leipz. 1922—23.

Weltgeschichte von Hans Helmolt. 2-e (сильно переработанное!) Aufl., edd. Baelz und Tille. Leipz. (1923 закончено).

Карты.

Ed. Gaebler. Hand-Atlas mit besonderer Berücksichtigung des gesamten Weltverkehrs. 3-e Aufl. L. 1923. (135 карт; алфав. указатель).

Karten d. deutschen Schifffahrtsstrassen und ihrer Anschlüsse im Ausland. Berlin 1920, 2-ое (оффич.) изд.; 6 листов + Beiheft (стр. 150).

Th. Cicalek und I. Kothang. Kolonial- und Weltverkehr-Karte; 1:25.000.000. Wien, 1922.

- W. Ruhnstruck. Atlas der Postgeographie. (20 карт). Stuttg. 1921.
- M. Groll. Der Stille Ozean; 1:20.000.000; 3-e Aufl. Berlin (Institut für Meereskunde) 1920.
- Belg. Kongo und Angola, herausgeg. vom Reichs-Kolonialamt. Berlin 1922 (4 листа).
- W. Behrmann. Der Sepik (Kaiserin Augusta Fluss) und sein Stromgebiet. (Научный результат экспедиции 1912/13 в Новую Гвинею; карта в 3-х частях) 1923.
- Handbuch der Jangtsefahrt 1911. Berlin 1922.
- Handbuch der Nord und West- Küste Spaniens und Portugals. 1913. Berlin I II. 1923.
- Handbuch für Westindien. B. II (стр. 758!). Berlin 1923.
- Carta do Brasil; 1:1.000.000. Berlin 1923 (36 листов).
- C. Urrutia. Mapa del Estado de Guatemala; 1:4.000.000. Hamb. 1923 (4 листа).
- Mapa di Bolivia; 1:2.000.000. Gotha 1923.
- Собственно не относится прямо к теме, но примерно по технике исполнения и методу расположения: E. Pfohl Wirtschafts-Atlas des Tschecho-Slavakischen Staates. 1920 (40 полихромн. карт с текстом; размер 40×64).

Гавани. Транспорт.

- A. Rühl. Die Nord—und Ostseehäfen im deutschen Aussenhandel. Untersuchung^{en} über das Hinterland der an der deutsch. Ein—und Ausfuhr beteiligten Häfen 1920 (с 15 картами).
- W. Böttcher. Hamburgs Hafen. Hamburg 1920.
- Hamburg in seiner polit., wirtschaftlich. und kulturellen Bedeutung. Hamburg 1921 (edid. Deutsche Auslands-Arbeitsgemeinschaft in Hamburg).
- W. Langebeck. Die Geschichte des Norddeutschen Lloyd. Leipzig 1921.
- B. Huldermann. Albert Ballin. Oldenburg 1921.
- Guia dos Viaiantes de Hamburgo à America do Sul. Hamburg 1920 (есть и немецкий текст).

Оценки колониальной политики.

- K. Hoffmann. Das Ende des kolonialpolitischen Zeitalters. Leipzig 1918.
- I. März. Das Schicksal überseeischer Wachstumsspitzen. München 1923 (стр. 503), из серии „Zur Geopolitik der Selbstbestimmung Südostasiens“.
- G. Glockemeier. Werden und Vergehen von Staaten, gruppiert um die Methode die Territorialentwicklung in Kurven zu veranschaulichen. Berlin 1923 (с 12 схемами).
- D. Schäfer. Staat und Welt. 2-e Aufl. Berlin 1923.
- W. Solf. Kolonialpolitik. Mein politisches Vermächtnis. 1919. (автор был государственным секретарем министерства иностранных дел и одним из руководителей имперского колониального ведомства).
- Fr. v. Bernhardt. Eine Weltreise 1911-12 und der Zusammenbruch Deutschlands. Eindrücke und Betrachtungen aus d. J. 1911—14 mit einem Nachwort aus d. J. 1919. I—III. Leipzig 1920.

- Darmstädter. Aufteilung und die Kolonisation Afrikas I—II. Berlin 1920.
- O. Francke. Die Grossmächte in Ostasien 1894—1914. Hamburg 1923 (=B. X. Hamburg. Forschungen).
- A. Viator. Deutschlands Anteil an Indiens Schicksal. Leipzig 1918.
- H. Warburg. Um Indiens Freiheit. München 1923 (=B VII. Klassiker der Politik).
- Benay Kumar Sarkar. The futurism of Jung Asia and other essays on the relations between the East and the West. Berlin 1922, 4°; стр. 409.
- Lujo Brentano. Die französ. Kolonialpolitik ein Hemmnis des Völkerbundes (= № 305 Volkswirtschaftliche Zeitfragen; Berlin 1919).
- E. Bischoff. Die englischen und französische. Untaten auf kolonialer Erde. Zürich 1917. (предисл. проф. А. Фореля—Ц. рих).
- Georg Brandt's. Das Verbrechen Englands und Russlands an Persien. Berl. 1918. (=II Heft 11/12 Der Neue Orient).
- J. A. Mjæen. Germanen oder Slaven? Die Mongolisierung Europas, Berl. 1918. (памфлет!)

Империализм.

- F. Salomon. Der britische Imperialismus. Berl. 1918.
- E. Deckert. Das britische Weltreich. Wien 1915 (готовится новое издание; главн. образом экономич. характеристики; ценны 38 карт и схем).
- E. Jäger. Des Gross-britannischen Weltreichs Werdegang und Aufstieg. 1922.
- K. Rheindorf. England und der Deutsch-franz. Krieg 1870—1871. Beiträge zur englisch. Politik in der Zeit des Übergangs vom Manchester-tum zum Imperialismus. Bonn und Leipz. 1923.
- A. Hettner. Englands Weltherrschaft und ihre Krisis. 3-e Aufl. Leipz. 1917.
- C. Becker. Lebensfragen des Britischen Weltreichs. Berl. 1921.
- W. Litten. Persien. Von der *penetration pacifique* zum „Protoktorat“. Berl. 1920 (стр. 396).
- Sven-Hedin. Persien und Mesopotamien, zwei asiatische Probleme. Leipz. 1923.
- E. Wimpfen. Die Ausbreitungspolitik der Vereinigten Staaten von Amerika. Stuttgart. 1923.
- W. Drascher. Das Vordringen der Verein. Staaten im westindischen Mittelmeergebiet. Hamb. 1918.
- W. Meissner. Das wirtschaftliche Vordringen der Nordamerikaner in Süd-Amerika (= № 2 Bibl. der Cultura Latino-Americana). Cöthen 1920.
- G. Myers. Geschichte der grossen Amerikan. Vermögen; 5—7 Aufl. I—II. Berl. 1923.
- E. Engelhardt. Japans Weltpolitik um den Stillen Ozean. Dresd. 1917 (из серии: Bibl. für Volks- und Weltwirtschaft).
- Th. Sosnoski. Die Balkanpolitik Österreichs-Ungarns. I—II Stuttgart. 1917.
- G. Lütkens. Deutschlands Aussenpolitik und das Weltstatensystem (1870—1922). Berl. 1923.
- Alfr. Zimmerman. Geschichte der deutsch. Kolonialpolitik. Berl. 1917.

V. Valentin. Deutschlands Aussenpolitik von Bismarcks Abgang bis zum Ende des Weltkrieges (1890—1918). Berl. 1921 (стр. 433).

F. Rachfahl. Deutschland und die Weltpolitik 1871—1914. B. I. Bismarck'sche Aera. Stuttg. 1923 (стр 883!).

M. v. Hagen. Bismarcks Kolonialpolitik. Stuttg. 1923 (стр. 630).

Em. Zimmermann. Die Bedeutung Afrikas für die deutsche Weltpolitik. Berl. 1917.

Война и германские колонии.

K. Boeckmann. Der Kampf im Süden. Stuttg. 1923 (из серии; Afrikan. Heldentum).

Lettow-Vorbeck. Meine Erinnerungen aus Ostafrika. 1920.

L. Depppe. Mit Lettow-Vorbeck durch Afrika. 5-е Aufl.; 1922.

E. Obst. Die Verwischung des Kolonialreichs. Leipz. 1921.

K. Unterwelz. Wanderungen und Erlebnisse in Deutsch-Ostafrika. 1923.

K. Schauer. Afrikanisches Wanderleben. Friedberg. 1923.

C. Bender. Der Weltkrieg und die Missionen in Kamerun. Cassel. 1921.

E. Bäder. Der Kreuzerkrieg in den ausländ. Gewässern. I-II. Berl. 1923.

W. Vollerthun. Der Kampf um Tsingtau. 1920.

W. Schrameier. Kiautschou, seine Entwicklung und Bedeutung. 1917.

H. Detzner. Vier Jahre unter Kannibalen; von 1914 bis zum Waffenstillstand unter deutscher Flagge im unerforschten Innern von Neu Guinea. Berl. 1920 (стр. 338, богато иллюстр.).

Немецкие колонии.

K. Dove. Wirtschaftsgeographie von Afrika. Berl. 1917.

Западная Африка.

H. Thorbecke. Im Hochland von Mittel-Kamerun. I—III. Hamb. 1914—1919. (= Abhandl. des Hamb. Kolon. Instit.).

I. Emonds. Ins Steppen- und Bergland Inner-Kameruns. B. 1922 (до 200 иллюстр.).

K. v. Böckelmann und H. Scheel. Pioniere im Westen. Stuttg. 1923 (= Afrik. Heldentum).

Юго-Западная Африка.

F. Jäger und L. Waibel. Beiträge zur Landeskunde von Südwestafrika. Berl. 1920.

P. Range. Deutsch Namaland. (= B. XXX Abhand. d. Hamburg. Instit.).

Восточная Африка.

H. Ade und Ziegfeld. Pioniere im Osten. Stuttg. 1923 (= B. IV Afrik. Heldentum).

E. Obst. Das abflusslose Rumpfschollenland in Deutsch-Ostafrika. Grundzüge einer geographisch. Landeskunde (= B. XXXV Mitteil. d. Geographisch. Gesellschaft in Hamburg).

H. Ried. Zur Anthropologie des abluslosen Rumpfschollenlandes in Deutsch-Ostafrika (= B. XXXI. Abhand. des Hamburg. Instit.).

M. Matuschka. Meine Erinnerungen aus Deutsch-Ostafrika (1911—1919). Leipz. 1919.

O. C. Meyer. Afrikanische Briefe. Erinnerungen an Deutsch-Ostafrika. Münch. 1923.

A. Hauer. Kumbuke. Erlebnisse eines Arztes in Deutsch-Ostafrika. Berl. 1922.

A. Schweitzer. Zwischen Wasser und Urwald. Erlebnisse und Beobachtungen eines Arztes in Äquatorialafrika. Berl. 1921.

B. Müller. Auf Jagd-Safari in Deutsch-Ost[afrika]. Neudamm. 1920.

R. Unterholz. Auf Wildpfaden. Jagdskizzen aus Deutsch-Ostafrika. Leipz. 1923.

С а м о а.

A. Berger. Sturm- und Sonnentage auf Samoa. Dresd. 1922.

Т у з е м ц ы.

Wissenschaftliche Beiträge zur Frage der Erhaltung und Verwendung der Eingeborenen-Bevölkerung. B. I. Hamb. 1923. (начало новой серии, «Reihe D», при Гамбургских Университ. Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde).

Deutsche und französische Eingeborenenbehandlung. Erwiderung [des Reichskolonialministeriums] auf die im Journal Officiel de la Republ. Française von 5/IX 1918 und 5/I 1919 veröffentlichten Berichte. Berl. 1919 (стр. 110)

L. Frobenius. Das sterbende Afrika. I. Münch. 1923.

L. Frobenius. Atlas Africanus. Belege zur Morphologie der Afrikanischen Kulturen (с 1922; еще не закончен; выходит выпусками).

L. Frobenius. Karten als Sinnbilder der Kulturbewegung. Einführung in den Atlas Africanus. 1922.

Sitte und Recht in Nordafrika (коллект. работа; = B. XL Zeitschr. für vergleichende Rechtswissenschaft).

M. Schmidt. Die materielle Wirtschaft der Naturvölker. Leipz. 1923.

K. Weule. Chemische Technologie der Naturvölker. 24-e Aufl. Stuttg. 1923.

F. Scherke. Über das Verhalten der Primitiven zum Tode. Langensalza 1923. (=Philos. und psycholog. Arbeiten в Manus: Pädagog. Magazin № 938).

B. Gutmann. Amulette und Talismane bei den Dschagganegern am Kilimandscharo. Leipzig 1923 (= Heft 6; Arbeiten zur Entwicklungspsychologie).

A. Erdland. Die Marschall-Insulaner. (= Antropos Bibl. II, 1).

E. R. Joung. Unter den Indianern Britisch Nord-Amerikas. 3-e Aufl. Gütersloh 1923 (стр. 283).

Туземные языки.

(Почти исключительно из Hamburgische Universitäts-Abhandlungen, Reihe B; дано поэтому лишь указание на том этой серии; в виду значительности этих публикаций граница «1918» не соблюдена).

C. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten (=B. VI); 1912.

D. Westermann. Die Sudansprachen (= B. III); 1911.

W. Heinitz. Phonographische Sprachaufnahmen aus dem Ägyptisch. Sudan. (= B. XXI); 1917; (стр. 103+24 стр. нот.).

Западная Африка.

G. Schürle. Sprache der Basa in Kamerun (= B. V); 1912.

E. Dinkelacker. Wörterbuch der Duala-Sprache (= B. X); 1914.

Юго-Западная Африка.

K. Endemann. Wörterbuch der Sotho-Sprache. (= B. IV; стр. 736). 1911.

K. Irle. Deutsch-Herrero Wörterbuch. (= B. XVIII; стр. 455); 1917.

Восточная Африка.

M. Heepe. Die Komorendialekte (= B. XIII); 1921.

M. Heepe. Jaunde-Texte. (= B. XIV); 1919.

E. Dahl. Nyanwesi Wörterbuch. (= B. XV; стр. 704); 1915.

O. Dempwolff. Die Sandawe (= B. XIX); 1916.

F. Lang-Heinrich. Schambola Wörterbuch (= B. XXIII; стр. 502); 1921.

Австралия.

P. Schmidt. Gliederung der australischen Sprachen. Wien 1919.

Чужие колониальные страны.

Португальские владения.

Hans Meyer. Das portugiesische Kolonialreich der Gegenwart. Berlin 1918.

A. Schachtzabel. Im Hochland Angola. Dresden 1923.

H. Marquardsen. Angola. Berlin 1920.

Голландские владения.

Ernst Haeckel. Aus Insulinde. Malaische Reisebriefe. 3-e Aufl. Leipzig 1921.

H. Meyer. Niederländ. Indien. Berlin 1922.

G. Krause. Bali (подле Явы). I—II. Hagen 1920. (= II, III серии: Geist, Kunst und Leben Asiens).

H. Junjbohl. Celebes. (Katalog der Ethnogr. Reichs-Museums. B. XVI. Leiden 1922).

Helge Kaarsberg. Mein Sumatrabuch. Leipzig 1923.

W. Volz. Im Dämmer des Rimba. Sumatras Urwald und Ur-mensch. Breslau 1920.

U. Wätjen. Das holländische Kolonialreich in Brasilien [в XVII веке]. Gotha 1921 (стр. 370).

Французские владения.

F. Sarasin und J. Roux. Nova Caledonia. Forschungen in Neu-Caledonien und auf den Loyalty-Inseln. 1923.

K. Neumann. Die Internationalität Marokkos. Berlin 1919.

Бельгийское Конго.

H. Schack. Die Angliederung des Kongostaates an Belgien. Leipzig 1918.

G. Asmis. Der Belg. Kongo nach dem Weltkriege. Leipzig 1920 (из серии: Tagesfragen der Auslandswirtschaft).

Английские владения.

S. Kenew. Indien unter englischer Herrschaft. Tübing. 1918.

K. Schmidt. Das alte und moderne Indien. Bonn 1919.

O. Fries. Indien das Wunderland. Dresden 1921.

A. C. Ray. Bengalisches Leben. Aufzeichnungen eines jungen Bengalen. Darmstadt 1923.

A. Wirth. Vorderasien und Ägypten in histor., polit. und wirtschaftl. Hinsicht. 2-e Aufl.; Leipzig 1923; (стр. 404; много снимков).

G. Hasenclever. Geschichte Ägyptens im XIX Jahrh. Halle 1918 (стр. 490).

L. Frobenius und F. Biber. Zur Herrlichkeit des Sudans. Stuttgart 1923 (из серии Afrikan. Heldentum).

M. Otto. In kanadischer Wildnis. Berlin 1923 (стр. 461).

Передняя Азия.

D. Trietsch. Palästina-Handbuch. 5-e Aufl. Berlin 1922.

H. v. Kiesling. Rund um den Libanon. Leipzig 1920.

B. Moritz. Arabien. Hann. 1923.

Восточная Азия.

K. Haushofer. Japan und die Japaner. Leipzig 1923.

Ed. Simon. Riu-Kiu. Tokyo—Berlin 1923 (= Mitt. d. deutsch. Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. B. XV).

O. Wiedenfeld. Das Stehenbleiben der Atayalenkultur (там же).

O. Wiedenfeld. Die Atayalen auf Formosa (там же).

China. Wirtschaft und Wirtschaftsgrundlagen (коллек. труд). Berlin 1921.

W. v. Dewall. Deutschland und China nach dem Kriege. Berlin 1916 (= H. 2 Schriften des Deutsch-Chines. Verbandes).

Pyau-Ling. Beiträge zur neuesten Geschichte Chinas. Berl. 1917 (там же; Heft 3).

H. Consten. Weideplätze der Mongolen im Reiche der Chalcha I—II. Berlin 1920.

A. Schalek. In Buddhas Land. Wien 1922.

А м е р и к а.

A. Kolitscher. Amerika heute und morgen. Berl. 1923 (стр. 415).

Henry Lewis. Das illustrierte Mississippthal. Leipzig 1923.

G. Schmidt. Mexiko. 1921.

W. Fink. Mexiko. Eine offene Schatzkammer für uns. 2-e Aufl. Berlin 1921.

Kulenkampf-Schenk. Die Volksdichte von Mittelamerika unter Berücksichtigung klimat. und wirtschaftl. Verhältnisse Leipz. 1923.

O. Bürger. Kolumbien; mit einer Abhandlung über den Bergbau. Leipzig 1922.

- O. Bürger. Peru. Leipzig 1923 (стр. 304).
O. Bürger. Chile als Land der Verheissung und Erfüllung für deutsche Auswanderer. Leipzig 1920 (стр. 279).
C. Matin. Landeskunde von Chile. 2-e Aufl.; Hamburg 1923; (стр. 804).
G. Ende. Chile und die deutsche Kolonisation. Leipzig 1920.
B. Brandt. Kulturgeographie von Brasilien. Leipzig 1922.
Ad. Bieler. Brasilien. Berlin 1920.
K. Schüler. Brasilien, seine Bedeutung für Auswanderer, Exporteure und Kapitalisten. Berlin 1921.
O. Barghauer. Brasilien. Hamburg 1922.
W. Schmidt-Klugkist und Chr. Grotewold. Argentinien in geograph. und wirtschaftl. Beziehung. 2-e Aufl. (сильно изменена; стр. 540). Hannov. 1919.
A. Haas. Argentinien. Stuttg.-Gotha 1923. (= B. X. Perthes, Kleine Völker- und Länderkunde zum Gebrauch im praktisch. Leben).
A. Goldschmidt. Argentinien, Berlin 1923.
E. Schmidt. Argentinien, seine Bedeutung für die Weltwirtschaft Hamburg 1921.

Территория СССР и прежней России.

Сибирь.

- F. Nansen. Sibirien, ein Zukunftsland. 4-e Aufl.; 1922 (стр. 400).
P. W. Danckwardt. Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft. Leipzig 1921. (= H. 2 Quellen und Studien des Ost-Europa Instit. in Breslau).
Arv. Schulz. Sibirien, eine Landeskunde. Breslau 1923.

Туркестан.

- Arv. Schulz. Die natürlichen Landschaften von Russisch-Turkestan. Hamburg 1920 (= B. II Hamb. Univ. Abhandl.).
F. Machatscher. Landeskunde von Russisch-Turkestan. Stuttg. 1920.
K. Kästenberger. Sechs Jahre in Turkestan. Gratz 1923.
H. Siegel. Die Baumwollwirtschaft in Russisch-Turkestan. von ihrem Entstehen bis jetzt, sowie die Zukunft der russ. Baumwollwirtschaft. Berlin 1923.

Кавказ.

- A. F. v. Stahl. Kaukasus. Mit Beiträgen von W. Stäub. Heidelb. 1923 (= H. 25. Handbuch der regionalen Geologie).
O. Distel. Zentraler Kaukasus. (= B. XXII Abhandl. des Hamb. Kolon. Instit.).
G. Nioradze. Die Berg-Ossen und ihr Land. Berlin 1923.
R. Bleichsteiner. Kaukasische Forschungen Th. I Wien 1920. (= B. I. Forschungen des Instit. für Osten und Orient).

Черноморье.

- A. Schirmer. Geschichte und Entwicklung in den russischen Schwarzmeerprovinzen. Leipzig 1920.

H. Weichert. Ist Südrussland ein deutsches Auswandererziel? Leipzig 1920. (= H. 5; Institut für Auslandskunde).

K. Stumpp. Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet. Stuttgart. 1922 (= H. 7; Schriften des deutsch. Ausland. Instit.)

Приволжье.

M. Brunau. Die deutschen Ansiedlungen an der Wolga. Leipzig 1920. (= H. 3; Instit. für Auslandskunde).

К о л а.

W. Saar. Die Halbinsel Kola. Versuche einer kombinatorischen Landeskunde. Greifsw. 1923 (= H. 1; Schriften d. Instit. für Finnlands-kunde).

Прибалтийский край.

F. Mager. Kurland. Eine allgemeine Siedlungs-, Verkehrs- und Wirtschaftsgeographie. Hamburg 1920 (= H. 2; Veröffentl. des Geogr. Instit. d. Univers. zu Königsberg).

S. v. Spreiti. Erfahrungen eines praktischen Lanwirtes im Baltenlande. Weinböhla 1920.

K. Baltenius. The Balts in the history of Esthonia. Berl. 1922.

M. Walters. Lettland und die baltische Frage. Leipzig 1923 (стр. 507.)

П о л ь ш а.

Wasilewski. Die Ostprovinzen des alten Polenreiches. Krakau 1917 (стр. 330).

Научные экспедиции и путешествия,

А з и я.

S. Guier. Meine Tigrisfahrt. Auf dem Floss nach Mesopotamien. Berlin 1923.

Arv. Schulz. Landeskundliche Forschungen im Pamir. Hamb. 1916 (= B. XXXIII; Abh. des Hamb. Kolon. Instit.).

Sven-Hedin. Transhimalaja I—III. Leipzig 1922.

Sven-Hedin. Zu Land nach Indien durch Persien, Seistan, Beludschistan. I—II. Leipzig 1920. *)

F. Perzinaki. Reisen in China. Münch. 1920.

G. Heyde. 50 Jahre unter Tibetern. Leipzig 1921.

A. Tafel. Meine Tibetreise. 2-e Ausg. Berlin 1923 (стр. 504).

Walter Stötznersche Expedition nach Ost-Tibet. Th. II. Zoologische Ergebnisse. 1923. (= B. XVI,1; Abhandl. und Berichte d. Museen für Tier- und Völkerkunde zu Dresden).

Северная Америка.

F. Schneller. Unter Indianern im Missouri-Gebiet aus d. Jahren 1839 Freib. i. Br. 1921.

F. Meffert. Erinnerungen an meine Reise durch Mexiko. 1923.

*) Не приняты во внимание многочисленные книги Свена Гедина популярно-занимательного характера, несмотря на совершенно исключительный спрос на них: „Von Pol zu Pol“, напр., в 1920 г. имело 16-ое издание, а в 1922 г. вышло в пяти (18—22) изданиях; Abenteuer in Tibet к 1920 г.—16 изд., и столько же „Vom Nordpol zum Äquator“; Durch Amerika zum Südpol—18 изд. (к 1921 г.) и т. д.

Южная Америка.

Otto Bürger. Reisen und Naturforsch. im tropischen Amerika. [Колумбия, Венесуэла]. I. II. 3-e Aufl. Leipzig 1923.

E. v. Hesse-Wartegg. Zwischen Anden und Amazonas. 2-e Aufl. Stuttg. 1920 (стр. 505).

Th. Koch-Grünberg. Vom Roxoima zum Orinoco. Ergebnisse einer Reise in Nord-Brasilien und Venezuela in d. Jahr. 1911-13. Band III (Ethnographie; стр. 447) Stuttg. 1923.

Th. Koch-Grünberg. Zwei Jahre bei den Indianern Nordwest-Brasiliens. Stuttg. 1921 (стр. 425).

T. Herzog. Vom Urwald zu den Gletschern der Kordillere. Zwei Forschungsreisen in Bolivia. Stuttg. 1923.

Африка.

V. Hans. An Lagerfeuern der Sahara. Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin 1923.

C. Meinhof. Eine Studienfahrt nach Kordofan. Hamburg 1916 (=B. XXXV; Abhandl. d. Hamb. Kolon. Institut.).

II-e Deutsche Zentral-Afrika Expedition (1910—1911) Wissenschaftl. Ergebnisse. B. II. Leipzig 1922.

E. Klute. Ergebnisse und Forschungen am Kilimandscharo 1912. Berlin 1920.

A. Voeltzkow. Reise in Ost-Afrika 1903—1905. Wissenschaftl. Ergebnisse I, 1; Reisebericht I 1, 2. Stuttg. 1923.

G. Schweinfurt. Im Herzen von Afrika (путешествия 1868-71); 4-e Aufl.; 1922 (стр. 560).

Emin Pascha. Tagebücher I—II. Hamburg 1919.

Chr. Schulz. Auf Grosstierfang für Hagenbeck. (10 фотограф. снимков). Dresden 1920.

Австралия.

Deutsch-Neu-Guinea Expedition 1912—1913; Der Sepik und sein Stromgebiet von W. Behrmann. Stuttg. 1923.

Области вечного льда.

Deutsche Südpolar-Expedition 1901—1903, edid. Drigalski. I, 4 (география); XVI, 4 (зоология). Berlin 1921.

V. Stefansson. Länder der Zukunft. Fünf Jahre Reisen im höchsten Norden. I—II. Leipzig 1923.

Проблемы колониального использования.

C. Fruwith. Handbuch der Landwirtschaftl. Pflanzenzüchtung. B. V: Züchtung kolonialer Gewächse. 2-e Aufl. Berlin 1923.

A. Ludovici. Luther Burbank, der Pflanzenzüchter. Neustadt 1921.

E. de Bano. Tropische Gewächse und ihr Anbau in Mexiko. 1922 (=H. 13; Bauern-Bücherei).

Kempski. Der Fieherrindenbaum unter besonderer Berücksichtigung seiner Kultur in Niederländisch-Indien. Berlin 1923.

L. Nirschl. Die Forstwirtschaft in Niederl.-Indien. Leipzig 1920 (= H. II; Ausland-Wirtschaft in Einzeldarstellungen).

L. Lindinger. Reisestudien auf Tenerife... Bemerkungen über etwaige Einbürgerung einiger Pflanzen der Kanarischen Inseln in Deutsch-Südwestafrika. (Hamburger Univ. Abhandl.; Reihe D; B. I).

Th. Engelbrecht. Feldfrüchte Indiens (= B. XIX; Abhandl. d. Hamb. Kolon. Instit.).

I. Neumann. Die Verwendung von deutschem Zuchtvieh in Deutsch-Südwestafrika (Hamburg. Univ. Abhandl.; Reihe E; B. IV).

I. Gad. Die B-triëbsverhältnisse der Farmen des mittleren Herrerolandes. (= B. XXVI Abh. d. Hamb. Kolon. Instit.).

G. Plehn. Das Trockenfarmen im Westen der Vereinigten Staaten und seine wirtschaftl. Bedeutung für die Erschliessung regenarmer Gebiete. (Hamb. Univ. Abhandl.; Reihe E; B. B. II).

G. Plehn. Die Wasser-Verwendung und Verteilung im ariden Westen von Nord-Amerika (там же B. I.).

F. Termer. Wetterschäden und Landwirtschaft in den Verein. Staaten von Amerika. Halle a. S. 1923 (= № 1; Studien über Amerika und Spanien).

W. Busse. Bewässerungswirtschaft in Turan und ihre Anwendung in der Landeskultur (= № 8; Veröffentlichungen des Reichs-Kolonialamts) (стр. 326).

K. Dove. Die Wasserkräfte Afrikas. Hamburg 1917.

F. Baltzer. Kolonial und Kleinbahnen. I—II. 1920. (Sammlung Göschen №№ 816, 817).

W. Schweer. Die türkisch-persischen Erdölvorkommen. Hamb. 1919 (= B. XL Abhandl. d. Hamb. Kolon. Inst.).

Германская эмиграция.

Общие советы:

K. Sapper. Natur und Lebensbedingungen in tropischen und tropennahen Gebieten. Ein praktischer Ratgeber. Hamb. 1920 (= B. III; Auslandswegweiser).

K. Sapper. Auswanderung und Tropenakklimatisation. Würzburg 1921.

H. Grothe. Auswanderung und deutsche Volkswohlfahrt. Berlin 1920 (= Heft 16—18; Instit. für Auslandskunde).

Auskunftshefte für deutsche Auswanderer (im Auftrag des Reichswanderungsamtes). Berlin. [ряд небольших брошюр, из которых многие выдержали повторные издания; для примера—в 1920 г. вышли: Mexiko, Norwegen, Argentinien, Spanien, Abessinien, Schweden].

Schriften zur Auswanderung. Stuttg. (с 1920 г.).

H. 1. M. Grisebach: Einzel- oder Genossenschaftssiedlung?

H. 2. Jung: Auswanderung und Landwirtschaft.

H. 3. O. Lutz: Auswanderer und Akademiker.

H. 4. P. Mühlens: Arzt und Auswanderung.

E. Artl. Zwischen Südpol und Äquator. Erlebnisse als Seemann, Goldgräber und Pflanzer. Stuttg. 1923.

Специальные советы:

Auswanderer-Briefe aus Brasilien. Ratschläge für Auswanderer. Berlin 1921.

H. Hinden. Nützliche Winke für Auswanderer nach Brasilien. Hamb. 1920 (auf Veranlassung der Einwanderer-Beratstelle der deutsch. Kolonien in Rio de Janeiro).

Wie kann man ohne Mittel nach Süd-Amerika auswandern? Dresden 1920 (herausg. von der Union-Mission).

G. Geissler. Schule und Kirche bei den Deutschen in Südamerika. Stuttg. 1920 (= H. 14 Schriften des Instit. für Auslandskunde).

H. Bimann. Die südamerikanische Auswanderung und die deutsche Frau (там же; Heft 15).

C. Schöffler. Das nördliche Südamerika. Deutschtum und Auswanderung. Leipzig 1920 (там же; Heft 8).

F. Vogler. Was muss der Auswanderer von Paraguay wissen? Berlin 1922.

W. Burckhardt. Paraguay. Wirtschaftsleben und Siedlungsweisen. Leipzig 1920 (= H. 12; Schriften d. Inst. für Auslands-Kunde).

G. Backhaus. Die Auswanderung [германск.] nach den La Plata-Staaten 1920 (там же; Heft 13).

W. Rhenius. Der Amateur-Kolonist. Winke und Geschichten aus den La Plata-Staaten. Leipzig 1920.

C. Martin und R. Haytal. Die deutsche Auswanderung nach Argentinien. Berlin 1920 (= H. 9/10; Inst. für Auslandskunde).

K. Hassert. Mittelamerika [Мексика] als Ziel deutscher Auswanderer. Leipzig 1920 (там же; Heft 6/7).

Was muss der deutsche Einwanderer von Mexiko wissen? Stuttg. 1920 (по поручению Einwanderungsausschuss des Verbandes deutscher Reichsangehöriger in Mexiko).

H. Blumhagen. Südafrika. Hamburg 1921 (= B. VII; Auslands-wegweiser.).

Немецкая диаспора.

Th. Alemann. Die Zukunft des Deutschtums. 2-e Aufl. Stuttg. 1923.

K. Speck. Karte der deutsch. Siedlungen in Gross-Rumänien. 1:500.000. Hermannstadt 1923.

J. Staubinger. Die Schwaben im Banat. Hamb. 1923 (= № 2; Hefte zur Auslandsarbeit).

F. Milleker. Die erste organisierte deutsche Kolonisation des Banats. Wrschatz 1923.

Dr. Strohal. Das deutsche Volkstum an den Grenzen des Jugoslavischen Staates. Leipzig 1920. (= Heft 4; Inst. für Auslandskunde).

H. Präsent. Das Deutschtum in Kongress-Polen und seine Geschichte. Leipzig 1920.

A. Eichler. Das Deutschtum in Kongress-Polen. Stuttg. 1921 (= B. IV; Schriften d. deutsch. Auslands. Instit.).

E. Wettstein. Die deutschen Kolonien der französ. Riviera. Stuttg. 1923 (там же; Band XI).

C. Hennings. Deutsche in England. Stuttgart. 1923 (там же; Band IX).

Schriften zum Selbstbestimmungsrecht der Deutschen ausserhalb des Reiches Berlin. (с 1919 г.); по поручению des Vereins für Deutschtum im Ausland.

H. 1: W. Rohmeder. Das Deutschtum in Südtirol.

H. 2: A. Eichler. Die Deutschen in Kongresspolen.

- H. 3. E. Schmid. Die Deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet Südrusslands.
- H. 4. R. Kaindl. Die deutschen in der Bukowina.
- H. 6. E. Althäuser. Die Deutschen in Wolhynien.
- H. 7. E. Schmid. Die Deutschen Kolonien in Sibirien und Mittelasi^{en}.
- H. 8: E. Wilder. Deutschböhmen.
- O. Schmiedel. Die Deutschen in Japan. Leipz. 1920 (стр. 370).
- A. Zehnder. Unter Hollands Flagge in Ost-Indien. Luzern 1924 (стр. 244).
- A. v. Oefele. Des Krieges Echo in Indonesien und wir Deutsche. München 1921.
- J. Sauter. Mein Indien. Erinnerungen aus 15 glücklichen Jahren. Leipz. 1921 (стр. 260).
- M. Lenk. 15 Jahre in Amerika. 2-e Aufl. Zwickau 1923.
- W. Mueller. Die Deutschamerikaner und der Krieg. Wiesbad. 1921.
- M. Lohmann. Die Bedeutung der deutschen Ansiedlungen in Pennsylvanien. Stuttg. 1923 (= B. XII; Schriften des deutschen Auslands-Institut).
- Guia Germana de Rio de La Plata. Adressbuch Deutschsprechender in den La Plata-Staaten. Edid. Rodolfo Klengel. Buenos-Ayres-Dresden 1921 (стр. 400).
- O. Bürger. Acht Lehr und Wanderjahre in Chile. 2-e Aufl. Leipz. 1923 (стр. 549).
- A. Ernst. Land und Leute in Mexiko, Chile, Frankreich, Luxemburg und Bulgarien—25 jährige Erfahrungen und Erlebnisse eines Deutschen. B. I. Mexiko. Berlin 1920.

Военная диаспора.

- G. v. Gleich. Vom Balkan nach Bagdad. Berlin 1921.
- O. Schneider. Die deutsche Marine in den Dardanellen. Berlin 1923.
- E. Zimmermann. Kann uns Mesopotamien eigene Kolonien ersetzen? Berlin 1918.
- Wissenschaftliche Veröffentlichungen des deutsch-türkischen Denkmalschutz-Kommandos. Berlin (с 1921 г.; ряд роскошно изданных увражей, главным образом по археологии и архитектуре Ближнего Востока).
- E. Schaffnit. Die landwirtschaftlichen Verhältnisse Rumäniens. Hannov. 1921.
- Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Berlin 1917 (под ред. M. Sering; многое теперь устарело).
- Veröffentlichungen der landeskundlichen Kommission des deutsch. Gen.-Gouvernem. Warschau. Berlin 1917—18. (ряд публикаций по культуре, быту, архитектуре; отметить нужно особенно щедро изданное—целиком на меловой бумаге—F. Paх: Pflanzengeographie von Polen; H. Präsent Bibliographischer Leitfaden für Polen, и по существу и по внешности безконечно слабее).
- Bialowies in deutscher Verwaltung Berlin (с 1917 г.); in 4°.
- I 2: Voit. Die Erschliessung des Urwaldes.
- II 1: Lautenschlager. Die forstlichen Verhältnisse.

- II 2: Prof. Escherich. Forstentomologische Streifzüge.
IV 1: Prof. Gräbner. Die Pflanzengeographie.
IV 3: Rubner. Urwald oder Kulturwald?
V 1: W. Schottler. Beiträge zur Geologie und Bodenkunde.
V 3: Steinecke. Die mikroskopische Tierwelt des Urwalds.

Чужая диаспора.

Davis Trietsch. Jüdische Emigration und Kolonisation. 2-e Aufl.
Berl.-Wien 1923 (стр. 493).

C. Ratjens. Die Juden in Abessinien. Hamburg 1921.

M. Boehm. Europa irridenta. Eine Einführung in das Nationalitätenproblem der Gegenwart. Berlin 1923 (стр. 336).

G. Gross. Ausländische Arbeiter in der deutsch. Landwirtschaft und die Frage ihrer Ersetzlichkeit. Berlin 1923.

Май 1924.

„Развитие производительных сил французских колоний“.

В 1923 году вышла книга А. Сарро, бывшего министра колоний в кабинете Пуанкаре, о возможных перспективах в деле развития французских колоний. Автор последовательно разбирает все основные вопросы колониального управления промышленности и земледелия и дает схематический план необходимых на ближайшие годы мероприятий в деле под'ема их экономического значения и укрепления более тесной экономической связи с метрополией. Для русского читателя наиболее интересной частью этого труда является глава V, стр. 143 по 278, где дается очерк возможного развития сырьевых перспектив колоний, в частности—хлопка, шелка-сырца, рыбы и сахара. Автор приводит данные, что в 1920 году из общего количества хлопка 2349 тыс. метр—квинталов, ввезенных во Францию, только 27 тыс. квинталов ввозимы из французских колоний, а остальные 2322 тыс. квинт. из-за границы. Это отражается, конечно, крайне неблагоприятно на интересах страны и, по мнению автора, все усилия французских колоний должны быть направлены к под'ему хлопководства для снабжения хлопком метрополии. Он указывает, что потребность в хлопке французской текстильной промышленности возрастет в ближайшие годы до 4 миллионов квинталов, между тем Соединенные Штаты, в связи с ростом их собственной текстильной промышленности, не смогут удовлетворять пред'являемые на хлопок требования. При этом им указывается, как пример, заслуживающий подражания, на задания Британской Ассоциации хлопководов, сумевшей в сравнительно короткий промежуток времени добиться значительных результатов в деле под'ема хлопководства в Британских колониях. Автор рекомендует обратить особое внимание на французский Судан и Западную Африку, где хлопководство может усиленно развиваться в долинах Сенегала и Нигера, при условии широкого приступа к ирригационным работам. Основными вопросами для хлопководства в Африке является следующее:

- а) облегчение сбыта продукции,
- б) обеспечение плантаций хлопка рабочей силой,
- в) разработка ирригационных проектов и создание благоприятных условий для привлечения капиталов на концессионных началах.

Что же касается хлопководства в Индокитае, то, отмечая общее благоприятное его положение, автор указывает на затруднения вследствие недостатка рабочих рук, 2) неурегулированность денежного обращения.

Другими, имеющими крупное значение, продуктами вывоза из колоний, А. Сарро считает джут и шелк. В целях развития Лионской

шелковой промышленности Сарро полагает необходимым проведение целой программы мероприятий по развитию шелководства в Китае и считает возможным в результате получение до 1000 тонн шелка-сырца. Что касается джута, то в этой отрасли Франция находится в полной зависимости от Британской Индии, получая до 583.311 метр—квint. против 3.694 кв., доставляемых колониями, и по сему им признается крайне важным усилить вывоз джута из Китая.

Обращаясь к вопросам рыбной промышленности Франции, можно также отметить рост иностранного ввоза с 1913 по 1920 г. При этом следует указать, что Франция, вопреки утверждениям А. Сарро, не располагает столь крупными рыбными богатствами, как, например, Великобритания и Норвегия, и едва ли можно рассчитывать на широкое развитие морского рыболовства Франции.

Переходя, затем, к вопросам колониальной политики Франции в изложении Сарро, мы не можем не видеть в нем представителя крайнего французского шовинизма, всецело оправдывающего привлечение чернокожих к борьбе за французские интересы на континенте Европы. Сарро глубоко убежден, что белая раса является в роли освободительницы чернокожих. При этом он совершенно замалчивает все отрицательные стороны, сопровождающие колониальную политику европейских государств. Пренебрежение интересами национальных меньшинств, их эксплуатация в пользу государства-завоевателя, зачастую скупка по дешевым ценам принадлежащих им земель с целью передачи или европейским колонистам, или промышленным предприятиям—все это явления такого порядка, на которые не может закрывать глаза добросовестный исследователь колониальной политики.

Канадский ежегодник за 1921 год.

Издание Статистического Бюро Канады.

Хотя эта книга и названа скромно „Канадским ежегодником за 1921 год“, однако по объему и содержанию своему она является справочной книгой решительно по всему, касающемуся Канады. Не говоря уже о том, что за 1921 год приведены обширные данные, освещающие политическую, законодательную, административную и экономическую жизнь страны, составителям ежегодника удалось вложить в сравнительно небольшой для этого рода изданий внешний объем книги (57¹/₂ листов) также и главнейшие исторические данные о стране, политическое, административное и естественно-историческое описание и огромный статистический материал, обнимающий различные периоды времени, в некоторых случаях весьма значительные (например, с 1868 г.). Книга разделена на следующие 15 отделов: 1) Конституция и управление, 2) образование провинций и учреждение местного управления, 3) историческая хронология с 1497—1921 г.г., 4) физико-географическое описание, 5) площадь и население, 6) народное образование, 7) климат и метеорология, 8) производство, 9) торговля, 10) транспорт и сообщение, 11) труд, заработная плата и цены, 12) финансы, 13) управление, 14) законодательство и главнейшие события 1921 г., 15) назначение на должности в 1921 году (частью за 1922 г.). Книга составлена Канадским Статистическим Бюро, при чем предшествующие некоторым отделам статьи написаны выдающимися государственными и общественными деятелями. Имеются два указателя—предметный и алфавитный, составленные с исчерпывающей полнотой, многочисленные статистические таблицы, диаграммы и карты. Излишне упоминать про внешнюю сторону издания, которая отвечает всем требованиям, предъявляемым заграницей к этого рода сборникам.

Обширность территорий провинций, объединяемых общим названием „Канада“, с одной стороны и слабая их заселенность с другой, predeterminedили экономическую политику страны, которая естественно привела к стремлению увеличить численность населения для производительного использования земельных богатств и столь же естественно дала сельско-хозяйственное направление производству страны. Поэтому вопросы иммиграции и сельско-хозяйственной промышленности едва ли не являются для Канады главными и основными и освещены в „Ежегоднике“ особенно ярко.

Иммиграция.

Иммиграция в Канаду, как и в другие новые страны, вообще была более значительной в периоды промышленного расцвета, когда капитал и труд охотно покидали старые страны, в поисках более выгодного применения в девственных территориях, где естественные

богатства не были еще использованы. В периоды промышленных кризисов как капитал, так и труд предпочитают пережить затруднения на месте и не рискуют искать за границей выхода из затруднений. Этот вывод вытекает из сопоставления статистических данных за последние 25 лет, которые указывают, что иммиграция упала более всего в 1897 году, когда заминка в промышленности была наиболее сильной, неуклонно возрастала до 1908 года, упала в 1909 году благодаря депрессии 1908 г. и снова стала возрастать последовательно до 1913 г. В 1914 году, благодаря депрессии 1913 года, численность иммигрантов вновь упала. В годы 1915—1919 иммиграция сократилась не столько вследствие экономических, сколько политических причин, но затем с оживлением промышленности, начавшейся в конце войны, иммиграция более чем удвоилась.

В течение всей истории Канады иммиграция играла главную роль в увеличении численности ее населения, при чем она преимущественно совершалась за счет лиц, говорящих на английском наречии. В то время, как большинство канадцев французского происхождения могут проследить свою генеологию вплоть до предков, покинувших Старый Свет 200—250 и даже более лет, главная масса людей английского наречия составляется из сравнительно недавних пришельцев, хотя в числе их имеются семьи давно утвердившиеся в колонии и лишь в недавнее время двинувшиеся на север и образовавшие новые поселения. В средней трети девятнадцатого столетия волна иммигрантов английского наречия заселила провинцию Онтарио, которая в первый раз превзошла численностью населения свою сестру соседку — провинцию Квебек. Затем иммиграция ослабла до самого начала двадцатого столетия, когда другая волна иммигрантов направилась в новые открытые территории великого Северо-Запада, в результате чего прирост населения в промежутке между переписями 1901 и 1911 года превысил совокупный прирост за предшествующие три десятилетия с 1871 по 1901 г. Иммиграция во второе десятилетие двадцатого столетия вначале обещала превзойти первое. В первые три года не менее 1.141.547 прибыли в Канаду в целях поселения. Если бы так продолжалось, то в 1921 году численность народонаселения Канады несомненно превысила бы 10 миллионов, в то время, как в действительности она менее девяти. С войной, начавшейся 4 августа 1914 года, иссякли источники иммиграции из Великобритании и континентальной Европы. Число иммигрантов из Соединенного Королевства составляло в 1918 году всего около 3.000 человек, в то время как в 1913 году оно достигало 150.000. Иммигрантов из континентальной Европы было в 1916 году всего около 3.000, в 1914 г. приблизительно 135.000. После войны иммиграция, хотя и увеличивается, но ни разу не достигает довоенного темпа, — обстоятельство, повидимому, благоприятное, так как едва ли удалось бы найти капитал, необходимый для устройства в настоящее время такого же числа земледельцев, как в 1912 и 1913 годах.

В конечном итоге общее число иммигрантов, прибывших в Канаду в период времени от 1 июня 1911 г. до 1 июня 1921 года (данные двух переписей), составляло 1.728.921 человек, между тем как прирост населения за тот же период времени исчисляется всего в 1.581.840. Это указывает на то, что в то же время образовалась и обратная волна переселения и при том довольно значительная, если принять во внимание, что, по статистическим данным, естественный прирост населения был вполне нормален и доходил до 15 на 1000 (в 1920 году абсолютная цифра прироста составляла 134.664 человека).

Иммиграционная политика.

Нормальная иммиграционная политика Канады, страны с таким редким населением, естественно имеет целью привлечь пригодных переселенцев из других более старых и более густо заселенных стран, и преимущественно тех, которые способны возделывать землю, будь то фермеры с некоторым капиталом или сельскохозяйственные рабочие. Женская домашняя прислуга тоже являлась желательным элементом, так как спрос на эту отрасль труда всегда превышал предложение. С другой стороны, согласно иммигрантскому закону, запрещена иммиграция душевно и физически больных, людей без средств к существованию, развратных и преступных, нищих и бродяг, алкоголиков, революционеров и неграмотных в возрасте свыше 15 лет, кроме тех из числа последних, семьи коих уже оседло проживают в Канаде. Ст. 37 того же Закона предусматривает возможность предъявления к иммигранту требования об именной в наличности определенной суммы денег, а ст. 38 предоставляет генерал-губернатору, по соглашению с Советом, право запрещать во всякое время высадку иммигрантов, прибывающих иначе, как непрерывным путем с места родины или страны, к составу коей они принадлежали в силу принятого гражданства, а также запрещать временно или окончательно въезд иммигрантов того или другого племени или национальности, или иммигрантов какого-либо определенного класса или рода занятий либо по причинам экономического характера данного времени, либо вследствие несоответствия их условиям канадского гражданства. Изданный 9 мая 1922 года, на основании приведенных законов, приказ запрещает высадку всяких иммигрантов, кроме земледельцев, сельскохозяйственных рабочих и женской домашней прислуги. Однако, наблюдающему иммиграционному чиновнику предоставляется разрешать въезд жен и членов семей, оседло живущих в Канаде, граждан национальностей, с которыми заключены особые иммиграционные договоры, британских подданных прибывающих непосредственно или иным путем из Великобритании, Ирландии, самоуправляющихся доминионов, Ньюфаундленда, Северо-Американских Соединенных Штатов, при условии, что бы эти лица обладали средствами, достаточными для прожития впредь до обеспечения себя соответственными занятиями, а также американских граждан, работа или служба коих оказалась бы необходимой Канаде. Приведенный закон предусматривает, кроме того, и отказ в ходатайствах о въезде и обратную высылку, а также право высылки в течение двух лет после въезда лиц, совершивших правонарушение, или нуждающихся в общественном призрении.

Восточная иммиграция.

Иммиграция в Канаду рабочих, принадлежащих к азиатским племенам, которые в силу низкого уровня своих жизненных потребностей имеют возможность продавать свой труд дешевле белых людей, в основе своей является проблемой скорее экономического, чем племенного характера, и поражает, главным образом, части страны, расположенные ближе к востоку и те классы населения, для экономического положения которых она является угрозой. В виду внедрения китайцев в Канаду, в 1885 году был издан закон, устанавливающий на будущее время подушную подать 50 долларов с каждого

китайского рабочего иммигранта: с 1 января 1901 года подать увеличена до 100 долларов, а с 1 января 1904 года до 500 долларов. От подати освобождены чиновники консульств, торговцы и лица духовного звания с семьями, туристы, научные деятели, студенты и учителя. В последние годы китайская иммиграция значительно сократилась благодаря действию приказов, согласно которым запрещена высадка в Британскую Колумбию всякого рода ремесленников и рабочих.

Японская иммиграция была ничтожна до русско-японской войны 1904—1905 г., но затем приняла значительные размеры, а именно: в закончившемся 31 марта 1908 г. податном году число японских иммигрантов, въехавших в Канаду и осевших преимущественно в Британской Колумбии, достигло 7.601 человек. В этом же году последовало соглашение с японским правительством, при чем последнее обязалось ограничить число паспортов, выдаваемых иммигрантам, направляющимся в Канаду, а Канадское правительство согласилось допускать всех имеющих паспорта и оставило за собой право запрещать въезд всем остальным. Этим путем японская иммиграция была существенно ограничена.

Индусская иммиграция, точно так же, как и японская, была ничтожна до 1908 года, когда прибыло не менее 2.124 индусов. Благодаря действию указанной выше статьи 38 иммиграционного закона, с 1910 года индусская иммиграция была относительно незначительной.

В резолюции имперской военной конференции 1918 года между прочим провозглашено, что „правительству каждой из нескольких общин Британского государства принадлежит, как неотъемлемая функция, полный контроль за образованием состава своего населения путем запрещения иммиграции из других общин“. Вместе с тем выражено было пожелание, чтобы индусам, оседло устроенным в других британских странах, разрешалось провозить жен и детей. Пожелание это осуществлено в Канаде распоряжением 1919 года. Однако, в 1921 и 1922 г. допущено было всего 10 и 13 индусов. Приказом 12 апреля 1922 года высадка иммигрантов азиатских племен разрешается лишь при условии личного обладания 250 долларами. Это правило не распространяется на случаи, подходящие под действие особых трактатов, соглашений и договоров.

Экономическое положение Аргентины к концу 1923 года в связи с внешней торговлей ¹⁾.

6 августа 1923 года открылся в Буэнос-Айресе второй Аргентинский конгресс по народному хозяйству, организованный Аргентинской Конфедерацией торговли и промышленности.

Резюмируя сделанные на Конгрессе доклады, мы приходим к заключению, что экономическое положение Аргентины в настоящее время крайне неблагоприятно и перспективы на будущее также не обещают ничего хорошего. Основанием для столь пессимистических выводов является, главным образом, замечательный за последние годы упадок аргентинского сельского хозяйства.

Чтобы лучше осветить это положение, приводим нижеследующую таблицу на цены за 1914, 1919 и 1923 г.г. в \$ с/1.

Рыночные цены в Буэнос-Айрес.	Начало	Начало	Начало
	1914 г.	1919 г.	августа 1923 г.
	Рубли.	Рубли.	Рубли.
Цены на скот:			
Первоклассные быки, за голову	150—170	230—250	—
Молодой скот, за голову	150—170	220—230	120—130
Коровы, туземные, жирн., за голову . . .	80—90	95—135	40—45
Первоклассные телята	70—80	90—95	40—45
Цены на продукты скотоводства:			
Шерсть, тонкая, лучшая	11,30	22,70	17
„ грубая	9,30	18,00	10
Шкуры . . . . . за 10 клл.	12,50—15,50	13,00—18,50	8—14
Цены на хлебпродукты и т. д.			
Пшеница мартовской поставки	8,35	12,25	10,30 ²⁾
Маис майской поставки	5,15	5,95	8,30 ²⁾
Льняное семя майской поставки	11,95	18,75 ³⁾	20,45 ²⁾

¹⁾ Настоящий обзор составлен по материалам, напечатанным в Weltwirtschaftliches Archiv за январь 1924 года.

²⁾ Мартовской поставки.

³⁾ Ноябрьской поставки.

Кроме того, из данных Аргентинского статистического бюро относительно импорта и экспорта из Аргентины за период 1918—1923 г. видно, что за последние три года баланс страны показывает превышение импорта над экспортом, что, конечно, крайне неблагоприятно отражается на экономической жизни страны и обычно влечет за собою падение курса ее валюты.

Общая сумма вывоза и ввоза наиболее важных произведений скотоводства и сельского хозяйства Аргентины за 1918—1923 г.г. в золотых песетах.

Год.	Импорт.	Экспорт.	Внешняя торговля.	Сальдо.
1918	500.602.752	801.466.488	1.302.069.240	+ 300.863.736
1919	655.772.294	1.030.965.258	1.686.737.552	+ 375.192.964
1920	934.967.699	1.044.085.370	1.979.053.069	+ 109.117.671
1921	749.533.697	671.129.420	1.420.663.117	— 78.404.277
1922	686.000.000	672.600.000	1.358.600.000	— 13.400.000
1923 (5 мес.)	396.000.000	368.000.000	764.000.000	— 28.000.000

Распределение экспорта по группам.

	1920 г.		1919 г.	
	Золотые песеты	%	Золотые песеты	%
Скотоводство	312.633.762	29,9	548.730.950	53,2
Сельское хозяйство	690.345.636	66,1	438.435.276	42,6
Лесное хозяйство	19.189.794	1,8	25.369.460	2,4
Прочее	21.916.178	2,2	18.428.572	1,8
Итого	1.044.085.370	100	1.030.965.258	100

При этом в 1921 и 1922 г.г. особенно ощущался экономический кризис в Аргентине, и, начиная с 1921 г., аргентинская внешняя торговля давала пассивный торговый баланс вместо активного, что, конечно, является признаком экономического упадка страны.

Из приведенных выше данных видно, что с 1 января 1921 года до 31 мая 1923 года превышение импорта над экспортом выразилось в сумме около 120 миллионов золотых пез. Причиной этого является то, что уже в течение войны цены на аргентинское сырье повысились значительно менее, чем цены на продукты импорта, при чем повышение цены на аргентинское сырье приблизительно на 100% ниже

повышения цен на заграничные товары. В настоящее время цены на экспортные продукты из Аргентины стоят почти на уровне цен 1910 г., тогда как цена на импортные продукты почти на 100% выше. В виду всего вышесказанного Аргентинское Статистическое Бюро полагает, что:

1) по сравнению с 1912 и 1913 г.г. вывоз не только не увеличился количественно, но, за исключением всего лишь двух отраслей, значительно уменьшился;

2) ввоз готовых промышленных изделий из-за границы значительно увеличился по сравнению с довоенным временем;

3) приток иностранного капитала в страну, прекратившийся вследствие войны, почти не восстанавливается, за исключением лишь кредитов, предоставленных импортерам заграничных изделий. Иностранные капиталы, помещенные в Аргентине до 1914 г. в форме займов, капиталов для постройки железных дорог, гипотек и т. д., выражались приблизительно в сумме 8.000 миллионов бум. пез. что составляло почти 25% всего национального состояния. В течение последующих лет почти 2.000 миллионов бум. пез. были выплачены обратно и, таким образом, страна лишилась почти $\frac{1}{4}$ своего состояния и, кроме того, была должна по иностранным займам около 6.000 миллионов бум. пез. т.-е. почти 2.600 миллионов зол. пез. Кроме того, приток иностранного капитала до начала мировой войны выражался ежегодно в сумме около 100 мил. зол. пез. В настоящее время этот источник дохода совершенно прекратился. Общая финансовая задолженность страны видна из нижеследующей таблицы:

Государственный долг . . .	40.000.000	зол. пез.
Проценты по ипотекам и обязательствам	15.000.000	„ „
Дивиденды по акциям и про- центы по облигациям . . .	90.000.000	„ „
Ремессы эмигрантов	50.000.000	„ „
Итого . . .	195.000.000	зол. пез.

Хотя здесь и приводятся минимальные цифры, тем не менее можно видеть, что ежегодно долг увеличивается, приблизительно, в 200 мил. зол. пез. Положение усложняется еще тем, что расходы аргентинского правительства не только не уменьшаются параллельно с увеличением государственного долга, но, наоборот, даже увеличиваются.

Причину неблагоприятного развития экспортной торговли Аргентины и увеличение ее расходов можно объяснить двумя словами:— „обеднение Европы“. Вполне понятно, что в виду обеднения Западной Европы ее покупательная способность уменьшилась, а количество денег, отправляемых проживающими в Аргентине европейскими эмигрантами на родину, увеличилось. Таким образом, можно считать, что когда экономическое благосостояние Европы улучшится, а вместе с тем и ее покупательная способность, то улучшится и финансовое положение Аргентины.

Одним из средств, предложенных на Конгрессе в целях улучшения положения, было уменьшение правительственных расходов, а также консолидация заграничных долгов.

Экономические силы и финансовое положение страны не только не улучшились с 1916 г., но даже ухудшились за последние годы.

Лучшим показателем этого является уменьшение посевной площади под пшеницей, маисом, овсом и льняным семенем, являющимися основными статьями экспорта из Аргентины.

Считаем необходимым привести ниже следующие официальные данные, которые были оглашены на Конгрессе:

	Количество посевной площади под маисом, пшеницею, овсом и льняным семенем в гектарах.
1913	13.714.080 гект.
1914	13.923.540 „
1915	13.508.500 „
1916	13.494.350 „
1920	11.991.915 „
1921	11.844.400 „
1922	11.285.822 „

Если принять среднюю площадь посева с 1915 по 1922 г. равной 12.734.445 гект., а площадь 1913 г. принять за основную и считать равной 100%, то средняя за период 1915 — 1922 г.г. будет 92,9%. За 1922 г. средняя будет всего лишь 82,3%; средняя посевная площадь на одну душу населения в 1914 г. равнялась 1,8 гект., а в 1922 г. уменьшилась с связи с приростом населения до 1,3 гект., т.е. уменьшилась на 28%.

Несколько более оградную картину дает скотоводство в Аргентине, так как, благодаря введенным техническим усовершенствованиям, площадь пастбищ была увеличена за последние годы. Так, в 1913 г. она была увеличена на 324.900 гект., в 1915 г. на 683.300, в 1920 г. на 293.580, а в 1922 г. всего лишь на 58.800 гект. Все же замечается, что увеличение площади под пастбищами также идет значительно медленнее.

Уменьшение доходов страны заметно также и по количеству транспортированных железными дорогами грузов. Ниже следующая таблица, взятая из официальных источников, является лучшей иллюстрацией:

1913	42.033 000 тонн.
1914	33.507 000 „
1915	35.656.000 „
1916	36.630.000 „
1920	41.861.000 „
1921	34.100.000 „
1922	31.583.000 „

Из всего вышеприведенного видно, что аргентинское народное хозяйство, равно как и финансовое положение, находятся в крайне затруднительном положении.

К вопросу о снабжении сырьем английской хлопчатобумажной промышленности*).

Возникновение к цели „Имперской Ассоциации Хлопководства“ и ее отношение к империалистической политике самоснабжения.

Вопрос о снабжении сырьем хлопчатобумажной промышленности нормально разрешим лишь в мировом масштабе, что в условиях капиталистического общества было недоступно и для „Международного Союза для производства пряжи и тканей“.

Предложение хлопка отстает от все возрастающего на него спроса. Кроме того, правильное снабжение хлопком зависит не столько от одного количества производимого сырья, сколько от условий его распределения между странами-производительницами.

Таким образом, естественно, что в начале XX столетия, когда хлопковый вопрос стоял крайне остро, началось движение среди европейских промышленных стран, имевшее своей целью всячески увеличивать разведение хлопка как в самих странах, так и в их колониях. Идея о разведении хлопка в колониях естественно возникла и в Англии, вследствие чего в мае 1902 года была основана „Британская Ассоциация Хлопководства“ (в дальнейшем именуемая сокращенно „Б. А. Х.“).

Однако, эти практические попытки провести какие-либо мероприятия в борьбе с недостатком хлопка в Англии находились всецело в зависимости от империалистической политики Великобритании. Не входя в рассмотрение этого вопроса во всех деталях, как не имеющего прямого отношения к хлопку, приведем только слова известного английского политического деятеля Чемберлена, что „государственная политика, стремящаяся к проведению идеи империи, должна главным образом руководствоваться не интересами потребителей, а исключительно интересами самой империи“. Также приведем и слова члена английского парламента Артура Хуттона, произнесенные во время войны и являющиеся весьма характерными в том отношении, что Великобританское правительство вполне оправдало заветы Чемберлена: „покойный м-р Чемберлен рекомендовал, чтобы Англия приучилась „думать империалистически“. Мне кажется, что мы сделали гораздо больше этого, а именно в настоящее время мы уже— „действуем империалистически“, так как мы начали движение, которое будет иметь самые благоприятные результаты для империи и в случае его успешности повысит не только благосостояние Ланкшайра, но и вообще всех тех частей империи, где может произрастать хлопок“.

*). Настоящая заметка составлена на основании материалов, выписанных из заграницы Госуд. Колонизац. Институтом.

Таким образом постепенно возникла идея „самоснабжающейся империи“, при чем правительство всячески старалось проводить идею полной политической и экономической независимости Великобритании от других стран.

Б. А. Х., конечно, исключительно занималась экономическим вопросом увеличения снабжения хлопковым сырьем английской хлопчатобумажной промышленности. В январе 1901 года, в виду тяжелого положения хлопчатобумажной промышленности был образован при торговой палате в Ольдгаме особый комитет для изучения возможностей увеличения не только получения хлопка из Америки, но и разведения его и в других странах, главным образом в Великобритании и их колониях. Так как этот опыт прошел довольно удачно, то в мае 1902 года был образован в Манчестере комитет Б. А. Х. и было начато всестороннее изучение хлопкового дела при помощи специальных экспертов, при чем было обращено много внимания на изучение разных сортов семян хлопка, а также и машин, употребляемых для хлопководства.

Деятельность Б. А. Х., носившая вначале полуфилиантропический характер, постепенно изменялась и ее целями стали: во-первых, научные работы по исследованиям, во-вторых, всякого рода опытные работы и, наконец, практическая производительная работа. Практические работы могли, главным образом, происходить в тех частях Британской империи, которые являлись пригодными для разведения хлопка, при чем главное внимание было, конечно, обращено на те местности, которые могли производить хлопок с длинным волокном, как наиболее пригодный для нужд промышленности.

Пригодные для этой цели участки земли главным образом находились в Африке, т.-е. таковыми являлись колонии: Гамбия, Сиерра-Леоне и Нигерия (Золотой Берег и Лагос) в Западной Африке; также Британская Восточная Африка (называемая теперь Кения), Уганда, Ниасса и Родезия в Восточной Африке; в Северо-Западной Африке—Судан, а на Юге континента: Трансвааль, Наталь и Мыс Доброй Надежды. Разведение хлопка производится в настоящее время также и на Вест-Индийских Островах и в Австралии. Однако, все эти колонии вместе производят лишь очень незначительное, по сравнению с Америкой, количество хлопка.

Задачи хлопководства в Великобританских колониях.

Из трех основных факторов производства, а именно: почвы, капитала и труда, один лишь капитал находит себе применение в колониях и то лишь в тех случаях, когда его помещение туда является более выгодным, чем его помещение в Европе. Однако, тем не менее, одним из важнейших факторов является, конечно, вопрос о рабочей силе, который тесно связан в колониях с умением обращаться с чернокожим населением. Так как вопрос о разведении хлопка в колониях зависит не только от основного вопроса, именно рабочего, но и от средств сообщения, то пришлось обратить внимание и на эту сторону дела.

Сделаем краткий обзор положения хлопчатобумажной промышленности в отдельных английских колониях.

Западная Африка.— Первые попытки разведения хлопка для нужд Ланкшайра были сделаны Б. А. Х. в Британской Западной Африке (Гамбия, Сиерра-Леоне, Золотой Берег, Нигерия и Лагос).

Разведение хлопка в небольшом масштабе существовало уже очень давно, но ограничивалось исключительно производством для местных нужд. Однако, произведенные в Гамбии, Сиерра—Леоне и на Золотом Берегу попытки были скоро оставлены, в виду их невыгодности, и вместо этого главное внимание было обращено на Нигерию. В общей сложности производство хлопка в означенных колониях равняется всего лишь 100 кипам по 400 англ. фунт.

Б. А. Х. было признано необходимым также прекратить с 1916 года разведение хлопка на Золотом Берегу, в виду невыгодности посевов.

Департамент Земледелия и Б. А. Х. всячески старался улучшить хлопководство путем учреждения центральных учреждений для покупки ферм для выращивания семян и при помощи приучения туземцев к культуре хлопка.

Гораздо более благоприятное положение существует в Нигерии, где производство хлопка дало за короткое время уже очень благоприятные результаты. Прежде всего здесь имеются удобные естественные водные пути сообщения (река Нигер и его притоки). Кроме того, там имеются две очень хорошие гавани, линия железной дороги в 712 английских миль. Участки для разведения хлопка лежат, главным образом, в Южной Нигерии (Лагос) вблизи от берега, а также в Северной Нигерии в области, могущей обеспечить своим производством потребности Англии. Необходимо указать, что посевы хлопка произойшли под дождь, а в настоящее время предполагается ввести искусственное орошение огромных округов, лежащих в долине Нигера и в окрестностях озера Чад. При помощи искусственного орошения долина Нигера могла бы быть превращена в огромные плантации хлопка, так как по климатическим условиям эта местность является в высшей степени подходящей для хлопководства.

Разведение хлопка в северной части Нигерии практиковалось уже в течение нескольких сот лет, при чем хлопок сырец использовался для туземного потребления. Туземное потребление хлопка равняется приблизительно 50—100 тысячам кип в год. Однако, надо заметить, что вследствие усиленного вывоза сырого хлопка и конкуренции Ланкаширских товаров туземное производство с каждым годом все падает.

Земледелие в Западной Африке находится всецело в руках черного населения. В техническом отношении разведение хлопка происходит на огромных плантациях, находящихся в ведении Б. А. Х. и правительства, где также имеются опытные поля и станции, а также происходит обучение туземного населения, при чем обращено много внимания на производство и снабжение населения улучшенными семенами хлопка.

Вместе с тем Б. А. Х. налажена и коммерческая сторона дела, при чем для этой цели была установлена особая система центральных закупочных отделений для финансирования и покупки урожая, а также для превращения его в необходимое для экспорта состояние, почему в Нигерии были оборудованы в разных местах специальные фабрики для очистки и прессования хлопка в кипы для экспорта. Обычно весь урожай хлопка поступает на эти фабрики либо через Б. А. Х., либо через представителей европейских торговых домов.

Уже с самого начала разведения хлопка в Нигерии было крайне важно обеспечить производителям минимальную цену на хлопок, на которую они могли бы рассчитывать. Такою рода гарантия была установлена введением минимальной цены на хлопок из сеянных семян, которая была повышена перед войной.

В настоящее время производство хлопка в Нигерии увеличилось в среднем почти на 50%.

Восточная Африка. Из Британских колоний в Восточной Африке наиболее пригодными для разведения хлопка являются: Уганда, Британская Восточная Африка, Ниасса и Родезия, где возможно хлопководство в широком масштабе. Экспорт хлопка из Уганды равнялся в среднем за период 1909—1914 г.г. 44.000 квинталов, тогда как за 1922—1923 г. он увеличился более чем в четыре раза, достигнув 181.136 квинталов. Вывоз из Британской Восточной Африки Ниаса и Родезии, составивший вместе в период 1909—1914 г.г. всего лишь одну треть вывоза из Уганды, также значительно увеличился.

Лучшие успехи по хлопководству были достигнуты в лежащей на востоке провинции Уганде, хотя ее систематическая культура хлопка является достижением лишь последних лет. После того, как опыты, произведенные там некоторыми европейскими и индийскими фирмами, оказались неудачными, это дело перешло в руки Б. А. Х., которая, совместно с Британской Восточно-Африканской Корпорацией, начали энергичную борьбу с основными причинами дегенерации хлопка вследствие недоброкачественности семян. Помогло в этом направлении издание в 1908 г. так называемых „Хлопковых Правил“, запрещавших продажу хлопковых семян и их распределение среди плантаторов исключительно через посредство правительственных органов. Кроме того, правительство оставляло за собою право воспрещать экспорт хлопка низкого сорта и, таким образом, постепенно совершенно вытеснило его производство. Благодаря принятым мерам качество хлопка значительно повысилось, при чем ожидается его успешная конкуренция с американским хлопком.

Особенно важное значение в деле улучшения хлопководства является устройство путей сообщения. Кроме естественных способов водного сообщения по большим озерам, было построено много шоссе-ных дорог, приспособленных для автомобильного сообщения. Сообщение с побережьем происходит через так называемый „Угандский путь“ длиной в 1.000 англ. миль. В виду значительных накладных расходов по перевозке, необходимо, чтобы вывозимый хлопок представлял из себя достаточную ценность для покрытия таковых расходов. Путем установления в Уганде минимальной цены за хлопок (подобно тому, как это было сделано в Б. А. Х. в Нигерии) заинтересованные фирмы имеют возможность выгодно вывезти хлопок из Уганды, тем более, что он отличается очень высоким качеством.

Кризис, пережитый мировым хлопковым рынком в период 1914—1915 г.г. очень тяжело отразился и на Уганде. Задуманный Б. А. Х. план широкой скупки урожая хлопка потерпел неудачу вследствие войны, результатом чего было, что туземцы временно сократили посевы хлопка, чтобы заменить их другими, которые могли бы себе найти сбыт. Все-же Б. А. Х. скупила около одной трети всего урожая, а также и другие фирмы несколько повысили цены и таким образом удалось спасти хлопководство в Уганде от окончательной гибели. Колоссальный урожай хлопка в 1914 г. также не мог быть успешно реализован благодаря застою на мировом рынке, что также отразилось на уменьшении производства в Уганде во время войны, хотя за последнее время, как это нами было указано выше, производство хлопка в Уганде увеличилось более чем на 400% по сравнению с довоенным временем. Между прочим, одною из причин, затруднявших вывоз хлопка из Уганды во время войны, была перерыв прямого сообщения через Германскую Восточную Африку на побережье, а также

и недостаток свободного тоннажа, высокие фрахты и страховые ставки. Для поддержания хлопководства, английское правительство решило приобрести весь урожай хлопка в Уганде за 1917—1918 г.г.

Крайне характерно, что в виду трудностей, сопряженных с перевозкою, хлопок из Уганды и вообще из Восточной Африки поступает на Ланкшайрский рынок лишь в очень незначительном количестве, но главным образом направляется на текстильные фабрики Индии¹⁾.

В течение 1923 г. там было выработано сотни тысяч кип хлопка по 400 англо-фунт. весом. Хлопок из Уганды очень хорошего качества и вполне выдерживает конкуренцию с хлопком из Америки или из Верхнего Египта, особенно для 30—40 номеров крученой пряжи и для 42—64 номеров уточной. В течение ближайших лет предполагается постепенно увеличить производительность хлопка до 1 милл. кип в год.

В несколько ином положении, чем Уганда, находится другая колония, а именно Британская Восточная Африка, называемая теперь Кения, где попытки разведения хлопка до настоящего времени были неудачны. Главным препятствием служит малонаселенность колонии и трудность обеспечения рабочей силой хлопковых плантаций. Так, напр., наибольшее производство хлопка в Кении было в 1913 г. и равнялось всего лишь 1.000 кипам по 400 англофунт., тогда как в 1919 г. оно упало всего лишь до 100 кип.

Более благоприятные перспективы обещает другая британская колония, территория Танганайка (б. Германск. Восг. Африка). Уже в 1913 г. производство хлопка из этой области равнялось 8.768 кипам по 250 кило, оцениваемых в 2,4 милл. германских марок; при чем опыты разведения хлопка оказались очень удачными.

К югу от территории Танганайки лежит британский протекторат Ниасса, который считается наиболее обещающей местностью для разведения хлопка. Производимый там хлопок типа Ниасса-Упланд отличается особо длинным волокном и считается одним из лучших разводимых там сортов хлопка. Введением этой культуры колония всецело обязана Б. А. Х., которая сделала первые шаги в этом направлении совместно с Африканской Озерной Корпорацией, при помощи правительства. Тем не менее, Ниасса все же является лишь страной будущего, так как в настоящее время рабочий вопрос и вопросы транспорта стоят крайне неудовлетворительно. Обычным способом транспортирования хлопка является его переноска в корзинах. Пути сообщения с побережьем (по железной дороге Блантайер—Порт Геральд—Замбези и река Шайер-Чинде) являются также крайне неудовлетворительными. Кроме того, в связи с отсутствием вблизи оборудованных портов, предполагается построить железную дорогу от Порта Геральд через реку Замбези в Бейра. В виду всего этого, количество отправляемого из колонии хлопка сравнительно незначительно, хотя в 1915 г. оно все же достигло максимального количества в 9.000 кип по 400 англофунт., однако, постепенно уменьшалось в последующие годы и равнялось в 1920 г. всего лишь 3.500 кипам.

Другую великобританскую колонию в Африке, имеющей большую будущность, является северо-восточная и северо-западная Родезия, где попытки разведения хлопка увенчались значительным успехом, как благодаря благоприятным климатическим условиям, так

¹⁾ Согласно данным „Ллойдс Лист“ от 10 апреля 1917 г стоимость фрахта Момбаса—Ливерпуль в 1916—1917 г.г. была на 1 пенни на англофунт дороже, чем стоимость фрахта Момбаса—Бомбей,—что составляет, таким образом, 18 шил. 8 пенсов за английскую тонну в 2.240 фунт.

и тем усилиям, которые были сделаны в этом направлении. Производство достигло своего максимума в 1913 г., когда оно равнялось 577 кипам по 400 англофунт.; однако, вследствие войны и ее последствий, оно уменьшилось в 1917 г. всего лишь до 70 кип.

Наиболее большими вопросами успешного разведения хлопка в Родезии является не только рабочий вопрос, так как страна сравнительно мало населена, а также и вопросы транспорта.

Судан. Другой из английских колоний в Африке, имеющей большую будущность, является Судан, лежащий в северо-восточной части Африки, и обещающий со временем быть одним из наиболее крупных рассадников хлопка. Успешное разведение хлопка в Судане тесно связано с орошением, так как он находится в почти одинаковых условиях с Египтом, т.-е. зависит от орошения от Нила и его притоков. В настоящее время в Судане подготовлено уже много ирригационных проектов. Постепенно огромные пустынные участки Судана будут превращены путем искусственного орошения, в особенности в местностях, лежащих между Голубым и Белым Нилом, в цветущие плантации; особенно это относится к долине Гезира, где за последнее время были произведены подготовительные работы к величайшим в мире сооружениям по искусственному орошению.

Железная дорога, идущая из Эль-Обейд через Хартум в порт Судан на берегу Красного моря, значительно облегчает вывоз хлопка из Судана, который по своему географическому положению вообще находится в очень благоприятных условиях, чтобы сделаться поставщиком европейских хлопчатобумажных рынков. Рабочий вопрос в Судане обстоит благоприятно, так как там всегда имеется достаточное количество „сезонных рабочих“, а местное население хорошо знакомо с этой культурой. За последние годы, в виду энергичного содействия, оказываемого европейскими организациями, производство хлопка очень быстро возросло. Так, производство хлопка в Судане, равнявшееся в 1902 году всего лишь 300 кипам по 400 англофунт., увеличилось в 1915 году до 24.000 кип по 400 англофунт. Согласно данным „Стетменс Ир-бук“ за 1923 год количество экспортированного из Судана очищенного хлопка за 1921 г. оценивалось в 378.993 ф. стерлингов, а хлопковых семян в 65.999 ф. стерлингов, что отмечает значительное увеличение площади земель искусственно орошаемых, а именно—с 8.000 федданов в 1917 г. до 24 тыс. в 1922 г. Общая площадь засеянных хлопком земель достигала в 1922 г.—84 тысяч федданов. Планы орошения охватывают площадь в 3 миллиона федданов, в счет которых намечено в ближайшее время отделить не менее 300 тыс. федданов, и лишь недостижение соглашения с Египтом, опасаящимся недостатка воды, задерживает осуществление этих грандиозных планов. Главная роль в деле развития хлопководства принадлежит частной компании с общим производством хлопка в 11.386 кип. Ближайшими задачами в этом районе является окончание работ по сооружению Макварской плотины, а также дальнейшее расширение машинного орошения.

В настоящее время разведение хлопка очень развито в провинции Токар, около Красного моря, при чем для увеличения посевной площади имеется в виду искусственно оросить при помощи реки Варака от 70 до 80 тысяч федданов земли. Токарский хлопок является одним из египетских сортов и очень высоко оплачивается на Ливерпульском рынке благодаря своему высокому качеству. Насколько разведение хлопка развито в этой местности, можно видеть хотя бы из того, что население города Токар, которое в летнее

время равняется всего лишь 10.000 жителей, увеличивается во время посева хлопка до 15.000 жителей, а к моменту сбора хлопка даже до 20.000 жителей.

Южная Африка, Мессопотамия и Австралия.

Что касается Южной Африки, а именно Капланд, Наталь, бывшей Оранжевой Республики и Трансвааля, то известный специалист по хлопководству И. А. Толд назвал эту страну районом образцовых опытов в отношении попыток разведения там хлопка, так как действительно дело не пошло дальше опытов. Максимальное производство хлопка, бывшее в 1920 г., равнялось всего лишь 2.500 кипам по 400 англофунт. В виду повышения цен на хлопчатобумажные изделия во время войны местная текстильная промышленность несколько оживилась, а потому туземное производство хлопка шло, главным образом, на нужды местной текстильной промышленности, при чем в 1917 году было вывезено в Англию лишь 6%. После окончания мировой войны отмечается некоторое увеличение производства хлопка в Мессопотамии, хотя по своему качеству он является очень низким и пригоден лишь для выделки хлопчатобумажных изделий самых низших сортов. По данным за 1923 год общий урожай хлопка не превышает 1000 кип.

Неблагоприятно влияет на возможность разведения хлопка в Мессопотамии также и отсутствие ирригационных сооружений, а также ее слабая населенность (всего лишь 2,8 миллиона жителей на 143 250 квадр. английских миль).

Другим Британским владением, находящимся в южном полушарии, и могущим со временем также сделаться поставщиком хлопка, является Австралия, главным образом, Квинсленд. В Квинсленде главным образом разводится хлопок типа „Каравоника“, дающего хлопок очень хорошего качества. Количество хлопка, равнявшееся в 1911 году всего лишь 467 кипам (16.000 англофунтам) по 400 англофунт., все увеличивалось за последние годы и в 1922 году достигло 10.000 кип по 400 англофунт., т. е. увеличилось более чем в 20 раз. В конце 1923 г. в Австралию было послано хлопковых семян для засева 100.000 акров, при чем посадка продолжалась до середины декабря. Однако, о результатах урожая нельзя ничего сказать раньше конца февраля и опубликования официальных данных, которые должны в скором времени быть напечатаны.

Такого рода успешным развитием хлопководства Квинсленд обязан не только усилиям Австралийского правительства, но и энергичной деятельности Б. А. Х.

Вест-Индия.

Заканчивая обзор Британских колоний, производящих хлопок, надо обратить особенное внимание на Вест-Индию, занимающую совершенно особое положение среди поставщиков Ланкашаира. Необходимо указать, что Вест-Индский хлопок особенно ценится благодаря необычайной длине волокна (2 дюйма и более), а также его высокому качеству.

Рассматривая хлопковую политику Великобритании, можно в ней отметить нижеследующие задачи: 1) вопросы управления, 2) научные исследования и 3) торговые отношения. К вопросам управления относится установление отношений с производителями,

получение всякого рода сведений от них, а также обучение их новым методам культуры и всем последним техническим достижениям в области хлопководства. Научные исследования имеют, конечно, главным образом, своею целью изучение всех условий выращивания хлопка, применительно к климатическим условиям в данной местности, а вместе с тем и устройство разного рода опытных станций и, по возможности, улучшение качества семян для посева. Почти во всех колониях имеются хорошо оборудованные хлопковые опытные станции, во главе которых стоят высоко квалифицированные руководители, всесторонне изучающие особенности культуры хлопка в данной местности, а также и получаемые в разных местностях от одинаковых хлопковых семян результаты. Торговые отношения сводятся, главным образом, к правильной оценке качества вырабатываемого в колониях хлопка и выяснению его пригодности для тех или иных отраслей текстильной промышленности, равно как и к установлению минимальных цен на хлопок, могущих, с одной стороны, служить гарантией интересам туземных производителей, а с другой— быть вместе с тем и соответствующими интересам промышленников. Также очень важным является вопрос надлежащей очистки хлопка, его транспортирования и продажи. Вполне понятно, что все три задачи в значительной степени зависят от оказываемого правительственными властями содействия. Таковое действительно оказывается, причем правительством даже были учреждены особые „странствующие комиссары“, задачей которых является периодический объезд вверенных им местностей и составление донесений об общем ходе работ, не только с теоретической точки зрения. Значительную роль в этой отрасли играет также и Б. А. Х., о которой мы уже неоднократно упоминали выше.

Конечно, финансовая сторона вопроса находится в прямой зависимости от успехов текстильной промышленности, главным образом дающей средства на развитие хлопководства в Британских колониях, хотя и правительство с своей стороны ввело особый налог на ввозимый в Великобританию хлопок, дающий ежегодно около 50.000 фунтов стерлингов, который идет исключительно для развития хлопководства в Британских колониях.

Заключение.

Резюмируя все сказанное выше, мы можем сказать, что перед Британской хлопчатобумажной промышленностью стоят в настоящее время две задачи. Первая—это избежать опасности промышленного кризиса в стране вследствие небеспеченности и непостоянства количества сырья и вторая—как количественно, так и качественно по возможности обеспечить свою текстильную промышленность собственным сырьем.

Опасность кризиса увеличивается в виду зависимости английской промышленности от производства хлопка в Соединенных Штатах Северной Америки, которые за последнее время доставляли до 75% всего сырья, производимого в других странах света сравнительно лишь в незначительных количествах. Мы все же должны констатировать, что производство хлопка в пределах Британской Империи значительно увеличилось за последнее время.

Таким образом, главная сила Британской Империи заключается в производстве хлопка высоко квалифицированных сортов. Этот мо-

мент играл значительную роль во время войны и в настоящее время является одним из руководящих мотивов хлопчатобумажной политики: если Великобритании удастся обеспечить себя производством достаточного количества хлопка вообще, то она будет иметь в своих руках, своего рода, мировую монополию. Однако, повидимому, проведение в жизнь идеи, что все производство должно идти, главным образом, на удовлетворение нужд исключительно Британской промышленности, не особенно удастся. В этом отношении Индия является сильным конкурентом и, главным образом, потребляет свой хлопок для нужд местной промышленности.

Хозяйственное развитие Италии.

Выдающееся миграционное значение Италии и завязывающиеся с ней торговые сношения обязывают выяснить современное экономическое положение этой страны, что можно сделать на основании работ Международной Торговой Палаты и Лондонского Статистического Ежегодника, приводя их в связь с прежними данными.

Еще до войны Италия отличалась огромной использованностью ее территории сельским хозяйством при большой его интенсивности, при распаханности земельных площадей даже на высоте 1500 м. над уровнем моря, при больших „бонификационных“ работах, превращающих неудобную землю в удобную, с далеко ушедшей вперед ирригацией, с рациональным лесоохранением и усиленным лесонасаждением. При этом итальянское земледелие в массе носило ярко выраженный зерновой характер и отличалось преобладанием мелкого сельско-хозяйственного производства потребительски-трудового, по преимуществу, характера.

Сопоставим сведения, имевшиеся об итальянском земледелии к 1 января 1911 года со сведениями на 1-ое января 1923 года.

	На 1 I—1911 г.	На 1 I—1923 г. (в прежних государ. границах).
Пахотной земли	13.685 тыс. гект.	12.922 тыс. гект.
Под спец. древесн. культурами	1.508 „ „	1.451 „ „
Лугов и пастбищ	5.580 „ „	6.110 „ „
Лесной площади и под каштанов. зарослями	4.563 „ „	4.685 „ „
Удобной, но необработ. . . .	1.035 „ „	1.230 „ „
Неудобной	2.296 „ „	2.164 „ „

Таким образом, на одной и той же площади сельско-хозяйственных земель, при некоторой происшедшей их бонификации (переход части неудобных земель в удобные) собственно земледельческое производство не совсем еще оправилось от последствий войны, уступая часть пашни пастбищу, но ущерб земледелия здесь незначителен по сравнению со многими другими государствами.

Собственно сельско-хозяйственное производство рисуется в таком виде:

	Средняя площадь в тысяч. гектаров.		Средний сбор в тысячах квинталов.	
	1909—1913 г.	1920—1922 г.	1909—1913 г.	1920—1922 г.
Пшеница	4.744	4.662	49.896	48.316
Рожь	123	116	1.854	1.333
Ячмень	248	217	2.200	1.775
Овес	507	480	5.363	4.474
Кукуруза	1.508	1.514	25.486	21.958
Р и с	145	116	4.750	4.621
Картофель	288	313	16.549	14.621
Виноград	3.843	4.254	46.017 гектометр	36.098
Маслины	2.325	2.298	1.632 (масла)	1.803
Пенька	81	83	523	824
Кормовые травы	9.143	—	236.700	200.100
Коконы	—	—	40.804 тыс. килогр.	31.033

Сюда не вошел ряд важных культур (апельсины, лимоны, табак и пр.), но картина от этого не меняется: земледелие испытало некоторое снижение производства. Между тем, одновременно обращения под культуру пшеницы всевозможные площади, безотносительно к рельефу; в нагорной местности 1,08 мил. гект., в холмистой—2,27, в равнине—1,3.

Если принять официальный расчет, что для обсеменения полей и питания населения нужно иметь 65 милл. квинталов в год (против имеющихся 48) пшеницы, то надо признать, что Италия, несмотря на развитие в ней зерновых культур, остается страной частично пшеничного импорта. В области же специальных культур нужно признать временный упадок виноделия и замедленный темп развития масличного производства, поскольку рядом с некоторым экспортом оливкового масла Италия ввозит до 300—400 тыс. квинталов семян для переработки в маслобойнях.

В отношении животноводства данные переписи 1918 г. говорят о начавшемся уже к тому времени возрождении его

	Перепись 1908 г. тыс. гол.	Перепись 1914 г. тыс. гол.	Перепись 1918 г. тыс. гол.
Рогатый скот	6.218	6.646	6.262
Лошади, ослы и мулы . . .	2.194	2.235	2.315
Свиньи	2.507	2.722	2.339
Овцы и козы	13.878	13.824	14.846

Особняком стоит имеющее промышленное значение шелководство. Если принять производство коконов в довоенный период в среднем в 41 милл. килогр. в год, то имея в виду, что оно упало в 1919 г. до 19,5 милл. килогр., надо признать значительное его оживление ныне, поскольку оно непрерывно растет: в 1920 г.—29,7 милл. килогр., в 1921 г.—30 милл. и в 1922 г.—32,5 милл. Не нужно думать, однако, что это производство удовлетворяет экспортным требованиям: для итальянской шелковой промышленности ввозилось до войны ежегодно до 5 милл. килогр. коконов, а ныне этот ввоз достигает лишь 1½ милл. килогр.; принимая во внимание понижение собственного производства коконов, Италия нуждается в добавочном импорте до 12 милл. килогр. коконов.

В несколько ином положении находится индустриальная промышленность.

За 20 лет вплоть до войны в Италии особенно развились текстильная, пищевая, резиновая промышленность, а отчасти металлургическая и деревообрабатывающая. Перед войной число промышленных рабочих в Италии дошло до 2½ миллионов. Во время войны развились производства электрической энергии (в силу недостатка каменного угля), металлургическая, механическая, химическая и пищевая промышленность. Но кризис конца 1920 г. и начала 1921 г. привел к значительной остановке дел, к понижению уровня производства, банковому кризису и росту безработицы вплоть до февраля 1922 года, после чего началось медленное выздоровление.

О темпе развития промышленности Италии в мирное время говорят многие цифры.

Прежде всего ввоз минерального топлива: 1902 г.—5.406 тыс. тонн., в 1907—8.300, в 1912—10.057 тыс. тонн.

В том же направлении идет увеличение количества паровых котлов:

1907 г.	29.110 котлов с площадью нагрева	731 тыс. кв. метр.
1911 „	34.084 „ „ „	920 „ „ „

Далее надо иметь в виду использование „белого угля“. Если исчислять запасы итальянской неиспользованной до 1911 г. электрической энергии в 2.700 тыс. лошадиных сил и учитывать непрерывную выдачу концессий на эксплуатацию двигательной силы вод, то природные перспективы итальянской промышленности надо признать широкими. И, действительно, в 1907 году сила электрических двигателей, применяемых лишь в одной химической промышленности, равнялась 4,109 лошадиных сил, а в 1911 г. уже—16.794 лошадиных сил.

Война произвела, как указано, временный подѐм почти во всех отраслях промышленности, но затем привела к расстройству их во многих случаях.

Так, горная промышленность по тоннажу снизилась с 2.612 тыс. тонн в 1913 г. до 1.542 тыс. тонн, равно как и продукция каменно-комен упала с 1.460 тыс. тонн до 739 тыс. тонн.

Металлургическая промышленность занимает весьма видное место в экономике страны. Отдельные отрасли металлургии развивались так:

В тоннах.	1902 г.	1909—1913 г. в среднем	1914—1918 г. в среднем	1923 г.
Железо	171.855	534.000	805.000	416.400
Сталь	108.864	804.000	1.102.000	943.000
Чугун	30.640	334.000	403.000	91.400

В этих цифрах ясно раскрывается неуклонное развитие всех отраслей металлургии и значительное их сокращение в результате послевоенного кризиса. Новое, хотя и медленное, оживление, пока затрудненное еще, для чугунно-литейного производства.

Однако, особое развитие получила механическая промышленность. Достаточно указать, что перед войной в ней было занято 275 тыс. рабочих, а во время войны оно доходило до 500 тыс. Особенно отмечается производство локомотивов в настоящее время (600 в год), пассажирских вагонов (10.000), и товарных вагонов (35.000). Электрические машины и приборы получили широкий доступ за границу. Мировую известность приобрели итальянские автомобили и велосипеды. Покровительственная таможенная политика ряда государств и ослабление покупательной способности стран-покупателей замедляют темп развития этого вида промышленности, но уже вывоз 1921 г. по этой отрасли поднялся выше довоенного уровня.

Обилие белого угля позволило Италии развить гидро-электрическое производство. Еще в 1893 г. мощность гидро-электрических установок исчислялась в 86 тыс. киловатт, к концу войны уже 1208 тыс., а ныне до 1500 тыс. Исчисляют, что по осуществлении гидро-электрической строительной программы Италия будет располагать ежегодно до 10 мил. киловатт—часов, что равносильно 15 мил. тонн угля. Для развития индустрии железнодорожного дела, для создания гидравлических бассейнов и ирригации открываются весьма широкие перспективы.

Значительное развитие получили каучуковые изделия, производство которых вызвало до 1920 г. усиливавшийся ввоз каучука и приводило к значительному вывозу за границу (особенно в Англию, Францию, Индию и страны латинской Америки); даже в тревожные 1920—1922 г.г. перевес вывоза над ввозом этих изделий составлял в среднем ежегодно 34 тыс. квинталов и на сумму до 85 мил. лир.

Депрессию шелковой промышленности приписывают уменьшению спроса в странах потребляющих, и росту производства шелковых материй в странах Ближнего Востока. Тем не менее производство шелковых изделий достигает уже довоенных размеров.

Хлопчатобуманная промышленность развивалась вплоть до войны весьма интенсивно и после временного упадка достигает довоенных размеров, когда в ней работало до 4 мил. веретен, главным образом на восточные рынки. Ввоз хлопчатобумажной пряжи происходил из Соединенных

Штатов Северной Америки и, в небольших количествах, из Индии и Египта.

Шерстяная промышленность по размерам своего производства не потерпела ущерба и даже увеличилось потребление шерсти и производство тканей. Но помехами для развития итальянской шерстяной промышленности являются уменьшение покупательной способности потребителя и колебание валюты.

Весьма сильно развилась химическая промышленность, где еще в 1911 г. было занято лишь 11 тыс. рабочих в 281 предприятии, а ныне 100 тыс. рабочих в 430 предприятиях. Послевоенный кризис здесь почти не отозвался. Так, производство главнейших неорганических продуктов достигло в 1915 г. 1031 тыс. тонн, а в 1919 г. 1373 тыс. тонн, при чем выросло почти вдвое производство медного купороса, но особенно суперфосфатов, производство которых достигло огромной цифры—729 тыс. тонн. Видную роль играют также производство фармацевтических продуктов, мыловаренных и друг.

Наконец, выделяется пищевая промышленность, приближающаяся уже к довоенной. Особенно известны здесь томаты, овощи в масле и уксусе, макароны и наконец, сахарное производство. Последнее превышает ныне довоенные размеры в 1½ раза.

Торговые обороты во внешней торговле Италии выразились так (в миллионах лир):

	Ввоз.	Вывоз.
1902 г.	1.723	1.444
1912 г.	3.604	2.396
1922 г.	13.813	8.283

Не касаясь сейчас причин такого невыгодного торгового баланса, важно установить объем торговых связей Италии с отдельными государствами.

Из последних выделяются: Англия (10,5% ввоза и 10,7% вывоза), Франция (5,8% ввоза и 11,5% вывоза), Соединенные Штаты Северной Америки (21,7% ввоза и 7,2% вывоза), Аргентина (10,2% ввоза и 3,7% вывоза), Германия (6,2% ввоза и 8,9% вывоза), Швейцария (1,5% ввоза и 9,9% вывоза). При усилении товарооборота с Соединен. Штатами вдвое по сравнению с довоенным временем бросается в глаза прекращение связей с Россией, в довоенное время (в 1911 г.) бравшей 1,6% вывоза и дававшей 6,4% ввоза.

Главнейшими предметами ввоза являются: 1) пищевые продукты (особенно пшеница) и 2) текстильные материалы (особенно хлопок), а также топливо (уголь и нефть). Главные предметы вывоза: 1) продукты текстильной и шелковой (отчасти) промышленности, 2) продукты пищевой промышленности, 3) некоторые продукты каучуковой и металлургической промышленности.

Италия зависит от Соединенных Штатов Северной Америки и от Аргентины по ввозу продуктов питания и промышленного сырья и от Англии по ввозу топлива, хлопка и, отчасти, железа и стали.

Хлебная продукция Италии отстает от роста ее населения и, несмотря на распашку всех холмов и склонов, Италия ввозит хлеб в непрерывно возрастающих размерах (в 1880 г.—150 мил. киллогр., а в 1890 г.—644 мил., в 1910 г.—1443 мил.). Италия нуждается в топливе и промышленном сырье.

В то же время ярко выраженная тенденция роста итальянской индустрии и доказанная на опыте талантливость в гидротехнических

и, вообще, в мелиоративных работах делают Италию страной интересной для нас в настоящем импорте, не говоря уже о понятном значении ее для нашего экспорта.

В то же время Италия—страна наибольшей в настоящее время эмиграции, что заставляет ее думать об устройстве части своих эмигрантов в России. Едва ли при нашем относительном перенаселении по некоторым районам и при видных размерах наших собственных миграций, мы сможем быть существенно полезными Италии, как район эмиграции. Это должно быть исследовано и изложено отдельно. Пока же важно признать, что для обмена товаров, знаний между Россией и Италией и для применения итальянской предприимчивости в наших условиях достаточно весьма существенных оснований.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Пути колонизационного строительства. Проф. А. А. Ярилов.	3
О постановке колонизационных и миграционных проблем в России. Профессор И. Л. Ямзин	9
Основные типы миграционно-колонизационных процессов, их происхождение и характер. Проф. Э. Д. Гримм	33
Колонизация и переселение. Проф. А. А. Ярилов	50
О нормах населенности. Проф. Л. И. Лубны-Герцук	56
Колонизация пустынь Соединен. Штатов С. Америки. Проф. Е. Е. Скорняков. Мелиорация и пути сообщения, как средство образования колонизационного фонда. Проф. Б. Х. Шлегель	77
Роль концессий в сельском хозяйстве и колонизации СССР. Проф. Н. П. Огановский	109
Привлечение иностранных капиталов в СССР. Проф. И. Х. Озеров	130
Роль кооперации в колонизационно-переселенческом деле. В. П. Воцинин	177
К плану колонизационно-переселенческих мероприятий Наркомзема на 1923—24 год. М. А. Большаков	188
Колонизация Дальнего Востока. Проф. П. А. Кобозев	195
Колонизация Севера России и железнодорожное строительство. Инж. В. Эвальд. Государственный Колонизационный Научно-Исследовательский Институт, его задачи, организация и деятельность. (Краткий отчетный очерк)	213
Тезисы по колонизации Поволжья	269
Тезисы по колонизации Юго-Востока	299
Тезисы по колонизации Севера Европейской России	340
Тезисы по колонизации Сибири	346
О хозяйственном предназначении свободных государственных земельных имуществ	350
Немецкая колониальная литература за 1918—1923 г. Проф. Д. Н. Егоров	356
Развитие производительных сил французских колоний. П. Д. Воейков	384
Канадский ежегодник за 1921 год. А. К. Болянус	386
Экономическое положение Аргентины к концу 1923 года в связи с внешней торговлей П. Д. Воейков	390
К вопросу о снабжении сырьем английской хлопчатобумажной промышлен- ности. Ею же	394
Хозяйственное развитие Италии. Проф. И. Л. Ямзин	403

БИБЛИОТЕКА
— ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО —
— УПРАВЛЕНИЯ —
при СНК-СССР

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

К статье проф. Е. Е. Скорнякова.

„Колонизация пустынь Соединенных Штатов С. Америки“.

	Напечатано:	Следует читать:
Стр. 87, сверху строка	25 — 2 штатам	штатам
„ 90, снизу „	5 — Тильнер	Мильнер
„ 94, сверху „	2 — 27.000,000	270.000.000
„ 94, „ „	4 — 70 хозяйств	70.000 хозяйств
„ 94, „ „	9 — получено на	получено продуктов на
„ 94, „ „	12 — 27 мил.	270 мя.
„ 95, „ „	11 — wyoming	wyoming
„ 101, „ „	15 — 145 ⁰ / ₀	14,5 ⁰ / ₀
„ 104. таб. 1. „	1 — 2.864.008	2.684.008
„ 104. „ 1. „	1 — 1.034,583	103.457
„ 105. сверху строка	4 — 13.829	113.829
„ 108. „ „	8 — Юго-Востока	Юга и Юго-Востока
„ 108, „ „	11 — 1,00 дес.	1,00 гект.

Кроме того: на стран. 82-й фигуру 4-ую следует перевернуть; на стран. 102-й фигуру 18-ую, как ошибочно попавшую, не читать.

Издатель-Редактор — Президиум Института:

Профессор А. А. Ярилов.

Профессор П. А. Кобозев.

Профессор И. Л. Ямзин.

Г. К. Клиnger.

К. В. Космачевский.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Улица Карла Маркса, Гороховский пер., д. 4,
(здание Межевого Института).

Государственный Колонизационный Институт.

Об условиях подписки на „Труды Госколонита“
справиться в канцелярии института
(Гороховский пер., 4, зд. Межевого Института).